МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

ТОМ 4 | Филологические науки. Часть 1

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности».

Минуло десять лет с тех пор, как в нашем университете прошла первая конференция, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Эпохальное событие – вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований. Благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодёжи в науку!

На Конференции будут представлены **1 950 научных докладов в четырнадцати профильных секциях**. Будут работать **семьдесят восемь подсекций** и **одиннадцать круглых столов.**

Труды конференции составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 980 страниц** и будут размещены в электронной форме в наукометрической базе РИНЦ.

Приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, и всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями,
руководитель Представительства Российской академии наук
на территории Донецкой Народной Республики,
ректор Донецкого государственного университета,
доктор физико-математических наук, профессор

Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

X Международная научная конференция,
посвященная 60-летию создания Донецкого научного центра

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2025:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

г. Донецк
5–7 ноября 2025 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2025

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко, Н. А. Ярошенко, В. И. Теркулов,
А. А. Кораблёв, И. М. Артамонова, М. Н. Панчехина,
Д. И. Борозенец, К. В. Першина, Н. Е. Каика,
А. С. Бурляй (отв. секр. секции).

Д672 **Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 452 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть четвертого тома материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики и регионалистики, лингвистики войны, общего, славянского и прикладного языкознания, истории русской литературы и теории словесности, журналистики и медиакоммуникаций.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)

© Коллектив авторов, 2025
© Донецкий государственный университет, 2025

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместители председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, почетный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва);

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Федянин А.А., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Варюхин В.Н., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, научный руководитель ФГБНУ «Физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Головчан А.В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, директор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры – филиала ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (г. Макеевка, ДНР).

Игнатенко Г.А., д-р мед. наук, профессор, академик РАН, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького (г. Донецк).

Исаков В.Б., д-р юрид. наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Керимов А.Д., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Липгарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Мацкявичюс Э.Г., директор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», директор института «Первая Академия медиа» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

Минаев А.И., д-р ист. наук, доцент, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Прутцков Г.В., д-р филол. наук, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Тулупов В.В., д-р филол. наук, профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Туранина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Хомутова Е.В., канд. биол. наук, директор ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Русский язык. Грамматика и словообразование

УДК 81'373.611

АТРИБУТИВНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ: МОДЕЛИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Агаркова М. Д., ORCID 0009-0002-1818-0540,
Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
terkulov@rambler.ru, agarkova03@mail.ru

Введение. По мнению большинства исследователей, аббревиатура — это «**существительное** (выделено нами — М.А.), состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание» [2, с. 121], а «процесс сложения усечённых основ или усечённых и полных основ, действующий только относительно словообразования **имён существительных** (выделено нами — М.А.)» [1, с. 17]. Однако наше исследование показало, что все признаки аббревиатур и квазиаббревиатур есть и у прилагательных, содержащих абброконструкт. Данная работа посвящена рассмотрению атрибутивных аббревиатур (далее — АА) и их моделей эквивалентности.

Цель работы — определить модели эквивалентности АА и их разновидности. Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи:**

- дать определение АА;
- дать определение понятия «гнездо эквивалентности»;
- описать особенности дешифровки АА;
- описать модели эквивалентности АА.

Актуальность работы определяется тем, что АА ранее не рассматривались как аббревиатуры: «Аббревиатуры — это *существительные* (выделено нами — М.А.), состоящие из усечённых отрезков слов, входящих в синонимичное им словосочетание» [3, с. 84]. Наше исследование призвано расширить научные представления о словообразовательной базе языка. Результаты исследования применяются в работе над создаваемым в ДонГУ Толково-словообразовательным словарём сложносокращённых слов русского языка.

Основная часть. АА с точки зрения диахронного анализа не относятся к аббревиатурам. Развертываемые на их базе словосочетания вторичны, они возникли в результате **псевдоунивербализации**. На **синхронном** срезе языка **АА —** прилагательные, включающие в свой состав абброконструкт и получившие в результате псевдоунивербализации дескриптивные эквиваленты (*велодорожный* > *велосипедный дорожный*).

Эквивалентность подразумевает возможность использовать в качестве абсолютного синонима аббревиатуры словосочетание, которое состоит из коррелятов её компонентов. Сокращение вступает в отношения не с одним словосочетанием-источником, а с совокупностью эквивалентных расчленённых единиц, образуя с ними **гнездо эквивалентности** (ГЭ) — «совокупность словосочетаний, связанных отношениями формально-семантической эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [4, с. 76].

Специфика атрибутивных отношений такова, что в функции определения выступают не только имена прилагательные, но и имена существительные. Именно частеречная принадлежность определения позволяет разделить словосочетания, эквивалентные АА, на атрибутивные и субстантивные. ГЭ АА в подавляющем большинстве случаев представляет адъективную трактовку, при которой компоненты эквивалентного словосочетания обычно выражаются прилагательными (*армвоенный > армейский военный; виброшлифовальный > вибрационно-шлифовальный, вибрационный шлифовальный*). Однако в ходе нашего исследования обнаружены не только атрибутивные эквиваленты, но субстантивные эквиваленты в посессивной функции (*авиабилетный — авиабилетная касса — касса для продажи авиационных билетов*).

Синхронному рассмотрению соответствуют аббревиатуры с актуальными синтаксическими эквивалентами. Нами выявлены следующие структурные типы эквивалентных трактовок:

- Словесная дискретная эквивалентность (согласованные неоднородные определения: *авиахимический — авиационный химический)*, согласованные однородные определения: *автомотоциклетный > автомобильный и мотоциклетный*) (пример аббревиатуры)
- Композитная эквивалентность (*агитпропагандистская > агитационно-пропагандистская)*;
- Частичная дискретная эквивалентность. Здесь дублет одного абброконструкта эквивалентен презентативу, а второй абброконострукт сохраняет абброконструктный статус: *авиахимическое оборудование — авиационное химоборудование — авиахимоборудование*, *авиаметеорологическая станция — авиационная метеорологическая станция — авиаметстанция*.
- Усечённый тип. В данном случае один из абброконструктов выпадает в процессе сворачивания сложносокращенного слова (*авиахимическая — авиахимическая часть — авиачасть — авиационная часть; агропромышленный — агропромышленный кластер — агрокластер — аграрный кластер*).

Именные аббревиатуры (*авиатехника*) формально завершены, адъективные же могут вступать в атрибутивные связи, влияя на дальнейшее словообразование: *авиатехнический — авиатехническая база — авиабаза; авиатехнический институт — авиаинститут* и т. п.

АА могут иметь не только атрибутивные эквиваленты, но и субстантивные эквиваленты в посессивной функции. Последние также связанны отношениями мотивационной эквивалентности с аббревиатурой, что находит подтверждение в текстах. Особенность такой дешифровки заключается в том, что для интерпретации АА должна находиться в синтаксической связи с определяемым существительным. Например, АА *автодорожный* в составе словосочетания можно интерпретировать как *автомобильной дороги*: *автодорожный тоннель > тоннель для автомобильной дороги* (*Тоннель* ***автодорожный*** *— подземное или подводное сооружение. <…>* ***Тоннель для автомобильной дороги*** *проходит через толщу земли, горный массив или под водой. Источник: http://dtdf.net/main/dlya-polzovatelej-dorog/osnovnyie-terminyi.html*). АА *автозаводской* можно дешифровать как *автозавода* и *автомобильного завода: автозаводской цех — цех автозавода — цех автомобильного завода* (*2 мая 1930 года под Нижним Новгородом был заложен первый камень в фундамент кузнечного* ***цеха автомобильного завода***. ***Автозаводской цех*** *был открыт по решению правления СССР... Источник: https://agat-gaz.ru/about-company/news/istoriya-stroitelstva-gorkovskogo-avtomobilnogo-zavoda/*). АА *автопромышленная*, вступая в синтаксические связи с существительным *отрасль*, может дешифроваться как *автомобильной промышленности: автопромышленная отрасль > отрасль автомобильной промышленности* (***Автопромышленная*** *отрасль США является важным источником инноваций. Ключевую роль в формировании* ***отрасли автомобильной промышленности*** *сыграли крупные предприятия. Источник: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43689*).

Заключение. Для АА обнаруживаются атрибутивные эквиваленты и субстантивные эквиваленты в посессивной функции. Выделяются 4 структурных типа эквивалентности АА: словесная дискретная, композитная, частичная дискретная эквивалентность, усечённый тип.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации 125052006173-0).*

Список литературы

1. Возбранная Т. В Сложносокращенные слова с иноязычным компонентом в современном русском языке: дис. канд. фил. наук: 10.02.01 / Т.В. Возбранная. — Хабаровск, 2008. — 229 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь: под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1984. — 688 с.
3. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.; Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — М. : Рус. яз., 1989. — 639 с
4. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та. Серия 9 : Филология. — 2017. — №6. — С. 73–97

УДК 81'373.611

ВАРИАТИВНОСТЬ В ОБЛАСТИ ИНИЦИАЛЬНОЙ АББРЕВИАЦИИ

Алтухова А. А., ORCID 0009-0002-5023-0368,
Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
terkulov@rambler.ru, anastasia.a.altukhova@gmail.com

Введение. Инициальная аббревиация — один из наиболее продуктивных и эксплуатируемых способов словообразования в современном языке. Процесс аббревиации порождает множественность вариантов производных форм, требующих лингвистического описания.

Цель работы — описать проявляющуюся на различных уровнях языковой системы вариативность в области инициальной аббревиации.

Основная часть. Инициальный тип аббревиатур, представляющих обособленный класс лексических единиц как в синхронии, так и диахронии, конституируется путем сложения начальных фонетических или графических элементов слов или компонентов слов, входящих в структуру исходного словосочетания. Важной особенностью аббревиатур данного типа является то, что их конструкты не обладают статусом морфемы, так как не служат регулярным средством создания новых лексем, а «каждый раз создаются в результате сокращения слов производящего словосочетания» [3, с. 61]. Процесс дешифровки и трактовки семантики инициальной аббревиатуры в большинстве случаев невозможен без обращения к её несокращённому эквиваленту, что свидетельствует о максимальной зависимости инициальных сокращений от производящего словосочетания по сравнению с другими классами аббревиатур, хотя с течением времени в результате лексикализации прямая связь с полной формой может ослабевать.

Инициальным аббревиатурам свойственна вариативность, которая бывает двух видов — словного и эквивалентного. Словная вариативность отражает процесс адаптации аббревиатуры в языковой системе и существует на нескольких уровнях (фонетическом, графическом, морфологическом и т. д.). Эквивалентная вариативность реализуется на уровне исходных словосочетаний. Её сущность заключается в способности одного денотата быть репрезентированным несколькими формально различными аббревиатурами, образованными от его альтернативных, эквивалентных наименований.

Классификация инициальных аббревиатур, осуществляющаяся по фонетической структуре и разделяющая их на акронимы (приносящиеся как цельное слово, слог) и алфавитизмы (читающиеся по названиям букв), зачастую носит условный характер, поскольку реальное произношение многих аббревиатур демонстрирует устойчивую вариативность. Например,

аббревиатура *ААП*, дешифрующаяся как *административный аппарат президента*, в синхронии имеет два варианта звучания: [а-а́п] и [а-а-пэ́]. Вариативность произношения отмечается для компонента *ГУ*, использующегося в аббревиатурах-наименований государственных университетов, например, *ДонГУ* — [дон-гу́] и [дон-гэ-у́], *МГУ* — [эм-гэ-у́]. Фонетическая вариативность наблюдается также и в историческом аспекте в случаях, когда один вариант вытесняется другим, становится более используемым и нормативным. Так, аббревиатура *РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия*, звучащая в современном варианте как [эр-ка-ка́], трактуется В. Виноградовым исключительно как алфавитизм — [эр-ка-ка-а́] [2, с. 47].

Графическая вариативность предполагает существование нескольких форматов написания одной и той же аббревиатурной единицы. Например, для словосочетания *светоизлучающий диод* отмечаются сокращения *СиД*, *СИД*, различающиеся использованием строчной или прописной буквы. Рассмотрение данного типа вариативности в диахроническом аспекте демонстрирует написание некоторых аббревиатур как графических точечных сокращений, которые впоследствии, как отмечает Д. И. Алексеев, были лексикализованы, например, *Р.С.Ф.С.Р. — РСФСР*, *Ц.К. — ЦК* [1, с. 201]. На начальном этапе функционирования аббревиатуры *вуз* (*высшее учебное заведение*) закреплялось написание прописными буквами *ВУЗ*, соответствующее формальному статусу инициального сокращения, но по мере её интеграции в лексическую систему языка и восприятия как полноценного слова утвердилась норма передачи сокращения строчными буквами. Графическая вариативность связана с формальной вариативностью, обусловленной ассиметричным отображением элементов производящего в процессе аббревиации. Так, сокращения *РАДО* и *РАО* имеют одну дешифровку — *региональная антидопинговая организация*; *коммунальное предприятие* обозначается аббревиатурами *КП* и *КМП*.

Морфологическая вариативность проявляется в способности функционирования одной инициальной аббревиатуры в нескольких грамматических формах. Зачастую данный тип вариативности наблюдается в определении родовой принадлежности инициального сокращения. Например, употребление аббревиатуры *ВАК* (*высшая аттестационная комиссия*) демонстрирует колебания при выборе рода: прескриптивная трактовка, мотивированная произношением данной аббревиатуры как полноценного слова, определяет её как единицу мужского рода, при этом сохраняется использование этого сокращения в женском роде, основанное на предписании определять род аббревиатур по главному слову эквивалентного словосочетания.

Эквивалентная вариативность является следствием существования нескольких эквивалентов инициальной аббревиатуры — словосочетаний или слов, обладающих полной функциональной тождественностью и

взаимозаменяемостью, обусловленной мотивационной связью в синхронии. Вследствие множественной эквивалентности инициальных сокращений выделяется два типа эквивалентов: прямой — изоморфный эквивалент, связанный с аббревиатурой непосредственными мотивационными отношениями, возникший в результате реального усечения исходного словосочетания/слова, и опосредованный — эквивалентное слово/словосочетание, сохраняющее тождественную семантику и содержащее эквивалентные компоненты. Например, прямыми эквивалентами аббревиатуры *АД* являются *автодорога*, *автомобильная дорога*, *автотранспортная дорога*, а опосредованным — *дорога для автомобилей*. В связи с этим наблюдается эквивалентная вариативность: так, аббревиатуре *АК* (*агрокомплекс*, *аграрный комплекс*) соответствует также словосочетание *агропромышленный комплекс*, для которого, в свою очередь, отмечается сокращение *АПК*.

Существуют также явления вариативности, находящиеся на стыке словной и эквивалентной. К их числу относятся, например, случаи взаимодействия морфологической (колебания в роде) и эквивалентной вариативности: аббревиатура *ИБД* в зависимости от эквивалента может трактоваться как слово женского рода (*интегрированная база данных*) и мужского (*интегрированный банк данных*). Данный случай однозначно интерпретируется как проявление вариативности, а не омонимии, на основании общности денотата при структурном сходстве аббревиатур и их дешифровок. О взаимосвязи эквивалентной и семантической вариативностей свидетельствуют явления функционирования аббревиатур, различающихся показателем числа: *ЦТК — центральная театральная касса*, *центральные театральные кассы*; *ООПП — особо охраняемый памятник природы*, *особо охраняемые памятники природы*.

Заключение. Вариативность в области инициальной аббревиации существует в двух основных формах — словной (фонетической, графической, морфологической) и эквивалентной, связанной с наличием нескольких эквивалентов для одной аббревиатуры.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации 125052006173-0).*

Список литературы

1. Алексеев, Д. И. Сокращённые слова в русском языке / Д. И. Алексеев. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. — 327 с.
2. Виноградов, В. В. Современный русский язык. Вып. 2. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. — 592 с.
3. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова [и др.]. — Москва : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. — 322 с. — ISBN 978-5-19-012150-6. — EDN SNEUDQ.

УДК 81'37 + 81'367.62

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ *ГАДАТЬ* В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КОГНИЦИИ (ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ В XI–XIX ВВ.)

Борозенец Д. И., ORCID 0009-0008-5480-5556
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
borozenets.dasha@mail.ru

Введение. Семантическое поле когниции является пребывающим в постоянном развитии объединением лексем. Оно включает множество более мелких лексических групп, объединённых семантикой получения, передачи, обработки, утраты знания и других операций с ним. Особое место в семантическом поле когниции занимают те лексические единицы, которые развивают когнитивное значение наряду с другим, не когнитивным, в связи с чем связывают указанное поле с другими семантическими полями русского языка [см., напр., Борозенец].

Целью данной **работы** является описание глагола *гадать* и его словообразовательного гнезда как элемента семантического поля когниции. Временными рамками исследования являются XI–XIX вв. как границы существования русского языка до его современного этапа.

Основная часть. Уже на древнейшем этапе развития русского языка у корня *-гад-* обнаруживается система взаимосвязанных и взаимообусловленных значений, которые можно объединить в две группы: а) значения, связанные с когницией непосредственно (например, *гадать* ‘строить предположения, догадки, помышлять о чем-либо’), и б) значения, связанные с когницией через метафору магии (например, *гадать* ‘предсказывать’).

Всего в словаре древнерусского языка зафиксировано 5 слов словообразовательного гнезда *гадать* в 8 лексико-семантических вариантах, из которых лишь у 2 есть значение предсказания будущего. Таким образом, можно предположить, что на этом этапе развития русского языка значение «чистой» когниции было развито у корня *-гад-* больше.

Словарь русского языка XI–XVIII вв. содержит иллюстративный материал в большем объёме, здесь представлены 20 слов в 30 лексико-семантических вариантах. Единиц, имеющих семантику когниции через магию, здесь уже больше — если на этапе древнерусского языка их было всего 2 (*гадати* ‘предсказывать’ и *гадание* ‘предсказание’, то здесь к ним добавляются слова *угадание* ‘предсказание (по звёздам)’, *угадатель* ‘предсказатель’, *угадывати* ‘предсказывать что-либо’). Кроме того,

в словаре XI–XVIII вв. у глагола *гадать* не представлено значение ‘замышлять что-либо’, однако присутствует имплицитная сема тайны, что находит отражение в дериватах *гадка* ‘загадка, иносказание’ и *гадание* ‘то, что содержит тайный, сокровенный смысл; иносказание, загадка’. Более широко представлены дериваты, развивающие взаимосвязанные значения ‘думать, полагать’ и ‘думать вместе, сообща, советоваться’. Некоторые дериваты от *гадати* сложно однозначно соотнести лишь с одним из представленных лексико-семантических вариантов.

В XVIII в. словообразовательное гнездо с вершиной *гадать* заметно расширяется. Оно включает 51 слово в 104 лексико-семантических вариантах. Здесь семантика магического познания вновь расширяется и представлена в 14 словах. Также вершинный глагол реализует значение угадывания, разгадывания и размышления. По сравнению с предыдущей эпохой пропадает семантика обсуждения домыслов, которая была тесно связана с семантикой размышления, но всё же противопоставлялась ей в связи с наличием собеседника и «сомыслителя».

В словаре В.И. Даля, отражающем лексический состав русского языка XIX в., представлено 27 лексем в 32 лексико-семантических вариантах. Единственным полисемантом здесь является сама вершина словообразовательного гнезда: она имеет те же основные значения, что и на более ранних этапах развития языка: слов, связанных с магическим познанием, здесь 9 — это преимущественно обозначения лиц, совершающих гадание. Семантика, не связанная с магическим познанием, вновь «перераспределяется».

Сравнивая семантику корня *-гад-* словообразовательного гнезда с вершиной *гадать* на разных этапах развития русского языка, видим, что в данном корне обнаруживаются семы разных уровней когниции: уровня приобретения, уровня существования и уровня реализации знаний[1]. При этом первые два уровня представлены исключительно специфическими семами — ‘приобретение знания **при помощи магии**’ и ‘**тайное** знание’. Семы уровня реализации знаний неоднородны, их можно дифференцировать по типу реализации (обработка, применение, передача, создание нового знания), наличию дифференциальных сем (‘замышлять что-либо’ и ‘придумывать что-либо’, где первое значение является более узким в сравнении со вторым).

[1] В нашей классификации это 2–4 этапы когнитивных процессов и состояний.

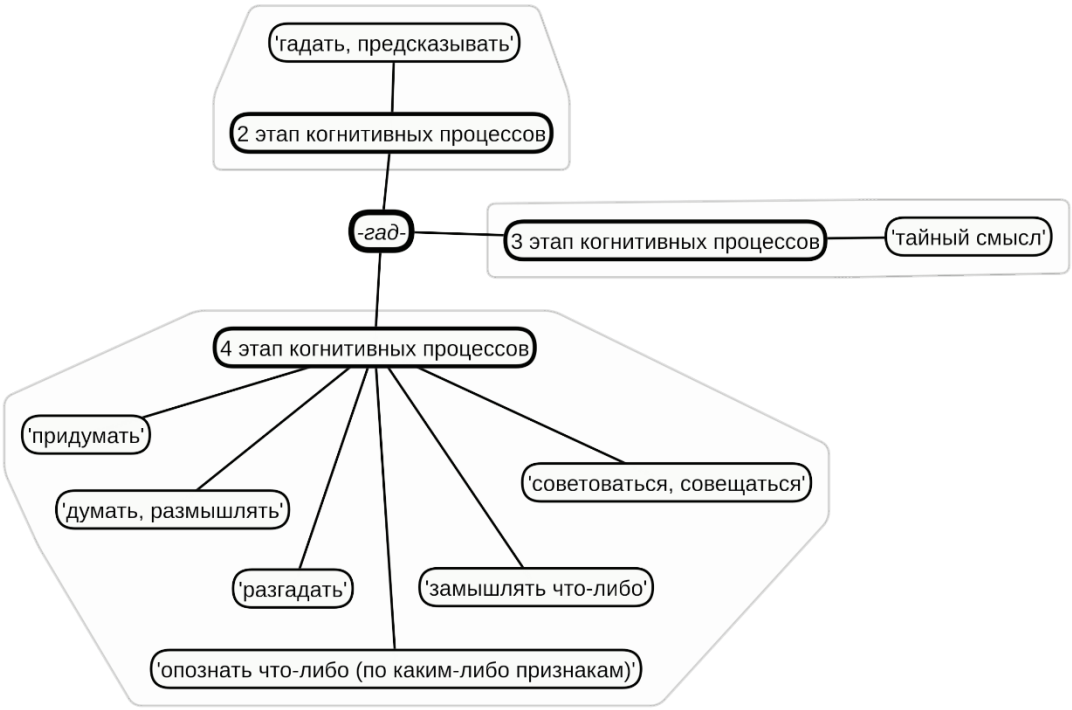

Рис. 1. Соотношение сем корня *-гад-* (глагола *гадать*) с этапами когнитивных процессов.

Выводы. Словообразовательное гнездо с вершиной *гадать* на разных этапах развития русского языка реализует разные семы, но все они характеризуются связью с семантикой когниции. Наиболее стабильным значением является значение познания (будущего) посредством магии, в то время как значения, связанные с реализацией знаний, хоть и присутствуют в данном корне всегда, в каждую эпоху представлены по-новому.

Следующий этап исследования будет связан с анализом современного состояния глагола *гадать* и его дериватов, а также словообразовательных гнёзд с синонимичными вершиными (например, *думать*, *мыслить* и т. д.).

Список литературы

1. Борозенец Д.И. Когнитивная метафора как словообразовательное средство (на примере семантического поля когниции) / Д.И. Борозенец // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] — М. : МАКС Пресс, 2025. — Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/section_38_36572.htm

УДК 81'373.611

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ СЛОВАРЯ АББРЕВИАТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ

Емельянова К. Ю., ORCID 0000-0002-3247-4724
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kemelanova966@gmail.com

Введение. Результатом работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) стало создание нескольких словарей сокращённых единиц: «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» [6], «Словаря аббревиатур государственного языка Российской Федерации» [3], «Словаря сокращений государственного языка Российской Федерации» [4]. В продолжение данной линейки словарей планируется создание Словаря аббревиатурных конструктов.

Цель данного исследования — описать принципы составления словарных статей для Словаря аббревиатурных конструктов.

Основная часть. В теории Лаборатории одним из базовых понятий является **абброконструкт**, под которым понимается «часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [5, с. 16], например *мед-* в лексемах *медакадемия*, *медаппаратура*, *медбрат* и др.; *тур-* в словах *турпоездка*, *турпутёвка*, *турфорум* и др.; *этно-* в *этноальбом*, *этногруппа*, *этнокультура* и др. В традиционных словарях не представлено полного описания абброконструктов. Так, например, сокращённый компонент *мед-* описывается следующим образом:

- «Толковый словарь Ожегова»
  «МЕД... Первая часть сложных слов со знач. медицинский, напр. медпункт, медработник, мединструмент, медпомощь, медосмотр» (https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14078).
- «Толковый словарь Ушакова»
  «мед (нов. офиц.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. медицинский, напр. медработник, медосмотр, медфак, медперсонал, медпомощь и др.» (https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=29176).
- «Словарь русского языка» (МАС)
  «МЕД… Первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову *м е д и ц и н с к и й*, например: **медкомиссия, медперсонал, медпомощь, медпункт, медработник**» (https://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp).
- «Словарь сокращений русского языка» Д. И. Алексеева
  «...мед... — медицинский *(например:* Главмедснабсбыт, мединститут, медпункт, медсестра, медучилище)» [1].

Работа над Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка показала, что абброконструкты могут обладать достаточно большим количеством эквивалентных расшифровок, определяемых нами как дешифровальные стимулы. Вследствие этого возникла идея создания Словаря аббревиатурных конструктов, который будет составлен на основе синхронного подхода к анализу сокращённых компонентов. Этот подход заключается в выделении на уровне дешифровок лемм и токенов. Разграничиваются «дешифровальные **токены**, т. е. конкретные речевые дешифровки аббревиатуры в конкретном значении и грамматической форме, и дешифровальные **леммы**, т. е. словарные объединения токенов с представлением их в форме именительного падежа единственного (для pluralia tantum — множественного) числа и с полным набором воплощаемых в аббревиатуре значений» [2, с. 67]. Например, для рассматриваемого абброконструкта *мед-* лемма *ме́дик*, *-а*, м. ‘врач, а также студент высшего медицинского учебного заведения’ представлена токенами *для медика* (*медобувь — обувь для медика*); *для медиков* (*медобувь — обувь для медиков*); *медика* (*медблог — блог медика*); *медиков* (*медассоциация — ассоциация медиков*). На основе леммно-токенного подхода к описанию абброконструктов формируется следующая структура словарной статьи:

а. Вокабула — основной определяющий абброконструкт в заголовке словарной статьи: ***Аббро-***.

б. Толкование значений абброконструкта: ***Аббро***-. Входящий в состав аббревиатуры.

в. Леммный (словарный) уровень, на котором даётся словарная форма дешифровального стимула: ***Аббро***-. Входящий в состав аббревиатуры ● ***Аббревиату́рный***.

г. Токенный (собственно дешифровальный) уровень, на котором дешифровальные стимулы даются во всех формах, в которых они реально представлены в текстовых эквивалентах. Дешифровальные стимулы на этом уровне располагаются по алфавиту: ***Аббро***-. Входящий в состав аббревиатуры ● ***Аббревиату́рный*** ■ *аббревиатурная* (*абброморфема — аббревиатурная морфема*).

Например, словарная статья для абброконструкта *мед-* имеет следующий вид (из-за большого количества дешифровальных стимулов дано описание только одного из них — *медицинский*):

Мед-. 1. ***Медици́нский***, ***-ая***, ***-ое***. 1) Осуществляющийся медиками или при помощи медиков, медицины, медицинских средств (*медаборт, медкома*). 2) Используемый в медицине, в медицинских учреждениях, в медицинских целях (*медбандаж, медбельё*). 3) Объединяющий или готовящий медиков (*медассоциация, медвуз*). 4) Осуществляющий свою деятельность в области медицины (*медлаборатория*, *медсестра*). 5) Посвящённый медицине, пропагандирующий медицину (*медблог, меджурнал*). 6) Содержащий сведения о состоянии здоровья (*меддокумент,*

медзаключение). 7) Контролирующий что-либо связанное с медициной (*медконтроль, медкомиссия*). 8) Обеспечивающий возможность медицинской деятельности, характеризующий её (*медлицензия, медпригодность*). 9) Подраздел медицины, смежная с ней отрасль (*медсоциология, медтерапия*) ■ *медицинский* (*медбинт — медицинский бинт*); *медицинская* (*медкарта — медицинская карта*); *медицинское* (*медлечение — медицинское лечение*); *медицинские* (*медвесы — медицинские весы*).

Заключение. Словарь абброконструктов, созданный по данным принципам, позволит зафиксировать все воспроизводимые средства предсказуемого замещения компонентов того или иного производящего словосочетания. База сокращённых дублетов даст возможность прослеживать появление новых сложносокращённых апеллятивов.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В. Словарь сокращений русского языка : Около 17700 сокращений/Под ред. Д. И. Алексеева. — 3-е изд., с прил. новых сокращений. — М.: Рус. яз., 1983. — 487 с.
2. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е.В. Петрухина [и др.]; отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 322, [1] с. — Электронное издание сетевого распространения. — EDN: SNEUDQ.
3. Словарь аббревиатур государственного языка Российской Федерации / под научной редакцией В.И. Теркулова и В.А. Рязановой; составители: М. Д. Агаркова [и др.]. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. — 778 с.
4. Словарь сокращений государственного языка Российской Федерации / А. И. Бровец, К. Ю. Емельянова, Е. В. Разумная, А. К. Сытник; под научной редакцией В. И. Теркулова и А. И. Бровца. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. — 105 с.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. — 2016. — №3. — С. 13–25. — EDN: DMPPWT.
6. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, В. А. Рязанова, К. Ю. Емельянова и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». — Донецк, 2025.

УДК 811.161.1

СУФФИКСАЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Замальдинов В. Е.[1], канд. филол. наук, ORCID 0000-0003-4513-3571,
Замальдинова В. В.[2]
[1]ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород, РФ
[2]МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4», г. Балахна, Нижегородская обл., РФ
zvlad-nn@yandex.ru, zamaldinova.viktoriya@yandex.ru

Введение. Одной из влиятельнейших сфер в стилистической системе современного русского языка являются средства массовой информации (далее — СМИ). По способу и каналам распространения информации они, как правило, делятся на печатные (газета, информационный лист, журнал и др.) и электронные (радиопрограммы, телевидение, интернет-издания, не имеющие печатной версии, и т. д.). Однако в данном исследовании мы остановимся только на электронных СМИ. Для них характерны такие свойства, как оперативность, мультимедийность, интерактивность, экономичность и др.

Большое внимание в электронных СМИ адресант уделяет заголовку. Заглавие публикации должно выражать содержание текста статьи, быть понятным, эмоционально воздействовать на адресата, привлекать его внимание. Для побуждения носителя языка к дальнейшему прочтению текста публикации адресант может использовать словообразовательные неологизмы (новообразования). Новые лексические единицы выражают авторскую оценку, участвуют в экономии речевых усилий номинатора, нарушают привычную для адресата организацию изложения.

Цель работы состоит в выявлении и описании суффиксальных новообразований в заголовках электронных СМИ.

Работы последних лет [1; 2; 3; 4] показывают глубокий интерес отечественных ученых к исследованию новых номинаций в медиакоммуникации. Несмотря на достаточное количество трудов, посвященных языковым инновациям, ряд вопросов остается до конца не решенным.

Основная часть. Новые лексические единицы создаются с помощью узуальных (префиксация, постфиксация, словосложение, сращение и др.) и неузуальных (контаминация, субституция, графиксация и т. д.) способов словообразования. В данной работе мы сосредоточимся только на таком узуальном способе, как суффиксация. При суффиксальном способе аффикс присоединяется к основе производящего слова и может быть как материально выраженным, так и нулевым.

Представлены в заголовках электронных СМИ языковые инновации с суффиксом *-щин(а)* с неодобрительной оценкой. Проиллюстрируем сказанное: *Казахстан:* ***«назарбаевщина»*** *впилась корнями в государственные органы* (заголовок) («Мировое сообщество». 03.07.22); ***Зюгановщина*** *«вымораживает» комсомольский актив в Москве* (заголовок) («Radreal.moscow». 19.01.24); *После* ***Трамповщина*** (заголовок). *Трампу все-таки дали победить! Я буду считать, что все-таки дали* («Дзен». 06.11.24); *Финальный аккорд* ***байденовщины*** *на Ближнем Востоке* (заголовок) («Конт». 26.11.24); ***Ельцинщина****. Двадцать месяцев вражды* (заголовок) («LiveJournal». 26.09.25); *«Полиция» ассоциируется с* ***полицейщиной****, а «милиция» вызывает доверие* (заголовок) («Afonin.su». 29.05.24). Языковые инновации с суффиксом *-щин(а)* могут быть мотивированы как именами собственными *(Н. Назарбаев, Г. Зюганов, Д. Трамп, Дж. Байден, Б. Ельцин)*, так и именами нарицательными *(полиция)*. Подобные медийные новообразования имеют негативную оценочность, передают субъективное отношение адресанта к значимым для истории России явлениям.

Обнаруживают продуктивность заимствованные суффиксы *-изм*, *-(из)аци(я)*, обозначающие абстрактные понятия, общественно-политические направления. Некоторые иллюстрации из электронных СМИ: ***Байденизм*** *на Украине получает новый импульс живодеров* (заголовок) («Антифашист». 26.04.23); ***Трампизм*** *— это показатель кризиса политических систем и элит* (заголовок) («Смотрим». 24.11.23); *Конец* ***макронизма****? Франция на пороге тяжелого кризиса* (заголовок) («Украина.ру». 06.09.24); ***Орбанизация*** *мира как следствие безнаказанности* (заголовок). *Выразительной тенденцией ушедшего года стала* ***орбанизация*** *мира, когда в ЕС и США политики начали прибегать к откровенному шантажу для достижения своих корыстных целей* («Онфлот». 22.01.24); ***«Скуфизация»*** *у женатых мужчин происходит гораздо быстрее, чем у холостых* (заголовок). *Ученые из Польши выяснили, что мужчины, состоящие в браке, в три раза чаще страдают от ожирения, чем их неженатые ровесники* («Metro Москва». 14.03.25). Словообразовательные инновации с суффиксами *-изм*, *-(из)аци(я)* встречаются чаще всего в публикациях на социально-политические темы, обладают негативной оценочностью, которая поддерживается словесным окружением *(живодеры, кризис, безнаказанность, шантаж, корыстный, страдают* и др.*)*.

Актуальна для современных электронных СМИ семантика лица. Ее выражают, суффиксы *-ист*, *-ец*. Приведем примеры из нашей картотеки: ***Сердюковец*** *Бондарь отправился в тюрьму, его подельник Хурсевич — к Сергею Чемезову* (заголовок) («Компромат». 19.12.18); *Выборы во Франции: левые и* ***макронисты*** *сняли кандидатов в пользу друг друга, чтобы помешать ультраправым* (заголовок) («NUR.KZ». 03.07.24); *«****Трамписты*** *уничтожат Демпартию». Дугин рассказал, что такое «трампизм»*

(заголовок) («Радио Sputnik». 06.01.25); *Верные **байденцы**. К руководству в США рвутся оголтелые* (заголовок). *Назначения де-факто избранного президента США продолжают вызывать скандалы* («ЦентрАзия». 26.11.20); ***«Володинцы»** показали зубы **«кириенковцам»** в Воронежской области* (заголовок). *Противостояние спикера Госдумы Вячеслава Володина и куратора внутриполитического блока Администрации президента Сергея Кириенко по-новому раскрылось в Воронеже* («Блокнот Воронеж». 31.05.21); *СМИ: В Украине ликвидированы «элитные **кадыровцы**»* (заголовок). *Секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины Алексей Данилов рассказал о ликвидации «элитных **кадыровцев**», которые «планировали убить» президента Украины Владимира Зеленского, передает УНИАН* («NUR.KZ». 02.03.22); *В Стамбуле протестующие скандируют лозунг «Кто не прыгает, тот **Эрдоганец**!»* (заголовок) («Акулы нейронных сетей». 19.03.25). Новые лексические единицы с суффиксами *-ист*, *-ец* приобретают негативную оценочность, которая обусловлена отношением адресанта к обозначаемому имени и контекстом.

Заключение. В целом результаты анализа свидетельствуют о том, что адресант активно использует суффиксальные номинации в заголовках электронных СМИ. Характер экспрессии в языковых инновациях достаточно часто связан с семантико-стилистической характеристикой аффикса *(-щин(а))*, отношением автора текста к тому лицу, которое названо мотивирующей лексемой *(Д. Трамп, Дж. Байден* и др.*)*, особенностями контекстуального окружения.

Список литературы

1. Замальдинов, В. Е. Новообразования-гибриды в текстах современной медиакоммуникации / В. Е. Замальдинов // Медиалингвистика. — 2022. — Т. 9, № 3. — С. 210-219. — DOI 10.21638/spbu22.2022.303. — EDN AIVBDJ.
2. Замальдинов, В. Е. Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве / В. Е. Замальдинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — № 4. — С. 23-25. — EDN XGVGUN.
3. Иванова, М. В. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации / М. В. Иванова, Н. И. Клушина // Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации : коллективная монография. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2025. — С. 75-84. — EDN UPHNLA.
4. Николина, Н. А. Междусловное наложение в современной русской речи / Н. А. Николина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 327-333. — DOI 10.31912/pvrli-2025.1.29. — EDN CWXUVX.

УДК 81’373.611

ОПЫТ ПРЕСКРИПТИВНОГО ОПИСАНИЯ ИНИЦИАЛЬНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ В «СЛОВАРЕ АББРЕВИАТУР ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Рязанова В. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7517-8589
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ryazanova.v.a@mail.ru

Аббревиация представляет собой **один из наиболее продуктивных способов словообразования** в современном русском языке, особенно в сферах профессиональной коммуникации, СМИ и официально-делового стиля. При этом исследователи отмечают, что аббревиатуры инициального типа лидируют во многих функциональных сферах языка: «Анализ соотношения инициальных, слоговых и смешанных аббревиатур показывает, что первые из них явно преобладают над двумя другими (53 %). <…> В свою очередь, внутри первой группы аббревиатур превалирует буквенный их подтип; звуковые же инициальные сокращения образуются в современном языке в меньшем количестве: в используемых примерах их около 26 %» [3, с. 27].

Инициальные апеллятивы стали предметом описания «Словаря аббревиатур государственного языка Российской Федерации» (далее — «Словарь»), работа над которым ведётся на кафедре русского языка Донецкого государственного университета. Перед составителями «Словаря» возникла задача по устранению разрыва между существующими нормами произношения и использования инициальных аббревиатур и реально сложившейся речевой практикой.

Классические нормы, описанные Д.И. Алексеевым в [1], не усваиваются носителями языка в достаточной мере из-за их низкой распространённости в учебниках и грамматиках. Это приводит к массовым отступлениям от нормы: использованию разговорных названий букв вместо официальных, смешению буквенного и звукового способов произношения аббревиатур с идентичными формальными параметрами, возникновению склоняемых форм у несклоняемых аббревиатур и, наоборот, отказ от использования косвенных форм аббревиатур с допустимой склоняемостью. Всё это приводит к формированию вариативности аббревиатур, которые априори представляют собой неоднородный пласт языковых единиц.

При прескриптивном описании аббревиатур в «Словаре» были использованы принципы, разработанные составителями с учётом как описанных Д. И. Алексеевым норм, так и реальной языковой практики:

1. Буквенный способ характерен для аббревиатур, состоящих из согласных или с одной гласной в пре- или постпозиции: *ПМЖ* [пэ-эм-жэ́], *МДА* [эм-дэ-а́], но *СМИ* [сми], *СНО* [сно] (слоговое чтение).

2. Звуковой способ произношения применяется для трёхбуквенных аббревиатур с двумя гласными: *НИИ* [ни-и́], *АИТ* [а-и́т].

Звуковой способ применяется, если аббревиатура образует допустимые в узуальных словах русского языка слоги. В этом случае применяется принцип аналогии сочетаемости согласных: если в узуальных словах русского языка обнаруживаются слоги с идентичными сочетаниями согласных в инициалях и финалях, такая аббревиатура читается по звукам и образует один или несколько слогов: *НИИ* [ни-и́], *ОВИР* [о-ви́р].

3. Смешанный способ произношения допускается для многокомпонентных аббревиатур. В этом случае часть аббревиатуры, которую невозможно произнести как составной элемент одного слога, произносится побуквеннно, а другая часть, формирующая слог, — по звукам: *РУВД* [ру-вэ-дэ́], *МКИК* [эм-ки́к].

4. Для букв К, Х, Ш, Ф в интерпозиции допускаются разговорные названия (кэ, хэ, шэ, фэ) в широко распространённых аббревиатурах, для которых такое произношение прочно закрепилось (*ЖКХ* [жэ-кэ-ха́], *ФСБ* [фэ-эс-бэ́]); в пре- и постпозиции используются только официальные наименования букв (ка, ха, ша, эф): (*ХПТ* [ха-пэ-тэ́], *МРХ* [эм-эр-ха́]).

5. В инициальных аббревиатурах ударение обычно падает на последний слог: *ЦФУ* [це-эф-у́]. Ударение переносится на предпоследний слог, если аббревиатура оканчивается на сочетание «гласный + лабиализованный гласный» (*МАУ* [ма́-у]). В **заимствованных** аббревиатурах сохраняется ударение языка-источника: *мазер* ([ма́-зер]).

6. Род инициальных аббревиатур определяется по двум основным принципам: семантическому и формальному. Согласно семантическому принципу, род аббревиатуры определяется по роду главного, стержневого слова в ее полной расшифровке (*ДЭМ — дивизион энергетических машин* — м.р; *МАНО — международная ассоциация научных организаций* — ж.р.).

Если звуковая аббревиатура, оканчивающаяся на согласный, прочно вошла в язык как самостоятельное слово и её связь с расшифровкой ослабела, род может определяться не по стержневому слову, а по фонетическому облику: *КАД* (*кольцевая автодорога*) — ж.р., но часто используется как аббревиатура м.р.

7. Склоняемость аббревиатур зависит от их фонетического облика, родовой характеристики и степени лексикализации. Аббревиатуры, которые ранее склонялись факультативно с определёнными прагматическими целями [2], в настоящее время освоены носителями языка в косвенных формах и используются в нейтральном значении без стилистических ограничений.

8. Не склоняются:

- буквенные аббревиатуры, произношение которых оканчивается гласных звуком или призвуком согласной буквы, независимо от рода и окончания: *работать в СВК* [эс-вэ-ка], *сотрудник ФСБ* [эф-эс-бэ];

- звуковые аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный: *заявление в ГАИ*, *система в САУ*;

- звуковые аббревиатуры женского и среднего рода, оканчивающиеся на согласный: *мощность ТЭЦ*, *работа АЭС*.

9. Склоняются:

- звуковые аббревиатуры мужского рода, оканчивающиеся на согласный: *завод ОКАП — работать на ОКАПе*, *система ДУАС — настройка ДУАСа*;

- лексикализованные аббревиатуры, которые прочно вошли в язык как нарицательные слова мужского рода, даже если стержневое слово другого рода: *получить справку в ЗАГСе* (хотя стержневое слово *запись* ж.р.); *период НЭПа* (хотя стержневое слово *политика* ж.р.);

- звуковые аббревиатуры мужского рода в случаях, когда они заканчиваются на согласный звук (т. е. в случаях, когда призвук согласной буквы, в соответствии с официальным алфавитным наименованием, находится в препозиции): *БТР* [бэ-тэ-э́р] — *укомплектовка БТРа*.

Представленные принципы описания разрабатывались с ориентацией на пользователей «Словаря» и на носителей русского языка в целом. Чёткое определение критериев произношения аббревиатур и возможностей их склонения в косвенных формах может привести к снижению количества ошибочных вариантов и постепенной выработке единообразия в произношении и склонении данной категории словообразовательных единиц.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Алексеев Д.И. Произношение сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур // Вопросы культуры речи. Вып. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 22–37.
2. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. — Изд-во Сарат. ун-та, 1979. — 328 с.
3. Антонов В.П. Тематические сферы функционирования инициальных, слоговых и смешанных аббревиатур в современном русском языке / В. П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. — 2013. — № 4. — С. 27-33. — EDN RNHWSR.

УДК 81'373.611

ИНИЦИАЛЬНЫЕ ОНИМЫ КАК ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ АББРЕВИАТУР

Смирнова И. Р., ORCID 0000-0002-5021-9372
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
smirinaa15@gmail.com

Введение. Объектом исследования являются инициальные онимы — аббревиатуры, содержащие инициальные конструкты, используемые для обозначения единичных объектов. **Целью** исследования является определение и описание инициальных онимов в качестве формально-ономасиологического типа аббревиатур русского языка.

Основная часть. В концепции аббревиации Донецкой дериватологической школы выделяется три формально-ономасиологических типа аббревиатур на основании реализации ими «тождественных ономасиологических оснований словопроизводства» [1, с. 101]: инициальные аббревиатуры, сложносокращенные апеллятивы и сложносокращенные онимы. Данные единицы возникают в соответствии с тремя основными способами образования аббревиатур в русском языке.

1. Инициальная аббревиация представляет собой сложение начальных букв или звуков производящего наименования (например: *государственная итоговая аттестация* > *ГИА*). Данная словообразовательная модель осуществляется при помощи усечения компонентов словосочетания, т. е. посредством формирования на их базе сокращенных конструктов инициального типа. Образование инициальных аббревиатур стремится к абсолютному сохранению структуры (количества и порядка компонентов) производящего наименования.

2. «Стихийная» универбализация — «автоматически» осуществляемая носителями языка синтаксическая компрессия словосочетаний, в основе которой лежит стремление к преодолению асимметричного дуализма дескриптивного наименования. Данная словообразовательная модель реализуется не усечением слов развёрнутого наименования до их начальных элементов, а замещением к.-л. компонента (-ов) развернутого наименования сокращенным формальным дублетом (например: *коммунистическая партия* > *компартия, коммунистическое движение* > *комдвижение; пограничный отряд* > *погранотряд, пограничный контроль* > *погранконтроль* и т. д.), в качестве которого выступает неинициальный (слоговой) аббревиатурный конструкт, например *ком-, погран-* и т. д.

3. Третий способ образования аббревиатур условно обозначается термином «конструирование» (см. [1], [2]). Конструирование предполагает

опосредованное «творческой фантазией номинатора» [1, с. 105] формирование аббревиатуры на базе официального «полного» наименования, при котором может происходить трансформация словообразовательной модели: при неизменности механизма образования сокращения — усечения или замещения — может происходить нестереотипное его использование. Конструированию подвергаются, в частности, сложносокращенные онимы, выделяемые В. И. Теркуловым и Т. А. Штельман в особый формально-ономасиологический тип лексем. Образование неинициальных онимов, так же, как и неинициальных апеллятивов, осуществляется посредством замещения к.-л. компонента словосочетания стереотипным слоговым конструктом, однако некоторые компоненты «полного» наименования в процессе конструирования могут не только опускаться, но и заменяться конструктом, не связанным с ними формально (*Государственный комитет по надзору* ***за безопасным ведением работ в промышленности*** *и горному надзору при Совете Министров > Госгор****тех****надзор*); а также в структуру сложносокращенного онима могут быть привнесены признаковые компоненты, не отраженные в ономасиологической структуре исходного наименования, содержащие, как правило, указание на статус учреждения: *Азербайджанское фотокиноуправление при Наркомпросе Азербайджанской ССР > Азг****ос****кино*.

В ходе исследования было установлено, что конструирование свойственно образованию не только собственных наименований неинициального типа, но онимов в целом. Так, в результате формально-эквивалентностного и ономасиологического анализа выборки, в которую вошли аббревиатуры онимного типа и их эквиваленты, были обнаружены лексические единицы, образованные в соответствии с принципом инициальной аббревиации, т. е. посредством усечения слов производящего наименования, содержащие в своей структуре формально слоговые конструкты, например *ТРАМ* (*Театр рабочей молодежи*), *ГИТИС* (*Государственный институт театрального искусства*), *ИМЛИ* (*Институт мировой литературы имени*), *МАРХИ* (*Московский архитектурный институт*) и проч. Такие единицы обыкновенно трактуются учеными (Д.И. Алексеевым, В.В. Лопатиным, Н. Ю. Шведовой и др.) как аббревиатуры инициально-слогового (смешанного) типа. Однако, на наш взгляд, инициально-слоговые аббревиатуры являются исключительно структурной разновидностью сокращений, в основе выделения которой лежит констатация различия формальных характеристик ее компонентов. Такие аббревиатуры не представляют собой отдельного формально-ономасиологического типа единиц, которые образовывались бы, к примеру, при помощи усечения одной части компонентов словосочетания и замещения другой, т. к. , в частности, у данных словообразовательных механизмов не существует общих закономерностей: замещение свойственно «автоматической»

синтаксической компрессии слова «вследствие обычно неосознанного стремления носителя языка» к преодолению расчлененности синлекса; усечение же является механизмом осуществления «осознанной ситуативной замены слова, входящего в коллокативное словосочетание», его инициальным элементом» [1, с. 104].

Отнести данные единицы к сложносокращенным словам также не позволяет ряд нехарактерных для последних факторов. Во-первых, несмотря на наличие в их структуре слоговых сокращенных компонентов, внутренняя форма таких аббревиатур является непрозрачной: их двух- (*-РА-, -ИС, -ЛИ*), трехфонемные (*-АРХ-*) компоненты могут быть «опознаны» как слоговые только при формальном сопоставлении с эквивалентом. Во-вторых, образование сложносокращенных слов осуществляется по модели, в соответствии с которой формируется препозиция аббревиатурного конструкта: например, *обработка фотографий > фотообработка*. Именно препозиция слогового конструкта, на наш взгляд, позволяет «вычленить» слоговой конструкт в структуре аббревиатуры, и, как следствие, осуществить его дешифровку, т. е. «развернуть» его при помощи того или иного слова. Так, хотя бы частично «прояснить» внутреннюю форму таких аббревиатур как *главк* (*главный комитет*), *агитАБ* (*агитационная авиабомба*) представляется более возможным, чем лексемы *МАРХИ* (*Московский архитектурный институт*). Характерно также, что аббревиатуры, обнаруживающие слоговые непрепозитивные конструкты, являются, как правило, эргонимами.

Заключение. Единицы, образованные по модели инициальной аббревиации, то есть посредством усечения компонентов развернутого собственного наименования, содержащие инициальные, а также непрепозитивные слоговые конструкты, на наш взгляд, представляют собой особую формально-ономасиологическую разновидность аббревиатур — инициальные онимы. Для модели образования сокращений данного типа необязательно, но характерно усложнение структуры какого-либо сокращенного конструкта, который формируется в результате усечения слова не до начального элемента, а до нескольких препозитивных фонем.

Список литературы

1. Теркулов В. И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. № 1. — С. 97–112. — DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112. — EDN CAKFZG.
2. Штельман Т. А. Сложносокращённые онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур / Т. А. Штельман // Новые горизонты русистики. — 2022. — № 18. — С. 58–63. — EDN AYYPKU.

УДК 81'373.611

ТИПОЛОГИЯ РЕЛЯЦИОННЫХ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Станкус Е. Н., ORCID: 0000-0002-0271-9698
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
e.n.stankus@mail.ru

Одним из объектов изучения Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета является система дешифровальных стимулов — стереотипных моделей развёртывания абброконструкта (сокращённого компонента) сложного слова, реализующая множественную эквивалентность сложносокращённых апеллятивов.

Презентативный дешифровальный стимул представляет собой адъективную модель с регулярным формированием эквивалентных словосочетаний, которая реализует обобщённое значение аббревиатуры в любой ситуации номинации: *запчасти — запасные части*, *нацпроект — национальный проект*, *мультцентр — мультипликационный центр*. **Модификационные дешифровальные стимулы** отличаются от презентативных тем, что разворачивают абброконструкт в сложный адъектив с дополнительным денотатом, тем самым усложняя семантическую структуру аббревиатуры. В состав эквивалента включается «дополнительный ономасиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращённого слова»: *этногруппа — этнорелигиозная группа*, *молокозавод — молокоперерабатывающий завод* [1, с. 100]. **Реляционный дешифровальный стимул** — модель, в которой эквивалентные словосочетания функционируют в падежной и предложно-падежной формах, актуализирующих актантную и актантно-числовую семантику: *облбюджет — бюджет области*, *мультфестиваль — фестиваль мультфильмов*, *мультжанр — жанр мультфильма*. Реализация этих модификаций представляет для исследования особый интерес, поскольку отражает особенности разносторонней интерпретации носителем языка как объекта номинации, так и сложносокращённого слова.

Текстовые эквиваленты, образованные по этим моделям, формируют гнездо эквивалентности — совокупность словосочетаний, вступающих в эквивалентностные отношения с аббревиатурой и употребляющихся с ней в общих текстах. Например, словосочетания *полоса для велосипедистов*, *полоса для велосипедов*, *велосипедная полоса*, *полоса для велосипеда*, *полоса для велосипедиста*, *полоса велосипедов*, *полоса велосипедистов*, *полоса велосипеда* входят в одно гнездо эквивалентности *велополоса*.

Целью работы является описание типологии реляционных дешифровок в эквивалентных текстах, в которых словосочетания и аббревиатура, связанные мотивационными связями, выступают в одном тексте в качестве синонимов.

При определении типологии следует учитывать не только формально-структурную характеристику реляционных эквивалентов, но и семантические отношения, которые они реализуют. По этой причине мы разделяем релятивы, в которых отражается актантная и актантно-числовая семантика презентатива — **реляционный презентатив** (*обладминистрация — администрация области*) и модификатива — **реляционный модификатив** (*рыбзавод — завод по переработке рыбы — завод по рыбопереработке*). С точки зрения формально-структурного подхода среди всех реляционных дешифровок можно выделить простые, сложные и составные.

В рамках реляционного презентатива выделяются **простые релятивы —** эквивалентные словосочетания, в которых абброконструкт дешифрован в простое существительное с предлогом или без во всех числовых и падежных формах. Например: *механосборка — сборка механизма*, *медзаключение — заключение медиков*, *бензотехника — техника на бензине*, *бензобак — бак с бензином*. Следующие типы реляционных дешифровок представлены в реляционном модификативе.

Сложные релятивы представлены эквивалентными словосочетаниями, в которых абброконструкт дешифруется в сложносокращённую единицу с предлогом или без во всех числовых и падежных формах. Например: *дифсистема — система дифуравнений*, *бензопистолет — пистолет бензоколонки*, *бензопомпа — помпа с бензодвигателем*, *медобувь –обувь для медработника*. Следует отметить, что среди сложных релятивов в составе зависимого слова уточняющий компонент может создавать избыточность семантики в эквивалентном словосочетании. Например, у аббревиатуры *автоаренда* таким словосочетанием является *аренда автотранспорта*: «*Бытует мнение, что автоаренда — это всегда долго, негибко и дорого*. *— Долгое время аренда автотранспорта была связана с подобными рисками*» (https://sever96.ru/severouralsk/kak-ne-progadat-s-arendoj-avtomobilya-dlya-lyubogo-vida-puteshestviya.html).

Особенность **составных релятивов** заключается в том, что они реализуются в эквивалентных конструкциях, представленных многокомпонентными словосочетаниями. Они возникают по нескольким причинам: а) наличие синлексов — раздельнооформленных единиц, характеризующихся функциональной и семантической цельностью и являющихся эквивалентами одного слова, например, в составе эквивалентного словосочетания *оборудование для авиационной техники* (*авиаоборудование*) обнаруживается синлекс *авиационной техники*, который

становится источником для образования универбата *авиатехника*, входящего в состав сложных релятивов *оборудование для авиатехники* и *оборудование авиатехники*; б) наличие дополнительных ономасиологических признаков, которые характеризуют и уточняют актантную роль, например, в эквивалентных словосочетаниях *инспектор службы авиационной безопасности* и *инспектор по досмотру службы авиационной безопасности* (*авиаинспектор*) в качестве дополнительных ономасиологических признаков выступают существительные *службы* и по *досмотру службы*, сужающие значение главного слова.

Выделяются трёхкомпонентные составные релятивы: *авиаменеджер — менеджер по авиационным перевозкам*; четырёхкомпонетные: *евродипломаты — дипломаты стран Европейского Союза*, пятикомпонентные: *авиаинспектор — инспектор по досмотру службы авиационной безопасности*.

Составные релятивы более информативны, чем простые и сложные, поскольку в них актант вступает в дополнительные семантические отношения. Наиболее распространёнными являются атрибутивные: *метзавод — завод цветной металлургии*; процессуально-объектные: *авиаменеджер — менеджер по бронированию и продаже авиабилетов*.

Следует отметить, что в рамках одного гнезда эквивалентности могут встречаться как все виды релятивов, так и его разновидности. Например, в гнезде эквивалентности *авиабезопасность* со значением ‘система мер обеспечения безопасности воздушных сообщений’ функционируют эквиваленты *авиационная безопасность*, *безопасность авиаперевозок*, *безопасность авиации*, среди которых встречаются как простые, так и сложные релятивы.

Типология реляционных дешифровальных стимулов определяется в зависимости от формально-структурного и ономасиологических подходов. Она состоит из простых, сложных и составных дешифровок. Особый интерес для дальнейших исследований представляют составные релятивы, поскольку в них реализуется несколько ономасиологических признаков, уточняющих семантику сложносокращённого апеллятива.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. — № 6. — С. 98–107.

УДК 81.374

ГНЕЗДО ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Сытник А. К., ORCID 0009-0006-4334-7428,
Теркулов В. И., д-р филол. н., проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
annsstnk@yandex.ru, v.terkulov@donnu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью создания методик гнездового описания аббревиатур в Толковом словаре сложносокращенных слов, создаваемом Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонГУ.

Целью работы является определение гнезда эквивалентности как семантического поля.

Зачастую сложносокращенное слово воспринимается как однозначное образование, сопоставимое с конкретным словосочетанием: *киноархив — кинематографический архив*, однако на практике одна и та же аббревиатура оказывается заменяемой в разных текстах разными эквивалентными дешифровками: *Госфильмофонд как главный* ***киноархив*** *страны хранит кинонаследие*, *включая фильмы*, *снятые на базе студии* «*Ленфильм*» *— В своем выступлении Дмитрий Алимов подчеркнул значимость Госфильмофонда как главного и крупнейшего* ***архива кинофильмов*** *в Российской Федерации…* [https://t.me/gosfilmofond]; *Со своими монтажерами он перегнал на трехчасовые видеокассеты весь* ***киноархив*** *— Сегодня в* ***архиве киностудии*** «*БАМ*» *около шестисот банок с пленками*, *на которых отснято около* 450 *фильмов о БАМе* [https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?accessible=true&id=34208]; *Warner Bros. распродает свой* ***киноархив*** *— Компания Warner Bros. продает фильмы из* ***архива кинокомпании***, *которые никогда не издавались на DVD* [https://tengrinews.kz/tag/warner-bros/page/3/].

Этим подтверждается существование регулярной множественной актуальной дешифровки сложносокращённых слов в тексте. Благодаря синхронному анализу эквивалентных текстов были обнаружены все существующие частотные эквиваленты аббревиатуры *киноархив*: *архив кино*, *архив кинофильмов*, *архив киностудии*, *архив кинокомпании*, *кинематографический архив*, *архив кинематографа*. Такая дублетная множественность позволяет говорить о существовании на синхронном срезе языка не аббревиатурных словообразовательных пар, а целых **гнёзд эквивалентности** (ГЭ) — совокупностей всех словосочетаний, связанных отношениями мотивационной эквивалентности с аббревиатурами и употребляемых с ними в эквивалентных текстах. Вследствие этого представляется возможным рассмотреть обнаруженные эквиваленты как

систему, в которой компоненты связаны различными типами отношений, то есть определить гнездо эквивалентности как семантическое поле.

Формирование **эквивалентностных отношений** в гнезде определяется синхронным действием дешифровальных стимулов — стереотипных расшифровок сокращённого компонента аббревиатуры, то есть слов или словосочетаний, используемых для его замены в эквивалентном словосочетании. На основании дешифровальных матриц, т. е. собственно моделей, по которым возможно развёртывание сложных слов, нами выделяются следующие типы гнёзд эквивалентности.

1. Презентативные ГЭ, которые представлены только дешифровальными стимулами презентативного типа («грамматически подчиненный ономасиологическому базису ономасиологический признак, выраженный адъективно и имеющий обобщённое значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» [1, с. 100]. Эквиваленты имеют обобщённую семантику и воспроизводят структуру сложного слова: *ботсад — ботанический сад*, *гуждоставка — гужевая доставка*, *запармия — запасная армия* и т. д.

2. Релятивные ГЭ представляют «формально релевантные аббревиатуре, совпадающие с ней по количеству ономасиологических признаков текстовые эквиваленты, выраженные падежными и предложно-падежными формами, актуализирующими грамматические значения числа и падежа» [1, с. 100]: *кабмин — кабинет министров*.

3. Комбинированные ГЭ. А) Презентативные + релятивные. Такой вариант комбинированных дешифровальных матриц характерен для большого количества гнезд эквивалентности: *асбобумага — асбестовая бумага*, *бумага из асбеста*. Б) Презентативные + модификационные. Вторые «создают формально более сложные, чем аббревиатура, словосочетания и включают в свой состав дополнительный ономасиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова» [1, с. 100]: *юрконсультант — юридический консультант*, *консультант по юридическим вопросам*. В) Презентативные + релятивные + модификационные. Большинство гнёзд эквивалентности характеризуются такой дешифровальной матрицей: *политдиалог — политический диалог*, *диалог политиков*, *диалог политических партий*.

Эквиваленты состоят в различных типах **семантических отношений**. Прежде всего, это синонимия. Так, для аббревиатуры *химзавод* ‘крупное промышленное предприятие, осуществляющее обработку химсырья’ отмечены эквиваленты *завод химических изделий* ‘завод продуктов, получившихся в результате химической переработки сырья’ и *завод химических реактивов* ‘завод препаратов для химического анализа’.

Кроме понятийных синонимов отмечаются эквиваленты, которые характеризуются различной падежной семантикой: *автодеталь*: 1) *деталь автомобилей*, *деталь автомобиля*, *деталь авто* (посессив); 2) *деталь для*

автомобилей, *деталь для автомобиля*, *деталь для авто*, *деталь для автомашин* (дестинатив); 3) *деталь в авто* (локативно-дестинативное значение); 4) *деталь к автомобилю*, *деталь к авто*, *деталь к автомобилям* (семантика присоединения); 5) *деталь на автомобили*, *деталь на автомобиль*, *деталь на авто* (семантика целевого назначения).

Гнездо-поле представляет собой совокупность лексических элементов, которые связаны между собой парадигматическими отношениями. Каждая парадигма позволяет выявить общие и дифференцированные семантические характеристики, входящих в нее языковых единиц.

А) Гиперо-гипонимическая парадигма. Например, гипероним *магазин товаров для автомобилистов* гнезда эквивалентности слова *автомагазин* реализует функцию генерализации, а гипонимы *магазин запчастей для автомобиля*, *магазин деталей для авто*, *магазин автоаксессуаров* — конкретизации.

Б) Холо-меронимическая парадигма. Например, в гнезде *мотокаталог* эквивалент *каталог запчастей мотоциклов* выступает как включаемое по отношению к словосочетанию *мотоциклетный каталог*. Отношения в таких парах можем рассматривать и как отношения гипонима к гипериониму, и как части к целому. Так, *каталог запчастей мотоциклов* может рассматриваться и как вид *мотоциклетного каталога*, и как его часть.

Итак, гнезда эквивалентности аббревиатур, являясь объединением деривационно связанных со сложносокращенным словом функционально и семантически эквивалентных ему единиц — текстовых эквивалентов сложносокращенного слова, могут определяться как семантические поля, поскольку всё множество эквивалентов может быть представлено в виде системы, организованной различными типами эквивалентностных и семантических отношений.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).*

Список литературы

1. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А.И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. — № 6. — С. 98–107.

УДК 81`373.611

СЛОВАРЬ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ КАК ОСНОВА ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА»

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
terkulov@rambler.ru

Введение. В 2025 году Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации была закончена работа над тремя аббревиатурными словарями — «Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка» (около 13 тыс. словарных статей), «Словарём сокращений государственного языка Российской Федерации» (около 7 тыс. словарных статей), «Словарём аббревиатур государственного языка Российской Федерации» (около 28 тыс. словарных статей). Последние два словаря создавались для Национального словарного фонда Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина, содержащемуся в перечне поручений по итогам заседания Совета по русскому языку, которое состоялось 5 ноября 2019 года, на основании и в соответствии с требованиями, содержащимися в Федеральном законе от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 28 фев-раля 2023 года № 52-ФЗ) и в Постановлении Правительства РФ от 28 июня 2023 года № 1054 «Об утверждении требований к составлению и периодичности издания нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». В словари входит лексика, употребляемая в сферах, указанных в пп. 1–81 части 1 статьи 3 Федерального закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Все словари находятся сейчас на рецензировании. Кроме того, нами в данное время создаётся по принципам, впервые изложенным в [4], «Словарь аббревиатурных конструктов русского языка». При сборке словарей была сформирована база данных, которая стала основой для идеи создания «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка».

Цель настоящей статьи — определить базовые характеристики «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка», которые ложатся в основу итогового «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка», описывающего не только сложносокращённые слова, но и другие типы сокращений.

Основная часть. «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка», над которым Лаборатория работает с 2016 года, — словарь

нового типа. В отличие от упомянутых выше Словаря аббревиатур и Словаря сокращений, созданных по классической модели, представляющей исключительно эквивалентность «слово — источник», этот труд, описывающий сложносокращённые апеллятивы, базируется на четырёх основных принципах, представленных Лабораторией в недавно вышедшей монографии [3].

Первый принцип. Описание единиц **должно осуществляться на основе базовых характеристик формально-ономасиологического класса**, в который они входят: сложносокращённые слова имеют в качестве функциональной характеристики замещение слова эквивалентного словосочетания абброконструктом в результате универбализации, то есть трансформации дискретной единицы со словной семантикой в аббревиатурную лексему.

Второй принцип. В силу вышесказанного для аббревиатуры необходимым оказывается **толкование значения**, которое не выводится из значений слов, входящих в исходное словосочетание. Например, словосочетание *световой будильник*, если исходить из значений входящих в него лексем, обозначает будильник, каким-то образом связанный со светом. В реальности его значение исключительно словное: «устройство, пробуждающее владельца в указанное время при помощи плавного увеличения освещённости комнаты», что и провоцирует его трансформацию в слово *светобудильник*. Устанавливающийся при этом асимметричный дуализм и становится причиной универбализации. Толкование значений должно сопровождаться классическим описанием грамматических характеристик аббревиатуры: рода, формы родительного падежа как свидетельства изменяемости слова, указание, там, где это необходимо, на ущербность числовой парадигмы.

Третий принцип. Носителю языка абсолютно безразлично, от чего произошла аббревиатура. Для него важнее то, что он может её развернуть в эквивалентное словосочетание здесь и сейчас. Поэтому для создаваемого словаря применяется **синхронный подход** к определению аббревиатур, каковыми в этом случае считаются слова, имеющие дескриптивные эквиваленты, независимо от того, являются ли эти слова с точки зрения диахронии аббревиатурами или квазиаббревиатурами — словами, содержащими абброконструкт, но возникшими другими путями: абброморфемным, путём калькирования и т. д. (см. об этом: [1; 2]). Например, рус. *веган-магазин* является полукалькой английского словосочетания *vegan store*. В силу того, что в русском языке на базе англ. *vegan* было образовано прилагательное *веганский*, заимствованный комплекс *веган-магазина* получил эквивалент *веганский магазин* и стал восприниматься как слово, содержащее абброконструкт *веган-*.

Четвёртый принцип. При анализе текстов, в которые входит аббревиатура, обнаружилось, что слово может иметь не один, а несколько

эквивалентов, по-разному интерпретирующих семантику аббревиатуры. Например, для слова *велоаллея* были выявлены эквиваленты *велосипедная аллея* с общим указанием на то, что аллея каким-то образом связана с велосипедами, *аллея для велосипедистов* с дестинативной семантикой предназначенности для неких лиц, *аллея велосипедистов* с посессивным значением принадлежности лицам и *аллея для велосипедов*, с дестинативным значением предназначенности для эксплуатации приспособлений. Кроме того, на значение аббревиатуры указывают также лексические эквиваленты — синонимы, гиперонимы и гипонимы. Большую роль в описании сложносокращённых единиц играют и деривационно связанные с ними лексемы. Все эти единицы должны быть отражены в словаре.

Заключение. Главная задача для составителей «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка» — экстраполировать указанные принципы на те виды аббревиатур, которые ещё не получили синхронного описания: на сложносокращённые онимы, инициальные апеллятивы, инициальные онимы, квазиаббревиатуры и абброконструкты.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации 125052006173-0).*

Список литературы

1. Емельянова, К. Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К. Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020. — № 3-4. — С. 126–132. — EDN DYWOJT.
2. Северова, Н. В. Понятие об абброконструкте иноязычного происхождения / Н. В. Северова // Вестник Московского международного университета. — 2024. — № 1(1). — С. 264-270. — EDN FHLKWK.
3. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова [и др.]. — Москва : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. — 322 с. — ISBN 978-5-19-012150-6. — EDN SNEUDQ.
4. Теркулов, В. И. О разновидностях абброконструктов: абброэквивалент и абброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы V Международной научной конференции, Краснодар, 14–16 октября 2015 года. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. — С. 30–33. — EDN XYVSOD.

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

УДК 811.161.1'271

ИСКАЖЕНИЕ СМЫСЛА ТЕКСТА КАК РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Барышева А. И., канд. филол. наук, ORCID 0009-0002-0356-6643
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, РФ
baryshevaai@uust.ru

Введение. Ввиду обязательности употребления русского языка как государственного языка Российской Федерации «в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления» [4] актуальным является вопрос соблюдения литературной нормы в письменной речи государственных служащих, являющихся авторами официальных писем представляемых органов.

Цель работы — проследить, как в официальных текстах ошибки, связанные с употреблением причастий, приводят к искажению смысла сообщения и способствуют неоднозначному прочтению текста.

Основная часть. На материале текстов официальных писем федеральных органов государственной власти (Минспорта, Минцифры, Минобрнауки и другие) за 2024-2025 гг. (всего было исследовано 143 текста) был сделан вывод, что частотными являются такие нарушения литературной нормы, которые приводят к смысловой неоднозначности текста: неверный выбор слова, ошибки в согласовании, приводящие к разночтениям в толковании смысла текста. Такая неоднозначность официально-делового текста, который четко характеризуется однозначностью, точностью и отсутствием экспрессивности, может считаться нарушением требований стиля.

Так, ошибки, допускаемые при согласовании причастного оборота с определяемым словом, связанные с выбором падежной формы причастия, могут оказывать влияние на смысл высказывания, если в нем употреблено несколько существительных в подходящем причастию падеже: *Возможность работы с функционалом Системы будет предоставлена для пользователей ФИС ГНА,* ***заполнившим*** *анкетную форму, обеспечивающую техническую возможность синхронизации действующих учетных записей пользователей ФИС ГНА с их учетными записями в ЕСИА* (3) (выделено полужирным здесь и далее автором статьи).

В приведенном отрывке причастие *заполнившим* относится к существительному *пользователей* и должно быть употреблено в форме родительного падежа. Ввиду неверного выбора падежа причастия смысловая связь теряется, и адресат должен понять, относится ли слово *заполнившим* к существительному *функционалом,* что делает высказывание лишенным смысла, или при создании текста допущена ошибка. Исправление падежа существительного *пользователи* также позволяет устранить неоднозначность толкования: *<…> предоставлена пользователям ФИС ГНА,* ***заполнившим*** *анкетную форму <…>*.

Такая же ошибка в согласовании в следующем отрывке приводит к тому, что из-за неверного выбора формы причастия значение ‘план утверждён’ нивелируется и заменяется значением ‘развитие утверждено’, что в данном контексте является бессмысленным: *Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) (далее — комплекс ГТО) является частью федеральной государственной информационной системы «Единая цифровая платформа «Физическая культура и спорт» (далее — ФГИС «Спорт»), которая в соответствии с Планом создания и развития государственных информационных систем,* ***утвержденного*** *протоколом…* (1).

Рассмотрим еще один пример: *Организация осуществления практической подготовки, в том числе производственной практики регламентируется Порядком организации и проведения практической подготовки обучающихся по профессиональным образовательным программам медицинского образования, фармацевтического образования,* ***утверждённого*** *приказом Минздрава России от 03.09.2013 № 620н…* (2).

В данном случае ошибка в склонении причастия приводит к тому, что из текста выводятся «невербализованные элементы смысла <…> понимание которых обусловлено не сказанным, а взаимосвязью сказанного с логикой общения, законами коммуникации, жизненным опытом» (импликатуры) [1:19; 3:125]: ‘приказом Минздрава России утверждено медицинское образование’ или ‘приказом Минздрава России утверждено фармацевтическое образование’.

В следующем фрагменте неверное согласование ведет к потере смысла: *ОЗР «Создана комфортная среда в образовательных организациях для молодых студенческих семей и матерей с детьми» направлена на создание не менее 1000 комнат матери и ребенка в профессиональных образовательных организациях, вовлечение до 10,8 тыс. человек во всероссийские просветительские и досуговые мероприятия для студенческой молодежи, молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми,* ***реализованных*** *образовательными организациями высшего профессионального образования* (4). Остается неясным, что именно реализовано образовательными организациями высшего профессионального образования: мероприятия, вовлечение в мероприятия или создание комнат матери и ребенка.

К затруднениям в понимании смысла высказывания приводит и удаленность причастного оборота от определяемого слова: *Во исполнение **пункта** 50 **плана** основных мероприятий по подготовке и проведению **празднования** в 2025 году 800-летия **основания г. Юрьевца** Ивановской области, **утвержденного** Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой…* (5). В данном фрагменте ввиду оторванности причастия от определяемого слова значение ‘план утвержден’ эксплицируется крайне слабо и требует усилий адресата для верной интерпретации.

На наш взгляд, ошибки, связанные с нарушением грамматической нормы, в частности, с употреблением причастий и причастных оборотов, могут существенно исказить смысл текста и привести к неверному его толкованию.

Заключение. Решение данной проблемы видится нам не только в усилении контроля за качеством направляемых федеральными органами государственной власти официальных писем, но и в повышении речевой культуры государственных служащих: проведение курсов повышения квалификации, закрепление в локальных актах обязанности использования на постоянной основе нормативных словарей и пособий могут способствовать развитию навыка грамотного письма.

Список литературы

1. Барышева, А. И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа / А. И. Барышева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота. — 2015. — № 8 (50): в 3-х ч. — Ч. I. — С. 18-20. — ISSN 1997-2911. — EDN: TWQQZL.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учебник для вузов / И. Б. Голуб. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 484 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07472-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/560752 (дата обращения: 08.08.2025).
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 562 с. — ISBN 978-5-222-17060-1.
4. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» — Текст : электронный // КонсультантПлюс (consultant.ru). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 28.08.2025).

Список источников

1. Письмо Минспорта России от 27.06.2025 г. № Исх-03-3-07/10083 «О победителях конкурсного отбора 2025 года».
2. Письмо Минздрава России от 07.08.2025 г. № 16-1/3093403-6714 «О рассмотрении обращения “Об оплате проезда к месту практики студентов-медиков”».
3. Письмо Минобрнауки России от 11.08.2025 г. № МН-3/3178 «О переходе ФИС ГНА на Единую цифровую платформу “ГосТех”».
4. Письмо Минтруда России от 15.08.2025 г. № 28-4/В-846 «О национальных проектах “Семья” и “Кадры”».
5. Письмо Минпросвещения России от 20.08.2025 г. № 06-1136 «О направлении учебно-методического комплекса».

УДК 81'367.626

ПАРЕМИИ-ТРАНСФОРМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Белых А. В., ORCID 0009-0008-9202-6692
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.belyih@list.ru

Паремия-трансформа, или антипословица, представляет собой модифицированную версию традиционной паремии, возникающую в результате пародии, иронии или адаптации к современным реалиям. В лингвокультурологическом аспекте она выступает маркером динамики духовно-нравственных ценностей русской культуры, отражая сдвиги от коллективизма и веры к индивидуализму и скептицизму.

Актуальность темы обусловлена эволюцией языка в постсоветском и цифровом обществе, где трансформы фиксируют кризис традиционных норм, включая влияние глобализации на менталитет.

Цель статьи — выявить роль паремий-трансформов как индикаторов ценностных изменений через лингвокультурологический анализ.

Задачи: классифицировать трансформы, проанализировать их семантику и прагматику, обобщить динамику ценностей, предложить методологию для дальнейших исследований.

Основная часть. Паремия, будучи синкретичным знаком, представляет собой уникальное явление в языке, которое одновременно совмещает свойства текстемы (языкового знака, обладающего фиксированной формой и значением в системе языка) и высказывания (дискурсивной единицы, функционирующей в конкретном коммуникативном контексте). Ее уникальность заключается в способности сочетать компактную, «свернутую» смысловую структуру, характерную для мини-текста, с динамической природой дискурсивной единицы, которая активно участвует в процессе смыслообразования в рамках коммуникативного пространства.

Паремия как языковой знак обладает устойчивостью формы и семантической плотностью, что позволяет ей лаконично выражать обобщенные истины, культурные ценности или жизненный опыт. В то же время как единица дискурса, она гибко адаптируется к контексту, обретая дополнительные смысловые оттенки в зависимости от ситуации, интенций говорящего и особенностей восприятия слушающего. Именно это сочетание стабильности и контекстуальной вариативности делает паремию эффективным инструментом коммуникации, способным передавать

сложные идеи в сжатой форме и одновременно резонировать с конкретным коммуникативным окружением.

Кроме того, паремия часто содержит подтекстовую информацию, отражая коллективное мировоззрение и ценности определенного сообщества. Ее способность к смыслообразованию усиливается за счет аллюзий, метафоричности и имплицитных значений, которые раскрываются в процессе интерпретации в дискурсе. Таким образом, паремия выступает не только как языковая единица, но и как культурный феномен, который играет важную роль в формировании и передаче коллективного знания и опыта.

В условиях динамичных социальных изменений паремии подвергаются трансформациям, которые выступают маркерами эволюции ценностных ориентиров [2, с. 18]. Лингвокультурологический подход позволяет выявить, как изменения в паремиях отражают трансформацию менталитета и мировоззрения носителей языка.

Однако в условиях глобализации и цифровизации традиционные паремии трансформируются, приобретая новые формы и значения. Паремия-трансформа — это единица, представляющая собой результат изменения структуры, семантики или прагматики пословицы под влиянием современных социокультурных факторов.

Г. Л. Пермяков определяет паремии как «логически завершенные суждения», стереотипизирующие культурный опыт, что позволяет рассматривать трансформы как эволюцию стереотипов. В. М. Мокиенко классифицирует трансформы по типам: семантические (изменение смысла через инверсию), стилистические (ирония или пародия) и контекстуальные (адаптация к ситуации), подчеркивая их роль в отражении социальной реальности [2, с. 9]. Н. Н. Семененко подчеркивает лингвокультурологический аспект, а в соответствии с которым паремии — синкретичные знаки, репрезентирующие ценности в дискурсе, а трансформы —окказиональные формы, фиксирующие аксиологические сдвиги. Б. Ю. Норман анализирует славянские паремии как носителей менталитета, отмечая, что трансформации в русском языке подчеркивают переход от фатализма к прагматизму, характерный для постсоветского периода. Л. Б. Савенкова фокусируется на семантико-культурологическом потенциале, отмечая, что трансформы отражают аксиологический кризис, где традиционные ценности инвертируются под влиянием урбанизации и медиа [4, с. 78]. Эти подходы позволяют интерпретировать трансформы как зеркало культурных трансформаций, где ценности не утрачиваются, а адаптируются, сохраняя диалог с традицией.

Анализ примеров целесообразно начать с ценности труда:

- *Терпение и труд всё перетрут*. Трансформ: *Терпение и труд — всё перетрут, а нервы — нет*. Семантическая инверсия подчеркивает кризис переутомления; ценность труда адаптируется к балансу здоровья, отражая постсоветский капитализм и влияние стресса на менталитет.

- *Без труда не вытащишь рыбку из пруда*. Трансформ: *Без блата не вытащишь рыбку из пруда*. Замена *труда* на *блата* эксплицирует коррупцию, инвертируя нравственную норму усилий и маркируя сдвиг к прагматизму в социальной иерархии.

Семейные ценности:

- *Семья — семь я*. Трансформ: *Семья — семь я, а развод — один я*. Удлинение добавляет скепсиса, маркируя кризис единства в контексте роста разводов.

- *Доброе слово и кошке приятно*. Трансформ: *Доброе слово и кошке приятно, а злое — собаке*. Расширение подчеркивает релятивизм морали, адаптируя универсальность добра к субъективным нормам.

Моральные ценности:

- *Не рой яму другому...* Трансформ: *Не рой яму другому — пусть сам роет.* Пародия на справедливость отражает эгоизм, фиксируя индивидуализм.

- *Одна голова хорошо, а две лучше*. Трансформ: *Одна голова хорошо, а с мозгами лучше*.

- *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Трансформ: *Не имей сто друзей, а имей сто рублей*. Инверсия сдвигает к материализму, пародируя коллективизм и отражая влияние потребительской культуры.

Ирония над коллективной мудростью усиливает индивидуализм: *Кто рано встает, тому Бог подает.* Трансформ: *Кто рано встает, тот всех достает.* Пародия на трудолюбие отражает культуру отдыха, инвертируя сакральность труда.

Заключение. Таким образом, паремия-трансформа — маркер ценностной динамики в русской лингвокультуре, фиксирующий адаптацию норм под влиянием социальных изменений. Перспективы дальнейших исследований заключаются в межкультурных сравнениях с европейскими паремиями, применение в образовании для анализа менталитета, социолингвистические опросы для верификации восприятия трансформов.

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: Эксмо-ННН, 2005.
2. Мокиенко 1986: Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л: Изд-во Ленинград, гос. ун-та, 1986. — 280 с.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2010. – EDN: XDHZUV
4. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 240 с.

УДК 81’42

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Бойко В. Н., ORCID 0000-0001-6953-7250,
Романько В. В., ORCID 0000-0001-9768-2586
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
boiko.vic17@yandex.ru, *viktoria.v21@yandex.ru*

Введение. Распространение речевой агрессии в обществе является одной из самых острых проблем на сегодняшний день. Речевая агрессия является многогранным явлением, которое способно затрагивать почти все области жизни человека по причине того, что общение имеется во всех областях.

Актуальность изучения речевой агрессии обусловлена следующими факторами:

- Возросший уровень речевой агрессии во многих сферах общественной и личной жизни людей. Противоположные точки зрения на одно и то же событие и другие факторы могут провоцировать возникновение конфликтов.

- Словесная агрессия не менее опасна, чем физическая. Она затрудняет полноценный обмен информацией, снижает возможности взаимопонимания. Речевое насилие может перерасти в насилие, представляющее угрозу для жизни человека. Кроме того, пережитое речевое насилие оказывает влияние на длительный период жизни человека, порой на всю жизнь.

- Снижение уровня речевой культуры. Исследователи отмечают, что речь современного человека характеризуется вульгаризацией, что является результатом агрессивности общественного сознания.

Цель. Рассмотреть различные аспекты изучения речевой агрессии.

Основная часть. Речевая агрессия — это мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей в обществе, наносящего вред объектам нападения или вызывающего психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страх подавленности и т. п. [4].

В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка термин речевая агрессия определяется как «использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности; манера речи, оскорбляющая чьё-либо самолюбие, достоинство» [3].

Психологический словарь дает следующее объяснение: «агрессия вербальная — форма поведения агрессивного, в которой используется отреагирование своих отрицательных эмоций, как посредством соответственных интонаций и других невербальных компонентов речи, так и посредством угрожающего содержания высказываний» [1].

В социопсихологическом ракурсе вербальную агрессию как психологически оправданное действие рассматривает В. И. Жельвис [2].

Существует несколько терминов, используемых для понятия агрессии в речи: речевая агрессия, вербальная агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия, коммуникативная агрессия, — что указывает на то, что данное понятие нуждается в многоаспектном изучении.

К. Ф. Седов считает, что речевую агрессию следует отличать от вербальной и языковой. Несмотря на то, что все три понятия используются для исследования одного феномена, «речевая» агрессия является более широким термином и включает в себя большое количество внеязыковых и невербальных маркеров агрессии, например, в устной речи агрессия может выражаться как прямыми оскорблениями, так и интонацией или мимикой [5].

Лингвопсихологический аспект речевой агрессии изучали Л. В. Рацибурская, А. П. Сковородников, Е. Г. Соболева, И. А. Стернин. К.Ф. Седов с этой позиции определял речевую агрессию как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия [5].

В коммуникативно-прагматическом аспекте виды речевой агрессии анализировали Т. А. Воронцова, Р. Х. Хайруллина, Д. Инфанте, рассматривая речевую агрессию как тип речевого поведения, который может осуществиться в рамках любого дискурса независимо от его временных и национальных параметров.

Этический аспект речевой агрессии изучали Л. В. Енина, Г. А. Копнина, отмечая, что речевая агрессия может служить средством выплескивания эмоций и снятия эмоциональной напряженности.

В социопсихологическом ракурсе речевую агрессию как психологическое оправданное действие рассматривал В.И. Жельвис.

Общепринятой классификацией речевой агрессии является классификация А. Басса. По его мнению, все многообразие агрессивных действий можно описать на основании трех шкал: физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — непрямая. Касаемо речевой агрессии он выделяет 4 вида: активная прямая агрессия, активная непрямая агрессия, пассивная прямая агрессия, пассивная непрямая агрессия.

Ю.В. Щербинина классифицирует речевую агрессию по трем основаниям:

1. По интенсивности: а) слабые, стертые и б) сильные. К сильным формам агрессии относится бранная, нецензурная лексика, порицание, грубое требование, крик.

2. По характеру, способу выраженности: а) явная (открытая) и б) скрытая (неявная) агрессия.

3. По отношению к объекту: а) переходная и б) непереходная речевая агрессия [7].

Е. И. Шейгал, анализируя средства вербальной агрессии, выделяет три типа:

1. Эксплетивная — наиболее прямая, резкая, импульсивно-эмоциональная форма вербальной агрессии (бранные инвективы; речевые акты угрозы, вердикты и категоричные требования и призывы.

2. Манипулятивная — более рационально-осознанные формы вербальной агрессии, основанной на идеологических трансформациях исходного смысла (инвективные ярлыки, средства диффамации). Диффамация — распространение порочащих сведений, которые могут не носить клеветнического характера, или опозорение в печати.

3. Имплицитная агрессия — неявная, подразумевающая, связанная с завуалированным выражением соответствующего иллокутивного намерения (косвенные речевые акты, непрямые предикации, иронические инвективы) [8].

К. Ф. Седов считает, что для реализации различных целей вербальной агрессии могут использоваться тактики — «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии». Он приводит такие примеры тактики, как инвектива (оскорбление); угроза; проклятие; злопожелание; отсыл; грубое прекращение коммуникативного контакта; возмущение; обвинение; упрек; колкость; насмешка; агрессивное молчание; и др. [6].

Заключение. Таким образом, проведенные исследования показывают, что речевая агрессия — это комплексное явление, при изучении которого следует учитывать исследования из смежных сфер. Речевая агрессия может являться как речевой стратегией, так и тактикой. В зависимости от понятия агрессии в речи меняется и подход к изучению данного явления. В связи с этим очень важно выявить маркеры речевой агрессии на всех уровнях.

Список литературы

1. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика / С.Ю. Головин. — Минск: Харвест, 2007. — 976 с. — (Библиотека практической психологии). — тверд. обл. ISBN 5-17-010766-8
2. Жельвис В. И. Поле Брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис — М.: Ладомир, 1997. — 330 с.
3. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н.Кожина. — Москва : Флинта, 2016. — 696 с. — ISBN 978-5-89349-342-9…
4. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г.Мещеряков, В.П.Зинченко. — СПб.: Прайм — Еврознак, 2007. — 672 с. — (Большая университетская библиотека).
5. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. — Челябинск, 2005. С. 32 − 37.
6. Седов К.Ф.Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф.Седов. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2016. — 440с.
7. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю.В. Щербинина — М.: Флинта, 2004. — 324 с
8. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе / Е.И. Шейгал // Вопросы стилистики. — Саратов, 1999. — №28. — С. 221.

УДК 811.161. 1*27

МАРКЕРЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Бурляй А. С., ORCID 0000-0003-4689-0275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.burlyai@mail.ru

Формирование медиадискурса при освещении тематики проведения специальной военной операции осуществляется традиционными СМИ и новыми медиа, среди которых отдельную категорию образуют блоги военных корреспондентов. Так как данные информационные площадки являются зачастую независимыми, личными ресурсами конкретных военкоров, их контент напрямую отражает характер языковой личности каждого из российских военных корреспондентов. При этом благодаря высокой степени доверия к таким журналистам, подаваемый ими материал формирует отношение как к отдельным событиям, связанным с проведением специальной военной операции, так и в целом создаёт у аудитории представления об инфоповодах, участниками которых они и являются.

В свою очередь понимание особенностей языковой личности российского военного корреспондента позволит не только сформировать портрет автора актуальных публикаций на военную тематику, но также определить границы между личным отношением автора к описываемым событиям и их фактологией. Так, субъективное/объективное отражение событий, на наш взгляд, отражается не только в индивидуальной интерпретации, но и в конкретных речевых особенностях, свойственных отдельным языковым личностям.

Заметим, что мы понимаем под субъективностью/объективностью характер описания действительности, при котором люди, предметы, события, отношения и т. д. воссоздаются в речи со стремлением дать им оценку, характеристику или как-либо иначе интерпретировать, отразив личное, индивидуальное их восприятие или наоборот — с целью максимально точного описания, избавленного от личной, индивидуальной оценки и стремлением предоставить возможность реципиентам самостоятельно интерпретировать элементы окружающей действительности. Такое противопоставление при этом не отражает точности или истинности демонстрируемых фактов. Субъективная речевая деятельность может содержать объективные факты, а объективная имитировать, конструировать действительность. Поэтому маркеры субъективности и объективности речевой деятельности языковой личности

следует воспринимать только как лингвистическую категорию безотносительно оказываемого автором сообщений воздействия.

Для наиболее репрезентативного анализа мы обратились к авторским блогам Андрея Филатова («Репортер Filatov») и Георгия Медведева («Военкор Z Медведев»), размещённым в мессенджере «Телеграм». У Г. Медведева преимущественно (из числа авторских публикаций) опубликованы небольшие репортажи, содержащие мультимедийные компоненты, жанрово приближенные к традиционной подаче новостных сообщений. У А. Филатова значительная часть сообщений содержат личную оценку происходящего, приближены к полемичным жанрам. Таким образом, анализ их публикаций даёт возможность определить ключевые маркеры субъективности и объективности речевой деятельности языковой личности российского военного корреспондента.

Отметим, что данные блоги востребованы у аудитории. Так, у телеграм-канала «Военкор Z Медведев» (прим. — тут и далее приведены статистические данные, опубликованные на сайте tgstat.ru в сентябре 2025 года) 24 400 подписчиков, из которых регулярно читают посты 34 % (за 5 лет в блоге размещено около 11 000 сообщений, включая репосты). А у телеграм-канала «Репортер Filatov» 170 900 подписчиков, включая 47 % читающей аудитории, и около 5 700 постов, размещённых за последние 3,5 года.

В ходе анализа публикаций, размещённых в вышеуказанных телеграм-каналах, мы выявили такие маркеры субъективности речевой деятельности языковой личности российского военного корреспондента:

1. Изложение событий от первого лица. Например, *«Я не читаю и вам не рекомендую»* (прим. — тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация), *«Я вообще не понимаю, зачем было организовано голосование на выбор символов для банкнот»*, «*И я долго думал, но всё таки не настолько я государству доверяю»*.

2. Использование обсценной и эмоционально-окрашенной лексики. Например, *«Белый, Новиков Владимир, изза* ***гопоты в мундире***, ***заехал в сизо****, оставив полный полигон резерва в 110 омсбр, так как за четыре месяца штурма меньше 40 человек 200, боевыми потерями в Красногоровке...* ***военкуры мычали*** *"про войны без потерь не бывает"..»*, *«Вопрос к этому* ***клоуну*** *- че сам не в колонне»*, *«И вот в лице этого лысого* ***придурка****, они находят оправдание своего идиотизма»*.

3. Использование риторических вопросов. Например, «*Если не госуха... кто б их на работу себе стал брать?.. так множить убытки - это я не знаю где пригодилось бы...»*, *«Интересно же. Кто начал ходить малыми группами, до исчерпания пехоты? И когда это не было мейнстримом? Примерно в 2023 году... примерно на Авдеевке. Тогда еще нас в саботаже обвиняли. И не верили нашей тактике»*.

Что касается маркеров объективности речевой деятельности языковой личности российского военного корреспондента, то, на наш взгляд, наиболее распространёнными являются следующие:

1. Использование простых предложений. Например, *«Информация по пострадавшим и разрушениям обновляется»*, *«Трое мирных жителей погибли и десять получили серьезные ранения в результате сегодняшнего ракетного удара по Белгородской области»*, *«Вражеские дроны снова кружат над Горловкой. Беспилотники замечены снова в небе над Никитовским районом, жилмассивом Комсомолец, а также в центре города»*.

2. Указание на источник факта. Например, *«Иван Приходько в своём телеграм-канале подтверждает удар беспилотника по автобусу. Снова Комсомолец, снова многострадальная "двойка"...»*, *«Как рассказали очевидцы, машина смогла самостоятельно покинуть место атаки, пострадавшие были переданы медикам»*, *«По его словам, особое внимание со стороны партии будет уделяться поддержке ветеранов, их трудоустройству и социальной адаптации»*.

3. Мультимедийность подачи материала. Например, видео- и фотокомпоненты публикации содержат основной фактаж, а текст поста их дополняет или позиционирует.

Таким образом, к маркерам субъективности в речевой деятельности языковой личности российского военного корреспондента следует отнести: использование обсценной и эмоционально-окрашенной лексики, изложение событий от первого лица, употребление риторических вопросов. Маркерами объективности являются указание на источник факта, использование простых, нераспространенных предложений, включение в публикации неотъемлемых от изложения мультимедийных компонентов.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список источников

1. Репортер Filatov : канал // Telegram [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/filatovcorr/5954 (дата обращения: 02.10.2025).
2. Военкор Z Медведев : канал // Telegram [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/medvedev_note (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 81’42

КАТЕГОРИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМОВ

***Гладкая Н. В.*,** канд. филол. наук., ORCID 0000-0003-3903-4438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Nata.gladkaya25@yandex.ru

Введение. В условиях повсеместного распространения цифровых технологий интернет-мемы прочно вошли в политическую коммуникацию, преобразуя многогранные концепции в сжатые, визуально-текстовые единицы. Политизированные мемы функционируют как средство интерпретации властных структур, выражения протестных настроений или усиления социальной сплоченности, в них используется неформальный язык, жаргоны и культурные символы, доступные для аудитории социальных медиа [3]. Их воздействие обусловлено способностью к быстрому распространению и вирусности контента, что позволяет политическим мемам оперативно достигать широкой аудитории. Фактически, мемы становятся своеобразными «цифровыми лозунгами», аккумулирующими в себе определённые политические взгляды и настроения, которые транслируются в онлайн-пространстве с высокой скоростью и интенсивностью [1]. Политические мемы — это мощный инструмент конструирования реальности и манипуляции общественным сознанием. Категория «свой-чужой» является в них центральной.

Цель исследования — лингвокультурный анализ современных политических мемов через призму категории «свой–чужой».

Основная часть. По своим типологическим признакам, интернет-мем демонстрирует существенные параллели с политической карикатурой, перенимая такие атрибуты, как юмористический фокус, недвусмысленная адресованность, целостность композиции и сжатость изложения. Их содержание нацелено на конкретную аудиторию, обладающую необходимым культурным кодом для декодирования сообщения. Существование многочисленных платформ, так называемых «мемогенераторов», позволяет любому пользователю сети создавать и распространять мемы, что способствует демократизации политического дискурса [2]. В дополнение к интерпретации событий, конструированию политических образов и делегитимизации оппонентов, мемы в политической сфере играют значимую роль в нейтрализации эффектов социальной дезинтеграции. Политический мем, как форма коллективного творчества и распространения информации, позволяет индивиду ощутить причастность к определённой группе, разделяющей общие ценности и взгляды. Таким образом, он компенсирует недостаток межличностного общения и способствует формированию чувства социальной солидарности.

В ходе нашего исследования были выделены основные критерии для описания политических мемов категории «свой–чужой»:

- *Упрощение сложного.* Мем сводит многогранные политические процессы к простым, легко усваиваемым образам и слоганам;
- *Бинарное мышление*. Он создает мир, разделенный на черное и белое, не оставляя места для полутонов. Эта бинарность является прямой проекцией оппозиции «свой-чужой»;
- *Эмоциональность vs Рациональность*. Мем апеллирует не к логике, а к эмоциям (смеху, презрению, страху, гордости и проч.), что делает его более эффективным для быстрой консолидации или дискредитации;
- *Создание «мы-идентичности».* Использование общих символов, исторических отсылок, внутригруппового юмора и языка. Например, мемы, высмеивающие общих оппонентов, или мемы, героизирующие «наших» лидеров, превращенные в фольклорных персонажей (например, мемы с Путиным в образе «царя» или «медведя»);
- *Ритуал подтверждения принадлежности*. Совместное создание, распространение и «лайкание» мемов становится современным ритуалом, подтверждающим принадлежность к определенной политической группе. Тот, кто понимает контекст мема, — «свой»;
- *Стереотипизация и гротеск*. «Чужой» наделяется утрированными, чаще всего отрицательными чертами (продажный, глупый, слабый, агрессивный и т. д.). Его изображение часто доводится до абсурда или карикатуры;
- *Дегуманизация.* Противник изображается в образе животного, насекомого, вируса, неодушевленного предмета или монстра. Это выводит его за рамки человеческого сообщества, оправдывая в общественном сознании агрессию в его адрес;
- *Создание образа врага*. Мемы визуализируют абстрактную угрозу, делая ее зримой и понятной. Враг может быть внешним («агрессивный НАТО») или внутренним («пятая колонна», «национал-предатели»);
- *Поляризация общества*. Мемы углубляют раскол, не оставляя пространства для диалога и компромисса. Они работают на усиление групповой сплоченности за счет усиления неприятия «других»;
- *Лингвистические и визуальные маркеры оппозиции «свой-чужой».* Использование местоимений «мы» / «они», «наши» / «ваши». Применение оценочной лексики («патриоты» vs «либерасты»). «Свои» изображаются в светлых тонах, с

правильными чертами лица, в героических или обыденных, но положительных позах. «Чужие» изображаются в темных тонах, с искаженными, уродливыми чертами, в комичных или жалких позах;

- *Интертекстуальность*. Опора на общие культурные коды (цитаты из известных фильмов, мультфильмов, картин и проч.). «Свой» поймет отсылку, «чужой» — нет, что еще раз подчеркивает границу;
- *Демагогия и манипуляция*. Мемы становятся идеальным инструментом для популистов, так как позволяют легко создавать простые ответы на сложные вопросы и находить «виноватых».

Заключение. Дихотомия «свой-чужой» представляет собой не просто предмет рассмотрения, но базисный структурообразующий элемент политического мема. Политический мем выступает действенным, оперативным и общедоступным инструментом для установления символических рубежей между социальными группами, стимулирования поддержки «своих» и делегитимации «чужих» в контексте цифровизации. Анализ данного феномена имеет первостепенное значение для осмысления актуальных политических процессов и технологий манипуляции общественным сознанием. Исследование механизмов функционирования политических мемов позволяет выявить способы их использования для конструирования групповой идентичности и формирования негативного образа оппонентов.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Бродовская Е. В., Лифанова В. А. Политический интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1. — С. 3-14.
2. Гладкая Н.В. Лингвокультурный анализ политических интернет-мемов / Н.В. Гладкая // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. — 2025. –№ 5. — С. 60–69.
3. Шифман Л. Мемы в цифровой культуре» / Лимор Шифман. – Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2014. — 200 с.

УДК 81-13

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ПСЕВДОНАУЧНОГО ДИСКУРСА

Глибина А. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2053-9973
ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»,
г. Новосибирск, РФ
Anna.Glibina@inbox.ru

Введение. Изучению научного дискурса посвящено множество исследований, в то время как псевдонаучный дискурс остаётся недостаточно изученным.

Исследование псевдонаучного дискурса актуально, поскольку в последние годы наблюдается его активная популяризация, что приводит к неуклонному росту числа как клиентов, так и агентов данного дискурса.

При помощи языкового инструментария в сознание целевой аудитории внедряется информация, противоречащая научно доказанным фактам. В частности, это происходит посредством определённого терминологического аппарата, используемого псевдонауками для воздействия на их целевую аудиторию.

Цель статьи состоит в исследовании специфики терминологического аппарата псевдонауки на примере астрологических текстов.

В качестве **материала** исследования взяты русскоязычные астрологические тексты в объёме 56 000 печатных знаков, отобранные посредством приёма сплошной выборки, размещённые в открытом доступе в сети Интернет с 2020 по 2025 гг.

Основная часть. Системы понятий той или иной области знания отражены в языке при помощи терминологий и терминосистем. Согласно В.М. Лейчику, для терминосистем, в отличие от терминологий, характерно наличие теории, определённым образом структурирующей понятия данной области знания [1], а следовательно, и терминологические единицы (термины, номены, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы), входящие в эту терминосистему.

Как правило, для псевдонаук характерно наличие теории, объясняющей их сущность. Например, в астрологии (и нумерологии) теория, лежащая в основе науки, заключается в том, что дата и время рождения играют ключевую роль в жизни человека, поскольку предопределяют не только его характер, но и дальнейшую жизнь.

Исходя из этого, можно предположить, что за многовековую историю существования данной псевдонауки, она выработала чёткий терминологический аппарат. Тем не менее изучение астрологических текстов наглядно демонстрирует широкую вариативность

терминологических единиц, используемых для номинации одного и того же понятия. Так, например, параллельно существуют полные синонимы как среди терминов (лагна — асцендент, накшатра — созвездие — лунный дом — лунная стоянка, раши — знаки зодиака), так и среди номенов (Криттика — Альцион, Сурья — Солнце). Согласно астрологическим текстам, наличие подобных терминов-дублетов объясняется тем, что существует две астрологические традиции: восточная и западная. Однако в анализируемых текстах нет чёткого разграничения использования определённой части терминов только в текстах, написанных в рамках древней восточной астрологии, а другой части терминов — в текстах по современной западной астрологии. Как правило, термины и номены, описывающие понятия двух данных ветвей, успешно используются ими обеими, а также объясняются при помощи друг друга. Например, термин *лагна*, взятый из восточной астрологии, объясняется при помощи термина *асцендент*, который используется в текстах, написанных в рамках западной традиции:

«Важным отличием ведической астрологии от западной является отношение к Лагне (Lagna — «восходящий знак» или «асцендент»)» [2].

В следующем примере в тексте, написанном в рамках восточной астрологической традиции, номен *Криттика* (название созвездия) используется в рамках одного микроконтекста вместе с терминологическими единицами *Овен* и *Телец*, которые характерны для текстов западной астрологии:

«Последние три пады накшатры Криттика находятся в Тельце, где Луна получает сою экзальтацию под этой накшатрой» [3].

Значительные несовпадения терминологического аппарата наблюдаются даже в рамках самих отдельно взятых ветвей астрологии. Например, в русскоязычных текстах по восточной астрологии одно понятие может иметь несколько вариантов номинации. Например, название одного и того же созвездия может передаваться при помощи языковых единиц, имеющих разную звуковую форму: Уттара Бхадра — Уттара Бхадрапада — Уттарабхадрапада; Мригашира — Мригаширша — Мригаширас; Сатабиша — Шатабхиша — Шатабхишак:

«Символ *Шатабхиши* — пустой круг, а ее божество — Варуна, ведический бог небесных и земных вод» [4], «Сатабиша (санскр. Satabhisha — «сто исцелителей») — в индийской астрологии: название 24-й стоянки Луны в системе из 27 стоянок» [5].

Следовательно, терминосистема рассматриваемой псевдонауки до сих пор не выработала свой чёткий терминологический аппарат. Поэтому в данном случае используемые псевдонаукой единицы терминологического характера следует рассматривать как квазитермины [7].

Отдельное внимание следует обратить на то, что псевдонаука (в данном случае — астрология), выделившаяся из науки (астрономии), может

вступать с ней в противоречие, что находит отражение и на уровне языка. Например, Луна относится к планетам, а также существуют невидимые планеты (Кету и Раху), которые также оказывают влияние на человека:

«Помимо основных тел планетной системы, в ведической астрологии Джйотиш выделяют мистическую планету *Раху*. Свое название она получила в честь индуистского демона» [6].

Таким образом, псевдонаука структурирует терминологические единицы внутри своей терминосистемы иным образом. Например, в следующем фрагменте номен *Луна* в рамках терминосистемы астрологии связан с термином *планета*, а не термином *спутник*, как это зафиксировано в терминосистемы астрономии:

«Луна — холодная женская планета. Лучшее расположение в Тельце, где она экзальтированна. Худшее в Скорпионе, где она в падении» [4].

Также к планетам причисляется Солнце (Сурья), что входит в прямое противоречие с понятийной системой астрономии:

«Сурья (Солнце) — царская планета, является естественной атма-каракой или показателем души» [4]. При этом даже несмотря на то, что Солнце является одним из центральных понятий в астрологии, номен *Сурья* также имеет альтернативное написание — Сурйа, что подтверждает неустоявшийся характер рассматриваемой терминосистемы.

Заключение. Проанализированный материал наглядно демонстрирует, что для псевдонауки характерен неунифицированный характер терминологических единиц даже в том случае, когда существует теория, которая должна определённым образом структурировать относящиеся к ней понятия, а, следовательно, терминологические единицы.

Список литературы

1. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с. — ISBN 978-5-382-00211-8.
2. VedicTime. — URL: https://vedictime.com/ru (дата обращения: 04.07.2025).
3. Блог Feelastro. URL: — https://feelastro.com/ru/blog/index.php/2022/08/20/krittika-nakshatra (дата обращения: 02.07.2025).
4. Sudarshana. Портал о ведической астрологии и культуре. — URL: https://sudarshana.ru/vedic-astrology/planets/moon (дата обращения: 10.08.2025).
5. Астропроцессор Zeus. https://astrozeus.ru/nae/S/satabhisha.htm (дата обращения: 18.07.2025).
6. Лиза. Мистическая планета Раху: за что она отвечает и как может на нас влиять. — URL: https://lisa.ru/goroskop/809222-misticheskaya-planeta-rahu-za-chto-ona-otvechaet-i-kak-mozhet-na-nas-vliyat (дата обращения: 08.08.2025).
7. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение: учеб. пособие / С. В. Гринёв-Гриневич. — М. Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с. — ISBN: 978-5-7695-4951-9.

УДК 81’42

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Дмитриева А. А., ORCID 0009-0007-0851-6318,
Пономаренко С. Д.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
AnnaFR83@mail.ru

Введение. Коммуникативные навыки в юридической практике представляют собой неотъемлемую основу эффективного взаимодействия между юристом и его клиентами, коллегами, а также судебными органами. В условиях современного права, где успех дела во многом зависит не только от знания законодательства, но и от умения четко и убедительно донести свою позицию, коммуникация становится ключевым фактором профессиональной деятельности. Как отмечает профессор В. П. Иванов, «юридическая практика невозможна без умения выстраивать диалог, понимать собеседника и адекватно реагировать на его запросы» [1, с.42]. Это утверждение подчеркивает важность развития у юристов навыков, которые выходят за рамки технического знания норм права.

Цель исследования — рассмотреть значение коммуникативных навыков как фундаментального компонента успешной юридической практики. Проанализировать основные виды коммуникации, особенности взаимодействия юриста с клиентами, коллегами и судом, а также роль вербальных и невербальных средств в формировании доверия и эффективного разрешения конфликтов.

Основная часть. Обучение коммуникативным навыкам в юридических вузах становится все более актуальным. Современные образовательные программы включают тренинги по развитию эмоционального интеллекта, риторики, техники ведения переговоров и конфликтологии. По мнению Е. Н. Петровой, «интеграция коммуникативных тренингов в учебный процесс способствует формированию у будущих юристов устойчивых навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности» [3, с. 120].

Особенности коммуникативного процесса в юридической сфере связаны с необходимостью не только передачи информации, но и создания атмосферы доверия, что особенно важно при работе с клиентами, часто находящимися в стрессовом состоянии. Эффективное общение помогает юристу понять истинные потребности клиента, выявить все обстоятельства дела и сформулировать стратегию защиты. Как указывает Е. Н. Петрова, «эмпатия и активное слушание позволяют юристу установить контакт с клиентом, что значительно повышает качество предоставляемой юридической помощи» [3, с.115]. Таким образом, коммуникативные навыки

становятся инструментом, позволяющим не только обмениваться информацией, но и формировать партнерские отношения.

Вербальная коммуникация в юриспруденции включает умение ясно и логично излагать свои мысли как устно, так и письменно. Юрист должен владеть искусством аргументации, умением структурировать информацию и использовать юридическую терминологию так, чтобы она была понятна клиенту и убедительна для суда. Важным аспектом является также адаптация стиля общения в зависимости от аудитории, будь то клиент, коллега или судья. Согласно исследованию А. С. Кузнецова, «грамотное использование вербальных средств способствует формированию положительного имиджа юриста и повышает доверие к его профессионализму» [2, с.78].

Невербальная коммуникация играет не менее значимую роль. Жесты, мимика, поза и интонация могут усиливать или ослаблять сказанное, влияя на восприятие юриста собеседником. Как отмечает психолог Л. В. Смирнова, «неспособность контролировать невербальные сигналы может привести к недоверию и искажению смысла передаваемой информации» [4, с. 53]. Поэтому развитие навыков невербального общения является важной составляющей профессионального роста юриста.

Активное слушание — одна из ключевых компетенций, позволяющая не только воспринимать информацию, но и демонстрировать собеседнику внимание и уважение. Это способствует более глубокому пониманию ситуации и выстраиванию доверительных отношений. Как подчеркивает В. П. Иванов, «активное слушание — это не просто пассивное восприятие, а активное вовлечение в диалог, что позволяет юристу выявить скрытые мотивы и потребности клиента» [1, с.45].

В современном мире юридическое образование требует не только глубоких знаний законодательства и правоприменительной практики, но и высокого уровня владения языком как средством коммуникации. Лингвистические компетенции становятся неотъемлемой частью профессиональной подготовки юриста, поскольку от качества общения во многом зависит успешность судебных процессов, переговоров и взаимодействия с клиентами и коллегами.

Одним из главных вызовов является недостаточная интеграция языковых навыков в учебные программы юридических вузов. Традиционно акцент делается на изучение права, а развитие коммуникативных и языковых умений часто остается на периферии. Это приводит к тому, что выпускники не всегда готовы эффективно выражать свои мысли в устной и письменной форме, что негативно сказывается на их профессиональной деятельности.

Другой вызов связан с многоязычной и мультикультурной средой, в которой сегодня работают юристы. Необходимость владения не только государственным языком, но и иностранными языками становится

критически важной. Однако уровень подготовки студентов в этой области часто не соответствует требованиям международной юридической практики.

Также стоит отметить сложность освоения специализированной юридической лексики и стиля, которые значительно отличаются от повседневной речи. Юридический язык требует точности, однозначности и формальной структуры, что требует отдельного внимания и методик обучения.

Помимо этого, современные цифровые технологии и новые формы коммуникации ставят дополнительные требования к лингвистическим компетенциям юристов. Умение грамотно составлять электронные письма, вести переписку в мессенджерах и социальных сетях, а также адаптировать стиль общения под разные аудитории становится все более востребованным.

Современные образовательные технологии и методики предоставляют широкие возможности для интеграции лингвистических компетенций в юридическое образование. Внедрение курсов по юридической лингвистике, специализированных тренингов по деловому и судебному общению, а также использование мультимедийных ресурсов и интерактивных платформ существенно повышают качество подготовки студентов.

Акцент на развитие навыков письменной и устной коммуникации, включая аргументированное изложение, ведение переговоров и публичные выступления, помогает формировать уверенного и компетентного юриста. Практические занятия, ролевые игры и симуляции судебных процессов способствуют закреплению теоретических знаний на практике.

Особое значение приобретает обучение русскому языку с юридическим уклоном, что расширяет профессиональные горизонты и повышает конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Кроме того, современные методики предусматривают междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику, психологию и право. Это позволяет не только улучшить навыки коммуникации, но и понять психологические аспекты общения, что особенно важно при работе с клиентами и в судебных заседаниях.

Не менее важным является развитие критического мышления и умения анализировать тексты, что позволяет юристам более точно интерпретировать правовые документы и эффективно использовать язык в своей профессиональной деятельности.

Преподаватели играют ключевую роль в формировании лингвистических компетенций. Их задача — не просто передать знания, но и создать условия для активного участия студентов в коммуникационных практиках, стимулировать самостоятельное развитие языковых навыков и критического мышления.

Образовательные учреждения должны пересмотреть свои программы, интегрируя лингвистические компоненты в основные дисциплины, а также развивать сотрудничество с иностранными вузами и профессиональными организациями для обмена опытом и ресурсами.

Заключение. Лингвистические компетенции в юридическом образовании являются ключевым фактором успешной профессиональной деятельности юриста. Преодоление существующих вызовов и активное использование современных возможностей позволит повысить качество подготовки специалистов, способных эффективно коммуницировать в различных правовых и культурных контекстах. Интеграция языковых навыков в учебный процесс должна стать приоритетом для образовательных учреждений, стремящихся готовить юристов, отвечающих требованиям времени и профессионального сообщества.

В условиях глобализации и цифровой трансформации роль лингвистических компетенций будет только возрастать, открывая новые горизонты и возможности для юридической профессии.

Список литературы

1. Иванов, В. П. Основы юридической коммуникации // В.П. Иванов. — М.: Юрист, 2015. — С. 42–45.
2. Кузнецов, А. С. Вербальная коммуникация в правоприменительной деятельности // А.С. Кузнецов. — М.: Наука, 2020. — С. 78–80.
3. Петрова, Е. Н. Коммуникативные технологии в юридической практике // Е.Н. Петрова. — СПб.: Питер, 2018. — С. 115–120.
4. Смирнова, Л. В. Невербальная коммуникация в профессиональной деятельности // Л.В. Смирнова. — М.: Академия, 2017. — С. 50–55.

УДК 81’1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Евсеева М. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2588-4379
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.g.evseeva@mail.ru

Введение В данном исследовании анализируется системная парадигматическая структура лексического фонда как функционального компонента языковой системы. Основное внимание сосредоточено на изучении возможностей и методов системного описания семантической парадигматики лексических единиц. Семантическая структура обеспечивает языковое выражение смысловой целостности, интегрируя

денотативные и коннотативные аспекты в процессе формирования и интерпретации высказывания.

Основная часть. Семантическая парадигматика исследуемых лексических единиц анализируется на основе словарных дефиниций. Сравнительный анализ количества общих и дифференциальных аспектов в данных дефинициях позволяет выявить сущность смысловых связей между соответствующими лексемами. Присутствие общих элементарных сем в значениях анализируемых слов способствует их объединению в определенные семантические группы.

Работа освещает фундаментальную концепцию лексикологии и семантики, согласно которой лексика любого языка представляет собой структурированную систему семантических полей. Данная система характеризуется тем, что лексические единицы взаимосвязаны на семантическом уровне, образуя сложные сети, где каждое слово является частью более обширной семантической сети. Теория семантического поля основывается на постулате о том, что лексические элементы не существуют в языке изолированно, а интегрированы в семантические группы, объединенные общими семантическими признаками и тематическими ассоциациями.

Основные положения данной теории сводятся к следующему. Во-первых, лексика языка является целостной системой, где каждое слово выполняет определенную функцию в рамках общей структуры. Во-вторых, лексические единицы находятся в семантических отношениях, образуя сети взаимосвязей, которые отражают когнитивные и культурные особенности языка. В-третьих, семантическое поле представляет собой совокупность слов, объединенных общим семантическим значением, что позволяет классифицировать лексику по тематическим группам и семантическим признакам.

Таким образом, теория семантического поля позволяет глубже понять структуру и функционирование лексической системы языка, а также выявить механизмы, посредством которых слова взаимодействуют и формируют сложные семантические структуры. [1, с. 30].

Для глубокого анализа парадигматической структуры семантического поля необходимо точно определить типологию связей между лексическими единицами, что требует комплексного подхода и тщательной систематизации. В рамках этой задачи можно выделить несколько ключевых типов отношений, каждый из которых играет важную роль в формировании и структурировании семантического поля:

1. Синонимия: Лексические единицы, обладающие схожим или идентичным значением, формируют парадигматические группы, что позволяет дифференцировать и интегрировать семантические признаки в пределах одного семантического поля. Это обеспечивает более точное понимание его структуры и семантической организации.

2. Антонимия: Слова с противоположным значением создают бинарные оппозиции, которые способствуют выявлению контрастных семантических характеристик и расширению семантического поля за счет дихотомических связей, что позволяет глубже понять его функциональную значимость.

3. Гипо-гиперонимия: Отношения "род-вид" позволяют структурировать семантическое поле по иерархическому принципу, где более общие понятия (гиперонимы) включают в себя более частные (гипонимы). Это обеспечивает категориальное деление лексических единиц и способствует более точной систематизации семантического пространства.

4. Лексико-семантическая группа: Слова, объединенные общим семантическим признаком, формируют тематические кластеры, отражающие специфику семантического поля. Эти кластеры позволяют выделить его инвариантные и вариантные элементы, что способствует глубокому пониманию его структуры и семантических характеристик.

5. Тематическая группа: Слова, связанные общей тематикой, образуют семантические поля, обладающие целостностью и автономностью. Эти поля отражают концептуальные структуры, актуальные для конкретной культурно-языковой общности, и позволяют лучше понять их особенности и функциональную значимость.

Кроме того, следует учитывать деривационные связи между словами, имеющими общий корень. Эти связи помогают проследить внутреннюю структуру семантического поля и выявить его словообразовательные потенциалы, что является важным аспектом его анализа и позволяет глубже понять механизмы его формирования.

Наконец, необходимо учитывать контекстуальные связи, возникающие между словами в конкретных речевых ситуациях. Контекстуальные факторы играют ключевую роль в формировании семантических полей, определяя вариативность значений лексических единиц и их функциональную значимость в дискурсе. Это позволяет более точно понять их роль и место в языковой системе. С. Д. Кацнельсон означенном контексте констатирует, что “явления полисемии, синонимии и синтаксической деривации нарушают параллелизм между значениями и фонетическими словами” [2, 106].

Лексическое значение, являясь базовой единицей семантической системы языка, представляет собой структурированную информацию с комплексной организацией. Луи Ельмслев [3, с. 122], характеризует эту структуру как автономную сущность, внутри которой действуют сложные внутренние зависимости. Таким образом, семантическая структура слова может быть интерпретирована как упорядоченная совокупность семантических компонентов, связанных между собой системными отношениями и противопоставлениями, что позволяет ей функционировать как целостная и интегрированная единица языкового сознания.

В трактовке характера оппозиций между множествами и, соответственно, между элементами множеств мы склонны согласиться со следующими положениями, сформулированными Н. Карауловым. [4, с. 57]

1. Нулевая оппозиция представляет собой отношение равенства между двумя множествами, в которых элементы, то есть ключевые семантические компоненты сравниваемых понятий, полностью идентичны. Синонимы могут служить примером такой оппозиции, поскольку их основные элементы совпадают, но различаются по оттенкам значения.

2. Привативная оппозиция характеризуется отношением строгого включения одного множества в другое. Родовые и видовые понятия являются классическим примером такой оппозиции.

3. Эквиполентная оппозиция возникает в ситуации, когда два множества пересекаются, образуя общую часть, при этом сохраняя различия в остальных элементах.

4. Дизъюнктивная оппозиция представляет собой случай, когда у двух множеств отсутствуют общие элементы.

Данные четыре типа оппозиций между множествами играют важную роль в уточнении семантических связей между словами в рамках семантического поля. В семантическое поле включаются значения, обладающие общими элементами множеств, то есть те, которые находятся в нулевых, эквиполентных и привативных оппозициях.

Заключение. На основе гипотезы о семантической взаимосвязи элементов, входящих в семантическое поле, которое включает значения, находящиеся в отношениях нулевой, эквиполентной и привативной оппозиции, формируется данное поле. Это предполагает его последующее расширение: выделение микрополей и лексических единиц, семантически связанных с исходным ядром поля. [5, с. 609]

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка — Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30.
2. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л., 1965, – С. 106.
3. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — Новое в лингвистике. – Вып. 2. – М., 1962. – С. 122.
4. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57.
5. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971. – С. 68.

УДК 81’42

МИФОЛОГЕМЫ ДИСКУРСА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В УКРАИНОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Кайдаш М. А., ORCID 0009-0002-0523-6410
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mikhail.kaydash.dn@gmail.com

Введение. В условиях современного геополитического противостояния особое значение приобретает когнитивная война, направленная на изменение восприятия и идентичности общества. В её рамках формируется система мифологем и нарративов, призванных закрепить определённые представления в массовом сознании. Одним из таких явлений выступает дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры в украиноязычном текстовом пространстве.

Цель доклада — выявление основных механизмов и форм дискредитации русского языка и культуры как элемента когнитивной войны, а также рассмотрение ключевых мифологем, распространяемых через научный, публицистический и бытовой дискурсы.

Основная часть. Когнитивная война представляет собой противостояние на уровне восприятия и информации, в отличие от информационной войны, целью которой является эмоциональный отклик. Основная задача когнитивного воздействия — изменить саму систему восприятия реальности у общества противника [2].

Дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры является важным инструментом когнитивной войны. Он формируется на институциональном уровне и постепенно распространяется через публицистический и бытовой дискурсы. Этот процесс описывается как движение идей по «окну Овертона» — от маргинальных до общественно закреплённых [5].

Ключевым элементом является использование фактоидов, то есть недостоверных утверждений, поданных в правдоподобной форме [1]. Фактоиды создают иллюзию научности и служат основой для пропагандистского дискурса. Дополняющим приёмом является фрейминг — выборочное представление информации с акцентом на выгодных аспектах.

Современный этап развития пропаганды характеризуется её ризоморфностью: потребитель информации становится одновременно и её распространителем, активно транслируя заданные нарративы через социальные сети и медиаплатформы [3].

Таким образом, дискурс дискредитации работает как системная пропагандистская конструкция, направленная на подрыв легитимности русского языка и культуры в общественном сознании жителей Украины.

В рамках анализа дискурса можно выделить несколько основных мифологем, которые систематически используются для дискредитации русского языка и культуры.

1. Украинский язык и культура старше русских. Эта мифологема утверждает исключительное первенство украинской культурной традиции и позиционирует её как основу восточнославянской цивилизации..

2. Русский язык не является славянским. Данный нарратив опирается на искусственные антропологические и лингвистические аргументы, призванные лишить русский язык его принадлежности к славянской группе. Так, например, в научной работе Пивторака Г.П. от начала 2000-х высказывается мысль, что «*від фінно-угорської назви столиці окремого князівства Москва, яка вперше як невелике село згадується лише в 1147 р., було названо цілу державу. Її правителі називали себе князями (згодом — великими князями, пізніше — царями) московськими, а своїх підданих — московськими людьми. Назви «Москва», «Московия»,«Московское государство» були офіційними урядовими назвами держави. Так її називала і вся Європа, країни Сходу, турки, араби та інші народи, а мешканців Московщини іменували «москвинами», «москвитянами»,«московитами», «московитянами». Українці від XVст. своїх північно-східних сусідів послідовно називають москалями, а їхню країну — Московією. Як бачимо, становлення російського етносу відбувалося далеко від Києва й усієї первісної Русі — Середньої Наддніпрянщини і не має до неї жодного стосунку*»

3. Русский и украинский языки не являются родственными. Эта конструкция используется для того, чтобы разрушить представления о близости и общности двух культур и народов, формируя их полное противопоставление.

4. Русский язык произошёл от украинского. Мифологема направлена на принижение статуса русского языка и его культурной самостоятельности, превращая его в производную систему от украинского. Показателен пример из фолк-лингвистической публицистики Степана Дякивского: *«Ввечері гості стали просити монахів, щоб їх повели в ‘‘столовую’’. Монахи ніяк не могли зрозуміти, чого вони хочуть, адже столи у нас стоять не тільки в їдальні, а й в інших кімнатах та підсобних приміщеннях, поки зрозуміли, що так — не за головною функцією, а за однією з другорядних ознак — москалі називають їдальню. Але для майбутніх москалів це було головним, бо до того часу вони їли не за столами».*

5. Украинская культура и язык подвергались систематической деукраинизации. Эта мифологема утверждает, что в течение длительного исторического периода существовала целенаправленная политика подавления украинского языка и культуры со стороны России.

6. Русский язык и культура «духовно» низшие. Здесь делается упор на цивилизационное противопоставление, в котором Россия изображается как архаичная и репрессивная, в отличие от «европейской» Украины. Здесь можем привести пример из того же Степана Дякивского: «*Щоб зрозуміти природу цього явища, необхідно врахувати, що йдеться про дві різні цивілізації й породжені ними дві різні ментальності. Характерною ознакою однієї з них є винайдення плуга, висока культура обробітку землі й вирощування злаків, тоді як діаметральною протилежністю до цих ознак є життя людей у землянках, полювання на хижих звірів, формування характерів кочівників, сенс життя яких — насолода від кривавої бойні зі звірами й людьми».*

Таким образом, каждая из этих мифологем играет роль в формировании системной модели дискредитации, где лингвистические и культурные различия представляются как непреодолимые и абсолютные. Для выстраивания дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры в научном, публицистическом и бытийном украиноязычном тексте выстраивается типическая система каналов распространения, начинающаяся на институциональном (научном) уровне дискурса, переходяшая в институционально-ризоморфный (публицистический) уровень и заканчивающаяся на ризоморфном (бытийном уровне). Для достижения единой прагматической цели — очернения и принижения в общественном сознании положения и роли русского языка и культуры используются различные мифологемы, которые по своей сути являются различными проявлениями пропаганды, дезинформации и манипуляции информацией.

Заключение. Дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры в украинском текстовом пространстве является инструментом когнитивной войны. Он формируется через институциональные и ризоморфные каналы, опираясь на мифологемы, фактоиды и приёмы манипуляции. Итогом его действия становится конструирование устойчивого противопоставления русской и украинской культур, что играет ключевую роль в поддержании идеологических рамок современного конфликта.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды. – СПб.: Прайм – Еврознак, 2003.
2. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий // Вестник МГОУ. – 2020.
3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. – М.: ДИБРОКОМ, 2013.
4. Володенков С.В. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель. – 2015.
5. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием. Вопросы теоретической экономики. – 2023.
6. Barford, Paul M. The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. – Cornell University Press, 2001

УДК 81'42

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА И БЫТОВОЙ УТВАРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Калмыкова Д. А., ORCID 0000-0003-1553-1712
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
darya-kalmikova@mail.ru

Введение. Творчество Н.В. Гоголя — это яркое отражение жизни и быта российского общества первой половины XIX века. В своих произведениях писатель скрупулёзно воссоздаёт картины повседневности, наполняя свои произведения деталями, связанными с предметным миром человека. Лексика, обозначающая домашний обиход и бытовую утварь, занимает особое место в гоголевском языке, выполняя не только функцию описания, но и своеобразной «бытовой предметной лексики» [2], являясь важным средством характеристики и этноспецифики персонажей для создания комического эффекта. особенности, которые отражают культуру того или иного народа через портретные, речевые и другие характеристики действующих лиц. В творчестве Н.В. Гоголя достаточно образно представлена лексика, обозначающая домашний инвентарь и бытовую утварь, в разных контекстах в цикле художественных произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки», в поэме «Мёртвые души», цикле произведений «Миргород». Писатель использует элементы диалектической лексики, которые обозначают предметы домашнего обихода, посуды, одежду и другие элементы быта, для придания наибольшей достоверности и образности текстам повествования [3]. Н.В. Гоголь интересовался крестьянским бытом и собирал названия, терминологию и фразеологию, связанные с ним. Вещи, мебель, предметы домашнего обихода играют в языке писателя особую роль, помогая отчётливее выявить те или иные черты характера персонажа [4].

Цель — обобщить и упорядочить сведения о лексике со значением домашнего обихода и бытовой утвари, определить её функции в художественном тексте при создании художественного образа в произведениях Н.В. Гоголя.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению языка художественной литературы как отражения национальной культуры и истории. Анализ лексики, обозначающей предметы материального мира, позволяет глубже понять быт и нравы конкретно взятой эпохи, а также систематизировать особенности художественного мировоззрения писателя.

Объектом исследования является лексика со значением предметов домашнего обихода и бытовой утвари в произведениях Н.В. Гоголя.

Предмет исследования — функции данной лексики в процессе создания художественного образа, раскрытии характеров персонажей и отражении социальных отношений в произведениях писателя.

Материалом исследования послужили наиболее известные произведения Н.В. Гоголя, такие как «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Мёртвые души», «Миргород».

Лексика, связанная со значением домашнего обихода и бытовой утвари, используемая Гоголем, может включать следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): ЛСГ *«предметы мебели»:* диваны, кресла, столы, стулья, шкафы, комоды, кровати; ЛСГ *«посуда и кухонная утварь»:* тарелки, чашки, стаканы, рюмки, графины, кувшины, самовары; ЛСГ *«названия гастрономических блюд и продуктов»* еда, напитки, блюда и их ингредиенты: кисель, узвар, вареники, каша, чечевица, тесто; ЛСГ «*процесс приготовления пищи»;* ЛСГ *«процесс застолья»:* ярмарка, пир, свадьба, гуляние; ЛСГ *«процесс приготовления пищи»:* варка, обжаривание, запекание, смешивание; ЛСГ *«предметы быта и их элементы»*: часы, зеркала, картины, канделябры, лампы, подсвечники; ЛСГ *«одежда, обувь»:* мундиры, фраки, шинели, платья, шляпы, сапоги и др.

В рамках данного исследование проведём обобщённый анализ особенностей реализации лексики со значением домашнего обихода и бытовой утвари в произведениях Н.В. Гоголя.

Основная часть. В произведениях Н.В. Гоголя есть лексика, обозначающая предметы домашнего обихода и утвари. Приведём некоторые из таких примеров, отображённые автором в цикле художественных произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки»: *«лежанка»* — длинный выступ из печи, на котором лежат; *«кушель»* [1] — глиняный кувшин; *«колода»* [1] — большое корыто; *«куфа», «кадь»/«бочка»* [1] — «хлебная бочка», бочонок для хлебного кваса; *«каганец»/»жирник»/«ночник»/«лампадка»* [1] — светильник, дающий слабое освещение и зажигаемый на ночь; *«гребень»* [1] — снаряд для расчёсывания, льна и пеньки, а также — продолговатая пластинка с рядом зубьев по одной или по обеим сторонам, служащая для расчёсывания волос или как украшение для волос. Данные, на первый взгляд, незначительные детали обихода и быта создают неповторимую атмосферу произведений, погружая читателя в реалии жизни помещиков, чиновников и простых людей [6]. В мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя предметы домашнего обихода и бытовой утвари вовсе не молчаливые свидетели крестьянского быта, а скорее, «…активно говорящие элементы, создающие неповторимую атмосферу исконно славянского фольклора и мистицизма» [5, с. 98]. Предметы, связанные с ремеслами и трудом, также играют важную роль в создании атмосферы «Вечеров». Прялки, веретена, ткацкие станки — все это символизирует трудолюбие, мастерство и связь с народными традициями. Описание этих предметов часто сопровождается

рассказами о народных промыслах и ремеслах, что позволяет лучше понять жизнь и культуру украинского народа. Они не просто окружают героев, а вплетены в саму ткань повествования, отражая их характеры, привычки и верования. Наивная простота и одновременно глубокая символичность значения — вот ключевые черты лексики, обозначающей предметы обихода и бытовой утвари в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Так, например, *«горшки», «макитры», «рушники», «лавки»* [1] — привычные предметы крестьянского дома преподносятся автором в поэтическом ореоле. Н.В. Гоголь рисует их яркими, сочными красками, оживляя их народными поверьями и обрядами. Эти предметы не просто обозначают быт, но и становятся символами дома, семьи, связи с землей, обычаями и предками.

В цикле произведений «Миргород» Н.В. Гоголь живописует не только характеры и судьбы, но и окружающий героев предметный мир, наделяя его особой выразительностью и символизмом. Описание быта, мебели, обихода и утвари становится неотъемлемой частью повествования, раскрывая особенности жизни, нравов и ценностей персонажей. В помещичьих усадьбах, как в имении Товстогубов, царит атмосфера патриархальности и неспешности. Описание комнат с массивной мебелью, домоткаными коврами и портретами предков подчёркивает устойчивость традиций и связь с прошлым. Утварь, зачастую передаваемая из поколения в поколение, свидетельствует о прочности семейных уз и преемственности поколений. Автор подробно описывает *«шкафы»* [1], набитые всякой всячиной, «*сундуки*» [1] с одеждой, «*столы*» [1], заваленные бумагами и книгами. Эта захламлённость, обилие ненужных вещей, свидетельствует о застое, косности жизни чиновников и помещиков. В бытовой обстановке простых казаков, напротив, преобладает простота и неприхотливость. Скромное обустройство быта как *«лавки вдоль стен», «деревянная посуда»* и *«русская печь»* [1] — все это говорит о небольшом достатке и тесной связи с землёй. Однако и здесь каждая вещь несёт в себе отпечаток истории и традиций. *«Вышитые рушники, иконы в углу, глиняные горшки»* — все это создаёт атмосферу уюта и душевного тепла. Преувеличенные описания, гротескные детали и ироничное отношение к предметам обихода усиливают сатирическую направленность произведений [7].

Таким образом, предметы обихода помогают читателю глубже понять психологию персонажей. Наконец, бытовая лексика используется Н.В. Гоголем для создания комического эффекта.

Заключение. Подводя итог исследования стоит отметить, что лексика, обозначающая домашний обиход и бытовую утварь в произведениях Н.В. Гоголя, является важным элементом его художественного мира. Она не только создает атмосферу эпохи, но и выполняет функцию характеристики персонажей, раскрывает их внутренний мир и служит средством создания комического эффекта. Использование этой лексики позволяет Гоголю воссоздать живую и

достоверную картину российской действительности XIX века. В произведениях Гоголя лексика, обозначающая предметы домашнего обихода и бытовой утвари, занимает значительное место и воссоздаёт яркую и достоверную картину жизни различных слоёв населения, от крестьян до помещиков и чиновников. Данный пласт лексики позволяет читателю не только представить себе обстановку, в которой живут герои, но и почувствовать атмосферу эпохи, понять ее ценности и приоритеты.

Список литературы

1. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения Н.В. Гоголя: Избранные произведения в одном томе / Н.В. Гоголь // Электронная библиотека RoyalLib – https://royallib.com/read/gogol_nikolay/izbrannie_proizvedeniya_v_odnom_tome.html#0 (дата обращения 20.08.2025).
2. Иомдин, Б.Л. Русская бытовая предметная лексика: онтология и описание / Б.Л. Иомдин // Информационные технологии и системы: Материалы 33-ей конференции молодых ученых и специалистов ИППИ РАН. — 2010. – http://www.itas2010.iitp.ru/pdf/1569326461.pdf (дата обращения: 23.08.2025).
3. Лисик, Л.Т. Литературоведы об особенностях языка и художественного стиля Н. Гоголя / Л.Т. Лисик. // Молодой ученый. — 2011. — № 5 (28). — Т.2. — С. 27-33. — URL: https://moluch.ru/archive/28/3240/ (дата обращения: 29.08.2025).
4. Лисик, Л.Т. Сходство и различие проблематики и стиля произведений Н. В. Гоголя и Ф. Кафки (на примере повести «Нос» и новеллы «Превращение») / Л.Т. Лисик // Журнал «Русский язык за рубежом». — 2011. — № 6. — С. 97–102. — http://journal.pushkin.institute/. — ISNN 1595-0861.
5. Колева, И.П. О комическом в творчестве Н. В. Гоголя: традиции и новаторство / И. П. Колева // Русская словесность, 2008. — № 1. — С. 18 — 25.
6. Калмыкова, Д.А. Обрядовый контекст в произведениях Н. В. Гоголя https://www.elibrary.ru/download/elibrary_74515775_71484658.pdf. — ORCID 0000-0003-1553-1712.
7. Калмыкова, Д.А. Структура лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н.В. Гоголя / Д.А. Калмыкова // Новые горизонты русистики. — 2023. — № 3(21). — С. 46-51. — EDN EQNDJT. — DOI: 10.5281/zenodo.11429215.

УДК 81:008(075)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КАРТОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ

Карпенко А. В., ORCID 0009-0005-0913-2709
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.karpenko2505@yandex.ru

Карточные игры в I-ой половине XIX века представляли не просто модель повседневной жизни русского дворянства, а уникальное культурное явление, в котором нашли отражение социальные и символические аспекты разных народов и исторических эпох. За изображениями и номинациями

карточных фигур, чисел и мастей содержатся смыслы, позволяющие определить их значение как в контексте игрового пространства, так и вне игры, выполняя прогнозирующую функцию во время гадания: «В самой природе карт заложено двоемирие, они — простые знаки, «ходы» в игре, и имеют смысл в гадательной системе…»[4, с.138]. В названиях игральных карт содержатся символы и значения, которые определяют культурные стереотипы, социальный статус и поведение как в контексте игры, так и вне игры, выполняя прогнозирующую функцию во время гадания и в повседневной жизни, и тем самым объясняя игровое поведение.

Цель работы — определение семантического и символического значения карточных наименований и их сюжетообразующей роли в произведениях русской литературы I-ой половины XIX века.

Актуальность работы обусловлена тем, что игральные карты, являясь частью культурного наследия русского народа и актуализируя свою символику, способствуют изучению семантических полей, поскольку имеют метафорическое значение и тем самым предоставляют возможность для определения взаимодействия языка и культуры.

В конце XIV века иезуиты, объясняя иерархию общественной жизни, считали, что карты способны описать мироустройство. По мнению И. В. Борисова, «...самое низкое положение как в игре, так и в обществе играют цифры — это народ, войска, вассалы» [2, с.113]. Также карты отражали жизненные перипетии, в которые попадал человек, и его переживания.

Структурные особенности карточных номинаций:

- старшие фигуры (валет, дама, король, туз);
- масти (пики, трефы, черви, бубны);
- числа (от двоек до десяток).

При своём появлении карты оценивались как произведение живописи. Помимо «игрового» значения карты (или художественные миниатюры) имели ещё и эстетическое и «информационное» значение, в частности, выполняли роль журнала мод.

Карточные фигуры представлены четырьмя картами: валет, дама, король, туз. Валет — «франц. младшая из фигур, в игральных картах» [7].

Говоря о даме как о карточной фигуре, отметим, что в русский карточный обиход она вошла в I-ой половине XIX века из французской колоды, обретя романтическое значение в гадании. Король на сегодняшний день остаётся символом власти, мудрости и силы, а туз — самая старшая в иерархии карточных фигур карта, символизирующая превосходство и успех.

Ныне существующие четыре масти игральных карт — черви, бубны, трефы и пики — изображают собой четыре главнейших предмета рыцарского обихода: эмблема меча (трефы), копья (пики), знамени или герба (бубны), эмблема щита (черви). В России I-ой половины XIX века

помимо традиционного значения карточным мастям приписывали символическое, связанное с гаданием. Пики ассоциировались с испытаниями, бубны представляли комфорт, власть, богатство, трефы — работа, червы — любовь.

При изучении наименований игральных карт на основе произведений русской литературы I-ой половины XIX века, были определены следующие функциональные группы:

1. **Персонификация карточных фигур**. Фигуры как образы-символы. Значение карточной фигуры «дама» могло сочетаться с определённой личностью, причём дама пик носила негативную оценку, символизируя «злодейку» [3, с. 95]: *Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швохнев, свою брюнетку, что называл ты* ***пиковой дамой****? Где-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во все тяжкие* [Н. В. Гоголь. «Игроки» (1832–1842)][1]. Как было сказано выше, фигура короля символизирует власть, а бубновый король — богатство, являясь в то же время одной из самых интригующих фигур. За карточными фигурами герою романа Ф. Корфа Хомкину чудятся враги, преследующие его и несущие угрозу жизни: Даже казалось бы извозчик, занимающий низкое социальное положение, кажется ему в образе властной фигуры короля. *Он ясно видел, что извозчик не что иное, как* ***бубновый король****, из той самой колоды которою он играл; Вместо лошади впряжен был в оглобли* ***бубновый туз****... Он обернулся и видит, что за ним гонится* ***бубновая четверка****“ <…> она принимала для него человеческий вид и пристально смотрела ему в глаза [***Ф. Корф «Отрывок из жизнеописания Хомкина» (1838)].

2. **Сюжетное движение в композиции**. Червонный туз, который мог оказаться роковым для героя, является отвлекающим манёвром для свидетелей едва не свершившегося самоубийства: *Я взял со стола, как теперь помню,* ***червонного туза*** *и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета* ***к роковому тузу****, который,трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок… осечка!* [М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (1837–1839)].

3. **Прогнозирующая (предсказательная в гадании) функция**. Картам свойственна двойственная природа, так как помимо игровой функции они выполняют прогнозирующую: *Тогда вытаскивал из-под подушки старые потасканные карты, осторожно разворачивал их и смотрел долго и внимательно, словно читал какую-то таинственную*

[1] Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка. – Режим доступа: ruscorpora.ru.

книгу. Если попадался ***туз пик****, лицо его бледнело и становилось тревожным, будто прочитывал какое-то страшное предсказание* [Н. В. Гоголь «Портрет» (1833–1834)].

4. **Демоническая коннотация**. По мнению Ю. М. Лотмана, «игра становилась столкновением с силой мощной и иррациональной, зачастую осмысляемой как демоническая» [5, с. 798]. Наблюдение за игрой дяди доводит проигравшегося ранее племянника до нервного срыва. В его воображении игра стала инфернальной: *Пред ним холодное, неумолимое лицо палача: палач вынимает карту за картой <…>слышно тихое трепетание маятника, отрывистые дрожащие голоса произносят как будто из могил:* ***семерка****… идет… убита…* ***тройка****…* ***дама****… плие* [В. Ф. Одоевский «Мартингал» (1846)].

Среди карточных фигур также были выделены карты с обозначением числовых номиналов. Причём эти номиналы использовались как в коммерческих играх, так и в азартных играх. Часто встречающиеся во время промётки *тройка*, *семёрка*, *четвёрка*, *девятка* могли быть результатом как выигрыша, так и проигрыша: ***Четверка*** *взяла,* ***тройка*** *взяла* [Н. В. Гоголь. «Игроки» (1832–1842)].

Таким образом, номинации игральных карт представляют сферу символов и смыслов, позволяющих определить культурные коды, языковых единиц, что в очередной раз подтверждает, что культура карточной игры I-ой половине XIX века была отличительной особенностью русской идентичности.

Список литературы

1. Афанасьев В.А. Демонизм в «Пиковой даме» А.С. Пушкина с точки зрения семиотики карт и карточной игры / В.А. Афанасьев // Гуманитарный вестник. – 2018. — № 2. — С. 1–8.
2. Борисова И.В. Символика игральных карт / И.В. Борисова // Гербовед. — 2005. — № 85. — С.113–118.
3. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» / В.В. Виноградов // В.В. Виноградов. Пушкин: Временник пушкинской комиссии — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 2. — С. 74–147.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). — СПб.: Искусство, 1994. — С. 138.
5. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карточной игры в русской литературе начала XIX века» / Пушкин. – СПб.: Искусство, 2005. – 798 с.
6. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
7. Толковый словарь Даля // Академик: сайт словарей и энциклопедий — URL: https://dis.academic.ru/contents.nsf/enc2p/(дата обращения: 26.09.2025).

УДК 81-13

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Куксина О. И., ORCID 0000-0002-5609-5948,
Соколова Н. В., ORCID 0000-0002-5853-0130
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
kuksinaolga23@mail.ru, 4295166@mail.ru

Введение. Лингвистический подход к изучению речевой агрессии подразумевает исследование языковых способов ее выражения. В данном аспекте вербальная агрессия определяется как использование разнообразных языковых средств для выражения неприязни, враждебности, оскорбляющих чье-либо самолюбие, достоинство [1]. Речевая агрессия, как лингвистическое и коммуникативное средство, ставит своей целью оказать влияние на формирование мировосприятия аудитории, навязывание единственно верной, по мнению авторов, риторики, пропаганду своих интересов и позиций любыми доступными способами.

Цель статьи — рассмотреть средства выражения вербальной агрессии на разных языковых уровнях — лексическом, грамматическом, стилистическом, синтаксическом, текстовом.

Основная часть. В большинстве случаев речевая агрессия на лексическом уровне реализуется с использованием негативно окрашенной лексики, лексики сниженного разговорного уровня, обсценизмов (непристойных выражений, бранных слов), негативно-маркированных слов со значением разрушительных действий, отрицательных эмоциональных состояний и оценок, эмоционально-экспрессивных слов со значением обмана / разоблачения. Используются также некодифицированные средства речевой агрессии — слова, которые находятся за гранью литературного языка, но являются лексической единицей национального языка. Использование таких средств считается простым и очевидным способом выражения негативных эмоций и отрицательных оценок.

На грамматическом уровне вербальная агрессия проявляется включением неологизмов, образованных аффиксальным способом, а также путем словосложения, конверсии и употреблением сокращений.

Текстовыми или дискурсивными средствами выражения агрессии являются приемы языковой демагогии, то есть непрямого воздействия на адресата, а также ирония, сарказм.

Для коммуникационной среды характерны следующие дискурсивные средства речевой агрессии: провокационное общение, ирония, перегруженность текста негативной информацией, фразеологические единицы, идиомы.

Синтаксические средства выражения речевой агрессии предполагают использование языковых конструкций для передачи негативного эмоционально-оценочного отношения к кому- или чему-либо.

Доминирующими способами выражения коммуникативной агрессии на синтаксическом уровне являются [2]:

- параллелизм, однотипное построение следующих друг за другом предложений, что помогает придать речи больше экспрессивности и привлекает внимание аудитории к сказанному, делает оценку высказываний более интенсивной;
- синтактико-стилистические повторы, которые усиливают агрессию, создают эффект нарастания отрицательных эмоций;
- парцелляция, при которой предложение интонационно делится на самостоятельные отрезки (парцелляты), а графически они выделяются как самостоятельные предложения. Она используется для создания экспрессивной окраски путём отрывистого произношения предложения, чтобы акцентировать внимание в высказывании, например, на негативных сторонах участников коммуникации;
- императивные конструкции, функция которых в данном случае — не пригласить оппонента совершить какие-либо действия, а выразить угрозу, приказание в категорической форме;
- риторические вопросы. Данный тип вопросов, как вопросов, не требующих ответа, не свойственен диалогической коммуникации, поэтому в агрессивных речевых тактиках они приобретают новое значение, а именно, вызвать упрёк или подозрение;
- синтаксические фразеологизмы, которые предназначены не для воздействия на адресата, а для выражения чаще всего негативного, враждебного отношения говорящего к ситуации;
- синтаксические конструкции с дифференцированными функциональными оттенками (угрозы, иронии, сарказма, раздражения, скепсиса).

Средства коммуникативной агрессии на стилистическом уровне представлены:

- эпитетами, посредством которых выражается нелицеприятное отношение к каким-либо событиям;
- метафорой, которая активно используется как языковое средство актуализации речевой агрессии. Метафорические модели могут оказывать эмоциональное воздействие, понижать статус объекта, моделировать образ агрессивной, враждебной реальности. Такие модели обладают рядом специфических характеристик, а именно:

1) способностью оказывать эмоциональное воздействие на адресата (призывать к агрессивным действиям, провоцировать агрессивное состояние, агрессивно описывать предмет речи и т. д.);

2) способностью понижать социальный, профессиональный статус, имидж характеризуемого метафорой объекта речи, умалять его значимость в глазах адресата.

- гиперболой, в основе которой лежит чрезмерное преувеличение качеств, признаков предмета, явления, события.

Необходимо также отметить просодические средства выражения агрессии.

На этом уровне они представлены восклицательными конструкциями, восклицательной интонацией, фразовым ударением.

К просодическим средствам выражения агрессии относятся:

- риторический вопрос с резко восходящим тоном, который призван продемонстрировать возмущение выступающего;
- использование открытой интонации, которая подготавливает слушателей к дальнейшей информации;
- синтаксический повтор, который варьируется от нисходящего тона до резко восходящего, что показывает всю палитру испытываемых выступающим эмоций;
- произношение слов с резкой интонацией, что свидетельствует о неприязненном отношении к объекту речи.

Как правило, просодически маркированным словам в подавляющем большинстве случаев сопутствуют акцентирующие жесты, самыми частотными из которых являются жесты рук, движения головы и тела.

Заключение. Взаимодействие и совокупное применение лексических, грамматических, стилистических, синтаксических, текстовых, просодических средств выражения речевой агрессии направлено на понижение социально-профессионального статуса адресата, а также способствует формированию негативного осознания его имиджа окружающими и оказывает эмоциональное воздействие на всех участников коммуникации.

Список литературы

1. Комалова Л.Р. Язык и речевая агрессия: Аналит. обзор / Л.Р. Комалова. — М., 2015. — 75 с. — ISBN 978-5-248-00788-2
2. Лето Я. В. Коммуникативные средства выражения агрессии в американском политическом дискурсе», (на материале интернет-публикаций и выступлений Д. Трампа). Автореферат диссертации на соискание учен. степени к — та филол. наук, Уфа — 2022. — URL: https://dissercat.com/content/kommunikativnye-sredstva-vyrazheniya-agressii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse-na-mater (дата обращения 2.10.2025).

УДК 81-119

РОК-ПОЭЗИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ФЕНОМЕН: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Малышева М. С., канд. филол. наук, ORCID 0000-0003-2958-8170
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»,
г. Белгород, РФ
mergen1616@mail.ru

Введение. Исследования дискурсивного пространства поэтического текста в современных реалиях выходят на принципиально новый уровень. Лингвистические исследования выходят за рамки изучения собственно текста художественного произведения, прирастают новыми смыслами посредством обращения к психологии, истории, философии. Художественный текст становится междисциплинарным феноменом.

Особую нишу в современном поэтическом творчестве занимает рок-поэзия — уникальный феномен, в основе которого тесная связь художественного (поэтического) текста и музыки. Именно музыкальное начало рок-поэзии обусловливает особенности восприятия такого рода текста, который в отдельных случаях, будучи изолирован от музыкальной составляющей, даже теряет художественную ценность.

Рок-поэзия сегодня — явление многогранное, сложное, с более чем шестидесятилетней историей. В теоретическом плане о данном феномене было сказано многое, но прикладной аспект изучения прирастает новыми направлениями в режиме онлайн.

Основная часть. Сегодня внимания заслуживает творчество рок-коллективов, которые не пользуются широкой известностью и популярностью. При этом, такие коллективы и сотрудничающие с ними авторы представляют на суд слушателя произведения, несущие глубинные смысла и вызывающие неподдельный интерес в рамках филологических исследований.

Обратимся к творчеству мелодик-рок-группы из Санкт-Петербурга «Легенда о Солнце». Творческое наследие коллектива в полной мере соответствует традиции отечественной рок-культуры и представляет собой соитие мелодичной, приятной и отчасти легкой музыки и глубокого по смыслу текста [2]. Иллюстрацией вышеприведенного тезиса служит текст песни «Последняя повесть», увидевшей свет в 2024 году.

Автор текста К. Д. Игнатьев, солист и лидер рок-группы «Легенда о Солнце», обращается к философской теме, связанной с границами человеческого разума и безумия. По сюжету, лирический герой, пройдя определенный этап в жизни (какой именно — расставание с любимой девушкой, предательства или смерть близкого человека — остается за

рамками текста), пытается вернуться в реальность, но тени прошлого его не отпускают:

«*Как ни странно,* ***снова живой****,*
Снова *жарко и* ***чувствую боль****.*
Исчезает тень на стене —
Гаснет свет в моем окне» [1].

Уже с первых строк текст пронизан метафорами. Так, строчку «*гаснет свет в моем окне*» можно трактовать как ‘гибель любви’, ‘прощание с прошлым’, ‘уход от реальности’, ‘начало безумия’. Поэтическое полотно пронизано символизмом: «*Путь укажет* ***полночь*** *на часах*» [1]. Традиционно, полночь символизирует начало новых суток, в более широком смысле — нового этапа в жизни человека, стирает грани прошлого. Также полночь можно рассматривать как половинчатость, двойственную природу человеческого разума, согласно которой разум и безумие — это две стороны одной медали.

Лирический герой — это герой-безумец, сумасшедший человек, который не смог преодолеть жизненные испытания. Он сходит с ума, но при этом повесть его жизни пишется, уже вне зависимости от его разума и желания:

«*Смысла нет кидаться в помыслы*
О своей больной судьбе.
Перечеркнуты *все* ***повести****,*
Где ***сказать*** *хотел я* ***о себе***» [1].

Под пером автора поэтического текста лирический герой становится автором своей жизни, своей судьбы, судьбы безумца, которая становится путем в никуда. Примечательно, что герой фактически стирает свою личность — «*перечеркивает повести*», где «*сказать хотел я о себе*», причем, делает это сознательно. Его не отпускает образ ускользающей возлюбленной или же ускользающего разума, воплощенного как «тень на стене» и «лик»:

«*Но, увы, твой* ***лик исчез****,*
Я *обещаю: ждать* ***останусь здесь***» [1], — и в этом главная трагедия лирического героя. Разум его уже за пределами реальности, а физически он остается прежним, в прежних условиях, которые в его представлении и являются теми самыми «*перечеркнутыми повестями*».

Грань между разумом и безумием стирается в образе лирического героя. Он остается в реальности, но уже не живой и не мертвый. Именно эту мысль подчеркивает повторяющаяся в финале песни строчка: «*Где* ***сказать*** *хотел я* ***о себе***». Лирический герой очень хочет сказать о себе, вырваться из этого замкнутого круга, вернуть разум, но его жизнь, как таинственный лик, ускользает, остается лишь пустота.

Игнатьев К. Д. обращается к глубоко философской теме: что есть человек разумный и что есть человек, лишенный разума? При этом,

однозначного ответа на поставленный вопрос ни у автора, ни у лирического героя нет. Этот ответ должен найти каждый из нас, ответить самому себе, что лучше и как жить, если оказался за чертой разума? Вопрос, впрочем, вечный и риторический.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что текст песни «Последняя повесть» является ярчайшим образцом современной отечественной рок-культуры. Он поднимает вечные вопросы, находящиеся на стыке философии, религии и медицины, вопросы, выступающие маркерами культуры и ментальности российского общества.

Заключение. Творчество мелодик-рок-группы «Легенда о Солнце» представляет собой уникальный феномен. Главными темами текстов песен становятся человеческие чувства, борьба разума и безумия, веры и безверия, добра и зла. Особый акцент авторы поэтических текстов делают на внутреннем мире лирического героя — человека, нашего современника, возможно, одного из нас. Это позволяет справедливо утверждать, что поэтическая составляющая творчества обозначенного коллектива представляет собой уникальный феномен, который, с одной стороны, в полной мере вписывается в контекст отечественной рок-культуры, традиционен и предсказуем, с другой стороны — обладает уникальным, неповторимым стилем, композиционным единством, узнаваемым языком.

Прагматический потенциал такого рода текстов, несомненно, высок. Они могут быть интересны как филологам, так и философам, психологам и психиатрам, культурологам и музыковедам, поскольку объединяют в себе комплекс проблем, с которыми сталкивается человечество с древнейших времен до наших дней.

Список литературы

1. Игнатьев, К. Д. Последняя повесть : [текст песни] / К. Д. Игнатьев. — URL: https://music.yandex.ru/album/30505242 (дата обращения: 03.09.2025).
2. Малышева, М. С. Интердискурсивное пространство современной рок-поэзии / М. С. Малышева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. — Т. 12. — № 4. — 2022. — С. 26–34.

УДК 821.161.1:[82-94:81'38]

СТИЛЬ КНИГИ А. ЛИСЬЕВА «НЕ ПРОЩАЕМСЯ!»

Мельник Е. В., ORCID 0009-0002-0658-6877,
Хомчак Е. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1155-440
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
elenahomchak@yandex.ru, lawlietlis@yandex.ru

Введение. Книга Андрея Владимировича Лисьева «Не прощаемся!» — одно из первых ярких произведений новой русской «лейтенантской» прозы, напрямую связанной с событиями Специальной военной операции. Автор не придумывает героев, а переносит на страницы настоящие истории с передовой и территорий Новороссии. Он передаёт эмоции солдат предельно честно: от искренней радости до горькой утраты, от чувства гордости до предательства. Повествование увлекает читателя в гущу боевых событий и заставляет хотя бы косвенно пережить то, с чем герои живут каждый день.

Цель работы — выявление стилистических особенностей книги А. Лисьева «Не прощаемся!».

Основная часть. Русская литература всегда чутко реагировала на переломные моменты в истории страны, сегодняшняя реальность не стала исключением. Уже через 2 года после начала Специальной военной операции происходящие события нашли отражение не только в новостных хрониках и комментариях военных экспертов, но и в художественных текстах, которые помогают лучше передать не только наши победы, но и переживания людей, которые каждый день стоят на страже безопасности и спокойствия граждан РФ.

В центре книги — судьбы молодых солдат и офицеров, оказавшихся на фронте. Андрей Лисьев показывает войну не как нечто абстрактное и далёкое, а как реальность, происходящую здесь и сейчас. Он делает это через личные истории героев, их разговоры с командирами — такими же обычными людьми, которые пытаются сохранить человеческое лицо там, где это почти невозможно.

Произведение уникально по той причине, что автор сам решил погрузиться в пучину боя — отправился в новые регионы и на собственном опыте испытал страх и горе утраты.

Стиль книги не всегда выдержан в соответствии с литературной нормой. Автор пишет без пафоса, простым языком, за исключением нередких военных терминов, просторечий и аббревиатур военной техники, по типу «БМП», «ПТУР», «ЗРК», «пятисотые», «нетвойняшки» и т. д., объяснение которым дается в конце книги. Местами встречается и крепкая солдатская лексика — нецензурная брань, которая не выглядит

оскорбительной, а наоборот помогает передать атмосферу фронта и неподдельные эмоции героев. Лисьев сознательно оставляет её, чтобы максимально честно показать реальность такой, какая она есть.

Обычные имена в книге встречаются редко, ведь в военной среде, где находился А. Лисьев, гораздо привычнее использовать позывные. Так, повествование ведётся от третьего лица и сосредоточено вокруг персонажа по прозвищу «Проза» — именно так автора назвали в самом начале, когда он только подъезжал к городу Мариуполь: «*Проза, жду вас в…*» [1, с. 8]. Среди других ключевых персонажей встречаются начальник штаба «Дрозд», заместитель по тылу «Синица», заместитель по вооружению «Кречет» и заместитель по политической части «Пустельга» [1, с. 30].

Особое внимание «Проза» уделяет общению с солдатами: он с интересом слушает их истории, старается разобраться в тонкостях военного дела, проникается уважением к командирам и всегда готов помочь окружающим. Этот внутренний настрой ярко выражен в его мыслях: «*Теперь он — в строю. И он готов защищать этих женщин и детей… своих женщин и детей… наших женщин и детей… чужих женщин и детей…*» [1, с. 53].

Нередко автор обращается к параллелям с Великой Отечественной войной, сравнивая сегодняшние события с подвигами прошлого поколения, сравнивая людей: «*У нашего поколения никогда не было чувства общего дела. А теперь оно есть*» [1, с. 8]. Эти отсылки не выглядят случайными: Лисьев словно пытается показать преемственность воинского долга и ту самую «нить памяти», которая связывает фронтовиков 1940-х и солдат современной России. Для героев повести такие сравнения — не просто дань истории, а источник внутренней силы, напоминание о том, что они продолжают традицию защиты Родины, начатую их дедами и прадедами.

Особенно ярко в книге показана преданность и доверие между бойцами. Здесь нет места показной браваде или желанию выделиться — никто не старается казаться умнее, сильнее или опытнее других. Наоборот, каждый делится тем, что знает, подсказывает, когда это действительно необходимо, и всегда готов подставить плечо товарищу. Это доверие рождается не из приказов и уставов, а из совместных испытаний, из осознания, что рядом — человек, от которого зависит твоя жизнь. Лисьев очень тонко передаёт эти моменты: короткие реплики, обмен взглядами, молчаливое согласие — всё это становится доказательством настоящего братства, которое формируется только там, где каждый день может стать последним.

Лисьев показывает, как важно чувство опоры и поддержки близких людей — именно оно способно вдохновить на настоящие подвиги. Так, один из офицеров по прозвищу «Филин», который противостоит надвигающимся танкам и, жертвуя собой, с пятой попытки поражает два вражеских танка. Причина его смелости кроется не только в военной подготовке или мужестве, но и в разговоре с самым близким человеком: «*Что в душе у него произошло?... С женой поговорил*» [1, с. 169]. На этот решительный и

смертельно опасный шаг он решился после разговора с женой, который дал ему внутреннюю уверенность и силу. Так Лисьев показывает, что даже в самых экстремальных условиях любовь и забота способны дать силы для невероятных поступков.

Особое значение в книге имеет её название — «Не прощаемся!». Объяснение этому даётся в тексте, когда Андрея Лисьева отправляют в безопасное место, ведь «книга должна выйти» и показать реальные события войны. В разговоре «Прозы» с военным по прозвищу «Аляска» звучит фраза «*Не прощаемся!*», которая поясняется традицией: «*На войне не принято прощаться. С передка пришла традиция при рукопожатии сказать: «не прощаемся!*» [1, с. 239]. Это выражение становится не просто словами, а символом того, что связь между людьми, прошедшими через фронт, остаётся прочной, несмотря на разлуку и опасности. Оно подчёркивает главную идею книги — память, товарищество и человеческие отношения на войне не прерываются, а продолжаются даже после ухода с фронта.

Книга Андрея Владимировича Лисьева «Не прощаемся!» показывает, что литература о войне способна формировать особое восприятие происходящего — как у тех, кто сам оказался участником событий, так и у тех, кто наблюдает за ними со стороны. Через живые истории солдат и офицеров, их страхи, сомнения, радость, горечь потерь и моменты героизма читатель получает возможность не просто узнать факты, но прочувствовать атмосферу фронта и понять психологию человека в экстремальных условиях.

Заключение. Стиль книги А. Лисьева «Не прощаемся!» эмоционально насыщенный. Простота языка, использование позывных, военных терминов и повседневной речи героев создаёт эффект присутствия, а упоминания о Великой Отечественной войне и других исторических событиях помогают осознать преемственность воинского опыта и значение памяти.

Произведение «Не прощаемся!» выполняет не только художественную, но и воспитательную функцию: оно формирует у читателя чувство ответственности, понимание человеческой солидарности и ценность жизни. А. Лисьев показывает, что даже в самых тяжёлых обстоятельствах поддержка близких, доверие к товарищам и внутренний моральный ориентир способны дать силы для героических поступков. Через такие книги современная «лейтенантская» проза не только отражает реальность, но и помогает обществу осмыслить её, оценить трудности и подвиги людей, участвующих в военных действиях, а также развивает у читателя способность к сопереживанию и критическому пониманию исторических и социальных процессов.

Список литературы

1. Не прощаемся. «Лейтенантская проза» СВО / А. Лисьев — Москва : Яуза, 2024. — 256 с. — (Военная проза XXI века).

УДК 81'282

«СЛОВАРЬ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ» В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ

Панчехина М. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8268-7293
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.panchehina@donnu.ru

«Словарь донецкой речи» представляет собой специфический тип лексикографического труда, а именно — словарь, отражающий региональную лексику, функционирующую на территории Донецкой Народной Республики.

При создании подобных словарей одной из самых сложных задач является определение критериев, на основе которых происходит отбор слов для включения в словник. Распространенное мнение о том, что в региональные словари должны включаться только слова, отклоняющиеся от языковой нормы и отсутствующие в нормативных изданиях, представляется не совсем верным. И.В. Матвеева, опираясь на работы В.И. Беликова, подчеркивает, что «некоторые особенности речи, которые большинство ученых считает выходящими за пределы литературной нормы, так или иначе попадают в самые авторитетные нормативные словари» [4, с. 73]. В качестве примера приводится лексема «поребрик», включенная в Малый академический словарь под ред. А.П. Евгеньевой без пометы о региональной принадлежности. Нельзя не согласиться с В.И. Беликовым, что «многие из такого рода единиц оказываются единственным используемым в повседневной практике (а иногда и единственно известным) способом обозначения определенного понятия для тех, кого никак нельзя исключить из числа носителей литературного языка» [1, с. 27–28].

Решение о включении лексем в «Словарь донецкой речи» принималось на основе социолингвистического метода. Опросник позволил установить, какие из представленных лексем являются частотными, широко используемые в языке и речи донбассовцев. Опрос также обозначил группу единиц, которые употребляются редко, однако являются узнаваемыми для конкретной возрастной группы реципиентов. Особый интерес представляли лексемы, которые находятся на грани исчезновения, однако являются ценными в связи с их лингвокультурной значимостью для жителей указанного региона. Очевидно, что основными факторами, определяющими включение лексемы в словарь — это знание слова носителями языка и частота его использования.

Не менее продуктивной формой исследования и пополнения словника «Словаря донецкой речи» оказался и другой способ — формат комментариев, которые широко были представлены на страницах-опросниках о донецком регионе «ВКонтакте». При включении в словарь орфография, пунктуация и стилистика автора сохраняются.

Например: *Анчуткой меня называли старшие в семье, когда я приходила домой чумазая (в перьях на голове), с боевой (индейской) раскраской на лице, с луками и стрелами в руках) после гулек с друзьями во дворе. Типа, чумазый чертенок. Анчутка — это вроде чертенок, бесенок. Также, когда я жила в деревне у бабушки, нас пугали такой анчуткой как ласкатуха, которая, если забрести на пшеничное или кукурузное поле, может заласкатать, защекотать до смерти, типа, помрешь от смеха. Поэтому мы боялись заходить далеко в пшеничное или кукурузное поле, чтобы не встретиться с ласкатухой, с этой полевой анчуткой (https://vk.com/wall64437484_15439).*

Развернутые комментарии пользователей, живущих на территории Донбасса, позволяют не только получить полное описание лексического значения слова, но и дают представление о том, как ведет себя исследуемая лексема, погруженная в языковой, культурный, лингвокультурный контекст, как ведет себя то или иное слово, погруженное в живую речь донбассовцев. Материал комментариев детализирует семантические оттенки и стилистические характеристики слов, позволяет установить, какой возрастной группой слово используется чаще, а какой — реже или же не используется совсем.

К особой форме бытования лексем, составляющих донецкий регионолект, относится их *письменная фиксация.* Это уникальное явление прослеживается в местных телеграм-каналах популярных донецких блогеров, каналах-перекличках. Среди наиболее цитируемых в «Словаре донецкой речи» являются следующие ресурсы с широким охватом аудитории:

АГС_Русского Донбасса (t.me/Ags_Donbass), количество подписчиков около 200 тысяч; Типичный Донецк (t.me/itsdonetsk), количество подписчиков порядка 600 тысяч; чат Мамы / Мамочки ДНР (t.me/mamavdnr), 2516 участников; канал журналиста Майи Пироговой МАЙ ДНР (t.me/MAYDNR), около 7000 подписчиков и некоторые другие. Ценность указанных источников состоит в том, что в них в письменном виде фиксируются знаковые для Донбасса слова и выражения.

Донецкий регионолект, единицы которого размещены в «Словаре донецкой речи», является угасающим явлением: активное использование региональной лексики приходилось на те периоды, когда Донбасс активно заселялся, когда на территории Донецкого бассейна процветала добыча угла и производство металла. В настоящее время в связи с боевыми действиями более активной и экспансивной по своему характеру является все же военная лексика, а не шахтерский сленг или речь металлургов.

Нельзя не согласиться и с тем, что региональная лексика преимущественно характерна для речи людей старшего возраста, не молодежи. Тем важнее актуализировать этот особый лексический пласт среди молодежи Донбасса, чтобы юные жители региона знали и понимали колорит донецкой речи.

Структура словаря. Словарь начинается с преамбулы, которая является по своей сути предисловием, объясняющим методологию написания, принципы составления статей. Преамбула содержит вводную информацию, необходимую для дальнейшей продуктивной работы со словарем.

Основной корпус словаря состоит из словарных статей, которые располагаются в алфавитном порядке.

В конце издания размещен заключительный текст, который представляет собой библиографический список, приложения, фотографии и изображения, используемые в качестве визуального материала словарных статей.

Ниже представлен пример словарной статьи, размещаемой в «Словаре донецкой речи».

А́мпул(к)а, -и, ж. Рег. 1. Стержень шариковой ручки. 2. Сама ручка. Я в Дзержинске всегда покупал в палатке на рынке ампулы с красной пастой или черной пастой, или синей пастой (https://vk.com/wall64437484_15382). Среди моих одноклассников (Мариуполь, 80-е) ампулкой назывался не любой стержень, а с утолщением в задней части — видимо, из-за некоторого визуального сходства с медицинской ампулой. Обычный же, простой цилиндрической формы, звали просто «запасной пастой» (https://vk.com/wall64437484_15382). В русских говорах Восточной Украины (в Луганске, Донецке и особенно в Харькове) стержень называют иначе — «ампулка». В остальных местах, где распространен русский язык, стержень как стержень (https://vk.com/wall-87124_68303?ysclid=m8mr64ss9t500298184). < Ареал распространения: Харьков, Луганск, Ростовская область, Краснодарский край. = От лат. ampulla «небольшой сосуд». Вероятно, использовалось первоначальное значение «сосуд с узким горлышком для хранения жидкости», апт. «герметично запаянный сосуд» ; паста, паста для ручки, стержень, чернила.

«Словарь донецкой речи» содержит уникальный материал — лексемы, характеризующие ментальность жителей данного региона, их культурные и лингвокультурные особенности. Словник издания может использоваться в контексте описания лингвокультурной идентичности донбассовцев.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Беликов В.И. Yandex как лексикографический инструмент / В.И. Беликов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог’2004. — Москва: Наука, 2004. — С. 39–46.
2. Матвеева И.В. Проблемы создания словарей регионально окрашенной лексики / И.В. Матвеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2021. — Вып. 3. — С. 72–77.

УДК 81’42

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Скороходова А. В., ORCID 0009-0009-5785-2216,
Гладкая Н. В., канд. филол. наук., ORCID 0000-0003-3903-4438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
skorohodovaanuta26@mail.ru, *Nata.gladkaya25@yandex.ru*

Введение. Политический дискурс, понимаемый как совокупность всех речевых актов, используемых в политической сфере коммуникации, является одной из наиболее регламентированных и в то же время креативных форм языкового взаимодействия. Его основной целью является не просто информирование, но убеждение, побуждение к действию и легитимация власти. В этом процессе ключевую роль играет аксиологический (ценностный) компонент, выражаемый посредством оценочной лексики.

Цель данной статьи — выявить и систематизировать особенности функционирования оценочной лексики в современном политическом дискурсе.

Основная часть. Использование оценочных средств в политической речи многогранно и преследует несколько взаимосвязанных целей:

1. Конструирование бинарных оппозиций «свой — чужой». Это базовая функция политического дискурса. Оценочная лексика служит главным инструментом разграничения: «наши» (положительная оценка) описываются с помощью лексем «справедливый», «миролюбивый», «суверенный», «ответственный», «прогрессивный», тогда как «чужие» (отрицательная оценка) маркируются как «агрессивные», «недемократичные», «коррумпированные», «реакционные», «русофобские». Например, в высказывании: «Наша мирная инициатива была сорвана агрессивными действиями блока НАТО» — создается четкая аксиологическая дихотомия [4];

2. Манипуляция общественным сознанием. Оценка, представленная как объективный факт, позволяет манипулировать восприятием аудитории. Использование ярких эмоционально-оценочных эпитетов («варварские санкции», «исторический прорыв», «предательская политика») направлено на запуск немедленной эмоциональной реакции, минуя критическое осмысление. Это формирует в массовом сознании нужные стереотипы и установки;

3. Легитимация и делегитимация. Политическая власть и ее действия нуждаются в постоянном оправдании. Положительная оценка собственных решений («мудрая внешняя политика», «социально ориентированный

бюджет») служит их легитимации. Отрицательная оценка оппонентов, их программ и действий («некомпетентное правительство», «популистские лозунги») является инструментом делегитимации, то есть лишения их авторитета в глазах общества [5];

4. Мобилизация и консолидация. Оценочная лексика используется для сплочения группы вокруг общих ценностей и врага. Призывы к «защите национальных интересов», «отстаиванию суверенитета», «противостоянию внешним угрозам» содержат имплицитную положительную оценку единства и отрицательную оценку угрозы, что мобилизует электорат.

Оценка в политическом дискурсе выражается на различных языковых уровнях:

1. Лексический уровень. Наиболее очевидный пласт — это собственно оценочная лексика:
   - Существительные: «тиран», «агрессор», «прогресс», «стабильность», «хаос»;
   - Прилагательные: «непоколебимый», «деструктивный», «свободный», «тоталитарный»;
   - Глаголы: «развивать», «созидать» (позитив) vs. «разрушать», «подрывать» (негатив);
   - Особую роль играют слова с «размытой» семантикой, так называемые «гумми-слова» (от англ. gum — жвачка), которые могут растягивать свое значение в зависимости от контекста: «демократия», «справедливость», «безопасность» [3]. Их оценка зависит от того, кто и в какой ситуации их использует.
2. Синтаксический уровень. Оценочность создается через определенные конструкции:
   - Сравнительные и противопоставительные конструкции: «В отличие от провальной политики предыдущей администрации, наша стратегия доказала свою эффективность»;
   - Риторические вопросы и восклицания: «Неужели мы можем терпеть это беззаконие?!»
   - Инверсия (обратный порядок слов), служащая для эмфазы: «Преступной была их политика, а не наша».
3. Стилистический уровень. Широко используются тропы:
   - Метафоры: «осадное положение», «коридор возможностей», «поле для диалога». Военная метафора особенно популярна для создания образа врага и мобилизации;
   - Эпитеты: «священный долг», «звериная сущность»;
   - Метонимии и синекдохи: «Белый дом заявил» (вместо «администрация США»), что может придавать высказыванию как безличный, официальный, так и, наоборот, персонифицированный характер [1].

Все вышеперечисленное можно подкрепить конкретными примерами:

1. Негативная оценка оппонента: «Это не просто ошибка, это предательство национальных интересов». Здесь используется резко негативная лексика («предательство»), которая переводит политическую дискуссию из плоскости аргументов в плоскость моральной оценки [2]. Конструкция *«не просто..., а...»* усиливает контраст и категоричность;

2. Позитивная саморепрезентация: «Мы предлагаем взвешенный и ответственный подход к решению острейших проблем». В данном случае применяются положительные эпитеты («взвешенный», «ответственный»), контрастирующие с имплицитно предполагаемой «невесомостью» и «безответственностью» оппонентов. Преувеличение («острейших») оправдывает значимость собственных действий.

Заключение. Таким образом, оценочная лексика является неотъемлемым и мощным инструментом политического дискурса. Ее использование далеко от нейтрального информирования и подчинено четким прагматическим установкам: формированию бинарной картины мира, манипуляции общественным мнением, легитимации власти и мобилизации электората. Оценочные суждения реализуются на всех уровнях языка — лексическом, синтаксическом и стилистическом, создавая плотный идеологический фон.

Список литературы

1. Фатьянова, И. В. Особенности функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX — начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов) // Социально-гуманитарные исследования. – 2023. – URL: https://doi.org/10.17805/sgs.2023.2.06 (дата обращения: 02.10.2025).
2. Торбик, Е. М. Оценочность как манипулятивный инструмент в высказываниях политического характера // Языкознание и литературоведение. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-kak-manipulyativnyy-instrument-v-politicheskom-diskurse (дата обращения: 30.09.2025).
3. Власова, Е. В. Переоценка в политическом дискурсе (на материале британских и американских газетных статей) / Е. В. Власова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2023. — №21. — С.34-35.
4. Данкова, Н. С. Речевое воздействие в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19 (на материале выступлений Б. Джонсона и Д. Байдена) / Н. С. Данкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — №23. — С. 8.
5. Магомедова, Т. И. Русский политический дискурс современной прессы: оценочный потенциал лексики / Т. И. Магомедова. — Москва: Наука, 2023. — 233 с.
6. Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2025. — №13. — С. 78-79.

УДК 811.161.1

ЭТНОФОЛИЗМЫ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ АГРЕССИИ

Соснина Л. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9823-5152
ФГБОУВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
ludmilasosnina@gmail.com

Введение. Социальные потрясения и межэтнические конфликты способствуют небывалому росту языковых новообразований. Особенности языковой ситуации весьма любопытны для ученых-лингвистов, проживающих на упомянутой территории. Предлагаем рассматривать языковую агрессию как выражение анти-нормы, как фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, как коммуникативную стратегию в ситуации конфликта. Цель исследования видится нам в изучении характерных свойств этнофолизмов как способа реализации языковой агрессии в современном медийном дискурсе.

Основная часть. Для обозначения проявлений агрессии в лингвистике применяются различные термины: «языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «языковое насилие», «язык вражды» и др. По нашим наблюдениям, современная геополитическая ситуация требует от участников речевого взаимодействия личного отношения к текущим событиям. В качестве рабочего можно принять такое определение речевой агрессии, когда ее представляют как набор языковых средств для выражения неприязни, враждебности, как манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие или унижающую достоинство. Как совершенно справедливо замечает Д.В. Соловьева, «вербальная агрессия используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает» [4, с.248]. Приведем следующие примеры: *«**Протухшая ливерная колбаса Шольц** неожиданно разговорился и понёс откровенную пургу* (https://t.me/readovkanews/37333); ***Немытая голова Бербок** заявила, что в Ливане не может быть гражданских объектов* (https://t.me/proofzzz); *За две недели до выборов Трамп по опросам опережает **Камалу Ха-ха-Харрис** в предвыборной гонке* (https://t.me/proofzzz).

Само выражение «языковая агрессия» трактуется современными учеными как «широко распространенная «военная метафора», характеризующая явления общественной жизни, в которой в последнее время все активнее отмечается столкновение культурных ценностей и убеждений» [3, с.824]. Одним из подобных средств выражения агрессивного речевого поведения выступает этнофолизм или, по мнению лингвистов,

экспрессивный этноним, экстроним, этнодисфемизм, этнический ярлык, этническое прозвище. Под *этнофолизмом* понимается «уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп» [1, с.127]. Важно также отметить, что этнофолизмы используются преимущественно в текстах с негативным инфоповодом, который является субъективным мнением репортера или автора статьи. Считаем уместным процитировать И.В. Ляшенко, который, обобщая опыт исследователей, заявляет, что примеры этнических прозвищ обладают «экспрессивно сниженной коннотацией, достигаемой широким спектром лингвистических средств, среди которых: использование производящих слов литературного стандарта, имеющих негативную семантику, использование производящих слов нелитературного стандарта, использование уничижительных суффиксов, рифмованных образований, ирония, игра слов» [2, с.116].

Актуальность статьи определяется множеством факторов, среди которых первостепенное значение имеет необходимость в систематизации большого количества этнических прозвищ. Опираясь на данные нашей картотеки, предлагаем выделить четыре основные группы реализации этнофолизмов в современном медийном дискурсе, имеющем непосредственное отношение к событиям специальной военной операции:

- именование украинцев;
- именование русских;
- именование американцев:
- именование англичан, французов, поляков и т. п.

1. К первой группе отнесем следующие примеры — *бандеровцы, бандерлоги, бешенцы, западенцы, мыколы, немытые, рагули, тарасы, укрофашисты, хохлы, чубнявые, щеневмерлы*: *Вновь под огнем **укрофашистов** мирные жители Донецка* (https://t.me/kulemzin_donetsk); *Ещё один **тарас** был ликвидирован нашими операторами во время ночной охоты (*https://t.me/ukr_2025_ru); *У **бандеровцев** к своим-то церквям никакого уважения нет, чего уж говорить о российских* (https://t.me/ukr_2025_ru); ***Рагули** в Верховной Раде предлагают переименовать улицу Банковая в Киеве в улицу Парубия* (https://t.me/boris_rozhin); *На встречу Бобочки нагнали ряженых **хохлов**, которых набрали по местной соцсети из **бешенцев*** (https://t.me/proofzzz); *Так **чубнявых** еще никто не обманывал*(https://t.me/Petya_perviy); ***Западенцы** всегда особенно остро реагируют на попытки их мобилизации(*https://t.me/ukr_2025_ru); *Такова судьба всех **бандерлогов** независимо от пола и возраста* (https://t.me/boris_rozhin);

2. Вторая группа — *ватники, кацапы, москали/маскали, орки, русня, расеяне, сепары*, например: *Из-за проклятых **москалей** в Крыму невозможно жить* (https://t.me/ukr_2025_ru); *По теории бабушек под подъездом — **русня** травит людей с самолётов* (https://t.me/ukr_2025_ru);

После этой войны ***кацапов*** *не будет*(https://t.me/ukr_2025_ru); *Да и в «****ватники****» так просто не попадают* (https://t.me/ukr_2025_ru/254581*); Пусть и дальше нас, «****сепаров****», популяризирует на Украине* (https://t.me/ukr_2025_ru); *Недавно мы работали именно там, где сейчас уже* ***орки***(https://t.me/ukr_2025_ru);

3. Третья группа — *американосы, пиндосы, янки,* например: *Интересно, а* ***пиндосы*** *разве смотрят иностранные фильмы?* (https://t.me/proofzzz); ***Американосы*** *конечно красавцы. Раскачают любое болото за две минуты* (https://t.me/rsotmdivision); *В качестве альтернативы* ***янки*** *рассматривают Колумбию, Перу, Гондурас и Вьетнам* (https://t.me/readovkanews);

4. Четвертая группа — *англосаксы, макаронники, лягушатники, ляхи, пшеки, фрицы, гейропейцы*, *проебалты,* например: *Именно* ***англосаксы*** *теперь будут отвечать напрямую за все военные операции Киева*(https://t.me/ukr_2025_ru); *Следом за* ***макаронниками*** *на Курскую землю приехали журналисты CNN* (https://t.me/belarusian_silovik); ***Лягушатник*** *заявил, что у Франции самая эффективная армия в Европе*(https://t.me/militarydonetsk); *Цивилизованные* ***гейропейцы*** (https://t.me/Petya_perviy); *Когда ругаются клинические русофобы —* ***ляхи*** *и бандеровцы, — это хорошо* (https://t.me/medvedev_telegram); *Вот чем он отличается от своих придурочных соседей* ***проебалтов****?* (https://t.me/proofzzz);

Заключение. Таким образом, проведенный анализ подтверждает нашу гипотезу о том, что социальные потрясения, в частности, специальная военная операция способствуют образованию новых лексических единиц, в нашем случае — этнофолизмов. В современном медийном дискурсе этнофолизмы являются способом реализации языка вражды, который постоянно развивается и пополняется новыми номинациями.

Список литературы

1. Комарова В.В., Осьмак Н.А. Этнофолизм как элемент языка вражды / В.В.Комарова, Н.А.Осьмак // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — № 5 (834). — С. 117-127.
2. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах / И.В.Ляшенко // Научный результат. Серия Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2014. — №2. — С. 110-119.
3. Пушина Н.И., Пушин О.М. Язык войны vs язык мира //Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2020. – Том 30. – Вып. 5. – С. 820-827. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827
4. Соловьева Д.В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов / Д.В.Соловьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 247-253.
5. Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе / Л.В.Соснина // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология, 2021. №3. — С. 3-8.

УДК 82-31

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЦВЕТОВЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Торопыно Д. И., ORCID 0009-0007-7946-8966,
Атаманова Н. В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
atamanova2003@list.ru, danila.toropyno@mail.ru

Введение. В современном языкознании понятие цветообозначение понимается как лексема или устойчивое словосочетание, обладающее способностью вызывать у реципиента цветовые ассоциации и выполняющее функцию номинации цвета. Колоратив представляет собой языковую единицу, содержащую корневую морфему, этимологически и семантически связанную с категориями цвета и цветового восприятия. При этом рассматриваемая лексема может реализовываться как в денотативном, так и в коннотативном аспектах для характеристики цветовых свойств объекта.

Исследованием цветовых лексем занимались такие отечественные ученые, как А.П. Василевич [1], В.Г. Кульпина [2], С.И. Лукьяненко [8], Р.М. Фрумкина [12] и др. Феномен цветообозначений является объектом междисциплинарного анализа, осуществляемого в рамках лингвистики, физики, психологии, физиологии и других научных дисциплин. В связи с чем в науке сформировались различные методологические подходы к изучению колоративов, включая лексико-семантический, грамматический, исторический, когнитивный, сопоставительный и функциональный.

Актуальность настоящего исследования состоит в недостаточной изученностью лексико-семантической репрезентации цветовых образов в языке поэзии Ф.И. Тютчева, несмотря на их значимую роль в формировании авторской картины мира, выражении философских и эстетических взглядов поэта, а также в создании эмоционального воздействия на читателя, что обуславливает необходимость комплексного анализа цветовой лексики в его лирике и ее функционирования в создании художественного образа.

Целью данной работы является выявление и анализ лексико-грамматических средств, используемых Ф.И. Тютчевым для создания и выражения цветовых образов в лирических произведениях.

Основная часть. В качестве материала для анализа нами были отобраны стихотворения из сборника лирики Ф.И. Тютчева [4], в которых употребляются цветовые лексемы. Всего проанализировано 220 лирических произведений поэта.

В семантическое поле цветообозначений исследуемого жанра входят лексемы разных частей речи. Основу цветовых лексем по частеречной принадлежности составляют имена прилагательные. Они относятся к

разряду качественных. В лирических произведениях Ф.И. Тютчева имена прилагательные в полной форме употребляются 65 раз, а в краткой — 4. Кроме них в стихотворениях поэта встречаются и другие части речи, выраженные колоративами (например, глагол — 20 раз).

Анализируя сборник стихотворений Ф.И. Тютчева [4], наша картотека составила 18 цветовых категорий, в том числе лексемы румяный, бледный, янтарный, гранитный, лазурный, темный. В лирике русского поэта часто встречались следующие цветообозначения: золотой (желтый), лазурный и голубой.

В лирике Тютчева колоратив *золотой* (в значении *желтый*) занимает особое место, преимущественно ассоциируясь с солнечным светом, что является ключевым референтом для понимания его в поэтической системе. Данная лексема связана с такими образами, как нивы, листья, виноград, днем, «позлащенное» солнцем, что свидетельствует о тяготении поэта к традиционным мироощущениям. В пейзажных зарисовках Тютчева этот оттенок акцентирует внимание читателя на завершенность и кульминацию развития природных явлений, символизируя высшую степень их совершенства, освещенную солнечным светом.

Золотой цвет, сопряженный с солнцем, выражается как прямо, так и имплицитно, посредством таких семантических и ассоциативно-образных коррелятов, как *блеск*, *блестящий*, *блещущий*, *светлеющий*, *пламенный*, *огнецветный*. Приведенные эпитеты отличаются универсальностью, поскольку могут применяться в описании различных явлений, связанных с точкой зрения лирического субъекта.

Белый оттенок является ядром зимнего пейзажа в лирике Тютчева. В стихотворении «Чародейкою Зимою...» (1852) колоризм отсутствует, но с ним ассоциируется снег («снежная бахрома» [4, с. 243], «легкая цепь пуховая» [4, с. 243]), что позволяет провести параллель с явлениями природы, обездвиживающими ее («Околдован лес стоит...» [4, с. 243], «В нем ничего не затрепещет...» [4, с. 243]). Имплицитно обозначенный *белый* цвет создает монохромность зимнего пространства, придавая пейзажу эффект гравюрности.

В поэтической системе Тютчева колоратив *голубой* имеет расширенную семантику посредством ассоциаций с элементами воздуха и воды, что отражает принцип зеркальности, свойственный его художественному мышлению. В произведениях автора часто встречаются такие образы, содержащие данный колоратив, как «воздух голубой» [4, с. 195], «лазурь — цвет небес» [4, с. 39], что подчеркивает фольклорную и поэтическую традицию использования *голубого* при создании земного, обозримого пейзажа человеком.

Несмотря на тяготение Тютчева к *лазурной* гамме, он отдает предпочтение всему диапазону *синего* цвета. В его стихотворениях часто можно встретить именно *синий* и *лазурный* цвета. Например, в «Рим ночью» (1850): «В ночи *лазурной* почивает Рим» [4, с. 169].

В лирике поэта колоратив *лазурный* играет важную роль в конструировании художественного пространства, особенно в описаниях небесной сферы. Он выполняет функцию медиатора между верхом и низом, что находит свое отражение в фольклорной и поэтической традициях. Образы «воздух голубой» [4, с. 195] и «лазурь — цвет небес» [4, с. 39] характерна для мироощущения поэта и используются для создания узнаваемых пейзажных зарисовок.

Зеленый цвет — это не только обозначение цвета окружающей среды, но и символ в языке поэта. Во-первых, он традиционно описывает природу («земля *зеленела*» [10, с. 84], деревья, поля, луга, вершины гор, лес, «*бледно-зеленая* грива» морского коня (волна) [10, с. 52]). Во-вторых, *зеленый* несет дополнительный семантический оттенок: им отмечено место, обладающее особой благодатью или священностью (рощи, дубравы, морские волны).

Использование *зеленого* цвета в сочетании с образом гривы морского коня (например, в стихотворении «Конь морской» (1830)) отсылает к мифологии, одновременно создавая метафору «гиппокамп — волна».

Поэтическая картина мира Тютчева отражает множество зрительных впечатлений и оттенков психологических состояний, выраженных через устоявшееся в поэзии предыдущего века эмоциональное ядро колоремы в диапазоне «*красный — алый — багряный — пурпурный*», то есть цвет передается в цветоощущении, которое представляет культурный феномен, включающий в себя эмоции, воображение, память, знание. Отсюда — богатство *красных* оттенков в отечественной поэзии и у Тютчева в частности.

Заключение. В результате анализа лексико-грамматических средств, с помощью которых Ф.И. Тютчев создает цветовые образы в своей поэзии, стало очевидно богатство и многогранность его палитры. Поэт мастерски использует широкий спектр лексем, описывающих цвет, варьируя от базовых и общеизвестных, как *красный*, *белый* и *синий*, до более изысканных и нюансированных, например, *алый*, *румяный* и *лазурный*.

Список литературы

1. Василевич А.П., С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко Цвет и название цвета в русском языке. — М.: ЛКИ, 2008. — 344 с.
2. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Диссертация ... канд. филол. наук: — М., 2002. — 695 с.
3. Лукьяненко И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. — Калининград, 2004. — 22 с.
4. Тютчев Ф.И. Я встретил вас… Стихотворения / Федор Тютчев. — М.: Издательство «Э», 2018. — 384 с.
5. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. — М.: Академия, 2001. — 320 с.

УДК 81’42

РЕЧЕВОЙ ЖАНР В ЛИНГВИСТИКЕ: МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Фирсова Я. В., ORCID 0009-0001-0201-1198
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ms.kotenokkissa@mail.ru

Понятие «речевой жанр» занимает центральное место в современной коммуникативно-функциональной лингвистике. Изучение жанровых особенностей высказывания важно как для теоретической лингвистики, так и для практических направлений — преподавания, корпусной и прикладной лингвистики, медиаисследований. Актуальность темы определяется переходом к анализу жанров, включающему когнитивные, социокультурные и технологические аспекты.

Первым предложил концепцию речевого жанра М. М. Бахтин, обосновав его как *«типической формы высказывания»*, выработанные конкретной сферой коммуникации. По словам исследователя, *«каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы высказываний»* [1, с. 250-251].

Современные исследователи развивают идеи Бахтина в рамках жанроведения и генристики. Прагматическое направление анализирует жанр как средство реализации коммуникативных намерений, а лингвистическое — как совокупность языковых признаков и структурных параметров.

Каждый речевой жанр характеризуется коммуникативной целью (для чего говорим?), типичной ситуацией общения (где, когда и с кем?), композиционной структурой (как построено высказывание?), языковыми особенностями (стиль, синтаксис, лексика) и типом адресата (кому адресовано высказывание?). В современной лингвистике существуют несколько подходов к классификации и изучению жанров. М. Бахтин делил жанры на первичные — повседневные, спонтанные, устные (просьба, приветствие, анекдот) и на вторичные — более формальные, продуманные, институциональные (роман, научный доклад).

В лингвистике существуют несколько основных подходов и методов исследования речевых жанров:

1. Прагматико-жанровый (жанроведение) акцентирует внимание на коммуникативной ситуации, социокультурной функции и роли адресата. Используются анкета речевого жанра (Т. В. Шмелева) и качественный анализ текстов. Данный подход позволяет наблюдать *«проявление в жанрах „как в капле воды” всей ситуации речи, включая образ автора и образ адресата, память сферы, зависимость от фактуры текста, в котором он бывает воплощен, — вплоть до отбора языковых средств»* [4, с. 94].

2. Генристический (лингвистический), ориентированный на выявление лексических, синтаксических и стилистических признаков жанра и их типологизацию.

3. Дискурсивный и критико-дискурсивный анализы изучают идеологические и социокультурные аспекты жанров, включая их эволюцию и переосмысление в медиасреде.

4. Корпусные методы позволяют исследовать частотные характеристики жанров, коллокации и автоматическую классификацию текстов по жанровым признакам.

5. Портретный и анкетный методики направлены на системное описание жанра по параметрам — тематика, цели, образы автора и адресата: «Создать подробное описание языкового воплощения РЖ — это, фактически, представить его лингвистический портрет» [4, с. 96].

К. А. Долинин и В. В. Дементьев в рамках социопрагматического подхода рассматривают речевые жанры как инструмент организации социального общения. Их интересуют вопросы, для чего нужны жанры и какие потребности носителей языка они удовлетворяют. По их мнению, речевые жанры помогают выполнять нужные речевые действия и правильно воспринимать высказывания коммуникативного партнера [2; 3].

Современные исследования подчеркивают необходимость антропоцентрического взгляда на жанры, особенно в условиях виртуальной коммуникации. Из этого следует, что формирование жанровых признаков происходит под влиянием личности коммуниканта, социальных ролей и цифровой среды на формирование жанровых признаков. Например, жанр «извинение» может быть построен как официальное извинение: *«Просим извинить за доставленные неудобства и причиненный ущерб»,* бытовое: *«Извини, я нечаянно это сделал»,* публичное: *«Я сожалею о сказанных словах и прошу прощения у всех, кого задел»,* интернет-коммуникация: *«Сори, бро, ничего личного».*

Анализ жанров онлайн-коммуникации (блоги, комментарии, социальные сети) выявил новые типы жанров с измененной функцией оценки и экспрессивности. Исследования последних лет фиксируют переход от чисто вербальных жанров к мультимодальным, где совмещаются текст, изображение и аудио.

Современное жанроведение демонстрирует движение от традиционных описательных моделей к интегративным методам анализа. Сочетание классических идей М. М. Бахтина с новыми направлениями — антропоцентрическим, корпусным, цифровым и мультимодальным — позволяет глубже понять динамику речевых жанров в условиях глобальной и цифровой коммуникации.

Итак, речевые жанры формируются в обществе и закрепляются как нормы общения, но внутри этих норм личность человека проявляется индивидуально, то есть речевой жанр — это не шаблон, а живая форма,

которая подстраивается под ситуацию, роль и личность говорящего. Формирование жанровых признаков происходит на стыке социального и индивидуального: социальные роли определяют рамки и нормы общения, а личность коммуниканта наполняет эти рамки индивидуальным содержанием и стилем.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин . — Москва : Худож. лит., 1986 . — С. 428-472.
2. Дементьев В.В. Традиции изучения жанров в русской разговорной речи саратовской лингвистике // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2003. — Вып. 3. — С. 83-96.
3. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. — Саратов, 1999. — Вып. 2. — С. 7-13.
4. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сборник научных статей / под ред. В. Е. Гольдина. — Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 88–98.

УДК 821.161.1:81-2

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ Ю. М. ЛОЩИЦА

Хомчак Е. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1155-440,
Волкова И. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3799-4964
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
elenahom6363@gmail.com, *vit19602607@gmail.com*

Введение. Ориентированность современной филологии на антропоцентризм, актуализирует изучение языковых явлений с позиций идиостиля как отражения индивидуально-авторской картины мира писателя. Идиостиль прозы Ю.М. Лощица богат и выразителен, но почти не исследовался как в литературоведческом, так и в лингвистическом аспектах. Между тем, его рассказы являются оригинальным материалом для уяснения и уточнения природы эпитета как художественного тропа. Этот аспект анализа и лег в основу нашего исследования.

Цель статьи — выявление специфики функционирования эпитета в прозе Ю.М. Лощица (на примере цикла рассказов «Марлевая занавеска»).

Основная часть. Прозаический цикл «Марлевая занавеска» — это семнадцать рассказов об истории малой родины, о единстве земли и народа. Автор наполняет художественную ткань рассказов метафорическими эпитетами с неожиданными, часто неповторимыми смысловыми ассоциациями, например: ***сверхгрибная*** *вакханалия*, ***пенистый*** *снеготал* [2, с. 249-250], ***нирванический*** *любовный зов*, ***новорожденные*** *стога* [2,

с. 270], ***ошалелое*** *бултыханье рыбки* [2, с. 282], ***забубенная*** *хриплота* [2, с. 284] и др.

Автор склонен к поиску ярких и необычных эпитетов, что находит свое выражение в нестандартной сочетаемости эпитета с существительным. Например, эпитет ***затерянный*** *ветроград* [2, с. 252] употребляется в значении «поляна с клюквой на болоте», эпитет ***последний отрешенный*** *роздых* [2, с. 267] — в значении «конец жизни, смерть человека». Подобные эпитеты содержат в себе дополнительные смыслы, коннотативные оттенки, позволяющие автору добиваться максимальной выразительности в процессе целого ряда образов.

Цветовые эпитеты-прилагательные в рассказах Ю.М. Лощица относятся к существительным, обозначающим цвет, звук, запах, в результате чего у читателя возникает как бы синтез ощущений. Такие эпитеты имеют особую выразительность: «***светлый*** *запах небогатой травной смеси*», «***лазурный*** *глоток свирепой воды*», [2, с. 253], *вода припахивает* ***сизой*** *тухленкой* [2, с. 255] и др. Такого рода эпитеты называют «синэстетическими» [3, с. 98] и относят к разряду метафорических.

Рассказы Ю.М. Лощица пронизаны любовью к обычной русской деревушке, лугам, полям, болотам, в целом — любовью и уважением к земле, Земле-имениннице, «***безмолвной*** *Матери-имениннице*» [2, с. 261]. Название прозаического цикла — «*Марлевая занавеска*» — это яркий пример метафорического эпитета, выполняющего роль смыслового фокуса рассказов цикла. Словосочетание *марлевая занавеска* в своем прямом значении — «необходимая вещь для защиты от насекомых и от духоты в деревенской избе» — встречается во многих рассказах цикла. Но именно в рассказе «Марлевая занавеска» эта деталь простого деревенского уклада приобретает сюжетообразующую роль и метафорическое наполнение. Марлевая занавеска отражает отсутствие всяких страхов, всякого «*шевеления языческой подозрительности*» [2, с. 318] — ни перед кем деревенские жители не закрывают двери своих жилищ, вешая на них лишь шторку из прозрачной марли. Марлевая занавеска — это символ доверия к людям, тот «***неколебимый скрепляющий*** *порядок*» [2, с. 319], который до сих пор царит в русской деревенской глубинке, «*как утвердилось на этом месте еще при первом звуке людского голоса*» [2, с. 319]. Таким образом, сквозной эпитет *марлевая занавеска*, повторяющийся на протяжении всего цикла, получает символическое значение в одноименном рассказе как знак открытого, благодушного, доверительного посыла окружающему миру.

В тексте рассказов встречаются окказиональные эпитеты-перифразы, смысл которых раскрывается только из авторского контекста: ***летняя*** *дань* = урожай, ***влажные*** *флейты* = иволги [2, с. 278], ***новейшая музыкальная*** *обслуга* = певцы [2, с. 285], ***царствующий*** *прах* = пыль [2, с. 289], ***небесная*** *ткань* = облака [2, с. 290] и др.

Обращают на себя внимание эпитеты-оксюмороны: ***басовитый*** *лепет* [2, с. 245], ***шершавая*** *гладь*, ***цивилизованные*** *берлоги* [2, с. 288], когда одному и тому же объекту приписываются одновременно несовместимые, противоречивые свойства.

Эпитет в прозе Ю.М. Лощица является одним из ярких средств отражения мировидения автора, создания точных, рельефных художественных образов природы и героя произведения. Автор расширяет значение лексем, внося новые образно-художественные смыслы. Такие семантические приращения в художественном тесте происходят с лексемой-эпитетом *матерый*: *сосны в* ***матером*** *возрасте* [2, с. 248], ***матерый*** *пинкертон* [2, с. 281], ***матерая*** *августовская ночь* [2, с. 309]. В словаре С.И. Ожегова содержится три лексико-семантических варианта слова *матерый*: «МАТЁРЫЙ, -ая, -ое. **1.** Полный сил, крепкий, достигший полной зрелости (о животных). *М. волк.* **2.** *перен.* Опытный, знающий (разг.). *М. охотник.* **3.** *перен.* Неисправимый, отъявленный. *М. враг* [4, с. 294]. В рассказе «Иван» эпитет *матерый* (***матерый*** *пинкертон*) употребляется в значении «опытный, знающий человек» по отношению к воображаемому сыщику. Однако в отношении природы тот же самый эпитет употребляется в переносном значении с новым авторским приращением смысла: *сосны в* ***матером*** *возрасте* = многолетние сосны (рассказ «Земля-именинница») и ***матерая*** *августовская ночь* = темная, без звезд (рассказ «Марлевая занавеска»).

Самобытность идиостиля писателя ярко проявляется в создании собственно авторских словообразовательных эпитетов с использованием суффиксов субъективной оценки с такой именной основой, которая по нормам литературного языка не допускает этого, например: ***охранительная*** *тень* [2, с. 255], ***молнийный*** *вражек* [2, с. 256], ***иглышковые*** *травы* [2, с. 289] и др.

Выделяются в художественной ткани рассказов индивидуально-авторские эпитеты, выраженные сложным прилагательным, например: ***великотравное*** *пиршество,* ***закраесветная*** *Гренландия* [2, с. 247], ***разногрибная*** *волна осени* [2, с. 251], ***слабосильные*** *березки* [2, с. 252], ***костоломный*** *ручей* [2, с. 253], ***местночтимые*** *источники* [2, с. 255] и др. В основе подобных окказиональных образований лежат необычные авторские смысловые ассоциации.

Заключение. Выбор рассказов Ю.М. Лощица для исследования такого художественного тропа, как эпитет, не случаен, и объясняется тем, что именно эпитет является наиболее распространенным приемом создания выразительности текста в идиостиле данного автора. Обилие эпитетов в художественном тексте писателя свидетельствует о крупномасштабном подходе к их возможностям, но при этом у писателя каждый эпитет превращается в мини-лабораторию особой художественности, поскольку почти всегда оригинален. Обилие эпитетов и их выразительность позволяют

квалифицировать художественный текст Ю.М. Лощица как эмоционально и духовно насыщенный.

Список литературы

1. Войцеховская А. Н. Сельская микротопонимика в рассказе Ю.М. Лощица «Земля-именинница» /А.Н. Войцеховская, Е.Г. Хомчак // Таврические филологические чтения: материалы II Всероссийской научной конференции, Мелитополь, 30 марта 2024 года. — Мелитополь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет», 2024. — С. 21-24.
2. Лощиц Ю. М. Избранное: В 3 т. Т. 1. –М.: Изд.Дом «Городец», 2008. — 640 с.
3. Мещеряков В. П. Основы литературоведения: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. — М.: Дрофа, 2003. — 416 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведова. 16-е изд., испр. — М.: Рус.яз., 1984. — 797 с.

Подсекция 2

УДК 615.849

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Бессарабов О. В.[1], Бессарабова Ю. В.[2]
[1]МОУ «Школа № 150 города Донецка», г. Донецк, РФ
[2]МОУ «Школа № 118 города Донецка», г. Донецк, РФ
bessarabova72@gmail.com

Введение. Современная пресса, телевидение и социальные сети не всегда положительно влияют на нашу речь. Сколько «засоряющих» слов мы услышим за просмотр телевизионной рекламы? Кто из вас не удержится прочитать, что в очередной раз случилось в Голливуде, пусть даже статья написана без соблюдения литературных норм? Да, искушение очень большое, но чем каждый из нас готов пожертвовать ради языка, на котором он говорит, думает, мечтает...?

Так что же такое язык? Индикатор патриотизма, инструмент манипуляции политиков или личное дело каждого гражданина Республики? К сожалению, в современном мире язык стал предметом агрессии, поэтому русскому языку, как одному из мировых языков, нужно стать своеобразным срезом общества, который будет держать баланс и толерантность, учить уважать мнение, традиции и культуру.

Тысячелетняя духовная культура, жизнь русского народа своеобразно и неповторимо отразились в русском языке, в его устной и письменной формах, поэтому культура языка и культура слова представляют неразрывную связь многих и многих поколений. Особую, консолидирующую роль играет русский язык сейчас. Именно он объединяет мировое сообщество, учит вести диалог, слушать и уважать друг друга, являясь своеобразным мерилом идентичности великой русской души. Среди разновидностей русского языка четко выделяется русский литературный язык. Он справедливо считается высшей формой национального языка. Эта форма выделяется тем, что в ней есть определенные нормы. Норма утверждается и поддерживается речевой практикой культурных людей, в частности, писателей, черпающих сокровища речи из языка народа.

Основная часть. Можно выделить несколько наиболее примечательных и существенных процессов, которые влияют на развитие русского языка.

Во-первых, это жаргонизация литературной речи. Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с

разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, превратное понимание демократии и свободы как в общественно-политической сфере, так и человеческих отношениях потворствует проникновению в традиционные средства литературного языка лексики социально непрестижной среды (преступной, просто малокультурной). Во-вторых, усиление процесса заимствования иноязычных слов. Для развития каждого естественного языка характерен процесс заимствования слов из других языков. Но, вместе с тем, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам носители языка, как правило, относятся с изрядной долей подозрительности и осторожности. На данном же этапе развития русского языка преобладает очень терпимое отношение к заимствованию новых иноязычных слов. В-третьих, использование русского языка как политического инструмента. Нет необходимости пояснять вложенный смысл в эти слова, в окружающей нас действительности много им подтверждений. К сожалению, сегодня мы становимся свидетелями вопиющих нарушений в области языковой политики. Недопустимо использование любого языка для проявления неуважения к правам людей, неуважения к мнению и выбору другого человека, навязывания своей воли окружающим. Л. Н. Толстой говорил: «Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти».

В свою очередь, правила речевого поведения регулируются речевым этикетом сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта. Речевой этикет охватывает собой все, что выражает доброжелательное отношение к собеседнику, что может создать благоприятный климат общения. Если человек не допускает ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в их образовании и построении предложений, его речь правильна. Но этого недостаточно. Речь может быть правильной, но не соответствовать целям и условиям общения. В понятие хорошей речи включаются, как минимум, три признака. Это богатство, точность и выразительность. Показателями богатой речи являются большой объем активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкции. Точность речи — это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. Выразительность создается с помощью отбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и задачам общения.

Практически ежедневно мы ощущаем, что живём в новом мире, но абсолютно не понимаем, что бессмыслица идей и словесная безвкусица портят многие благие намерения. В сознании каждого человека (от ребенка до государственного деятеля) должна присутствовать мысль, что через язык может вырождаться человек. Получается так, что слова-паразиты, варваризмы, слоганы, пришедшие упростить высказывание, исказили русскую речь и до неузнаваемости изменили истинное значение слова.

Формирование литературного языка в определенной степени повлияло на образование и других разновидностей, как, например, публичного. Это в большей степени отразилось на детях. Они читают книги, ходят в школу, общаются с учителями, но многие из них отчетливо понимают, что в действительности их встретит новый мир, в котором можно говорить таким языком, который тебе нравится.

Заключение. К сожалению, мы отучаемся от красоты слова, как отвыкаем от красоты и обустроенности своего дома, от красоты напевной русской мелодии, традиционного обряда... Но это неправильно! Мы очень долго разбрасывали родные камни, не заботясь о будущем. Приходит время их собирать. Экология языка и — шире — экология культуры становится одной из актуальнейших задач современности. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложений. Нужно постоянно обогащать свой словарь, учиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции. И тогда будет возможность «вылечить» русский язык, сделать лучше «экологию» русской литературы, достигнуть высшей формы культуры общения и речевого этикета.

Если изменится «экология» литературы, то это повлияет на общество. Именно язык находится в вечном движении, потому что на его носителей постоянно действует множество самых различных факторов, ведь язык формировался много веков, и в течение столетий сможет измениться.

Многовековая история русского языка свидетельствуют о том, что он не просто лингвистическая система, одна из многих, он жизнь, освещённая божественным светом. В нём мировая правда, миссия русской нации, что подтверждают слова И.С. Тургенева: «…Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Русский язык невозможно победить, как невозможно это сделать с многонациональным народом, живущим на Донбассе!

Список литературы

1. Ахманова А.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1969.
2. Белик Э.В., Музычук С.В. 800 современных сочинений по русской и мировой литературе для 5-11 классов. — Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2003. – 846 с.
3. Вартаньян Э.А. Путешествие в слово. — М.: Просвещение,1987.
4. Колесов В.В. Культура речи — культура поведения. — Лениздат,1988.
5. Розенталь Д., Теленкова М. Словарь-справочник лингвистических терминов. — Г., 1985. — 271 с.
6. Русский язык конца XX столетия. Сб. научных статей // Под ред. Е.А.Земской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000
7. Филологические исследования. Сборник научных работ. — Выпуск 2. — Донецк: Юго-восток, 2000.
8. Юсупова Ф.М. О межпредметных связях в преподавании русского языка / Ф. М. Юсупова // Academic research in educational sciences. — 2021. – №4. — С. 182-185.

УДК 372.881.161.1

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ельцова О. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0004-6008-467X
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко», г. Глазов, Удмуртская Респ., РФ
eltzowa@mail.ru

Введение. Изучение русского языка за пределами нашей страны имеет важное стратегическое значение. Прежде всего это служит формированию положительного образа России, ее граждан. Нашим ближайшим соседом является Монголия. Именно здесь изучение русского языка сложилось исторически.

Цель. В статье представлен ретроспективный анализ изучения русского языка в Монголии, а также современное состояние его изучения.

Основная часть. Начало упоминаний о нем относится к XVII веку. В последующие столетия его значение и изучение только возрастало. В период социализма в Монгольской Народной Республике русский язык изучался в школах всех ступеней, а также в кружках и на курсах различного вида. Также, ввиду пребывания в то время большого числа советских специалистов и военнослужащих, на территории страны действовало немало школ, работающих по программе советских учебных заведений. До 90-х годов XX века русский язык являлся единственным иностранным языком в Монголии в школах, преподавался как обязательная дисциплина во всех учебных заведениях. По данным статистики в 1992 году в Монголии действовали 22 советские школы. Однако, после распада Советского союза, начавшегося оттока русскоязычных специалистов и военных, разрыва торгово-экономических связей между странами бывшего социалистического лагеря и потери тесных двусторонних связей, интерес к изучению русского языка в Монголии начал снижаться. За последние 30 лет русский язык в Монголии значительно потерял свои позиции. Одновременно с этим возрос интерес к китайскому, корейскому и японскому языкам, и в первую очередь к английскому языку как языку международного общения.

До 2005 года русский язык в Монголии изучался как первый иностранный язык. В 2005 году, когда на национальном уровне были приняты новые стандарты дошкольного, начального и среднего образования, первым иностранным языком стал английский, а русский, соответственно, получил статус второго иностранного языка.

Благодаря многолетним усилиям сообщества преподавателей-русистов, позиции профильного министерства, а также в результате

договоренностей на высшем государственном уровне между Россией и Монголией, изучение и преподавание русского языка в последние годы увеличивается, его статус постепенно восстанавливается.

Так, с 2006–2007 учебного года русский язык изучается как обязательный предмет с 7 по 9 класс два раза в неделю, в 9 классе — 3 часа в неделю. С 2016–2017 учебного года русский язык для 10–12 классов вводится как факультативная дисциплина (по 3 часа в неделю). [1]

В настоящее время русский язык в Монголии изучается на разных уровнях образовательной системы — в школах, вузах и центрах. При этом изучение русского языка в системе дошкольного образования в Монголии не осуществляется. Есть отдельные частные детские сады с обучением на русском языке, в которых воспитывается ограниченное количество детей.

В настоящее время в Монголии функционирует три российские школы: 1) Российско-Монгольская совместная средняя школа с количеством обучающихся 2700 человек, является самой большой российской школой в Монголии, обучение проводится на платной основе. Создана в г. Улан- Баторе. Сейчас в школе работают 279 педагогов, 238 из которых граждане Российской Федерации из различных регионов России.

2) Лицей при ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» с 1999 года успешно проводит обучение по программам высшего, профессионального образования в г. Улан-Баторе. Количество обучающихся 1 500 человек, обучение проводится на платной основе. В настоящее время в заведении обучается около 1200 студентов и учащихся, работает более 140 преподавателей и сотрудников.

3) Школа № 14 при Посольстве России в Монголии — ведомственная школа, поступление доступно только гражданам Российской Федерации. Создана приказом МИД РФ в 1992 году. [2]

В высших учебных заведениях Монголии также уделяется внимание русскому языку. Русский язык и русская литература преподаются в Монгольском государственном университете (МонГУ), Монгольском государственном университете образования (МГУО), Монгольском университете гуманитарных наук (МУГН), Монгольском государственном университете науки и технологий (МГУНТ). В этих вузах готовят и специалистов по русскому языку (преподавателей, переводчиков). В вузах Монголии популярны программы двойного дипломирования совместно с российскими университетами, которые предполагают знание русского языка. По всей Монголии функционируют филиалы Центра русского языка при Российском центре науки и культуры (Русский дом).

В 2024 году в Улан-Баторе на базе российско-монгольской совместной школы №162 создан Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку. В центре монгольские школьники и взрослые изучают русский язык, знакомятся с российской культурой и традициями, участвуют в культурно-просветительских, образовательных и

научно-методических мероприятиях. В марте 2025 года в городе Багануур открылся Центр русского языка на базе школы «Боловсрол».

Ресурсами для изучения русского языка в Монголии обладает прежде всего столица Монголии — город Улан-Батор. В частности, центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку предлагает программы обучения для учащихся 7–9 и 10–12 классов, а также для сотрудников и родителей учащихся общеобразовательных организаций Монголии. Имеются курсы русского языка на базе Русского Дома в Улан-Баторе, которые предлагают ежегодный и интенсивный форматы обучения. В столице Монголии также открыта новая площадка центра открытого образования Герценовского университета. Здесь монгольские студенты изучают русский язык по пяти дополнительным программам, охватывающим уровни владения русским языком от начального А1 до продвинутого В2. Всем желающим доступен сайт LanguageBookings.com. На нём можно найти курсы русского языка в Монголии, включая летние школы и языковые курсы для взрослых.

Задачами, требующими решения, являются низкий уровень преподавания русского языка в монгольских школах (особенно в сельских), нехватка учебно-методической и мультимедийной литературы по русскому языку как иностранному (РКИ), отсутствие в монгольских школах носителей языка–российских специалистов, преподавателей РКИ. Существенной проблемой является недостаток кадров. Так, согласно среднесрочному плану развития сферы образования Монголии на 2021–2030 гг. требуемое количество учителей начальных и средних школ по русскому языку составляло/составит: в 2020 году общее количество мест в школах составляло 754 чел., потребность — 52 чел.; к 2025 году, как ожидается, общее количество мест в школах составит 1 041 чел., потребность — 429 чел.; к 2030 году общее количество мест — 1 141 чел., потребность — 619 чел.

Вариантом повышения квалификации монгольских учителей, преподающих русский язык, является Русская филологическая школа, которую в 2024 году проводил ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко». В проекте участвовали преподаватели русского языка как иностранного (возраст до 40 лет), работающие в государственных школах и вузах Монголии, а также студенты 3-го и 4-го курсов — будущие преподаватели русского языка. В течение трех дней эксперты в области создания учебников, опытные российские преподаватели и монгольские учителя русского языка обсуждали вопросы разработки современного учебного пособия по русскому языку для монгольских школьников. В программу мероприятия были включены лекции, практические занятия и мастер-классы, а также тематические квесты, направленные на практическое освоение новых методов преподавания.

Заключение. Преподавание русского языка в Монголии имеет значение для нашей страны в разных сферах: политической, культурной, научной и экономической. Русский язык играет роль средства межкультурной коммуникации, что способствует формированию положительного образа России и её граждан.

Информация о финансовой поддержке. *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер регистрации № 073-03-2025-043 от 15.01.2025, регистрационный № НИОКТР 1024071600010-2-5.3.1).*

Список литературы

1. Будаева Т.Ч. О проблематике и перспективах продвижения российского образования в Монголии. Российское образование за рубежом: традиции, современность и перспективы: материалы научно-практической конференции (Улан-Батор, 16-17 марта 2017 г.) / редкол.: Н. В. Фалилеева, Н. В. Самсонова, Т. А. Витульева. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». – 84 с. – С. 20-27.
2. Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцрад, Дашдондог Энхбат. Русский язык в системе образования в Монголии: состояние, динамика, проблемы // Социолингвистика. – 2021. – №1 (5). – С. 31-48. – DOI:10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48.

УДК 811.161.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Леуцкая Н. В.
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
n.leuckaya@mgumariupol.ru

Как всем нам известно, литературный язык отличается своей нормативностью, что является его главным отличительным качеством. Своя система норм существует в каждой сфере литературного языка. К примеру, в языке существуют лексические, морфологические, синтаксические, орфографические нормы. Орфографические правила устанавливают стандартное написание слов, тогда как орфоэпические нормы служат для выравнивания произносительной практики. Орфоэпическая норма подразумевает наиболее подходящий способ произнесения и расстановки ударений. Соответствие этим нормам делает коммуникацию более плавной и быстрой, а также демонстрирует уровень речевой культуры, свидетельствуя об образованности и хороших манерах говорящего. Поэтому соблюдение правил произношения играет значительную роль в обществе, особенно сейчас, когда устная речь активно используется в публичных мероприятиях и профессиональной деятельности. Некорректное

произношение и ошибки в ударениях негативно сказываются на качестве речи. К сожалению, трудности с постановкой ударений встречаются чаще всего и связаны с пренебрежением орфоэпическими правилами.

В устной речи количество ударений соответствует количеству слов, поскольку каждое из них выделяется интонационно, а именно, при помощи ударения, зачастую одного. Именно поэтому постановка ударения играет важную роль в распознавании самостоятельных членов предложения. Вспомогательные же слова (служебные части речи: союзы, частицы, предлоги), как правило, имеют одно слоговое ударение со словом самостоятельной части речи, к которому оно относится.

Следует также отметить, что без знания русской грамматики, включая лексику, общий смысл высказывания и взаимосвязь гласных звуков с ударением, невозможно точно выделить границы между словами, поскольку в русском языке акцент может падать на разные слоги. Все иначе в языках с неизменным ударением: здесь он не просто служит признаком отдельного слова, но и помогает установить его пределы, указывая на конкретный слог.

Главная сложность заключается в том, что в русском языке нет единого универсального правила постановки ударения, в связи с чем возникает множество ошибок, которые допускают не только иностранные граждане, изучающие русский язык, но и носители языка, так как, к сожалению, данному аспекту уделяется недостаточно внимания при обучении нормам современного русского языка.

Ударение в русском языке свободное, что отличает его от некоторых других славянских языков, в которых ударение закреплено за каким-то определенным слогом [2, с. 85]. Например, в польском языке ударение падает на предпоследний слог, что значительно облегчает процесс говорение. Естественно в польском языке также существует множество правил и исключений при постановке ударения, но все же оно является фиксированным, в отличие от русского языка, ведь в нашем языке ударение может падать на любой слог. Кроме того, в некоторых словах мы можем наблюдать подвижное ударение, то есть при словоизменении в некоторых лексемах изменяется не только падеж, число, род, то есть его грамматические категории, но и ударение. Например, глагол «начать». В инфинитиве ударение падает на второй слог, а в форме мужского рода единственного числа прошедшего времени ударение падает на первый слог: начал, в женском же роде прошедшего времени данного глагола ударение переносится на третий слог: начала. И незнание этих норм и правил приводит к повсеместным ошибкам и снижению культуры речи.

Помимо проблемы подвижности ударения, существует множество слов, в которых большинство людей допускают ошибки при произношении. При чем ошибки допускаются не только в повседневной жизни, но и в публичных выступлениях и деловом общении. Например, очень часто допускаются ошибки в таких словах, как договор, валовой, каталог,

красивее, звонит, оптовый, искра, мусоропровод, приданое, вероисповедание, кухонный. Что касается последнего примера, то крайне редко можно встретить нормативный вариант ударения, так как неверный вариант произношения кухонный ежедневно встречается не только в повседневной жизни, но и в телевидении, например, в рекламных роликах. Но в словах подобной структуры следует помнить, что при образовании отыменных прилагательных при помощи суффикса -н- ударение сохраняется на том же слоге, что и в производящем слове.

Трудности вызывает также постановка ударения в именительном падеже множественного числа: бухгалтеры, договоры, торты, зонты, инспектора, инструкторы.

Многие говорящие также забывают о том, что в русском языке существует целый ряд слов, в которых лексическое значение различается именно способом постановки ударения на тот или иной слог. Например, броня (это покрытие, используемое для защиты) — броня (это официальное закрепление за кем-либо или за чем-либо льготных прав на пользование чем-либо, получение чего-либо); белки (это животное) — белки (это высокомолекулярные органические вещества); ирис (это цветок) — ирис (это конфеты); хлопок (это отрывистый и резкий звук, например, «хлопок в ладоши») — хлопок (это волокно растительного происхождения, покрывающее семена хлопчатника); пора (это мельчайшее отверстие) — пора (это существительное женского рода, означающее определённый временной период) [1]. И этот список можно продолжать еще очень долго. Такие слова в лингвистике называются омографы. Но простой обыватель далеко не всегда знает о существовании таких слов, откуда и возникает множество лексических ошибок.

Сложности при изучении правил произношения обусловлены еще и тем, что наряду с ударением, принятым в литературном языке, встречаются другие формы произношения, характерные для представителей конкретных профессий. Эти вариации не соответствуют общепринятой языковой норме. Однако они служат своеобразным знаком принадлежности к определенной группе людей и не нуждаются в регулировании [2, с. 9]. Например, в словарях можно обнаружить: логопедия, ветеринария, ортопедия и т. д.

Таким образом, завершая рассмотрение данной темы, следует подчеркнуть, что изучение постановки ударения в современном русском языке связано с определенными сложностями. Правила русской литературной речи нуждаются в детальном анализе лингвистов и осознанном, аккуратном отношении говорящих, как носителей языка, так и людей, изучающий наш язык.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 2000. — 940 с. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov.

2. Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. — М.: Астрель; АСТ, 2010. — 1182 с.
3. Филимонова Е. Б. Варианты ударения в современном русском языке / Е. Б. Филимонова. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2 (6). — С. 64-66. — URL: https://moluch.ru/th/6/archive/59/2262/.

УДК 811.161.1’35’271.12-048.76

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Миргородская А. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-8358-4595
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
mirgorodskaya.a.u@mail.ru

Культура речи современного социума определяется знанием языковых норм и умением применять их в устной и письменной форме. Большое внимание в системе среднего образования уделяется орфографическим и пунктуационным нормам, характерным для письменной речи, а владение устной речью, определенные сложности в произношении слов зачастую не становятся предметом должного изучения. Нормы произношения и ударения изменяются со временем, поскольку язык как живой организм реагирует на все перемены в общественной жизни. В орфоэпии эти изменения менее заметны по сравнению с обновлением лексической системы, но происходят активнее, чем в орфографии и морфологии. Освоение нормы становится главной задачей каждого носителя русского языка, но также нужно осознавать «роль орфоэпии в стилистической дифференциации языковых средств» [3, с. 80]. Л. Л. Касаткин рассматривает социально значимые произносительные варианты: младшую и старшую нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но в отдельный период времени они сосуществуют); общенародную и профессиональную сферу (речь моряков, нефтяников, рыбаков); мужскую и женскую речь (удлинение согласных в мужской экспрессивной речи, удлинение гласных в женской); территориальные разновидности литературного языка (северорусские, южнорусские говоры) [2, с. 179].

Цель исследования связана с анализом динамики изменений орфоэпической нормы в современном русском языке. Реализация цели предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть особенности старшей и младшей произносительной нормы;
- выявить условия изменяемости орфоэпической нормы;
- сопоставить разные подходы к кодификации произношения и ударения.

Русское литературное произношение было основано на московском говоре и уже в первой половине XIX века стало приобретать национальный характер. Вскоре с московским произношением стало конкурировать петербургское произношение, усиливая свои позиции и претендуя на роль общелитературного образца. Следует отметить, что отдельные особенности петербургского произношения оказали серьезное влияние на формирование литературных норм. Например, конкуренция твердого старомосковского и мягкого старопетербургского произношения постфиксов *-ся* и *-сь* завершилась доминированием мягкого варианта. Произношение окончаний прилагательных *тихий, одинокий, долгий* со звуком близким к очень краткому [а] также со временем было заменено мягким, орфографическим, соответствующим написанию.

Изменение произношения часто происходит на основе сближения с правописанием. В старшей произносительной норме звукосочетание [чн] произносилось как [шн], например, в словах коричневый, будничный, молочный, брусничный. Этот вариант устарел и отражает динамику изменений в орфоэпии. Однако не во всех словах сочетания согласных *чн* подразумевает аналогичное написанию произношение, например, в словах *конечно, нарочно, яичница, двоечник* современной нормой является произношение [шн] на месте *чн*. В старшей произносительной норме иноязычные слова *академия, термин, крем, кофе, музей* произносились с твердым согласным перед гласным [е]. Сейчас эти слова в соответствии с орфоэпическим правилом, распространяемым и на заимствованные слова, произносятся с мягким согласным перед гласным [е]. Многие слова, давно освоенные русским языком (кафе, шоссе, турне, регби, декольте, тест, темп), произносятся все так же твердо. Таким образом, языковая норма изменяется не всегда системно, в некоторых иноязычных словах правописание и произношение совпадает, в других — не совпадает, иногда словари фиксируют несколько вариантов с твердым и мягким согласным перед [е] в словах *бассейн, декан, кредо, ретро, сессия*. «Языковые варианты — это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава» [4, с. 564]. Вариантное произношение свидетельствует о подвижности нормы, избыточные нормы становятся основой для дальнейшего развития языка, демонстрируя динамичность и способность к эволюции. Рассматривают вариантность в отношении хронологии (устаревшее и новое), синхронии (общеупотребительное и специальное). «Источники отступлений от орфоэпических норм — развитие языка, влияние диалектов, письмо» [2, с. 180], — утверждал известный специалист по фонетике русского языка Л. Л. Касаткин. Этот список можно дополнить современным стремлением заимствовать не только слова из других языков, но и нюансы произношения, например, произносить звонкие согласные на конце слов, или использовать восходящую интонацию в конце повествовательного предложения, то есть использовать тенденции, характерные для английского языка.

Для отражения изменений в языке используют два критерия оценки существующих произносительных вариантов. Первый из них — субъективный — основанный на традициях, следовании образцам и авторитетам, а также на личном вкусе автора рекомендаций. Второй — объективный — основанный на результатах социолингвистических исследований, например, данных Национального корпуса русского языка и других специально создаваемых для конкретных задач баз данных (например, «База данных для исследования вариативности твердых / мягких согласных перед е в заимствованных словах» Д. М. Перовой, К. Е. Бондаренко, Н. Р. Добрушиной) [6]. Объективный критерий оценки существующих вариантов не всегда является приемлемым, как отмечает заведующий отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доктор филологических наук М. Л. Каленчук, «если норма будет идти за узусом, то мы будем рекомендовать произношение «шóфер», потому что так говорит половина москвичей, или «жáлюзи», как говорит 75 % москвичей» [5]. Ученый подчеркивает, что даже широко распространенная ошибка, не становится критерием для реформирования орфоэпии, принцип «все так говорят» и «все так пишут» для лингвистов не определяющий. «Нормой становится то, что не противоречит внутреннему языковому закону» [5]. Так, слово *жалюзи́* многие произносят неправильно, однако рекомендовать этот вариант ученые не могут, поскольку в отличие от *вклю́чит* он не отвечает внутренней закономерности языка: слово не склоняется, остается неосвоенным и сохраняет ударение на последнем слоге, как и в языке-источнике. В слове *включи́т* — ударение на корне стало младшей нормой при старшей *включи́т*, поскольку есть тенденция переноса ударения в глаголах с окончания на корень слова.

Таким образом, динамика изменений орфоэпической нормы в современном русском языке базируется как на субъективном, так и на объективном критерии оценки существующих произносительных вариантов. На орфоэпическую норму влияет общая тенденция к «побуквенному» произношению, а также способ адаптации иноязычных слов и степень их освоенности. Вариативность произношения в диалектной и профессиональной речи станет предметом дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Каленчук М. Л. О синхроническом и диахроническом подходах при кодификации хронологически соотносимых произносительных вариантов / М. Л. Каленчук // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2024. — № 2. — С. 467–477. — EDN: GSLAIO.
2. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. уч. заведений / Л. Л. Касаткин. — М. : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2467-7.
3. Косаренко О. Т., Косаренко С. В. Орфоэпические нормы в аспекте культуры речи / Косаренко О. Т., Косаренко С. В. // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. –2015. — № 2 (15). — С. 76–80. — EDN: TZWLBL.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2. изд., доп. — М. : Большая Рос. энцикл., 2002. — 707 с. — ISBN 5-85270-239-0.
5. Натитник А. Мария Каленчук: Язык живёт своей жизнью, и мы всего лишь наблюдатели / А. Натитник // Информационный портал фонда «Русский мир». — URL: https://russkiymir.ru/publications/88206/ (дата обращения: 20.09.2025).
6. Пожарицкая С. К., Добрушина Е. Р. Орфоэпический взгляд на некоторые вариантные явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики / С. К. Пожарицкая, Е. Р. Добрушина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам междунар.конф. «Диалог 2017». — 2017. — № 16 (23). — С. 372–383. — EDN: XNPJIO.

УДК 811.161.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОРУСИСТИКИ

Ярошевская А. В,. ORCID 0009-0003-5598-4211
ФГБОУВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского», г. Луганск, ЛНР,
radistkakett00@mail.ru

Лингвистическая русистика — это **комплекс наук о русском языке**, который охватывает изучение языка, методику его преподавания, различные аспекты речевой культуры и межличностную коммуникацию носителей русского языка с носителями других языков.

Лингворусистика, как область исследования, охватывает широкий спектр вопросов, касающихся русского языка. В последние годы в этой области возникло множество актуальных проблем, требующих аналитического подхода и междисциплинарного осмысления.

Одной из ключевых тем является состояние русского языка в условиях глобализации. Русский язык продолжает испытывать влияние иностранных языков, прежде всего английского. Это проявляется как в заимствовании слов, так и в изменении структуры языка. Вопрос о том, как сохранить уникальность русского языка в многокультурном контексте, становится все более актуальным.

Еще один важнейший аспект — язык и идентичность. Русский язык служит важным инструментом формирования культурной и национальной идентичности. Однако в современных условиях, с учетом миграции и изменении демографического состава населения, возникает проблема языковой идентификации. Как сохранить языковую идентичность для русскоязычных диаспор за пределами России? Как поддержать использование русского языка в многоязычных семьях?

Проблемы норм и вариативности не менее важны. Существование нормативного и разговорного языка создает разрыв между различными его формами. Лингвисты активно обсуждают, необходимо ли жестко следовать нормам русского языка, или допустимо широкое разнообразие его форм.

Появление новых речевых практик, таких как кибер-язык или язык социальных сетей, поднимает вопрос о динамике языка и его адаптации к новым условиям.

Важнейшим аспектом является лексикография и современный словарь. Развитие русского языка требует актуализации лексикографических работ. Словари должны отражать изменения и заимствования, происходящие в языке. Важной задачей является создание современного и многофункционального словаря, который будет учитывать не только нормативные, но и разговорные формы языка.

Системы образования сталкиваются с проблемами качественного преподавания русского языка. Для сохранения и развития языка необходимо разработать новые методы и подходы к обучению, учитывающие не только традиционные аспекты, но и современные реалии. Это включает в себя использование технологий, интерактивных методов обучения и интеграции культурных аспектов.

Необходимо также отметить важность исследования языковых изменений. Языковые изменения, происходящие в обществе, требуют научного анализа. Изучение новых норм и тенденций (например, Gender-нейтральной лексики) помогает лучше понять, как язык отражает социокультурные изменения. Лингворусистика должна разработать методы, позволяющие фиксировать эти изменения и предсказывать дальнейшие тенденции.

Лингворусистика, как наука о русском языке, находится в постоянном развитии и сталкивается с множеством вызовов. Исследование актуальных проблем требует комплексного подхода, включающего социолингвистику, культурные исследования и применение современных технологий. Важно, чтобы лингвисты, преподаватели и исследователи работали совместно, стремясь сохранить богатство и разнообразие русского языка в меняющемся мире.

Лингвистика, как наука о языке, играет ключевую роль в формировании и поддержании культурной идентичности. В современном мире, где глобализация и дигитализация становятся доминирующими трендами, понимание и исследование языка становится особенно актуальным. В данной статье рассмотрим несколько аспектов, которые подчеркивают важность лингвистики для современной культуры.

Язык — это основной инструмент общения между людьми. Он не только передает информацию, но и способствует формированию социальных связей. Лингвистика помогает понять, как языковые структуры влияют на процесс коммуникации, а также как различные языки отражают культурные особенности своих носителей. В условиях многоязычия и культурного разнообразия важно обучать людей навыкам межкультурной коммуникации, что невозможно без глубокого понимания лингвистических принципов.

Современная культура сталкивается с угрозой исчезновения многих языков. Лингвистика, как научная дисциплина, играет важную роль в

сохранении и возрождении языков, находящихся на грани исчезновения. Исследования в области социолингвистики и дескриптивной лингвистики помогают создать программные меры по сохранению языковых традиций, а также по интеграции умирающих языков в современную жизнь через образование и медиа.

Язык — это также мощный инструмент политического влияния. Он может быть использован для манипуляции, создания идентичности и сплочения наций. Лингвистика анализирует, как политические discours формируют общественное мнение и как язык может использоваться для упаковки идеологий. Понимание этих процессов помогает людям критически подходить к информации и облегчает диалог между различными культурами и субкультурами.

Также лингвистика помогает выявить, как язык формирует индивидуальную и коллективную идентичность. Языковые разнообразия, диалекты и акценты являются неотъемлемой частью культурного самосознания. Исследование языковых особенностей разных групп позволяет понять их истории, ценности и мировоззрение. В условиях глобализации знание о многообразии языков и культур становится необходимым для сохранения культурной самобытности.

С развитием технологий меняется и способ общения людей. Лингвистика активно исследует новые формы коммуникации, такие как интернет-сленг, смайлы и эмодзи, которые становятся частью повседневного общения. Понимание этих новых языковых форм важно для адаптации к меняющемуся миру, где язык продолжает эволюционировать. Лингвистика помогает анализировать эти изменения и выработать новые теории, которые отражают реальность современного общества.

Таким образом, лингворусистика не только помогает понять структуру и функционирование языка, но и играет важную роль в формировании культурной идентичности, укреплении социальных связей и поддержании многообразия природы человеческого общения. В условиях быстроменяющегося мира, с его глобальными вызовами и изменениями, лингвистика становится основой для создания более взаимопонимающего и культурно разнообразного общества. Таким образом, ценность лингворуссистики в современной культуре невозможно переоценить.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Беликов, В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник.- М., 2001.
3. Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник/ В.П. Белякин. -М.: Флинта, 2003.
4. Вандриес, Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю: пер. с франц./ Ж. Вандриес — М.: Эдиториал УРСС, 2001.

УДК 81'373.45:81'42

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ МИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА

Епифанова Т. В., ORCID 0009-0002-0364-8972
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
epifanova-tat@mail.ru

Милитарный дискурс — «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих» [5, с. 3] «в совокупности всех коммуникативных реализаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами» [3, с. 15]. Современный милитарный дискурс интердискурсивен (он связан с массмедийным, политическим, экономическим дискурсами), но во всех сферах своего функционирования сохраняет специфическую «милитарную» коммуникацию (А. В. Уланов), а потому неизменно характеризуется стандартизацией высказывания, номенклатурностью, усиленной иерархичностью. Лексический уровень милитарного дискурса представляется относительно стабильным (официально-деловой стандарт *приказа, доктрины, устава*; устойчивые метафорические номинации *‘окружить’, ‘разгромить’, ‘принудить к безоговорочной капитуляции’*; обилие военной терминологии и т. д.). Однако, по замечанию А. В. Олянича, в середине 1990-х годов произошла «внезапная языковая революция» в Вооружённых Силах СССР и России [4, с. 167]; лексическая структура милитарного дискурса подверглась процессам эвфемизации, метафоризации, трансформировалась за счёт привлечения сленга, сниженных языковых средств, обогатилась новыми профессионализмами. Стремительные изменения в лексике милитарного дискурса наблюдаются с момента начала специальной военной операции.

В современной лингвистике научно-производственная лексика называется «специальной», и в неё традиционно включают *термины, номенклатурные знаки, терминоиды, номены, прагмонимы* и *профессионализмы* (в том числе жаргонные и сленговые), служащие для обеспечения профессиональной коммуникации в определённой сфере (А. В. Власов, Б. Н. Головин, Н. М. Шанский и др.). (Хотя некоторые учёные в составе специальной лексики не дифференцируют эти понятия, как, к примеру, И. В. Арнольд.) Как отмечает А. В. Калинин, термин — официальное кодифицированное название, принятое в науке, а профессионализм — это «полуофициальное» слово, которое строго научной номинацией не является, но активно используется в рамках профессии, социальности, чаще всего — в разговорной речи [2, с. 134–140] (подробнее о разграничении см. в трудах Е. Н. Сердобинцевой). Специальная лексика

милитарного дискурса, по мнению Е. И. Головановой, с одной стороны, активно проникает в публичное коммуникативное пространство, с другой же — обогащается лексическими ресурсами других типов дискурса [1]. В связи с этим **актуально** проанализировать лексические единицы специального (военного) характера в структуре милитарного дискурса. Материалом послужили статьи региональной газеты «Жизнь Луганска» и материалы Луганского информационного центра (2024–2025 гг.).

Учитывая изначальную строгость и институционализацию милитарного дискурса в России (см. об этом: [5]), его лексическая система (особенно в официально-деловых документах и при передаче оперативной сводки боевой обстановки на фронте от представителей Генерального Штаба ВС РФ) богата **терминами** (многие из них стали общеупотребительными): *армия, гвардия, батальон;* наименования воинских званий (*генерал-майор, полковник, подполковник, капитан* и др.); более специфические: *военная амуниция, ротация, реабилитация, оперативная обстановка, вооружённые формирования* (эвфемизм, обозначающий вражескую армию, с исключительно негативной коннотацией), *обстрел, госпитализация, временная дисклокация*; некоторые термины только закрепляются с момента начала СВО (*иностранные наёмники*). Наряду с терминами активно используются **профессионализмы**: *столкновение с врагом* (= *сил*), *массированный удар* (= *атака*), *комиссование* (‘увольнение в запас’), боев*ая* задача, *гуманитарное разминирование*, *взять под контроль*, *продвижение войск по линии соприкосновения* (‘специальная активность на фронте, прогресс в военных действиях’), *нанести поражение*, *принять удар на себя*. Терминологическое очертания обрели эвфемизмы, фактически ставшие профессионализмами: *денацификация, демилитаризация, частичная мобилизация, перегруппировка фронта, линия соприкосновения*.

Аббревиатуры в составе специальной военной лексики отражают тенденцию к экономии языковых усилий и служат для компрессии многословных описательных номинаций. Но далеко не все сокращённые обозначения военных понятий функционируют в медийной среде (большинство узкоспециальных понятий применяются в официальных документах); распространены связанные с актуальной событийностью: *БПЛА* (беспилотный летательный аппарат), *ПВО* (противовоздушная оборона), *БК* (боекомплект), *ДРГ* (диверсионно-разведывательная группа), *РХБЗ* (радиационная, химическая и биологическая защита), *ВСУ* (вооружённые силы Украины), *ОТРК* (оперативно-тактический ракетный комплекс), *ВПК* (военно-промышленный комплекс). Прагматически интересны включения аббревиатур и сокращений в состав иных лексем, функционирующих в лозунгах: *«СВОих не бросаем», «Z-коры»* (‘военные корреспонденты’), *«СМИ-релокант»* (‘издания, переехавшие за границу’).

Прагмонимы — это собственные имена товаров, созданных в коммерческих и рекламных целях. В современных реалиях милитарные

наименования военной техники, предназначенной в том числе и для продажи, отражают стремление к метафоризации, передают этнокультурную специфику русского военного дискурса: «Краснополь» (управляемый артиллерийский боеприпас калибра 152 мм или 155 мм), *«Руслан»* (военно-транспортный самолёт Ан-124), *«Орешник»* (грунтовый ракетный комплекс и одноимённая баллистическая ракета средней дальности), *«Малютка»* (противотанковый ракетный комплекс), *«Тополь»* (ракетный комплекс стратегического назначения), *«Воевода»* (межконтинентальная баллистическая ракета), *«Солнцепёк»* (тяжёлая огнемётная система залпового огня), *«Жар-птица»* (бомбардировщик К-12).

Помимо терминологических понятий и свободных профессиональных сочетаний в военно-публицистической и медийной среде функционирует **милитарная фразеология,** призванная обозначить наименования солдат и вражеских сил, объекты пространства, технические военные средства ведения борьбы, способы ведения боевых действий: *боевой опыт, стальной характер, павший герой, неизвестный солдат, братская могила, запереть в котле* (‘окружить позиции врага’), *война на поражение, шальной огонь, серая зона, лисьи норы*; не в строгом, а, скорее, экспрессивно-образном значении используются понятия-концепты *боец, ветеран, боевик* (чаще всего по отношению к врагу), *защитник Отечества, герой, Победа* (чаще всего с заглавной буквы как концептуальное понятие); распространены эвфемизмы для создания образа врага: *неонацисты, киевский режим, коллективный Запад, так называемые западные партнёры (коллеги)*.

Проведённый анализ позволяет заключить следующее: 1) коммуникативное поле милитарного дискурса активно трансформируется; 2) процессы цифровизации и медиатизации расширяют контекст использования специальной военной лексики; 3) эвфемизация, метафоризация и появление новых терминов и профессионализмов — активные процессы в лексической системе милитарного дискурса.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Специальная лексика военной сферы в современном коммуникативном пространстве / Е. И. Голованова // Лингвистика и образование. — 2024. — Т. 4, № 2(14). — С. 37–45. — DOI 10.17021/2712-9519-2024-2-37-45.
2. Калинин, А. В. Лексика русского языка / А. В. Калинин. — М. : Изд-во МГУ, 1978. — 232 с.
3. Сдобнова, Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных Сил Франции : автореферат дисс. … канд. филол. наук : 10.02.05 «Романские языки» / Сдобнова Юлия Николаевна. — Москва, 2014. — 24 с.
4. Олянич, А. В. Милитарный (военный) дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. № 15. — С. 165–167.
5. Уланов, А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция : автореферат дисс. … д-ра филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Уланов Андрей Владимирович. — Омск, 2014. — 22 с.

УДК 81’181

НОМИНАЦИИ АПТЕЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОРЕНБУРГА

Жулева М. И., ORCID 0000-0003-2203-2559
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
zhuleva.mariya@mail.ru

Введение. В настоящее время изучение наименований предприятий на определенной территории представляет собой одно из перспективных направлений региональных лингвистических исследований. В некоторых сферах, например, в медицине, возможности лингвокреативной деятельности субъекта весьма ограничены, что обусловлено этическим аспектом, отношением к здоровью человека как ценности [1, с. 11]. В связи этим названия учреждений, относящихся к медицинской сфере (стоматологических и косметологических клиник, медицинских центров, аптечных организаций и др.), вызывают особый интерес в контексте изучения языка города, самой динамичной сферы ономастического пространства [4, с. 104].

Целью исследования является изучение особенностей наименований аптек на территории города Оренбурга. В ходе работы были использованы следующие методы: сплошной выборки, описательный, интерпретационный.

Основная часть. По данным электронного справочника 2ГИС, на территории Оренбурга насчитывается более 300 аптек, представленных как самостоятельными компаниями, так и филиалами сетей аптечных организаций. В рамках исследования нами были рассмотрены 53 номинативные единицы — названия аптечных пунктов города Оренбурга, полученные методом сплошной выборки. **Представим основные результаты проведенного исследования.**

По количеству компонентов, входящих в состав эргонима, исследуемые номинативные единицы можно разделить на 3 группы: простые, сложные и составные. В первую группу были отнесены 14 названий аптечных пунктов: «*Апрель*», «*Рябина*» и др. Простые эргонимы составили 26,4 % от общего количества рассматриваемых названий аптек. Во вторую группу номинаций — сложных слов, вошли 16 наименований аптечных организаций Оренбурга (30,1 %), например: «*Оренлек*», «*Фармленд*».

В третью группу были включены 23 составных эргонима (43,4 %). Среди них можно выделить 20 двухкомпонентных номинаций («*Низкие цены*», «*Планета здоровья*», «*Семейная аптека*», «*Советская аптека*» и

др.) и 3 трехкомпонентных названия («*Аптека на Советской*», «*Областной аптечный склад*», «*Аптечный пункт КДЦ*»). Как можем заметить, трехкомпонентные номинации содержат условное территориальное указание. Например, на отнесенность к медицинскому учреждению (консультативно-диагностическому центру), при котором функционирует организация «*Аптечный пункт КДЦ*», указывает аббревиатура *КДЦ,* выступающая как компонент эргонима.

Одним из распространенных способов образования эргонимов является трансонимизация — переход онима из одного разряда в другой. В ходе лексико-семантического анализа номинаций оренбургских аптек нами зафиксирован случай перехода антропонима в другой оним — трансантропонимизации. Название аптеки «*Алия*» образовано от антропонима (женского личного имени), выступающего «в определенной степени маркером региона», т. к. является личным именем тюркского происхождения [2, с. 176].

Более активно номинаторами используется семантическая онимизация. Названия оренбургских аптек образуются от фитонимов («***Алоэ***», «***Аир***», «***Живица***», «***Ракита***», «***Рябина***», «***Клеверфарм***»), названий месяцев («***Апрель***», «***Август***»). Следует отметить, что приведенные номинации (за исключением «*Клеверфарм*») абстрактны и не позволяют установить сферу деятельности компании без номенклатурного термина (аптека). Можно говорить о том, что такие наименования характеризуются высокой степенью необходимости употребления слова-сопроводителя.

Однако характер деятельности организации может быть определен не только на основе слова-сопроводителя, но и на основе особых идентификаторов. В составе 14 эргонимов (26,4 %) выявлена морфема *фарм*. Отметим, что она присутствует в абсолютном начале слова («***Фарм****ленд,* «***Фарм****аимпекс*»); в середине («*Регион****Фарм****Сервис*»); в конце эргонима («*Лайм****Фарм****,* «*Здравлек****фарм***»). При этом все эргонимы, содержащие компонент *фарм*, функционируют на кириллице. Тенденция к латинизации, вызываемая стремлением компании подчеркнуть превосходство, в названиях оренбургских аптек не выражена. Нами выявлен лишь один эргоним, состоящий из букв латинского алфавита, — «*Apteka.ru*», где основой номинации сети аптечных пунктов послужило доменное имя, отражающее суть деятельности компании и понятное потребителю.

В трех названиях аптечных организаций (5,7 %) содержатся числовые компоненты: «*Аптека* ***24***» (подчеркивается доступность для потребителя в любое время суток — 24 часа), «*Аптека* ***№ 1***» (первый среди всех, лучший в своем роде, превосходящий остальные), «*Аптека****56***+» (указание на код региона). Включение числового компонента в рассмотренных примерах номинаций вызвано намерением компании добиться расположения

потенциального покупателя. Воздействовать на реципиента, вызвать у него чувство ностальгии, ассоциации с традициями прошлого, призвано название «*Советская аптека*». Номинация «*Семейная аптека*» обращает внимание на возможность приобретения товаров для всей семьи, т. е. организация предлагает разнообразную продукцию. В названии «*ВИТА* ***Экспресс***» подчеркивается ориентированность организации на быстрое обслуживание.

Со стороны некоторых аптек наблюдается стремление подчеркнуть доступность предлагаемых товаров широкому кругу потребителей. Наименования «*Низкие цены*», «*Цена Красна*» акцентируют внимание реципиента на ценах, которые, с точки зрения организации, являются привлекательными для потенциального покупателя. В случае с эргонимом «*Твоя экономия*» можно говорить о стремлении номинатора установить контакт с потенциальным потребителем посредством использования личного местоимения 2 лица и в то же время сделать акцент на возможности избежать переплаты. Вызывает интерес эргоним «*Бережная аптека*», выделяющийся на фоне остальных своей семантической емкостью. Смысловое наполнение достигается за счет значений слова *бережный*: 1. бережное отношение к здоровью; 2. бережливый, расчетливый, экономный [3].

Заключение. Подводя итог, отметим, названия оренбургских аптек, являясь частью городского ономастикона, отличаются лаконичностью, обусловленной действием закона речевой экономии. Путем использования различных языковых средств аптеки стремятся создать положительный образ организации, акцентируя внимание на том или ином преимуществе (низких ценах, скорости обслуживания, высоком качестве товаров и услуг, приверженности традициям, уважительном отношении к покупателям).

Список литературы

1. Веденеева, Е. В. Медицинские эргонимы в Казани / Е. В. Веденеева // Классические языки в современном профессиональном образовании: Материалы II Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием), Казань, 06–07 мая 2024 года. — Казань: КГМУ, 2024. — С. 5–11. — EDN BIHODH.
2. Тетерина, В. С. Основные модели номинации эргонимов / В. С. Тетерина, З. М. Дударева // Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Стерлитамак, 22–23 марта 2021 года. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «БашГУ», 2021. — С. 174–178. — EDN BMIFFO.
3. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Часть 1 (А–Н). — Текст : электронный // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2025. — URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (дата обращения: 28.09.2025).
4. Шмелева, Т. В. Ономастическая культура / Т. В. Шмелева // Вопросы культуры речи. Том 10. — Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011. — С. 101–106. — EDN PYFVOP.

УДК 811.161.2’373.2

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭРГОНИМОВ В СФЕРЕ УСЛУГ

Зарицкая И. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-9318-8556,
Московская Т. В., ORCID 0000-0003-3473-0457
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
irina_zaritska@mail.ru, mtv1368@bk.ru

Введение. Современная ономастика характеризуется значительным количеством весомых исследований, посвященных специфике антропонимов, топонимов, гидронимов, космонимов, теонимов и т. д. (В. И. Болотов, А. А.Белецкий, В. Г. Гак, В. Ф. Иванова, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, А. В. Суперанская, В. И. Супрун, В. Н. Телия и другие). Однако всё больше ученых интересует одна из малоизученных сфер ономастического пространства — эргонимия, которая динамически развивается.

Цель статьи — проанализировать тенденции эргонимической номинации, рассмотреть структурно-семантические модели эргонимов, оптимальные для использования в сфере услуг.

Основная часть. Эргонимы представляют собой единицы языка и речи, имеющие все признаки имени собственного: 1) служат для конкретного называния отдельных предметов действительности и выделяют единичный предмет из ряда однородных; 2) у эргонима обычно отсутствует прямая связь с понятием, лежащим в основе; 3) в состав эргонимов, как и в состав собственных имен, могут входить любые части речи (имя прилагательное, глагол, наречие, местоимение, предлог), которые в качестве онима приобретают грамматические характеристики имени существительного [1].

В данном исследовании под эргонимами мы понимаем собственные имена предприятий различного функционального профиля, в частности, предприятий сферы услуг — хозяйственно обособленных производственных единиц в сфере сервиса, производящих и реализующих одну или более потребительских услуг.

Специфические функции названий, предназначенных для сферы услуг — информативная и рекламная. Именно благодаря информации и способу её подачи, эргонимы достигают своей основной цели — привлечения внимания клиентов.

Эргонимы — особый класс собственных названий, одной из специфических черт которых является уникальность образования, где языковым материалом могут служить разнообразные типы онимов:

– отантропонимный: *салон «Людмила», магазин детской одежды «Антошка», салон цветов «Камелия», салон красоты «Анастасия», пиццерия «Челентано», кафе «Надежда», «Лучиано», кофейня «Мажорель», ресторан «Цезарь», отели «Виктория», «Доминик»*;

– оттопонимный: *автомагазин «Китай», кафе «Версаль», «Баку», кофейня «Итальянский дворик», пиццерия «Италия», ресторан «Урарту», отели «Риальто», «Испанский дворик», гостиница «Азания»*;

– отонимный или мифонимный: *свадебный салон «Амур», магазин одежды «Венера», магазин «Спутник», бутик «Троя», кафе «Спарта», «Амфора», «Марс», грузинское кафе «Гермес», ресторан «Артемида»*;

– общие названия или отапеллятивный тип: *торговый центр «Караван», детский магазин «Солнышко», салон красоты «Зебра», ресторан «Плакучая Ива»*;

– аббревиатуры и цифры: *магазин серебра «925», сеть гипермаркетов строительных магазинов «Эпицентр», фастфуд «Пирожковая № 1», барбекю «Шашлычная № 1», кафетерий «ДонНТУ», столовая «Электрооптторг», кафе «555», «Лицей 37», «ГорСад», «ТД Самба, «Донецкгормаш», рестораны «777», «Ностальжи СССР»*.

Внутренняя мотивированность эргонимов обусловила их разделение на нейтральные и коннотативные, где в нейтральных заложены признаки, непосредственно указывающие на характер деятельности предприятия, вид продукции или услуг, владельца фирмы или компании. Коннотативным же присуща многозначность. В основу эргонимов как коннотативно маркированных элементов ономастической системы положены ассоциативные связи, содержащие намёк на специфику предприятия, качество, вид, размеры продукции, результат от использования продукции/ услуги, интерьер, архитектурные особенности, местоположение, признаки престижности.

Отметим, что к числу тенденций, характерных для эргонимической номинации, относятся:

– активное использование устаревшего написания лексики: *товары для кухни «Посудовъ», ресторан «Багратионъ», бар «Трактиръ»*;

– использование устаревших слов: *магазины «Русский двор», «Злато», «Диво», «Сударушка», «Околица», ресторан «Купец»*;

– использование сниженных пластов языка: *магазины «Любаша», «Пятерочка», «Флешка», салон «DRIVE», кофейня «Кофеман», кафе «Клёвое место», «Супер-пупер», «Кухен-Игрухен», «Магарыч», «Ексель Моксель», «Вискарик», ресторан «Шуры-Муры»*;

– использование языковой игры: *магазины «Семь Я», «МолоТок», «Эко ном», автомагазин «КуПи в ДНР», пиццерия «ПОДКРЕРIZZA», кафе «Стоп-ка!», «А-компот», грузинский ресторан «ЧачаПури», китайский ресторан «Мао едун», ресторан «СушиНа Донецк»*;

– использование в написании заимствованных наименований: *пиццерия «Prato Pizza», кофейня «La Coffee», рестораны «Porto Adriatico», «Таверна ΜΣΖΣ», «Ganesha House».*

По нашему мнению, эргонимы возможно распределить на *однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные*. К однокомпонентным относим номинации, выраженные непроизводными и производными простыми и сложными словами: *рестораны «Лукоморье», «Гуси-лебеди», «Хмели-Сунели», кафе «Котофейня», «Катрин», отели «Столичный», «Сокол», «Шахтарочка».*

К двухкомпонентным названиям принадлежат словосочетания разной структуры: (предлог + существительное) *ресторан «На Углях», бары «В Амсторе», «У Вити», кафе «На яме», кофейня «На диване»*; (существительное + существительное) *рестораны «Остров сокровищ», «Ким Бао», «Паста Проджект»*; (существительное + предлог + существительное) *рестораны «Охота на зайцев», «Роща на бульваре», «Сыр и Мясо»*; (прилагательное + существительное) *рестораны «Хмельная Марта» «Старый шансон», «Юзовская пивоварня», кафе «Чайная Роза», чайный клуб «Золотой Жук», хостел «Рыжий кот»*; (числительное + существительное) *ресторан «Семь Красавиц», кафе «Два товарища», «Три Пескаря»*.

Эргонимы-предложения могут относиться как к двухкомпонентным, так и к многокомпонентным: *ресторан «Гуляй Хата», магазины «Одевайтесь у нас», «Рыбачьте с нами!».*

Многокомпонентными могут быть словосочетания осложненной структуры: *ресторан «Серебрянные бары Донбасс Арены», кафе «У леса на опушке», «Dchp Kafe Soblazn Tov Bud'onivs'kyy Ahrovyrobnychyy Kompleks Avanhard», кофейня «Кофе с собой, от Юлии», бар «Война Пяти Королей», «Сок ростков пшеницы», гостиница «Park Inn by Radisson Donetsk».*

Заключение. В сфере услуг наблюдается общее доминирование однокомпонентных эргонимов, что обусловлено в основном необходимостью быть привлекательными для пользователей, легко запоминаться. Именно эргонимы являются особым видом онимов, которые одновременно могут рассказать и об объекте, и о культурном уровне номинаторов.

Список литературы

1. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка : семантика и прагматика : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Курбанова Малика Гумаровна. — Волгоград, 2015. — 191 с.
2. Моисеева, И. Ю. Структурно-семантические особенности номинативных единиц туристских предприятий : монография / И. Ю. Моисеева, А. А. Холкина; Оренбургский гос. ун-т. — Оренбург : ОГУ, 2018. — 113 с.

УДК 81’28

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В ДОНЕЦКОМ ТЕКСТЕ

Курмакаева Н. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-3472-0203
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kurmakayeva@mail.ru

Введение. Современный этап развития русского языкознания отмечен наряду с пристальным вниманием к языковой личности как создателю, транслятору и хранителю языкового богатства в виде уникальной этнической языковой картины мира еще и особым вниманием к результату речевой деятельности «человека говорящего», коммуникативной личности — к тексту как лингвокультурному феномену и «языку в действии». В качестве ключевого объекта лингворегионоведения всё чаще признается взаимозависимость названных феноменов [1]. Тексты разных жанров и различных временных срезов подвергаются анализу во всевозможных аспектах. Встречаются и аналитические статьи о языковых особенностях региональных текстов. Надо заметить, что язык так называемого «донецкого текста русской литературы» (термин А.Ю. Коробова-Латынцева [1, с. 146]) пока еще ждет своих исследователей, хотя работа в этом направлении ведется: готовится к изданию словарь донецких регионализмов, начинают изучаться региональные поэтизмы и проч.

Нами поставлена **задача** — вскрыть один немаловажный пласт регионально обусловленных единиц в составе донецкого текста, которые весьма спорадически упоминаются в исследованиях донецкой речи. Имеются в виду устойчивые словосочетания, коллокативы с разной степенью спаянности частей.

Фактический материал собирался из письменных донецких текстов различных стилей и жанров — от официально-деловых до поэтических.

Основная часть. Неоспоримым признаком регионального текста является его специфический лексический пласт — пласт регионализмов (в основном широких), немалую долю которого составляют устойчивые сочетания слов, словесные комплексы разной степени структурной сложности, выполняющие различные функции — от номинативных (называние предметов, признаков, действий, относящихся к конкретному региону страны) до стилистических (изобразительных, оценочно-характеризующих, экспрессивных, понятных без толкования лишь в определенном регионе). Их предназначение — наименовывать, прямо или в переносном смысле, один отдельный факт действительности: *каменная порода, пласт угля, (пласт) глубокого залегания, засечь куток, поднять на-гора, шахтерский мир, город синих терриконов, хлеб промышленности, накрывать по площадям, отправить к бандере, отнести за террикон.*

Отдельные словоформы в составе таких словосочетаний, вступая в тесную структурно-смысловую связь с другими, в дистрибуции приобретают, как правило, либо новое, либо дополнительное значение. Их собственная семантика размывается, а общий смысл коллокатива порой требует толкования (особенно за пределами региона, где он возник или активно используется в речи).

Весь массив собранных коллокативных единиц можно сгруппировать в два почти равнообъемных кластера:

1) устойчивые словосочетания номинативного типа (книжные регионализмы официально-деловой, научной, публицистической сфер использования с регионально отмеченными смыслами), употребляющиеся преимущественно в прямом значении, чаще всего как термины: *каменноугольный бассейн, угленосные пласты, лампа Вольфа, подавать на-гора, юзовские времена, народное ополчение, ситуация боевых действий* и др.; реже — в виде стертой или когнитивной метафоры: *юзовское наследие, юзовская система координат, соляной шлях, улучшить положение по переднему краю, фаза вооруженного противостояния;*

2) устойчивые словосочетания оценочно-характеризующей семантики, функционирующие в публицистике, художественной литературе, в местном фольклоре и разговорной речи дончан: *жаркий клад* (= уголь), (*край*) *рукотворных гор, «подземная пехота»* (В. Калиниченко)*, кладовая угля, донбасский ад, иловайский котел, кровавый пастор, огненная денацификация* и др. В отличие от первой группы эти устойчивые словосочетания имеют ярко выраженную тропеическую природу, обозначают региональное явление переносно. Местные поэты активно используют приемы метафоризации и перефразирования, называют, например, Донецк «*город синих терриконов, город звонких тополей*» (В. Шутов), *город миллиона роз, шахтерская столица, детище Юза* (О. Измайлов)*;* включают в коллокации как ключевые слова региона: *«час ‘‘тормозков’’»* (В. Калиниченко), *«Ополченский романс»* (З. Прилепин), так и новые лексические единицы, рожденные языком под воздействием региональных событий: *«кевларовый век»* (А. Ревякина).

Первую группу устойчивых сочетаний слов предложено называть синлексами: «**Синлексы** — это составные номинативные (называющие) единицы языка, грамматически и графически раздельно оформленные, но обозначающие один цельный факт действительности или одно цельное языковое понятие; они стилистически нейтральны. <…> Вместе со словами синлексы образуют основную (ядерную) часть номинативного состава языка» [2, с. 3–4]. Подавляющая часть из них не имеет однословного эквивалента. В общеязыковом массиве синлексов Г.И. Климовская обнаружила принадлежность его единиц ко всем традиционно выделяемым знаменательным частям речи. В нашей картотеке пока присутствуют только эквиваленты имен существительных (подавляющее большинство примеров) и небольшое количество глагольных эквивалентов (см. выше).

Те устойчивые сочетания, которые не только номинируют положение дел в действительности, но и передают его образно в рамках литературной речи, которые вырабатываются в качественной публицистике, рекомендовано называть **оборотами речи.** Для их выявления потребуется большая работа с газетным и журнальным материалом. Пока собрано немного примеров этой группы лексического пласта: *плавильный котел (нации), оплот Русского мира, право быть русским, донбасский характер, борьба за выживание* (из Доктрины «Русский Донбасс»), *переступить красную линию, уходить корнями в юзовскую старину* и др.

Второй выделенный нами корпус устойчивых словосочетаний оценочно-характеризующей семантики полностью включает ту группу, которую Г.И. Климовская наименовала **беллетризмами.** Этот материал — плод усилий поколений писателей, поэтов, публицистов, краеведов по созданию ярких картин окружающего мира и человека в нем. В нашем случае включаются региональные ограничения и особенности, которые вносят элемент уникальности в коллокативную единицу: *край рукотворных гор* (Е. Ясенов), *угольные «генералы»* (О. Измайлов), *украинские «небратья»* (Г. Савицкий), *дети подвалов* (О. Рой), *люди безумной, бешеной отваги* (В. Вересаев), *дети кротами изрытой земли* (А. Ревякина) и др.

Беллетризмы и обороты речи в отличие от синлексов не входят в основную часть номинативного состава языка, располагаясь на его периферии и обогащая в целом языковую картину мира носителя. В большинстве случаев они нуждаются в «расшифровке» заложенного в них смысла или становятся понятными из контекста.

Кроме номинативных и оценочно-характеризующих устойчивых словосочетаний в донецком тексте присутствуют идиоматические неоднословные единицы региолектного характера — фразеологизмы. Их пока в картотеке немного: *губы копылить, добить упряжку, гнать порожняк, надыбать по нетрям* и некоторые др. Их роль чаще всего сводится к созданию портретной характеристики персонажа или автора. Они требуют отдельного внимания.

Заключение. Исследованный материал свидетельствует о богатой и разнообразной палитре коллокативных единиц в региональном донецком тексте, которые нуждаются в систематизации и тщательном словарном описании, поскольку они не только номинируют или оценивают реалии действительности. Они представляют собой этноментальные единицы, многие из которых приобрели статус кода культуры Донбасса.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Донецкий регионолект : монография / Под ред. В.И.Теркулова. — Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. — 265 с.
2. Климовская Г. И. Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка / Г. И. Климовская. — 7-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2024. — 152 с. — ISBN 978-5-9765-1978-7.

УДК 81 (075)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТИЗМ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Марченко А. С., ORCID 0009-0007-6480-9174
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nastena_marchenko_99@mail.ru

Введение. Современная лингвистика всё активнее обращается к изучению языка как культурного феномена, отражающего национальные и региональные особенности мировосприятия. Особое место в этом контексте занимает понятие *поэтический регионализм* — функциональная разновидность лексики регионального употребления, которая используется в литературных текстах и формирует эстетические переживания, основанные на знании местных реалий и слов, их обозначающих [4, с. 73]. Региональный поэтизм можно рассматривать как разновидность лингвокультурного явления, поскольку он отражает не только языковую специфику, но и ценностные ориентиры общества, его символическую память и культурные коды.

Целью данной работы является осмысление регионального поэтизма как лингвокультурного явления на материале поэтического дискурса Донбасса в сравнении с другими регионами России.

Основная часть. По словам В. В. Абашева, «каждый регион стремится интенсифицировать собственное культурное своеобразие, мифологизируя место своей жизни и наделяя его чертами уникальности» [1, с. 356]. Это применимо и к Донбассу, где особая социально-культурная среда породила неповторимую региональную образность. Регионализмы как «слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определённой местности и функционирующие в текстах с номинативной или стилистической функцией» [5, с. 27] в поэзии приобретают дополнительный эстетический статус — превращаются в поэтизмы. Этот пласт регионального словаря еще практически не изучен.

Поэтический язык специфичен, «это язык художественного мышления в модусе собственно языкового существования» [3, с. 29].

Р. О. Якобсон связывает поэтическую функцию языка с обращённостью слова на самого себя, когда знак воспринимается как единство формы и содержания [6, с. 80]. В региональной поэзии именно региональные слова и образы становятся носителями этой функции, формируя особую символическую окраску текста, наполняя его культурными смыслами как результатами взаимодействия языка и культуры региона, регионально отмеченными культурными коннотациями, наслаивающимися на знак и выступающими как одна из форм воплощения региональной или регионально осмысливаемой культуры в языковом знаке. Эмотивная окрашенность содержания знака связывается с прагматикой региональной речи: *У Марии дрожат колени, / над Марией молчит луна / **коногонкою** в небе буром — немигающий глаз отца* (А. Ревякина) [2, с. 76]. Простой атрибут шахтерской амуниции превращается в региональный поэтизм.

В поэзии Донбасса устойчивыми поэтическими маркерами выступают лексемы и образы, связанные с угледобычей и индустриальным ландшафтом: *шахта*, *антрацит*, *метан*, *террикон*, *копры* и т. п. Эти единицы в текстах не только номинируют реальность, но и коннотируются, переосмысливаются и наполняются новым содержанием. Яркий пример — поэма Анны Ревякиной «Шахтёрская дочь», где терминология шахтёрской среды включена в структуру коннотаций: *«Вместо сердца Господь даровал антрацит, / Вместо вдоха степного — горючесть метана…»* [5, с. 44]. Здесь антрацит и метан перестают быть лишь техническими терминами, локальные реалии становятся средствами выражения человеческого и коллективного бытия. Аналогично образ *террикона* в её строках: *«Террикон лежит, словно мёртвый кит…»* — выступает как символ пейзажной памяти и утраты (мемориальный, антропоморфный мотив), термин, фиксирующий индустриальную ландшафтную особенность Донбасса, оказывается наполнен культурно-символическим значением.

На материале донбасских текстов можно выделить следующие функции региональных поэтизмов:

1. Идентификационная (номинативная) функция — региональные поэтизмы маркируют принадлежность текста к конкретной территории: *«Я приехала из страны Терриконии* (А. Ревякина), где «*Террикония*» служит локальным маркером, связывая поэтический мир автора с конкретным индустриальным ландшафтом Донбасса.

2. Символическая / мемориальная — ландшафтные элементы становятся носителями памяти, например, у А. Ревякиной террикон как «обелиск невозвращенцам»: *«Загорелые травы донецких степей, терриконы, / обелиски невозвращенцам из дальних дорог…».*

3. Эмоционально-оценочная — через регионализмы выражаются отношения автора к миру — восхищение и уважение: *«Но у лавы характер строгий.* (В. Колесниченко); стойкость и жизненная сила: *«Пока в забое жар сердца горит…»* (П. Беспощадный) и др.

4. Коммуникативно-референтная — поэтизмы функционируют как «короткие коды» — при прочтении у адресата, знающего региональную семантику, моментально активируется ряд культурных ассоциаций. Например, у А. Ревякиной: *«Я ехала мимо копров и терриконов, / слышала, как стонет уголь в недрах земли…»*. Региональные лексемы *копры*, *терриконы*, *уголь* выполняют не только номинативную функцию, но и возбуждают у читателя, знакомого с Донбассом, ассоциативное поле индустриальной среды, шахтёрской культуры и локальной идентичности. Поэтизмы создают момент мгновенного понимания и включают читателя в особый региональный контекст, обеспечивая эффективное взаимодействие автора и адресата через общий культурный опыт.

Аналогичные механизмы функционирования региональных поэтизмов наблюдаем и в других регионах. В уральской поэзии устойчивы образы рудников, гор и металла; в сибирской — тайга, реки, мороз; в Поволжье — Волга и хлебный ландшафт. В каждом случае локальные реалии выступают основой метафорики и символики, обеспечивая «территориальную слышимость» текста у читателей, знакомых с конкретным регионом. Поэтическая функция в таком ключе универсальна: локальное слово становится художественным знаком, выполняющим ту же роль, что и у донбасских примеров, но с иными материалами и коннотациями.

Заключение. Региональный поэтизм — значимая лингвокультурная категория, через которую локальные реалии превращаются в художественные символы и стандарты смыслообразования. На материале поэзии Донбасса прослеживается чёткая трансформация регионализмов-номинатем в поэтизмы с мемориальной, символической и аксиологической нагрузкой. Сопоставление с другими российскими регионами подтверждает универсальность механизма: любой регион вырабатывает собственный поэтичный репертуар, служащий локальной идентификации и поддержанию культурной памяти.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь, 2000. — 404 с.
2. Курмакаева Н. П. К проблеме формирования терминосистемы лингворегионоведения: теоретико-методический аспект / Н. П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 4. — С. 68-80.
3. Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1998. — 86 с.
4. Семенов А. И. Поэтический регионализм (к определению понятия) / А. И. Семенов // Научный диалог. — 2018 — № 8 — С. 62—73.
5. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2006. — 160 с.
6. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.

УДК 81'372.211.5(476.7)

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В УРБАНОНИМИКОНЕ ВИТЕБСКОГО РЕГИОНА

Прищепа М. М. ORCID 0009-0000-6090-1108
УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
г. Витебск, Республика Беларусь
maksimpr2002@gmail.com

Введение. В настоящее время актуальным является рассмотрение языковых явлений через призму культурных кодов. Именно они отражают традиции нации, специфические черты определенной культуры. Коды культуры, построенные на символизации действительности, окружающей человека, особенно четко проявляются в именах собственных [3, 4]. Важнейшим центром современной культуры является город, поэтому актуальным является изучение урбанонимического ономастического пространства [6]. Годонимы появляются в разные исторические периоды развития стран и регионов и становятся важнейшей частью языкового, культурного и исторического пространства нации [2]. Развитие урбанонимикона проходит параллельно с развитием лингвосоциума и отражает его специфику в определенный исторический период. Это позволяет выявить объекты материальной и духовной культуры народов, а также понять значимость культурных явлений для того или иного общества [5].

Цель работы — выявить репрезентацию культурных кодов разных типов в наименованиях улиц городов Витебского региона и интерпретировать их иерархичность.

Основная часть. Источником материала исследования послужили списки названий улиц десяти городов Витебской области (2971 годоним). Списки получены методом сплошной выборки из топонимических справочников, топографических карт и интернет-ресурсов. Последние представлены в открытом доступе на официальных сайтах Витебского городского исполнительного комитета [1] и сайтах районных исполнительных комитетов. В нашей работе были использованы методы исследования: инвентаризация онимного материала, систематизация списочного состава названий улиц, качественный, количественный и структурный анализ лексических единиц.

Для анализа собранного языкового материала мы использовали предложенную известным белорусским ономастом А.М. Мезенко классификацию культурных кодов [5]. В соответствие с ней выделены одиннадцать кодов культуры: антропоморфный, духовный, ландшафтный, пространственный, социальный, темпоральный, топоморфный, фауноморфный, фитоморфный, цветовой, эмоционально-характерологический

Как показывает проведенный анализ годонимов Витебского региона, чаще всего в наименованиях улиц реализуется топоморфный код культуры,

который эксплицируется при помощи годонимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской — 1597 ед., 53,8 %: *Полоцкая улица, Почтовый переулок*. *Шкловский проезд*. Преобладание топоморфного кода в городской топонимике Витебской области объясняется тем, что этот код является базовым кодом освоения пространства**.** Названия, данные по объектам инфраструктуры, отражают «техногенный» этап в истории региона, когда ландшафт активно преобразовывался человеком.

Следующий по распространенности тип кода культуры, который представлен в анализируемых единицах, — антропоморфный — 666 ед., 22,4% (*улица Николая Гастелло, улица Климента Тимирязева, улица Кирова*). Антропоморфный код является кодом исторической памяти, способом выстроить непрерывную национальную историю. Совокупность топоморфного и антропоморфного кодов формирует каркас урбонимической системы Витебского региона.

Среднечастотные коды (социальный, темпоральный, пространственный, ландшафтный, эмоционально-характерологический, флористический) отражают более глубокие, но менее масштабные пласты культуры и восприятия мира. Социальный код культуры является третьим по количеству представленных единиц — 197 ед., 6,6 % (*улица Революционная, переулок Республиканский, улица Студенческая*). Социальный код представляет ключевые ценности и социальные идеалы белорусского общества (интернационализм, миролюбие, труд).

По количественным показателям среди кодов четвертую позицию занимает темпоральный код — 120 ед., 4,0 % (*улица Советская*, *переулок 8 Марта, переулок Юбилейный*), фиксирующий ключевые исторические события в памяти народа.

Далее следуют два кода культуры: пространственный — 104 ед., 3,5 % (*переулок Короткий*, *переулок Нижний Луговой*, *улица Дальняя*) и ландшафтный — 95 ед., 3,2 % (*переулок Песчаный, переулок Полевой, улица Речная*). Последний, в отличие от топоморфного, отражает не созданные человеком объекты, а свойства самого пространства. Его частотность говорит о том, что природный ландшафт (реки, озера, леса) является важной частью идентичности Витебской области («Белорусское Поозерье»).

В иерархии культурных кодов одинаково представлены (2,8 % от общего количества) такие культурные коды, как фитоморфный — 84 ед. (*переулок Лесной*, *улица Вишневая*, *улица Сосновая*) и эмоционально-характерологический — 82 ед. (*переулок Вольный, улица Ясная, улица Солнечная*). Фитоморфный код подчеркивает глубокую связь культуры с природой, важность определенных растений в ландшафте и традициях белорусов (берёза, липа, дуб) как культурных символов. Эмоционально-характерологический код отражает эмоциональное отношение к месту, стремление белорусов создать позитивный образ своей Родины и комфортную среду обитания.

К малочисленным культурным кодам относятся цветовой, фауноморфный и духовный. Цветовой код представлен 18 ед., 0,6 % (*улица Зеленая*, *улица Красная, переулок Радужный*) и несет символическую нагрузку**.** Его малое использование говорит о том, что цвет как самостоятельный признак менее важен для идентификации места. Редкое использование фауноморфного кода (2 ед., 0,1 %: *переулок Бобровый*, *улица Журавлиная*) говорит о том, что животный мир, в отличие от растительного, менее закреплен в качестве ориентира или символа в урбанизированной среде. Низкая частотность духовного кода (6 ед., 0,2 %: *улица Воскресенская*, *улица Михайловская*, *улица Нижне-Покровская*) является прямым следствием идеологического наследия, когда религиозная лексика была вытеснена из публичного пространства

Заключение. При рассмотрении культурно-языковых мотиваций, отраженных в названиях улиц городов Витебской области, выявлено преобладание топоморфного и антропоморфного культурных кодов. Достаточно частотным являются социальный, темпоральный, пространственный, ландшафтный, эмоционально-характерологический и флористический коды культуры. Самые малочисленные по количеству единиц — цветовой, фаунистический и духовный культурные коды. Таким образом, иерархия культурных кодов в топонимии Витебской области отражает всю информацию о ее развитии и становлении. На урбанонимическрй карте области в лингвокультурном плане читается сложная, многослойная история региона, ценностные ориентиры его населения и пути формирования коллективной идентичности.

Список литературы

1. Витебский городской исполнительный комитет — URL: https://vitebsk.gov.by/ru/ (дата обращения: 07.09.2024).
2. Ворошилова, Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: автореферат дис. … кандидата филол. наук : 09.00.13 / Воролошилова Екатерина Викторовна; [Место защиты : Тюменский государственный университет]. — Тюмень, 2009. — 19 с.
3. Гараева, А. К. Историко-лингвистический анализ топонимов Елабужского уезда: автореф. дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.02 / Гараева Альмира Кадыровна; [Место защиты : Тобольский государственный педагогический институт имени Д. И. Менделеева]. — Елабуга, 2004. — 24 с.
4. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Т. 24 (63). — № 2. — С. 388–392.
5. Пушкарёва, Ю. Г. Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект: автореферат дис. …кандидата филол. наук : 10.02.19 / Пушкарева Юлия Геннадьевна; [Место защиты : Бурятский государственный университет]. — Улан-Удэ, 2003. — 23 с.
6. Рабаданова, Л. Н. Урбанонимы Махачкалы: историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты: автореферат дис. …кандидата филол. наук : 10.02.20 / Рабаданова Лейла Насруллаевна; [Место защиты : Дагестанский государственный педагогический университет]. — Махачкала, 2012. — 23 с.

УДК 811.161.1’37

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА

Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831,
Халабузарь А. О., ORCID 0009-0005-2228-0781
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
an.stebunova@mail.ru, khalabuzar86@mail.ru

Введение. В современной гуманитарной науке активно применяются экспериментальные психолингвистические методики, изучающие спонтанные речевые реакции носителей языка. Они особенно актуальны при анализе ментальных образований в массовом сознании, т. к. позволяют выявить функционирование и смысловое наполнение конкретных концептов в конкретной возрастной среде.

Несмотря на большое количество научных работ, образ Родины как предмет для изучения не теряет своей актуальности. Особенно актуально изучение данного концепта сегодня, когда происходящие в мире и обществе общественно-политические и экономические события оказывают непосредственное влияние на ценностно-смысловую сферу личности, трансформируя образ Родины во внутренней картине мира молодежи.

Целью исследования выступило изучение образа Родины в сознании современной молодёжи Донбасса с использованием психолингвистических методов.

Молодые люди проецировали свой жизненный опыт и образы, сформированные в сознании, на представляемый стимульный объект. Возраст респондентов — 17–20 лет. Выбор предмета исследования был обусловлен пристальным вниманием современной общественности к внешней политике нашей страны, связан, с одной стороны, и противостоянием» российского и западного общества, активно освещаемым в зарубежных СМИ, с другой.

Поэтому изучение того, что стоит за словом *родина* в массовом сознании студенческой молодежи, может быть полезно для осуществления патриотического воспитания в системе высшего образования и в целом при проведении молодёжной политики.

Основная часть. Аналогичные ассоциативные эксперименты в студенческой среде в разных учебных заведениях уже проводились. Академические Русский ассоциативный словарь [1], русские региональные ассоциативные словари ЕВРАС [3], и СИБАС [4], представляли реакции студентов на слово-стимул *родина*. Результаты нашего исследования нашли отражение в Ассоциативном словаре Донбасса (ДОНАС) [2]

На понятийном уровне ассоциативное поле концепта *родина* у студенческой молодежи содержит гораздо более богатый спектр значений,

чем словарный контур этого концепта (все толковые словари дают 2 значения и оба связаны с местом: а) родная страна (сторона), отечество; б) место рождения чего-либо или кого-либо.) По материалам ассоциативного эксперимента *родина* — это не только место, но и семья, дом, люди, государство, природа и т. д.

Наибольшее число упоминаний имеют следующие слова: *мать 154; дом 54; моя 35; страна 25; Россия 20; земля 14; Донецк 13; патриотизм, семья 9; Донбасс, зовет 8; отчизна 7; одна, отечество 6; патриот 4; армия, большая, край, любимая, любовь 3; город, мама, мать зовет, нет, родители, родная земля, СССР 2 и др.* Видно, что данные лексемы наиболее частотны в первых 5 рангах. По 9–14 раз были упомянуты слова земля, Донецк, патриотизм, семья, что также говорит об актуальности этих понятий в сознании студентов в связи со словом-стимулом *родина*. Эти слова тоже появлялись в основном в первых рангах. Следующий лексический уровень концепта составляют слова *Донбасс, зовет*, *отчизна, одна, отечество патриот,* упомянуты более 4-9 раз. Данные слова примерно равномерно распределены по всем рангам. Все указанные слова в совокупности, на наш взгляд, представляют собой ядро изучаемого концепта.

Статьи в академических ассоциативных словарях РАС, ЕВРАС и СИБАС практически совпадают с нашими результатами исследования. Приведём примеры первых пяти рангов этих словарей. Так выглядит статья, посвящённая слову-стимулу *родина,* в Русском ассоциативном словаре 2002 г.: **РОДИНА**: *мать **65;** моя **19;** Россия **15;** зовёт **6;** любимая, одна, СССР **5.***

Вот статья, посвящённая слову-стимулу *родина*, в Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе ЕВРАС, который был составлен Г. А. Черкасовой и Н. В. Уфимцевой и опубликован в 2014 г.: **РОДИНА:** *мать* **162**; *Россия* **97**; *моя* **47**;*дом* **25**; *страна* **24.**

Так выглядит статья, посвящённая слову-стимулу *родина*, в Русском региональном ассоциативном словаре СИБАС, который составлялся И. В. Шапошниковой и А. А. Романенко в 2008–2015 гг.: **РОДИНА:** *мать* **138**; *Россия* **105**; *моя* **41**; *дом* **25**; *страна* **21**;

Во всех ассоциативных словарях наиболее частотным является слово-реакция *мать*. Очевидно, в памяти молодежи актуализировались знаменитый советский плакат «Родина-мать зовёт», а также скульптура «Родина-мать» в г. Волгограде. Слово-реакция *семья* на стимул *родина* не зафиксировано ни в одном из словарей, а слово *дом* — только в ЕВРАС. В ДОНАС слова *дом* и *семья* оказались одними из самых распространённых реакций. Несомненно, для большинства молодых людей дом и семья являются главными ценностями в жизни. Показательно, что именно мысли о Родине заставляют думать о семье и доме в первую очередь. Показательным является тот факт, что у тех же респондентов реакция

родина была также одной из самых распространённых на предложенные в качестве стимулов слова *дом* и *семья.*

Ассоциативный словарь Донбасса (ДОНАС), том 2 от реакции к стимулу:

дом ← *крыша* **110;** *квартира* **95;** *родной* **85;** *комфорт* **67;** *наш* **57;** *мой* **56;** ***родина***, *свой* **54;** *большой* **49;** *гостеприимство* **47;** *безопасность, деревянный* **41;** *двор, небольшой* **40;** *семья, старый* **37;** *огромный* **35;**

семья ← *родители* **91;** *традиция* **64;** *дом,* ***родина*** **63;** *жена* **50;** брат **47;** *мы* **39;** *счастье* **38.**

Обращают на себя внимание наименования населённых пунктов и географических объектов: *Донецк, Донбасс, Горловка, Макеевка, ДНР, Енакиево, Тельманово и др.* Это говорит о том, что родина для них — это, в первую очередь, то место, где они родились, где проживают их родители.

Для некоторых студентов актуальна тоска или ностальгия. Это заметно по единичным реакциям: *там, где семья*; *мама*; *домашний очаг*; *хорошо там, где* родители; *знакомые места*; *где ты родился и вырос*; *улица, на которой вырос*; *старые друзья.*

Заключение. Следует отметить, что в сознании современной молодёжи в целом сформирован положительный образ Родины. Этому способствует восприятие России как страны, в которой именно молодое поколение играет активную роль в формировании будущего государства, где есть возможность получить образование и в дальнейшем успешно работать. По итогам проведённого ассоциативного эксперимента мы смоделировали концепт *родина* в массовом сознании студенческой молодежи Донбасса, который вписывается в ценностный ряд **семья — дом — страна — родина** и актуализирует непререкаемые человеческие ценности.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).*

Список литературы

1. Русский ассоциативный словарь (РАС). Т. 1. От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. — С. 558.
2. Стебунова А.Н., Бурляй А.С., Станкус Е.Н., Халабузарь А.О. Ассоциативный словарь Донбасса: в 2 томах. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. ISBN 978-5-00262-001-2. — EDN HROPVT.
3. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. — Т. 1. От стимула к реакции [Электронный ресурс]. — URL: http://iling-ran.ru/mail/publications/evras
4. Шапошникова И.В., Романенко А.А. СИБАС: русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015). — URL: http://adictru.nsu.

УДК 81'373:81'24(477.6+477.7)

ПРОЯВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тарасенко Т. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0003-0473-0775,
Насалевич Т. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7768-0310
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
email tanyta3003@mail.ru, nasalevich.73@mail.ru

Введение. Современные лингвистические исследования опираются на изучение языка в тесной связи с человеческим мышлением и сознанием. В связи с этим изучение фразеологических единиц (ФЕ) представляет большой интерес. Эти фразеологизмы могут, по мнению В. Н. Телии, «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символьный характер, и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [5, с. 48-52].

Фразеологизмы являются ярким отражением миропонимания и мировоззрения носителей данного языка и их культуры. Фразеологическая картина мира содержит знания человека об окружающем его мире, его познания и представления о миропорядке.

Проблема фразеологической интерференции изучалась в работах таких ученых, как Н. Д. Игнатьева, К. Э. Джамалов, Г. К. Гизатова и др.

Цель статьи — проанализировать интерферентные ошибки в употреблении фразеологических единиц в русской речи билингвов, проживающих на новых территориях Российской Федерации.

Основная часть. Русская и украинская фразеологии тесно переплелись в новых регионах Российской Федерации, пройдя сложный путь становления и развития в ходе истории. Они характеризуются общими процессами и тенденциями, а также общими источниками образования.

В процессе мышления человек использует свой родной язык, который подвергается интерференции в условиях билингвизма, при этом он может допускать речевые ошибки. Этого можно избежать, если провести сравнительный анализ двух языков на трех уровнях: лексическом, грамматическом (морфология и синтаксис), фонетическом и на уровне фразеологии.

В нашем исследовании используется классификация межъязыковых фразеологических эквивалентов, которую приводят В. М. Мокиенко и Л. Степанова. Ученые выделяют 1) полные эквиваленты; 2) частичные

эквиваленты; 3) относительные эквиваленты; 4) фразеологические аналоги [4]. Мы рассматриваем полные эквиваленты, которые стали интерферемами в условиях билингвизма в новых регионах Российской Федерации.

При межнациональных контактах в условиях билингвизма фразеологизмы, так же, как и отдельные лексемы, могут стать интерферемами и вызвать недопонимание при коммуникации. К. Ч. Кусаль отмечает, что «автоматический перенос с одного языка на другой ФЕ тождественных или близких в структурном и фоническом отношении приводит к образованию ФЕ (а также словосочетаний), создающих порой комический эффект» [3, с. 130]. Например, фразеологизм «перебирать харчами», в котором использовано украинское слово «харчі» (еда), к еде никакого отношения не имеет, т. к. его значение «быть переборчивым в чем-то».

К. Э. Джамалов считает, что источник интерференции — это различия в образности ФЕ в контактирующих языках и отсутствие эквивалента в родном языке, что нередко приводит к неправильному пониманию семантики ФЕ. В этом случае идиомы используются в буквальном значении [1, с. 285-287]. По нашему мнению, в условиях русско-украинского билингвизма практически все украинские ФЕ имеют эквиваленты в русском языке. Например, пришедший в русский язык из украинского фразеологизм «скакать в гречку» (укр. скакати у гречку» в значении «изменять супругу(е)») билингвы неправильно употребляют в значении «попасть на поле с гречихой», хотя существуют русские фразеологизмы «наставить рога» и «ходить налево».

Н. Д. Игнатьева рассматривает проблемы интерференции в близкородственных языках через призму межъязыковой омонимии, заключающейся в том, что фразеологизмы в контактирующих языках при полном или частичном совпадении структуры не имеют ничего общего в семантике. Исследователь называет две причины ошибочного употребления идиом: 1) полное несовпадение плана содержания при сходном плане выражения; 2) принадлежность единиц с одинаковым планом выражения к свободным словосочетаниям в одном языке и к ФЕ в другом [2, с. 24].

Таблица 1

Ошибки при употреблении ФЕ в русской речи билингвов

Интерферема	Исходная украинская ФЕ	Правильный вариант русской ФЕ
кинуть жребий	кинути жереб	бросить жребий
панские вытребеньки	панські витребеньки	барские замашки
гав ловить	гав ловити	считать ворон
бачили очи, шо брали	бачили очі, що купували	пеняй на себя
таскать за шкирку	тягати за шкірку	таскать за шиворот
нема дурных	немає дурних	дураков нет
кинуть жребий	кинути жереб	бросить жребий

В таблице 1 приведены некоторые примеры ошибок при употреблении ФЕ в русской речи билингвов, из которой видно, что они, как правило, употребляют ФЕ в правильном значении, но при этом происходят замены на фонетическом и морфологическом уровне. Фразеологизм «бросить жребий» часто ошибочно употребляется с глаголом «кинуть» в современных российских СМИ.

Заключение. Таким образом, фразеологическая интерференция в речи билингвов в новых регионах Российской Федерации является проблемой, которая требует своего решения. Учителя русского языка и литературы должны обращать внимание на такие ошибки в речи обучающихся и исправлять их. Для профилактики фразеологической интерференции на уроках русского языка и литературы рекомендуется больше читать фольклорные тексты, которые содержат много ФЕ, и объяснять обучающимся их значение и практиковаться в их употреблении в речи.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводятся в рамках государственного гранта «Преодоление билингвальной интерференции в сфере образования в новых регионах Российской Федерации» (номер регистрации FRRS-2025-0001).*

Список литературы

1. Галиева Г. Р., Изиляева Е. А. Особенности межъязыковой интерференции на фразеологическом уровне: сборник трудов конференции / Г. Р. Галиева, Е. А. Изиляева // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество — 2025: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 авг. 2025 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.] — Чебоксары:ИД «Среда», 2025. — с. 285-287
2. Игнатьева Н.Д. Фразеологическая межъязыковая омонимия как источник интерференции / Н.Д. Игнатьева // Русистика. — 2016. — №2. — С. 22-27. EDN VWNQYN
3. Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. — 224 с.
4. Мокиенко, В.М., Степанова, Л**.** Русская фразеология для чехов [Текст] / В.М. Мокиенко, Л. Степанова. — Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. — 156 s.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 516 с.

УДК 81.42

ОСВЕЩЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ С. В. ЛАВРОВА)

Боговая О. Ф., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
antosya72@rambler.ru

Агрессивная война, ведущаяся Украиной с апреля 2014 против Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, закономерным следствием которой явились признание Российской Федерацией Республик как суверенных государств и последующее проведение ей Специальной военной операции (далее по тексту — СВО) с дальнейшим принятием Республик в состав России не могли не найти своего отражения в публичном дискурсе, ведущемся российскими политиками.

Как правильно отмечает Я.И. Стрелецкий, данный публичный дискурс возможно и необходимо рассматривать в антропологическом (гуманизм является методологией СВО), культурологическом (проведение СВО есть объективная необходимость защиты Русского мира) и в онтологическом (обусловленность СВО отражается с позиций классической дихотомии — «быть или не быть» не только Донбассу в узком понимании обусловленности, но и Российскому государству в целом в широком понимании обусловленности) аспектах [1].

Одним из методов, используемых в рассматриваемом дискурсе как совокупности языковой практики и различных экстралингвистических факторов, является дискредитация проводимой странами НАТО и Украиной антироссийской политики как политики «двойных стандартов», которая не могла не повлечь за собой проведение СВО. Это позволяет, на наш взгляд, более полно и ёмко охарактеризовать сущность СВО как средство достижения Российской Федерацией её политических целей по недопущению продвижения НАТО на Восток и по противодействию воинствующему украинскому национализму.

Характеризуя данный политический дискурс и используемые в нём лингвистические приёмы, следует, прежде всего, раскрыть понятие дискредитации как метода воздействия на сознание аудитории слушателей. В наиболее общем плане дискредитацию можно определить как «подрыв

доверия к кому-либо, чему-либо, умаление авторитета кого-либо, чего-либо» [2]. Таким образом, дискредитация в первую очередь преследует цель воспитания у читающей аудитории негативного отношения к конкретному субъекту, событию, действию как к не заслуживающим доверия слушателей и вызывающим негативное отношение к себе.

Применительно к трём описанным выше аспектам публичного политического дискурса относительно СВО, попробуем раскрыть сущность дискредитации антироссийской политики, проводимой странами НАТО и Украиной и используемые при этом лингвистические приёмы. В проводимом анализе-характеристике сделан упор на публичные выступления Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова — официального представителя Российской Федерации на международных переговорах. Освещая на международном уровне СВО как военную операцию, методологией которой является гуманизм, С.В. Лавров широко использует контекстуальные антитезы, противопоставляя СВО так называемым «миротворческим» операциям НАТО. При характеристике последних им используются такие термины, как «бомбардировки», «вторжение», «смена режима», являющиеся синонимами агрессии.

Например, выступая 27 сентября 2025 года на 80-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, на повестке дня которой в числе прочих стоял вопрос урегулирования конфликта между Израилем и Палестиной, С.В. Лавров кратко и ёмко охарактеризовал действия армии Израиля в Секторе Газа как «незаконное применение силы» и поставил их в один ряд с такими нарушениями странами НАТО принципа неприменения силы при урегулировании внутригосударственных конфликтов, как «натовские бомбардировки Югославии, вторжение ведомой США коалиции в Ирак, военная операция НАТО по смене режима в Ливии» [3]. Тем самым, действиям Израиля и НАТО даётся разоблачительная дискредитирующая характеристика с использованием эпитетов «бомбардировки», «смена режима», «вторжение», то есть как a priori агрессивных действий.

В качестве антитезы указанным «миротворческим операциям» политик контекстуально характеризует СВО как адекватную реакцию России на осуществляемые киевским режимом «теракты против политиков и журналистов, пытки и внесудебные казни, неизбирательные бомбардировки гражданских объектов», используя в отношении действий Украины на Донбассе эпитеты «теракты», «пытки и казни», «неизбирательные бомбардировки», призванные дискредитировать органы власти Украины.

Обусловливая необходимость проведения СВО в целях защиты Русского мира (культурологический аспект дискурса об СВО), С.В. Лавров при характеристике «законодательной деятельности» киевского националистического режима, направленной на антиконституционное искусственное ограничение использования русского языка как языка межнационального общения, в цитируемом выше выступлении использует

метафору «законодательное истребление русского языка во всех сферах — образовании, культуре, СМИ». Тем самым, указанное «законотворчество» украинского режима характеризуется как «истребление», по сути — уничтожение русского языка (согласно цитируемому выше Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова — «истребить» является синонимом «уничтожить», «погубить»). При таких обстоятельствах, проведение СВО в целях защиты интересов русскоязычного населения Украины для аудитории слушателей представляется как единственно правильное и допустимое.

Характеризуя онтологический аспект проведения СВО, С.В. Лавров в цитируемом выше выступлении указывает, что последняя стала адекватной реакцией России на действия Североатлантического альянса, который «продолжает экспансию вплотную к нашим границам — вопреки данным еще советским лидерам заверениям не продвигаться «ни на дюйм» на Восток».

То есть, применительно к политике НАТО («экспансии»), результатом которой явился согласно указанному выступлению «антиконституционный госпереворот в 2014 г.» в г. Киеве, политик использует синоним «экспансия», ассоциируемый в историческом аспекте с завоевательными действиями викингов, монголов, фашистской Германии. Выстраивание в указанном публичном выступлении смыслового ряда «экспансия-антиконституционный госпереворот-СВО» также, по нашему мнению, объективно характеризует действия Запада по заранее спланированному с целью расширения экспансии на Восток свержению в 2014 г. режима В.Ф. Януковича и вербально обосновывает необходимость проведения СВО именно в онтологическом аспекте.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что используемые в российском политическом дискурсе приёмы разоблачения проводимой странами НАТО и Украиной антироссийской политики как политики «двойных стандартов», являются действенным средством обоснования необходимости и целесообразности проведения СВО как средства защиты национальных интересов России.

Список литературы

1. Стрелецкий, Я.И. Специальная военная операция россии на Украине: аксиологический аспект // Я.И. Стрелецкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. серия: исторические науки. Культурология. политические науки. — 2023. — № 2. — https://social-economic.ru/m/products/politicks-nauki/gid5863/pg0/ (дата обращения: 29.09.2025). doi: 10.23672/HSCP.2023.22.82.014.
2. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Азъ, 1994. — 907, [1] с.; 27 см.; ISBN 5-85632-007-7 (В пер.). — С. 364, С. 576.
3. Выступление С.В. Лаврова на 80-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 27 сентября 2025 года. — Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. — 2025. — URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 28.09.2025).

УДК 81'373:81'38(477.6+477.7)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И РЕЧЕСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ НОВЫХ РЕГИОНОВ)

Быстрова Е. Н., ORCID 0009-0004-5991-1834,
Милько Н. Е., канд. пед. наук., доц., ORCID 0009-0002-4674-0584,
Юрченко Т. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2278-4460
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
bystrova86bystrova@yandex.ru, natamilko0304@mail.ru, tatyana.yurchenko@yandex.ru

Введение. Изучение речевых отношений связано с целым рядом особенностей национального, социального, психологического, личностного характера: в речи каждого «отражается эта совокупность особенностей прежде всего через намерения говорящего, его цели и состав речи» [3, с. 17].

По мнению исследователей явлений билингвизма, (Ю. Д. Дешериев, Ю. А. Жлуктенко, А. Е. Карлинский, С.В. Семчинский и др.), лексическая интерференция осуществляется в трех направлениях: в непосредственном заимствовании лексических единиц; в структуре лексических единиц; в заимствовании лексических и грамматических значений, их связей с языковыми единицами плана выражения.

Целью данного исследования является проблема изучения интерференции, получившей распространение в речевом обиходе населения новых территорий. В условиях активизации русско-украинского билингвизма, прежде всего по причине миграции из отдаленных сельских общин — «громад», — требуется инвентаризация и описание причин их функционально-стилистического применения.

Под лексической интерференцией традиционно понимают все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического фонда языковых единиц, а также в функциях и употреблении лексико-семантических форм выражения, в их смысловой структуре.

Механизм лексической интерференции, как и любого другого типа интерференции (от лат. inter — между собой, взаимно и ferio — касаюсь, ударяю» [2, с. 46], состоит в подмене элементов и моделей одного языка соответствующими элементами другого языка либо видоизменением первых по аналогии со вторыми, что «нарушает тем самым симметрию, единообразие словаря, его четкую системность» [4, с. 69]. Ниже приведем причины и примеры ошибок, которые, вероятнее всего, вызваны интерференционным взаимодействием:

1. Специальная лексика, ее использование в современных высказываниях. В данной ситуации понятие «специальная лексика» связано

с теми группами слов, которые относятся к воинской профессии или военному роду деятельности, например: «контрнаступ» (следует: контрнаступление), «полька» (польская мина), «паляныця» (ракета), «лелека» (дрон), «з[э]л[э]нка» (лесополоса), «лісополка» (следует: разг. лесополка).Следует отметить, что в современных условиях такие формы употребляются также в нарочито стилизованной речи, ср. укр.: зрада, бавовна, людолови, ухилянти, тецекашники, бусифікація, хлопці, побратими, прапор, захисники и т. д.

2. Употребление интерференции на основании некоторых словообразовательных примет в условиях, когда требуется воспроизвести речевые особенности среды, дать негативную речевую характеристику героя или осудить его гражданскую позицию, политические приоритеты: *нардепка, президентка;, Джонсонюк, Макронюк, Фондерляйненко; панночка Анна ; (выступила нардепка Безуглая; бывшая президентка Зурабишвили).*

3. Стилистически обусловленный выбор общепонятного названия, специальный характер которого сразу заметен: *вышиванка, незалежная, дивчина*, *гроши, свидомые, свидомиты, потужно*: –Дайте нам денег на это дело! — Понятно: Дайте *гроши*; — Вам нужен новый грузинский *майдан*?; Новая *незалежная* забыла, что договоренности надо выполнять; В самой *незалежной* к нему относятся так же; В Австрии предприимчивая *дивчина* накачала себе губы за счет налогоплательщиков (60 минут, 06. 08.25).

4. Фразеологическая интерференция: — Мальчишки из Харькова приехали во Львов играть в футбол и выиграли. Но на судей надавили, *защитали (следует: зачли)* техническое поражение только потому, что ребята говорили на русском? Их выгнали с турнира, а дальше что? *«Бити в пику?».*

5. Трансформация фразеологизмов на основе интерференционной составляющей или полной замены их лексического наполнения с целью усиления образности или обновления значения: — Попутного ветра в *ветряки* зеленой энергетики; — Что ждет население на неосвобожденных территориях? Пустые города, безработица…Вот где можно будет *сыграть партию гопака вприсядку* — Макрон — свою, Трамп — свою *(*ср.: рус. сыграть роль, сыграть партию в шахматы + укр. станцювати гопака навприсядки).

6. Свободные словосочетания с пейоративной семантикой и частично «прогнозируемым» согласованием или управлением: — Что теперь скажут мать и жена своему *бандеровцу родины*? (ср.: предатель Родины»); — Попался в лапы *тэцэкашникам!*; парад *перемоги* (уничиж.) (ср.: Парад Победы — (высокое), план *перемоги* (уничиж.); Зеленский обещал Украине *полет в* зеленое *майбутне* (ср.: полет в космос, полет на Луну и *полет в зеленое будущее*, где явно выражена коннотация эвфемизма).

7. Интерференция на основе синонимии: Она *мечтала* о возвращении Мариуполя в Украину, *мріяла.* Здесь украинский вариант слова

употребляется с целью компрессии — актуализации или эмоционального «закрепления» воспринятого содержания, когда с помощью синонимической вариативности говорящий транслирует коннотацию легкой иронии над несбыточной мечтой или напрасными надеждами.

8. Интерференция на основе тавтологии (цель — импровизация, игра слов): — Замахнулись на тело *ухилянта*, чтоб не хотелось других *ухилять*.

Заключение. Итак, в настоящее время состояние изучения языковой ситуации в Запорожской области свидетельствует о преобладании конвергентных или интеграционных процессов над дивергентными. Но даже частичный анализ качества речи на уровне лексико-семантической системы дает основание говорить о чрезмерной ее вариативности, неуместному употреблению ненормативных речевых форм, включая разные виды интерференции.

Характер речевой деятельности, качество намерений говорящего могут частично «оправдывать» лексическую интерференционную составляющую или считать ее уместной, если участник общения действует в направлении импрессионного разрешения сложной жизненной или общественно значимой проблемы.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания «Преодоление билингвальной интерференции в сфере образования в новых регионах Российской Федерации» (номер госрегистрации FRRS-2025-0001).*

Список литературы

1. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 264 с.
2. Орлова Н. М. Введение в языкознание: учебное пособие. — 2-е изд., стереотип. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 263 с.
3. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. — М.: Высш. школа, 1979. — 224 с.
4. Супрун А. Е. Лекции по языковедению. — Мн.: Изд-во БГУ, 1978. — 144 с.

УДК 316.48:81

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК МАРКЕР КОНФЛИКТОГЕННОГО ДИСКУРСА ДОНБАССА

Дворцевая А. В., канд. пед. наук, доц.,
Скиба И. Г., канд. филол. наук, доц.
ЛФ ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
dvortanna@yandex.ru, kafedra_uja@mail.ru

Современный Донбасс, став ареной вооруженного конфликта, переросшего в глобальное цивилизационное противостояние, уже на протяжении десяти лет, как в зеркальной реальности, отражается в СМИ. На протяжении десятилетнего периода мы имеем возможность наблюдать усиление градуса агрессивного влияния СМИ на массовое сознание. До 2014 года пропаганда в СМИ была в большей степени направлена на решение коммерческих вопросов, использовалась скорее как способ реализации определенного товара (в том числе и информации как товара). От начала государственного переворота на территории Украины, когда основной задачей для массмедиа стало покорение политического и общественного сознания граждан, произошли кардинальные изменения со сдвигом в плоскость манипуляции массовым сознанием в условиях конфликтогенного дискурса. В случае отражения конфликта на Донбассе речь может идти уже не о привычном влиянии со стороны СМИ, а о подготовке настоящей информационно-психологической войны.

М.Ю. Сейранян справедливо отмечает, что анализ конфликтогенного дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно включает исследование факторов его возникновения, моделей поведения непосредственных участников, их социально-личностных характеристик, социально-идеологических условий. Для лингвиста конфликт представляет интерес в аспекте его вербальной экспликации, обусловленной взаимодействием внешних факторов [2, с. 37–38].

Под манипуляцией, как и большинство исследователей (работы Гаврилова А., Ениной Л., Засурской О., Какориной Е., Кусова Г., Петровой Н.) мы понимаем тип социального воздействия, с помощью которого осуществляется изменение одним лицом (или группой лиц) в отношение другого (или других) мнения о явлениях и событиях, программирование нужных субъекту настроений, психологических состояний или поведения. Главным образом это явление становится возможным в условиях, когда человек (или определенное количество людей) на подсознательном уровне готов стать объектом влияния и поддаваться соответствующим коррективам.

Языковая (вербальная) агрессия, как один из маркеров конфликтогенного дискурса, представляет собой коммуникативно-

прагматическое явление, которое не может рассматриваться вне дискурсивного контекста, то есть фиксация характерных для определенного времени явлений происходит как на дискурсивном, так и на языковых уровнях (лексическом, словообразовательном, грамматическом), что открывают широкие возможности для создания экспрессивных, эмоционально-окрашенных и ярких образов. В то же время, именно на основе разно уровневых языковых единиц построено большое количество лингвистических средств воздействия на сознание.

Следует отметить, что к традиционным СМИ активно добавились Интернет-ресурсы, в той или иной форме «ищущие врага» и призывающие «убить другого», так называемые «сайты ненависти», которые, к сожалению, становятся характерным признаком современного конфликтогенного дискурса. На примере заголовков web-сайта http://sokrytoe. org/ тематической группы *«Украина против Рашизма»* категории *«Новости из «Быдлороссии»»* рассмотрим, как при отражении конфликта в Донбассе в заголовках медиатекстов реализуются агрессивные тактики воздействия.

Как показывает исследование, наиболее частотной является тактика оскорбления, определяемая как умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. В структуре тактики оскорбления можно выделить следующие номинативные группы:

1. Номинации, обозначающие негативную, с точки зрения интересов общества, деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо. Это, как правило, дефиниции с четкой юридической квалификацией: шпион, диверсант, мошенник, вор и др.: *«Новости из Зон, оккупированных Русскими палачами»*; *«Только за один день русское ворье, уже украло 40 предприятий украинской юрисдикции»; «Зверства карателей» и т. д.*

2. Слова и словосочетания, в самом значении которых содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной, а в большинстве случаев агрессивной окраской: *«Украина против Рашизма»*; *«Путинизм — Рашизм»; «Новости из «Быдлороссии»»*; *«Русские — это уже не нация. Русские — это клинический диагноз, последней стадии «Проказы»»*.

3. Био- и зоосемангические метафоры, содержащие, как правило, грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения: *«Новороссия: Прямо падеж Русского скота какой-то сегодня»*.

Второй, наиболее часто используемой тактикой, является обвинение (как вменение кому-либо какой-либо вины), обвинение в деструктивных действиях, обвинение в убийстве: *«Русские оккупанты на Донбассе несут грабеж и смерть», «Как Русское ворье обрекает Донбасс на голод и холод»*; *«И ни о чем Русские твари и не сожалеют».*

Далее по степени частотности использования можно выделить угрозу (как обещание причинить адресату вред или зло в случае, если он не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие). Угроза имеет

разнообразные языковые формы выражения, одним из проявлений угрозы выступают заголовки, содержащие предупреждение, запугивание: *«Контрольный выстрел в голову России»; Сиди тихо, Русское быдло Донбасса. Тут тебе не Украина».*

Далее следует тактика призыва, которая в структурном плане наиболее близка к лозунгу (призывы к спасению, борьбе, к нетерпимости, разоблачению, к агрессивным действиям, к избавлению от чего-либо): *«Спасите народ Быдлороссии от кровавого Русского мира!»; «Пора покончить с рашизмом!»;*

Насмешка (колкость) как обидная шутка, высказанная в чей-либо адрес с целью подвергнуть осмеянию, а также ирония и сарказм, важную роль в реализации этих тактик играют стилистические средства *«Планета Русский Лугандон: Денег нет, еды, лекарств нет, населена «людьми-нечестями*».

Как показывает проведенный анализ, наиболее частотны тактики, относящиеся к прямой агрессии (оскорбление, обвинение, угроза, призыв), причем прослеживаются тенденции, указывающие на существенное увеличение использования именно тактики оскорбления. Среди тактик, относящихся к косвенной агрессии, наиболее часто используются насмешка, колкость, язвительное замечание, издевка.

Лингвистический анализ Интернет-ресурсов, по нашему мнению, позволит в большей мере понять роль современных медиа в создании массовых настроений, общественного мнения, в манипуляции общественным сознанием в контексте конфликта. Поскольку использование тактик эмоционально агрессивного воздействия на адресата приводит в конечном итоге не просто к влиянию на массовое сознание, а к покорению политического и общественного сознания граждан, служит способом управления в условиях конфликтогенного дискурса. Большинство заголовков медиатекстов содержат откровенно негативную экспрессивно-оценочную пейоративную (оскорбительную) лексику, демонстрируют деструктивность коммуникативных намерений относительно жителей Донбасса, несут значительную психологическую нагрузку на сознание и подсознание, создавая альтернативную реальность.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. — №4. — С. 22–33
2. Сейранян М.Ю. Основные подходы к анализу конфликтогенного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета, серия «Лингвистика». — № 6. — Москва: изд-во МГОУ, 2010. — С. 37–40.
3. Щербинина Ю. В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. — М., 2017. — 177 с.

УДК 81:070(477.6)”2014/…”

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ИНФОРМАЦИОННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Золотарева Е. В., ORCID 0009-0002-3952-8606
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, РФ
e.zolotarova@yandex.ru

Введение. Студенческие средства массовой информации представляют собой уникальный сегмент, в котором сочетаются образовательные, коммуникативные и воспитательные функции. Эти медиа выполняют важную роль в формировании информационной культуры молодежи, развитии навыков гражданской активности. В исторических регионах Российской Федерации, где особенно актуальны вопросы патриотического самосознания, исторической памяти и медийной адаптации, студенческие СМИ становятся не только площадкой для творческого самовыражения студентов, но и важным каналом транслирования общественно значимых ценностей в формате, доступном молодёжной аудитории.

Цель работы — исследовать особенности использования военной лексики в информационных и публицистических жанрах студенческой журналистики Донецкой Народной Республики, выявить характерные приёмы её применения и определить влияние на восприятие текста читателями.

Основная часть. Современные студенческие медиа Донецкой Народной Республики развиваются в специфическом информационно-коммуникативном контексте, определяемом не только образовательной и воспитательной повесткой, но и реалиями военного конфликта. Этот фактор влияет на тематическую наполненность и лексико-стилистические особенности публикуемых текстов, в том числе на употребление военной лексики, которая в условиях актуальной медиасреды становится не просто терминологией, а частью дискурсивной практики, отражающей социально-политические и аксиологические ориентиры.

Однако в отличие от профессиональных СМИ, где военный дискурс может доминировать и быть выражен в жёсткой, конфликтной и идеологически насыщенной форме, студенческие медиа демонстрируют более взвешенное, сдержанное и стилистически умеренное отношение к лексике военного времени. Анализ публикаций показывает, что военная лексика используется нечасто, эпизодически, и, как правило, без излишней

эмоциональной или экспрессивной окраски. Причины такого подхода обусловлены, прежде всего, спецификой целевой аудитории. Резкий или травматичный лексикон, насыщенный агрессивными коннотациями, может восприниматься не как средство информирования, а как фактор тревожности. Именно поэтому авторы студенческих материалов, как правило, прибегают к использованию нейтрально маркированной лексики. Дополнительным сдерживающим фактором выступает институциональная подотчётность студенческих редакций. Так как большинство медиа-инициатив функционирует при вузовских структурах (медиацентры, профкомы, студсоветы), их деятельность регулируется внутренними уставами и политикой образовательной этики.

В рамках анализа специфики употребления военной лексики в информационно-публицистических жанрах студенческой журналистики особый интерес представляет публикация, размещённая в официальном сообществе профкома обучающихся Донецкого национального технического университета (ДонНТУ) в честь Дня провозглашения Донецкой Народной Республики. Этот текст объединяет элементы информационного сообщения, исторической справки и патриотического очерка, направленного на воспитание гражданской идентичности и формирование у читателя устойчивых символических ориентиров. Подобная композиционно-жанровая гибридность типична для студенческой журналистики, в которой образовательная и воспитательная функции традиционно превалируют над острыми публицистическими или сенсационными задачами, свойственными профессиональным медиа.

Военная лексика в данном материале употребляется дозированно, ненавязчиво и в большинстве случаев — в нейтрально маркированной форме. В тексте встречаются такие выражения, как ‘*народное ополчение’, ‘здание военной прокуратуры’, ‘добровольцы’, ‘самооборона’, ‘массовая запись в добровольческие отряды’, ‘военная защита’* [1], однако ни одно из этих слов не несёт эксплицитной агрессии или эмоционального давления на читателя. Лексемы, имеющие ярко выраженный милитаристский или конфликтный оттенок (например, «враг», «боевые действия», «фронт», «жертвы») не используются. Это особенно актуальную в условиях, когда целевая аудитория — студенты, для которых военная тематика может иметь как личную, так и эмоционально чувствительную значимость.

Стилистически текст выстроен на грани между официальным и публицистическим стилем, что отражается в сочетаемости нейтрально-информативных конструкций с образными, патетическими формулировками. С одной стороны, используются конструкции вроде *‘прошёл референдум’, ‘стихийно возникло народное ополчение’, ‘прошли акции памяти’* [1], с другой — авторы прибегают к оценочной, эмоционально насыщенной лексике: *‘исторический выбор’, ‘возрождение памяти’, ‘народ восстал против несправедливости’, ‘это была не просто*

весна — это была Русская весна' [1]. Подобные конструкции придают тексту патриотико-воспитательную направленность, но при этом не нарушают рамки академической и гражданской допустимости. Это важное отличие студенческой медийной стилистики от профессиональной журналистики, в которой политическая или идеологическая риторика может доминировать и быть более поляризованной. Военная лексика здесь выполняет в первую очередь функцию контекстуального сопровождения — она присутствует в тексте как необходимый элемент исторического и политического фона, но не становится объектом лингвостилистической экспансии. Она вплетена в канву повествования так, чтобы формировать у читателя осознание важности событий, но это не делается с целью навязывания реципиенту определенные эмоциональной реакции. Такой подход можно охарактеризовать как информационно-гуманистический, в котором военная тематика служит не столько средством привлечения внимания, сколько поводом для осмысления современной истории.

Отдельного внимания заслуживает то, как в тексте реализуется функция мемориализации. В блоке, посвящённом событиям в Одессе 2 мая 2014 года, военная лексика отступает на второй план, уступая место трагическому стилю описания. Употребление выражений типа *'трагедия в Доме профсоюзов', 'погибли десятки человек', 'память о погибших'* [1] свидетельствует о переходе от репрезентации военных событий как таковых — к попытке сохранить и передать память о них, в том числе через гуманистическую риторику. Это типичный приём для студенческих СМИ, особенно при освещении значимых дат или мемориальных акций, когда основная задача заключается не в агитации, а в сохранении исторической преемственности и формировании культурного кода через язык.

Заключение. Проанализированный текст иллюстрирует характерные особенности функционирования военной лексики в рамках информационно-публицистических жанров студенческой журналистики ДНР. Он показывает установку на стилистическую умеренность, жанровую гибкость и ориентацию на ценностно-гуманитарные приоритеты, что отражает специфику студенческого медиапространства как пространства образовательного, воспитательного.

Список литературы

1. Профком студентов и аспирантов ДонНТУ // ВКонтакте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/profkomstud_donntu/. — Текст : электронный.

Общее, славянское и прикладное языкознание

УДК 81.23

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Башлыкова О. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5377-7979
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», г. Воронеж, РФ
olga-khvorostova@yandex.ru

В последние десятилетия все больше ученых (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, Н.В. Аниськина, Н.Н. Лавринова, Н.А. Лемяскина, К.Ф. Седов) обращают свои взгляды на проблему языковой личности. Это касается не только непосредственно филологических и психологических дисциплин, но и таких наук, как социология, философия, лингводидактика и др.

Личность человека многогранна, и каждая грань достойна внимания и отдельного изучения. Рассматривая человека во всех его проявлениях, выделяют «человека разумного», «человека социального», «человека свободного», «человека, не владеющего речью» и, конечно же, «человека говорящего». Последняя грань характеризует языковую личность. Изучение этой лингвистической единицы опирается на определение «личности» как междисциплинарной категории (философской, социологической, психологической и лингвистической). С учетом исследования данных дисциплин языковая личность представляет собой «целостную структуру социально значимых качеств, приобретенных индивидом в совместной с другими деятельности и общении и определяющих его индивидуальность» [4, с. 83].

Таким образом, человек как существо социальное по своей выступает в качестве объекта социокультурной жизни. Формирование личности ребенка — это активный процесс, который происходит в процессе усвоения и присвоения им культурного, материального, духовного наследия, накопленного предыдущими поколениями.

По мнению В.В. Красных, вхождение ребенка в культуру знаменует начало этнического самоопределения и совпадает с завершающимся этапом формирования личности и характера индивида. Ж. Пиаже отмечал, что первые знания о своей этнической принадлежности ребенок приобретает в 6–7-летнем возрасте, и называл это первым этапом формирования этнической идентичности, в 8–9-летнем возрасте ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой, а в 10–11 лет этническая идентичность формируется уже в полном объеме. Следовательно, в этом возрасте завершается «реальная» инкультурация. Можно сказать, в конце младшего школьного возраста ребенок четко осознает себя принадлежащим к определенной нации. А главным средством социализации и самоидентификации ребенка является язык.

Язык представляет собой специфическое средство хранения, передачи информации, а также средство управления человеческим поведением. В собственном смысле язык является исключительным достоянием человека как существа разумного. И.П. Павлов определил язык как вторую сигнальную систему человека, его коренное отличие от животных, обладающих только первой сигнальной системой. Язык — знаковая реальность, система знаков, служащая средством человеческого общения, посредством чего у человека появляется возможность выражать свои мысли и чувства. Учитывая значимость данного явления, на протяжении истории наблюдались самые разноплановые попытки исследовать «человека в языке»: «этнопсихология народа» В. Вундта, «чутье языка народа» И.А. Бодуэна де Куртенэ, «лингвистический инстинкт» Л.В. Щербы, «языковые способности» А.А. Леонтьев и А.М. Шахнарович

В XVIII–XIX вв представление об индивидуальном характере владения языком ярко отразил в своих работах отразили В. Гумбольдт. Он писал, что язык является непрерывной деятельностью духа, которая стремится превратить звук в выражение какой-либо мысли, т. е. автор стремился отразить связь психики и речи, того, как с помощью психических процессов перекодируется знаковая реальность языка в смысловые единицы. Одним из центральных понятий его концепции является мысль, что язык представляет собой главную деятельность не только человеческого, но и национального духа — духа народа. Язык является своеобразным «промежуточным миром», который находится между народом и окружает его объективным миром. Гумбольдт исходил из того, что каждый язык описывает вокруг народа круг, из пределов которого можно выйти, только если вступаешь в другой круг. Человек в своем мировосприятии подобен слепцу, подчиненному языку, который ведет того по истории как поводырь. А практическая деятельность людей подчиняется языку как творцу существующего мира. Ученый писал: «…никто не понимает слов совершенно в одном и том же смысле, и мелкие оттенки значений переливаются по всему пространству языка как круги на воде при падении камня. Поэтому взаимное разумение между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах — в то же время и разногласие» [2, с. 44]. Главная мысль, прослеживаемая в исследовании В. Гумбольдта, заключается в том, что язык определяет отношение человека к объективной действительности, преобразуя внешний мир в собственность духа.

И.А. Бодуэн де Куртенэ стремился создать модель, объясняющую речевой процесс, в котором человек как бы аккумулирует в себе психические механизмы, которые впоследствии выражаются в речевых конструкциях. Это модель легла в основу нового психолингвистического подхода как к языку, так и к его носителю. Бодуэна де Куртенэ интересовала языковая личность как «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус освещения и смещения разных социально языковых

категорий» [1, с. 61]. Данные исследования позволили сделать вывод о том, что человек является носителем психологических механизмов, регулирующих речевые действия. Это и послужило причиной появления психолингвистического подхода к языку и его носителю.

Ф.И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка» писал о единстве родного языка и личности ученика, делал акцент на лингводидактический принцип понятия языковой личности. Он предполагал, что национальный язык настолько срастается с личностью обучающегося, что обучение ему неразрывно связано с развитием духовных личностных способностей учащихся. Такое изучение родного языка стимулирует активное всестороннее развитие целостной личности растущего человека.

Е.Д. Поливанов разработал понятие языкового портрета, который рассматривался как совокупность определенных коллективно-психологических факторов, характерных для языкового мышления рассматриваемых социальных групп. Этот аспект имеет свое продолжение в проекции на языковую личность, например в трудах К.Ф. Седова, где исследуется влияние психологического типа человека на его речь, и Н.Е. Сулименко, И.А. Стернина, Н.А. Лемяскиной.

Таким образом, исследования в области языка непосредственно связаны с понятием «языковая личность» в различных аспектах. Следовательно, языковая личность — это личность, выраженная в языке и через язык. Но ее нельзя трактовать только как отдельную часть объемного и многогранного понимания личности в психологической науке или как еще одно из направлений ее изучения, как, например, с юридической, социальной, творческой, экономической, этической и т. д. личностью. Языковую личность следует рассматривать как вид полноценного представления личности, «вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [3, с. 38].

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М. : Наука, 1980. — 360 с.
2. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание: учебное пособие по теории языка и словесности в военно-учебных заведениях / В. Гумбольд. — СПб : Типография Императорской академии наук, 1984. — 376 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М., 1987. — С. 36–40.
4. Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. –М. : 1997. — 304 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.

УДК 81’35

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ XVIII ВЕКА: В. Е. АДОДУРОВ И В. П. СВЕТОВ

Борисова Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-5109-9747,
Чебоксарова Ю. А., ORCID 0009-0005-5135-9798
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
donnuborisova@yandex.ru, cheboksarova5@mail.ru

Введение. В истории просвещенной России весь XVIII век признан началом серьёзных научных исследований в разных областях знаний и определён как период развития филологической науки, интересы которой были связаны с изучением русского языка, развивавшегося в то время на национальной основе. Лингвистическая наука еще только начинала формироваться, и первые размышления о проблемных вопросах дальнейшего развития русского языка, его нормализации находили отражение в отдельных статьях, заметках, письмах и небольших трактатах образованных, но очень часто не имеющих специальной подготовки людей. Однако именно эта эпоха дала России имена М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, В. Н. Татищева, А. П. Сумарокова, В. Е. Адодурова, В. П. Светова и др., которые пополнили число лингвистов, чьи взгляды легли в основу целых научных направлений. В XVIII веке было проявлено стремление упорядочить (нормализовать) русское письмо, реформировать русскую графику и орфографию, сделать их проще и доступнее для усвоения. Влияние церковнославянских традиций уходило в прошлое. Однако по целому ряду объективных причин решить эти задачи в течение целого века оказалось невозможным. К сожалению, многие имена тех первопроходцев, которые внесли значительный вклад в развитие русской орфографии как науки, со временем были неоправданно забыты. К числу таких профессионалов-лингвистов можно отнести В. Е. Адодурова и В. П. Светова. Обращение к их лингвистическому наследию представляется нам сегодня своевременным и актуальным.

Цель сообщения — оценить значение лингвистических трудов В. Е. Адодурова и В. П. Светова в формировании и развитии русской орфографии как науки в XVIII веке.

Основная часть. Имя Василия Евдокимовича Адодурова нельзя встретить в современных грамматиках и других источниках, в том числе по истории русского языка. Однако для своего времени это был очень известный и авторитетный человек, филолог-русист, педагог, адъюнкт, Почетный член Санкт-Петербургской Академии наук, куратор Московского университета. Из воспоминаний о нем можно судить, что он был истинным патриотом и ещё в первой половине XVIII века настойчиво включал русский язык в число

культурных языков. Он доказал, что родному языку можно и нужно учиться. По стечению обстоятельств именно этот филолог стал первым учителем русского языка Екатерины, будущей императрицы России, которая с благодарностью вспоминала своего учителя в сохранившихся дневниках. Однако главным наследием для нас явилась грамматика русского языка В. Е. Адодурова, сохранившаяся в рукописных фрагментах [2]. По этим материалам мы сегодня можем предметно говорить о первых попытках кодификации и нормализации русского языка, в том числе и в области правописания. В этом процессе В. Е. Адодуров был близок к установкам, изложенным В. К. Тредиаковским. Он отдает предпочтение фонетическому принципу правописания, считая общее произношение главным критерием правильного письма. От своей позиции В. Е. Адодуров не отказывается даже тогда, когда интуитивно понимает несовершенство такого подхода. Он пишет: «Ежели рассуждать одно только произношение и оное принять в правописании за главное и ненарушимое правило как бы то и подлинно делать надлежало; то пред умягченными должно конечно писать умягченныя а пред жестокими жестокия литеры и между безгласными однако ж мы видим что то в сложных речениях не всегда делается так хотя в словах *поттвержаю, житкий, реткий, вотка, трупка* и проч.» [2, с. 99–100]. Как мы видим, В. Е. Адодуров отмечает проблему невозможности подчинения всех слов фонетическому принципу написания и определяет путь локального и точечного его применения. Грамматика В.Е. Адодурова сегодня по праву включена в состав лингвистических сочинений доломоносовского периода, и её историческое значение сегодня трудно переоценить.

В истории русского правописания XVIII века несправедливо забыто имя филолога, учителя гимназии, переводчика Василия Прокофьевича Светова. Позднее, оценивая его лингвистические труды, Я.К. Грот подчеркивал «редкое для того времени понимание законов языка» этим автором. В первую очередь следует обратить внимание на работу этого автора под полным её названием «Опыт нового русского правописания, утвержденный в правилах Российской грамматики и на лучших примерах российских писателей», вышедшую в Санкт-Петербурге в 1787 году. В одной из глав этого труда В.П. Светов делится с читателями намерением сформулировать правила правописания, опираясь на «Российскую грамматику» и «лучшее и рассудительное употребление». Он справедливо считал, что общее употребление образованной части населения не должно идти в сильном разрыве с грамматическими правилами, «иначе в наличии последних не было бы никакого смысла». Взгляды В.П. Светова во многом совпадали с позицией М. В. Ломоносова, который наряду с фонетическим принципом не отказывался и от морфологического. Однако, в отличие от В.Е. Адодурова, он не ограничивался вниманием только к произношению, понимая, что главная задача заключалась в соблюдении баланса и сохранении старой грамматической базы с учетом произносительных особенностей, продиктованных временем.

Многие правила, сформулированные В.П. Световым, находят отражение и в современной орфографии, к примеру: «Следующие слова надлежит писать так: *дуб, овца, низкий* <…>, не смотря на то, что Б как П, В как Ф <…> З как С выговаривается; ибо в именах и глаголах по косвенных падежам и по произвождениям, где непременно следует самогласная буква, ясно от твердых распознаются, на пр. *дуб, дуба, дубовый*» [1, с.12]. Уникальность и значимость трудов В.П. Светова заключалась в их прикладном характере, в созданном своде правил, «с помощью которого носители могли пользоваться одними примерами, приискивая оные в показанных, и прикладывая их к другим случаям» [2]. В процессе решения многих вопросов развития русского правописания часто возникали различные споры. Однако филологи XVIII в. стремились к осуществлению единой цели — созданию письма, которое могло бы отражать собственно русские языковые особенности. В этом вопросе наиболее близкими были позиции двух авторов — В.К. Тредиаковского и В.Е. Адодурова. Оба выступали за фонетический принцип орфографии, но каждый понимал невозможность подчинения фонетическому принципу орфографии всей системы русского языка. Постоянная критика в адрес взглядов М. В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, В.Е. Адодурова и В.П. Светова звучала со стороны А.П. Сумарокова, который в ряде случаев отстаивал традиционные написания, избегая при этом каких-либо объективных лингвистических установок. Многое шло в разрез с убеждениями В.К. Тредиаковского и В.Е. Адодурова по поводу фонетического принципа письма, поскольку церковнославянская традиция не учитывала своеобразие речи восточных славян.

Заключение. Наиболее разработанной, последовательной и всеобъемлющей в конечном итоге оказалась орфографическая программа М. В. Ломоносова, которая нашла отражение в современном русском правописании. Однако в XVIII веке молодая лингвистическая наука была не в состоянии решить многие проблемные вопросы развивающегося на национальной основе русского языка. Начало этой науки положили истинные патриоты России, имена которых неоправданно были забыты.

Список литературы

1. Светов В.П. Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей / В.П. Светов. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1773. — 42 с.
2. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке: (Доломоносовский период отечественной русистики) / Б.А. Успенский. — М. : «Наука», 1975. — 233 с.

УДК 81`246.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТИМУЛЯЦИЯ АКТИВНОГО УСВОЕНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Войлошникова В. Э., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-2389-5997,
Зарицкая И. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-9318-8556
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
ve_10@mail.ru

Введение. Актуальной задачей в практике обучения второму языку остается преодоление орфоэпических трудностей, которые часто сохраняются на всех этапах обучения. Основным вопросом при определении двуязычия является вопрос о степени совершенства владения каждым языком у одного и того же говорящего. Исследованию проблемы возникновения орфоэпической интерференции в условиях реального билингвизма уделяют внимание современные ученые разных научных направлений, в том числе лингвисты и психологи С.И. Бернштейн [1], Е.А. Земская [3], И.М. Румянцева [4], А.А. Леонтьев [5].

Цель статьи — проанализировать причины возникновения орфоэпической интерференции и предложить возможные пути психологической стимуляции ее преодоления.

Очевидно, что одинаковое владение родным и неродным языком является наиболее предпочтительным типом двуязычия, практика показывает, что такой тип двуязычия мало распространен. Чаще встречаются случаи, когда неродным языком владеют хуже, чем родным.

Отечественными учеными предложена периодизация двуязычия, имеющая, на наш взгляд, большое теоретическое и практическое значение для преподавания второго языка. Двуязычие делится на три периода. Начальное двуязычие, которое начинается с момента овладения вторым языком. Внутренняя речь происходит исключительно на родном языке. Осуществляется мысленный перевод со второго на первый (родной) язык и наоборот с целью коммуникации.

Далее наступает второй период — переходное двуязычие. Учащийся, освоивший основные грамматические правила, начинает частично осуществлять на втором языке процесс мышления. Пользование языковыми средствами выражения неродного языка начинает становиться более автоматическим. Явление интерференции заметно сужается, сохраняясь на уровне произношения.

Третьим периодом считается адекватное двуязычие, при котором человек владеет двумя языками в равной степени и не нуждается в мысленном переводе с одного на другой.

Таким образом, во всех периодах двуязычия наблюдается в большей или меньшей степени явление интерференции, которое и является одной из основных лингвистических проблем, возникающих в связи с обучением второму языку.

Практика показывает, что именно на начальном этапе обучения неродному языку обучающиеся могут отойти от устойчивых навыков произнесения звуков в родном языке и подставляют их вместо звуков чужой речи. «Неумение дифференцировать две фонемы представляет больше трудностей..., чем неумение артикулировать определенный звук изучаемого языка» [2, с. 33].

Произносительные трудности чужого языка нельзя представлять абстрактно, так как они всегда касаются двух конкретных языков и должны быть дифференциально сопоставимы. Поэтому и орфоэпические ошибки иностранцев, изучающих русский язык, будут различными в зависимости от родного языка обучающихся. Как видим, психолингвистической причиной интерференции, порождающей орфоэпические ошибки, является фонологизм восприятия иноязычной речи при овладении неродным языком. Языковое сознание билингва расчленяет речевой поток чужой речи на дифференцированные признаки, идентичные фонологическим элементам родного языка. В результате возникает неверная фонологическая интерпретация. Важные различительные признаки фонем не улавливаются, а недифференциальные признаки чужого языка, но релевантные в системе родного оказываются основными при восприятии и воспроизведении речи на иностранном языке. Это порождает систему устойчивых отклонений от нормы речи билингва.

В соответствии со сходством или различием соотносительных элементов родного и неродного языков в лингвистическом сознании обучаемых на орфоэпическом уровне наблюдается различные виды интерференции. Неразличение фонем неродного языка в речи. Это случается, если важные различительные признаки фонем неродного языка представляются им избыточными, нерелевантными. Сверхдифференциация, при которой в фонемные ряды второго языка вносятся дополнительно различительные признаки фонем, имеющиеся в родном языке и совершенно отсутствующие в изучаемом языке. Отождествление фонем неродного языка со сходными по звучанию фонемами родного языка. Ресегментация — вид интерференции, который возникает на синтагматическом уровне вследствие расхождения или сходства сочетаемостных свойств фонем родного и неродного языков. Как следствие этого происходит увеличение или уменьшение количества фонетических элементов речевого отрезка.

Центральной методической задачей при обучении неродному языку является постоянная стимуляция активности обучаемых в работе по преодолению орфоэпических отклонений от нормы. Средств такой стимуляции несколько. Первым можно назвать повышение степени сознательности речи. Уже на начальном этапе обучения необходима самая серьезная работа по постановке произношения с учетом таких факторов, как управление

артикуляциями на базе двуязычного сопоставления и поэтапного формирования произносительных навыков в свете теории речевой деятельности.

Психологический путь усвоения иностранного языка требует своего осознания, иначе навыки родного языка приведут к образованию целой системы отклонений от норм произношения и проявят активную сопротивляемость коррекции. В отечественной методике обучения иностранцев русскому языку эта задача решается путем «искусственного управления» артикуляциями как целенаправленного и целесообразного воздействия преподавателя на речь обучающегося с помощью особым образом организованного материала и процесса обучения.

Следующее важное средство психологической стимуляции — мотивация обучения: ориентация на координативный билингвизм как конечную цель обучения, при котором речь будет правильной, то есть в ней не будут нарушаться ни языковая система, ни норма, ни узус. На продвинутом этапе обучения решается при этом и такая важная задача методики, как овладение нормами современного литературного языка, обеспечивающего культурное общение.

Стимулируя активность обучающихся при усвоении орфоэпической системы неродного языка, необходимо соблюдать и методический принцип информативности учебного материала, что существенно помогает осознанию собственной речевой деятельности.

Важным средством психологической стимуляции постоянного интереса к неродному языку является овладение им как формой поведения. Каждый язык обладает своими неписаными законами, сохраняет внелингвистические знания. Иностранным учащимся помогает разобраться в этом языковая среда, в которой они изучают язык живого общения в живых ситуациях.

Итак, проблема, билингвизма определяет постановку важных методических задач обучения орфоэпии, решение которых становится возможными при условии активного поиска оптимальных и эффективных путей как предупреждения, так и преодоления интерференции в произношении при обучении второму языку.

Список литературы

1. Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) / С.И. Бернштейн // Вопросы фонетики и обучение произношению. — М, 1985. — С. 53–69.
2. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка / Е.Д. Поливанов. — Ташкент, 1971. — 120 с.
3. Земская Е.А. Лингвистический анализ и проблема обучения / Е.А. Земская. — М.: Флинта, Наука, 2004. — 320 с.
4. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И.М. Румянцева. — М.: Логос ПЭРСЭ, 2004. — 264 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. — 2-е изд. — М.: УРСС, 2003. — 312 с.

УДК 81’373.2:82 — 312.9

АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В. А. РУСАНОВА

Гранина Д. И., ORCID 0009-0002-8165-9263,
Касьяненко Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0002-1613-8314
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
darya.granina.03@mail.ru, Kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. Собственные имена (далее СИ) несут в себе отпечаток исторических, социальных, экономических и культурных условий, охватывая все аспекты человеческой деятельности. Носитель имени рассматривается как преемник не только своего религиозного патрона (святого), но и одноименного исторического или литературного персонажа. Указанная специфика обуславливает устойчивый научный интерес к антропонимике, к культурно-исторической семантике и поэтике имени, что обусловливает актуальность исследования.

Как отмечала А.В. Суперанская [1], ключевая функция антропонима заключается в идентификации и индивидуализации объекта. Данный принцип полностью применим к литературной антропонимии: поскольку художественный персонаж является одушевлённым объектом, наделённым комплексом личностных характеристик, его необходимое выделение и индивидуализация в структуре текста закономерно осуществляется через наделение его именем собственным.

Среди читательских предпочтений в последнее время одно из ведущих мест занимает фантастика, в частности произведения жанра фэнтези, имеющего уже прочную отечественную традицию. Среди таковых стоит выделить произведения В.А. Русанова.

Цель исследования заключается в комплексном изучении семантики и функций антропонимов (СИ человека) в произведениях жанра фэнтези В.А. Русанова, а также в выявлении их роли в формировании образной системы литературного произведения.

Основная часть. В контексте литературоведения и лингвистики функциональная нагрузка поэтонимов, или имен в художественном произведении, как утверждает В.Н. Михайлов, рассматривается с двух ключевых позиций: рецептивной (читательской) и креативной (авторской) [2].

С рецептивной точки зрения, именно для читателя СИ выступает первичным и основным идентификатором персонажа, способствующим формированию целостного психологического образа в процессе чтения.

С креативной позиции, для писателя-творца поэтоним является мощным инструментом символизации и смыслопорождения. Эта идея находит обоснование в трудах П.А. Флоренского, который утверждал, что

имя онтологически предопределяет сущность именуемого. Иначе говоря, избранное автором имя программирует характер и модель поведения персонажа, который в дальнейшем развивается в повествовании в соответствии с различными его (имени) коннотациями.

Яркой иллюстрацией обоснованного ономастического выбора в современной литературе может служить творчество Владимира Русанова. Его цикл «Горячие ветры севера», демонстрирует скрупулёзно разработанную ономастическую систему, полностью соответствующую средневековому сеттингу. Антропонимикон цикла, насчитывающий сотни уникальных имён для персонажей различного статуса и значимости внутри и вне произведения, не только выполняет функцию историко-культурного антуража, но и служит инструментом глубокой и психологической характеристики, подчёркивая непреходящую значимость СИ как доминантного элемента художественного мира.

В мире «Горячих ветров севера» система именований подчеркивает его полиэтничность и культурную многослойность. Здесь соседствуют разные традиции: благородный *Марциал Просветитель* с латинским именем, который «вознамерился обучить грамоте всех свободных граждан Империи», что может отсылать к античному наследию и символизирует идею всеобщего образования; правители *Витгольд и Экхард* отражают германо-скандинавский пласт, характерный для «северного» фэнтези; также правитель *Властомир*, происходящий от славянских корней *-власть-* и *-мир-*, указывает на восточноевропейское влияние. Такое сочетание имен не сводится к подражанию одной культуре, а создает реалистичный образ мира, где взаимодействуют и пересекаются разные народы и традиции, что соответствует историческим процессам.

В цикле особую роль играет система имен-прозвищ, представляющая наиболее многочисленную и выразительную категорию ономастики. Прозвища нередко замещают собственные имена, что характерно для военной, маргинальной и простонародной среды. Их семантика отражает как внешние признаки персонажей (*Прищуренный, Желвак, Плешак, Трехпалый, Пупок, Хвост*), так и особенности характера или репутации (*Молчун, Вырвиглаз, Витек Железный Кулак, Живолом* — последнее носит иронично-гротескный характер, но одновременно обладает потенциально пророческой функцией).

Наряду с прозвищами, в тексте присутствуют и собственные «обычные» имена, соотносимые с социальной идентификацией персонажей (*Эван, Валлан, Герек, Лабон*). Такие имена тоже подчеркивают принадлежность к определенной культурной или этнической среде и подчеркивают бытность мира. В художественном тексте имена с погашенной внутренней формой в равной степени учувствуют в конструировании образа персонажа, хоть и реализуют эту функцию иными способами. Так, Эвана в тексте маркируют как «южанина», указывая на его иноземное происхождение. Примечательно, что в Скандинавии присвоение

языческого имени человеку, исповедующему христианство, по всей видимости, изначально не считалось проблемой. Носителем такого исконного имени (зачастую с явной «языческой окраской») мог быть как простой человек, так и сын конунга или даже монах.

Заключение. Проведенный анализ поэтической антропонимики В.А. Русанова демонстрирует, что языковой контекст произведения и лексический состав родного языка формируют основу для многообразного использования антропонимов в характеризующей функции. В художественном тексте антропоним выступает в качестве эффективного инструмента формирования образной системы, находящейся в полном соответствии с его жанровой природой, что позволяет рассматривать СИ в качестве выразителя жанрово-тематического своеобразия произведения.

Антропонимическое пространство составляет важную часть идиолекта писателя, отражая его индивидуальный стиль. Отличаясь системностью и поликультурностью, антропонимикон служит не просто историческим «пустым» фоном, а выполняет семиотическую функцию, кодируя социальные, этнические и личностные характеристики литературных персонажей. Ономастический выбор В.А. Русанова подтверждает теоретическое положение о том, что в художественном тексте СИ является мощным средством символизации. Антропоним персонажа функционально соотносится с авторской концепцией произведения, нередко храня в себе его ключевую смысловую нагрузку и выступая в роли выразителя центральной идеи.

Список литературы

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 367 с.
2. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX веков, их функции и словообразование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00. — Симферополь, 1955. — С. 60–63.

УДК 82

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ФУНКЦИИ КУРСИВА

Емельяненко А. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-1310-6625
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.yemelyanenko.84@mail.ru

Введение. В эпоху цифровых технологий, когда текст стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, мы часто сталкиваемся с различными способами его оформления. Одним из таких способов является курсив — наклонное начертание букв, которое, казалось бы, несет лишь

декоративную функцию. Однако за этой кажущейся простотой скрывается богатый лингвистический потенциал, который делает исследование курсива особенно значимым для современного языкознания.

Актуальность. Разным аспектам исследования курсива посвящали внимание такие ученые, как И.М. Борисова, А.Б. Борунов, А.Г. Василенко, С.С. Николаичева, Л.Р. Рабданова, В.С. Савельев, Е.Н. Топорова, Г.Г. Хисамова, А.А. Яковенко, Д.Д. Якушева и др. Лингвистический анализ текста предполагает изучение графических особенностей исследуемого объекта, в том числе изучение игры со шрифтом (использование курсива, полужирного начертания, подчёркивания, разрядки). Лингвистическое исследование курсива выходит далеко за рамки эстетики. Рассматриваемый нами графический элемент используется для реализации разных коммуникативных задач. Курсив активно применяется в различных жанрах и стилях письма, от художественной литературы до научных статей. Исследование его функций и особенностей может помочь лучше понять, как визуальные элементы влияют на восприятие текста и его смысл. Это особенно актуально в контексте многоязычия, когда различные языковые и культурные традиции пересекаются.

Целью нашего исследования является определение основных функций курсива как графического шрифтового средства актуализации смысла.

Основная часть. Курсив — это графическое шрифтовое средство выделения слов в тексте [2, с. 32]. И.М. Борисова предлагает собственные критерии выделения единиц курсива: в имеющихся работах по исследуемой проблематике нет даже понятия «единица курсива». Главный критерий, по мнению автора, формальный: за единицу курсива принимается буква, слово, словосочетание или предложение, с двух сторон ограниченное прямым шрифтом. В ряде случаев к формальному критерию добавляется содержательный: ввиду сильной тематической, логической связи слов за одну единицу курсива принимается выражение, прерванное малозначительными словами, набранными прямым шрифтом [1, с. 4].

Роль курсива во многом зависит от контекста. То, что выделяется курсивом в художественном тексте, может быть неуместно в научном.

Если автор использует курсив для конкретной цели в своём тексте, необходимо придерживаться определённой логики использования этого графического средства на протяжении всего произведения. Поэтому важно учитывать основные функции курсива:

− выделение ключевых терминов, понятий или идей, которые автор стремится донести до читателя;

− выделение примеров в научном тексте;

− передача эмоциональной окраски, усиление значения слова или выражения;

− обозначение новых или редко употребляемых слов, которые требуют особого внимания;

− маркировка специфических типов текста (курсив часто используется для обозначения иностранных слов и выражений, названий книг, фильмов, статей, произведений искусства и т. п., цитат, мыслей и внутренних монологов);

− передача прагматических и стилистических нюансов;

− обеспечение целостности и связности текста.

Последняя функция особенно чётко реализуется в поэтических текстах: «…курсив, эксплицитно выраженный на графическом уровне, оказывается значимым на интонационном, семантическом и коммуникативном уровнях. Связывая эти уровни между собой, показывая их взаимодействие, курсив оказывается структурным элементом стиха, действующим в иерархически организованной системе» [3, с. 928].

Чрезмерное использование курсива может сделать текст трудным для восприятия и даже раздражающим: во избежание коммуникативных неудач мы рекомендуем использовать курсив последовательно и умеренно. В противном случае в процессе восприятия текста вероятно возникновение нежелательных эффектов:

- снижение читабельности;
- потеря акцента;
- возникновение чувства усталости у читателя из-за визуального шума;
- искажение смысла (чрезмерное использование курсива может создавать ложные акценты) и т. д.

Заключение. Итак, лингвистическое исследование курсива — это актуальное и многообещающее направление, которое помогает нам глубже понять природу языка, способы передачи смысла в современном мире. Изучая курсив, мы раскрываем новые грани коммуникации и обогащаем наши знания об экспрессивном потенциале родного языка. Понимание функций курсива помогает преподавателям обучать студентов правильному и эффективному использованию этого инструмента в письменной речи, развивать их стилистическую грамотность. Для авторов, редакторов и дизайнеров понимание лингвистической роли курсива является ключом к созданию ясного, выразительного и привлекательного контента, который эффективно доносит информацию до целевой аудитории. Также изучение использования курсива в разных языках и на разных этапах их развития позволяет выявить закономерности в эволюции графических средств выражения смысла.

Перспективы исследования могут быть связаны с проведением эксперимента с участием читателей для оценки читабельности, восприятия и эмоционального воздействия курсива. С развитием новых технологий, возможно, появятся новые способы применения этого графического средства, что также может определить тематику дальнейших исследований.

Список литературы

1. Борисова И.М. К вопросу о специфике функционирования курсива в стихотворной речи (на материале поэзии Н.А. Некрасова) / И.М. Борисова // Вестник ОГУ. — 2005. − № 11. — С. 32−38.
2. Борисова И.М. Курсив в прозе А.П. Чехова / И.М. Борисова // Вестник ОГУ. — 2004. − № 11. — С. 4−9.
3. Хисамова Г.Г. В проблеме изучения графической структуры стиха: курсив в поэзии М. Цветаевой / Г.Г. Хисамова // Вестник Башкирского университета. − 2019. − Т. 24. − № 4. — С. 925−929.

УДК 821.161.1–1:81’373.2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОНБАСС» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ДОНЕЦКИХ ПОЭТОВ О ВОЙНЕ

Касьяненко Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0002-1613-8314
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. Концептология была и остается одним из приоритетных направлений современной лингвистической науки, а концепт, несмотря на разброс мнений относительно его определения, — объектом изучения многих исследований. В процессе анализа языка огромную роль играет индивидуальное сознание его носителя, природа которого раскрывается в том числе через обращение к концептуальной картине мира человека. Именно концепт, как антропологическая сущность, как мысленное, виртуальное образование, впитывает опыт носителя языка, отражая особенности его ментального пространства и акцентируя культурную доминанту. Речь идет в данном случае о художественном концепте, который является принадлежностью индивидуально-авторской картины мира, отражающей мировидение творческой личности, реализации которого обладают эстетической функцией. Он представляет собой особый тип концепта, органично сочетающий традиционные общенациональные смыслы и смыслы, присущие данному автору, индивидуальные (см. об этом подробнее [1]).

Учитывая сказанное, **целью данной работы** является выявление содержательной структуры концепта *Донбасс* на основе его вербальных реализаций в творчестве современных поэтов Донбасса.

В военное десятилетие стали особенно заметными имена талантливых поэтов, как молодых, так и уже признанных, в чьих поэтических произведениях отразилась современная война. Анаит Агабекян, Лилия Потийко, Иван Волосюк, Владимир Скобцов, Инна Кучерова — вот далеко не полный перечень этих авторов. К слову сказать, не только донецких.

Концепт *Донбасс* не случайно избран объектом исследования: в условиях современности на фоне продолжающихся военных действий в

Донецкой народной республике данный концепт активно реализуется в произведениях, а его содержание воплощает романтически-скорбное мироощущение поэтов Донбасса. Всплеск патриотических настроений среди населения, общий духовный подъем общества, обостренное ощущение причастности жителя Донбасса к малой Родине привели к тому, что понятие *Донбасс* стало ключевым и в поэтических изысканиях авторов.

Основная часть. Основными репрезентантами данного концепта являются лексемы *Донбасс, донбасские, донбасский, донецкий, Донецк, Луганск*, а также перифрастические выражения. В своем прямом (и более узком) значении Донбасс — это название промышленного и экономического региона, расположенного в границах Донецкой и Луганской областей. В связи с этим одним из элементов смысла анализируемого концепта является ‘местность’. При этом вербальные воплощения концепта подчеркивают расположение объекта в степной зоне, характер промышленности, флористические особенности и даже особенности шахтерского фольклора: «*Донбасс! Перед тобою преклоню колени / Ты — **край степей и край садов***» (Л. Лавриненко); «*Родимый край, **степной, раздольный***» (Е. Радченко); «*Донецкий край — красивый уголок! / Донецкий край — **шахтерский уголек***» (Т. Резник); «*Мой сильный, зеленый, цветущий Донбасс. / Мой **край тополиный и розовый***» (Ю. Куплинская); «<…> мы и есть земля, / **Земля Шубина**, / **земля черного короля**!» (А. Ревякина).

Безусловно, наиболее активным в составе концепта является элемент значения ‘край страданий’. Поэты, используя целый калейдоскоп тропеических средств и устойчивых выражений, рельефно характеризуют Донбасс как место разрушений и страданий, подчеркивая истерзанность, искалеченность края и боль народа за свою Родину: «*Европа упорно не слышит, / Как **кровью исходит** Донбасс*» (В. Белоусова); «*Донбасс **в венце распятого Христа**/ Несет кресты детей своих под "градом"*» (Л. Потийко); «***Стонет** в громе орудий / Вновь **Донбасса земля***» (В. Коряковцев); «Мой город болен. / **Оспины воронок** / **Уродуют красивое лицо**» (М. Афонин); «Мир театр, а **Донбасс тир**. / И **мишенями в нем мы**» (В. Скобцов); «*Мой город **оглох от бомбежек***»; «***Калека бессильный на вид***» (Е. Ромащук).

Концепт *Донбасс* в его метонимическом воплощении соотносится с понятием ‘люди, населяющие Донбасс’. В сознании носителей языка они воспринимаются как стойкие духом, с повышенной сопротивляемостью, непокоренные, способные все перенести и выстоять. Сема ‘стойкость’ является ядерной в составе концепта: «*<…> **высок наш дух**, и путь нелегок наш*» (И. Волосюк); «*Наш **дух не сломлен** и Донбасс стоит*» (В. Коряковцев); «*Мы — Донбас, и **на колени / Нас поставить не дано***» (Л. Потийко); «*Прогнулось все, ну а **Донбасс стоял***» (В. Скобцов); «*Я пламя Вечного Огня, / Я город "Градом опаленный". / Но в самом сердце у меня / **Славянский дух непокоренный***» (Л. Потийко); «*Не окраинный, Богом*

скроенный, / ***краем-крепостью*** *стал Донбасс*» (А. Агабекян) В связи с этим показательна вербальная игровая реализация, соотносящая дух Донбасса с Молохом, — именем библейского божества: «*Мы кузнецы — и* ***дух наш Молох***» (В. Скобцов). Молох воспринимается как символ жестокой неукротимой силы, требующей людских жертв. В этом смысле основой стойкости жителей Донбасса, способности противостоять врагу являются множественные человеческие (и детские в том числе) жертвы, которые принесла война, и стремление победить врага.

Донбасс в поэтических реализациях приобретает антропоморфный характер, подвергаясь персонификации: «*Донбасс в огне! / Как* ***Прометей-герой****, непокоренный и непобедимый*» (Н. Готовчиков); «*Он —* ***простой герой по имени Донбасс****. / И таким его сделала война*» (В. Коряковцев); «*Я* ***твоя страна*** [о Донбассе — Н.К.], ***стою в платье*** *нарядном, / в траурном платье иссиня-черном*» (А. Ревякина).

Наконец, ядерным компонентом семантики концепта выступает «русскость» Донбасса. В поэтических контекстах Донбасс выступает как неотъемлемая часть России, как край, ощущающий ее постоянную поддержку, а жители Донбасского края подчеркивают духовное единство с русскими людьми и считают себя таковыми: «*Я не встану из окопа, / на штурмовку не рванусь. / Я вчера убит "укропом" /* ***за мои Донбасс и Русь***» (Ю. Иванов-Скобарь); «*Лицом к лицу к беде Донбасс /* ***Плечом к плечу в беде Россия***» (В. Скобцов); «*Россия мир в Донбасс несет, /* ***Мы с ней одно, один народ***» (В. Коряковцев).

Заключение. Подытоживая сказанное, стоит заметить, что рассмотренными реализациями не исчерпывается весь спектр содержательных элементов названного концепта. Донецкие авторы в процессе экспликации концепта Донбасс обнаруживают нестандартность и многовекторность мышления, склонность к использованию тропов и языковой игры. Анализируемый концепт в лирических произведениях приобретает зачастую антропоморфность, демонстрирует способность расширять синтагматику ключевых лексем, воплощает трагизм современной войны и соответствующее мировосприятие донбасских поэтов.

Список литературы

1. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования / Н.В. Красовская // Известия Саратовского ун-та. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. — 2009. — Вып. 4. — С. 21–24.
2. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М. : АСТ Восток–Запад, 2007. — 314 с.
3. Донецкий край, в стихах воспетый : сборник лучших стихотворений участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» / М-во культуры Донецкой Народной Республики, ГУК «Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской»; сост. И.А. Пилипенко; ред. О.А. Пинзон; отв. за вып. И.А. Горбатов. — Донецк, 2017. — 152 с.

УДК 81’37:373.167

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ПАРЕМИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Миняева П. Д., ORCID 0009-0009-9999-0334
ГБОУ «Лицей «Коллеж», г. Донецк, РФ
minyaeva44@gmail.com

В связи с тем, что «в настоящее время проблема формирования функциональной грамотности полностью не решена даже в экономически развитых странах», «перед образовательными системами многих стран, включая российскую, встает необходимость создания и усовершенствования методов и технологий обучения, способствующих развитию и успешному взаимодействую обучающихся в изменчивых жизненных ситуациях, перманентной неопределенности и непредсказуемости» [1, с. 205]. Решить проблему функциональной безграмотности населения призвана специальная дисциплина, в рамках которой учащиеся школ осваивают навыки, «необходимые для полноценного функционирования человека в современном обществе» [3, с. 11].

Особое место в формировании функциональной грамотности на занятиях по одноименной дисциплине занимает работа с устным народным творчеством, в частности с пословицами и поговорками. В современном русском языке их семантическая наполненность очень вариативна: смысл идиом колеблется от простых, интуитивно понятных выражений, до выражений с глубоким культурным контекстом и многоплановостью, понимание которых вызывает у обучающихся затруднения.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить уровень понимания учащимися средней школы фразеологических единиц славянского языкового фонда, характеризующиеся неявной семантикой, и разработать классификационную модель, облегчающую восприятие таких паремий. Особое внимание при этом уделяется тем пословицам и поговоркам, понимание которых затруднено в силу отсутствия соответствующего культурного фона. Результаты исследования могут быть учтены при подготовке методических пособий и заданий по соответствующим темам.

Исследование включало следующие этапы: 1) проведение опроса среди обучающихся пятого класса ГБОУ «Лицей «Коллеж» с целью определения сложности понимания пословиц и поговорок, значение которых обусловлено культурно и исторически; 2) анализ интерпретации данных паремий обучающимися пятого класса; 3) систематизацию результатов и определение «проблемных мест» при изучении данной темы.

Обучающимся пятого класса ГБОУ «Коллеж «Лицей» было предложено определить степень понимания ими 30 пословиц и поговорок, отобранных из

«Большого толкового словаря пословиц и поговорок русского языка для детей» Т.В. Розе [2], а также ввести данные паремии в контекст. На данном этапе были получены следующие результаты[1]:

Паремия	
Яблоко от яблони недалеко падает.	16/0
В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Терпи, казак, атаманом будешь.	15/1
Баба с возу — кобыле легче; Бедному собраться — только подпоясаться; Заставь дурака богу молиться, так он себе и лоб расшибёт; И дым отечества нам сладок и приятен; Кто в лес, кто по дрова; Куй железо, пока горячо	14/2
Лес рубят — щепки летят; Обжёгшись на молоке, дуешь на воду; Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть; Шила в мешке не утаишь.	13/3
Беда на селе, коль лебеда на столе; Каков поп, таков и приход; Свято место пусто не бывает; Это ещё вилами по воде писано.	12/4
Не зная броду, не суйся в воду; Отзвонил — да с колокольни долой; Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит.	11/5
Вот тебе бог, а вот и порог; Жалует царь, да не жалует псарь; На брюхе шёлк, в брюхе щёлк.	10/6
Бабушка ещё надвое сказала; За неимением гербовой, пишут на простой.	9/7
Глухому поп две обедни не служит.	6/8
А всё-таки она вертится!; Один с сошкой, а семеро с ложкой.	8/8
В дождь избы́ не кроют, а в вёдро и сама не каплет.	7/9
Молодец против овец, а против молодца сам овца.	6/10

Первичный анализ результатов опроса показывает, что, несмотря на наличие значительного количества ответов «*1 (совсем не понимаю)*» и «*2 (не уверен(а), что понимаю)*», большая часть паремий известна обучающимся. При этом важно отметить неоднородность восприятия различных паремий, что требует дополнительной верификации полученных данных. С этой целью учащимся было предложено ввести предложенные пословицы и поговорки в контекст. В рамках данного этапа свои ответы представили лишь 11 обучающихся из 16, но и они ввели в контекст не все предложенные паремии, что косвенно свидетельствует о недостаточном понимании некоторых из них.

Так, самыми популярными для объяснения оказались паремии *шила в мешке не утаишь* и *кто в лес, кто по дрова*: их смогли контекстуально объяснить четыре человека. Паремии *куй железо, пока горячо*; *не зная броду, не суйся в воду*; *терпи, казак, атаманом будешь* объяснили три человека; *чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть* и *яблоко от яблони недалеко падает* — два человека. Объяснение паремий *бедному собраться — только подпоясаться; в чужой монастырь со своим уставом*

[1] Учащимся было предложено по шкале от 1 (совсем не понимаю) до 5 (понимаю и использую) оценить паремии. В таблице представлен упрощённый вариант обобщения, где под «пониманием» объединены оценки 3–5, а под «непониманием» — 1–2.

не ходят; глухому поп две обедни служит; и дым отечества нам сладок и приятен; лес рубит — щепки летят; на брюхе шёлк, в брюхе щёлк; обжёгшись на молоке, дуешь на воду; отзвонил — да с колокольни долой; свято место пусто не бывает; это ещё вилами по воде писано дали по одному разу. Остальные 13 паремий не взялся объяснять никто, что косвенно свидетельствует о недостаточном их понимании.

Полученные результаты позволяют сделать следующие **выводы**: уровень понимания пословиц и поговорок у учащихся неоднороден — простые и часто употребляемые паремии понятны большинству, тогда как сложные выражения с культурно-историческим подтекстом вызывают затруднения. Контекстуальное использование паремий показывает реальный уровень владения материалом: несмотря на заявленное понимание, многие учащиеся не смогли корректно применить пословицы в речевой практике.

Список литературы

1. Пакина Т.А. Развитие функциональной грамотности и формирование понятия «функциональная грамотность» в России / Т.А. Пакина // Вестник педагогических наук. — 2022. — № 5. — С. 201-206.
2. Розе Т.В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей / Т.В. Розе. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 224 с.
3. Уроки функциональной грамотности (работаем по ФГОС общего образования) / сост.: А. Н. Величко, А. Н. Москвина. — Новосибирск: Изд-во НИМРО, 2021. — 180 с.

УДК 811.161.1’42

ОБОСОБЛЕННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ В РАБОТЕ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛЕМИЧЕСКОГО СРЕДСТВА

Приходько С. А.

МБУК «Новозыбковский краеведческий музей», г. Новозыбков, Брянская обл., РФ

sapclf1@yandex.ru

Политический дискурс неразрывно связан с политической борьбой, поэтому его анализ без учёта полемического компонента не представляется полноценным.

Цель политического дискурса — убеждение, пробуждение в адресате намерения, создание фундамента для убеждения и побуждение к действиям [4, с. 104].

По мнению В.Е. Чернявской, в рамках персуазивной функции политического текста воплощаются следующие интенции: 1) воздействовать языковыми средствами на мнение, оценочную сферу и

сознание адресата; 2) побудить его к совершению определённых действий, т. е. изменить, направить его поведение [3, с. 26]. В свою очередь, А.В. Голоднов делает акцент только на трансформации посткоммуникативного поведения адресата, т. е. на второй интенции персуазивности [1, с. 15].

Семантический анализ показывает, что эти интенции редко достигаются в спокойной манере в «Материализме и эмпириокритицизме».

Рациональные контексты

Функция вывода. «*И все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты!*» [2, с. 21].

Восклицательная тональность не является частотной в присутствии обособленного определения, разрываемого дополнительным уточнением.

Функция противопоставления. «*Первой, т. е. материалистической, линии держится Энгельс. Второй, т. е. идеалистической, линии держится Мах*» [2, с. 49].

Разграничение философских векторов мобилизует адресата на чёткое восприятие и быстрое запоминание их умозаключений.

Функция цитирования. «*Так излагает сам Авенариус содержание §116 своей работы. Вот этот параграф в целом виде: "Мы признали, что существующее (или: сущее, das Seiende) есть субстанция, одаренная ощущением; субстанция отпадает…"*» [2, с. 56].

Приведение цитат и «Мы-изложение» являлись традициями для политических текстов полемической направленности, поскольку к ним прибегали и ленинские предшественники, и его современники.

Функция объяснения. «*Как только наступает одно из тех открытий, которые отзываются на всех частях физики, устанавливая какой-либо кардинальный факт, неизвестный до тех пор или неполно оцененный, так весь вид физики меняется; начинается новый период*» [2, с. 327].

Этот ленинский комментарий является экскурсом в историю физики для непосвящённого адресата.

«*Только цепляясь за подобные неверные места, можно толковать об особой философии Дицгена, отличной от диалектического материализма*» [2, с. 146].

Если начальный деепричастный оборот вводит в поле внимания адресата неточности И. Дицгена, то конечное определение концентрируется на допустимых отличиях его расплывчатой концепции, тяготеющей к марксизму.

Абсолютное большинство обособленных определений в «Материализме и эмприокритицизме» сопровождается эмоциональными подъёмами, поэтому им уделяется значительное место в статье.

Эмоциональные контексты

Функция предварительного вывода. «*Таковы доводы махистов против материализма, повторяемые и пересказываемые на разные лады вышеназванными писателями*» [2, с. 27].

Обобщение подчёркивает отсутствие оригинальности в стане противника, который напрасно шельмует марксистов.

«*Пока ограничимся одним выводом: "новейшие" махисты не привели против материалистов ни одного, буквально ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли*» [2, с. 42].

В отличие от других итоговых пассажей, указывается конкретная первопричина однообразия лагеря противников В.И. Ленина — англо-ирландский субъект Дж. Беркли, основоположник имматериализма.

Функция перехода. «*О философских взглядах этих писателей, особенно сбивчивых и непоследовательных, нам придется говорить в главе о новой физике*» [2, с. 60].

Сочетание наречия и синонимических имён прилагательных абстрактно маркирует идеалистическую бессистемность.

Функция негативной оценки. «*Это опять-таки, как увидим ниже, совершенно справедливое мнение, выраженное только у Вундта с ненужным балластом профессорской учености, с ненужными тонкостями и оговорочками, объясняемыми тем, что Вундт сам идеалист и фидеист*» [2, с. 70].

Релевантными для обличения антагониста приёмами В.И. Ленин сделал анонс *(«как увидим ниже»),* позитивную оценку *(«совершенно справедливое мнение»)* и многообразные повторы.

Функция межцитатного перехода. «*Указав на то, что уже Гегель привел "решающие" доводы против Юма и Канта и что Фейербах дополнил эти доводы более остроумными, чем глубокими соображениями, Энгельс продолжает…*» [2, с. 111].

После разгрома никчёмных тезисов Г.В.Ф. Гегеля лидер русского марксизма разоблачил его соотечественника:

«*Фейербах очень остроумно и наглядно поясняет, как нелепо принимать какой-то "трансцензус" от мира явлений к миру в себе, какую-то непереходимую пропасть, созданную попами и перенятую у них профессорами философии*» [2, с. 129].

Функция негативной оценки. «*И если Базарову не понравилась формулировка материализма у Плеханова, почему было считаться с Плехановым, а не с Энгельсом, не с Фейербахом?*

Потому что махисты боятся признать правду. Они борются с материализмом, а делают вид, будто борются с Плехановым; трусливый и беспринципный прием» [2, с. 95].

В настоящем контексте В.И. Ленин облёк приём отрицательной оценки в форму ответа на риторический вопрос.

Функция высмеивания. «*Отметим, что английский махист К. Пирсон, игнорируя всяческие философские ухищрения, не признавая ни интроекции, ни координации, ни "открытия элементов мира", получает неизбежный результат махизма, лишенного подобных "прикрытий", именно: чистый субъективный идеализм*» [2, с. 100].

Расширительное изложение (во множественном числе первого лица) дополняет отрицательную оценочность В.И. Ленина. Иронию автор передал с помощью графического выделения (кавычек).

В заключение можно отметить, что обособленное определение является полифункциональным средством в ленинском дискурсивном пространстве.

Список литературы

1. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс. … докт. филол. наук / А.В. Голоднов. — СПб.: Росс. гос. пед. ун-т, 2011. — 41 с.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1989. — 508 с.
3. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. — М.: Флинта, Наука, 2006. — 136 с.
4. Bayley P. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches // Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984 / P. Bayley. — Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. — P. 101–116.

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В РЕКЛАМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Титаренко Э. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-0346-9934
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
titarenko.el.a@mail.ru

Введение. На сегодняшний день изучено множество манипулятивных стратегий, которые широко используются в рекламном бизнесе, среди них: позитивная и негативная стимуляция (обещания и угрозы); позитивная и негативная «экспертиза» (указание на пользу или вред для объекта); выражение симпатии; обратная стимуляция; апелляция к чувству долга, нравственным принципам, самооценке и личным качествам собеседника («подмазывание аргумента»); апелляция к альтруистическим чувствам; ссылка на авторитет и др.

Цель работы — проанализировать аргументацию в рекламе образовательных услуг на примере рекламных текстов образовательной

платформы «Учи.ру», образовательного проекта «Приключения Чевостика. Увлекательное образование».

Основная часть. Реклама образовательных услуг имеет специфические особенности, отличающие её от рекламы товаров массового потребления. Для рекламы в педагогической сфере характерны специфические особенности способов речевого воздействия и манипулятивных тактик. Среди способов речевого воздействия наиболее эффективным является способ убеждения. Для усиления рекламной аргументации рекламодатель активно применяет ряд языковых средств (лексических и синтаксических) и специальных приемов, таких как диалогизация, ссылка на авторитет, приведение статистических данных. Среди лингвистических средств речевого воздействия выделяют следующие:

1) ***восклицательные предложения***, которые играют роль сигналов привлечения внимания, указывают на важность рекламной информации, несут большой заряд экспрессии, эмоций, поскольку «хорошая» реклама должна быть эмоциональной;

2) ***вопросно-ответные комплексы***, благодаря которым создается эффект диалогизации высказывания и непосредственного, живого общения;

3) ***риторический прием повтора***, который влияет на восприятие адресата, облегчая запоминание наименования или преимуществ (как реальных, так и мнимых) рекламируемого продукта;

4) ***сжатые изречения-лозунги***, привлекающие внимание потенциального клиента с самого начала текста рекламы и облегчающие его восприятие. Сходство многих подобных конструкций с поговорками, пословицами и афоризмами вызывает подсознательное доверие адресата рекламного произведения, у которого они ассоциируются с народной мудростью;

5) ***риторические обращения*** имеют важное значение при воздействии на адресата в рекламном тексте для установления контакта с будущим клиентом;

6) ***сравнения и метафоры***.

Е.В. Сергеева, Ву Хонг Нгок [1] отмечают, что одна из характерных черт рекламных текстов педагогической сферы — активное использование логических доводов при создании аргументации. Для убеждения адресата в рекламе образовательных услуг активно применяется сочетание логических и эмоциональных аргументов.

Аргументы для родителей платформы «Учи.ру» связаны с такими доводами, как помощь родителям (ориентирование в школьной программе, контроль школьного обучения ребенка; планирование, целеполагание: *целый год помощь родителям*; *понедельная разработка и обновление заданий*; бонусы / призы: *учитель и ученики получают сертификаты и дипломы за работу на платформе.* Аргументы для родителей платформы

«Приключения Чевостика. Увлекательное образование» связаны со следующими идеями: свободное время у родителей, пока дети занимаются; познание интересов своего ребенка: *Поможем родителям понять, что же на самом деле нравится их детям.*

К аргументам к целевой аудитории в рекламе анализируемых образовательных платформ относим:

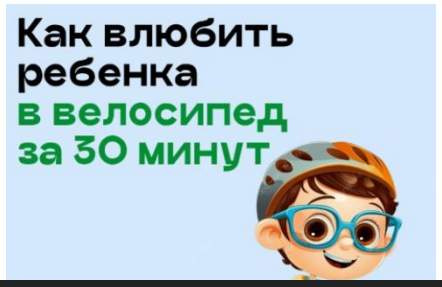
– возможность выбора школьного предмета: *Купите годовой пакет — это выгодно, или соберите сами. Добавьте развивающие курсы Платите один раз — доступ навсегда* (Учи.ру), выбор длительности обучения, тарифа: *3 месяца* / *12 месяцев* / *Навсегда*;

– указание престижности / признания / положения в обществе: *88% школ страны используют Учи.ру* (Учи.ру); *Более 3 000 000 детей познакомилось с нашими героями за 22 года* (Чевостик);

– возможность соревноваться с другими детьми, повышать свой рейтинг: *Соревнуйся и общайся с одноклассниками* (Учи.ру); *Соревнуйтесь. Читайте. Слушайте. Выполняйте задания и играйте. Следите за рейтингом* (Чевостик);

– обозначение цели и результата обучения: *Развитие детей 3-8 лет и познание мира с увлекательными интерактивными уроками.*

Рассмотрим использование вопросно-ответных комплексов. Эффекту непосредственного, живого общения способствуют рубрики *«А знали ли Вы, что…»*, *«Давайте проверим нашу эрудированность и ответим на 3 вопроса»*, проведение опросов (Чевостик). Ответом на вопрос может быть рекламируемый урок. Например, *«Как влюбить ребенка в велосипед за 30 минут?»* вы узнаете из урока «Древняя Греция», где Чевостик рассказывает об Олимпийских играх.

Урок «Древняя Греция», где Чевостик рассказывает про Олимпийские игры — идеальный способ показать, что спорт — это не страшно, а невероятно увлекательно!

Заключение. Отметим общие черты аргументации в анализируемых рекламных текстах образовательных платформ.

1. Характерная черта рассмотренных рекламных текстов — активное использование логических доводов, аргументов к рациональному, статистическим данным: *88% школ страны используют Учи.ру*, *Материалы соответствуют ФГОС и ФООП*, *Более 150 000 заданий в игровой форме, 750 000учителей уже пользуются платформой; 350000+ семей доверили*

нам развитие детей, Более 3 000 000 детей познакомилось с нашими героями за 22 года

2. Среди аргументов к чувствам можно выделить две манипулятивных тактики: а) манипуляции на слабостях взрослых (родителя и учителя): *Родители спокойны. Курсы составлены так, чтобы ребенок занимался самостоятельно. Безопасный и проверенный контент на нашем сайте*; *Помощник в работе учителя*: *большой выбор готовых заданий; Занимайтесь, где удобно*); б) манипуляции на потребностях ребенка (***подготовка** к ВПР, ОГЭ и ЕГЭ и другие **развивающие** занятия*).

Подкрепляя доводы, говорящий может ссылаться и на авторитеты других людей [2], в рекламе образовательных услуг данный принцип иллюстрирует размещение отзывов пользователей *«Что о нас говорят?»* (Чевостик), *«За что нас любят ученики и их родители»* (Учи.ру).

Список литературы

1. Сергеева Е. В. Приемы речевого воздействия на адресата в педагогической рекламе (на материале рекламы частных детских садов) / Е.В. Сергеева, Х.Н. Ву // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 1 (88). — С. 98–113. — DOI: 10.23859/1994-0637- 2019-1-88-10.
2. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика: учебник / Г.Г. Хазагеров. — М. : Никколо-Медиа, 2002. — 313 с.

УДК 81-112; 81’367.626

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Янышевская В. В., ORCID 0009-0001-9940-4827
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
wera742007@rambler.ru

Введение. Постоянное внимание к проблемам изучения современного русского языка теснейшим образом связано с реализацией в России государственной языковой политики, основные принципы которой опираются на фундаментальные научные исследования в языковой сфере и научные знания, центром распространения которых в настоящее время должны являться школы и вузы. Повышение качества преподавания русского языка на всех уровнях общего и профессионального образования сегодня опирается на многие общепринятые дидактические принципы, без соблюдения которых усвоение основ родного языка будет неполным и ущербным. Абсолютно правомерными и своевременными можно назвать дискуссии по поводу необходимости использования при изучении

школьного программного материала хотя бы отдельных элементов истории русского языка, что, без сомнения, должно способствовать расширению лингвистического кругозора учащихся и более глубокому усвоению ими процесса формирования языка на всех этапах его исторического развития. Дидактические *принципы научности* и *историзма*, соединенные вместе, должны усилить этот процесс, внимание к которому становится всё более актуальным и значимым. Лингвоисторическое комментирование должно стать обязательным атрибутом при подготовке учителя к усвоению в классе любого раздела школьного курса русского языка. Особенно важно введение такого компонента в учебный материал при изучении морфологии. И здесь не может быть произвольного деления учебного материала на главные и второстепенные части речи, поскольку каждая из них занимает свою собственную нишу в природе русского языка и представляет собой тот набор языковых единиц, которые определяли и определяют языковую картину мира со дня осмысления этого мира человеком. К числу не до конца изученных с точки зрения происхождения и дальнейшего исторического развития можно отнести класс местоимений, при знакомстве с которыми на уроках русского языка (как показывают учебные программы) исторический комментарий отсутствует.

Цель сообщения — определить направление возможного исторического комментирования при изучении местоимений на уроках русского языка и выделить тот материал, при усвоении которого в первую очередь должен быть использован дидактический принцип историзма.

Основная часть. Еще в дописьменный период развития славянской речи в процессе формирования главных грамматических классов начали активно формироваться две большие языковые категории — имя и глагол. Местоимения не имели прямого отношения ни к одной из этих категорий и входили в число самых древних по своему происхождению единиц языка субъективно-указательного характера. Эта многочисленная группа слов имела сложный состав и очень специфично определяла характер взаимодействия говорящего лица и действительности в момент осуществления этим лицом речевой деятельности. Генетически местоимения были связаны еще с индоевропейской языковой системой и, по мнению В.В. Виноградова, до сих пор остаются «вне системы живых грамматических классов». Некоторые формы местоимений ученый образно называл «бесприютными» (подробнее см. [1, с. 264–280]). В определении статуса этих слов возникали многочисленные сомнения, порождающие разнообразные точки зрения ученых-лингвистов [там же, с. 366–368]. В конечном итоге был сделан вывод о том, что эта часть речи в своем историческом развитии смогла объединить разные по лексико-грамматическим особенностям классы слов, и это позволило б*о*льшей части местоимений соединиться с категориями имен прилагательных, наречий, союзов и частиц. При изучении местоимений как единиц языка и речи на современном синхронном срезе этот факт требует от учителя глубокого понимания этих

исторических процессов и умения доступно объяснять их значение в становлении такой части речи, как местоимение.

Исторический комментарий, на наш взгляд, следует начинать с пояснений по поводу самого термина *местоимение*, который был представлен в XVIII веке в первой «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Определяя статус местоимения как «знаменательной части речи», автор писал: «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово своё сократить и выключить скучные повторения одного речения…» [3, с. 406]. М. В. Ломоносов делает вывод о том, что «местоимение полагается вместо имени». Такое определение не было новым и восходило к греко-римской грамматике: греческое *antonymia* и латинское *pronomen* использовались в значении ‘вместо имени’. Однако в русской грамматике термин *местоимение* как ‘заместитель имени’ следует считать условным. В состав этой части речи входили и входят такие единицы, которые на грамматическом уровне характеризуются именными функциями и категориями, а на лексическом — высокой степенью обобщенности и «непредметностью» семантики [1, с. 245]. Не каждое местоимение способно «замещать» имя. Такую возможность демонстрируют, например, неличные местоимения и личные местоимения 3 лица, функцию которых могут взять на себя слова, обозначающие предметы, признаки, числа, не названные в процессе общения. Современная языковая система местоимений сложилась в древнерусском языке. В ней выделились два разряда, разграниченные спецификой не только формально-грамматических отношений, но и особенностями функционально-семантического свойства. Это так называемые личные и неличные местоимения, многие формы которых в современной школьной практике должны быть проанализированы и с точки зрения их происхождения и истории. Учитывая ограниченность объема сообщения, остановимся на некоторых из них.

Заключение. Элементы лингво-исторического комментирования можно ввести при характеристике следующих форм местоимений.

1. Личное местоимение 1 лица единственного числа *Я* в нескольких графических вариантах — *АЗЪ (АЗ), ЯЗЪ (ЯЗ)* и *Я*. Происхождение этих форм традиционно связывают со старославянским и древнерусским языками (эти слова отличаются только начальными [а-] и [ја-]). Формы АЗ и ЯЗ в древнерусских памятниках письменности появляются после падения редуцированных и объясняются разными следствиями этого процесса (по мнению некоторых лингвистов, ЯЗЪ > ЯЗ > ЯС > Я). Однако вариант Я можно дополнительно рассматривать и как «очень древнюю, праславянскую диалектную особенность», закрепившуюся в древнерусском языке (подробнее см. [2, с. 247]). Следует также заметить, что при склонении личных местоимений проявлялась *супплетивность*, которую можно отнести к явлениям праславянского, а может быть, и более раннего языкового периода.

2. Современные местоимения 3 лица изначально не входили в состав личных форм. Это была группа указательных местоимений с родовыми формами И (м.р.), Я (ж.р.), Є (ср.р.) в именительном падеже. Главная их историческая значимость связана с развитием полных (местоименных) прилагательных, появление которых в русском языке было определено действием грамматической категории определенности/неопределенности. Позднее формы И, Я, Є были вытеснены формами ОНЪ, ОНА и ОНО и вся парадигма вошла в состав личных местоимений 3 лица.

3. Требует соответствующего комментария история отдельных личных местоимений и возвратного *себя* в В.п. (*мя, тя, ся, вы, ны* и др.), которые первоначально функционировали как энклитики, но в процессе развития категории лица были вытеснены формами Р.п. Например, из вариантов *меня — мя, тебя — тя* и пр. сохранились только первые формы (подробнее см. [2, с. 252–256]). В качестве залоговой частицы продолжала функционировать форма *ся*, которая утратила связь с местоимениями и закрепилась за глаголом. Этот перечень может быть продолжен. Однако в процессе подготовки исторической справки к теме урока по изучению местоимений учитель должен опираться на проверенные, классические источники отечественного языкознания и избегать сомнительных характеристик истории любой части речи в интерпретации представителей «любительской лингвистики».

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3 изд., испр. / В.В. Виноградов. — М. : Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. — М. : Высшая школа, 1981. — 359 с.
3. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // ПСС. — Т. 7. — М.-Л. : Издательство АН СССР, 1952. — С. 389–578.

УДК 811.161.1

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «РУССКИЙ КОД» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А. А. ПРОХАНОВА

Ярошенко Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-1208-1505,
Менякина А. А., ORCID 0000-0002-6914-1479
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nyaroshenko@yandex.ru, menyakina.2000@mail.ru

Для сегодняшней России характерен вопрос национальной идентификации, который вскрывает представление о ценностных ориентирах и национальных культурных традициях. В этих условиях одной из

стратегических задач информационной политики является формирование медиакартины мира, способствующей укреплению ценностных и культурных модусов. По мнению Е.В. Зелениной, публицист, выступая в роли субъекта коммуникации, воспринимает актуальные вызовы современности, преобразует их в образные конструкции и передает общественному сознанию, актуализируя ключевые мировоззренческие принципы. Он функционирует как посредник между повседневным и научным сознанием, обеспечивая смысловые ориентиры в условиях социокультурных трансформаций и ценностного кризиса [2]. Дискуссия о судьбе России, ее предназначении является традиционной для политического дискурса Александра Андреевича Проханова.

И. Суриков указывает на то, что Проханов является идеологом таких концепций, как «Симфония пятой империи», «Вероучение о русской мечте», идеи о «Пасхальности русской истории». Часто публицист обращается к такому феномену, как «русские коды». Исследователь отмечает, что «русские коды» у Проханова — это главные смыслы, лежащие в основе русского народного сознания и самого Государства Российского на протяжении всей его истории [4]. По мнению М. Ерофеевой, творчество Проханова имеет определённые стилевые особенности, главная из которых — метафоричность текста [1]. В данной работе будет представлен анализ метафорического осмысления феномена «русский код» в статьях Проханова, опубликованных в газете «Завтра» [3].

Для начала рассмотрим контекст, в котором посредством метафоры Проханов подчеркивает роль творца в формировании будущего. Творческие личности, подобно инструментам, играют ключевую роль в создании новых идей и образов, которые необходимы для движения общества вперёд: ***«Художники и писатели — это отбойные молотки, которые прорубают туннели в будущее****… Они своим творчеством создают героев прорыва… Прорыв — это духовное, моральное стремление»* [«У матросов есть вопросы». 13 июня 2018 г.]. Автор подчеркивает, что прорыв — это не только результат материальных усилий, но и духовное и моральное стремление. Он акцентирует внимание на необходимости обращения к «глубинным, таинственным представлениям», которые живут в сознании народа. Эти представления о русском чуде формируют основу для общественного прогресса. Продолжает данную мысль и следующий контекст, в котором обращает на себя внимание такая фундаментальная для публициста категория, как «русские коды»: *«**Прорыв**… **случится, когда будут разбужены сокровенные русские коды.** Когда Россией будут управлять… с помощью **глубинных, таинственных представлений, живущих в душе русского крестьянина**… понятий о русском чуде, о русском мессианстве, о русской судьбе и о неизбежной русской Победе»* [«У матросов есть вопросы». 13 июня 2018 г.]. Таким образом, Проханов выстраивает концепцию о том, что истинное развитие возможно только тогда, когда общество обращается к своим внутренним ресурсам — культурным, историческим и духовным. Александр Андреевич убежден:

победа лежит в основе русского сознания, и к ней ведут «таинственные русские коды». Концепция кодов рассматривается Прохановым как символ культурных, исторических и социальных основ, на которых строится идентичность народа. Коды представляют собой некие ступени, которые служат основой для коллективного самосознания и развития общества: «***Коды — это ступени, по которым народ поднимается к своему величию***» [«Нижегородское сознание». 9 августа 2023 г.].

Публицист выделяет семь ключевых кодов, каждый из которых отражает важные аспекты национального самосознания. Рассмотрим их подробнее. **Первый код**, к которому апеллирует автор, является **кодом взыскания**. Он представляет собой способность народа следовать своим глубинным устремлениям даже в условиях социальной и политической нестабильности. **Второй код**, **код священного труда**, подчеркивает концепцию публициста, которая отражает его философские и идеологические взгляды на процесс трудовой деятельности, творчества и духовных ценностей. В данной концепции труд рассматривается как священный акт, который не только создает материальные блага, но и формирует духовное состояние человека и общества в целом. **Третий код — код воскрешения**. Он позволяет России подниматься вновь после исторических поражений и стремиться к завещанному божественному идеалу. Описывая **четвертый код**, **код русского чуда,** Проханов говорит о мифическом образе города Китежа: «*Россия погружается в тёмные глубины озера Светлояр, чтобы… вновь всплыть и подняться к величию*» [«Охотники за смыслами». 25 июля 2023 г.]. **Пятый код**, **код общего дела**, метафорически превращает народ в огромную неразрывную субстанцию, батальон, в котором коллективные усилия народа необходимы для достижения благополучия и успеха. В рамках **шестого кода**, **кода оборонного сознания**, Проханов приводит идею о мессианской избранности русского народа, которая заключается в том, чтобы предложить миру модель, основанную на Божественной справедливости: «***Россия,*** *отстаивая свои идеалы,* ***берёт на себя всю тьму мира, превращая её в свет***» [«Охотники за смыслами». 25 июля 2023 г.]. **Седьмой код**, трактующий концепцию **«Россия — душа мира»**, представляет собой философскую и культурную идею, утверждающую, что Россия выступает носителем высоких духовных и гуманистических ценностей. В этом контексте Проханов опирается на идеи таких классиков русской литературы, как Александр Пушкин и Фёдор Достоевский, которые подчеркивали универсальность русской души и её способность к сопереживанию и пониманию человеческой природы. Основная мысль последнего кода заключается в том, что Россия стремится к построению благодатного будущего не только для себя, но и для всего человечества.

Важная роль в публицистике Проханова отводится характеристике лидера, который обладает глубоким пониманием русских культурных кодов: «***Великий правитель — тот, кто****… умеет запускать эти коды, вскрывать*

кладовые драгоценного народного опыта, превращающего народ в народ-победитель» [«Нижегородское сознание». 9 августа 2023 г.]. При этом успех общества зависит не только от внешних факторов, но и от внутренней силы и единства, основанного на понимании и уважении к своему культурному наследию. Особое место в творчестве Проханова занимает фигура Иосифа Виссарионовича Сталина: «***Сталин управлял историческим процессом, зная потаённые народные коды****… Управляя… Сталин выиграл… войну*» [«Вернуть народу мечту». 2 октября 2019 г.]. По мнению публициста, именно во время нахождения у власти Сталина русский народ начал превращаться в «народ-великан», появление которого ознаменовалось победой в Великой Отечественной войне. При этом победа в войне стала возможна благодаря способности лидера взаимодействовать с народом и понимать его глубинные культурные устремления. По мнению Проханова, в годы перестройки и в ельцинскую эпоху эти коды дискредитировались и подавлялись: «***народ-великан…*** *превратился к концу перестройки в* ***народ-лилипут...*** ***Клавесин, на котором таинственный пианист играл музыку русских сфер, оказался заброшенным****…*» [«Вернуть народу мечту». 2 октября 2019 г.]. Метафора клавесина служит иллюстрацией утраченного культурного наследия и духовного богатства. Заброшенность инструмента указывает на разрушение традиционных ценностей, утрату целостности в обществе. В следующем контексте Проханов метафорически описывает политические стратегии Владимира Владимировича Путина: «*Путин реализует сокровенные* ***русские коды****. Эти коды являются* ***клавишами****, нажимая которые, правитель будит в народе его глубинные силы, управляет историческим восхождением страны*» [«Петербургское сознание». 17 августа 2023 г.]. Публицист подчеркивает, что от руководителя государства требуется не только рациональные решения, но и глубокое понимание культурного контекста, в котором функционирует общество.

Уничтожение или подмена кодов может привести к утрате национальной идентичности. Проханов анализирует текущую культурную и идеологическую борьбу в России, описывая противостояние между традиционными «русскими кодами», которые включают ценности, связанные с литературным наследием, патриотизмом, духовностью, уважением к истории, и разрушительными кодами, олицетворяющими ненависть, русофобию и насилие: «***Русские коды*** *Пушкина, Победы, лучезарной веры, самоотверженности, героизма…* ***убиваются кодами насилия, сквернословия и адских страстей***» [«Автомат Калашникова и вавилонская блудница». 12 ноября 2019 г.]. В данном контексте акцентируется внимание на важности сохранения и защиты русских кодов как основы для духовного и культурного существования нации.

Таким образом, Проханов метафорически создает концепцию «русских кодов» как сокровенного знания, которое не только формирует культурную и историческую идентичность русского народа, но и служит основой для его

процветания. Эти коды представляют собой символические элементы, отражающие черты русского народного характера.

Список литературы

1. Ерофеева М.А. Особенности использования метафоры в романе А. Проханова «Последний солдат империи» / М.А. Ерофеева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. — 2010. — № 3. — С. 129−131.
2. Зеленина Е.В. Медиагерой нашего времени (по результатам контент-анализа журнала «Русский репортер») / Е.В. Зеленина, Т.Ю. Порецкая // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 5 (97). — С. 157–166.
3. Проханов А.А. Завтра / А. А. Проханов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/authors/8 (дата обращения: 04.08.2025 г.).
4. Суриков И. Своеобразие проблематики и информационного контента публицистики А. Проханова / И. Суриков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_16206.html (дата обращения: 02.09.2025).

История русской литературы и теория словесности

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В «ИСПОВЕДИ» М. А. БАКУНИНА

Бедулева О. А., ORCID 0009-0000-2414-5800
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
oa.beduleva@yandex.ru

Введение. «Исповедь» — текст, написанный революционером и философом М. А. Бакуниным (1814–1876) по приказу Николая I. После череды арестов Бакунин, выданный императору Австрией, был приговорен к смертной казни и помещен в Петропавловскую, затем в Шлиссельбургскую крепость, где отбывал наказание с 1851 по 1857 г. Попав в заточение, в 1851 г. он написал исповедь, в которой рассказал о своей революционной деятельности, с целью получить прощение императора и избежать наказания.

Цель настоящего исследования — обозначить основные риторические приемы письма в «Исповеди» М.А. Бакунина.

Основная часть. Жанр исповеди требует предельной искренности и открытости исповедующегося, чего Бакунин в силу сложившихся обстоятельств предложить не мог, но в самом тексте он создает эмоциональный пафос искреннего признания, в которое сам же начинает верить. Обращаясь к Николаю, он пишет: «Велите судить и казнить меня, Государь; и суд Ваш и казнь Ваша будут законны и справедливы» [1, с 48], — исповедальной тональностью адресант провоцирует адресата на ожидаемую и желаемую для себя реакцию — смягчение приговора.

Бакунин клянется быть откровенным в начале своей исповеди: «...не сомневайтесь в истине слов моих: клянусь Вам, что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не вытечет из пера моего» [1, с 48]. Но, предугадывая очевидное недоверие к своим словам, постоянно прибегает к прямому признанию вины, мольбам о прощении, возводя своего адресата в ранг Нададресата — Бога или высшего суда, как требует того ситуация настоящей — церковной — исповеди: «Да, государь, я буду исповедываться Вам как духовному отцу, от которого человек ожидает не здесь, но для другого мира прощения» [1, с 48], «...я, подданный Вашего императорского величества, еще же не простой подданный, а государственный преступник, осмелился писать Вам и писать, не ограничиваясь мольбою о прощении...» [1, с 99].

Бакунин, как отмечал Ю. М. Стеклов, «понимал, что Николай рассчитывает на то, что закованный в цепи и, быть может, павший духом боец даст "чистосердечное" показание» [3, с. 396], поэтому, преследуя практическую цель и не имея иной возможности избежать казни, он пытается показать себя истинно раскаявшимся и осознавшим все свои грехи преступником. Играет на ожиданиях Николая I, который хотел не просто наказать, но и увидеть моральный слом бунтовщика, используя язык христианского покаяния и самоуничижения: «Я много и долго думал об этом предмете и до сих пор не знаю, что сказать, а благодарю только Бога, что Он не дал мне сделаться извергом и палачом моих соотечественников!» [1, с. 95]. Кроме того, Бакунин прибегает к приему снятия с себя ответственности, виня в своих поступках окружение и собственное безрассудство в увлеченности революционными идеями: «Чего не делает фанатизм! И не даром же говорят, что в злом деле только первый шаг труден» [1, с. 95]. Подробная детализация описаний событий, встреч, пейзажей, обстоятельные комментарии по поводу государственного устройства европейских стран, рассуждения о собственном отношении к революционным идеям, объяснение мотивов поступков создают эффект предельной доверительности, открытости, искренности перед адресатом.

Бакунин отказывается от роли политического оппонента и переводит диалог в иерархическую плоскость, обращаясь к Николаю не как к главе государства и противнику, а как к «батюшке-царю», апеллируя к консервативному и патриархальному складу характера императора: «более всего тяжело моему сердцу, потому что стою перед Вами как блудный, отчудившийся, развратившийся сын перед оскорбленным и гневным Отцом!» — и «получает» ответ от императора на полях: «Напрасно бояться, личное на меня всегда прощаю от глубины сердца» [1, с. 95]. Признаваясь в мелких, порой «бытовых», и личных грехах (тщеславие, гордыня, жажда славы), с одной стороны, Бакунин словно демонстрирует свое неприятие положения узника и преступника, с другой — это делает его образ более человечным и убедительным.

Правление Николая I называют золотым веком национализма, и Бакунин не упускает случая воспользоваться тем обстоятельством, что для царя национальная политика была острым и принципиальным вопросом. Чтобы в очередной раз завоевать его симпатию, он пишет: «...если бы Вы, государь, захотели тогда поднять славянское знамя, то они без условий, без переговоров, но слепо предавая себя Вашей воле, они и все, что только говорит по-славянски в австрийских и прусских владениях, с радостью, с фанатизмом бросились бы под широкие крылья российского орла» [1, с. 95].

Очередной вполне осознанный риторический прием Бакунина — давление на чувство жалости царя к бедному, раскаявшемуся и оступившемуся узнику: «я был <...> не опытен, глуп и почти невинен как дитя» [1,с. 56], «Во мне самом пробудилось Славянское сердце» [1, с. 75],

«Вам должно быть очень смешно, государь, что я один, безымянный, бессильный, шел на брань против Вас, Великого Царя Великого Царства! Теперь я вижу ясно свое безумие» [1, с. 72].

В завершение «Исповеди» Бакунин говорит о смертной казни, к которой изначально был приговорен, в сослагательном наклонении («если бы мне суждена была смертная казнь, я принял бы ее как наказание достойное» [1,с. 138]), исключая ее из сферы реального и программируя тем самым ответ царя, от которого теперь уже требуется не столько принять решение, сколько словно всего лишь подтвердить факт неизбежного помилования. Образ кающегося грешника, который на протяжении всего текста воссоздает Бакунин, подкупает адресата, и в итоге, когда «Исповедь» попадает в руки Александра II после смерти Николая I, Бакунин получает прощение и замену приговора к смертной казни на ссылку в Сибирь.

Заключение. Текст исповеди строится Бакуниным на основе особой риторики исповедального слова, которая намеренно усиливается с помощью использования различных речевых приемов: клятвы, извинения, уверения в искренности, изменениях, давление на жалость, сочувствие, национальное чувство, «чистосердечные» раскаяния, признания в вине. По замечанию Н.М. Пирумовой, «большинство писавших упрекали Бакунина в покаянии перед царем, обвиняли в разочарованности и отказе от борьбы» [2], однако, на наш взгляд, «Исповедь» вместо искреннего признания и понимания вины становится продолжением борьбы за свободу. В отсутствие физической свободы Бакунин через текст и в тексте конструирует свободу дискурсивную, используя единственное доступное ему оружие — контроль над собственным образом и своей историей.

Список литературы

1. Бакунин, М. А. Исповедь и письмо Александру II. / М.А. Бакунин, вступ. статья Вяч. Полонского. — Москва : Гос. изд-во, 1921. — 142 с. (РСФСР. Редакция журнала «Исторический архив»).
2. Пирумова Н. М. Бакунин / Н. М. Пирумова. — Москва : «Молодая гвардия», 1970. — 400 с., с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 1 (477)). — URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0030.shtml (дата обращения: 01.10.2025).
3. Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин: его жизнь и деятельность : в 3 т. / Ю. М. Стеклов. — Москва : Изд-во Коммунистической академии, 1926. — Т. 1 : 1814–1861. — 564 с.

УДК 82-25 “20”

ИРОНИЯ И ГРОТЕСК В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РОМАНИСТИКЕ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

Белоконь С. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7902-8668
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
clairsv@mail.ru

Введение. Ирония в интеллектуальной романистике XX века отражает кризис традиционного гуманизма. Этот кризис, как известно, проявлялся уже довольно отчетливо в культуре рубежа XIX–XX веков, но стал очевиден в первой половине XX века, когда были написаны произведения Т. Манна, Г. Гессе. Прозу этих авторов просто невозможно представить без иронического дискурса, который необходимо в ней присутствует и выражается на всех уровнях литературного произведения.

Ирония также присутствует в русской интеллектуальной прозе.

Цель исследования — рассмотреть особенности проявления иронии и гротеска в интеллектуальной прозе Константина Вагинова.

Основная часть. Специфическую природу иронии достаточно точно описал А. Ф. Лосев: «Ирония в отличие от обмана не просто скрывает истину, но и выражает ее, только особым иносказательным образом» [1; с. 12].

Ирония может реализовываться как мнимая похвала того, что раздражает, но в силу определенных обстоятельств не может быть высказано прямо, тогда автору приходится выражаться иносказательно. Прием же гротеска традиционно используется авторами для обличения чего-то недостойного, вопиющего. Гротеск позволяет изобразить порок более наглядно.

Очень емкое определение гротеска дал, с нашей точки зрения, Ю. Б. Борев: «Гротеск есть высшая форма комедийного преувеличения и заострения. Это — преувеличение, придающее фантастический характер данному образу или произведению. Характерным признаком гротеска является не только нарушение границ неправдоподобия, но и выход образа за пределы вероятного, деформация образа» [2; с. 213].

В конце 20-х — начале 30-х годов один за одним появляются интеллектуальные романы К. Вагинова «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада», «Гарпагониана».

Если говорить обобщенно, то тематически первые два названных романа — «Козлиная песнь» и «Труды и дни Свистонова», посвящены теме искусства, а последние два — «Бамбочада» и «Гарпагониана» теме коллекционирования разного рода предметов.

Роман «Труды и дни Свистонова» пародирует образы «Козлиная песни», а в романе «Гарпагониана» спародированы и доведены до абсурда образы коллекционеров, которые впервые появились в романе «Бамбочада».

Однако, если смотреть на тему коллекционирования шире, то ее зарождение можно увидеть уже в романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: главный герой писатель Свистонов собирает своеобразную коллекцию из определенных социальных типажей, например, властитель дум (Куку), псевдомистик (Психачев), девушка, мечтающая о карьере актрисы (Наденька), молодой поэт (Паша), сентиментальная идиллическая пара старичков (супруги Петя и Таня), противник мещанства (Дерябкин). Эти типажи нужны Свистонову для возможного их перенесения в литературу, на страницы своего романа. Часть из них может не пригодится в этом романе, тогда они останутся «в запасе», на будущее, в одном ряду с вырезками из газет и журналов, выписками цитат из книг, которые хранятся у него на пыльных полках.

Такова ирония Вагинова над тленностью этого мира, над своими персонажами. В конце концов, оказывается, что и литератор Свистонов мнивший себя автором, в конце романа Вагинова, оказывается поглощенным собственным произведением.

На страницах прозы Вагинова изображение реалий 1920-х годов, определенных топографических подробностей того времени гротескно соединено с культурными реалиями прошлых эпох (античности, средневековья).

Гротескность возникает в следствии наложения деформированного мира коллекционеров на бытовые реалии Ленинграда конца 1920-х годов. Герои романов Вагинова живут в абсурдном и хаотичном мире: они собирают конфетные бумажки и старые кружева, систематизируют обрезки ногтей и гнилые зубы, скупают чужие сны и похабные частушки. Диапазон их увлечений действительно пугает. Собирательство превращается в манию, одержимость. Деятельность по сути своей бесцельна. Герои не могут найти свое место в новом мире, что приводит их к попыткам спрятаться за предметами своего коллекционирования. Однако, очевидно, что попытки тщетны.

Заключение. Ирония и гротескность образов от романа к роману только углубляется. Гротескным является и соединение контрастных пафосных начал: иронический пафос в интеллектуальных романах К. Вагинова соединяется с трагическим. Ирония и гротеск имеют ярко выраженную трагикомическую окраску.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. История эстетических категорий /А.Ф. Лосев. — Москва: Искусство, 1964. — 374 с.
2. Борев Ю.Б. О комическом / Ю.Б. Борев. — Москва: Искусство, 1957. — 232 с.

УДК 5.9.1.

ПРИНЯТИЕ УТРАТЫ И ПРОЦЕСС ВЗРОСЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Борода Е. В., д-р филол. наук, ORCID: 0000-0002-7790-699X,
Талалаева О. Г., канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-5040-9845
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», г. Тамбов, РФ
lenavladim@rambler.ru, levseja@gmail.com

Введение. Жизнь невозможна без потерь. Взрослый человек, в силу опыта и прожитых лет, воспринимает эту истину если не со смирением, то без явного протеста. У подрастающего человека все по-другому. Потеря часто является трагедией. Особенно потеря близкого человека и особенно одного из родителей. Проблему усугубляет то, что у подростка полным ходом идёт процесс самоидентификации, в котором родители играют не последнюю роль.

Цель. Современная литература решает проблему самоидентификации героя во соответствии со временем. Художественный вымысел соотносится с эпохой и её ценностями, проявлением личности в дне сегодняшнем. Разберёмся, как отражает данную проблему художественная литература, в частности, творчество современной писательницы Натальи Савушкиной, сборник рассказов «Шапка-невидимка» [1].

Психологи выяснили, что утрата возглавляет список наиболее травмирующих событий [2]. Вместе с тем, как и любой экзистенциальный опыт, переживание горя заключает в себе значительный потенциал. По словам известного философа Мераба Мамардашвили, человек начинается с плача по умершему [3]. Иными словами, тот, кто не пережил потерю, не обладает достаточной степенью глубины переживаний, чтобы называться взрослым.

Процесс проживания утраты долгий и трудный. С одной стороны, он соотносится со временем, с другой — требует определённых внутренних усилий. Вдумчивое, убедительное и подробное описание этого процесса становится основой рассказов Натальи Савушкиной. «Маленькая дождливая поездка в Питер» — история современной девочки-подростка, которая пережила потерю одного из родителей.

Главная героиня Марина живёт с отцом. И вот после смерти мамы у него впервые появляется другая женщина. Марина находится в трудной ситуации. Она вроде бы не хочет лишать счастья своего отца, но в то же время не может отделаться от мысли, что Александра (так зовут предполагаемую мачеху) «отбирает» у неё родного человека. Ситуация распространённая, но от этого не теряющая драматизма. На самом деле

Александра провоцирует реинкарнацию драмы, то есть пробуждает к жизни законсервированные и болезненные воспоминания о маме.

Динамика конфликта воплощается у Натальи Савушкиной преимущественно через художественные детали. Так, причёска Александры напоминает героине хвост от кометы, а потом уже и сама Александра названа кометой, она вызывает ассоциацию с чем-то стремительным и неукротимым. Вот примерно так она и врывается в чужую жизнь.

Или косметика — деталь неизбитая и современная, описывается в рассказе подробно. «Сбоку от зеркала блестела кармашками длинная простыня раскладной косметички, а в ней, словно обнажённые тонкие рёбра, поблёскивали кисточки для макияжа, ватные палочки, какие-то загадочные трубочки и пористые спонжи, похожие на лёгкие. Маринка бросила на пол полотенце и, так и не войдя в ванную, стала выдвигать один за другим ящики высокого комода. В верхнем были крема и декоративная косметика: в баночках плоских и крутобоких, прозрачных и матовых, стеклянных и пластиковых, во флаконах, тюбиках и крошечных квадратиках пробников, похожих на марки. У некоторых тональных кремов на клювах застыли капельки жидкости, и Маринка с удивлением отметила, что оттенки разные: от совсем светлых до умеренно смуглых. Во втором ящике стояли и лежали спреи, пенки, бигуди и какое-то невероятное количество щёток и расчёсок, заколок, резинок, шпилек».

Интересно, что именно косметическое изобилие запускает цепочку воспоминаний, в которых отражён процесс взросления Марины — без мамы. Ведь именно флакон духов и пудра — всё, что осталось от мамы, именно эти предметы героиня старательно прячет — «чтоб не болело». Дальше период экспериментов с собственной внешностью, который Марину благополучно миновал, так как в это время она старательно глушила боль утраты, загоняя себя до упаду спортом. Тоже чтоб не болело.

И вот косметическое изобилие она встречает в квартире Александры. Косметика будто говорит: Александра — не мама! То, что женщина претендует на какую-то значимую роль в жизни отца и самой Марины — вовсе не значит, что это будет т а с а м а я роль. В присвоении этой роли и кроется самая распространённая ошибка тех, кто пережил потерю. Попытаться вернуть человека в опустевшую нишу и объявить его самозванцем. Вот и героиня попалась в эту нравственную ловушку. Она убеждена, что Александра забирает у неё отца, что она, Марина, становится лишней в зарождающейся новой семье.

Она ещё не понимает — в силу возраста, опыта, подросткового максимализма — что её место никто не займёт, что у них разные социальные и семейные роли, более того: каждая из них способствует полноте и целостности их общей семьи. Зато Александра проявляет мудрость — тем более неожиданную, что она никак не вяжется с её поведением и внешним обликом. Она же постоянно хохочет, шутит над другими и над собой, действует без промедления, а сомнений, кажется, не испытывает.

Но оказывается, это тоже способ заглушить боль. Мы не узнаем, что за трагедия произошла в жизни Александры — это совсем другая история, и не она здесь главная героиня. Но, пройдя через боль, она, безусловно, научилась быть снисходительной к другим. И контакт с будущей падчерицей она пытается наладить максимально деликатно, не нарушая личных границ. Настаивая на том, что та не обязана её принимать: «Я не говорю, что ты должна, ты вообще ничего не должна. Но вот если бы ты могла капельку, самую капельку постараться, у нас могло бы получиться». Это очень верно, потому что настоящая привязанность далека от принуждения. У человека всегда должен быть выбор.

И снова проблема выбора зашифровывается в художественной детали. Выходя из ванной, Марина уже не видит перед собой Александры — та сказала всё, что хотела, и скрылась, предоставив Марине время. Но в коридоре у входа стоят тапки — как проявление заботы и в то же время символическая возможность сделать шаг навстречу.

Финал рассказа необыкновенно убедителен именно благодаря своей открытости. Марина закрывает глаза и наступает в тапки. Принимает помощь. Это вовсе не значит, что всё обязательно будет хорошо. Это даже не значит, что принятие гарантировано, а новая жизнь будет построена. Но если кто-то делает шаг, то шансов, безусловно, больше.

Таким образом, принятие (потери, новой жизни, собственной роли) — не конечная стадия, а процесс, протяжённый во времени. Он имеет последствия и напрямую связан с самоидентификацией.

Список литературы

1. Шефов, С.А. Психология горя. / С.А. Шефов. — СПб.: Речь, 2006. — 144 с.
2. Моховиков, А.Н. Телефонное консультирование. / А.Н. Моховиков. — М.: Смысл. 1999. — С. 201-202.

УДК 821.161.1-31.09: 929 Яхина

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В РОМАНЕ Г. Ш. ЯХИНОЙ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД»

Бочацкая А. А., ORCID 0009-0003-8687-7603
ФГБОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
Dancinglady94@yandex.com

Введение. Социально-политическая проблематика в романе «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной рассматривается сквозь призму личных переживаний героев, отражающих масштабные изменения, происходившие в стране в начале XX века.

Цель исследования — изучение социально-политической проблематики в романе Г.Ш. Яхиной, осмысление того, что художественная литература способна интерпретировать и отображать историческую реальность, установление влияния аспектов на развитие сюжета и раскрытие характеров.

Основная часть. Исторический контекст романа «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной охватывает один из наиболее трагических периодов в истории России, когда страна переживала последствия Гражданской войны. Образ детского эшелона занимает центральное место в романе, символизируя одновременно уязвимость и надежду на фоне всеобщего бедствия. Через детское восприятие мира Г.Ш. Яхина раскрывает масштабы трагедии, демонстрируя, как политические конфликты и социальные потрясения оставляют глубокий след в сознании молодого поколения.

Социальная проблематика в романе раскрывается через описание повседневной жизни героев, которые вынуждены бороться за выживание. Автор показывает, как социальные потрясения первой половины XX века влияют на индивидуальные судьбы, передает атмосферу недоверия и враждебности, царящую между различными социальными группами и этносами. Сцены взаимодействия персонажей разных социальных слоев и национальностей показывают, как исторические и политические обстоятельства формируют предрассудки и стереотипы, которые затем воплощаются в конкретных актах насилия и дискриминации. [1, с. 57].

Особое внимание в романе уделяется судьбам детей, которые, несмотря на свой юный возраст, вынуждены сталкиваться с бесчеловечными условиями и находить в себе силы для борьбы за жизнь. Одной из ключевых социальных проблем, поднятых в романе, является тема детской беспризорности. [2, с. 60-61]. Г.Ш. Яхина изображает детей не просто как жертв обстоятельств, но и как активных участников событий, которые пытаются сохранить человеческое достоинство и найти своё место в мире.

Еще одним важным аспектом социальной проблематики является тема власти и ее злоупотребления. В романе показаны эпизоды, когда представители власти используют свое положение для удовлетворения личных амбиций [2, с. 57-58]. Через персонажа Деева и его взаимодействие с властными структурами Г.Ш. Яхина исследует тему нравственной ответственности и внутренних конфликтов, связанных с выполнением долга в условиях тоталитарного режима. [3, с. 208].

Одной из центральных тем является репрессивная политика советской власти, направленная на уничтожение «врагов народа». В романе подробно описаны сцены, в которых чекисты, местные представители власти и военные прибегают к насилию и жестокости для поддержания контроля и порядка [2, с. 57-58]. Через взаимодействие Деева с чекистами и его

воспоминания о подавлении крестьянских восстаний Г.Ш. Яхина подчеркивает бесчеловечность и аморальность репрессивных методов. Эти эпизоды не только раскрывают механизмы функционирования тоталитарного режима, но и заставляют задуматься о нравственных дилеммах, с которыми сталкиваются люди, вовлеченные в систему репрессий. Роман показывает, как революционные лозунги и идеалы оборачиваются на практике произволом и коррупцией. Персонажи сталкиваются с тем, что новая «народная» власть часто действует в своих интересах. [4, с. 425-426]. Это приводит к трагическим последствиям, обостряя социальные противоречия.

Политическая проблематика романа также включает в себя тему идеологического противостояния и его последствий для общества. Г.Ш. Яхина показывает, как идеологические разногласия раскалывают общество, делая невозможным нормальное сосуществование различных слоев населения. Конфликты между сторонниками разных политических взглядов демонстрируют как политическая идеология становится инструментом для разделения и манипуляции людьми. [3, с. 208].

Психологический аспект социально-политической проблематики в романе «Эшелон на Самарканд» Г.Ш. Яхиной раскрывается через внутренний мир персонажей. В условиях репрессий и социальных потрясений герои романа сталкиваются с глубокими моральными дилеммами, что неизбежно оставляет след на их психике. Один из ключевых психологических аспектов романа — это чувство постоянного страха и тревоги. Автор тонко передает внутреннее напряжение своих героев, показывая, как внешнее давление и неопределенность будущего приводят к развитию паранойи, недоверию и отчуждению.

Заключение романа Г.Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» подводит итог сложной и многослойной картине, созданной в процессе повествования, и подчеркивает глубину раскрытия социально-политической и психологической проблематики. Размышления о трагедии и выживании, изображенные в романе, отражают не только личные драмы героев, но и более широкий контекст исторических изменений и социальных катастроф.

Процесс завершения сюжета, где герои прибывают в «вечнозеленый край обильного хлеба и винограда», не является идиллическим завершением, а скорее подчеркивает контраст между обещанным спасением и реальной ситуацией, с которой сталкиваются персонажи.

Заключение. Роман показывает, что несмотря на достижение внешних целей, внутренние конфликты и переживания персонажей остаются неизменными. Это подчеркивает неизбежность продолжения борьбы, несмотря на перемены внешнего мира, и указывает на сложность человеческого существования в условиях исторического и социального катаклизма. Через осмысление их судеб и переживаний, Г.Ш. Яхина

подчеркивает, что исторические и социальные изменения не только формируют внешний контекст, но и определяют внутренние конфликты и переживания личностей, предлагая читателю глубокую и многослойную картину человеческой судьбы в условиях исторической нестабильности.

Список литературы

1. Арзямова, О. В. Парантетические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд») / О. В. Арзямова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2023. — № 1(48). — С. 57-61. — DOI 10.36622/AQMPJ.2023.40.36.009. — EDN SGNIPA.
2. Букарева, Н. Ю. Человек и история в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» / Н. Ю. Букарева // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 1(40). — С. 57-61. — DOI 10.34680/2411-7951.2022.1(40).57-61. — EDN SVZOFA.
3. Нагуманова, Э. Ф. Хронотоп пути в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» / Э. Ф. Нагуманова // Слово. Словесность. Словесник : Материалы Международная научно-практическая конференция преподавателей и студентов, посвященной Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России, Рязань, 21 апреля 2022 года / Отв. редактор Ю.А. Южакова. Том Выпуск VIII. — Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2022. — С. 207-210. — EDN AMMELK.
4. Протасова, Е. Ю. Размышления о речи в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной / Е. Ю. Протасова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 420-430. — EDN SVFYJS.
5. Яхина Гузель «Эшелон на Самарканд» [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/386917-guzel-yahinaeshelon-na-samarkand.html (25.01.2025).

УДК 1751.8

ОТОБРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ-ПОДРОСТКОВ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕШНЕГО ВИДА В ПОВЕСТИ Д. ДОЦУК «МАНДАРИНОВАЯ ПОРА»

Вдовина В. О., Шабалина Н. Н., канд. филол. наук
«Елабужский институт Казанского федерального университета», г. Елабуга, РФ
elabuga@kpfu.ru

Введение. Обращаясь к современной подростковой литературе, можно утверждать, что главенствующей функцией, заложенной в одежде и костюме, является удовлетворение потребности героя в самовыражении и самореализации.

Процесс выбора индивидом одежды заметно усложняется от простого подражания до осознания индивидом того, как он будет выглядеть в глазах других людей, как он будет чувствовать себя в этой одежде, где, когда и каким образом он сможет ее носить и т. д. [1, с. 19] В подростковом возрасте, когда идентичность только формируется, одежда становится своеобразным ритуальным облачением, помогающим заявить о себе миру.

Цель данной статьи — изучить одежду и детали внешности героев-подростков на материале повести Д. Доцук «Мандариновая пора» и проанализировать отражение характеров, эмоций, менталитетов во внешнем виде персонажей.

Главный герой повести Дарьи Доцук «Мандариновая пора» — Паша, оказывается в эпицентре глобальных перемен, что сказывается на его внешнем облике. Сюжет произведения развивается в Москве, куда возвращается тринадцатилетний герой с родителями из Ханоя, столицы Вьетнама, где они проживали с младенческого возраста сына из-за командировки отца. Паше трудно смириться с обыденной жизнью в другой стране. Всё, что окружает героя, крайне чуждо ему. С первых страниц произведения, можно увидеть упоминания об одежде, которая в данном случае становится символом перемен, происходящих в жизни подростка: «Глядя на снег, Паша понял, что всю одежду можно смело выкидывать. Все шорты, футболки и сандалии отправятся в мусор, а им на смену родители купят шубу, шапку-ушанку и валенки» [2] Паша даже не допускает, что и летняя одежда может пригодиться ему в стране, в которую он переехал, его мышление о России очень стереотипно.

Разрыв с местом, которое было для Паши родным и самым уютным, заставляет его забыть обо всём и погружаться в долгие и тёплые воспоминания, которые связаны с няней — тётушкой Лан. Данная героиня становится проводником Паши во Вьетнаме, посвящает его в традиции, рассказывает легенды. Тётушка Лан — яркий и традиционный образ восточной женщины: «Она была настоящей красавицей…наряжалась по праздникам в традиционное платье с **шёлковыми** рукавами до пола». Шёлк — это символ изысканности, он окутывает и наполняет чувством легкости воспоминания главного героя о покинутой стране. Паша противопоставляет этой лёгкости тяжёлую одежду, мокрую от снега: «в довесок к тяжёлым и мокрым от снега шубам!» [2]. Ему это совсем не нравится, и он вновь мысленно возвращается в то время, когда его душу наполняло умиротворение и спокойствие.

Душевное равновесие Паши разрушает новая школа и ребята, учащиеся с ним в одном классе. Среди них можно отметить Зарину и Веронику, у которых есть отличающие их от других внешние черты. Зарина — «неуравновешенная девица с тремя серёжками в каждом ухе» [2]. Ношение нескольких серёжек может быть связано с желанием выделиться

из общей массы и проявить оригинальность, а также Зарина сокращает своё имя до «Зара», чтобы иметь более яркий образ в глазах сверстников.

Особенностью Вероники является фиолетовая прядь: «постоянно накручивала на палец фиолетовую прядь своих волос» [2]. Если изучить значение фиолетового цвета, то можно увидеть, что именно этот цвет несёт в себе индивидуальность, творческую направленность. Все эти детали служат способом характеристики героев-подростков, демонстрируют подростковое освобождение от стереотипной внешности. Стоит отметить, что герои одного возраста раскрываются по-разному. Бунтаркам противопоставляется Полина, случайно встретившаяся на пути Паши.

Образ Полины представляется более мягким. В её внешнем виде всегда присутствует элемент одежды розового цвета: «Поднял глаза — Полина. В розовой ветровке», «…на ней всё было розовое, даже меховые наушники и коньки» [2]. Рассматривая значение колоронима розовый в психологии, мы видим, что он ассоциируется с добротой, чувствительностью и сочувствием. [4] Именно такой и является Полина, она с радостью соглашается помочь Паше при их первой встрече и поддерживает его в решении поступить в лицей, при этом Полина действительно иногда ведёт себя по детски: то перебивает брата, то представляет себя феей из «Щелкунчика». Именно встреча с Полиной становится переломным моментом в жизни Паши.

Но важно отметить, что оказывает влияние на героя не только Полина, но и её старший брат Матвей и его друг Егор. Паша ждал волшебства, когда на его жизненном пути оказались ребята. Они появляются в повести в классической одежде: «в чёрные брюки и серые пальто, из-под которых проглядывали воротники белых рубашек и синие пуловеры». Именно чёрный, серый, белый и синий цвета часто используются в классических образах. Каждый цвет имеет своё значение: чёрный — интеллектуальность; серый — универсальный цвет, который лучше всего настраивает на рабочий лад; белый — аккуратность; синий — уверенность. Значения цветов ярко отражаются в характеристиках и качествах представленных героев, что говорит о воспитании подростков в лицее, которое является единым, но это не уничтожает индивидуальность ребят.

Одной из самых запоминающихся деталей во внешнем виде ребят являлась сумка с застёжкой в виде восточного дракона с телом змеи. Восточный дракон является символом положительного начала ян в рамках символа Инь-Ян. Ян представляет положительную энергию и свет. Он связан с солнцем, мужественностью, теплом, светом и днём, а также ассоциируется с освещением пути познания [3], который и ожидает главного героя в будущем. Паша, узнав о лицее, где он сможет вновь прочувствовать атмосферу своего прошлого, загорается идеей поступления и своими поступками доказывает готовность к новым испытаниям. Надеть такие же вещи как у Матвея и Егора — это не просто стремление поступить

в лицей, это желание выстроить связь между двумя культурами, которое Паше всё же удаётся достичь с помощью собственных усилий и поддержке друзей.

Внешний вид подростков становится своеобразным языком, посредством которого они выражают свои внутренние переживания и мировоззрение.

Современная подростковая проза — это зеркало переменчивого мира юности, и авторская концепция играет ключевую роль в формировании этого отражения. Автор не просто рассказывает историю, он транслирует свое видение мира, ценности и убеждения. Индивидуальный стиль, в свою очередь, становится инструментом реализации этого транслирования, позволяющего автору максимально точно и эффективно донести свои идеи до читателя.

Список литературы

1. Слюсарева, Е.А. История костюма и моды. Искусство и костюм в первобытном обществе: учебное пособие / Е.А. Слюсарева. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. — 179 с.
2. Доцук, Д.С. Мандариновая пора. — [Электронный ресурс] URL: https://homeread.net/read/mandarinovaya-pora-darya-docuk?page=44 (дата обращения: 27.03.2025)
3. Chinese Dragon | Dragons | [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.71e60a9d-67dac867-9e94eec8-74722d776562/https/dragons.fandom.com/wiki/Chinese_Dragon (дата обращения: 03.04.2025)
4. Розовый цвет — что означает и символизирует в психологии. — [Электронный ресурс] URL: https://blog.tutortop.ru/psihologiya-rozovogo-czveta-chto-on-oznachaet/ (дата обращения: 04.04.2025)

УДК 821.161.1:82-31

ПРИНЦИПЫ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПОВЕСТИ «ЖИВИ И ПОМНИ» В. Г. РАСПУТИНА

Вольвач А. В., ORCID 0009-0002-3480-2223
Мелитопольский государственный университет, г. Мелитополь, РФ
annavolvach16@gmail.com

Введение. Повесть «Живи и помни» была и остается маркером литературного наследия В.Г. Распутина. В списке произведений военной тематики — это его лучшая повесть. Это глубоко нравственно-философское, оригинальное, многоаспектное в плане тематики, трагичное произведение, в котором поднимаются сложные вопросы морального

выбора, цены предательства и неразрывной связи человека с народом, остается актуальным источником для переосмысления современных проблем и вызовов.

Изучение истории проблемы авторской позиции в литературе представляет собой важный аспект литературоведения, который позволяет глубже понять взаимодействие автора, текста и читателя. Это динамичный процесс, отражающий изменения в культурных и социальных контекстах и говорит о том, что литература служит зеркалом для понимания сложных отношений между автором, текстом и читателем.

Авторская позиция включает в себя не только личные взгляды и убеждения писателя, но и его отношение к обществу, культуре и времени, в котором он живёт. Автор может открыто высказывать своё мнение, но его позиция всегда глубже и шире, чем прямые оценки. Выразить её можно разными способами: через название, эпиграф, описание персонажей, их имена, речь, поступки и даже через пейзажи и интерьеры. Понимание авторской позиции — это ключ к пониманию самого произведения.

Целью данной статьи является комплексное исследование принципов воплощения авторской позиции в повести «Живи и помни» В.Г. Распутина. Авторская позиция рассматривается как ключевой элемент, определяющий идейно-эстетическое содержание произведения, его нравственный пафос и воздействие на читателя.

Основная часть. Авторская позиция в повести не выражается прямолинейно и дидактично, а пронизывает все аспекты повествования, воплощаясь через систему образов, композицию, язык и символику.

Писатель, поднимая проблемы чести, долга, ответственности и безнравственности, дает совет: всегда оставаться человеком.

Один из ключевых способов выражения авторской позиции — это создание контрастных образов, позволяющих читателю увидеть нравственную дилемму с разных сторон. Главная героиня, Настёна, является воплощением лучших качеств русской женщины: самопожертвования, верности, сострадания и чувства ответственности. Образ Андрея Гуськова — это пример нравственного падения человека, сломленного войной и поддавшегося трусости. Авторская позиция здесь проявляется в изображении последствий этого поступка: разрушение семьи, гибель Настёны и моральная деградация самого Андрея.

Композиция повести, построенная на антитезе и ретроспекции, также служит для выражения авторской позиции. Противопоставление образов Настёны и Андрея, добра и зла, верности и предательства, создает напряжение и подчеркивает трагизм ситуации.

Писатель избегает прямых оценок, но его отношение к героям проявляется в подборе слов, описании их поступков и мыслей. В.Г. Распутин не навязывает читателю свою точку зрения, а предоставляет возможность самостоятельно оценить происходящее. Он не идеализирует и

не демонизирует своих героев, а показывает их сложность и противоречивость, что делает повесть особенно правдивой и убедительной.

Все творчество писателя определяется общечеловеческими ценностями, где память занимает центральное место, являясь ключевым элементом полноценной жизни и определяющим фактором значимости человека вне зависимости от его образования. Память и жизнь − эти два ключевых понятия находятся в системе ценностей В.Г. Распутина.

К основным особенностям творческой индивидуальности В.Г. Распутина можно отнести во-первых: акцент на нравственных проблемах, где в центре внимания писателя — нравственные искания героев, их борьба между добром и злом, верностью долгу и искушениями. В.Г. Распутин исследует моральные дилеммы, с которыми сталкивается человек в условиях меняющегося мира. Он показывает, как легко потерять себя, предать свои ценности и как трудно сохранить верность себе и своим идеалам. Во-вторых, — это интерес к духовной жизни человека. В.Г. Распутина интересует не только внешний мир, но и внутренний мир человека, его душа. Он исследует вопросы веры, покаяния, совести и смысла жизни. Его герои часто находятся в состоянии кризиса, испытывают муки совести и ищут ответы на вечные вопросы. В-третьих: тема утраты и разрушения традиционного уклада жизни. В.Г. Распутин — летописец уходящей русской деревни. Он с болью пишет о разрушении традиционного уклада жизни, о затоплении деревень, о потере связи между поколениями и о забвении духовных ценностей. Его произведения — это реквием по ушедшей эпохе.

В.Г. Распутин — мастер психологического анализа, тонко и глубоко проникает во внутренний мир своих героев, раскрывая их мысли, чувства и переживания. Он показывает, как внешние события влияют на внутренний мир человека и как человек реагирует на вызовы судьбы.

Творчество писателя пронизано трагизмом. Он показывает, как легко сломаться под гнетом обстоятельств, как трудно сохранить верность своим идеалам и как неизбежна расплата за предательство. Но трагизм его произведений не означает безысходность. Он призывает к покаянию, к возвращению к духовным ценностям и к сохранению связи с природой.

В его произведениях часто прослеживаются автобиографические мотивы. Он пишет о том, что хорошо знает и понимает, о том, что пережил сам. Это придает его произведениям особую искренность и достоверность.

Заключение. Авторская позиция в повести «Живи и помни» воплощается комплексно и многогранно, пронизывая все уровни произведения. Через систему образов, композицию, символику и язык В.Г. Распутин поднимает важные нравственные вопросы, заставляя читателя задуматься о цене предательства, ответственности за свои поступки и неразрывной связи человека с народом. Его повесть — это не просто рассказ о трагической судьбе одной женщины, а глубокое

размышление о нравственных основах жизни и о том, что значит быть человеком в трудные времена.

В целом творческая индивидуальность В.Г. Распутина заключается в его глубоком нравственном пафосе, внимании к духовной жизни человека, трагическом восприятии действительности и умении создавать яркие и запоминающиеся образы. Он — не просто писатель, а мыслитель, ставящий перед читателем важные вопросы о смысле жизни, о нравственности и о будущем России. Его произведения заставляют задуматься о том, что мы теряем, и о том, что должны сохранить.

Список литературы

1. Распутин, В. Уроки французского: Повести и рассказы. / В. Распутин. — М.: Худож.лит., 1987. — 479 с.
2. Кузина, А.Н. Авторское эпическое мышление как основа поэтики повести В.Г. Распутина «Живи и помни» / А.Н. Кузина // Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации: материалы IV Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) 08–16 декабря 2022 г. Хабаровск / под ред. О.Н. Александровой-Осокиной. Хабаровск: Изд-во «Тихоокеанский государственный университет», 2022. — С. 199–205.
3. Серафимова, В.Д. Авторская идея в прозе В.Распутина и изобразительно-выразительные средства языка / В.Д. Серафимова // Рус. словесность. — 2009. — № 1. — С. 37-41.
4. Цыкина, Е.А. Способы выражения авторской позиции в контексте общих принципов организации художественного текста / Е.А. Цыкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 51.

УДК 808

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ФАНФИКОВ

Вусик А. Л., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1111-5172
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
им. А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
hanna.vusyk@gmail.ru

Введение. От древнегреческих поэм до современных мультфильмов и пикантных историй — фанатские произведения не утратили актуальности и имеют своих поклонников. Несмотря на то, что это производные работы, они остаются востребованными, поскольку позволяют глубже погрузиться в мир любимых героев.

Цель исследования — изучить языковые особенности фанфикшена как социокультурного явления.

Основная часть. Фанфик — это сленговое обозначение авторского творения, созданного по образу и подобию существующего произведения.

Творцы, известные как фикрайтеры, нередко предлагают свои варианты развития событий после завершения оригинала, устраняют недосказанности, добавляют новые лица или перенесли знакомых героев в иную эпоху или место действия.

Как правило, подобные работы пишутся без цели извлечения прибыли и предназначены для других фанатов.

Основная задача фанфика — расширить или углубить первоначальный сюжет, дать ответы на вопросы, которые остались без внимания.

Проблемы данного феномена:

1) создание фанфиков может быть связано с нарушениями прав интеллектуальной собственности;

2) эти тексты часто оспаривают официальную версию событий, высказывают критические замечания и стремятся внести коррективы;

3) узнаваемые черты самых известных персонажей в фанатских историях могут претерпеть существенные изменения.

История фанфикшена.

История фанатской литературы имеет глубокие корни, хотя современный формат этого явления сформировался относительно недавно.

XV век — «Завещание Крессиды» Роберта Генрисона, созданный на основе поэмы Джеффри Чосера «Троил и Крессида» — расширяет сюжет, добавляя трагическую судьбу героини, отсутствовавшей в оригинале;

XVIII век — роман Сэмюэля Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель» вызвал волну неофициальных продолжений, написанных читателями;

XIX век — Шарлотта Бронте и её сёстры сочиняли истории о приключениях исторической личности — Артура Уэллсли, герцога Веллингтона, представляя его как персонажа фантастических произведений;

XX век — подлинный расцвет фанатской литературы начался с развитием массовой культуры, например, в 1960-е годы поклонники сериала «Звёздный путь» стали публиковать свои рассказы в специализированных журналах, где и закрепилось название «fan fiction».

С появлением интернета в 1990-х и начале 2000-х годов фанфики стали доступны широкой аудитории, а их создание превратилось в глобальное увлечение.

В России фанатская литература обрела популярность в конце 80-х годов XX века, вместе с активным распространением переводной фантастики.

XXI век — ужесточились требования к авторским правам, что затруднило публикацию неофициальных продолжений и альтернативных версий в печатном виде.

Языковые особенности и виды фанфиков. По объёму фанфики бывают: мини, миди, макси, драббл — короткий отрывок, описание сцены.

Рассмотрим некоторые виды фанфиков (Таблица 1):

Таблица 1

Виды фанфиков

Экшен	Юмор	Пародия	Дарк
Флафф	Ангст	POV	Романтика

К характерным языковым особенностям фанфиков относят (таблица 2): *второстепенность* — фанфик создается на основе существующего произведения, заимствуя персонажей, атрибутику, сюжетные линии и прочие элементы, *интертекстуальность* — в тексте фанфика присутствуют ссылки на первоисточник, которые будут понятны читателям, знакомым с оригиналом, *богатое описание звуковой палитры*, *активное использование эмоционально окрашенной лексики, воссоздания стиля изложения* — авторы фанфиков нередко имитируют манеру повествования.

Таблица 2

Языковые особенности фанфиков

Второстепен-ность	интертекстуаль-ность	описание звуковой палитры	эмоциональная лексика	восоздание стиля изложения

Фанфикшен в русской литературе. В русской литературе существует ряд известных произведений, которые часто вдохновляют на создание фанфиков: комедия Грибоедова «Горе от ума», романы Пушкина «Евгений Онегин» и «Дубровский», роман Лермонтова «Герой нашего времени», драма Островского «Гроза», роман Гончарова «Обломов», а также романы Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина», и, конечно же, «Мастер и Маргарита» Булгакова.

Фанфикшен, основанный на русской классике, изобилует историями о взаимоотношениях между Онегиным и Ленским, Базаровым и Кирсановым, Чацким и Молчалиным, Моцартом и Сальери, Раскольниковым и Разумихиным, а также Кутузовым и Наполеоном. Авторы этих работ нередко стремятся изменить ход событий в своих переосмыслениях: Дубровский вовремя предотвращает свадьбу Маши, Софья Фамусова извиняется перед Чацким, а Владимир Ленский и Андрей Болконский избегают трагической участи.

Характерной чертой фанфиков по мотивам русской литературы является представление альтернативных сюжетных линий, часто связанных с любовными отношениями устоявшихся персонажей, либо перемещение героев литературного произведения в реальный мир, где они рассуждают о современной литературе и современных писателях, сопоставляя разные эпохи.

Среди авторов, получивших известность благодаря своим фанфикам, вдохновлённым русской литературой, можно выделить Али Шер-Хана,

создающего пародийные и юмористические работы с героями из сообщества «Русские писатели и поэты», например, «Что бы случилось, если бы интернет существовал во времена Лермонтова». Также стоит отметить Софью Глинку, автора забавных фанфиков с персонажами того же фандома.

Существуют популярные платформы для публикации фанфиков (Таблица 3), например: *Litnet* — известная онлайн-площадка для чтения и размещения книг, среди которых есть и фанфики, *Fanfics.me* — востребованный русскоязычный ресурс, предназначенный для написания и публикации фанатских произведений, *Litsovet* — функциональная литературная платформа, позволяющая публиковать различные тексты, включая фанфикшен, *Neobook* — русскоязычный веб-сайт, предоставляющий возможность публикации фанфиков. Встроенный инструмент на основе искусственного интеллекта.

Таблица 3

Популярные платформы

Wattpad	Fanfics.me	Aminga.ru	HogwartsNet
Litsovet	Chitalnya	Neobook	Litnet

Заключение. Творчество в жанре фанфикшена уже прочно вошло в состав современной молодёжной культуры. Рассматривая фанфики как производные тексты, важно учитывать их связь с первоисточником. Наблюдается устойчивый рост их популярности — ведущие фанатские платформы объединяют миллионы зарегистрированных пользователей.

Список литературы

1. Борусяк, Л.Ф. Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов. 2015. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chtenie-kak-tsennost-v-srede-molodyh-rossiyskih-intellektualov.
2. Романенко, К.Р. Трансформация канона, борьба с каноном, пересоздание канона как основание культуры фанфикшна / К.Р. Романенко // Журнал Высшей школы экономики. — Том 6. — № 2. — 2022.
3. Самутина, Н.В. Великие читательницы: фанфкишн как форма литературного опыта / Н.В. Самутина // Социологическое обозрение. — Т. 12. — № 3. — с. 138.

УДК 82 -992

СХОДСТВО СОЗИДАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ГЕОПОЭТИКИ С ТВОРЧЕСКИМ МЕТОДОМ ХУДОЖНИКОВ-ИМПРЕССИОНИСТОВ

Губарева М. А., ORCID 0009-0001-3618-6893
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
marina.gubareva96@mail.ru

Введение. Известно, что геопоэтика как смежная дисциплина изучает особый тип взаимодействия субъекта и топоса. Её сфера — область интеллектуального, ментального и художественного освоения пространства, её задача — исследование влияния культурных явлений на структурирование человеческой вселенной посредством живого опыта. Однако созидательные модели геопоэтики на сегодняшний день не получили достаточного освещения в научной литературе. Не следует забывать о специфике геопоэтики как особой области знания: она акцентирует живой, динамичный опыт, основанный на впечатлениях путешественника. В данном исследовании акцентируются общие закономерности созидательных моделей текстов геопоэтики, проводится параллель с творческим методом художников-импрессионистов.

Цель работы состоит в рассмотрении созидательных моделей геопоэтики, сравнении их с творческим методом художников-импрессионистов, а также в выявлении специфики текстов геопоэтики через анализ мировидения К. Уайта как её философской основы.

Основная часть. Обратимся к определению геопоэтики, данному К. Уайтом: «Жанр, который я измыслил, позволил читателю ясно ощутить реальность дороги, понять текст, достаточно абстрактный по своей форме. Я всегда предпочитал впечатления, пойманные уголком глаза, лобовому подробному описанию» [5, с. 3]. Исходя из него, можно отметить концептуальное сходство созидательных моделей геопоэтики с живописью художников-импрессионистов, для которых мимолетное впечатление служит основным источником вдохновения. Импрессионисты стремятся воспроизвести живую динамику жизни в конкретных образах и красках — в том же на текстуальном уровне состоит цель геопоэтики: для поиска поэтики нужно «вживить» себя в пространство. Поскольку речь идет о реально существующем пространстве, путешественник должен уметь не только подметить увиденное, но и прочувствовать его, выделить в нём особенно примечательные акценты: «Вы должны “вживить” себя в мир, олитературив бытие. В противном случае вы увязнете в патетике и придуманности» [5, с. 2].

Главной особенностью геопоэтики в силу её взаимодействия с реально существующим пространством является наглядная изменчивость

исследуемого. Так, оказавшись в одном и том же месте спустя длительный промежуток времени, путешественник может отметить для себя его существенные, а подчас и кардинальные изменения. Ту же изменчивость, неуловимые моменты жизни многогранного динамичного мира на визуальном уровне передают импрессионисты, изображая определенный город, улицу, двор в различные времена года и суток, поскольку важной деталью их творчества является работа со светом.

Примечательно, что импрессионисты тяготеют к картинам-сериям, передающим визуально-чувственные изменения одного пространственного объекта в разное время года и суток. К примеру, известные серии картин Клода Моне «Стога», «Тополя», «Руанский собор». «Архитектоника композиции при сохранении этюдной точности в передаче мгновенного цветового и светового впечатления — важнейшее качество импрессионистического пейзажа», — замечает М.Ю. Герман [3, с. 17]. Кроме того, исследователь замечает: «холсты импрессионистов выглядели в глазах неподготовленных зрителей работами, выполненными небрежно и наспех. В них не было той тщательности, законченности, которые для усредненного взгляда суть абсолютные свидетельства качества. Ибо он, обыватель, сравнивает картины с изделием: стулом, вилкой, каретой, чернильницей, а вовсе не с системой образов и впечатлений!» [3, с. 23]. Как видно, в данной характеристике отчетливо прослеживается сходство созидательных моделей творчества художников-импрессионистов и К. Уайта, основателя Международного института геопоэтики.

Таким образом, чувственные и визуальные впечатления выделяются в основную категорию, принцип творческого метода как художников-импрессионистов, так и исследователей геопоэтики. Пройденный путь — это всегда «со-творчество» и «со-бытие», а именно та самая способность вживить себя в естественный поток жизни, прочувствовать пространство, которую акцентирует в своих трудах К. Уайт.

Л.И. Беккер замечает: «Традиционно путешествие рассматривается в его физическом смысле как деятельность, связанная с перемещением по Земле <…>Мы предлагаем более широкую философскую интерпретацию этого явления». [1, с.65].

С точки зрения ряда исследователей, путешествие обладает особым статусом социокультурного, творческого и психолого-педагогического бытия, является универсальным способом познания себя и мира, что созвучно геопоэтике как пограничной дисциплине. В.В. Абашев, говорит, по существу, именно это: «Геопоэтика вводит нас в сферу чувственных, глубоко страстных и пристрастных отношений человека с пространством. Если же непременно требуется ответ на вопрос, наука она, искусство или вообще что, — самым лучшим, кажется, был бы такой: это — область опыта. Или ещё лучше: культурная форма <…> это — всё, что относится к взаимодействию человека и обитаемого им пространства: и процессы этого

взаимодействия, и возникающие в его результате смыслы, образы, формы самого пространства, и рефлексии на эти темы — любой степени теоретичности» [2, с. 90] .

Как визуальные, так и текстовые впечатления невозможны без отклика воспринимающей стороны. Таким образом, именно чувственный опыт приобретает ключевую роль в созидательных моделях геопоэтики и живописи импрессионизма. Опыт же обретается через происходящие с человеком события, «прочувствование» и проживание происходящего. Говоря о геопоэтике, большинство исследователей замечает: «она — от тоски человека наших дней по цельности и (не противоречащей серьёзному) игре, по единству и родству со своим миром, за который в данном случае представительствует пространство» [2, с. 178].

Событийность определяется как ключевая категория повествовательных произведений и служит для обозначения динамического начала сюжета. Наиболее распространено определение Ю.М. Лотмана: «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля». [4, с. 58].

В основе события — изменение, но не всякое изменение может быть рассмотрено как событие, а лишь то, что вызывает сильную эмоциональную реакцию, побуждает его к дальнейшим действиям, мыслям, трансформации взглядов и мнений.

Заключение. Таким образом, рассмотрев ключевые категории созидательных моделей текстов геопоэтики и картин художников-импрессионистов, мы пришли к выводу об их принципиальном сходстве, а также о наличии общих целей и задач визуального и текстового искусства на уровне их философски-мировоззренческой основы.

Список литературы

1. Беккер И.Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности / И.Л. Сафонов. — Известия ПГПУ. — 2006. — № 2. — С.6- 7.
2. Введение в геопоэтику: Антология. — М.: Арт-Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — 368 с.
3. Герман М.Ю. Импрессионизм основоположники и последователи / Михаил Герман. — Санкт-Петербург: Азбука, 2017. — 351 с.
4. Тюпа, В.И. Ю.М. Лотман и современная нарратология / В.И. Тюпа // Филологический класс — 2023 — Т. 27 № 1 — С. 55-62.
5. Уайт, К. Странствующий дух// пер. с англ Е. Гринёвой / Новая Юность. — № 5. — М., 1997.

УДК 821.161.1.09

АРХЕТИП «ИНИЦИАЦИИ» В КНИГЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ»

Даренский В. Ю., д-р филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2042-5527
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Книга лирики «Второе рождение» Б. Пастернака имеет явно символическое название, связанное с архетипическими основаниями человеческого бытия: с переживанием «смерти» и «нового рождения» как внутренних состояний трансформации человеческой души. Этим она важна не только как поэтический, но и как экзистенциальный феномен.

Цель доклада — прояснить образную структуру этой книги лирики с точки зрения архетипической символики «нового рождения».

Основная часть. Исследователями уже отмечалась глубинная смысловая символика книги «Второе рождение»: «“второе рождение”, т. к. раннее осознание смерти и собственной смертности и связанный с ним опыт преображения-бессмертия гарантировали “непрерывность творческого существования”» [3, с. 150]; «логика жизненного поведения Пастернака: утверждение нового смысла и целей всегда проходит путь отрицания и отказа — “второе рождение” невозможно без смерти» [2, с. 136]. Обычно эту символику связывают с особенностями его творчества и биографии, однако здесь важнее сам процесс экзистенциальной трансформации души, который захватывал автора, а потом захватывает и читателя, передаваясь ему. Это не что иное, как аналог процесса «инициации» как особого символического «прохождения через смерть», без которого человек не формируется как взрослая полноценная личность, осознающая всю ответственность за свое земное бытие. В традиционной культуре существовали обряды инициации, в которых человек проходил тяжелые испытания; в современной культуре таких обрядов нет, но их роль частично берет на себя литература.

Дантовскому «Земную жизнь пройдя до середины» у Пастернака соответствует»: «Я брошен в жизнь, в потоке дней / Катящую потоки рода». Это не что иное, как первичная безличная «растворенность» человека в потоке жизни, из которого он должен выйти: «Не читки требует с актера, / А полной гибели всерьез». Собственно, «инициация» (от лат. initium — начало) — это качественное преобразование бытия и сознания человека, в результате которого он становится автором собственной жизни как бы «заново» — уже не в силу естественного рождения от матери, но в силу своей внутренней свободы и решимости. Такая свобода и решимость возникают только тогда, когда разрывается «цепь» причин и всей рутины его жизни, задаваемой импульсами извне («обстоятельствами»), и определяется заново его выбором своей судьбы. С этого момента человек

уже не может жить «по инерции» и лицедействовать в определенной социальной роли, но сам определяет путь своей жизни: «И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба». Этот «момент» обычно является моментом в содержательном смысле — как момент жизни «заново», но во времени он растянут, дискретно разбит на целый ряд моментов-переживаний. Поэт, в силу этого, может каждый из таких моментов фиксировать как отдельное произведение — как момент внутреннего изменения души, запечатленный в слове.

В книге Б. Пастернака присутствует именно ряд таких запечатленных моментов, каждый из которых имеет свою особую образность. Однако в рамках этой образности весьма четко выделяются архетипические моменты, определяющие структуру «инициации». Отметим некоторые из них.

Исходная ситуация начала трансформации определяется образами, с одной стороны, необозримости бытия («Передо мною волны моря»), а с другой — новой способности видения: поэт чувствует «сверхъестественную зрячесть», которая открывает ему сокровенное. Например, «Льет дождь. Я вижу сон: я взят / Обратно в ад, где все в комплоте». Видение ада — это архетипический мотив «прохождения через смерть» и посвящения в тайны вечности. «Комплот» — это «преступный заговор», который связывает людей в их порабощенности греху и смерти. Освобождение от этого стало самой сутью того испытания, которым является земное бытие. В самом земном бытии это часто переживается как смутные образы рая, которые могут спонтанно возникать в самой повседневной обыденности. Например: «Ирпень — это память о людях и лете, / О воле, о бегстве из-под кабалы».

С другой стороны, в книге присутствует и образность смерти — как необходимого момента «второго рождения». Это не только стихотворение «Смерть поэта», но и образность души всепроникающей — как при выходе из бренного тела: «Перегородок тонкоребрость / Пройду насквозь, пройду, как свет. / Пройду, как образ входит в образ / И как предмет сечет предмет». В свою очередь, есть и образность новорожденной летящей души: «В душе ж, как в детстве, снова шел премьерой / Большого неба ветреный пример».

Неповторимая особенность поэтики Пастернака — непосредственная передача «внутренней речи», которая не «подгоняется» под внешнюю правильность и привычность, но все равно становится понятной и кажется даже более естественной, чем «правильная» речь. Благодаря этому поэт создает образы «нового рождения» с помощью внешних предметных ассоциаций. Это образы: 1) рождающей музыки («Опять Шопен не ищет выгод, / Но, окрыляясь на лету, / Один прокладывает выход / Из вероятья в правоту»); 2) женщины как символа новой жизни; 3) природы как мира впервые рождающегося; 4) Москвы как заново строящейся-рождающейся.

«Новое рождение» переживает не только душа поэта, но и мир как таковой — поскольку он увиден уже этой новой, заново рожденной душой. Это рождение души-как-мира и мира-как-души происходит, как в древних космогониях — из хаоса, страданий и потерянности: «Чтобы, сложившись

средь бескормиц, / И поражений, и неволь, / Он стал образчиком, оформясь / Во что-то прочное, как соль». Но душа обновляется и заново рождается только постольку, поскольку способна себя растрачивать и дарить вселенскому бытию: её жертва собой и есть её подлинное бытие, к которому она изначально призвана: бытие как дар и жертва: «Где я не получаю сдачи / Разменным бытом с бытия, / Но значу только то, что трачу, / А трачу все, что знаю я». Собственно, таково то «эзотерическое» знание законов бытия, которое получал посвященный в инициациях — священных мистериях древности, всегда основанных на универсальном «сюжете» прохождения через смерть и нового рождения в духе для вечной жизни.

Такое «эзотерическое» знание заново рождает и поэта как поэта — из певца земной сложности он становится певцом небесной простоты. Это и породило знаменитые строки: «Есть в опыте больших поэтов / Черты естественности той, / Что невозможно, их изведав, / Не кончить полной немотой». Разница межу суемудрием земным и мудростью простоты поэт сформулировал так: «Она всего нужнее людям, Но сложное понятней им».

Эта высшая простота ставится прежде всего основой самого бытия, прежде чем стать новым принципом поэзии: «Легко проснуться и прозреть, / Словесный сор из сердца вытрясть / И жить, не засоряясь впредь, / Все это не большая хитрость». А способность «проснуться и прозреть» становится уже повседневностью: «А то, удивившись на миг, / Спохватишься ты на концерте, / Насколько скромней нас самих / Вседневное наше бессмертье».

Исследователи указывали на «мотив родства с человечеством» как основу нового мировосприятия и новой поэтики «простоты», которая дана в этой книге [1]. Однако это мотив уже производен — он является уже результатом прохождения «инициации». «Существованья ткань сквозная» – это образ нового качества существования, поэтический аналог философской категории «всеединства», данные в образной конкретике повседневности.

Заключение. «Второе рождение» Б. Пастернака — это книга не только для эстетического восприятия, но и книга «духовных упражнений» (П. Адо), ведущих к трансформации души. Поэтика Б. Пастернака — переживание мира в модусе его «остранения» (В. Шкловский) — здесь уже не является лишь эстетической самоцелью, но подчинена высшей цели трансформации внутреннего мира самого читателя, раскрытию невидимых очей его души.

Список литературы

1. Бурков, И.А. Мотив «Родства с человечеством» в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Второе рождение») / И.А. Бурков // Вестн. Ом. ун-та. — 2012. — № 3. — С. 174-179.
2. Вигилянская, А. Второе рождение. Об одном философском источнике творчества Бориса Пастернака / А. Вигилянская // Вопросы литературы. — 2007. — № 6. — С. 131-146.
3. Раевская-Хьюз, О. О самоубийстве Маяковского в «Охранной грамоте» Пастернака / О. Раевская-Хьюз // Boris Pasternak and His Times. Berekley Slavic Specialties, 1989. С. 141-152.

УДК 821.161.1:004.89

АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИЛЯ ПУШКИНА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дяченко С. А.
ГБУ ОО ЗО «Средняя общеобразовательная школа № 24
им. участника СВО Твердого И. В.», г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
svetlanad8800@mail.ru

Введение. Алгоритмический анализ литературного стиля становится важным инструментом цифровой филологии, открывающим новые подходы к исследованию художественного языка классиков. Применение методов искусственного интеллекта и обработки естественного языка к текстам Александра Сергеевича Пушкина позволяет выявлять скрытые закономерности, недоступные традиционным филологическим методам. Однако специфика пушкинского языка и богатство его художественных средств ставят перед искусственным интеллектом ряд методологических и интерпретационных ограничений.

Цель исследования заключается в выявлении возможностей и ограничений алгоритмического анализа при изучении стиля Пушкина, а также в определении перспектив интеграции цифровых методов с традиционной филологической интерпретацией.

Основная часть. Алгоритмический анализ стиля Пушкина представляет собой перспективное направление цифровой филологии, соединяющее искусственный интеллект и традиционное литературоведение. Методы машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) позволяют изучать художественный текст на новом уровне детализации, однако специфика пушкинского языка порождает ряд методологических трудностей [2].

Традиционная стилометрия, основанная на частотном анализе лексики и синтаксиса, выявляет характерные черты авторского почерка: лексический фонд, устойчивые обороты, ритмику [1]. Современные методы, включая векторные модели слов и трансформеры (например, BERT), обеспечивают глубокий семантический анализ, выявляя скрытые тематические связи и расширяя возможности интерпретации произведений.

Несмотря на очевидные преимущества, алгоритмический подход имеет и свои ограничения. Одной из главных проблем является сложность учета контекстуальных и культурных аспектов, которые не всегда поддаются формализации. Художественный текст Пушкина насыщен аллюзиями, архаизмами, поэтическими интонациями и стилистическими нюансами, которые сложно достоверно воспроизвести или распознать при

помощи автоматизированных систем. Часто алгоритмы работают с поверхностными лингвистическими признаками, что ведет к потере глубинного смысла и эмоциональной окраски, столь важной для понимания произведений [1]. Кроме того, исторические изменения в языке и специфические черты русской классики требуют адаптации моделей и предварительной подготовки массива текстов.

Для наглядного представления ключевых трудностей, с которыми сталкивается искусственный интеллект при анализе стиля Пушкина, на рисунке 1 представлено основные ограничения алгоритмического подхода.

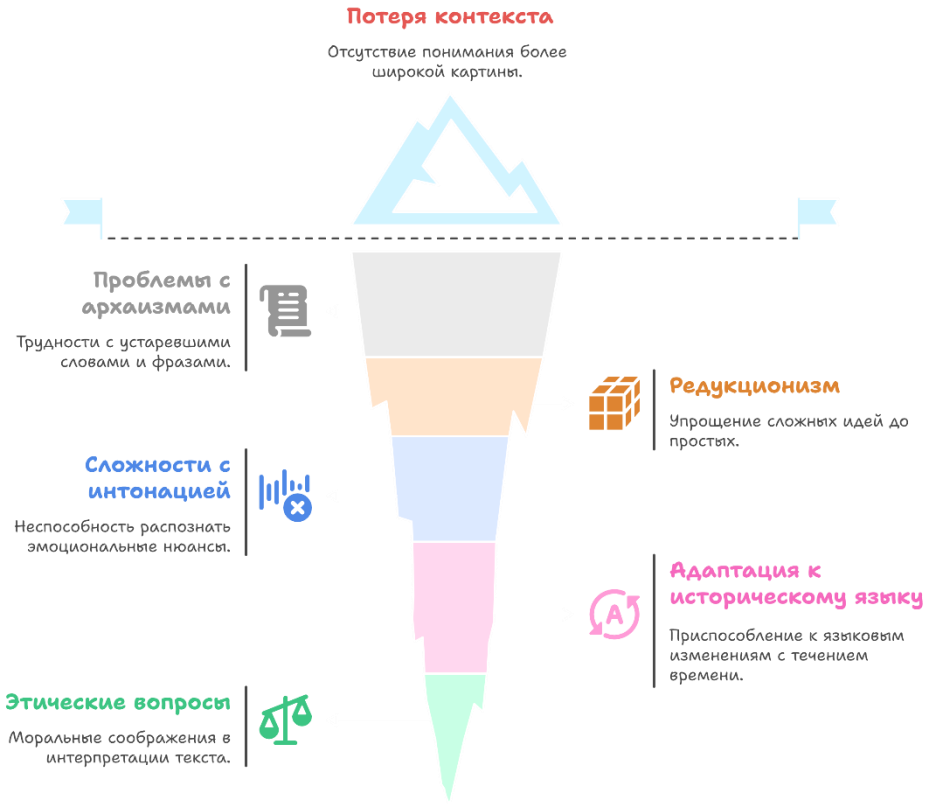

Рис. 1. Основные ограничений ИИ-анализа художественных текстов

Инфографика демонстрирует, что ключевым вызовом остаётся отражение контекста и культурных особенностей, не сводимых к формализованным данным. Дополнительные трудности связаны с обработкой архаизмов, стилистических оттенков и эмоциональной выразительности текста [2]. Опасность редукционизма, упрощающего литературное богатство до числовых параметров, подчёркивает необходимость сочетания цифровых и классических филологических методов.

Другим важным аспектом является риск редукционизма, когда богатство художественного высказывания сводится к набору статистических показателей, что может исказить восприятие авторского замысла. Алгоритмический анализ зачастую не учитывает интенции автора и полифоничность текста, присущую произведениям Пушкина. В этом

контексте, сочетание цифровых методов с традиционным филологическим подходом представляется наиболее продуктивным, позволяя получить комплексное понимание стиля. Такой интегративный подход способствует не только количественному измерению, но и качественной интерпретации литературных феноменов.

В перспективе развитие технологий искусственного интеллекта, включая мультимодальные модели и глубокое обучение, может существенно расширить возможности алгоритмического анализа. Интеграция текстовых данных с историко-культурным контекстом, использование средств обработки метрик и ритмики, а также внедрение инструментов визуализации позволяют создавать более точные и содержательные модели стиля Пушкина. Эти достижения открывают новые горизонты для исследований и образовательных проектов, способствуя популяризации классической литературы и развитию цифровой гуманитаристики.

Заключение. Таким образом, алгоритмический анализ стиля Пушкина представляет собой перспективное, но требующее осторожного и взвешенного подхода направление, сочетающее возможности искусственного интеллекта с богатством литературного наследия. Необходимость сохранения баланса между техническими инструментами и гуманитарным знанием остается ключевой задачей для исследователей, стремящихся раскрыть глубины творчества великого русского поэта в эпоху цифровых технологий.

Список литературы

1. Костенко Д. А., Решетова И. С. Потенциал компьютерных программ в стилистическом и переводческом анализе текста: практические аспекты применения // Вестник науки. 2025. № 6 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-kompyuternyh-programm-v-stilisticheskom-i-perevodcheskom-analize-teksta-prakticheskie-aspekty-primeneniya (дата обращения: 18.08.2025).
2. Полицына Е. В., Полицын С. А., Поречный А. С. Алгоритмы автоматизации анализа текста на русском языке для решения прикладных задач с применением фреймворка TAWT // Программные продукты и системы. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-avtomatizatsii-analiza-teksta-na-russkom-yazyke-dlya-resheniya-prikladnyh-zadach-s-primeneniem-freymvorka-tawt (дата обращения: 19.08.2025).

УДК 821.161.1.09 “18”

СИНЕРГИЯ ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЗДНЕГО Л. Н. ТОЛСТОГО

Жаравина Л. В., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0008- 5373-4012
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ.
zharavinal@mail.ru

Казалось бы, такие произведения позднего Л. Н. Толстого, как «Алеша Горшок», «Корней Васильев», «Ягоды», «Бедные люди», «Что я видел во сне», «Сила детства» и др., априори не предполагают изощренность исследовательской стратегии. Подхватившие идейно-тематическую линию «Народных рассказов» (1888), они незатейливы и непритязательны. Принцип простоты, возведенный писателем на уровень методологической максимы («Большинство жизненных задач решаются как алгебраические уравнения: приведением их к самому простому виду» ([4, с. 105]) нашел здесь полновесную и адекватную реализацию. И тем не менее А. Блок сказал о рассказе «Алеша Горшок»: «Гениальнейшее, что читал <…>» [1, с. 87].

Ранее, опираясь на богословское учение об *анагогии*, т. е. о различных степенях духовного восхождения, мы предложили анализ отмеченного поэтом произведения, в котором акцентировали политональность и распахнутость художественной интенции [2, с. 200-207]. На сей раз обратимся к рассказу «Ягоды» (1905), который, на наш взгляд, обладает не менее широкой религиозно-философской интенциональностью.

Сюжетно-образное наполнение повествования элементарно. В жаркий июньский день на «великолепной» даче Николая Семёныча, «чисто русского человека, православного, с оттенком славянофильства», ведется бесплодный спор о судьбах России, в котором, помимо хозяина, участвуют столичный гость — «известный либеральный деятель», студент — «отчаянный социал-демократ, революционер» [4, с. 451]. Матери семейства, озабоченной нездоровьем маленького Гоги, семейному доктору и старшему сыну, гимназисту Вале, не до дискуссий.

В это время в соседней деревне происходит множество событий: вернувшийся с ночного двенадцатилетний Тараска, выпив кружку молока с ломтем хлеба, отправился вместе с сестрами в лес за ягодами; из кусов выпрыгнул заяц и испугал сестру Грушку; потерялся маленький Мишка; сестра Ольгушка нашла его спящим в тенечке; собранные ягоды дети понесли помещику; хозяйка отказалась их брать, а хозяйский сын Валя купил. По сути — это все. Видимо. В силу элементарности некоторые методисты рекомендуют рассказ «Ягоды» для детского чтения.

Анализируя данный текст, легче всего прибегнуть к стандартным формулировкам о непреодолимом противоречии между двумя мирами, господским и крестьянским. Праздность и бессмысленная суета — с одной стороны, заботы и труд — с другой.

Однако сам автор разрешил ситуацию по-иному: в свете взаимодействия *божеского* и *человеческого.* Божеское / человеческое у Л. Н. Толстого — это однонаправленные (несовпадающие, но не противоречивые) векторально фиксированные обозначения одной экзистенции. Из единого смысложизненного узла по каналам-раструбам в реальность излучаются два энергетических потока. Узел разветвления, по конфигурации напоминающий седло, — это место *со*-действия, *со*-работничества, *со*-участия Божественной благодати и свободной воли человека, т. е. пространство *синергии*. Без этого понятия, берущего начало в средневековом богословии, не может обойтись христианская сотериология и в наши дни «Чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это — любовь», — считал писатель [4, с. 483]. Подобного рода сентенциями насыщен «Круг чтения», в который был включен рассказ «Ягоды», как и некоторые другие из вышеназванных произведений.

Казалось бы, воссоздана ничем не примечательная повседневность; но при этом — всё налажено и гармонизировано. Собранную крестьянскими детьми землянику купил сын-гимназист за 20 копеек; двугривенный отдали матери на хозяйственные нужды; Тараска после бессонной ночи выспался в тени густого дуба, а девочки, ждавшие «всего самого чудесного от таинственного и непонятного для них мира людей-господ», получили истинное эстетическое удовольствие от лицезрения в барском саду большого зеркального шара, «в котором виднелись какие-то маленькие дома, леса, сады» [4, с. 459].

Нормализовалась обстановка и в господском доме. Просмотрев свежую газету, Николай Семеныч убедился в своей правоте; мать успокоилась, потому что «Гога сходил хорошо». «Доктор был доволен тем, что предложенные им средства принесли пользу. Валя был доволен тем, что съел целую тарелку земляники» [4, с. 459]. Горничная давно «считала себя счастливой, что ее не преследовали более своей похотью господа и платили исправно жалованье» [4, с. 454] и т. д.

Разумеется, достигнутый уровень всеобщего довольства, воспроизведенный в тексте, не вполне соответствовал реальной социальной практике. И тем не менее ничего сверхъестественного не произошло. Воцарилась гармония, предполагающая меру, принцип «золотой середины» и отказ от крайностей.

У Л. Н. Толстого — в «классическом» изводе: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» — прозрение (*метанойя*) чаще всего наступает на переломе, «у последней черты», но в рассказе «Ягоды» ни о каких-либо

эмоционально-ментальных взрывах речь не идет. Синергия любви родилась из общего благорасположения и благодушия всех действующих лиц — независимо от социальных, возрастных, гендерных и иных различий. Все довольствуются малым, но это *малое* становится вместилищем «сокровищ неоскудевающих».

В.В. Розанов писал: «Победа Платона Каратаева еще гораздо значительнее, чем ее оценили: это в самом деле победа Максима Максимовича над Печориным <…> Могло бы и не случиться… Но Толстой всю жизнь положил за “Максима Максимовича” (Ник. Ростов, артиллерист Тушин, Пл. Каратаев, философия Пьера Безухова, — перешедшая в философию самого Толстого)» [3, с. 36]. И это так: характерологическая парадигма русской классики не исчерпывается галереей критически настроенных высокоумных интеллектуалов. «Смиренному» Ивану Петровичу Белкину, персонажам «белкинского» цикла, отцу и сыну Гриневым, семейству Мироновых и пр., как и перечисленным Розановым толстовским героям, неведомы тяготы «разорванного сознания», «игра мечты, болезнь ума», тем более муки совести. Они не впадают в отчаяние от несовершенства мира сего и не впадают во власть саморазрушительной рефлексии. Поэтому в этом случае целесообразно руководствоваться принципом знаменитой «бритвы Оккама», т. е. рекомендацией не множить сущности без надобности и обходиться минимумом ясных и простых решений.

Включая рассуждения Л. Н. Толстого в традицию русской религиозной философии от Вл. Соловьева до Б.П. Вышеславцева, мы рискуем растворить их специфику в неограниченном понятийно-терминологическим контексте: смысл любви, природа любви, этика любви, метафизика любви, любовь-филиа, любовь-агапэ и пр. Но у Толстого именно *синергия любви* — внутренняя, чаще всего неосознаваемая душевная чуткость к проявления земной и небесной благодати.

Важно, что связующим звеном, соединившим *божеское* и *человеческое*, явились именно дети, живущие заботами не более чем *сего* дня. Благодаря двенадцатилетнему Вале, преступившему запрет и купившему ягоды, крестьянские дети не покинули барский двор с пустыми руками. Сами они наслаждались ощущением чуда без малейшего чувства зависти к ровеснику-барчуку, «в простоте сердца» (Еф.: гл. 6, ст. 5) и «богоугодной искренности» (2 Кор.: гл. 1, ст. 12). Да и сам шар, будучи простым элементом дачного декора, показал «маленькие» земные реалии (дома, леса, сады) в игре света и сверкающей непостижимости.

«В неприметности постоянно одного и того же простота таит свое благословение», — писал М. Хайдеггер [5, с. 39].

Список литературы

1. Блок, А.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7 / А.А. Блок. — Москва — Ленинград: Госиздат, 1963. — 544 с.

2. Жаравина, Л.В. «Как слово наше отзовется»: метасмыслы русской литературы: сборник статей / Л.В. Жаравина. — Москва : Флинта, 2021. — 240 с. ISBN: 978-5-9765-4506-9.
3. Розанов, В. В. Собрание сочинений [Т. 30] : Листва / В.В. Розанов. — Москва : Республика; Санкт-Петербург : Росток, 2010. — 589 с. ISBN: 978-5-94668-072-1.
4. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 41. / Л. Н. Толстой. — Москва: ГИХЛ, 1957. — 596 с.
5. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — Москва: Гнозис, 1993. — 464 с. ISBN: 5-7333-0485-5.

УДК 821.161.1

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ (КОНЬ) В ЛИРИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА

***Иванов К. Г.*[1], *Шаравин А. В.*[2]**, д-р филол. наук, проф.
[1]независимый исследователь, г. Брянск, РФ
[2]ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
ivanovkirill2010@yandex.ru

Введение. Роль коня в жизни казачества невозможно недооценить. Ученые-этнографисты всегда упоминают о кентавре нашего времени — казаке. О неразрывной связи казака и коня говорят и многие казачьи пословицы: («Казак без коня, что воин без ружья»; «конь да ночь казаковы товарищи»; «без коня казак кругом сирота») и другие. В ряде немногочисленных работ исследователи обратились к анализу этого анималистического образа в лирике Туроверова. В диссертации А. Кротова проследила воплощение образа коня в произведениях казака-поэта. Исследователь выявила, что «образ коня генетически восходит к казачьей народной культуре, и, трансформируясь в авторском сознании, обогащается новыми чертами, приобретает символическое значение» [1, с. 110]. По мнению А. Кротовой, поэт-казак в стихотворениях «крымского» этапа отразил «и народную катастрофу, и личное горе» [1, с. 113]. Ключевым для этого периода является стихотворение «Крым» (1940), в котором образ коня обозначает «символ трагического расставания с родной землей, со всем дорогим сердцу миром, который безвозвратно утерян» [1, с. 113]. «Этот символ объединил в лирике Туроверова образ России и судьбу отдельно взятого человека, — отмечает А. Кротова. –Смерть коня метафорически означает и прекращение существования имперской России, и опустошенность души лирического героя, завороженно наблюдающего с корабля за «уходящим берегом Крыма», за крушением своей жизни» [1, с. 113]. Стихотворение «Крым» неоднократно становилось предметом

анализа литературоведов. Отмечалось, что «преданность коня своему хозяину» усиливает трагизм произведения («Уходили мы из Крыма / Среди дыма и огня, / Я с кормы все время мимо / В своего стрелял коня. / А он плыл, изнемогая, / За высокою кормой, / Все не веря, все не зная, / Что прощается со мной. / Сколько раз одной могилы / Ожидали мы в бою. / Конь все плыл, теряя силы, / Веря в преданность мою. / Мой денщик стрелял не мимо, / Покраснела чуть вода... / Уходящий берег Крыма / Я запомнил навсегда») [1, с. 112], [2, с. 119]. Исследователи отмечают «важную психологическую деталь»: казак все время не попадает в коня, так как «стреляет в друга», «не хочет убивать его» [3, с. 749 — 750], [1, с. 110].

Основная часть. Стихотворению Туроверова «Конь» (1944) предшествует эпиграф, в котором казакнаставляет сына («Конь казаку всего дороже / И ты, мой сын, им дорожи. А.В. Туроверов (1954)»). Это цитата из песенного текста «Конь боевой с походным вьюком» А.В. Туроверова, одного из предков донского Бояна. Стихотворение Н. Туроверова построено как развитие семейно-родовой традиции. Необычное поведение коня тревожит казака, он обращается к «верному другу», пытаясь понять причину этих изменений [2, с. 169, 170]. Донец боится, что его верный боевой товарищ предсказывает ему смерть, то есть, в его представлении, прощается с хозяином, обреченным на гибель. Но драматическая модальность стихотворения меняется на комическую. В конце произведения конь по сказочным законам начинает разговаривать с донцом. Только теперь не казак обращается к коню, а конь разговаривает с ним. Верный друг обвиняет донца в нарушении казачьей этики [2, с. 170]. Итогом неправильного поведения героя-«станишника» становится разрушение внутренней связи и дружбы с конем: он перестает заботиться о своем верном друге. Однако главная причина беспокойства коня — утрата донцом-хозяином героического ореола. Он превращается в комическую фигуру: «И смеется вся станица над тобой и надо мной» [2, с. 170]. Обеспокоенность коня связана с изменением героического ореола казачества на окарикатуренный образ смехотворного забулдыги и распутника. Конь в стихотворении обретает голос внезапно от сильных эмоций, испытанных им из-за неправильного поведения хозяина: верным другом, боевым товарищем овладело возмущение из-за нарушения казаком-хозяином обычаев Войска Донского. У животного, испытавшего негативные чувства к «станишнику», что называется, голос прорезался. Конь оказывается наставником донца. Анималистический образ является носителем лучших черт «казачества» в большей степени, чем «станишник». За видимым шуточным воплощением темы проступают и трагические ноты. Туроверов фиксирует утрату некоторой частью казачества древних традиций. XIX и XX века для Туроверова — это эпоха, знаком, эмблемой которой стал «казаче-конный силуэт» («Конечно, были неудачи. / Полвек не в счет. Полвека нет. / И надо всем еще маячит / Казаче-конный силуэт») [2, с. 278]. В рассказе Туроверова

«Казачий сказ о Суворове» казак-рассказчик, конь которого был убит в битве, называет его добрым товарищем: «Перекрестился я, попрощался с добрым товарищем мертвым конем» [2, с. 343].

В стихотворении «Чистилище» (1968) конь остается неразлучным спутником лирического героя и в бою, и в раю. В стихотворении конь оказывается в ином мире в «лошадином бреду» [2, с. 279]. Это состояние животного определяется тем, что он оказался за гранью жизни в одиночестве, без хозяина. Две детали стихотворения обозначают ритуал прощания с конем («закрою глаза я коню») и память о нем, не подверженную забвению (символика цветов незабудки: «Возляжет среди незабудок»). Последние строки восстанавливают разрушенное смертью единство коня и казака, их души пускаются в веселую скачку-игру-соперничество. Радостный ответ коня хозяину «Догонишь меня? / Обгоню!») — прощение невольного греха, совершенного донцом в другое время и в другом месте. Туроверовский мотив убийства коня, плывущего за кораблем изгнанников, открыл новый вариант воплощения анималистического сюжета для казачьих поэтов.

До стихотворения «Крым» Туроверова другой казацкий поэт П. Поляков неоднократно описывал брошенных на берегу моря донцами коней. В стихотворении «Мне-ль тоскливой лирой ряд великих теней» он воссоздает образ тоски, приобретающей вселенский размах и сопровождающей лирического героя в воспоминаниях. И главной причиной казацкого варианта романтического мотива «мировой хандры» стало предательство «боевых друзей» — коней («Мне-ль, веленьем Божьим, суждено отныне, / Поминать с тоскою о минувших днях? / О сердцах, подобных выжженной пустыне, / О глядевших в море брошенных конях? / Отступали горы .. колыхалось море .. / И туман окутал тысячи коней, / А глаза искали в неизбывном горе / И не находили боевых друзей..»; «У моей Маруськи — грива золотая / Правая передняя у нее — в чулке.. / Бились волны,бились.. пала мгла седая, / Брошенные ржали кони на песке..») [4, с. 15, 86]. И только в сборнике «Пришел, увидел, прощай» (1972), уже после опубликования стихотворения «Крым» (1940) Туроверова, Поляков воспроизвел ситуацию убийства казаком своего коня, поплывшего за кораблем, увозившим хозяином. Это событие стало проклятием для донца, лирическому герою осталась жизнь без радости («И в степном опалившись пожаре, / Все отдавши лихому огню, / Свинтаря заржавевшего вдарил / По заплывшему в море коню. / За тобой он поплыл ... дальше что же? / Ах, пустые считая года, / Жизнь свою ты без радости прожил / Вспоминая тот выстрел тогда») [5, с. 86 — 87]. Казак проклинает свой последний выстрел, которой и определил оставшуюся часть его жизни как «темную» и «осеннюю» с дождями-слезами («Часто, часто ты мазал стреляя. / Только в этот, последний-то раз, / Угодила та пуля лихая / В лошадиный испуганный

глаз ... / Зачалися осенние грозы, / Капли мутные в темном окне / Будто давние горькие слезы / По убитом под Сочи коне») [5, с. 87].

Заключение. Жанры стихотворений «Крым» и «Осень» Н. Туроверова и П. Полякова могут быть определены как реквием, посвященный памяти погибших четвероногих друзей. Для казаков кони всегда входили в боевое донское братство, наряду с людьми. Их гибель определила особое мироощущение степных защитников, заставив острее почувствовать разрушение страны, уничтожение станичного уклада и казачества.

Список литературы

1. Кротова, А.А. Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Туроверова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. / А.А. Кротова. — Москва, 2019. — 214 с.
2. Туроверов, Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву…»: Полное собрание сочинений. / Н.Н. Туроверов — Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. — 464 с.
3. Королева, Н.В. Николай Туроверов / Н.В. Королева / Русская литература 1920 — 1930-х годов. Портреты поэтов. В 2 томах. Том 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — С. 748–763.
4. Поляков, П.С. Лирика. Избранное. / П.С. Поляков — Мюнхен: Издательство Верховного Казачьего Представительства за Рубежем, 1958. — 217 с.
5. Поляков, П.С. Пришел, увидел, прощай / П.С. Поляков — Мюнхен: Herausgeber: I. Basdikirzew Verlag. 8 München 50, Peter-Müller-Str. 43, 1972. — 115 с.

УДК 80

АМБИУТОПИЗМ ТВОРЧЕСТВА КИРА БУЛЫЧЕВА

Ильина С. А., канд. филол. наук, доц.,
Стрыгина П. А., ORCID 0009-0006-1124-9882,
Сусаков Н. Ю., ORCID 0009-0001-1810-8410
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, РФ
rusfilol37@mail.ru, black.sterh@mail.ru, nikitasusakov55@gmail.com

Изменение художественной парадигмы, появление новых направлений в отечественной литературе определяет специфику литературного процесса на всех этапах его развития. Этот факт отражается на структуре типологии жанров, их контоминации, на содержательном и формальном уровнях, давая посылы развитию художественных образов и, что существенно, эволюции в сфере специфики художественного времени и пространства, поскольку «каждой эпохе соответствует свой хронотоп» [1].

Базовыми терминами в настоящем исследовании являются утопия, антиутопия, амбиутопизм. Утопия заключает воплощение идеального состояния общества, описание далёкого будущего, конфликт моделируемого грядущего и реального настоящего, воссоздание вымышленной социальной системы, связанные принципами всеохватности и воплощения авторского идеала/антиидеала, что реализуется в творчестве К. Булычёва в формате статичности сюжета, жанра путешествия, лаконичного стиля философского трактата. Закономерно, что антиутопия, представляя собой логическое продолжение утопии, отличается сюжетной динамикой, демонстрацией взаимосвязи антиутопии с её пространственно-временным континуумом: «пространство представляет собой базовую категорию человеческой когнитивной деятельности и играет центральную роль в формировании индивидуально-авторской концептосферы» [2], актуализирует технологии управления обществом на базе операций с историческим временем и ментальными образами разных временных пластов, трансгуманизмом, включением тактики социальной инженерии. Под амбиутопизмом мы понимаем противоречивое сочетание утопии и антиутопии, подразумевающее сосуществование позитивного и негативного и амбивалентное отношение к утопическим концепциям.

Вторая половина двадцатого столетия стала временем, когда научная фантастика превратилась в мощный инструмент социального прогнозирования. Фантасты через призму вымысла и иронии в своих произведениях показывали людям возможное будущее, обходя жестокий ценз. [3, с. 12; 4, с. 18] Некоторые прогнозы оказывались чересчур нереальными, но многие очень точно изобразили жизнь будущего. В этом интеллектуальном пространстве наследие Кира Булычева занимает особенное положение. Созданные им мир — это не просто один из многих вариантов утопии, а новый сложный организм идеалистических конструкций и их последовательного логического анализа. Можно сказать, что Булычев использует утопию как лабораторию, где проверяется устойчивость любых, даже самых совершенных социальных моделей при столкновении с человеческой индивидуальностью. [3, с. 11]

Образ будущего у Кира Булычева неоднозначен. С одной стороны – технологический и социальный прогресс, с другой — сохранение ряда вечных человеческих и общественных проблем. Прогресс проявляется в огромном количестве новых изобретений, таких как летающие машины, роботы-домработники, машины, способные оживать мертвых, космолеты со сверхзвуковой скоростью, преодолевающие далекие расстояния за секунды. Немаловажными изобретениями науки книг писателя является миелофон — прибор, помогающий слышать мысли разумных существ, или телевизор, способный адаптироваться к уровню зрения взрослого или ребенка. Но стоит заметить, что новейшие технологии — это только фон, на котором разворачиваются главные формирования совершенно иного общества,

требующего принципиально иных профессий. Для обслуживания этого усложнившегося мира требуются специалисты, чьи занятия ещё недавно казались чистой выдумкой. Некоторые специальности, описанные в цикле книг «Девочка с Земли», не существуют в нашем реальном мире: космобиолог посвящает себя изучению животных, привезённых с других планет; ксеноархеолог ищет и анализирует следы исчезнувших внеземных цивилизаций; реставратор-хронолог использует машину времени для точного воссоздания утраченных памятников культуры.

В творчестве Булычева наиболее ярко представляются примеры, где идеальный мир существует в постоянной борьбе за право быть таковым. Безусловно, человечество предполагаемого будущего победило нищету — теперь государство готово оказать любую помощь человеку. Продукты, одежда и технологии стали общедоступными ресурсами. Вещи перестают быть объектом накопления, превращаясь в доступные ресурсы, которые можно свободно взять без какого-либо залога. Мир будущего не знает войн — отныне они остались только в учебно-исторических книгах, а булычевские люди добились единой общины, сохраняющей свою многогранность различных культур и народов.

Однако Булычёв избегает создания упрощенной идиллии. Его утопия постоянно проверяется на прочность — будь то внешние угрозы, такие как бюрократическая рутина или проявления человеческого эгоизма. Именно в этом напряжении между идеалом и его практическим воплощением рождается твердый образ будущего, где социальный прогресс измеряется не только технологическими достижениями, но и нравственной зрелостью человечества. Если люди Булычева и добились огромных достижений в разных сферах науки, смогли реализовать единое общество, работающее слаженно и практично, то морально эти люди еще не пришли к единению, все равно остаются лиходеи, цепляющиеся за легкую наживу, а одни хотят господствовать над другими за счет своих человеческих чувств. Фантаст берёт улучшенную модель реального мира и добавляет существующие человеческие факторы. [4, с. 5]

Исходя из этого, образцовый мир Булычева рушится под натиском личной выгоды людей. Появляются космические пираты, показывающие, что будущее не избавилось от криминала, а лишь перенесло его в космос. Существуют планеты, намного отстающие по развитию от современной Земли книг фантаста. Населяющие их люди все еще хотят власти и ужесточенной диктатуры. Злодеи не сидят на месте и пытаются всяческими способами влезть в мирный уклад жителей Земли.

Казалось бы, Булычев выстраивает идеально отлаженный механизм будущего — общество, где торжествуют разум, справедливость и научный прогресс. Однако при ближайшем рассмотрении эта безупречность начинает ломаться под натиском человеческих чувств. Фантаст предлагает нам незаконченное представление нового мира, где дальнейшее находится

в состоянии перманентного становления. Созданная автором модель предлагает нам рассматривать ее как «реалистичную утопию», где социальный идеал существует в постоянном напряжении с неидеальной реальностью. Его вселенная жива именно своей внутренней противоречивостью: провозглашенные идеалы постоянно вступают в мучительный конфликт с неизменной сущностью человека. Как видим, специфика произведений Кира Булычёва отмечена амбиутопизмом — амбивалентной интеграцией утопии и антиутопии, противоречивым и двойственным отношением к будущему.

Список литературы

1. Глазкова, М.М. Особенности художественного времени в романах М.А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» / М.М. Глазкова, Я.В. Иконникова // Филология: научные исследования. — 2024. — № 9. — С. 67-83. — DOI 10.7256/2454-0749.2024.9.71684. — EDN CWQLQM.
2. Глазкова, М. М. Доминантные пространственные образы «дом» и «дорога» в повести А. Жида «Имморалист» / М.М. Глазкова, С.А. Ильина // Филология: научные исследования. — 2025. — № 8. — С. 93-112. — DOI 10.7256/2454-0749.2025.8.75563. — EDN VGPSKF.
3. Чернышева, Т.А. Природа фантастики. / Т.А. Чернышева. — Иркутск, 1985.
4. Фрумкин К «Философия и психология фантастики». / Константин Фрумкин. — Москва, 2004.

УДК 821.161-311.6+821.161.1-24

«ЕСТЕСТВО» И «ОБЩЕЖИТИЕ» В ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А. С. ПУШКИНА И ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ПУГАЧЕВ» С. А. ЕСЕНИНА

Квашина Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-8723-1479,
Остахова П. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.kvashina@donnu.ru, ostakhova_polina@mail.ru

Введение. «Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки», — так Сергей Есенин ответил на вопрос о восприятии великого поэта в анкете к Пушкинскому юбилею 1924 года [6, с. 170]. Сформулированный вывод — это не просто широкое обобщение, но и глубоко личное высказывание, основанное на опыте творческого постижения наследия великого поэта, что наглядно проявилось в драматической поэме «Пугачев».

Цель. Особенности «пушкинского феномена» в творческой судьбе Сергея Есенина исследователи определяют по-разному: как «сознательное ученичество», как «развитие традиций» и даже как «полемический диалог», «диалог-соперничество» [1, 2, 4, 9, 11]. С.Н. Пяткин, к примеру, считает, что Есенин во многом переосмыслил такие важнейшие понятия, как свобода, судьба, бунт, что указывает, по мнению исследователя, на их различия к художественному воплощению исторических событий [См. 9].

Сравним два великих произведения русской литературы: драматическую поэму «Пугачев» С. А. Есенина и повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. В качестве проблемной основы для сопоставления мы выбрали соотношение природы и цивилизации, поскольку это затрагивает важнейшие представления о мире, ценностях, морали, законах истории и смысле человеческой жизни. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль дает следующие определения этих понятий: «Природа — это естество, все вещественное, вселенная, все мирозданье, все зримое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля, со всем созданным на ней»; «Цивилизация — это общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина» [5]. Такое наполнение этих понятий мы принимаем за основу.

Основная часть. Известно, что перед началом работы над поэмой Есенин внимательно изучал «Капитанскую дочку», «Историю Пугачева» и другие пушкинские материалы. Ощущая глубокую связь с творчеством Пушкина, он в то же время, что в свое время отметил С. М. Городецкий, «ставит себе задачу, которая со времени Пушкина не была разрешена, — он берет темой звериный бунт Пугачева и пишет драматическую поэму, каких давно не знала русская литература» [Цит. по: 7, с. 468].

Стоит также заметить, что произведения принадлежат не только к разным жанрам, но и к разным литературным родам. «Капитанская дочка» — повествование, которое, синтезируя разные эпические жанры (роман, повесть, сказку, предание и др.), предстает как своего рода «семейная эпопея» [См. 3]. «Пугачев» — драматическая поэма. С. Есенин мечтал увидеть ее постановку на театральной сцене. Родовая природа во многом определяет специфику художественной выразительности этих произведений.

Первое появление героя — всегда знаковый момент для понимания характера персонажа. В повести А. С. Пушкина Пугачев появляется как романтический герой: ему сопутствует внезапно налетевший буран. На вопрос Гринева, «что там такое чернеется», ямщик отвечает: «Должно быть, или волк, или человек» [8, с. 14]. «Волк» и «человек» в данном контексте — понятия альтернативные: зверь или человеческое существо, угроза или спасение. В пушкинском Пугачеве эти полюса удивительным образом сочетаются, а фразу из сна Петруши «страшный мужик ласково кликал меня» можно считать своего рода «формулой» Пугачева («страшный» — «ласково»).

Пугачев в поэме Есенина воплощает стихийную силу народа. Он называет себя «степным дикарем» и рассказывает Караваеву о том, что умеет «слушать

бег ветра и твари шаг». Это сближает его с пушкинским Пугачевым. Его мир организует символическая связь человека и «естества», природного космоса. В поэме природа становится участником событий: образы ветра, огня усиливают драматизм и масштаб художественного действия, выражают разрушительную силу бунта. Буйствующая стихия находит воплощение и в построении произведения: отрывистая композиция создает ощущение дисгармонии. Река Чаган, «приют дикарей и оборванцев», служит связующим звеном между природным и человеческим миром, но в то же время это «место, которое отдаляет друг от друга, разделяет субъекты или объекты» [10, с. 336], сулит погибель.

Пушкин неоднократно использует прием природного параллелизма образов: Пугачев — лев, царь зверей, в контексте выразительной притчи об орле и вороне, которую он рассказывает Гриневу, он ассоциируется с «царем птиц», орлом.

Стоит обратить внимание на образ эстетически преобразованного пространства в «Капитанской дочке». Встреча Маши Мироновой с императрицей происходит в парке. Парк нельзя назвать первозданной природой, он принадлежит сфере культуры, «общежития», это созданная человеком и облагороженная среда. Для главной героини она становится зеркальным отражением эпизода встречи Петруши с Пугачевым во время снежного бурана.

В поэме С.А. Есенина «естество» и «общежитие» находятся в состоянии острого конфликта. «Естество» — это мир, где «мудрый наш мужик» «прилежно цедит молоко соломенное ржи» и в изобилии произрастают овес и огурцы, где «слышен прялки ровный разговор». «Общежитие», реальное существование, — мир, в котором «всех связали, всех вневолили». Крестьяне ощущают себя частью «естества», а тех, кто чужд и враждебен их миру, они воспринимают как грозный, уничтожающий бич.

Гибель Пугачева, разгром восстания — это трагический финал поэмы, который в то же время не означает поражение самой идеи свободы. Скорее, это трагическое столкновение мира «естества» и мира цивилизации, в котором цивилизация временно одерживает верх, но уничтожить стремление народа к свободе и справедливости она не может.

В повести А. С. Пушкина цивилизация наделяется не столь деструктивной энергией, как в поэме Есенина. Более того, в «Капитанской дочке» предпринимается попытка примирить представителей той и другой среды. Объединяющим звеном является мотив милосердия. Автор показывает, что у людей с разными представлениями о законности и справедливости есть глубокое общее основание — нравственные ценности. Герои оказываются в ситуации выбора между долгом перед государством и велением сердца. И понятию чести придается особое значение. Согласно Пушкину, примирение возможно, но его основой является не закон, а благодать. «Естество и «общежитие», таким образом, не взаимоисключают друг друга, они могут быть гармонизированы.

Есенинский Пугачев озабочен прежде всего судьбой народа. Петром III он нарекает себя только потому, что это имя может поднять народ. Он чувствует ответственность и как вождь крестьянского восстания предстает человеком чести. В контексте пушкинского произведения это очень показательный факт.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и драматическая поэма «Пугачев» С. А. Есенина сочетают в себе высокохудожественную выразительность и глубокую философичность. Это размышления о судьбе человека в эпоху перемен, о сложном и противоречивом взаимодействии «естества» и «общежития». Пушкин, не впадая в иллюзию, ищет основу для их гармонического равновесия. Есенин, достигая высокой эмоциональной выразительности, показывает, что конфликт ведет к трагическим последствиям. Есенин находится в постоянном диалоге с великим предшественником. В этом, как отмечали уже ранние критики, проявляется «широта дыхания, начало высокого эпоса» [9, с. 479] и проступает глубокая взаимосвязь духовно-эстетических миров великих русских писателей, свидетельство «национальной культурно-исторической преемственности» [1].

Список литературы

1. Воронова О.Е. Архетипы национального сознания в драматической поэме Есенина «Пугачев» / О.Е. Воронова // Современное есениноведение: науч.-метод. журнал — 2013. — № 25. — С. 63–72.
2. Воронова О.Е. Пушкин и Есенин как выразители русского национального самосознания / О.Е. Воронова // Пушкин и Есенин / Ю.Б. Прокушев; А.Н. Захаров. — Вып. V. — М.: Наследие, 2001. — С. 48–65.
3. Гиршман М.М. О жанре «Капитанской дочки» / М.М. Гиршман, Л.П. Стулишенко // Вопросы русской литературы. — Львов: Вища школа, 1982. — С. 90–96.
4. Гусева Н.И. Поэмы Есенина: творческая история, контекст и интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.И. Гусева. — М., 2001. — 46 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. — Режим доступа: https://slovardalja.net/word.php?wordid=33359
6. Есенин С.А. Отчее слово // Собр. соч.: в 3 т. / С.А. Есенин. — М.: Правда, 1970. — Т. 3. — С. 170–171.
7. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / С.А. Есенин. — Изд. 3-е. — М.: Голос, 2015. — Т. 3. — 720 с.
8. Пушкин А.С. Капитанская дочка. — Изд. 2-е, доп. — Л.: Наука, 1984. — 320 с. — (Литературные памятники).
9. Пяткин С.Н. Пушкин в художественном сознании Есенина: монография / С.Н. Пяткин. — Большое Болдино; Арзамас: АГПИ, 2010. — 377 с.
10. Старостина О.В. Слово-образ река в поэтических текстах С.А. Есенина / О.В. Старостина // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: сб. тр. науч.-практич. конф. — Казань: КФУ, 2016. — С. 335–337.
11. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст, интерпретация / Н.И. Шубникова-Гусева. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие. — 688 с.

УДК 821.161 -222″18″

«ВОЗВРАТ ЧАЦКОГО В МОСКВУ…» Е. П. РОСТОПЧИНОЙ: ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ

Квашина Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-8723-1479
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.kvashina-dongu@mail.ru

Введение. В XIX веке переделки и продолжения популярных произведений стали обычной литературной практикой. Авторами чаще всего были литераторы-дилетанты. Используя сюжеты, имена героев популярных книг, они создавали свои литературные поделки. В качестве примера назовем комедию «Настоящий ревизор» Д. Цицианова, поэму «Продолжение сказки для детей» (М.Ю. Лермонтова)» Юрия Волкова, роман А. Ващенко-Захарченко «Мертвые души: Окончание поэмы Н.В. Гоголя: Похождения Чичикова» и др. Невысокое качество произведений определило снисходительное отношение критики к продукции подобного рода. Из этого ряда по своему художественному уровню очевидно выпадает пьеса Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» (1856). Однако при жизни автора пьеса цензурой не была допущена к публикации и постановке, напечатана была почти через десять лет после ее создания, уже после смерти графини. При несомненной актуальности для своего времени, а также, как показывает опыт истории, и для нынешней эпохи, пьеса Ростопчиной фактически оказалась за бортом культурного процесса. В авторитетных современных изданиях она рассматривается чаще всего в «шеренге неудачных продолжений русской классики» [6].

Графиню Е. П. Ростопчину нельзя назвать литературным дилетантом. Ее поэтическая звезда взошла в 30-е годы. Самые взыскательные критики отмечали несомненный и самобытный талант молодой поэтессы. Ростопчина вошла в круг первых поэтов России, ее называли «одним из блестящих украшений общества», «русской Сафо», «преемницей Пушкина». С 40-х годов активно публиковались и пользовались популярностью ее прозаические произведения (романы, повести), на столичных сценах шли ее пьесы (в основном в жанре «легкой комедии»). Тем удивительнее, что оригинальный автор, не страдающий отсутствием «крепостных вымыслов», взялся за продолжение «чужого» текста, изначально как бы обрекая себя на вторичность. А ведь речь в данном случае идет не о творческой шутке или упражнении в стиле, а о полноценной пьесе (14 актов), цельном остросатирическом произведении, обращенном к самым актуальным нравственным и идеологическим проблемам современности. Почему же Ростопчина избрала форму продолжения знаменитой комедии? Почему созданию оригинального произведения она предпочла наследование известного текста? И наконец, так ли все печально с самим произведением?

Цель работы — раскрыть оригинальность и художественное своеобразие пьесы Ростопчиной, показать ее несомненную актуальность для современной культурной ситуации.

Основная часть. Комедия «Горе от ума», которая является претекстом пьесы Ростопчиной, относится к числу произведений с богатым шлейфом разного рода подражаний, обработок, продолжений. Стремясь акцентировать эту особенность и в целом значимость комедии Грибоедова, С.А. Колесникова приходит к такому категорическому заключению: «русская литература после «Горя от ума» может оцениваться как огромное, нескончаемое послесловие к нему» [2, с. 337]. Импульс процессу продолжений, как считают исследователи, задан был самим произведением. Действительно, комедия Грибоедова очень точно попала в контекст актуальных проблем времени, но кроме того, ее увлекательная и довольно запутанная интрига, а также выпадающий из традиции «размытый» финал (никто не женится, никого бесповоротно не изгоняют, и в итоге нет победителя, поэтому никто не имеет права торжествовать), крайне необычный для театра начала XIX века, — все эти особенности во многом стимулировали энтузиазм «продолжателей» и интерес аудитории к их продолжениям. К примеру, комедия М. Воскресенского с говорящим названием «Утро после бала Фамусова…» на сцене Малого театра с успехом шла в течение нескольких лет. Интересно также, что жанровый диапазон «продолжений» был очень широкий: повесть в письмах, роман, памфлет, сатира, водевиль и т. п. Ростопчина также предлагает свою версию судеб героев, но цель ее пьесы к задаче создания еще одного варианта финала комедии Грибоедова очевидно не сводится.

Сразу отметим, что название, подзаголовок («Продолжение комедии А. С. Грибоедова „Горе от ума“»), а также «Примечание от автора», — все эти паратекстуальные элементы пьесы Ростопчиной открыто устанавливают прямую преемственную связь с «Горе от ума». Совершенно очевидно, что автор является очень внимательным и уважительным читателем Грибоедова. «Горе от ума» задает также нормативные параметры сценического действия пьесы Ростопчиной: время (24 часа) и место (дом Фамусова). События выстраиваются по хорошо известной канве: нежданный приезд Чацкого после долгой отлучки в Москву — сразу же визит к Фамусову («Стряхнул дорожный свой сюртук — / И тотчас прямо к вам, — чтоб вас обнять!») — череда встреч и разговоров с «знакомыми лицами», в финале — конфликт Чацкого с обществом, стремление навсегда покинуть Москву. Впрочем, у Ростопчиной княгиня Цветкова, введенная ею новая героиня, своего рода камео автора, настойчиво уговаривает Чацкого остаться, обещая познакомить с другой Москвой.

Прямая ориентированность на грибоедовский текст дает основание А. М. Ранчину сделать, на первый взгляд, вполне логичное заключение о том, что «сюжетно «Возврат Чацкого в Москву» — скорее, не продолжение, но повторение» [3, с. 797]. Фактически же это означает, что пьеса Ростопчиной по-ученически привязана к грибоедовскому тексту. Но так ли это?

В пьесе, действительно, повторяются сюжетные ходы, ситуации, заново актуализируются концептуальные характеристики героев. Однако анализ показывает, что Ростопчина не дублирует, а скорее творчески варьирует оригинальный текст, исходя из собственных художественных задач. Причем, происходит это органично, как бы без прямого намерения автора. Это не повтор, а скорее перифраз. Ростопчина перифразирует ситуации, реплики и функции грибоедовских персонажей, что, с одной стороны, оживляет исходное значение, с другой, — обогащает новый текст.

Интертекстуальное поле пьесы гораздо шире ориентации на грибоедовский текст, оно включает также пушкинские аллюзии (неожиданное для драматического произведения жанровое определение «рассказ в стихах» фонетически и синтаксически рифмуется с пушкинским «роман в стихах», укажем также на перекличку модели любовной ситуации (встреча бывшего возлюбленного и мужа генерала); лермонтовские мотивы (тема духовного противостояния порочному обществу, эпиграф к пьесе: «A bas les masques!» («Долой маски!») вводит тему маскарада; отсылки к гоголевскому «Ревизору» (Элейкин «в жару импровизации хватается за спинку стула и ломает его», сюжетные переклички — любовная конкуренция матери и дочери) и др.

Нельзя не сказать о стихе. Ростопчина прекрасно вжилась в грибоедовский вольный ямб. Она признавалась, что иной раз сама не помнит, где стихи ее, а где Грибоедова. У нее легкое перо, нет ощущения «напряжения подражания». Язык пьесы живой, близкий к разговорному и одновременно афористичный: «Вошла... пленила... воссияла!», «Припомните: в истории всегда / Нововводителям беда!» [4]. Можно сказать, что творческий потенциал автора пьесы не вызывает сомнений. Перед нами произведение талантливого автора, имеющее, впрочем, жесткую идеологическую заряженность.

Заключение. В стихотворении Ф.И. Тютчева «Графине Е.П. Ростопчиной» есть стих, который очень точно определяет суть ее поэтического творчества: «То лирный звук, то женский вздох…» [5]. «Женский вздох» — это земное начало, субъективность оценок, которые в пьесе очевидно присутствуют. К середине 1850-х годов Ростопчина разочаровалась в идеях славянофилов и резко разошлась с западниками — ее критика обоих лагерей категорична и во многом несправедлива. «Лирный звук» — это высший глас, поэтическая интуиция, которой она безусловно обладала, что отмечали многие ее великие современники, признавая ее несомненный поэтический дар. В пьесе ощущается «чрезмерная горесть перед лицом попираемых истин», не случайно ее называют «романтиком эпохи романтических сумерек» [1, с. 337]. И время показало, что в общественных умонастроениях и спорах тех лет Ростопчина очень точно уловила предчувствие гражданской смуты.

Список литературы

1. Белецкий, А.И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. — Харьков, 1919 / А.И. Белецкий // РО ИРЛИ РАН. — Фонд PI. — Оп. 2. — Ед. хр. 44/1.

2. Колесникова, С.А. Пьеса после пьесы: «Горе от ума» А.С. Грибоедова как открытая драматическая структура / С.А. Колесникова. — [Электронный ресурс] Режим доступа: https://gitis.net/upload/iblock/bf2/ke6qyu48fszq360k1zih1pq8c3luceir/almanach_№4_2024_250_9%20статья_149-164.pdf
3. Ранчин, А.М. Комментарии. // Собрание сочинений: в 6 т. / Е.Д. Ростопчина. — Т. 4. — Кн. 2. / А.М. Ранчин, Д.А. Ковалева. — М.: Дмитрий Сечин, 2020.
4. Ростопчина, Е.Д. Собрание сочинений: в 6 т. / Е.Д. Ростопчина. — Т. 4. — Кн. 2. — М.: Дмитрий Сечин, 2020.
5. Тютчев, Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. — Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. / Ф.И. Тютчев. — М.: Изд. центр «Классика», 2003.
6. Фомичев С.А. Грибоедов. Энциклопедия / С.А. Фомичев. — СПб.: Нестор-История, 2007. — http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6102

УДК 821.161.1

ГЕРОИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В МЕМУАРАХ «НА ГРАНИ ВЕКОВ» П. ПРОСКУРИНА

Куприянова А. А.[1], ***Шаравин А. В.***[2], д-р филол. наук, проф.
[1] ГБОУ школа № 320, Приморский район, г. Санкт-Петербург, РФ
[2] ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
kuperalin@yandex.ru

Введение. Концепция героического восходит к глубинной традиции изображения эпического древнего мира, в дальнейшем эволюционирует, видоизменяясь. Как замечает С.Н. Зенкин, «“героическая парадигма” в советском литературоведении имела различные источники, аспекты и функции», которые «возникли из соединения ряда национальных и интернациональных, культурных и политических факторов» [1, с. 137]. Формулируя подход М. Бахтина к «героической парадигме», Зенкин акцентирует с позиции развития историко-литературного процесса: «Позиция Бахтина далека от каких-либо идеологических упрощений: в его построениях «героическая парадигма» диалектически снимается как необходимая фаза внутреннего становления литературного произведения, как выражение внутреннего импульса человеческой личности, который в дальнейшем заключается литературой в рамки эстетической формы» [1, с. 137]. Героическая тема традиционно связывалась в отечественном литературоведении с литературой о ратном подвиге русского народа.

Основная часть. П. Проскурин выводит концепцию героического за ситуационные рамки духовного состояния человека в батальных, военных событиях. Героическое получает воплощение с первых романов писателя [2, 3]. Этим и обусловлено отрицание писателем термина «военный роман»,

для него это лишь частное проявление героического: «Само понятие «военный роман» … ложно и неправомерно; армия всего лишь составная народа, война же — дело движения и напряжения сил всего народа сверху и донизу…» [4, с. 528]. Проскурин в своей концепции героического оперирует понятием «национальный дух народа» [4, с. 528]. Для него это народные поиски идеальной формы совмещения русской общинности, соборности, народного устремления к высокой правде с правительственными структурами, выражение «духовного состояния самого народа» в государственности. И величайшие «грандиозные эпопеи» «Война и мир» и «Тихий Дон» в этом плане определяют вектор национального народного духа на пути поиска Россией «социального идеала» [4, с. 528, 544]. Проскурин называет произведения Л. Толстого и М. Шолохова то романами, то эпопеями, очевидно, в такой непоследовательности отразилось жанровое представление писателя о взаимодействии этих двух модификаций, свое понимание романа он выразил в следующей формулировке: «… роман же есть отражение движения широких народных масс как бы изнутри самого себя» [4, с. 528]. Взаимодействие романно-эпопейной традиции проявилась у Проскурина в соединении в образе Захара Дерюгина черт эпического народного типа (вера в чудо, оптимизм, заступничество за народ, несправедливое отношение к нему властных структур) и романной любвеобильной витальности этого героя. Определяя содержание «Войны и мира» и «Тихого Дона», писатель видит в них грандиозные исторические изменения, сдвиги, ставящие перед народом новые запросы времени: «Разумеется, каждая война имеет свою специфику. Возьмем два романа — “Война и мир” и “Тихий Дон”. О чем они? Неужели только о войне? Перед нами две грандиозные эпопеи о духовном состоянии народа на определенный исторический период, их можно сравнить лишь с вулканическими толчками или даже землетрясениями огромной духовной силы на переходных этапах истории, определяющими развитие самого национального духа народа» [4, с. 528]. Понятие «национальный дух народа» выводит писателя к вопросу «о корнях истинно народных» [4, с. 528]. Для примера П. Проскурин выбирает «два романа — «Черные люди» Вс. Ник. Иванова и «Война за океан» Н. Задорнова — добротные, многослойные произведения о становлении русской государственности, о естественном движении самых широких народных масс на Восток» и «эпопеи А. Толстого “Петр I” и “Хождение по мукам” из другой эпохи о движении народных масс к своему новому качеству», которые убеждают писателя, «что во всех названных произведениях, как и во многих других (“Война и мир”, “Тихий Дон”), народ не только является в страдательном своем состоянии, но всегда характеризуется и является ярким героическим началом» [4, с. 528].

Культуролог Дж. Кэмпбелл определял героическое состояние героя мифов, древнего эпоса тем, что «герой является борцом за вещи

становящиеся, а не защитником вещей ставших, потому что он есть» [5, с. 239]. С этим положением Кэмбелла корреспондирует и утверждение Проскурина о проявлении нравственного героического начала народом в его убежденности в «правоте своего дела» и «поступательном движении» [4, с. 528-529]. Другими словами, писатель обозначил: народ как герой эпического состояния мира, независимо от эпох, находится в непрерывном становлении через поиск идеала народной правды и обретения идеальной формы общественного правления и духовного состояния. Проскурин приводит примеры «ярких героических личностей» из русской советской литературы: «князь Андрей, Иван Хабаров у Вс. Ник. Иванова, Невельской у Задорнова, Левинсон у Фадеева», относя к ним и «самые широкие безымянные массы народа» [4, с. 529]. Их «героическое начало», по писателя, проявляется в «осознании или внутреннем прозревании своего предназначения в грандиозных событиях» [4, с. 529].

Из этого тезиса Проскурин формулирует две аксиомы. Первая связана с проявлением героичности личности через борьбу: «И тем более характеризуется героическим началом советская литература, вернее, все та же русская литература, рождаемая в процессе на пути становления новой советской государственности, схваток не только прямо военных, но схваток во все более усложняющейся борьбе идей, борьбе, казалось бы, бескровной, но не менее трагичной и жестокой» [4, с. 529]. Для второй героическое — явленность глубинной исторической ментальности русского народа: «Героическое начало нашей современной русской литературы (советский период) уходит своими корнями к самым глубинным истокам истории русского народа, создавшего могучее, многонациональное государство совершенно нового социального звучания» [4, с. 529]. К концу XX века героическое начало, по мнению Проскурина, было утрачено русским народом. И во многом это было связано с ревизией идеи патриотизма советских людей. Зенкин считает, что «в послесталинский период, особенно начиная с 60-70-х годов, она стала встречать себе противодействие со стороны литературоведов, недовольных безраздельной властью героя в литературном тексте и стремившихся если не вовсе низвергнуть «героическую парадигму», то хотя бы ограничить ее влияние» [1, с. 137]. События начала 90-х годов XX века, приведшие к распаду СССР, обусловили изменение в восприятии и трактовке Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве и в литературе. И прежде всего изменению и деформации подверглась концепция героического.

Заключение. Стойкость и сила духа русского человека, его «заряженность» на подвиг в экстремальных ситуациях традиционно осмысливается в различных жизненных ситуациях мирной и военной жизни, но прежде всего через события прошедшей Великой Отечественной. И дискредитация «народной и священной» стала и дискредитацией русского героизма и патриотизма. Проскурин понимал, что без проявления мужества и любви к Родине была бы невозможна Победа над фашизмом.

Список литературы

1. Зенкин, С.Н. «Героическая парадигма» в советском литературоведении / С.Н. Зенкин // Лотмановский сборник 2. — М.: «О. Г. И.». Издательство РГГУ, 1997. — С. 124-139.
2. Старцева, И.Л., Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая / И.Л. Старцева, А.В. Шаравин, А.В. Антюхов, Е.А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2023. — № 1 (98). — С. 135-143
3. Старцева, И.Л., Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья вторая / И.Л. Старцева, А.В. Шаравин, А.В. Антюхов, Е.А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2023. — № 1 (98). — С. 144-150.
4. Проскурин, П. Порог любви. / П. Проскурин. — Орел: Картуш, 2023. — 560 с.
5. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой. / Дж. Кэмпбелл. — М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997. — 384 с

УДК 615.849

СИМБИОЗ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА АНТОХИ ВОЛКОВА — ГЕРОЯ РОМАНА-СКАЗКИ «ГИМНАЗИЯ № 13» А. ЖВАЛЕВСКОГО, Е. ПАСТЕРНАК

Лардыгина О. А., канд. филол. наук, ***Юдина Е. Д.***
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
ola_la789@mail.ru

Введение. Использование мифологии может помочь авторам создавать новые и оригинальные образы в произведении. Особым примером оригинальных способов и средств создания образов персонажей в романе-сказке «Гимназия №13» А. Жвалевского и Е. Пастернак служат герои-гимназисты, оказавшиеся в сказочном пространстве. Исследователь А.Н. Василькова заметила, что во время пребывания в сказочном пространстве все шесть школьников смогли найти в себе «языческого двойника» : Антоха, например, — Волхв (или волк), Люба — Берегиня (и богиня, и русалка; когда Перун потребует человеческой жертвы, Люба превратится в настоящую русалку с рыбьим хвостом, но, по законом жанра, останется в итоге человеком)[2, с. 96].

Элементами мифологической основы произведения становятся не только мифологические персонажи, играющие активную роль в сюжете, но более важной составляющей оказывается симбиоз образов современных школьников с образами языческих богов. Этот симбиоз и определил пути формирования образов главных героев, и средства их формирования.

Влияния «языческих двойников» в итоге останется в героях и после возвращения домой, и читатель понимает, что именно эти герои не просто так попали в сказочный переплет — они обладали необходимыми качествами и в досказочный период.

Цель работы — раскрыть, как мифологические элементы использовались авторами для создания сложного и многогранного образа Антохи Волкова, ставшего «языческим двойником» одного из ярких представителей славянской мифологии — Волха.

Основная часть. Образ Волха прежде всего ассоциируется с молодым воином. От отца досталась Волху ярость и могущество. Согласно славянскому мифу, когда на свет появился Волх содрогнулись все три мира — Правь, Навь и Явь.

Волх обладал поразительными способностями: мог понимать язык птиц и зверей, а также сам мог оборачиваться и принимать любой облик. Оборотничество бога Волха нашло отображение и в народных сказках: сказочный серый волк — ипостась Волха. С культом Волха связана духовная каста волхвов — жрецов, которые могли предсказывать будущее, а также оборачиваться любым зверем, понимать язык животных и птиц.

Один из главных героев "Гимназии №13" — Антон Волков, и уже фамилия мальчика говорит нам о его непростых качествах и двойственной природе образа. Волков, конечно же, от слова "волк", и авторы всячески подчеркивают в нем черты и повадки данного зверя с первых страниц романа-сказки: *«Антоха придирчиво осмотрел класс, словно вожак стаю», «Волк, мне чуть-чуть осталось, можно я допишу»* [3, с. 14]; «*он это нутром чует»* [3, с. 15]; «чтобы выплеснуть накопленную злость, пришлось с рычанием пробежать круг почета под восхищенное улюлюканье одноклассников» [3, с. 16]; *«рассвирепел»* [3, с. 21].

В досказочный период, т. е. до момента взрыва дуба, в образе Волкова подчеркивается не только звериная сущность, но и черты «воина» — особенно в эпизоде защиты Антоном друга Севки (*«. Он умел так посмотреть, чтобы у человека поджилки трястись начали»* [3, с. 15] и в эпизоде столкновения Антона с его старшим братом (*«Просто шел и зверел. В драке это главное. Не техника удара, даже не сила — а вот такое озверение»* [3, с. 15].

Звериные черты в сказочном пространстве станут более выраженными, особенно его «чуйка», волчья интуиция и повадки, неутомимость, агрессивность: *«Волков чувствовал, что дверь нужно открыть обязательно, что за ней есть такое важное»* [3, с. 66]; *«он сам не очень понимал, почему ждать и почему не ходить, но был уверен, что поступает правильно»,* [3, с. 14] *«Антон, сжимая в руке свечу, мысленно поблагодарил свою интуицию»* [3, с. 76]; «*И Антоха проснулся. Вокруг, повалившись на столы, спали остальные. Его стая. Он должен её сторожить. Антон помотал головой, чтобы вытрясти из неё остатки*

волчьих мыслей...» [3, с. 85]; *Антоха «огрызнулся»* [3, с. 139]; *«начал метаться по комнате»* [3, с. 139]; *«Волков зарычал»* [3, с. 141]; «рявкнул» [3, с. 141]; *«Антон вскочил, бесшумно слез с мата, в два прыжка пересек зал и успел протиснуться в закрывающуюся дверь»* [3, с. 153]; *«Антон почувствовал, что волк внутри него ощенился. Мальчик встал резко, совершенно по-волчьи, отряхнулся от воды. И хриплым голосом сказал:…»* [3, с. 298].

Показательным является эпизод угощения столовым огромным пирогом, и каждому из героев попадается кусок с той именно начинкой, которая подчеркивает основные черты их мифологической природы: *«Антон понял, что на голодный желудок он больше ничего путного не придумает, и взялся за пирог. В его куске оказалось мясо»* [3, с. 182].

В сказочном пространстве в связи с Антоном Волковым возникает и тема оборотничества — правда, только во снах героя.

Уже в первом сне он видит себя идущим в траве, в которой прячется его друг — волк: *«А рядом, полностью скрытый ковылем, так же легко бежал волк. Антоха его не видел, но точно знал — волк там»* [3, с. 46].

Во втором сне Волков меняется местами со своим предыдущим спутником: *«Антоха сделал шаг и понял, в чем дело — он был в теле волка. Вернее, не так — он был волком»* [3, с. 84].

В третий раз ему приснилось, *«что он — Иван-царевич верхом на волке»* [3, с. 149].

А уже в следующем сне Волков не всегда может понять, кто он: *«Он был то волком, то его спутником, а иногда казалось, что и тем и другим одновременно.* [3, с. 156].

Его руна — «Воин» — *«руна победы, ибо воин духа обретает силу, лишь победив себя, лишь сумев разбить оковы сознания, лишь принеся в жертву себя внешнего ради высвобождения себя внутреннего»* [3, с. 252].

Вожаки стаи волков дают Волкову новое имя — «*Волкхофф*» — и ребята догадываются, что за этим именем и прячется Волх или Волхв.

С руной герой «обретает силу», внутренне делая выбор, каким он желает стать — черным или белым: «Антохе показалось, что в коридоре немного посветлело. А ещё вдруг он увидел финал сна, который так долго его преследовал. Его верный волк грустно-грустно смотрел ему в глаза. Он даже как будто хотел завилять хвостом. Но волки этого не умеют, поэтому серый напарник беззвучно спросил: «Ты уверен?» — «Конечно, — ответил Антон, но мне будет тебя не хватать». «Ничего, подумал в ответ волк, — ты справишься. Ты теперь сильный» [3, с. 264].

Заключение. Завершая исследование, хотелось бы отметить, что жанр произведения определил спектр средств для создания образов персонажей. Сложное фантастическое составляющее сюжета, в котором современность слилась с древним славянским мифологическим началом, установило непростой закон формирования образов школьников. Каждый

из героев связан незримыми нитями со своим славянским божеством, который определяет и характер, и внешность, и форму поведения персонажей, и другие особенности, такие, как детали, говорящие фамилии и многое другое. Авторы А. Жвалевский и Е. Пастернак, используя прием симбиоза мифологических образов «языческих двойников» и образов современных гимназистов создают сложных и многогранных персонажей, способных по-настоящему увлечь не только юных читателей, но и взрослых.

Список литературы

1. Баркова, А.С. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы / А.С. Баркова. — М.: МИФ, 2025. — 248 с.
2. Василькова, А.Н. Феномен виртуальности: О переходе между мирами — на материале книг, спектаклей и фильмов, которые читали и смотрели дети второй половины XX и начала XXI века / А.Н. Василькова. — М.: ГИИ, 2016. — 200 с.
3. Жвалевский, А.В., Пастернак, Е.Б. Гимназия N 13: роман-сказка / А.В. Жвалевский, Е.Б. Пастернак. — 8-е изд., испр. –М.: Время, 2020. — 368 с.

УДК 82

ТЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ А. САВЕЛЬЕВА «ВОЙНА В 16. ИЗ КАДЕТОВ В «ДИВЕРСАНТЫ»»)

Логвинова И. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-0274-6944
ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке», г. Москва, РФ
Lo-grina@yandex.ru

Мемуары представляют собой богатый источник жизненного опыта, наблюдений, размышлений, выводов, осмысления причин того или иного общественного или исторического события. Таковы мемуары ополченцев первой волны (2014 года): Юрия Горошко, Геннадия Дубового, Юрия Евича, Ангела Новороссии, Семена Пегова, Андрея Савельева и др. [1; 2; 3; 4; 5]. Прямо или косвенно во всех книгах, посвященных событиям Русской Весны, упоминается проблема патриотического воспитания, как своего рода краеугольный камень конфликта на Украине между «свидомыми» (бандеровцами)[1] на западе страны и русскоязычными и русскими по духу и культуре гражданами Донбасса. Основная проблема, по мысли авторов мемуаров о необъявленной войне, длящейся с 2014 года по сей день, является искажение истории и, как следствие, насильственная украинизация населения, внушение ему чуждых и ложных представлений об истории Украины и России.

[1] Запрещенная в РФ террористическая организация.

Особый интерес с точки зрения отражения темы патриотического воспитания молодежи представляет, на наш взгляд, книга А. Савельева «Война в 16. Из кадетов в “диверсанты”» (2019), поскольку в ней эта проблема представлена глазами подростка, родившегося и выросшего в Киеве, пережившего первые дни государственного переворота в столице Украины, непосредственно наблюдавшего за происходящим на майдане.

Начиная повествование о своем детстве, А. Савельев задается вопросом, почему в 2014 году одни пошли защищать свое отечество (Русский Донбасс), а другие поддержали майдан. Ответ, кажется, лежит на поверхности: решающую роль играет *семья* и *внешкольное воспитание* («С шести лет начал ходить на плавание, потом мама отдала меня на акробатику» [5, с. 11]). Автор пишет о том, что основную роль в его правильном воспитании сыграла мать, которая отключила антенну телевизора и покупала диски с советскими и документальными православными фильмами: «В итоге я вырос на тех духовных ценностях, которым всегда учили советские добрые фильмы, а чтобы заполнить атеистическую пропасть в фильмах XX века, мама включала диски с житием какого-нибудь святого или историей возникновения православия на Руси в целом» [5, с. 11]. Также автор пишет, что в связи с тем, что он был прихожанином одного из храмов Киева, у него не возникло многих подростковых проблем. Он был всегда занят чем-то полезным и познавательным. А по достижении 12-ти лет, когда А. Савельева настиг кризис, мать нашла и принесла «объявление какого-то казачьего корпуса, находившегося при одном из монастырей в Киеве. В листовке указывался перечень учебных занятий, а набор происходил в формирующийся кадетский класс при “Верном Казачестве”. Мама принесла объявление домой, а решение идти туда или нет оставила за мной» [5, с. 12]. Очень показательный пример мудрости матери, которая заложила в ребенке твердую нравственную основу для дальнейшего самостоятельного выбора между добром и злом.

Далее повествуется о том, как автор занимался в кадетском классе, вырабатывал командный голос, совершал героические поступки, но самое главное — *его энергия была направлена в нужное русло*. «Верное Казачество», как пишет А. Савельев, закалило в нем «тот русский православный стержень» [5, с. 15], который заложила мать, но который он мог сменить на любой иной, «если бы не постоянная подпитка знаниями и правильной оценкой всего происходящего на Украине в тот момент» [5, с. 16]. Весьма логичное умозаключение, поскольку молодой, неокрепший ум нуждается в правильном руководстве, без которого его легко может переманить на свою сторону враг, который будет казаться уверенным, авторитетным, убедительным и сильным. Юные максималисты, не имея жизненного опыта и не зная логики, могут свернуть на неправильную дорогу. Автору повезло, что его руководитель занимался культурным и религиозным воспитанием своих подопечных: «…он рассказывал нам о различных исторических событиях <…> настолько интересно и динамично,

что мы заслушивались его с открытыми ртами. <…> То, что он говорил, мы запоминали крепче, чем официальную историю в школе. В этом его заслуга. Ведь он направил на путь истинный много молодых душ» [5, с. 17].

Помимо занятий военной подготовкой, автор изучал медицину и пробовал себя в качестве журналиста. Он приводит текст своей неопубликованной статьи «Виноваты во всех бедах мы сами!», в которой говорит о том, что украинское общество равнодушно к происходящему, оставляет проблемы нерешенными, лишено цели и смысла существования, поскольку история перекручена и переписана, поэтому отстаивают «идеологию, построенную на вранье» [5, с. 32]. В статье звучит призыв действовать, вместо того, чтобы сидеть на диванах и спокойно наблюдать за тем, как разделяют братьев-славян, ведь «враждуя, ни одна сторона правду не докажет, а, напротив, еще сильнее войдет в заблуждение» [5, с. 33]. Его призыв отказались печатать, потому что он слишком остро поставил проблему.

А. Савельев анализирует причины, по которым люди пошли на майдан: «Многих привлекала атмосфера праздника, которая искусственно создавалась по давно проверенной методике с использованием пяти каналов человеческого восприятия» [5, с. 63]. Приводит интервью с Н. Азаровым, И. Друзем и др. Таким образом, он воссоздает картину мира типичного жителя центральной Украины, со всеми причинно-следственными связями. Мы считаем, что книга А. Савельева очень полезна как для взрослого, так и для подросткового чтения, поскольку заставляет задумываться о том, что такое патриотизм и как он формируется, какими средствами воспитывается. Автор, рассказывая читателю свою историю, четко и ясно сформулировал основные принципы и приемы патриотического воспитания.

Итак, важным при воспитании патриотизма является формирование правильного отношения к истории (через документальные фильмы, православную традицию). Ребенок должен быть занят интересным и важным делом (спорт, военно-патриотический кадетский класс при монастыре), его энергия должна быть направлена в созидательное русло. Самое главное, патриотизму ребенок учится в семье, на наглядном примере родителей (православная мать учит ребенка своим примером: она ходит в церковь, смотрит православные фильмы, читает православные книги и т. д.). Также, чтобы созидаемое здание не было воздвигнуто на песке, юное сознание должно подпитываться правильными (созидательными) фильмами, книгами, лекциями по истории и культуре, и такая подпитка должна происходить постоянно до достижения совершеннолетия.

Список литературы

1. Горошко, Ю. Исповедь российского добровольца / Юрий Горошко (позывной «Тавр»). — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Традиция, 2017. — 271 с. — ISBN 978-5-9909998-6-2.
2. Дубовой, Г.В. Рыцари Новороссии: хроники корреспондента легендарного Моторолы / Геннадий Дубовой. — М.: Книжный мир, 2017. — 313 с. — ISBN 978-5-9909393-7-0.

3. Евич, Ю.Ю. В окопах Донбасса: крестный путь Новороссии / Юрич, Ангел. — М.: Яуза-пресс, 2016. — 445 с. — ISBN 978-5-9955-0845-8.
4. Пегов, С.Я и рыжий сепар: репортаж под «Градом» / Семен Пегов. — М.: Центрполиграф, 2017. — 254 с. — ISBN 978-5-227-06617-6.
5. Савельев, А. Война в 16: из кадетов в «диверсанты» / Андрей Савельев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Книжный мир, 2019. — 615 с. — ISBN 978-5-6042989-4-7.

УДК 82.091

ВОЗРАСТНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ФЭНТЕЗИ (ТВОРЧЕСТВО НАТАЛЬИ ЩЕРБЫ)

Майборода Н. В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nata.mayboroda.06@mail.ru

Введение. Жанр фэнтези в последние десятилетия получает все большую популярность среди юных читателей, что обусловлено рядом специфических особенностей, которые будут рассмотрены в данном докладе. В современной науке изучение фэнтези становится уже более систематическим, чем несколькими десятилетиями ранее, однако и сегодня остаются дискуссионными такие вопросы, как само жанровое определение этих произведений, связь фэнтези с другими жанрами, возрастная типология читателей. На последнем вопросе мы и сосредоточим внимание, обратившись также к рассмотрению ведущих черт, обусловливающих специфику самого жанра.

Цель доклада: охарактеризовать возрастную типологию читателей фэнтези на примере циклов романов Натальи Щербы.

Основная часть. Произведения детской и юношеской литературы, как известно, условно делятся на две группы: 1) созданные автором специально для детей, 2) перешедшие в разряд детского чтения из «взрослой» литературы [1, с. 12]. Не являются исключением и произведения, написанные в жанре фэнтези: зародившись изначально во «взрослой» литературе, этот жанр достаточно быстро перешел в разряд подросткового чтения, а позднее появился целый ряд произведений, уже изначально ориентированных на юного читателя.

В русскоязычном сегменте жанра фэнтези одним из его ярких представителей является Наталья Щерба, чьи циклы романов пользуются значительной популярностью среди подростков. Ориентируясь на возрастные особенности читателя и на отображение в романах отличительных жанровых признаков фэнтези, обратим внимание на три наиболее известных цикла ее произведений: гексалогия «Часодеи» (2011-2015), тетралогия «Лунастры» (2016-2019), трилогия «Чародол» (2015).

Циклы для анализа выбраны не только в силу их особой популярности среди произведений данного автора, но и с учетом того, что каждый из них ориентирован на определенный подростковый возраст.

Циклы «Часодеи» и «Лунастры» имеют возрастную маркировку 12+, а цикл «Чародол» — 16+. Однако, несмотря на одинаковый возрастной маркер, «Часодеи» и «Лунастры» ориентированы на несколько разные категории читателя, что можно легко проследить на основе возраста главных героев: Василисе Огневой («Часодеи») в первом романе 12 лет, Селестина Святова и Тим («Лунастры») — старшеклассники, а Татьяне Окрайчик («Чародол») 20 лет. Разумеется, такое ранжирование романов обусловлено не только возрастом героев, однако следует учесть, что популярность произведения у подростков зачастую вызвана тем, что его герой является их ровесником. Герой фэнтези живет теми же проблемами, что и читатель, он познает чувство дружбы, первую любовь — и все это определяет близость героя к читателю-подростку. Исходя из возраста основных персонажей романов Н. Щербы, выстраиваем такую связь: «Часодеи» ориентированы на младших подростков, «Лунастры» — на подростков 13-16 лет, «Чародол» — на читателей от 16 лет.

Обратившись к знаковым признакам жанра фэнтези во всех трех циклах романов, отметим, что факторами, способствующими различению данных произведений между собой, являются возраст героев, их социальные характеристики и взаимоотношения с противоположным полом, все же остальные признаки жанра реализованы в романах трех циклов практически стандартизовано.

Среди ведущих параметров, характеризующих черты подросткового фэнтези, обращаем внимание на следующие: наличие особого героя: ровесника читателя, иного, обладающего сверхспособностями, нередко спасающего мир, сироту (не во всех случаях); мотив обучения; наличие двоемирия с переходом из одного мира в другой при помощи портала; поиск артефакта либо борьба за него; динамичный сюжет по типу квеста; магический контекст; ориентация на мифологию и фольклор; любовная линия, где герои на пути к воссоединению проходят через ряд препятствий.

Обратимся к краткому рассмотрению некоторых из названных выше аспектов. В контексте характеристики главных героев отметим прежде всего, что основная роль во всех циклах отводится женским персонажам (Василисе, Селестине и Татьяне), однако автор сосредотачивает внимание читателя также на парах (Василиса и Феш в «Часодеях», Татьяна и Алексей в «Чародоле») и на «треугольнике» (Тим, Селестина и Алекс в «Лунастрах»).

Все основные герои трех циклов наделены особыми способностями: Василиса и ее друзья принадлежат к часодеям — то есть особому типу волшебников, управляющих временем; герои «Лунастров» — представители особых рас: лунатов (берут свои силы от луны) и астров (черпают силы в звездах), на их фоне Селестина — особо избранная,

поскольку является лунастрой, соединяя в себе черты обеих рас; Татьяна оказывается потомственной карпатской ведьмой, а ее возлюбленный Алексей — карпатским колдуном.

Обратимся к такой черте жанра фэнтези, как наличие любовной линии. В контексте детской литературы это не совсем характерная особенность, однако мы имеем дело с подростковым фэнтези, где любовная сюжетная линия играет не менее значимую роль, чем приключенческая. Все три героини Н. Щербы встретили свою любовь, причем среди подобных себе (магов). Разница в развертывании этой сюжетной линии обусловлена возрастом персонажей: у Василисы и Феша это совсем ранняя первая любовь, которая, тем не менее, окажется вечной, поскольку они стали Новым Временем; чувства Селестины и Тима более взвешенные, зрелые, также приводят к воссоединению героев в другом мире; отношения Татьяны и Алексея — это отношения двух зрелых людей, описаны автором более смело, чем это подразумевает подростковое чтение (однако напомним, что возрастная маркировка этого цикла 16+). Все три пары так или иначе воссоединяются, пройдя, однако, долгий путь, полный ошибок, предательства, расставаний.

Заключение. Несомненной отличительной чертой трех циклов романов Н. Щербы является ориентация на возраст читателя, что создает возрастное ранжирование этих произведений: «Часодеи» ориентированы на совсем юных подростков, «Лунастры» предназначены для подростков постарше, «Чародол» — для молодежи. Во всех трех циклах романов не только прослеживаются типичные черты подросткового фэнтези, но и фактически наблюдается следование конкретному шаблону.

Отсюда возникает вопрос: насколько серьезно можно относиться к произведениям подобного рода? Однозначный ответ получить непросто, поскольку, с одной стороны, эстетическая значимость подобных произведений в самом деле невелика, а с другой стороны, в наше время, когда подростки не читают книги и не желают этого делать, наличие произведений, способных вызвать у них глубокий интерес, уже само по себе позитивно. И тем более, следует учитывать, что современное подростковое фэнтези обладает воспитательным потенциалом в силу таких аспектов, как: наличие главного героя — сироты, который проходит долгий путь становления, не сломившись под влиянием обстоятельств; мотив ученичества, жажды знаний; победа добра над злом, что является следствием тяготения фэнтези к сказке.

Список литературы

1. Минералова, И.Г. Детская литература: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / И.Г. Минералова. — М.: Гуманит.изд. центр ВЛАДОС, 2002. — 176 с.
2. Щерба, Н. Часодеи. Часовой ключ. / Наталья Щерба. — М.: Россмэн, 2022. — 368 с.
3. Щерба, Н. Чародол. / Наталья Щерба. — М.: Россмэн, 2021. — 800 с.
4. Щерба, Н. Лунастры. / Наталья Щерба. — М.: Россмэн, 2022. — 416 с.

УДК 82.09

ДВЕ ВОЙНЫ В СТИХОТВОРЕНИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ДВЕ СТРОЧКИ»

Миннуллин О. Р., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5805-3821
ФГБОУ ВО «Донецкая государственная музыкальная академия им. С. С. Прокофьева»,
г. Донецк, РФ
o.r.minnullin@mail.ru

Введение. Исследование лирики периода Великой Отечественной войны весьма актуально для современного литературоведческого дискурса. В подтверждение этого тезиса укажем на относительно недавние работы И.В. Андросовой [4], Э.Л. Котовой [2], И.Г. Минераловой [3], А.С. Аникиной и др. [1]. Общий же объём исследований, обращённых к данной теме, поистине необозрим.

Между тем объём и границы понятия «лирика Великой Отечественной войны» не вполне чётко очерчены в истории русской литературы. Её определяют либо хронологически (произведения, написанные, в период Великой Отечественной войны и сразу после неё), либо через фигуру биографического автора (автор произведения — это поэт-фронтовик), либо тематически — наиболее широкое определение. При попытке навести здесь историко-литературную определенность, которая требует, не абстрактного теоретизирования, а прежде всего обращения к конкретному поэтическому материалу, открывающееся многообразие творческих стратегий сопротивляется любой унификации, обобщению, схематизму.

На наш взгляд, в основе причисления явления к «лирике Великой Отечественной войны» должен быть положен не только тематический и исторический принципы, но и понятие о мифе, в том числе мифе поэтически созидаемом. Если то или иное явление поэтической словесности осознанно включается в уже существующую мифопоэтическую парадигму Великой Отечественной войны, апеллирует к ней, творчески развивает её, то принадлежность данного конкретного текста этому мифу и этой общности не вызывает сомнения. Порой даже такие знаковые фигуры, «классики» поэзии Великой Отечественной войны, как Александр Твардовский весьма неожиданно «работают» с поэтическим, исторически и своим биографическим материалом, внося творческий вклад в расширение означенного поэтического мифа. ***Обратимся к известному стихотворению поэта «Две строчки».***

Основная часть. Стихотворение написано Александром Твардовским в 1943 году на фронте. Военный корреспондент с бойким пером всегда активно писал, что называется, по горячему: именно так

воспринималась, например, знаменитая поднимающая боевой дух поэма «Василий Тёркин», которая выходила частями непосредственно во время сражений — бойцы читали её прямо в окопах. И вдруг в самый разгар Великой отечественной войны возникает это воспоминание о другой войне «незнаменитой», быстро забытой. Именно о Финской войне 1939-1940 годов, когда поэт работал в газете ленинградского округа «На страже Родины», неожиданно для самого себя заговорил Твардовский. Можно даже вообразить себе некого непонимающего художественной свободы и нелинейных творческих механизмов поэзии парторга, который способен был поставить на вид поэту: вместо того, чтобы воспевать героический подвиг советского народа в Великой войне «во имя жизни на земле» автор стихотворения отвлекается на какие-то посторонние частно-исторические эпизоды, личные воспоминания.

Но для подлинного творчества всегда нужна некоторая временная и, прежде всего, эмоциональная, внутренняя дистанция: «Прошла любовь — явилась муза» (А.С. Пушкин), «…это всё в меня запало, И лишь потом во мне очнулось…» (Давид Самойлов). Нечто внутри должно отболеть и преобразиться, голая прямая эмоциональность, зияющая рана, надрыв сами по себе — еще не поэзия. Но как тогда быть со знаменитой «песней про бойца», которая мгновенно откликалась на происходящее? В своих воспоминаниях Александр Твардовский отмечает, что Вася Тёркин родился как раз во время Финской войны — это был герой серии карикатур, которые публиковались в газете. Если внимательно присмотреться, то «финский» след можно разглядеть во всей поэме, писавшейся с 1942 по 1945. Опыт минувшей войны пришелся очень кстати и в смысле обретения дистанции, где-то Твардовский писал всё-таки и об ушедшем, о прошлом.

В «Двух строчках» эта дистанция очевидна. Здесь соприсутствуют два плана, откуда и заглавие: событие минувшей войны и событие актуального переживания, преображенного воспоминания их на *этой* войне. В стихотворении выстраивается ряд заметных ценностных оппозиций: *знаменитое — забытое*, *большое (великое) — маленькое (детское), близкое — далёкое, живое — мертвое (убитое), подвижно — статичное (застывшее)*, наконец, главная оппозиция *другой — я.* Смысл произведения Твардовского состоит в примирении этих противоположностей, преодолении существенного разрыва между ними в событии стихотворения. Далёкое становится близким, забытое — знаменитым, обретшим свою славу в поэтическом слове, мёртвое — живым (и наоборот).

В классическом эпосе гибель на поле сражения обеспечивает герою бессмертие и связанное с ним обретение славы. Слава — залог бессмертия, его иноформа. В этом смысле тема «неизвестного солдата», позабытого, безымянного героя, очень востребованная в отечественной поэзии («Его зарыли в шар земной…» С. Орлова, «Рассказ танкиста» А. Твардовского), входящая в плоть советского героического мифа, как бы оспаривает саму

фундаментальную для эпоса идею славы. Эти силы сходятся и в пространстве стихотворения «Две строчки». Вспоминая во время Великой, знаменитой, близкой войны другую, «незнаменитую» и далёкую лирический субъект совмещает в себе два противостоящих плана (временных, пространственных, ценностных).

Главная же творческая активность автора направлена на преодоление пропасти, разделяющей существование людей, онтологической границы между смертью другого и моей смертностью. Здесь скрывается тайна разделения людей, которая в то же время общая всем. Такое преодоление оказывается возможным благодаря переживанию в стихотворении чужой судьбы как своей, переживанию, воплощенном в сцене смерти, причем таковой, которая как бы заключает в себе видимость, «кажимость» жизни: «Казалось, мальчик не лежал, // А всё еще бегом бежал» [5, с. 121]. В застывшем теле убитого мальчишки сохраняется иллюзия стремительности движения, которую можно увидеть именно извне. Вживаясь извне, субъект сознания и речи переходит во внутренний план, и его фундаментальная самость (экзистенциальное одиночество) совпадает с одиночеством-в-смерти погибшего парнишки: «Как будто это я лежу».

Заключение. В результате творческой активности автора это одиночество теряет свою абсолютность, и непроницаемость границ «я» и другого, жизни и смерти, сковывающей стихии холода, смерти и «притаившейся» в теле жизни на мгновение преодолевается. Происходит расширение пространства героического мифа в прошлое и будущее.

Список литературы

1. Вторая мировая война: актуальные вопросы истории и исторической памяти в школьном образовании : Учебно-методическое пособие / А.С. Аникина, Г.Н. Григорук, И. В. Даренская [и др.] ; Под редакцией О.В. Рыжковой. — Екатеринбург : [б.и.], 2021. — 164 с. — ISBN 978-5-7186-1765-8. — EDN HFRTPK.
2. Котова, Э.Л. "Война философична": к вопросу о поэтике лирики Великой Отечественной войны / Э.Л. Котова // От Пушкина до наших дней: язык, история, культура : Сборник научных статей. — Смоленск : Смоленский государственный университет, 2024. — С. 198-205. — EDN BCQCDE.
3. Минералова, И.Г. Святость и героизм в лирике Великой Отечественной войны / И.Г. Минералова // XVIII Пасхальные чтения : Материалы Восемнадцатой Международной научно-методической конференции, Москва, 24–25 апреля 2020 года. — Ярославль : Общество с ограниченной ответственностью Агентство "Литера", 2020. — С. 3-19. — EDN EPWUNJ.
4. Андросова, И.В. Влияние лирики периода Великой Отечественной войны на современную патриотическую поэзию / И.В. Андросова, Е.В. Васильева // Сохраняя память о войне : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Воронеж, 06 мая 2024 года. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2024. — С. 184-188. — EDN HKRHJI.
5. Твардовский А. Т. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 2. Стихотворения (1940—1945). Поэмы. Василий Теркин, Дом у дороги. Примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой. – М., «Художественная литература», 1977. – 431 с.

УДК 323.329

МОТИВ СВЕТА И ТЬМЫ В ПЬЕСЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «СВЕТ, КОТОРЫЙ В ТЕБЕ»

Несмачная Ю. Н.
МБОУ «Гимназия № 7», с. Донское, ДНР, РФ
yulya.tchalowa@yandex.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что занимавшие Александра Исаевича Солженицына вопросы о кардинальном изменении ситуации в обществе, проблемах человечества и цели в жизни, гуманизма и жестокости несомненно продолжают волновать людей XXI века, так как мир снова оказался на пороге нравственного кризиса и глобальных перемен. В данной статье мы бы хотели обратить внимание на драматургию А.И. Солженицына (а именно на пьесу «Свет, который в тебе»), ведь она относится к раннему периоду его творчества и до сих пор остается наименее известной частью литературного наследия писателя.

Основная часть. Ключ к пониманию пьесы лежит, на наш взгляд, в выявлении такой оппозиции как свет — тьма. Она проходит через всю пьесу, начиная с заглавий. Первое из них, «Свет, который в тебе», представляет собой фрагмент евангельского стиха: «Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» (полностью этот стих прозвучит в картине 5 в сцене смерти Маврикия). Второе название, «Свеча на ветру», — смещенная антитеза, где противопоставление переместилось в подтекст: если ветер задует свечу, всё погрузится во тьму. При этом названия по смыслу не дублируют друг друга, а заявляют звучащее в пьесе противопоставление ложного и истинного света.

Тот же контраст света и тьмы — в именах центральных персонажей. Перечень действующих лиц открывает имя Маврикия Крэйга (далее по ходу пьесы жена и сын сокращенно называют его Мавр). Из реплик персонажей мы узнаем, что Маврикий — известнейший искусствовед, автор монографий, профессор консерватории, окруженный всеобщим уважением. «Светило музыковедения» — говорят о нем уже в 1-й картине. Однако имя Мавр в переводе с греческого означает «темный».

Антагонистами Маврикия в пьесе выступают его дочь от первого брака Альда и племянник Алекс. Альда противоположна отцу во всем: Маврикий жизнерадостный, уверенный в себе, ценящий плотские утехи (он трижды в жизни женился и все три раза — на восемнадцатилетних девушках). Ныне его главное увлечение — кулинария. Альда — нерешительная, ранимая, обостренно воспринимающая трагизм бытия; в позднем предсмертном прозрении Маврикий осознает, что одна Альда из всех его родных «носит музыку в себе». «Она — свечечка <...>. Она —

трепетная свечечка на ужасном нашем ветру», — говорит о ней другой персонаж, племянник Маврикия Алекс Кориэл, наделенный рядом черт биографии самого автора: талантливый студент-физик, перед которым открывались перспективы блестящей научной карьеры, затем война, фронт и восьмилетнее пребывание на каторге по ложному обвинению. Именно в уста Алекса писатель вкладывает выстраданную им мысль о благотворности тюремного опыта для понимания истинного смысла жизни (слова Алекса «благословение тебе, тюрьма» буквально повторены в 1-й главе Части Четвертой «Архипелага ГУЛАГА». Примечательно фонетическое совпадение начальных слогов имен Альды и Алекса, на что, кстати, указано в тексте пьесы, в картине 3, где Альда приходит в лабораторию, чтобы принять участие в биокибернетическом эксперименте:

«Альда. Аль, мне страшно стало почему-то. (Держится за него). Может отменим, уйдем, зачем это всё?

Алекс (улыбаясь). И я — Аль, и ты — Аль, и чего же ты боишься?».

Начальный слог имен Алекса и Альды созвучен первому слогу латинского прилагательного albus — светлый, белый. Таким образом, оппозиция свет-тьма реализуется уже в именах героев. Не случаен, видимо, и выбор фамилии Алекса — Кориэл: от латинского cor — сердце, душа, дух).

Оппозиция свет-тьма находит воплощение и в авторских ремарках, сообщающих о цвете одежды тех или иных героев. Однако эта соотнесенность с их внутренним миром проявляется не прямолинейно, а в сложном взаимодействии с мотивами истинного и ложного света. Так, уже в 1-й картине в ремарке описано появление Радагайса: «весь в белом спортивном». Белый цвет одежды, как увидим далее, может служить и своего рода «камуфляжем» темной сути. В данном случае об этом сигнализирует второе прилагательное в описании одежды Филиппа. У Солженицына нет пространных высказываний, специально посвященных теме спорта; однако он нередко дает отрицательную оценку этому роду деятельности как занятию, отвлекающему от главного в жизни (служение духу). Темный цвет одеяния героини, в тексте пьесы символизирующей христианскую духовность, здесь мотивирован и причиной ее прихода, и тем, что определение «нищенская» подчеркивает аскетизм, вызывая ассоциации с монашеским облачением. Знаковую природу имеют и источники освещения, детально описанные в ремарках. В 1-й картине читаем: «Лёгкий холл. По двери слева и справа. Позади — неограждённый вид на океан. Там проходят парусные яхты, иногда катера с водными слаломистами, всё ослеплено летним дневным солнцем».

Заключение. Оппозиция свет-тьма реализуется, таким образом, на всех уровнях текста. Очевидно, что слово свет в европейских культурах сопряжено с положительными коннотациями, а тьма — с отрицательными. Эта символика, несомненно, имеет евангельский генезис. Хотя нигде в пьесе

не высказано декларативно, с каким именно мировоззрением соотнесены световые полюса ее героев. Только в устах тети Христины, появляющейся единственный раз, звучат евангельские слова. Вообще же религия не играет никакой роли в жизни оптимистичных и самодовольных героев «Свечи на ветру». Она низведена до положения бедной родственницы, о ней просто забыли, как забыли о существовании Христины, живущей где-то на окраине, в жалкой хижине «сзади последних домов». Атеизм здесь давно утратил даже подобие интеллектуального поиска и стал просто комфортной привычкой. «Слава богу, которого нет» — походу бросает Тилия. «А что же боженьке будем поклоняться?» — в раздражении восклицает Филипп, крайне возмущенный абсурдностью такого предположения (спорят о том, допустимо ли поклоняться науке). Алекс и Альда — единственные, кто еще помнит о существовании тети Христины. Но и в уста этих героев писатель не вкладывает никаких религиозных изречений. Смысл их нравственного противостояния «вертепу счастливых» раскрывается иначе, через поэтику пьесы, что мы и попытались проследить.

Список литературы

1. Александр Солженицын : Из — под глыб [печатное издание] : рукописи, документы, фотографии / Н.Д. Солженицына, сост.; Г.А. Тюрина, сост.; Н.Д. Солженицына, авт. вступ. ст.; И. Антонова, авт. вступ. ст. — М. : Русский путь, 2013. — 369 с.
2. Жизнь и творчество Александра Солженицына. На пути к "Красному колесу" [печатное издание] : материалы международной научной конференции Москва, 7 — 9 декабря 2011 года / Л.И. Сараскина, ; И. Антонова, худож. — М. : Русский путь : М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013 — 557, [1] с.
3. Между двумя юбилеями. 1998-2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына [печатное издание] : альманах / Н.А. Струве, В.А. Москвин. — М. : Русский путь, 2005. — 552, [1] с.
4. Путь Солженицына в контексте большого времени. Сборник памяти 1918 — 2008 [печатное издание] / Л. И. Сараскина. — М. : Русский путь, 2009. — 478 с.
5. Солженицын / Л. Сараскина, Автор. — Молодая гвардия, 2009. — 958 с. — (Жизнь замечательных людей : серия биографий. Вып. 1175).
6. Лакшин, В. Солженицын и колесо истории / В. Лакшин. — М. : Вече, 2008. — 461 с.

УДК 82-32

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВОЛИ В РАССКАЗЕ Ф. К. СОЛОГУБА «СМЕРТЬ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ»

Ошейко С. П., ***Шатин Ю. В.,*** д-р филол. наук, проф.
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск, РФ
s.osheiko@g.nsu.ru, hatin08@rambler.ru

Введение. Становление экспериментальной психологии в кон. XIX–нач. XX вв. заставило пересмотреть вопросы взаимодействия чувственного, интеллектуального и волевого начал в человеческой природе. Развитие методики психологического эксперимента, изучение гипноза, анализ посттравматических состояний и психопатологий были продиктованы повышением интереса к внутреннему миру человека. При этом соотношение волевого и автоматического в повседневной деятельности индивида, по мнению ряда психологов, давало возможность заглянуть в неведомые области души. Однако не все были настроены столь оптимистично: актуализация романтической традиции и популярность культуры декаданса позволили связать упомянутую проблематику с вопросами распада личности и беспомощности человека перед внешними манипуляциями [1, с. 15-20].

Основная часть. Ослабление воли, распад личности, соотношения свободы и детерминизма в жизни человека интересовали Ф.К. Сологуба на протяжении всего творческого пути, находя уникальное выражение в каждом произведении.

Так, в рассказе «Смерть по объявлению» логика развития сюжета, характер взаимодействия персонажей, а также система художественных приемов оказываются непосредственно связаны с феноменологией воли.

С самого начала удивляют необычные сюжетные решения автора: завязка обусловлена не социокультурными факторами или значимым событием, а внутренним решением героя, которое не поддается однозначной интерпретации. «Резанов чувствовал себя таким слабым, усталым, увядающим. К вечному успокоению все чаще клонились мысли. Казалось, что слаще нет отдыха, как на дощатом ложе, в сосновой домовине. И захотелось вдруг развлечения не по установленной программе <…> Читал объявления в “Новом времени” очень внимательно. Искал чего-то. Сравнивал и выбирал» [2, с. 366].

Ф.К. Сологуб аккумулирует смысловую неопределённость и эмоциональное напряжение, используя несобственно прямую речь, цепочки эпитетов, риторические отступления, якобы конкретизирующие психологическое состояние героя, однако, на деле, способствующие противоположенному результату: психологические мотивировки

оказываются стерты, а границы между точками зрения автора и героя — трудноуловимы. Нарастанию смысловой неопределенности также способствует образ героя, актуализирующий различные литературные контексты. «Дрожала рука. Стучало острие карандаша. Усмехнулся. Подумал: "Старею". «Опять опустил глаза, — когда-то вечно веселые, теперь устало равнодушные» [там же, с. 367].

Образ Резанова генетически восходит к 2 линиям. С одной стороны, можно говорить о влиянии биомедицинского дискурса кон. XIX – нач. XX вв., в рамках которого усталость, перепады настроения, а также целый ряд психосоматических симптомов оказывались явными признаками неврастении и вырождения [3, с. 195-222]. С другой стороны, литературный контекст эпохи свидетельствует о переосмыслении традиции народнической литературы и творчества А.П. Чехова, тем самым актуализируя образ Рязанова в ряду произведений о «хмурых людях», разочаровавшихся интеллигентах и скучающих чиновниках.

При этом важно, что Ф.К. Сологуб намеренно умалчивает о социальном положении героя, тем самым внимание читателя сосредотачивается на происходящем здесь и сейчас Усиление эмоционального переживания, крайний пессимизм и немотивированность поступков героя заставляют вспомнить о традиции французских символистов, прежде всего Ш. Бодлера и П. Верлена, для которых тоска и страх обусловлены самим характером существования человека.

Дальнейшее развитие сюжета усиливает конфликт чувственного, волевого и интеллектуального в образе героя и подтверждает связь Ф.К. Сологуба с французским символизмом. В этом контексте особое значение приобретает эпизод встречи Рязанова со смертью. Образ смерти подчеркивает отсутствие внутренней целостности героя, одновременно испытывающего страх и любопытство, а неудача при попытке интерпретировать мотивы, которыми руководствуется смерть, отражают главную функцию смерти как героини произведения — она выступает в роли Другого. Отметим, что в поэтике раннего русского символизма, ярким представителем которого был Ф.К. Сологуб, взаимодействие с Другим всегда чревато уничтожением и в то же время крайне притягательно для героя [4]: Другой становится носителем утраченной целостности недостижимой и непостижимой для героя. Именно поэтому образ смерти лишен каких-то отличительных черт, а ее логика остается непонятной главному герою. «И казалось, что холодом повеяло от нее. И так тихи, так недвижны были складки ее белого платья. Ее простая соломенная шляпа с белою лентою, надетая высоко, кидала желтую тень на ее покойное лицо». «Тоска томила его. Он сказал резким голосом, побеждая тоску и страх: Ты живешь в комнате от хозяев, ты ищешь места или работы, тебя зовут Марьей или Анной. Как тебя зовут? И крикнул с дикою злобою: Скажи, как тебя зовут! Повторила бесстрастно: Я — твоя смерть. Такие безнадежные и беспощадные упали слова. Дрогнул. Поник» [2, с. 371, 373].

Разницу в мышлении героев также актуализирует мотив сделки. Смерть предъявляет герою требования, опираясь на собственные представления и не учитывая его желания. В то же время мотив сделки, на наш взгляд, оказывается включен в состав мотивного комплекса брака с инобытийным существом, актуализируя фольклорную основу образа смерти. «Взяла мое золото, потому что я дал тебе его. Но как возьмешь ты мою душу? И где ты ее возьмешь? И сказала она: Приду к тебе в мой час и возьму твою душу. И отдашь мне ты свою душу». «Тебе нужно мое золото, — потому что ты голодная и усталая, — но душа моя, зачем тебе душа моя?» «Тихо, неспешно, слово за словом, звучала странная речь, как формула темного заклятия»[там же, с. 372, 373].

Распад внутренней целостности и эмоциональное напряжение достигают кульминации в финале рассказа, о чем свидетельствует необычная внутренняя речь героя, которая приобретает черты потока сознания и организуется по законам лирической прозы: «Лег на диван. Укрылся пледом. Весь сотрясался в приступах жестокой и сладкой лихорадки», — далее монолог Резанова,– «И если она — моя вечная Сестра, моя белая смерть, — то что мне до того, что она здесь, в этом воплощении, пришла ко мне в образе ищущей по объявлениям, живущей в комнате от хозяев! Я вложил в ее руку мое бедное золото, мой скудный дар, — звонкое золото, в холодеющую руку. И взяла мое золото остывающею рукою, и возьмет мою душу. Снесет меня под темные своды, — и откроется лик Владыки, — Мой вечный лик, и Владыка — Я. Я воззвал мою душу к жизни, и смерти моей велел идти ко мне, идти за мною”. И ждал. Была ночь» [там же, с. 372-373].

Заключение. Таким образом, характерный для Ф.К. Сологуба крайний антропологический пессимизм во многом демонстрирует его отношение к феномену воли и в то же время обуславливает невозможность преодоления конфликта чувственного, интеллектуального и волевого начал в художественном мире рассказа «Смерть по объявлению».

Список литературы

1. Хедберг-Оленина, А. Психомоторная эстетика. Движение и чувство в литературе и кино начала XX века / А. Хедберг-Оленина — «НЛО», 2020. — с. 335 (Очерки визуальности) — ISBN 978-5-44-482425-2
2. Сологуб, Ф.К. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.: Мелкий бес: Роман. Рассказы. Сказки. Статьи / Ф.К. Сологуб., сост. и авт. примеч. Т.Ф. Прокопов. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — 624 с. — ISBN 5-93264-031-6 (т 2)
3. Юханнисон, К. История меланхолии. О страхе скуке и печали в прежние времена и теперь / К. Юханнинсон., пер. со швед. И. Матыциной. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — с. 320 (Серия «Культура повседневности»). — ISBN 978-5-86793-926-7.
4. Тырышкина, Е.В. Русская литература 1890-х — начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. / Е.В. Тырышкина — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. — 151 с. — ISBN 5-85921-301–8.

УДК 82.0:82-1/-9

ДЕМОНСТРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗМА В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

Першина К. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0008-0961-4013
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.pershina@mail.ru

Введение. Повесть «Смерть Ивана Ильича» относится к позднему периоду творчества Л. Н. Толстого, работа над ней была начата в 1881-1882 годах и закончена к 1886-му году, то есть создание относительно небольшого по объему произведения потребовало достаточно длительного периода времени. Во многом это связано с тем, что начало работы над повестью совпадает с переломным моментом в эстетическом и этическом миросозерцании Л. Н. Толстого, наиболее полно отраженном в программном тексте «Исповеди». Речь идет о бескомпромиссном суде по отношению ко всему, что отвлекает человека от его подлинного положения — положения смертного. Это эхо «арзамасского ужаса не только создает достаточно категоричную, аскетичную этику Толстого, но и перестраивает и во многом разрушает весь ценностный мир писателя, ставит под сомнение ценность всякой мировоззренческой концепции, всякой эстетической медитации, не подкрепленных жизненной практикой. Итак, можно вслед за В.В. Набоковым признать «Смерть Ивана Ильича» «самым ярким, самым совершенным и самым сложным произведением Толстого»[1, С. 341], поскольку именно оно является тематическим апофеозом его нового мировоззрения.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать, как трансформируется канон реализма как литературного метода в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» в связи с особенностями эстетической и этической установок ее автора**.**

Реализм как литературный метод ставил перед автором такие конкретные и обозримые смысловые границы, которые, как известно, последовательно преодолевались в русской литературе большим реалистическим романом. Остановимся на некоторых самых известных и существенных декларациях реализма и посмотрим, как с ними взаимодействует повесть «Смерть Ивана Ильича».

В первую очередь, реалистическая традиция диктовала понимание литературы как выражения правды жизни, средства познания человеком себя и окружающего мира. Однако фактически такая широкая и абстрактная формулировка воплощалась в требование понимать жизнь как сферу преимущественно социально-психологическую, человека, как продукт среды, конфликт как конфликт сословия, поколения, социально значимой

идеи. Л. Н. Толстой (как и Достоевский) последовательно расширяет это понимание «жизни» и делает объектом реалистической рефлексии, реалистической объективности и психологизма более существенные и неотъемлемые атрибуты бытия человека, такие как, например, пол, телесность и связанную с ней фактичность смерти. При этом мы помним, что об этих последних вопросах думают и говорят все герои Толстого, но в повести «Смерть Ивана Ильича» он не просто ввел тему смерти, не просто привел к ней через многообразные события, он не показала ничего, кроме нее. Смерть — есть единственное событие рассматриваемого произведения. Эпик-Толстой, утверждавший в середине своего творческого пути, что «литература призвана заставлять читателя плакать, смеяться и полюблять жизнь»[2, с. 633] рисовавший широкие событийные панорамы своих монументальных повествований, стремящийся как будто охватить как можно больше жизни, объять все, теперь до минимализма сужает мир повести: время до нескольких месяцев, пространство до кровати больного.

Таким образом, в повести «Смерть Ивана Ильича» Толстой не говорит о смерти, а воплощает ее, уходит от аудиального регистра главного вопроса, к его пластическому воплощению (герои «Детства», «Отрочества», «Юности», «Войны и мира» взаимодействуют со смертью как бы опосредованно, с помощью рациональной диалектики, внешнего созерцания, суггестивного внутреннего переживания; Иван Ильич фактически, телесно, пластически умирает). Б.М. Эйхенбаум утверждал, что Толстой в своих поздних произведениях отказывается от метода диалектики души [4, с. 112]. Действительно, изображение внутреннего мира героя упрощается. Однако неверно было бы понимать это упрощение как уход от искусства к жизни, поскольку вместе с исчезновением концептуальной содержательной сложности героя исчезает и описательность, «литературность» повествования и появляется пластическая форма, исходя из которой, чтобы понять смерть нужно не рассуждать о ней, а увидеть ее. В этом смысле Толстой в повести «Смерть Ивана Ильича» достигает реализма в его не литературно-методологическом, а непосредственном понимании.

Описание смерти, данное в первых же абзацах повести, как будто блокирует всякое размышление о ней именно в силу своей наглядности: «Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшеюся головой на подушке, и выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизами на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменился, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно»[3, с. 57]. Это описание можно назвать

феноменологическим, смерть то, что являет себя и не требует комментария. Троекратное повторение в одной строке «мертвец», «мертвецы», «по-мертвецки» — это намеренная тавтология, призванная создать ощущение невозможности отвлечься от созерцаемого, которое совершает свою экспансию на смотрящего («выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб»; «торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу»[3, с. 58]). Обращает на себя внимание и последняя фраза приведенной цитаты, в которой также троекратно повторяется «нужно было сделать», «сделано», «и сделано правильно», что можно понять, как настойчивое утверждение приоритета события смерти над тематическим дискурсом смерти.

Смерть как центральный концепт, как зримое событие повести разрушает типизацию как основную дискурсивную практику реализма. Несообразные траурности момента прагматичные размышления о карьерном росте, «преследующие» коллег Ивана Ильича у его гроба, свидетельствуют не только об их бесчувственности и внутренней неспособности спроецировать на себя трагизм произошедшего с другим, но и о том, что мертвое тело Ивана Ильича в восприятии других парадоксально совпадает с его типом — служащего, чиновника, карьериста, зараженного мещанством, буржуазной пошлостью. Человек приравнен к своему типу, с ним ничего больше не произойдет, он тот, кто он есть. Напротив, тот нарратив повести, который касается противостояния Ивана Ильича надвигающейся смерти, прямо транслирует внутреннюю борьбу именно с типизацией, даже с такой обобщенной типизацией как «собственно человек»: «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал шелк складок платья матери?» [3, с. 74]. Итак, тип в отношении к смерти становится сингулярной индивидуальностью, но эта индивидуальность не статична, она находится в состоянии кризиса, это индивидуальность «на пороге», в самой активной, созидательной своей фазе.

Заключение. Проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что реализм позднего творчества Л. Н. Толстого оперирует новыми практиками — практикой художественной демонстрации, преодолевающей риторику и такие важные для реализма основания, как социальная типизация и «правда жизни».

Список литературы

1. Набоков, В. Лекции по русской литературе / В. Набоков. — М.: Азбука, 2014.
2. Толстой Л. Н. Письма. 188. П.Д. Боборыкину <неотправленное>. 1865 г. Июль... август. Никольское-Вяземское. / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 18.
3. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений в 12.т. — Т. 11. — М.: Правда, 1887.
4. Эйхенбаум, Б.М. Лев Толстой : Исследования. Статьи / Б.М. Эйхенбаум. — СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

УДК 82-3

АНАЛИЗ СБОРНИКОВ РАССКАЗОВ А. ПЕТРЕНКО (РАЛОТА) «ИНСТИТУТ БЛАГОРОДСТВА» И «ЗАПИСКИ СТАРОГО ЧИНОВНИКА»

Полякова И. С., ORCID 0000-0003-4106-023X
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ
polinga@bk.ru

Введение. Современная проза тоже требует изучения и анализа. Известным писателем-современником является Александр Ралот, который специализируется на коротких рассказах.

Цель работы — рассмотреть сборники рассказов современного краснодарского писателя Александра Викторовича Петренко (Ралота).

Основная часть. Сборник «Записки старого чиновника» [1] состоит из двух повестей «Записки старого чиновника» и «Восточной войны», а также рассказов разных лет. В первой повести рассказывается о закупках зерна в миллионах тонн для коммунистического СССР в капиталистической Америке и связанными с ними проблемами. В «Восточной войне» автор переносит нас в 1851 год в Петропавловск, во времена Николая Первого на остров Сахалин, когда французы атаковали город с моря, но русские спасли фрегат, весной покинув остров, при этом французы думали, что это полуостров. Ралот как обычно открывает все тайны. В повестях нет ярких главных героев, сюжет не прописан, нет подробных сцен, куцые исторические факты под художественным «соусом».

В рассказе «Проходимец» Ралот показывает дворянина Никиту Генриховича Свавова, графа де Лортека, который отбивал любовницу от племянника Александра Второго. Потом он бежал в Париж и хотел выдавать себя за Болгарского царя, но его раскусил цирюльник — подбородок не тот… В итоге «великий комбинатор» быстро умер в ссылке в Сибири. Рассказ «Братство бубновых королей» об одноименной шайке мошенников,

которые крали иконы, давали украсть свой кошелек, а потом ловили вора и опустошали его карманы, получали векселя за пустые посылки и т. д. и даже в ссылке жили в полном благополучии и достатке. Их главарь, забрав казну, убежал в Париж. Здесь опять историк Ралот рассказывает занимательные истории жене и внуку Тимофею.

Рассказ «Монеты Канкрина» о том, как на Урале в середине девятнадцатого века стали добывать платину и чеканить из нее монеты при Николае Первом и министре финансов графе Канкрине. Тогда Российская империя стала единственным государством, где в обращении находились монеты из этого металла. Во время октябрьской революции хранилища были разграблены, а драгоценные металлы конфискованы, слитки неблестящего «серебришка», в том числе. С тех пор у коллекционеров некоторые советские рубли и полтинники могут оказаться из платины. В рассказе много архаизмов: поблизу, пусчай, ноне, кумекали, соглядатаи, отхайдахал и т. д. В рассказе «Потому, что он взорвется» рассказчик с женой по распределению после вуза попадает в Узбекистан, в город Ленинск работать в Ленинском комбинате хлебопродуктов. Их селят в двухкомнатную квартиру без канализации, воды и газа. Сначала рассказчик работал начальником смены, потом главным инженером. Он отказался работать начальников комбикормового цеха «по причине того, что он взорвется», написав соответствующее заявление. Через полгода там произошел взрыв — в воздухе были комбикорма — и рассказчика обвинили, что не предупредил компетентные органы. За него поручился заместитель министра Локтионов А.И. В рассказе «Вольтметр из Бухары» рассказчик вспоминает, как в советское время ему на базаре после долгих торгов подарили вольтметр, чтобы проверять, есть ли в батарейках заряд в полтора вольта. И этот вольтметр хранился у рассказчика еще много лет.

Рассказ «Признать несчастным случаем» о лаборантке Лизы, которая работала в НИИ более тридцати лет. Однажды, беря кровь у редкого животного из сердца, укололась и заразилась смертельным малоизученным вирусом и умерла за считанные недели. Ее хоронили в двух гробах — дубовом и цинковом, а потом поливали себя дезинфицирующим раствором. Рассказ «Подарок из Бухово» о том, как в СССР начали добывать для изготовления атомных бомб урановые руды возле села Готен. Этот металл называли висмут, в таблице Менделеева этот элемент был последним. Эта руда была радиоактивна. Урановая руда из Бухово была использована в первом атомном реакторе.

Рассказ «Заветный список или новая встреча с Каа» о том, как рассказчик поступал на «зерновой факультет», готовился к экзаменам и последним писал сочинение на свободную тему, где надо «почаще писать слова партия, коммунизм, народ, рабочий класс и как минимум четверка гарантирована» — дагестанец, сосед по парте очень просил его сочинение списать. На сочинении вдруг оказалась его школьная учительница Каа и

показала, где в деепричастном обороте пропущена запятая… В списках поступивших рассказчика не было — он прочитал список и сверху вниз и снизу вверх — но его вызвали в деканат и по поведению декана он понял, что поступил, и его шофер декана отвез домой, так ему было плохо. В рассказе «Матросик с Горогородов» описывается podalirius Iphiclides — бабочка-матросик — в шестидесятых годах рассказчику для вступления в банду надо было собрать десять Матросиков, именно их, а не капустниц…

В цикле рассказов «Институт благородства (из жизни смолянок)»[2], изданном в 2019 году, рассказчик описывает Смольный женский институт, первой директрисой которых была Софья Ивановна Делафон, похоронившая мужа и с двумя дочерьми вернувшаяся из Парижа на родину. Этот институт был основан еще Екатериной Второй. Туда отдавали дочерей в возрасте шести лет и выпускали в восемнадцать. Сборник об этом институте состоит из отдельных рассказов о судьбах воспитанниц. В рассказе из этого сборника «Отличница» рассказывается о судьбе Глафиры Ржевской, дочери полковника Алимова. У Полковника было девятнадцать детей, Глаша последняя. После смерти отца ее отдали в Смольный институт. Девочка была очень бойкой, и ее отметила сама императрица Екатерина Вторая, приставив к ней своего секретаря Ивана Ивановича Бецкого. Мать Глафиры умерла, и ее усыновил Бецкой, который годился ей в дедушки и в тайне хотел на ней жениться, но Глаша вышла замуж за академика и литератора Ржевского, родила ему двух детей. После смерти мужа второй раз вышла замуж за француза, переводчика басен Крылова, младше ее на двадцать лет, но когда ее внука Петра сослали в Сибирь после восстания на Сенатской площади, умерла от сердечного приступа. В рассказе «Секретная агентесса его высочества» главная героиня Дарья Бенкендорф, в замужестве Ливена, с мужем послом жила в Лондоне, где имела шикарный светский салон, здесь она собирала ценнейшую информацию. Она по личному заданию императора Александра Первого была любовницей сначала австрийского канцлера Клеменс фон Меттерниха, а потом с английским министром иностранных дел Джоржем Каннингом, предупреждала императора о сближении Австрии и Лондона. После смерти мужа и двух сыновей жила в Париже, где ее поклонником был премьер-министр Франции, и отправляла в Россию длинные депеши. На старости лет Дарья Ливена писала мемуары, где описывала любовные отношения и интриги политиков.

Заключение. Книгам Александра Петренко (Ралота) явно не хватает художественности [3,4]. Это как исторические рассказы по какой-то одной тематике, без художественных подробностей, скорее подходят для исторического сборника. Это стиль Ралота — выискивать исторические факты, случайно или специально забытые или потерянные, и писать о них.

Список литературы

1. Ралот, А.В. Записки старого чиновника / А.В. Ралот. — [б.м.]: Издательские решения, 2020. — 116 с. — ISBN 978-5-0051-9686-6.

2. Ралот, А.В. Институт благородства (из жизни смолянок) / А.В. Ралот. — Краснодар: Экоинвест, 2019. — 78 с.
3. Ралот, А.В. Охотница за любовью / А.В. Петренко (Ралот). — Коломна: Серебро слов, 2019. — 101 с.
4. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — Минск: Мир и образование, 2022. — 624 с. — ISBN 978-5-94666-459-2.

УДК 82.1

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. СУМАРОКОВА

Сенчина Л. Т., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-4423-3418,
Ярема А. В., ORCID 0009-0001-0725-1107
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
senchina.liudmila@yandex.ru, nastya20-003@mail.ru

Введение. На сегодняшний день, несмотря на то что исследованию элегического жанра посвящено множество интересных работ, сведений всё же недостаточно, чтобы увидеть подробную картину эволюции данного типа произведений.

Цель нашего исследования — выявить процессы формирования элегического жанра в русской литературе XVIII в., проследить эволюцию жанра в творчестве А. П. Сумарокова, чей новаторский подход оказал значительное влияние на трансформацию элегии.

Основная часть. Элегия — один из древнейших жанров мировой литературы, принадлежащий к «малым формам» лирической поэзии. Удивительная гибкость элегического жанра связана с сущностью данного типа произведения, обращенного скорее к «мигу», а не к «длительности». Отсюда подвижность, непредсказуемость в развитии мысли и эмоции. Элегия — это лирическое стихотворение, которое передает глубокие чувства печали, скорби, утраты или тоски. По мнению В.А. Грехнева, наиболее естественным для жанра состоянием является «психологическая неопределенность» [1, с. 134]. Так или иначе в элегиях всегда присутствует ностальгический элемент, ибо ценностный статус прошлого в элегии определяется его неповторимостью. Людям свойственно предаваться воспоминаниям о «днях прошедших». Века сменяли друг друга, но эта сущность во многом определяет специфику элегии на протяжении долгого времени.

В русской литературе элегия развивалась, прежде всего, как литературный жанр. Первые русские элегии были написаны В.К. Тредиаковским и Ф. Прокоповичем. В своих трактатах В.К. Тредиаковский представил первую классификацию жанра, выделяя

треническую элегию, в которой «описывается печаль и несчастие» и эротическую, где изображена «любовь и все из нея воспоследования» [2, с. 359]. Одним из выдающихся элегиков эпохи классицизма был А.П. Сумароков. В разработке жанра Сумароков учитывал опыт В. К. Тредиаковского: так же, как и В.К. Тредиаковский, он разделял элегию на треническую и любовную. Элегии А.П. Сумарокова представляют собой единый монолог. Монологи в элегиях Сумарокова часто напоминают монологи его трагедий, однако выполняют принципиально разные функции: трагедия традиционно призывает к действию, в элегии же монолог связан с развитием чувств.

Тренические элегии поэта, такие как «На смерть… Е.П. Бутурлиной», «Терпи, моя душа, различны муки», «На смерть Ф.Г. Волкова», «На смерть Татьяны Михайловны Троепольской» и др. всегда посвящены близким, в них нет абстракции. Элегия «На смерть Ф.Г. Волкова» была написана в связи с скоропостижной кончиной ученика и дорогого коллеги — актера, драматурга Ф.Г. Волкова. Позже В.Г. Белинский назовет А.П. Сумарокова и Ф.Г. Волкова «отцами русского театра». В элегии «На смерть Татьяны Михайловны Троепольской» А.П. Сумароков выразил свою глубочайшую скорбь по актрисе, прославившейся ролями в его трагедиях. «На смерть сестры авторовой Е.П. Бутурлиной» посвящена его сестре. С первых строк сообщается о произошедшем, что характерно для традиции классицизма. Элегия же «В болезни страждешь ты» написана по причине болезни его жены. Здесь уже куда меньше восклицаний, но от этого она не становится менее чувственной. «О яростны часы! Жестокой время муки! Я всем терзаюся, что в мысли ни беру. Стерплю ли я удар должайшия разлуки, Когда зла смерть… И я, и я тогда умру.» [3, с. 61]. Автор делится с нами своими переживаниями, скорбью, болью от утраты близких ему людей.

Смерть и любовь у А.П. Сумарокова взаимодействуют, взаимодополняют друг друга, а иногда они синонимичны. В некоторых элегиях поэта таких, как «Уже ушли от нас играния и смехи…», «В болезни страждешь ты» можно наблюдать трансформацию лирического монолога. Эти изменения связаны с появлением милого конкретного «ты». Лирический герой полностью захвачен описанием того, что «сердце чувствует». Эта «взволнованность речи» в творчестве А.П. Сумарокова стала новаторской для эпохи классицизма, до этого к элегии, как, впрочем, и к любому другому жанру, подходили с более рационалистической точки зрения. Все это бесспорно способствовало перестройке лирического монолога и расширяло возможности элегического жанра.

В отличии от тренических, лиризм любовных элегий Сумарокова зачастую лишен авторской субъективности: герой представляется самостоятельным действующим субъектом, автор лишь «озвучивает» мысли его личностного «я». Всякая любовь в рамках жанра априори обречена, радость же в любви, по мнению автора, возможна лишь в

мимолетных воспоминаниях или во сне. Герою остается либо терпеть (часто присутствуют слова «терпи», «сноси», «страдай», «мучься»), либо умереть, что мы и видим, например, в элегии «Ты только для того любовь уничтожаешь…». В самом названии заложена главная тема стихотворения — разрушительные силы, таящиеся в самой любви. Читатель становится свидетелем превращения любви из нежного сияния в ее разрушительное последствие.

Похожий сюжет можно наблюдать в элегии «Престанешь ли моей докукой услаждаться…». Благодаря выразительному языку стихотворение погружает в глубины сознания героя. Отличительной чертой данного произведения является присутствие едва уловимого призрака надежды, она лишена трагизма и кипящих страстей, автор показывает нам сцену любовного томления. У Сумарокова любовь подобна одержимости. Одержимость лирического героя призрачным образом возлюбленной, с которой он вынужденно разлучен. Одна лишь мысль будоражит его почти так же сильно, как и ее реальное, физическое присутствие: «Со взором мысль моя твоим сопряжена; / Неисходимо ты мне в сердце вложена» [3, с. 74-75]. Он видит, чувствует ее тень; сгорая от страсти, теряет покой, не может спать, здраво мыслить, теряет счет времени («Я время, мысли, ум и все тобой гублю»). В сюжете элегии явно ощущается перекличка с мифом об Эхо и Нарциссе с тем лишь исключением, что в роли Эхо нам представляется сам герой, Нарцисс же — его неприступная возлюбленная. Следует отметить, что авторству А.П. Сумарокова принадлежит комедия «Нарцисс», где конфликт разрешается, как и подобает драматическому жанру, через действие — Кларисса, понимая сущность Нарцисса, выходит замуж за Октавия. В элегии же развязки нет, есть лишь статичная мука, бесконечно длящееся переживание одержимого любовью, что подчеркивает специфику элегии как жанра состояния, а не действия. Элегия погружает читателя в саму стихию страдания, оставляя героя наедине с его болью. В обеих элегиях взаимная любовь представлена как средство от уныния, избавление от монотонности существования. А.П. Сумароков акцентирует внимание на универсальной человеческой потребности в понимании, во взаимной любви, способной привнести смысл и радость жизни.

Заключение. Таким образом, роль Сумарокова в становлении элегического жанра в литературе XVIII в. трудно преувеличить, поскольку он действительно серьезно переосмыслил этот тип произведений. Можно утверждать, что все его многочисленные попытки трансформировать элегию, поиск тематических разнообразий, форм стиха были удачными: он предвидел огромный потенциал жанра, оказавшего существенное влияние на дальнейшее развитие лирики.

Список литературы

1. Грехнев, В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров / Грехнев В.А. — Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1985. — 239 с.

2. Тредиаковский, В.К. Избранные произведения / Тредиаковский В.К. — 2 изд. — Ленинград: Советский писатель, 1963 — 577 с.
3. Фризман, Л.Г. Русская элегия XVIII — начала XX века / Фризман Л. Г. — 3 изд. — Ленинград: Советский писатель, 1991 — 640 с. — ISBN 5-265-01483-7

УДК 5.9.1.

РОССИЯ В СЛОВЕ: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ С УТРАЧЕННОЙ РОДИНОЙ

Талалаева О. Г., канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-5040-9845,
Бородa Е. В., д-р филол. наук, ORCID 0000-000-0002-7790-699X
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, РФ
levseja@gmail.com, lenavladim@rambler.ru

Введение. Феномен литературы первой волны русской эмиграции представляет собой качественно уникальный пласт культуры, где авторы оказались перед необходимостью формировать свои эстетические каноны и традиции в радикальном отрыве от родины. Их миссией стал поиск точек опоры в новой реальности, выходивший за рамки простой адаптации. Этот творческий процесс включал два взаимосвязанных аспекта: сохранение культурного наследия и его трансформацию в новых условиях. При изучении наследия писателей-эмигрантов становится очевидным, что образ России им удалось воспроизвести на страницах произведений, что подтверждается активным вниманием современных исследователей к этому вопросу [см. напр. 1, 4, 5].

Цель данной работы — проанализировать, каким образом литераторы русской диаспоры реализовали свою историко-культурную миссию по сохранению и художественному переосмыслению образа России в условиях изгнания.

Теоретическое осмысление этой миссии началось сразу по прибытии в эмиграцию. Еще в 1920 году В.Н. Муромцева-Бунина в своих дневниковых записях сформулировала мысль, оказавшуюся пророческой: «Литература — это в некотором роде хранительница России» [3, с. 11]. Эта идея определила ту роль, которую художественное слово было призвано играть в самосознании эмиграции, и нашла свое воплощение в деятельности И.А. Бунина: оказавшись во Франции, он вместе с соотечественниками активно обсуждал издание русских книг «для будущей России», рассматривая возможность публиковать авторов-эмигрантов (своих современников).

Центральным вопросом творческих поисков литераторов русского зарубежья стала проблема сохранения культурной памяти, что определило

ключевые темы их произведений: переживание утраты родины и поиск своего места в чуждом окружении. Эти идеи ярко проявились в творчестве И.А. Бунина. В его прозе тема утраченного мира стала художественным лейтмотивом, а обращение к прошлому было способом адаптироваться к настоящему и обрести новую творческую опору. В этом отношении показателен цикл «Темные аллеи», где Бунин предстал не только виртуозным литератором, запечатлевшим любовь во всех ее проявлениях, но и тонким знатоком русской усадебной культуры, до мельчайших деталей воскресившим быт дореволюционной России. Важно отметить, что писатель сознательно выделял характерные приметы старых домов: парковые аллеи, тенистые сады, неповторимую атмосферу. Создается впечатление, что он описывал то, чего остро не хватало ему самому: «Вечером в усадьбе было тихо, наступило успокоение, чувство семейственности…» [2, с. 87]. С особым, почти религиозным трепетом изобразил Бунин и барский дом, сияющий чистотой накануне Рождества Христова: «В доме водворялась тогда полная тишина, благоговейный и как бы ждущий чего-то покой…» [2, с. 17]. Не случайно в рассказе «Таня» автор вновь сказал об «успокоительной простоте <…> усадьбы» [2, с. 92]. Это постоянное чувство бездомности тяготило писателя, мешая обрести внутреннюю гармонию. Оно находило отражение не только в прозе, но и в дневниках, выливаясь в мучительный вопрос, на который не было ответа: «А неужели так и не увидим Россию?» [3, с. 117].

Однако индивидуальный творческий поиск требовал общей платформы для дискуссий, что привело к созданию таких организаций, как литературно-философское общество «Зеленая Лампа». Именно в таких интеллектуальных кружках формировалась эстетическая программа эмигрантской литературы. Как метко заметил русский поэт и критик Ю. Терапиано: «Творчество художника за рубежом, в отрыве — не от России, а от ее текущего дня и «волнения житейского моря», как мы потом убедились, оказалось вполне возможным…» [6, с. 57]. Писатели первой волны несли особую ответственность за сохранение памяти о родине, в отличие от следующего, «незамеченного поколения», в творчестве которого преобладала проблематика выживания в новой реальности.

На одном из собраний «Зеленой Лампы» в речи Д.С. Мережковского прозвучала ключевая антиномия: «Все русские люди жертвуют или Россией — свободе или свободой — России» [6, с. 67]. В противовес Мережковскому З.Н. Гиппиус в своем докладе высказала более пессимистичный взгляд, отметив, что «Русских писателей за рубежом питает вывезенный ими из России и все тающий творческий заряд…» [6, с. 73]. Если бы этот прогноз оправдался, это означало бы постепенное угасание творческого диалога с Россией. Однако история показала обратное: даже спустя годы в литературе диаспоры продолжали публиковаться произведения о России. Романы «Жизнь Арсеньева»

И.А. Бунина, «Путешествие Глеба» Б.К. Зайцева, «Няня из Москвы» И.С. Шмелева стали не просто ностальгическими воспоминаниями, а формами творческого диалога с утраченной родиной, доказавшими, что подлинная культура продолжает жить в пространстве языка и памяти.

Следует отметить, что в изгнании эмигрантам было свойственно идеализировать дореволюционное прошлое, и чем больше становился разрыв с отечеством, тем ярче это выражалось в творчестве. Далекая родина незримо присутствовала в сознании эмигрантов, художественно воплощаясь в целую вселенную. По словам З.Н. Гиппиус: «Русские писатели заблаговременно и предусмотрительно вывезли из России душу» [6, с. 96]. Именно эта «вывезенная душа» и стала основой для того творческого диалога, который вела эмигрантская проза с утраченной, но обретенной в слове Россией.

Заключение. Подводя итоги, можно констатировать, что творческое наследие первой волны эмиграции реализовало свою историко-культурную миссию. Оно стало не только хранилищем национальной памяти, но и активным художественным механизмом ее переосмысления. Писатели-изгнанники сумели превратить тоску по утраченному миру в мощный импульс, создав произведения, в которых Россия продолжала жить, развиваться и обращаться к будущим поколениям. Данный исторический пример демонстрирует неиссякаемую способность культуры к самосохранению даже в экстремальных условиях, что и подтверждается его активным научным осмыслением в современном литературоведении.

Список литературы

1. Антонова, М. В. Образ дома в мемуарной литературе русской эмиграции 1920-1930х гг. / М. В. Антонова, Д.В. Поль // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2022. — № 4. — С. 47–50. — EDN GGYMII.
2. Бунин, И.А. Собрание сочинений : в 9 т. / И.А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1966. — Т. 7. — 398 с.
3. Устами Буниных. Дневники : в 2 т. / И.А. Бунин, В.Н. Бунина. — Москва : Посев, 2005. — Т. 2. — 432 с. — ISBN 5-85824-155-7.
4. Катаева, Е.В. Образы России и Франции в цикле «Рассказы в изгнании» Н.Н. Берберовой / Е.В. Катаева // Филология в XXI веке. — 2023. — № 2 (12). — С. 41–50. — EDN LRDAWC.
5. Николаев, Д.Д. Поэтика творчества И.А. Бунина 1920-1923 гг. / Д.Д. Николаев // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина). — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 976 с. — ISBN 978-5-9208-0685-7. — DOI 10.22455/978-5-9208-0685-7. — EDN RWVVOH. — С. 683–767.
6. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): Эссе, воспоминания, статьи. — Санкт-Петербург ООО Издательство «Росток», 2014. — 664 с. — ISBN 978-5-94668-143-8

УДК 615.849

РОЛЬ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАСКРЫТИИ КОНФЛИКТА ПЬЕСЫ А. САЛЫНСКОГО «ЛОЖЬ ДЛЯ УЗКОГО КРУГА»

Томашевская Н. В., ORCID 0009-0005-9072-1542
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»,
г. Омск, РФ
24asp27@myrambler.ru

Введение. Данное исследование посвящено роли второстепенных персонажей в раскрытии конфликта между правдой и ложью в пьесе А. Салынского «Ложь для узкого круга». Через их действия и диалоги драматург трансформирует семейную драму в социально-нравственное обобщение о природе лжи в советском обществе.

Цель исследовании — изучение роли второстепенных персонажей в развитии центрального конфликта между правдой и ложью в пьесе А. Салынского «Ложь для узкого круга»

Основная часть. Роль второстепенного персонажа формировалась постепенно в ходе развития литературы. Её корни можно проследить еще в древнегреческом театре Эсхила. Более четким понимание термина «второстепенный персонаж» стало в эпоху классицизма (XVII–XVIII века). В своей работе «К вопросу о классицизме» Е.Н. Купреянова отмечает: «Второстепенные персонажи выступают или как объект устремлений (страстей) главных героев, или просто в качестве наперсников. Только эти второстепенные персонажи рисуются прямолинейно как «совершенно порочные» или же «совершенно добродетельные». Но их добродетельность или порочность имеют значение само по себе, а только в той мере, в какой они помогают раскрытию характера и судьбы главных, собственно трагических героев. Последние же «порочны» только в той мере, в какой заслуживают постигшую их катастрофу, и достаточно «благородны» для того, чтоб вызвать к себе сочувствие зрителя» [2, с. 27]. По мнению В.А. Грехнева, второстепенный персонаж является активным участником действия с индивидуальными чертами характера. Его поступки направлены на раскрытие образов главных героев [1, с. 130]. В понимании С.В. Шамякиной, второстепенный персонаж представляет собой значимого участника действия, взаимодействующего с главным героем и влияющего на ход событий [4, с. 20].

В современном литературоведении интерес к изучению роли второстепенных персонажей не только сохраняется, но и возрастает. Анализ публикаций в eLIBRARY.RU за период 2019-2024 гг. выявил положительную динамику исследований второстепенных персонажей как активных участников художественных произведений. Число статей по данной теме возросло с 415 за период 2019-2021 гг. до 464 в 2022-2024 гг.

Исследовательский интерес к наследию А.Д. Салынского (1920-1993) связан с актуальностью поднятых им проблем XX века. Особое значение в этом контексте приобретает изучение системы образов его пьес, где даже второстепенные персонажи, как показано на примере пьесы «Ложь для узкого круга», несут существенную функциональную нагрузку. Специфика драматургического метода Салынского заключается в том, что он стремится распределить идейную нагрузку на всех персонажей.

Центральный конфликт пьесы — противостояние правды (в лице Андрея Качурина, Оли, Ильи Дичалова) и корыстной лжи (Клавдии Бояриновой).

Сергей Ивасюта, архивный работник, появляясь с вестью о героической гибели Василия Качурина выступает как невольный инициатор конфликта. Его наивный энтузиазм: «Собираюсь тиснуть небольшую книжечку, брошюрку для военного читателя» [3, с. 233] и доверчивость: «И вы…вы… стали его женой?» [3, с. 242] создают почву для манипуляций Клавдии. Как отмечает Купреянова, это классический пример второстепенного персонажа как «объекта устремлений» главного героя [2]. Его доверчивость, по Грехневу, служит инструментом раскрытия цинизма Клавдии [1]. Она лжёт, что была женой Качурина, а её дочь Оля — их совместная дочь. Позднее Ивасюта сообщает Клавдии о заявлении Покатова, что Василий Качурин — не герой: «<…> это путаница, нелепость» [3, с. 269]. Клавдия, тут же показывает своё истинное «Я»: «Вы знаете, а ведь все может быть. Все может быть» [3, с. 269]. Ложь Покатова, пытающегося очернить Качурина, для сокрытия собственного предательского прошлого в плену становится катализатором нового конфликта. Из борьбы за «героическое наследие» она вступает в борьбу за спасение репутации и в панике признается дочери: «Пусть отцом будет Дичалов, пусть я нашла тебя в капусте, что угодно, только ты — не дочь Качурина!» [3, с. 274]. Расширяя рамки семейной драмы до социально-нравственной проблематики, автор показывает, что обман Клавдии — часть опасного общественного недуга. Будучи и невольными, и сознательными носителями лжи Ивасюта и Покатов, являются ключевыми второстепенными персонажами, запускающими основной конфликт пьесы.

Илья Дичалов, настоящий отец Оли, вносит в пьесу важный момент. Его молчаливая верность: «Давно молчу, как ты приказала» [3, с. 254], искренность чувств к Клавдии: «Я и теперь этим счастлив» [3, с. 254], олицетворяют человеческую порядочность. Роль Дичалова важна для разрешения личностного конфликта Оли и Андрея. Предъявленные им письма Клавдии из роддома являются доказательством правды. Его роль, по Шамякиной, как «значимого участника» [4], определяет кульминацию конфликта через активное действие. Это позволяет Оле преодолеть навязанный ложный образ «дочери героя» и восстановить связь с Андреем на основе истины.

Максим Минаев, московский ученый, влюбленный в Олю, становится воплощением честности и бескорыстия. В отличии от расчетных Бояриновых, его интеллигентность и отсутствие снобизма, несмотря на высокое положение отца: «Ах, этот Минаев — не сын ли большого Минаева?» — «Сын, сын» [3, с. 250], подчеркивают его порядочность. Готовность Максима принять Олю любой — «Женился бы на Ольге, если бы даже она была дочерью самого сатаны» [3, с. 256] — резко контрастирует с поведением Клавдии и Валерия. Они видят в Минаеве, лишь выгодную партию для Оли. Он же искренне любит ее и готов помочь, даже осознавая, что её сердце выбрало Андрея. Его образ, по Купреяновой, сохраняет черты «добродетельного» типа [2], а, по Грехневу, обретает психологическую глубину [1].

Заключение. Результаты данной работы демонстрируют особую значимость второстепенных персонажей в пьесе. Через их поступки и реплики раскрывается сложная система взаимоотношений между правдой и ложью. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования роли второстепенных персонажей в других пьесах Салынского и в советской драматургии периода «оттепели».

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400354-0).*

Список литературы

1. Грехнев, В.А. Словесный образ и литературное произведение: Книга для учителя. / В.А. Грехнев. — Нижний Новгород, 1997. — 197 с.
2. Купреянова, Е.Н. К вопросу о классицизме XVIII век. / Е.Н. Купреянов. –1959. — Т. 4. — 44 с.
3. Салынский, А.Д. Драмы и комедии. / А.Д. Салынкий. — М.: Искусство, 1977. — 589 с.
4. Шамякина, С.В. Введение в литературоведение: учеб.–метод. Пособие / С.В. Шамякин. — Минск: БГУ, 2019 — 111 с.

УДК 82-3.087.5

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И. И. ЛИКСТАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ)

Третьякова К. С., ORCID 0009-0007-9661-1381
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
k.s.tretiakova@urfu.ru

Введение. Иосиф Исаакович Ликстанов (1900 — 1955) — уральский писатель, автор книг для детей и подростков. И. Ликстанов был вторым после П. Бажова и последним из уральских писателей, получивших

Сталинскую премию. Но на писательском поприще Ликстанова ждали не только головокружительные взлеты и всесоюзное признание, но и резкая критика.

Цель нашего исследования — на материале писем И.И. Ликстанова и воспоминаний современников отследить, как писатель рефлексировал свои творческие успехи и неудачи.

Основная часть. И. Ликстанов начал свою профессиональную деятельность как журналист. С 1919 по 1929 он трудился во флотской прессе, а, начиная с 1930 года после переезда на Урал, в Свердловск, 18 лет посвятил редакции областной газеты «Уральский рабочий».

Известно, что в работе И. Ликстанов был себе очень требователен. О.Ф. Коряков вспоминал: «Он был добр к другим, к себе — нет. Он требовал от себя максимума» [1, с. 206], сохранились так же письма И. Ликстанова, свидетельствующие об этом. Пришедший в литературу из журналистики, писатель очень переживал за судьбу каждого из своих произведений, и не без горькой иронии замечал: «Пишешь вещь — горе, напишешь — вдвое, а издашь /если только издашь/ — так втрое» [3].

По письмам Ликстанова, написанных разным адресатам, можно восстановить циклический характер работы над каждым его произведением. Приступая к новому произведению, он был увлечен планом и работой над ним, скрупулёзно собирал материал для каждой своей книги. За десять лет работы во флотских печатных изданиях Ликстанов хорошо узнал моряцкий быт и устав, так, на основе этих знаний в 1943 году в Свердловском государственном издательстве вышла первая книга И. Ликстанова для детей — «Красные флажки» (в дальнейшем книга была переработана и переиздана московским Детгизом под названием «Приключения юнги»). Повесть «Малышок» (1947) была написана на материале поездок писателя по заданию редакции в первые месяцы войны на уральский заводов, при подготовке повести «Первое имя» (1953) встречался с рабочими Ново-Тагильского завода, а во время работы над романом «Безымянная слава» (1957) изучал материалы библиотеки имени Ленина в Москве, и т. д.

Современники вспоминали, что в процессе работы Ликстанов организовывал читку отрывков из своих произведений, чтобы опробовать материал, и очень переживал за реакцию слушателей. О. Коряков вспоминает: «Однажды Ликстанов читал небольшой группе журналистов главу из “Малышка”. Прочел — и сразу же:

- Ну как? Очень плохо, да? — В вопросах этих звучала тревожная озабоченность» [1, с 206].

Читатели (и дети, и взрослые) встречали книги Ликстанова с интересом и одобрением, его печатал Детгиз, а после выхода повести «Приключения юнги» мэтр уральской литературы П.П. Бажов дал Ликстанову рекомендацию о принятии в члены Союза Писателей СССР, где описал Иосифа Исааковича как «незаурядного мастера занятной фабулы и

прекрасного уменья расположить материал» [6]. Можно сказать, что как писатель он был признан.

Однако, несмотря на одобрение слушателей, читателей и современников, Ликстанов не был до конца уверен в своем писательском мастерстве. Кроме того, почти каждая книга Ликстанова подвергалась резкой критике. Литературные критики журнала «Новый мир», «Литературной газеты» называли его книги «ошибкой издательства», обвиняли в излишнем дидактизме, в неправдоподобности, в равнодушии к тематике произведений. Но были и те, кто был на стороне писателя, так, С. Михалков, вступил в дискуссию с А. Дроздовым по поводу рецензии на повесть «Первое имя».

Но именно негативные критические статьи производили на Ликстанова настолько сильное впечатление, что писатель даже думал о том, чтобы оставить литературу: «…выступление в “Новом мире” было настолько резким, что я всерьез занялся пересмотром своих планов… Понемногу крепла мысль, что в литературу мне соваться не стоит, что достаточно мне и газеты» [7, с. 44]. Впрочем, не писать Ликстанов не мог, его интересовали новые темы для «новых» советских детей.

1 апреля 1948 года за повесть «Малышок», посвященной трудовому подвигу детей в тылу во время Великой Отечественной войны, Ликстанову была присуждена Сталинская премия третьей степени. Коллеги по писательскому цеху приняли успех Ликстанова сдержанно, критики единогласно отмечали важность темы повести, но даже всесоюзное признание не убавило требовательности писателя к себе, он оставался таким же сомневающимся и строгим к себе. Всегда с тревогой ожидал Ликстанов решения Детгиза о публикации каждой своей повести. Так, в 1948 г. он пишет: «Если же Детгиз признает детектив “Зелен-камень” бредом сивой кобылы, то я, закусив удила, стану срочно “доводить” повесть, которую сейчас заканчиваю — “Безымянная слава” из жизни журналистов» [2].

Интересно, что перед Ликстановым всегда стоял какой-то «внешний ориентир». Так, в процессе работы над авантюрной повестью «Зелен камень» (1949) Ликстанов пишет своему другу С.С. Кудрявцеву-Скайфу: «Короче говоря, во мне сказочник все-таки обнаружился, а так хотелось быть Чеховым или Горьким, писать суровую правду. Но не выходит» [5]. Аллюзии на творчество П.П. Бажова, стремление к некоему «правильному» образцу успешного писателя, будь то Чехов или Горький, демонстрируют, что Лисктанова не оставляло желание войти в пантеон «серьезных» писателей, коим он являлся и был признан в детской литературе. Но Ликстанову было этого недостаточно.

Во время написания своего последнего романа «Безымянная слава», который уже нельзя отнести к детской литературе, И. Ликстанов всерьез задумывался о том, чтобы перейти во взрослую прозу, на этот роман он возлагал большие надежды как на трамлин в большую литературу: «Нет-

нет, да и потянусь я к “Безымянной славе” — может быть она даст мне признание как настоящего писателя?» [4]. Но его понимание детской психологии и любовь к приключенческим сюжетам не позволяла ему долго оставаться вне детской литературы. Уже спустя полгода он признается в письме своей супруге Л. Ликстановой, что желает скорее закончить свой взрослый роман с тем, чтобы снова взяться за произведения для детей.

Заключение. Творческий путь И.И. Ликстанова определялся диалогом между внутренними сомнениями писателя и внешними обстоятельствами. Анализ его писем и критических статей позволяет выявить устойчивую модель его работы, для которой были характерны глубокая саморефлексия, болезненное восприятие критики и устойчивая неудовлетворенность достигнутым. Даже будучи обладателем Сталинской премии, Ликстанов продолжал поиск своего места в литературе. Это внутреннее напряжение, с одной стороны, было источником его творческих терзаний, а с другой — двигателем его неустанной работы над собой и своими текстами. Таким образом, творческий путь Ликстанова во многом определялся сложным и непрекращающимся процессом внутреннего самоопределения.

Список литературы

1. Коряков, О.Ф. Дорога без привалов : воспоминания, рассказы, очерки. / О.Ф. Коряков. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. — 278 с.
2. ОМПУ КП 5951/13
3. ОМПУ КП 5951/26
4. ОМПУ КП 9713/11
5. ОМПУ КП 9714/24
6. ОМПУ КП 9715/2
7. Янтовский, З. Незаурядный мастер занятной фабулы / З. Янтовский // Уральский следопыт. — Вып. 12. — 1980. — С. 42-44.

УДК 821.161.1

ПОВЕСТЬ «ВОЙДИ В НАШ СВЕТЛЫЙ МИР» Н. Д. ШУМАКОВА КАК ГОГОЛЕВСКИЙ ТИП ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОВЕСТИ

***Шаравин А. В*[1]., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1282-4229,**
***Старцева И. Л.*[1], канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0002-7376-8769,**
***Резаков Я. О.*[2], канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-2001-3429**
[1]ФБГОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
[2]независимый исследователь, г. Щелково, РФ
ekl1ier@mail.ru, kafedra338@mail.ru, ric.darko@mail.ru

Введение. О писателе Н.Д. Шумакове известно немного: словарная статья и заметки критиков в журналах «Аврора», «Звезда», «Нева». Между тем его произведения интересны необычным преломлением петербургской

линии литературы, модернизировавшей классическую модель петербургской повести Н.В. Гоголя. В словарной статье «Шумаков Николай Дмитриевич (1939 — 2008) — прозаик» Н. Шумских привел биографические данные о писателе и проанализировал некоторые из его рассказов, повестей и романов [1]. В том числе исследователь кратко охарактеризовал и повесть «Войди в наш светлый мир». Шумских отмечал последовательную смену художественных модальностей произведения: «Лиризм переходит в иронию, ирония — в сатиру, мнимая беззаботность оборачивается трагедией: герой попросту исчезает из жизни» [1]. Исследователь делает вывод: тексты Шумакова конца 90-х годов написаны в жанре «фантасмагорической повести» («Войди в наш светлый мир» (1998), «В плену искусственного счастья» (1999)) или «фантасмагорического рассказа» («В лунном сиянии» (2000)). При этом произведения рассматриваются как продолжение «традиции классической русской литературы, где повседневное и обычное воспринимается как нечто ирреальное» [1]. Т. Ермоченко в монографии «Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков» фиксирует, что типологически повесть Шумакова ближе не «Медному всаднику», а «Пиковой даме» А. С. Пушкина и «Портрету» Н. В. Гоголя («в повестях герои отдают свои лучшие качества (трудолюбие, талант) и даже душу за материальное благополучие») [2, с. 87]. По мнению исследователя, «постперестроечный хронотоп обладает в повести Н. Шумакова особыми свойствами — мгновенным изменением-преобразованием материально-предметной сферы», продолжая традицию изображения «миражности санкт-петербургского континиума» [2, с. 89]. Сказанное — лишь первый шаг к постижению жанровой природы произведения писателя.

Основная часть. Жанр и традиция. Повесть Шумакова (1998) по своей жанровой природе восходит к линии «петербургской повести» Н.В. Гоголя в 1830-1840-х годов. Петербургская пространственная локализация, изображение изломов судьбы «маленького человека», напряженная атмосфера абсурда возводят текст современного прозаика к гоголевской традиции. Однако жанр у Шумакова обладает модификационными признаками, отразившими эпоху победившей буржуазно-криминальной революции, разрушившей советский табель о рангах. Гоголевская петербургская повесть («Шинель», «Невский проспект», «Нос») соединяет бытовой пласт с фантастикой и гротеском. Сюжеты писателя строятся на развитии мотивов вторжении абсурдного начала или сверхъестественного элемента, разрушающих повседневный порядок, на превосходства чина над человеком. В жанровом плане это синтез реализма, сатиры, романтического и религиозного мироощущений, абсурда, мистификации, петербургской фантастики и миражности. У Н. Шумакова гоголевский тип петербургской повести модернизируется. Уровень существования реальности искажается, действительность у

прозаика образует единый пространственно-временной план с рекламными изображениями. Билборды оказываются фантастическими порталами, переносящими человека в рекламные щиты и навеки замыкающие в них. Жанр петербургской повести Н. Шумакова функционирует на грани социально-психологической прозы, сатирической зарисовки и симулятивности как приема, определяющего особое фантастическое свойство рекламных билбордов — втягивать человека в свое пространство, делает его частью своей изобразительности. О.Г. Дилакторская констатирует, что в петербургских повестях Н.В. Гоголя «фантастическое являет сущность действительного», фантастика «не только средство, но и способ видения действительности» [3, с. 78]. Н. Шумаков следует традиции гоголевской петербургской школы (Петербург, ломающий судьбу маленького человека; пространство города, открывающее порталы в рекламную реальность), но усиливает в жанре в социально-психологическую составляющую.

Концепция личности. В центре гоголевской петербургской повести Гоголя образ «маленького человека», судьба которого подчинена внешним силам — бюрократии, социальной иерархии, непостижимым обстоятельствам. Акакий Акакиевич из «Шинели» растворён в служебных обязанностях; его внутренний мир минимизирован, а единственная мечта (новая шинель) оборачивается трагедией. Герой становится жертвой мира, для которого его существование не имеет ценности. Шумаков переносит этот тип героя в пространство конца XX века, но меняет акценты. Его герой также «маленький человек», живущий в условиях давления социума и осознающий собственное несоответствие перестроечной жизни. Отличительная черта повести Шумакова — акцентирование интуиции главного героя. Персонаж на уровне инстинкта фиксирует и осознает своё безнадежное положение в мире. В этом проявляется важный сдвиг: если у Гоголя личность исчезает в «системе», почти не сопротивляясь ей, то у Шумакова личность «парализована безнадежностью» [4, с. 78]. У Шумакова концепция маленького человека реализована через расколотость его сознания. Герой раздвоен: он подчинен социальному механизму, любые ситуации, в которых он оказывается, оборачиваются для него неблагоприятными обстоятельствами, в то же время он чувствует дьявольские эманации, сопротивляется по мере сил им. Герой Шумакова побеждён безысходностью реальности, но внутренне не принимает и не согласен с правилом хищника, утверждаемого законами перестроечного времени**.**

Композиция гоголевской петербургской повести строится на переходе повседневного в фантастическое («Фантастическое в художественном мире петербургских повестей выражает не призрачность реальности, а абсурдность и призрачность жизни, порожденной существующими социальными законами … догмами, опутавшими жизнь и человека») [3, с. 78]. В «Шинели» описываются будни Акакия Акакиевича и лишь в финале в повествование

вторгается «фантастический элемент» — призрак, мстящий за шинель. Этот приём ломает привычный ход изображения событий, переводя бытовую историю в метафизический план. У Шумакова композиция иная. Его повесть строится линейно, без фантастического взрыва. Вмешательство сверхъестественных сил настолько обыденно входит в жизнь героя, что он воспринимает мистическое как часть реальности, ее естественное проявление. В повествовании постепенно усиливается абсурд: события развиваются в бытовой манере, но ситуации фантастичны, противоречивы, гротескны. Абсурдность в повести лишена фантастичности, выступая органичной частью реальности.

Заключение. Повесть Шумакова — современное переосмысление гоголевской петербургской повести. Писатель усиливает давление социальных обстоятельств на героя, беспощадно уничтожающих его право на маленькое человеческое счастье. Повесть Шумакова — современное переосмысление петербургской повести, основанная на концепции личности, уязвимой пред хаосом города и общества, но пытающейся сохранить право самой решать собственную судьбу.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/sh/shumakov. Дата доступа: 30.09.2025
2. Ермоченко, Т. К. Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков / Т. К. Ермоченко — Брянск: РИО БГУ, 2021. — 220 с.
3. Дилакторская, О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский). Дис. ... докт. филол. наук. / О.Г. Дилакторская. — Москва, 2000. — 688 с.
4. Шумаков, Н. Войди в наш светлый мир. Повесть / Н. Шумаков // Нева. — 1998. — № 7. — С. 117-144.

УДК 821.161.1 — 292 «18»

ВЕРТЕПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК ЧАСТЬ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ОБРЯДА

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-007-0607-1175,
Семенова И. Г., ORCID 0009-0000-0387-705X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru, aleksa2508@mail.ua

Введение. Рождественская культура и традиции связаны непосредственно с историей появления на свет Иисуса Христа. На Руси Рождество Христово стали отмечать после принятия христианства

в 988 году. В рождественских обрядах переплетались христианские (религиозные) и языческие (народные) традиции. Праздничные богослужения в церквях сочетались с народными обрядами, такими как колядование, ряжение.

У язычников колядование было связано с началом нового календарного года. Важную роль в народных обрядах играла аграрная магия (магические песни и действия), призывающая способствовать благополучию семьи. Колядующие наряжались в маски, костюмы, чаще всего рядились в животных: козу, медведя, аиста, коня; и ходили по домам, разыгрывая сценки.

С точки зрения, Э.Ф. Шафранской: «Ряжение было игрой, не превратившейся еще в спектакль, но уже полностью утерявшей магическое значение» [4, с. 256]. С потерей магического значения обряд превращался в развлечение.

Постепенно игры стали отделяться от обряда и сатирические сценки влились в народные драмы и вертепные представления в виде интермедий, тем самым нося самостоятельный характер.

Цель нашей работы — исследовать и проанализировать причастность вертепного представления к рождественскому обряду.

Основная часть. Рождество Христово является самым значительным праздником в христианской культуре, ассоциируемый с миром, надеждой и спасением.

Составляющими компонентами рождественской культуры принято считать колядование, ряжение, вертепное представление. По мнению М.Г. Давидовой, «в широком понимании вертеп является частью колядного комплекса народных Святок и почти всегда неразрывно связан с разными формами колядования: хождением ряженых со «звездой» (в виде разноцветного фонаря на шесте) или яслями с Младенцем; чтением школьниками рождественских стихотворений «рацей» или ритмизованных диалогов «катехизирующего» характера, пением духовных стихов с целью получения вознаграждения и др.» [1].

В основе вертепного представления — сюжет о Рождестве Христове, который разыгрывается в специальном многоэтажном ящике при помощи кукол, музыкального сопровождения и текста. Для русской вертепной драмы характерна конструкция двухярусного вертепа (религиозная и бытовая части играются отдельно друг от друга) [4, с. 270].

Главными символами рождественского вертепа являются: Вифлеемская звезда (ее сияние способствовало встречи волхвов и Младенца Иисуса), Ангелы (добрые небесные посланники), свечи (свет Бога), колокольчики (радостный перезвон в честь рождения Младенца) и сам вертеп (символ пещеры, где появился на свет Христос). По мнению И.П. Уваровой, «порядок во всем мире зависит от Новорожденного» [3, с. 72].

Вертепное представление соединяет театральную и праздничную действительность. Это можно увидеть в оформлении вертепного ящика. В декорациях используются как макеты, так и настоящие иконы: «пересечение театральных и праздничных (церковных) реалий на уровне вертепных декораций проявляется в том, что наряду с бутафорией (трон царя Ирода) здесь появляются подлинные знаки реальности (иконы). Последние сосуществуют с метафорическими и символическими храмовыми знаками. К метафорам относятся кукольная вертепная колокольня, откуда в начале представления возвещает колокольчик, подобно тому, как о начале богослужения — колокол» [1].

В отверстие под крышей конструкции вертепного ящика могла располагаться лампа или свеча для освещения Вифлеемской звезды. Все представление происходило при свете свечей, тем самым, погружая зрителей в волшебную атмосферу.

Свечи играли очень важную роль в процессе постановки вертепного представления, символизируя Благодать, которую Иисус Христос приносит в мир, отражая веру в надежду в лучшие времена, а также напоминая о важности поддержки друг друга в тяжелые времена, о значимости семьи, любви. Горящая свеча — символ защиты от злых духов.

Музыкальное сопровождение вертепного действа состояло из церковных песнопений, кантов из Богословника и народной танцевальной музыки (сцены бытового характера, показанные на нижнем этаже). Тексты для вертепной драмы были общеизвестными, могли использоваться тексты из рождественского тропаря, а также в диалогах персонажей бытовых сцен использовали зачастую сказовый (или раешный) стих.

Куклы в вертепном действе также имели символическую важность. Святое Семейство — символ любви, преданности, надежды и спасения. Волхвы — принесли дары Младенцу: золото (на свет появился Царь), ладан (божественное начало), смирну (смерть и воскрешение). Персонажи народного фольклора присутствовали в интермедиях, они играли различные сцены (смешные, печальные, праздничные, трогательные), которые тревожили, волновали или восхищали зрителей, пробуждали чувства.

Бытовые сцены (интермедии) добавляли разнообразие и задерживали внимание зрителей. Они удерживали равновесие между серьезным и комическим, и это позволяло зрителям одновременно глубоко погружаться в сюжет и получать удовольствие от просмотра, тем самым становясь связующей нитью между двумя разными мирами [2].

Вовлечение зрителя в вертепное представление происходило при помощи кукол, которые обращали свои диалоги в зрительный зал, а не друг к другу, позволяя, таким образом, зрителю стать соучастником этого представления. А также зритель получал возможность увидеть себя со стороны, т. е. увидеть и узнать в разыгранных сценах себя и свою жизнь по-новому, и попытаться найти ответы на долгожданные вопросы.

В заключении, стоит отметить, что вертепное представление не только является украшением рождественского праздника, но и несет в себе глубокое религиозное и культурное значение, а также играет важную роль в воспитании подрастающего поколения, помогая укреплять веру и познать любовь Бога к каждому из нас, независимо от ситуации, в которой мы можем оказаться. Потому что разрушить веру можно было только незнанием и равнодушием.

Вертепное представление можно по праву считать частью рождественского обряда, так как оно непосредственно символически связано с Рождеством Христовым. Сюжеты вертепного действа создают праздничную атмосферу и сопровождаются народными обрядами.

На данный момент во время празднования Рождества Христова, особенно в селах, молодежь и дети отправляются к родственникам и соседям с **колядками**, в которых славят Христа, поздравляют с его рождением, а также приносят добрые пожелания хозяевам. Иногда готовят театрализованные сценки рождественской тематики, в костюмах, с главным символом праздника — звездой. Хозяева одаривают их выпечкой и сладостями.

Список литературы

1. Давидова, М.Г. Русский вертепный театр в традиционной культуре / М.Г. Давыдова. — [Электронный ресурс] URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=77055 (дата обращения: 25.09.25).
2. Некрылова, А.Ф. Народный театр / А.Ф. Некрылова, Н.И. Савушкина / Сост., вступ. ст., подгот. Текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. — Москва: Сов. Россия, 1991. — 544 с. ISBN — 5-268-00784-х
3. Уварова, И.П. Вертеп: мистерия рождества / И.П. Уварова. — Москва: Прогресс-Традиция, 2012. — 392 с. ISBN — 978-5-89826-394-2
4. Шафранская, Э.Ф. Устное народное творчество :учебник и практикум / Э.Ф. Шафранская. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. –346 с. — ISBN — 978-5-534-13399-8

УДК 398.22+821.161.1.09

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. НЕКРАСОВА

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-007-0607-1175,
Шевченко С. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru, sof.shevaa.1@mail.ru

Введение. Былина в традиционном её понимании — устная героико-эпическая песня с устойчивой композицией (задел — изложение — исход), формульной лексикой и цепочками эпитетов; такие структурные и

стилистические признаки былин подробно зафиксированы в современной былиноведческой литературе: роль «зачина», троекратных повторов, клишированных эпитетов и «наращивания» эпизодов, а также преемственность сюжетных наборов — всё это является отличительной поэтикой народного эпоса.

В русской литературе XIX в. наблюдается устойчивый интерес к фольклору, Н.А. Некрасов был среди тех поэтов, которые умело включали фольклорные мотивы в собственное творчество. Между былинной традицией и творчеством писателя прослеживаются явные формальные и интонационные сходства: зачин, песенные вставки, эпитеты, повторения. Однако эти элементы у автора не выглядят как простое заимствование из устного эпоса, он использует их осознанно, как художественный инструмент, для создания собственного поэтического стиля.

Цель нашей работы — выявить и проанализировать особенности восприятия и переосмысления былинной традиции в поэтике Н.А. Некрасова.

Основная часть. Н.А. Некрасов проявлял живой интерес к фольклору, это видно из опубликованного каталога его библиотеки, где находились сборники русских народных сказок, былин, «Материалы для этнографии России», «Труды сибирской экспедиции» и множество других изданий. Н.А. Некрасов опирался на народные знания не только из книг, но и на собственные наблюдения.

Поэт использует фольклорные материалы для решения нескольких задач: с одной стороны, он обращается к устному народному творчеству как к неотъемлемой части жизни крестьян, что позволяет ему создавать полные и детальные картины их быта; с другой стороны, фольклор делает его произведения ближе и понятнее для самих крестьян, облегчая восприятие текста. Он включал фольклорную, в том числе былинную, традицию не как утилитарный «декор», а как поэтический инструмент, который перерабатывал и приспосабливал к своим социально-гуманистическим целям: от формальных приёмов — к переосмыслению героя и народа как морального критерия.

Фольклорно-былинная традиция — ключ к пониманию поэтики Н.А. Некрасова, ведь во многих его произведениях («Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники», «Русские женщины» и др.) встречаются приёмы и мотивы, характерные для былин: зачин, формульность, повторы, песенные вставки, причитания, образы богатырей. Эти элементы придают текстам автора эпическую интонацию и связывают их с устной традицией.

Первые строки поэмы «Кому на Руси жить хорошо» выполняют роль своеобразного «зачина», который звучит как народная легенда или сказание и сразу настраивает читателя на восприятие текста в духе устной эпической традиции: *«В каком году — рассчитывай, / В какой земле — угадывай, / На столбовой дороженьке / Сошлись семь мужиков…»* [2, с. 11]. Здесь

прослеживается стилизация под былинный зачин: *«Как не да́лече-да́лече во чисто́м во поли́, / Тута куревка́ да поднималася, / А там пыль столбом да поднималася, — / Оказался во поли добрый молодец»* [1, с. 18]. Как в эпосе звучит формула, так и у Некрасова зачин фиксирует пространство и время не конкретно, а мифологически-расплывчато. Эпическая неопределённость («в каком году») задаёт универсальность повествования: действие как будто происходит «всегда и везде», в «народной истории». Но функция зачина иная: в былине он вводит в мир подвига богатырей, а у Некрасова — в мир странствия простых мужиков, ищущих «счастье» на Руси. Таким образом, формальный приём идентичен, но содержательная установка смещена: от героического эпоса — к социальной эпопее.

В былине песня чаще всего организует эстетическое восприятие подвигов и декларирует идеалы; у Некрасова песня — «социально информативный» пласт: она раскрывает быт, страдание, моральные основания общинной жизни. Поэтому схожие формальные инструменты служат разным целям: в эпосе — возвеличивание, а в произведениях Некрасова — документализация и нравственное осуждение.

«Героем» Н.А. Некрасова часто оказывается обычный крестьянин (или «народ» как совокупность), и именно через его страдание и нравственную величину поэт создаёт идеал.

В былине герой — богатырь, фигура мифологизированная и полуисторическая; через образ героя артикулируется идеал силы, верности князю и земли, его деяния закрепляют сакрально-патриотический код.

У Некрасова встреча с «богатырем» нередко оказывается встречей с народным «святым» или с тем, кто несёт моральную силу — образ трансформирован от воинского богатыря к нравственному идеалу. Такой приём представлен в ряде глав поэмы, где бытовая легенда получает «богатырскую» окраску.

В главе «Савелий, богатырь святорусский» автор вводит фигуру крестьянина-каторжанина: *«С большущей сивой гривою, / Чай, двадцать лет не стриженной, / С большущей бородой, / Дед на медведя смахивал»* [2, с. 111]. Савелий представлен в былинной тональности: эпитет «богатырь святорусский» явно восходит к эпической формуле. Однако это не воин на поле брани, а старик, много лет проведший в каторжных оковах. Его «подвиг» — не победа над врагом, а несгибаемость перед несправедливостью, стойкость в страдании.

Особенно ярко проявляется способ, которым автор передает величие Савелия. С помощью гипербол: *«Входил он: ну распрямится? / Пробьет дыру медведице / В светелке головой!»* [2, с. 111], *«Медведи... да с медведями / Справлялись мы легко. / С ножищем да с рогатиной / Я сам страшней сохатого…»* [2, с. 114] — его образ приобретает черты, напоминающие богатыря из народного фольклора. Эти преувеличения придают фигуре Савелия настоящую эпическую значимость.

Сопоставление с былинами показывает трансформацию архетипа: в былинах богатырь защищает землю и князя, у Некрасова — народ и его нравственную правду. Савелий — это «переосмысленный Илья Муромец»: не физическая сила, а духовная выносливость становится критерием героизма. Н.А. Некрасов использует фольклорные формы не только для создания эпического колорита, но и для того, чтобы показать, как живёт народ и какие ценности ему важны. Эта же тенденция прослеживается и в других произведениях поэта, где народная песенность и былинные мотивы становятся инструментом художественного анализа социальных и нравственных явлений, например, в поэмах «Коробейники» (1861 г.) и «Русские женщины» (1871-1872).

Заключение. Обращение Н.А. Некрасова к былинной традиции не сводится к стилизации или заимствованию, используя элементы эпической поэтики — зачин, повторы, формульность, песенные вставки, мотивы богатырства и причитания, — поэт создаёт собственную «народную эпопею». В его текстах архетип богатыря трансформируется: героем становится крестьянин, женщина, сам народ, чья духовная стойкость и нравственная сила оказываются важнее воинской доблести. Если в былинах эпос направлен на возвеличивание прошлого, то у Некрасова он служит для осмысления настоящего и критики социальных порядков. Такое взаимодействие литературы и фольклора позволило поэту выразить национальную идею в её современном измерении и сделать народ главным героем русской литературы XIX в.

Список литературы

1. Былины. Древнерусская литература: Сборник / Составила и оформила О. Горбовская. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — ISBN 978-5-699-80253-1.
2. Некрасов, Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Стихотворения и поэмы / Н.А. Некрасов. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 538 с. — ISBN 978-5-534-12999-1.

Журналистика и медиакоммуникации: вызовы и тренды

Подсекция 1

УДК 070:94(470.345)”19”

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ВЕКТОРЫ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В МОНОИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Антонова В. И., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9787-2870,
Резяпкина Л. Н., канд. истор. наук, ORCID0009-0004-0522-1475
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск, РФ
belkich@rambler.ru, kutorkinaluda@mail.ru

Введение. Характерной чертой функционирования всей системы средств массовой информации и пропаганды (СМИП) СССР в середине прошлого столетия была информационная «вертикаль» Центра и Периферии, означающая негласное, идейно-политическое подчинение средств информации советских социалистических республик, автономных советских социалистических республик ведущим общественно-политическим изданиям Центра — газетам «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда». Данные графические средства информации, находившиеся на «вершине вертикали» партийно-советской прессы руководствовались на практике, прежде всего, идеологическими инициативами Коммунистической партии Советского Союза, выражающимися в программных партийных документах. Подобная идейно-политическая резигнация являлась типичным признаком функционирования всей системы СМИП хрущевской «оттепели».

Если приоритетным вектором для СМИП Центра являлось обеспечение своевременной, полезной информацией населения всей страны, то главным для региональной прессы — удовлетворение аналогичных информационных потребностей, но — региональной аудитории. Парадокс данного тезиса заключается в том, что средства массовой информации — как Центра, так и Периферии — в хрущевский период не всегда ставили во «главу угла» цель — удовлетворение насущных, социально-бытовых информационных потребностей масс. У издающих, учредительских организаций были иные приоритетные установки — пропаганда политики партии, агитация идеалов

социалистического образа жизни, доведение до аудитории задач и решений партийных съездов, постановлений. Центральные газеты являлись идеологическими ориентирами для областных, республиканских, районных комитетов партии. Но региональному обывателю «родные» новости местной прессы были значимее, актуальнее, интереснее. Что подтверждается огромным количеством писем народных корреспондентов, читателей, поступающих в редакции республиканских, районных газет. Для партийного руководства страны это послужило сигналом к активизации процессов координации прессы, усилению внимания к социальным проблемам региональной аудитории.

Цель — детерминация агитационно-пропагандистских ориентиров средств массовой информации и пропаганды Центра и Периферии, верификация типологических параметров периодических изданий Мордовской АССР периода хрущевской «оттепели».

Основная часть. В 50-е–60-е годы прошлого века активное внедрение в практику региональных газет принципов координации массовой информации на уровне республики, города, района ускоряет процессы информирования аудитории актуальными, злободневными новостями. В системе СМИП Центра, а также союзных, автономных республик постепенно очерчиваются типологические контуры всех газетных изданий. Так, в передовой статье «Больше внимания распространению печати» от 21 января 1954 года («Рузаевская коммуна») изложены основные типы печатной продукции в Мордовской АССР: «…в Мордовии издается 33 городских и районных газеты. Три литературно-художественных альманаха, «Блокнот агитатора», республиканские газеты «Советская Мордовия», «Молодой ленинец». Разовый тираж всех этих газет составляет 110 тысяч экземпляров…».

Результатом «оптимизации» СМИП периода хрущевской «оттепели» явилась следующая верификация средств информации, функционирующих на территории МАССР:

1. *Общественно-политические* республиканские газеты (масштаб распространения — МАССР) — «Известия Мордовии» (издавалась с 1918 года), тираж 42 тысяч экземпляров; «Республика молодая», тираж 35 тысяч экземпляров; национальные издания (общий тираж 4,5 тысяч экземпляров) — «Мокшень правда» («Мокшанская правда»); «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»).

2. *Районные издания (*масштаб распространения — конкретный районный периметр) — «Темниковские известия» (г. Темников), «Голос Примокшанья» (г. Ковылкино), «Красная Слобода» (г. Краснослободск), «Ельниковская трибуна» (с. Ельники), «Вперёд» (Атяшево), «Маяк» (г. Ардатов), «Восход» (с. Большое Игнатово), «Инсарский вестник» (г. Инсар) и др.

3. *Многотиражные печатные СМИ* — газеты партийных, профсоюзных, комсомольских комитетов, а также администраций

предприятий, учреждений, учебных заведений и пр. Как правило, в них отражалась информация, пропагандирующая передовой опыт тружеников, мобилизующий на повышение эффективности производства. Бурное развитие в республике «многотиражки» получили в 50-е — 60-е годы после выхода постановления ЦК КПСС в августе 1953 года «О порядке разрешения на издание многотиражных газет». На территории Мордовской автономии в данный период функционировали, к примеру, многотиражные издания — «Сельский строитель» (1965 г, трест «Агропромспецстрой»); «Строитель» (1967 г, трест «Саранскжилстрой»); «Трибуна строителя» (1956, трест «Мордовпромстрой»); «Биохимик» (1963 г, «Биохимик»); «Преобразователь» (1963 г, «Электровыпрямитель»); «Светотехник» (1967 г, «Электроламповый завод») и др. [1, с. 18–20].

4. Важное агитационно-пропагандистское значение имела также с*тенная (низовая) печать,* в функции которой входило освещение опыта передовиков производства. О важности наглядной агитации в социалистических условиях свидетельствует статья, опубликованная в «Советской Мордовии» 18 октября 1958 года «Боевая задача нашей партии».

5.Типологическая картина СМИП МАССР дополнялась подсистемами республиканского *телевидения и радио.* Так, 23 февраля 1956 года телевизоры впервые смогли посмотреть жители городов Ромоданово, Саранск, Рузаевка, а к осени 1960 года в столице Мордовии начал действовать телецентр [2]. В общей сложности, к середине 50-х годов в МАССР насчитывалось 92 радиоузла, 86.446 радиоточек. К 1958 году были радиофицированы все райцентры и города Мордовии, а также 83% сел и деревень.

Заключение. Принцип партийности в хрущевский период определял организационно-деятельностное начало как средств массовой информации и пропаганды Центра, соответственно, СМИП регионов, в частности, Мордовской АССР. По результатам эмпирического мониторинга республиканских СМИ за 1956 год материалы с «явным» агитационно-пропагандистским эффектом в газетах занимали более 40 % площади полос, а публикации с «потенциальным» агитационно-пропагандистским эффектом — более 48% площади полос, что свидетельствует о тотальной идеологизации содержания СМИ республики. В моноидеологических условиях в стране постепенно складывалась типологическая структура средств информации — печать, радио, телевидение. Газетная подсистема СМИП Мордовской автономии состояла из следующих типов газет: общественно-политические центральные и республиканские издания; общественно-политические районные издания; многотиражки — издания учреждений, заводов, фабрик; стенная (низовая) печать. Наиболее мощной агитационно-пропагандистской площадкой в данной системе являлся тип общественно-политических изданий Центра — негласный «идеологический ориентир», «диктующий» проблемно-тематические, структурно-содержательные инициации всему журналистскому сообществу СССР.

Список литературы

1. Антонова В.И. Типология региональных средств массовой информации. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — С. 18–20: ISBN 978-5-7103-2118-8
2. Все о Мордовии : Энцикл. справ. / [Сост. Голубчик Е. М. и др.]. — Саранск : Морд. кн. изд-во, 1997. — 713 с. : ISBN 5-7595-1028-2.).

УДК 615.849

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ КАК НИША В РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Артамонова И. М., д-р наук по соц. комм., доц.,
ORCID 0000-0002-6936-0974,
Тимофеева К. М.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, ksusha.timofeeva.st@gmail.com

Введение. Специфика аудиовизуальных технологий позволяет в рамках телевизионных форматов развивать собственные зрелищные формы. Телевидение стало не только развивать досугово-развлекательную тематику, но и активно создавать и развивать новые жанровые направления, а затем и целые развлекательные каналы [3, с.3].

В современных условиях региональные телеканалы сталкиваются с уникальными вызовами и задачами. Одним из важных аспектов сегодняшней медиасистемы является развлекательный контент, который выполняет необходимые социальные и культурные функции. В данной работе рассматривается роль развлекательного контента на региональном телевидении Донецкой Народной Республики, анализируется его влияние на аудиторию и перспективы развития.

Цель данного исследования — выявить особенности развлекательного контента в медиаполе ДНР, его роль в формировании культурной идентичности и эмоциональной стабилизации общества, а также предложить рекомендации по совершенствованию развлекательных программ в регионе.

Основная часть. Современные исследования медиасистем указывают на то, что развлекательный сегмент телевидения выполняет не только функцию досуга, но и важную социально-коммуникативную роль [2]. Развлекательный сегмент телевидения традиционно воспринимается как «второстепенный» по отношению к информационным и политическим передачам. Однако именно эта категория контента становится элементом медиапространства, обеспечивающим

эмоциональную компенсацию, формирование культурной идентичности и удержание внимания аудитории [1].

Если говорить о региональном телевидении, то можно отметить, что в программной сетке телеканалов Донецкой Народной Республики наблюдается дефицит развлекательных программ. Доминирующей остается информационная составляющая, так как повестку в регионе формирует специальная военная операция и социально-политические процессы. Преобладание жанров новостной и аналитической направленности объясняется как структурными ограничениями (ресурсными, кадровыми), так и идеологическими задачами. Однако потребность в развлекательном контенте сохраняется и проявляется через обращение жителей республики к федеральным российским каналам и видеохостингам.

Развлекательные программы в данном контексте выступают своеобразным «эмоциональным амортизатором». Их функция заключается в снижении уровня тревожности населения, формировании позитивного эмоционального фона, а также в демонстрации культурного многообразия региона.

Хотя развлекательный контент формально отделен от новостей, на практике он часто переплетен с идеологией. Такой контент используется как «витрина». Он также влияет на создание положительного имиджа республики. Программы, посвященные путешествиям, профессиям или традициям, транслируют образ стабильности, культурной преемственности и позитивной социальной динамики. В условиях вынужденного ограниченного разнообразия программ именно эта ниша отвечает за демонстрацию культурной жизни. Таким образом, сектор развлечений превращается в инструмент для формирования мнений и повестки, а не только в «отдых».

С 2025 года региональные телеканалы ДНР («Первый республиканский канал», «Оплот ТВ») вошли в состав «Республиканского медиахолдинга». Телеканалы имеют одинаковую информационную повестку. Однако развлекательный контент каналов отличается, при этом его на сегодня не так много.

Рассмотрим программу «Поехали» на телеканале «Оплот ТВ». Формат программы абсолютно не новый — тревел-шоу. Программа о городах республики, каждый выпуск — новый населенный пункт. Ведущая-путешественница посещает знаковые локации, общается с местными жителями, раскрывает традиции и культурные особенности региона. Важно отметить качественный уровень технического исполнения (работа операторов, монтаж, режиссура). Программу не только транслируют в телеэфире, а также публикуют в социальных сетях, изначально размещая анонс интересным фрагментом из выпуска.

«Журналист меняет профессию» на «Первом республиканском канале». Эта программа формата реалити. Двое ведущих пробуют себя в

новых профессиях под руководством наставников. Здесь можно отметить качественную работу операторов, журналистов, монтажеров и режиссера. Программу продвигают при помощи анонсов. Для некоторых выпусков есть отдельные анонсы в вертикальном формате, специально для социальных сетей, что соответствует современным тенденциям медиапотребления.

Презентуем следующие рекомендации для республиканских телеканалов ДНР по расширению современного культурного медиаполя.

- Увеличить объем оригинальных развлекательных проектов, расширяя жанровый диапазон. За последние годы наблюдается тенденция повышения качества контента республиканских телеканалов, однако при этом количество производимых развлекательных программ не демонстрирует аналогичного роста. Это указывает на необходимость устойчивого фокуса на расширении объёмов качественного контента.
- Применять мультимедийные стратегии продвижения (фрагментация выпусков для разных площадок, короткие видеоролики для соцсетей, использование кроссплатформенного взаимодействия).
- Развивать копродукцию с федеральными и региональными каналами России, что позволит повысить уровень технического исполнения и привлечь более широкую аудиторию.
- Создавать проекты, отражающие культурное наследие и современные практики региона.

Заключение. Развлекательный контент в ДНР занимает нишу эмоциональной стабилизации и легитимации, при этом балансируя информационную повестку и формируя образ культурной жизни. Это не просто «дополнение» к новостям, а структурный элемент медиапространства, работающий на удержание региональной телевизионной аудитории.

Список литературы

1. Дунас Д.В. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения /С.А. Вартанов, Д.Ю. Кульчицкая, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова / Вестник Московского университета. — Серия 10: Журналистика. — 2019. — №2. — С. 3-28.
2. Вартанова Е.Л. От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России: колл. моногр. / под ред. Е.Л. Вартановой. — Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. — 208 с.
3. Новоженина А.С. Эволюция жанра телепередачи «утреннее развлекательное шоу»: на примере телеканалов Курска и Орла: автореферат дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03 / А.С. Новоженина; Акад. Медиаиндустрии. — Москва, 2015. — 26 с.

УДК 615.849

ТРАНСЛЯЦИЯ НОВОЙ МЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННЫМИ СМИ ДОНБАССА

Артамонова И. М., д-р наук по соц. комм., доц.,
ORCID 0000-0002-6936-0974,
Якубовская А. Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, natalya.marhon@yandex.ru

Введение. Обладая специфическими возможностями влияния, СМИ воздействуют на общественное мнение и личностное мировоззрение, а в силу своей всеобщности и всеохватности способны формировать духовный облик каждого нового поколения [1, с.170].

В условиях стремительных изменений информационного пространства СМИ играют ключевую роль в формировании ментальных моделей общества. При этом особое внимание заслуживает анализ современных медиа Донбасса, где политические, социальные и культурные реалии требуют особого подхода к изучению. В данной работе рассматривается трансляция новой ментальной модели через призму телеграм-каналов «Горловка.РУ.Новости СВО» и «DMG 132 бригада Беркут», которые активно функционируют с начала СВО.

Целью исследования является выявление особенностей контента выбранных телеграм-каналов, а также анализ их влияния на формирование общественного мнения и восприятия событий в регионе.

Основная часть. Термин ментальность можно понимать как облик или духовный склад, он означает единую внутреннюю направленность, сравнительно целостный комплекс идей, образовывающий цивилизованные устои [4]. В максимально широком понимании ментальность — это опосредованная культура с точки зрения психики. Стоит отметить, что психика является продуктом развития общества, именно она присуща всему живому, ментальность же — некий продукт истории, по этой причине она свойственна только человеку. Исследуя данный термин, главный акцент мы делаем на культурном опыте общества.

На сегодняшний день Донбасс — один из наиболее неспокойных и нестабильных регионов на современной карте мира, так как испытывает на себе исторический и общественно-политический кризис. Из этого следует, что видоизменяется вся концепция целостности, в том числе и медиасистема, которая выходит на иной уровень для того, чтобы отвечать современным вызовам и тенденциям. Опираясь на представленные теоретические выводы, мы рассмотрим и проанализируем телеграм-каналы, которые являются частью массмедийного комплекса Донбасса в настоящее время.

Телеграм-канал «Горловка.РУ.Новости СВО». Количество подписчиков более 10 тысяч человек. Здесь публикуются оперативные сводки, новости из Горловки, Республики и мира: 80% материалов — о ходе СВО, еще 20% — об общественно-политических мировых новостях. В среднем выходит 100 постов в день. Данный канал интересен обозрением текущей общественно-политической повестки. Материалы носят резкий негативный характер по отношению к украинскому и американскому политическим режимам.

Речевые особенности телеграм-канала: юмор, ирония, вводные конструкции, присутствие обсценной лексики. Ирония заключается в реакции на материалы украинских и западных СМИ. Так, к примеру, в «BBC News» был опубликован материал «Российская армия стремительно наступает. Но меняет ли это ход войны на Украине?». Реакция анализируемого телеграм-канала на эту новость следующая: «Как бы зрада, но по ощущениям вроде перемога» [2]. Также часто можно встретить следующие слова/фразы: «Укротеррористы, казнокрад-миллиардер, крошат укроп, рагуляку на гыляку, черти из ТЦК» [2].

Активность телеграм-канала «Горловка.РУ.Новости СВО» высокая. Почти все материалы обладают эмоционально-экспрессивной окраской, что отражается в таких фразах: «бесноватые сходят с ума; как сообщают сами хохлы; Киев принимает своих нацистов назад; ТЦК продолжает паковать мясо» и т.д [2]. Исходя из этого, мы понимаем, что телеграм-канал создает определенный эмоциональный фон, формируя мнение аудитории. На ментальном уровне это характеризуется следующим выводом: Россия — историческая Родина, которая освобождает людей от нацистов подобно нашим дедам во время Великой Отечественной войны, а Украина — нацистское государство, которое с развала Советского Союза формировало мнение о том, что Россия — враг, а Америка — друг, в результате чего сами же украинцы сегодня умирают за амбиции американцев.

«DMG 132 бригада Беркут». Количество подписчиков более 84 тысяч человек. Публикуются оперативные сводки, интересные новости из Горловки, Республики и мира, иногда появляются авторские статьи. 90% публикуемых материалов — о ходе СВО, еще 10% — об общественно-политических мировых новостях. В среднем на канале выходит около 50 постов в день, большая часть из которых — это информация об обстрелах Горловки и авторское мнение о происходящих политических событиях в мире.

Речевые особенности телеграм-канала «DMG 132 бригада Беркут»: ирония, юмор, отсутствие обсценной лексики. Во время инаугурации президента РФ В.В. Путина данный телеграм-канал следил за ходом событий в Кремле. Некоторые посты носили юмористический характер: «А свинки тоже смотрят», «Все, царь во дворце» [3]. В целом во всех материалах присутствуют «вольные» ироничные фразы: «Я бы хотел

швахнуть по Украине и США; роняем фабы по хохлам; у власти на Украине шут; что-то знатно притулило; хотят все-таки Сармата и т. д.» [3].

Стоит отметить, что данный телеграм-канал очень популярен среди жителей Горловки, так как в нем публикуется самая оперативная и точная информация по поводу обстрелов города (в течение 1-2 минут после «прилета» уже появляется предварительная информация о том, где и что «упало»).

Исходя из всего вышесказанного мы понимаем, что авторы канала открыто выражают свою гражданскую позицию, видим их отношение к «своему» и «чужому», а за счет определенных речевых конструкций формируется мнение аудитории, что довольно логично, так как авторы телеграм-канала — дивизион «Корса».

Заключение. Оба телеграм-канала активно формируют и поддерживают патриотическую повестку, при этом они используют риторические приемы, направленные на укрепление идентичности и единства, что свидетельствует о стремлении создать устойчивую ментальную модель, основанную на идеях защиты Родины и поддержки военнослужащих. Анализ контента показал, что эти каналы не только информируют аудиторию о текущих событиях, но и активно участвуют в формировании общественного мнения. Они используют эмоционально окрашенные фразы, визуальные элементы и символику, что позволяет им эффективно воздействовать на чувства и убеждения читателей.

Таким образом, новые медиа становятся не только источниками информации, но и инструментами социальной консолидации, способствуя укреплению патриотических настроений и формированию единой идентичности среди населения Донбасса.

Список литературы

1. Горловка.РУ. Новости СВО — пост от 04.05.2025. — URL: https://t.me/GP_Donbass (дата обращения: 18.09.2025).
2. ДМГ 132 бригада «Беркут» — пост от 07.05.2024. — URL: https://t.me/DonbassMediaGroup (дата обращения: 18.09.2025).
3. Лагунов А.А. Современный российский менталитет: социально-философский анализ: дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / А.А. Лагунов; Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. — Ставрополь, 2000. — 185 с.
4. Артамонова И.М. Роль регионального телевидения в формировании духовно-нравственных ценностей аудитории /И.М. Артамонова //Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). — Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. — 366 с. — С.170-173.

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Аль-Тури М. С., Безродный В. П., канд. хим. наук,
ORCID 0009-0000-8880-2769
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.bezrodnyi@mail.ru

Введение. В начале 2000-х годов ведущие западные медиа имели абсолютное доминирование в международном информационном пространстве. Они задавали повестку дня и формировали общественное мнение в разных странах, однако в последние годы это влияние постепенно и стабильно ослабевает.

Причин тому несколько: геополитические изменения с переходом к многополярности, кризис доверия у аудитории к западным медиа, возникновение альтернативных не западных медиаресурсов и рост их влияния.

Основная часть. Немаловажную роль в изменении геополитической ситуации играет усиление таких крупных мировых держав, как Китай, Россия, Индия и других, которые имеют большие возможности и потенциал в экономическом, демографическом, политическом и военном планах. Все это ведет к снижению глобального доминирования США и ЕС не только в данных сферах, но и в мировом информационном пространстве.

Кризис доверия к сообщениям западных медиа проявляется в опросах общественности. Согласно последним статистическим данным института Gallup, около 70% американцев в 2025 г. не доверяют своим СМИ [1], и около 84% немецких граждан проявляют озабоченность насчет фейковых новостей [2]. Эти цифры отражают отношение жителей некоторых стран Запада к новостям, которые они получают на протяжении многих лет, причем за последние годы этот процент недоверия значительно вырос.

В других странах уровень доверия к западным СМИ гораздо ниже. Если раньше западные СМИ могли играть важную роль в формировании арабского общественного мнения, как в политическом, так и в экономическом плане, то теперь они просто представляют официальную позицию Запада, разрушая при этом созданный ими миф сторонников «свободы слова» и «прав человека». Доверие к западным СМИ среди арабского населения давно утратилось также из-за стереотипного образа, созданного ими, представляющего арабов в качестве сторонников террористов. Поэтому в этих странах значительно возрастает потребность в других источниках информации.

С началом СВО большинство западных СМИ стали репрезентовать официальную западную риторику с использованием разнообразных приемов манипуляций, искажения и выдумки фактов, двойных стандартов и многого другого. Практически все ведущие американские, английские, французские и другие европейские каналы однозначно утверждали, что Россия — агрессор, а Украина — ее жертва. При этом практически ни один ведущий западный медиаресурс в последние годы не направил своего журналиста на Донбасс и не осветил позицию данной стороны, ее мнение относительно происходящего, хотя дорога им всегда открыта. В то же время с украинской стороны у них постоянно работает сеть корреспондентов, которая осуществляет практически круглосуточное вещание [5]. Дошло до того, что иногда западные корреспонденты выдавали сюжеты про обстрел Донецка со стороны ВСУ, как обстрел со стороны ВС РФ.

Процесс освещения СВО в западных СМИ базируется на использовании таких типов манипуляций, как фальсификация, клевета, двойные стандарты и нейропропаганда, что влияет не только на восприятие происходящих событий, но и на принятие военно-политических решений [4].

Возрастание недоверия к западным медиа, повышение роли стран глобального Юга и Востока стимулировало появление и развитие медиаресурсов, альтернативных западным.

На сегодняшний день в Китае сформировался ряд медиаресурсов CGTN, Global Times, Xinhua, которые расширяют сетку вещания и сферу распространения, используют для вещания, кроме китайского, английский, русский, арабский, французский, испанский языки. Наблюдается активный рост числа их зарубежных корпунктов, что способствует закладыванию фундамента для активного участия Китая в формировании мирового медиаландшафта.

Российский телеканал RT во многих регионах приобрел мощное информационное влияние, он использует для общения с представителями разных народов их родные языки. В результате потребители RT получили возможность взглянуть на многие события и темы с другой точки зрения. Это привело к тому, что Запад, опасаясь конкуренции, предпринял целый ряд фактически противоправных методов блокировки вещания телеканала. Однако его аудитория только возрастает. Сегодня он доступен 900 миллионам зрителей в 100 странах мира. За 2024 год проекты телеканала набрали 23 миллиарда просмотров в соцсетях [6]. Влияние RT в арабском мире, в Латинской Америке признают сами ведущие западные издания.

В арабском мире наблюдается феномен телеканала Al Jazeera, который возглавляет большинство рейтингов и опросов общественного мнения среди арабской аудитории, интересующейся новостями и политическими вопросами. Al Jazeera, в отличие от других арабских телеканалов, имеет свою сеть корреспондентов по всему арабскому миру и

в самых горячих точках — в Сирии, Йемене, Палестине, Ираке и смог сломать западное доминирование в освещении событий в арабском мире.

Индия стремительно развивает свое медиапространство, как внутри страны, так и на международной арене. Благодаря большим технологическим возможностям и большой численности населения Индия становится новым игроком в этом поле. За счёт огромного внутреннего рынка, цифровой инфраструктуры и активной культурной дипломатии, Индия превращается из «регионального вещателя» в глобального медиаполиглота. Сочетание государственно-корпоративных инвестиций (Prasar Bharati, Adani, Reliance) и динамичного стартап-сектора даёт основания говорить о формировании нового центра мировой информационной силы.

Заключение. За последние два десятилетия альтернативные СМИ стали активно распространяться как на региональном, так и на международном уровне. По словам Олега Барабанова, директора дискуссионного клуба «Валдай», «мы становимся свидетелями того, как право первой версии события переходит к региональным хабам: снимки Xinhua, видео Al Jazeera и репортажи TeleSUR всё чаще расходятся раньше, чем продукты западных агентств» [3].

Список литературы

1. Brenan, M. Five Key Insights Into Americans' Views of the News Media / Brenan M., Saad L. — Текст : электронный // Gallup Blog : [сайт]. — 2025. — 27 февр. — URL: https://news.gallup.com/opinion/gallup/657239/five-key-insights-americans-viewsnews-media.aspx (дата обращения 25.09.2025).
2. Forbes.ru. СМИ теряют доверие аудитории из-за участившихся фейков и искажения фактов. — Текст : электронный // Редакция Forbes Education: [сайт]. — 2024. — 11 сент. — URL: https://www.forbes.ru/education/520989-smi-teraut-doverie-auditorii-iz-za-ucastivsihsa-fejkov-i-iskazenia-faktov (дата обращения 25.09.2025).
3. Барабанов, О.Б. Медиа в полицентричном мире / под ред. О. Б. Барбанова. — М.: Клуб «Валдай», 2022. — 48 с. — С. 9.
4. Казаренко, Д.С. Двойные стандарты и нейропропаганда как элемент когнитивной войны против России (на примере освещения СВО в информационном пространстве Франции и ФРГ) // Д.С. Казаренко. — Текст: электронный // Наука. Общество. Оборона. — 2023. = NOO-Journal. — 2023. — Т. 11, № 4 (37). — С. 48-48. — URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2023-4-37/kazarenko-dvoynye-standarty-i-neyropropaganda-kak-element-kognitivnoy-voyny-protiv-rossii-svo (дата обращения 25.09.2025).
5. Сторожев, С. В западных СМИ фальсифицируют информацию о проведении СВО / С. Сторожев. Текст: электронный // Readovka : [сайт]. — 2022. — 14 июня. — URL: https://readovka.news/news/100773?ysclid=m9868im1gk470431958 (дата обращения 25.09.2025).
6. Росконгресс. RT. — Текст: электронный // Росконгресс : официальный сайт. — 2025. — URL: https://roscongress.org/company/rt (дата обращения 25.09.2025).

УДК 621.397.13

СООТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕ- И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ИТОГОВЫХ ВЫПУСКАХ НОВОСТЕЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

Болдырев С. М., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-9851-1751
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
boldirev.dongu@mail.ru

Введение. Особая роль телевидения в вопросах формирования общественного мнения в условиях информационной войны и реального военного противостояния требует повышенного внимания к изучению технологий современного телевизионного производства. В частности, интерес для научных исследований представляют процессы организации, подготовки и «верстки» итоговых выпусков новостей российских федеральных телеканалов.

Целью данного исследования является изучение соотношения внешне- и внутриполитической повестки в информационно-аналитическом вещании российских телеканалов. Эмпирическим материалом исследования стали выпуски итоговых аналитических программ «Вести недели» (телеканал «Россия») [1] и «Итоги недели» (телеканал «НТВ») [2] от 21.09.2025 г.

Основная часть. Итоговые новостные программы уже достаточно давно стали неотъемлемой частью телевещания любой страны. В России подобные программы выходят на основных федеральных каналах («Россия», «НТВ», «Первый канал») и многих региональных телеканалах. Традиционное время выхода — вечерний прайм-тайм в воскресенье. Длительность программ обычно увеличена по сравнению с новостными выпусками, которые выходят в эфир в рабочие дни. Содержательная составляющая отличается большей долей аналитики.

В условиях непрекращающейся информационной войны особое значение приобретают технологические особенности подготовки и «верстки» итоговых новостных программ. В данном исследовании был проведен сравнительный анализ соотношения новостных материалов внутриполитической и внешнеполитической направленности в итоговых воскресных программах телеканалов «Россия» и «НТВ». Результаты исследования приведены в таблице 1.

Исследования выявили определенные различия в подходах к «верстке» итоговых информационно-аналитических программ на федеральных телеканалах. Общая длительность выпуска на телеканале «Россия» составила 139 мин., в то время как выпуск на телеканале «НТВ» продолжался 71 мин., то есть практически в два раза меньше. Основные

темы в выпусках совпали, причем в материалах как внутриполитической, так и внешнеполитической направленности. При этом расширенный формат выпуска «Вестей недели» позволил увеличить количество сюжетов о событиях внутри страны, однако длительность данных сюжетов была на порядок меньше, чем у материалов из-за рубежа. Это может свидетельствовать о лучшей аналитической проработке сюжетов внешнеполитической повестки, что характерно для работы СМИ в условиях информационной войны.

Таблица 1

Соотношение новостных материалов внешне- и внутриполитической направленности в итоговых программах российских федеральных телеканалов

Программа	Критерий	Внутриполит. направленность	Внешнеполит. направленность	Смешанная направленность
«Вести недели» («Россия»)	Количество сюжетов, шт.	9 (60%)	6 (33%)	1 (7%)
	Длительность эфирного времени, мин.	53 (39%)	74 (55%)	8 (6%)
	Длительность одного новостного материала в среднем, мин.	5,9	14,8	8
«Итоги недели» («НТВ»)	Количество сюжетов, шт.	4 (50%)	4 (50%)	–
	Длительность эфирного времени, мин.	32 (47%)	36 (53%)	–
	Длительность одного новостного материала в среднем, мин.	8	9	–

Заключение. Анализ показал отсутствие значительного количественного преобладания новостных материалов о событиях внутри страны или из-за рубежа в итоговых информационно-аналитических программах федеральных российских телеканалов. При этом можно отметить значительную долю аналитики в сюжетах внешнеполитической повестки, что привело к увеличению длительности данных материалов.

Список литературы

1. «Вести недели». Эфир от 21.09.2025 / Россия 1 / Smotrim. — [Электронный ресурс]. – URL: https://smotrim.ru/brand/5206 (дата обращения: 25.09.2025).
2. «Итоги недели». Выпуск от 21 сентября 2025 года / НТВ / Rutube. — [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/eef0efa414ab339790b03c724075de95/ (дата обращения: 25.09.2025)

УДК 070

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РАДИОВЕЩАНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гудова Т. В., ORCID 0009-0005-0626-5821
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
gudova@mail.ru

Введение. Интеграция в широком понимании этого слова — это процессы сплочения, взаимозависимости и взаимоответственности членов социальных групп, происходящие под воздействием институционализированных норм, правил, санкций и систем ролей. Интеграция упорядочивает систему взаимодействий, увеличивает объем и частоту контактов, что повышает устойчивость и целостность элементов социальной структуры, в особенности социальных организаций.

Интегративная функция способствует сплочению населения вокруг значительной и требующей общих усилий социально значимой задачи [2]. Процесс консолидации проявляется в способности СМИ объединять различные социальные группы, формировать общую идентичность и ценностные ориентиры, сглаживать противоречия в обществе и создавать платформу для диалога. В условиях политических и социально-экономических трансформаций Донецкой Народной Республики (ДНР) данная функция приобретает особую значимость, так как СМИ, включая радио, становятся инструментом консолидации населения, восстановления социальной ткани и интеграции с Россией [1].

Интегративная функция в медиа предполагает:

− формирование общей идентичности через культурные, исторические и политические нарративы;

− объединение различных социальных групп за счет адресации к интересам молодежи, ветеранов, рабочих, интеллигенции;

− создание площадки для диалога через дискуссионные форматы;

− сглаживание социальных и политических противоречий;

− укрепление межрегиональных и международных связей, в случае ДНР — с Россией и дружественными странами.

Основная часть. В аспекте вышесказанного необходимо отметить, что радио обладает огромными консолидирующими возможностями. Уже сам факт регулярного и одновременного прослушивания программы разными людьми свидетельствует об их определенной общности. Доминанта вещания — выявление общих для аудитории ценностей, обсуждение путей решения общих проблем и противодействие деструктивным, опасным для общества тенденциям [3]. После 2014 г. радио стало не только средством информирования, но и инструментом

политической мобилизации и культурного объединения. На примере радиостанций «Республика Донбасс» и «Столица Донбасс» можно выделить ключевые направления воплощения интегративной функции:

1. Информационные программы — освещение событий в ДНР, подчеркивание достижений, формирование позитивного имиджа Республики: «Подробно о главном», «Главные новости», «Итоги» и «Акценты недели».

2. Историко-культурные передачи — акцент на событиях и героях Донбасса, сохранение памяти о Великой Отечественной войне, продвижение традиций региона. Например, «Хронология» или проект «Белые журавли» в память о воинах, вставших на защиту Родины в священной войне.

3. Диалог с властью — освещение важных тем и решений политиков в новостных передачах.

4. Интеграция с Россией — трансляция российских новостей, культурных программ, совместные проекты, что способствует созданию единого информационного пространства.

5. Радиоэфир «Республика Донбасс» уделяет значительное внимание культурной составляющей жизни общества, предлагая слушателям разнообразные программы. Так, «Пойдем в музей» знакомит с достижениями в области образования, науки и карьерных возможностей, а также приглашает к посещению музеев. «Билет в театр», «Новости спорта» и «Обзор прессы» позволяют быть в курсе событий в мире искусства, спорта и медиа. Важную роль в формировании культурной среды региона играют программы «Читающий Донбасс» и «Культурная среда».

6. Акцент также делается на поддержании физического и морального здоровья населения. Передача «Радиодоктор» предлагает советы по сохранению здоровья, активности и интереса к жизни. Программы «В поисках смысла» и «Второй я» затрагивают важные темы, связанные с поиском смысла жизни, истоками культурных и духовных ценностей.

Радио «Столица Донбасс» активно реализует свою роль как информационно-познавательной платформы, объединяя слушателей вокруг важных тем, событий и проблем региона, а также всей большой России. Одним из ключевых элементов этой функции является программа «Тормозок». Эта программа предоставляет слушателям возможность не только получать актуальные новости, но и передавать привет своим близким и друзьям. «Тормозок» становится своеобразным мостом между людьми. Возможность делиться личными сообщениями и поздравлениями помогает укреплять связи и поддерживать моральный дух жителей региона.

Другим важным аспектом работы радио является программа «Наш взгляд», которая фокусируется на мировых событиях и вызовах, перед которыми стоит Россия. В рамках этой программы эксперты делятся своим мнением о текущих событиях, например, таких как русофобия и двуличие руководства западных стран. Это помогает слушателям лучше понимать

сложные международные отношения и формировать свое мнение о значимых фактах. Программа способствует обсуждению не только внешних вызовов, но и внутренних вопросов, которые касаются жизни и развития ДНР.

Заключение. Таким образом, можно подытожить, что радиоэфир нашего региона не только выполняет роль медиатора между властью и обществом, а также между ДНР и РФ, но и помогает гражданам развиваться и узнавать новое. Интегративная функция радиоэфира в Донецкой Народной Республике реализуется через информационные, культурные, социальные и образовательные программы, которые способствуют формированию общей идентичности, единого информационного пространства и укреплению связей с Россией.

В аспекте всего вышесказанного необходимо подчеркнуть, что для усиления объединяющей позиции местного радио необходимы: постоянный мониторинг интересов и потребностей целевой аудитории, интерактивная форма общения с радиослушателями и, как следствие, корректировка вещательной политики в пользу консолидации населения Республики.

Список литературы

1. Гудова Т.В. Воплощение интегративной функции в радиоэфире ДНР / Т.В. Гудова // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). — Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. — 366 с. — С.197–199.
2. Клюев Ю. В. Радиожурналистика: основы профессии / Ю. В. Клюев. — Санкт-Петербур : Санкт-Петербургский государственный университет 2015. — 150 с.
3. Радиожурналистика / Н. С. Барабаш, Л. Д. Болотова, В. В. Гаспарян и др.; Под ред. А. А. Шереля. — Москва : Изд-во Московского университета, 2000. — 478 с. — ISBN 5-211-03750-2.

УДК 070

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ, БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКЕ И МЕДИАКОММУНИКАЦИЯХ

Давшан И. И., ORCID 0009-0005-3164-8963, ***Некрасова М. Е.***
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
i.davshan@mgumariupol.ru, alm6twins@gmail.com

Введение. В эпоху цифровых технологий и глобальных изменений журналистика и медиакоммуникации сталкиваются с новыми вызовами и активно развиваются под влиянием современных трендов. Обеспечение

своевременного и качественного освещения событий становится сложной задачей при необходимости обработки огромных объемов данных. Теряется качество информации и ценность человеческого труда в этом деле. Каждый день приходится следовать новым трендовым моделям изложения и распространения информации, чтобы не оставаться в тени своих конкурентов. Появляющиеся видеоролики и изображения с использованием искусственного интеллекта без надлежащей пометки усложняют поиск и обработку медиаматериалов. Вся эта «современность» работает с доверием аудитории, что в конечном итоге может привести к нехватке достоверной информации, а вместе с тем и к отсутствию у людей желания быть заинтересованными в СМИ.

Цель исследования — определить современные тренды и вызовы в журналистике, бренд-журналистике и медиакоммуникациях.

Основная часть. Бренд-журналистика — форма журналистики, включающая в себя традиционную журналистику и маркетинг; стратегия, при которой компании создают и распространяют контент, направленный на привлечение и удержание аудитории, укрепление имиджа и доверия к бренду. Ее существование основано на тех же принципах, на которых основывается и традиционная журналистика — на доверии аудитории. В современном информационном пространстве эта сфера также сталкивается с множеством вызовов и активно развивается под влиянием новых трендов.

Разберем основные вызовы в журналистике и медиа в целом. Распространение недостоверной информации стало одной из главных проблем. Быстрый обмен данными в интернете, без подтверждения ее действительности, способствует распространению ложных новостей, визуальных фейков, что подрывает доверие к средствам массовой информации и усложняет борьбу с информационной манипуляцией. Именно это порождает следующую проблему-вызов для СМИ — потерю доверия к традиционным средствам массовой информации. Доверие — ключ к уважению и репутации. «Кризис современных СМИ — это кризис общества, которое фиксирует слишком много недобросовестной информации» [1, с. 7]. Дмитрий Быков, *доцент кафедры журналистики Московского государственного института поделился в одном из своих интервью касательно опыта в работе журналиста и преподавателя — на вопрос об* основных вызовах в журналистике в современном мире сказал следующее: «*В современном мире очень тяжело быть объективным. Однако надо стремиться быть именно таким… А еще нельзя врать, причем не только самому себе, но и людям. Известный советский и российский журналист Генрих Боровик мне в интервью сказал очень хорошую фразу: «Я писал только то, во что я верил. А врать в газетах или в журнале, или по телевидению — нет, я себе этой, извините, роскоши не позволял»* [2].

Многие аудитории склонны сомневаться в объективности и независимости классических медиа, что ведет к росту популярности

альтернативных источников информации и социальных сетей. Однако альтернативные источники могут оказаться платными, а это перекрывает информационный кислород для аудитории, которая хочет получить «качество» бесплатно. Таким образом снижение подписок вынуждает медиаорганизации *искать новые модели монетизации*, что влияет на качество и разнообразие контента, а также доход. Тем временем обеспечение своевременного и качественного освещения событий становится сложной задачей при необходимости обработки огромных объемов данных. Существует и проблемы, *затрагивающие этические и правовые вопросы*, включающие защиту личных данных и авторских прав.

Говоря о трендах в традиционной журналистике и медиакоммуникациях, стоить отметить, что традиционные СМИ активно переходят к использованию цифровых платформ, развивают онлайн-ресурсы, мобильные приложения и социальные сети для охвата широкой аудитории. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение также помогают автоматизировать создание контента, анализировать большие данные и бороться с фейками. Виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR) создают новые форматы подачи информации, делая ее более интерактивной и иммерсивной. Важным аспектом современной журналистики является персонализация контента. Аналитика пользовательских предпочтений позволяет создавать более релевантные и таргетированные материалы.

В бренд-журналистике наблюдаются следующие вызовы:

1. *Высокая конкуренция за внимание аудитории.* Сегодня потребители сталкиваются с огромным количеством похожего контента несмотря на различные сферы деятельности. Все тренды адаптируются под любое направление. Выделиться среди конкурентов становится всё сложнее, и это требует уникальности и высокого качества материалов.

2. *Быстрые изменения в медиаландшафте.* Появление новых платформ, форматов и технологий требует постоянной адаптации стратегий. Например, переход к короткому видеоформату или использование новых соцсетей, где, возможно, потребуются требует новые навыки и ресурсы.

3. *Поддержание доверия и прозрачности.* В эпоху информационной прозрачности и скандалов с фейковыми новостями брендам важно демонстрировать честность и открытость, чтобы не потерять доверие аудитории.

4. И*змерение эффективности.* Оценка ROI (возврата инвестиций) бренд-журналистики сложна, поскольку результаты часто проявляются в долгосрочной перспективе и требуют комплексных метрик.

5. *Этические и правовые аспекты.* Создание контента с учетом авторских прав, этических стандартов и правил платформ — важный вызов для брендов, чтобы избежать репутационных рисков.

Рассматривая современное состояние медиакоммуникаций, можно выделить основные тренды, присущие бренд-журналистике. В первую очередь это интеграция storytelling и контент-маркетинга. Рассказывание историй, вызывающих эмоциональный отклик, помогает укрепить связь с аудиторией и повысить лояльность. Актуальным является также использование short-видео с динамичной подачей. Короткие ролики и анимации позволяют донести сообщение быстро и ярко. Видеоформаты, такие как короткие ролики, лайв-трансляции и интерактивные материалы, становятся основными инструментами привлечения внимания. И конечно же, наряду с традиционной журналистикой бренд-журналистика использует автоматизацию, искусственный интеллект и персонализацию контента. Именно это позволяет оптимизировать процессы и повысить качество контента. Значимой частью современного мира, а также любой сферы журналистики является демонстрация социальной ответственности. Современные потребители ценят бренды, которые демонстрируют искреннюю заботу о социальных и экологических вопросах, что становится важной частью бренд-журналистики.

Заключение. Вызовы и тренды в журналистике, бренд-журналистике и медиакоммуникациях отражают динамичность и сложность информационной среды сегодня. Быстрый технологический прогресс, рост цифровых платформ и изменение потребительских предпочтений требуют от профессионалов адаптации, инноваций и этической ответственности. И пусть важной задачей становится создание качественного контента, расчетом остаётся человеческое доверие.

Список литературы

1. Засурский Я.Н. Журналистика и вызовы XXI века / Я.Н. Засурский // Вестник Московского Университета. — 2009. — Сер. 10. Журналистика. — №5. — С.5–8.
2. Варюта В. «В современном мире очень тяжело быть объективным» — Дмитрий Быков о ключевых навыках журналиста и основных вызовах в журналистике / В. Варюта. — URL: https://journs.ru/v-sovremennom-mire-ochen-tyazhelo-byt-obektivnym-dmitrij-bykov-o-klyuchevyh-navykah-zhurnalista-i-osnovnyh-vyzovah-v-zhurnalistike/ (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 070.1. (575.172)

ПОДКАСТ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ЖУРНАЛИСТИКИ (на примере анализа журналистики Каракалпакстана)

Жолдасбаева Б. А., Марзияев Ж. К., д-р филос. (PhD)
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, г. Нукус, Узбекистан
janga-tv@mail.ru

Введение. Сегодня подкасты являются одним из самых распространенных форматов в современном информационно-коммуникационном пространстве. Поэтому изучение типологии и жанрового деления подкастов на научной основе является актуальным. Возникновение подкастов, особенности их формы и содержания, их взаимодействие с журналистскими жанрами, а также их проявления в международном и национальном опыте представляют научный интерес [2−4]. В данной исследовательской работе сопоставлены научные источники, зарубежный и отечественный медиаопыт, определены критерии классификации подкастов. Разработана типология подкастов по жанру, формату и функциональным функциям.

Основная часть. Подкаст — это аудио- или видеозапись, которую можно прослушать или посмотреть в Интернете. Они часто выходят в формате ток-шоу или интервью. В отличие от радио и телевидения, подкасты не транслируются в прямом эфире, а распространяются через специальную платформу и сервисы. Слушатель может слушать или смотреть в удобное для него время и в удобном для него месте, выбрав жанр и тему.

Термин «Podcast» появился в 2004 году. Его придумал британский журналист Бен Хаммерсли, объединив слова «iPod» и «broadcasting.» Он предложил этот термин для обозначения нового технологического тренда в доставке аудиофайлов к плеерам Apple. Сочетание слов «iPod» и «broadcasting» привело к появлению термина «подкастинг». Это процесс создания и распространения аудио- или видеофайлов. Подкасты похожи на радио- или телешоу, но доступны в виде файлов, которые пользователь может загрузить на свое устройство и прослушать офлайн.

По типологии подкасты можно разделить на жанровые и тематические направления. По жанру: документальные, дискуссионные, развлекательные шоу, аудиокниги, радиоспектакли, новости [1, с. 37].

Документальные и художественно-документальные подкасты — это формат, в котором история рассказывается последовательно от начала до конца, например, аудиокнига или радиоспектакль. В отличие от интервью или беседы ведущего, здесь основное внимание уделяется сюжету и драматургии.

Примером таких подкастов являются подкасты «Джейхун» и «Ойдин» в Каракалпакстане.

Развлекательные шоу — такие подкасты проводятся в игровых формах. Это могут быть шутки, песни и т. д. Например, шоу VAJQ.

Популярность подкастов объясняется тем, что их удобно слушать в быстротекущих условиях жизни, например, во время путешествий, занятий или выполнения домашней работы. Они позволяют людям получать знания и развивать себя.

По тематической направленности подкасты делятся на: политические, музыкальные, социальные, культурные, спортивные, научно-популярные, проблемные и т. д.

Подкаст — это серия аудио- или видеозаписей, часто в форме ток-шоу или интервью. Аудиоблог — один из форматов подкастов. Другие форматы включают интервью с экспертами, интервью с несколькими ведущими, монологи, рассказы или документальные интервью, музыкальные подкасты.

Подкаст-интервью с экспертами — один из самых распространенных видов подкастов. Он представляет собой диалог ведущего и гостя — эксперта в определенной области. Основные цели таких подкастов: расширение кругозора аудитории, формирование доверия и репутации, обсуждение актуальных тем.

Разговор нескольких ведущих — это один из форматов подкаста, в котором несколько ведущих обсуждают определенную тему. Этот формат также известен как подкаст-дискуссия или групповая презентация.

Подкаст-монолог — это один из форматов подкастов. Особенность подкаст-монолога — один ведущий. В этом формате подкаста нет гостей или ведущих. Человек рассказывает историю, делится своим мнением или анализирует контент.

Этот формат удобен для тех, кто хочет поделиться своим опытом, мнением или экспертизой без необходимости вызывать собеседников. У нас может возникнуть вопрос: в чём разница между монологическим подкастом и сторителлингом?

Сторителлинг — это явление, объединяющее в себе особенности журналистики и литературы «живого рассказа» С одной стороны, он оказывает социальное воздействие. Важные темы, представленная информация, точность различных фотографий, с другой — это живое, хорошо описанное на одном языке драматическое событие, голос автора ясно говорит о драматическом событии.

По нашему мнению, разница между моноподкастами и сторителлингом заключается в том, что в сторителлинге больше внимания уделяется эмоциям.

Музыкальные подкасты — жанр подкастов, посвященных музыке и музыкантам. Это не просто повторение песен, как на радио. Такие подкасты могут включать:

анализ и комментарии. Дирижеры обсуждают альбомы, песни, произведения отдельных исполнителей или целые музыкальные жанры;

интервью с музыкантами. Подкасты позволяют слушать истории о создании музыки, гастролях и личном опыте от первого лица. Некоторые подкасты посвящены истории музыки, рассказывают о возникновении

жанров, влиянии определенных групп и важных событиях в индустрии. Например, «Live Nukus fm».

В связи с этим возникает вопрос: в чем разница между подкастами и интервью?

Можно отметить следующие различия между подкастом и интервью:

Цель и фокус. Интервью — это диалог, обычно имеющий четкую цель: получить информацию, мнение или опыт от респондента. Подкаст — это широкий формат, который может охватывать множество целей: развлечение, образование, обсуждение новостей, общение. Интервью может быть одним из форматов подкастов, но подкаст не ограничивается только интервью.

По форме и структуре интервью часто бывает в форме «вопрос-ответ» В подкасте же, даже с гостем, есть свободное общение, диалог или беседа. Ведущий не только задает вопросы, но и активно участвует в диалоге. Ведущий в интервью часто играет роль журналиста, который задаёт вопросы, чтобы познакомить гостя. В подкастах могут быть и ведущий, и рассказчик, и эксперт, и собеседник, который делится своими мыслями.

Таким образом, интервью — это журналистский жанр, в котором фокус делается на конкретном человеке, в то время как подкаст — это медиаформат, который может включать в себя множество жанров, включая интервью.

Заключение. Подкаст — широкое понятие. Это формат аудио- или видеоконтента, который может быть в разных жанрах: монолог, интервью, рассказ-беседа и, конечно же, беседы нескольких ведущих. Подкаст — это общее название серии передач, которые можно слушать в любое удобное время.

Список литературы

1. Esemuratova S. Puqaralıq jurnalistika hám SMM menen islesiw /S. Esemuratova. — Tashkent, 2022. — P.37.
2. Марзияев Ж.К. Обзор передач каракалпакского телевидения: исторический подход /Ж.К. Марзияев //Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. — 411 с. — С. 357–360.
3. Марзияев Ж.К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати /Ж.К. Марзияев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 6 (260). — С.88-92.
4. Камалова Д.Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги = Жанровые особенности новеллы в прессе =Genre features of the novel in the press /Д.Э.Камалова // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус: Наука, 2019. — С.18-21.
5. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies. The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. — С. 93-111.

УДК 070: 654.197

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283,
Михеенко В. С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n-kaika@mail.ru, angelorina64@gmail.com и

Введение. С момента своего возникновения журналистика является лидером самоорганизации общества в его кризисные периоды развития. Исследовательский потенциал позволяет журналистике создавать схемы обновления социального бытия, конструировать пространство и время социальной реальности [1, с.3].

В условиях военно-политического конфликта социальная проблематика — специфический тематический сегмент СМИ, в том числе телевидения, сопряженный с процессами самоорганизации и самосохранения общества [2, с.55]. Социальная миссия телевидения продиктована потребностью общества в социально значимой информации и определяет совокупность критериев, механизмов воспроизведения и конструирования реальности.

Цель исследования — выявить и охарактеризовать региональную специфику социальной повестки на телевидении в условиях военно-политической напряженности (на примере телеканала «Оплот ТВ»).

Основная часть. «Оплот ТВ» — информационно-аналитический телеканал, ориентированный на аудиторию Донецкой Народной Республики. Информационная повестка дня на телеканале достаточно глубоко и всесторонне отражает социальные аспекты жизнедеятельности региона, проблемы, потребности и интересы его жителей. Вместе с тем на фоне традиционной проблематики, находящейся в фокусе телевизионной социальной журналистики и связанной с освещением вопросов здравоохранения, безопасности жизнедеятельности, образования, семьи, материнства и детства, социального обеспечения граждан, состояния экологии, социально-бытовой сферы, инфраструктуры и многих других, в региональных СМИ, в том числе на телевидении, выделяются определенные тематические доминанты.

Анализ содержания журналистских материалов показывает устойчивую направленность на освещение тем водоснабжения, состояния дорожной инфраструктуры, восстановления жилых домов и социальных объектов, всесторонней поддержки военнослужащих, помощи пострадавшим в результате обстрелов, волонтерским движениям, патриотическим инициативам, что свидетельствует о социальной значимости данных вопросов для жизнедеятельности общества.

Так, в сложившейся в Донецкой Народной Республике гуманитарной ситуацией, связанной с дефицитом водоснабжения, тема «воды», имеющая экзистенциальное значение, является одной из приоритетных и находит отражение в ряде телевизионных программ.

Программа «Эксклюзив» телеканала «Оплот ТВ» представляет собой формат тематического интервью с общественными и политическими деятелями, представителями органов власти, молодежных организаций, волонтёрского сообщества и др. Хронометраж передачи составляет 30 минут, выпуск транслируется один раз в неделю по воскресеньям. Структура программы позволяет выстраивать коммуникацию в логике «вопрос — ответ». Данный формат обеспечивает прямую трансляцию официальной позиции власти и создает площадку для освещения социально значимых тем. Например, один из выпусков с участием первого заместителя гендиректора ГУП ДНР «Вода Донбасса» Сергея Мокрого посвящён ситуации с водоснабжением (https://vk.com/video-186145030_456281380). В ходе интервью С.А. Мокрый озвучивает количественные показатели, технические данные, непосредственно связанные с обеспечением водой: *«Ежедневная потребность ДНР в воде — 850 000 куб. м. Мы располагаем только третьей частью воды от потребностей республики».* Спикер сообщает о конкретных предпринятых мерах: переброске воды из карьеров, строительстве водоводов, ремонте сетей, подготовке к отопительному сезону, а также о снижении стоимости услуг водоснабжения. Опора на официальные источники и цифры отражает тенденцию к представлению социальных проблем через призму управленческих решений.

«Главное» — это новостная программа, в рамках которой ежедневно в прямом эфире транслируются основные новости ДНР, России и мира, а также представлены фактологические и аналитические материалы. В рамках исследования проведён анализ сюжета новостной программы «Главное» (20 сентября 2025 года), посвящённого проблемам водоснабжения в ДНР (https://vk.com/wall-186145030_68250). Сюжет характеризуется отчётной формой подачи информации с акцентом на количественные показатели: *«установлено свыше полутора тысяч накопительных бочек», «по регионам ежедневно курсируют более двухсот цистерн», «число утечек сократилось почти вдвое».* Тональность повествования подчёркивает эффективность предпринимаемых властями мер: *«стабильные цены», «каждый литр на контроле», «расширяется сеть точек».* Данный материал отражает особенности освещения социальной проблематики на региональном телевидении: демонстрацию открытости, прозрачности диалога власти и общества, системных и конкретных действий субъектов управления, направленных на решение проблемы, акцентирование позитивной динамики управленческих решений, что способствует формированию социального спокойствия аудитории и уверенности в стабильности жизнедеятельности.

Программа «Главное за неделю» направлена на обзор основных событий республики и мира в формате еженедельного выпуска, включая новости, фактологический и аналитический материалы. Хронометраж программы составляет 50-60 минут. В выпуске программы 19.09.2025 (https://vk.com/video-186145030_456281857) освещается актуальная социальная проблема восстановления дорожной инфраструктуры республики. Тема сюжета актуальная для региональной аудитории, так как состояние дорог напрямую влияет на ежедневное передвижение и комфорт жителей. Работы по ремонту ведутся по поручению Главы ДНР Дениса Пушилина и в настоящий момент преимущественно охватывают Куйбышевский, Киевский, Петровский районы города, наиболее пострадавшие в результате обстрелов. В сюжете отмечается, что «*там, где раньше приходилось обходить лужи и ямы, теперь появляются новые асфальтовые покрытия*». Жители Донецка подтверждают ощутимые улучшения: «*Ремонт долгожданный и необходимый, теперь стало удобнее и безопаснее*». Сюжет содержит детальное описание объёмов и темпов работ, что формирует позитивное восприятие социальной ответственности власти за решение важной проблемы. Представлены контроль качества и прозрачность процесса реконструкции, что способствует укреплению доверия аудитории к деятельности предприятий, организаций, субъектов управления.

Сюжет от 08.09.2025 (https://vk.com/wall-186145030_68204) акцентирует внимание на неудовлетворительном состоянии дорог в республике, при этом демонстрируется комплекс мер по масштабному ремонту транспортных артерий как одной из приоритетных задач восстановления экономического хозяйства. Акцентируется работа в прифронтовых районах, где восстановление дорог связано с обеспечением безопасности, удобства передвижения и восстановлением логистических цепочек.

«Прямая речь» — общественно-политическая программа телеканала «Оплот ТВ», в рамках которой осуществляется диалог с представителями органов государственной власти по актуальным вопросам. Хронометраж 30 минут, выходит 1 раз в неделю по вторникам. В выпуске от 6 июня 2025 года ведущий программы обсуждает важные темы, касающиеся жизни в ДНР, с сенатором РФ Натальей Никаноровой, как-то: работа с военнослужащими, реализация кадрового конкурса «ДОНБАСС. СВОи Герои» для участников специальной военной операции и ветеранов боевых действий, внедрение системы «Карта жителя» в регионе и др.

Выпуск от 16 сентября 2025 года посвящен вопросам восстановления жилого фонда, капитального ремонта многоквартирных домов, формированию реестров недостроенных объектов, а также мерам социальной поддержки ветеранов, семей погибших и инициативам в направлении реализации благотворительных программ. Такая тематика

полностью соответствует потребностям общества в сложный период и представляет системное и позитивное видение развития ситуации.

В противовес инфотейнмент-форматам, характерным для федеральных и региональных телеканалов, использующих яркие визуальные элементы и эмоциональную подачу материала, программа «Прямая речь» придерживается классического общественно-политического формата, акцентируя внимание на открытом диалоге и официальных заявлениях. Это обусловлено спецификой тематики и особенностями восприятия региональной аудитории. Программа транслируется в телефире, а также распространяется через социальные сети с анонсированием наиболее значимых фрагментов, что повышает степень вовлеченности и расширяет охват аудитории.

Заключение. Результаты проведенного анализа демонстрируют направленность телеканала «Оплот ТВ» на освещение приоритетных социально значимых проблем с акцентом на официальные данные и позитивную динамику развития социальной сферы. Региональная социальная повестка во многом детерминирована реалиями военно-политического конфликта на территории Донбасса. Программы реализуют функцию информирования, акцентируют поддержку доверия к властным структурам, способствуют формированию общественного мнения и социально позитивного настроения, консолидации общества в сложных реалиях военного времени.

Список литературы

1. Витвинчук В.В. Социальная миссия российской журналистики: эволюция методов творческой деятельности: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / В.В. Витвинчук; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Барнаул, 2013. — 178 с.
2. Каика Н.Е. Гуманитарная повестка российского телевидения в условиях военно-политического конфликта /Н.Е. Каика, Р.Н. Бараненко //Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 07 ноября 2024 года. — Луганск: Луганский государственный педагогический университет, ИП Орехов Д.А., 2024. — 436 с. — С. 55-64. — ISBN 978-5-605-32703-5. — EDN GDAYNH.

УДК 070.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИРИЙСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

***Канхуш Джалал*,** ORCID 0000-0003-1265-3191
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, РФ,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», г. Саранск, РФ
Jalalkanhoush@yahoo.com

Введение. Политические и социальные кризисы часто становятся источником трансформации медиасистем. Сирия — яркий тому пример. Так, до 2011 года ее СМИ находились в условиях жесткой централизации и полного контроля государства, однако гражданская война разрушила прежнюю модель и привела к фрагментации медиапространства. В этих условиях появились независимые издания, изменившие роль журналистики в обществе.

Основная часть. С конца 1960-х годов в Сирии установился режим «мобилизационной печати», когда СМИ служили инструментом пропаганды и укрепления власти. При Хафезе Асаде фактически существовала монополия на всю информационную сферу, а чрезвычайное положение узаконило цензуру и культ личности. Экономические трудности конца XX века привели лишь к ограниченной либерализации: Закон № 10 от 1991 года допустил частные инвестиции, но преимущественно в развлекательный сектор. При Башаре Асаде появились формально частные медиа, однако они контролировались приближенными к власти, к примеру, газета Аль-Ватан или телеканал Дуния ТВ. Данные издания оставались частью пропагандистской системы и в 2011 году транслировали официальную линию, дискредитируя протесты. До начала кризиса независимая журналистика в Сирии была невозможна, а любые альтернативные проекты жестко подавлялись [1, с.120].

Протесты 2011 года и гражданская война кардинально изменили сирийское медиапространство, разделив его на провластный, оппозиционный и курдский сегменты. Ослабление центральной власти впервые позволило развиваться независимым СМИ, что ранее было невозможно при авторитарном режиме. По наблюдению А. Иссы, именно утрата государством контроля открыла возможности для становления свободной прессы. В первые месяцы восстания активисты начали создавать новые медиа на освобожденных территориях. Газета Enab Baladi, возникшая в пригородах Дамаска, стала символом независимого издания и рассматривала журналистику как форму мирного сопротивления. Сеть SMART обеспечивала репортеров техникой и обучением. Появились

десятки новых газет и радиостанций. Так, в Забадани выпускалась Oxygen, из Турции распространялись еженедельник Souriatna и передачи независимых радиостанций, включая Fresh FM и «Савт Рая». Указанные инициативы, возникшие снизу и вне контроля государства, положили начало новой сирийской журналистике и обеспечили реальное многообразие голосов в информационном пространстве страны.

После 2011 года независимый медиасектор в Сирии развивался стремительно: по данным SMART, к 2014 году выходило до 500 новых печатных изданий и около 20 независимых радиостанций, а всего за годы конфликта появилось почти 300 газет, что резко контрастировало с дополитическим периодом, когда существовали лишь официальные издания. Указанное ознаменовало переход от государственной монополии к плюрализму и стало основой формирования независимой журналистики. Однако новое медийное поле столкнулось с серьезными трудностями: нехватка опыта снижала качество материалов, редакции подвергались давлению вооруженных группировок, а журналисты оказывались под угрозой как со стороны властей, так и со стороны радикалов, тогда как в районах, контролируемых экстремистами, независимая пресса была невозможна. Несмотря на угрозы, часть медиа продолжала работу подпольно или из эмиграции, пытаясь сохранять профессиональные стандарты. Отдельно развивался курдский медиасектор: после установления автономии Рожавы партией PYD появились партийные СМИ, включая Ronahi TV и агентство Hawar, а также независимые инициативы, среди которых выделялось многоязычное радио Arta FM [3, с.121].

Независимые журналисты в регионе стремились освещать местные вопросы без цензуры, однако сталкивались с давлением со стороны властей PYD. Так, Arta FM подвергалось нападениям и получало предупреждения о необходимости соблюдать рамки дозволенного. Несмотря на это, исследователи отмечают, что в курдских районах складывается сравнительно динамичная независимая медиасреда, которая, хотя и уступает по ресурсам партийным СМИ, сохраняет собственную нишу.

Курдский медиасектор на северо-востоке Сирии оформился после установления автономии Рожавы партией PYD, которая создала собственные СМИ, такие как Ronahi TV и агентство Hawar. Наряду с ними возникли независимые инициативы, включая многоязычное радио Arta FM, однако они сталкивались с давлением со стороны властей PYD. Несмотря на ограничения, в регионе сложилась относительно динамичная независимая медиасреда, уступающая по ресурсам партийным каналам, но сохраняющая свою нишу. В результате в Сирии оформились три параллельные медиасистемы — государственная, оппозиционная и курдская, что отражает политическую фрагментацию страны.

Одновременно конфликт превратил Сирию в одно из самых опасных мест для журналистов. Так, за первые три года войны погибло более 300

репортеров, а в 2017 году страна занимала 177-е место из 180 в рейтинге свободы прессы в результате чего многие профессионалы покинули страну или прекратили работу [2, с. 31].

Война породила новое поколение сирийских репортеров из числа гражданских активистов, которые, эмигрировав, создали в Турции и Европе независимые газеты, сайты и радиостанции, информирующие международную аудиторию и поддерживавшие связь с соотечественниками. При поддержке международных НКО такие инициативы рассматривались как вклад в демократическое будущее Сирии. Однако их устойчивость остается под вопросом: снижение внимания мирового сообщества и финансирования после ослабления боевых действий привело к закрытию ряда проектов, включая Orient TV в 2024 году и приостановку Enab Baladi в 2023 году. Несмотря на это, часть медиа продолжает работу, ориентируясь на диаспору и аналитику, а в сирийском обществе укрепился запрос на ответственную прессу, что может сыграть ключевую роль в постконфликтном восстановлении.

Заключение. Трансформация сирийских СМИ в условиях кризиса выявила двойственность процесса: разрушение системы полной централизации сопровождалось появлением плюралистичной медиасферы, но также постоянными угрозами и репрессиями. Появление независимых изданий, инициатив активистов и региональных медиа, включая курдский сектор, обозначило зарождение новой журналистской культуры, основанной на стремлении к свободе слова. Опыт Сирии подтверждает, что даже в экстремальных условиях стремление общества к правдивой информации становится фундаментом для демократизации и восстановления медиасистемы.

Список литературы

1. Долгов, Б.В. Сирийский кризис (2011-2020): начало / Б.В. Долгов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2020. — № 6. — С. 118-128. — DOI 10.31857/S086919080012746-7. — EDN GHEFTX.
2. Малаховский, А.К. Особенности сирийского медиапространства в годы конфликта / А.К. Малаховский, Н. Дургам // Litera. — 2021. — № 9. — С. 28-36. — DOI 10.25136/2409-8698.2021.9.36417. — EDN HNZQML.
3. Юсеф, Р.И. Телевизионное и радиовещание в Сирии: история, современное состояние и тенденции развития / Р.И. Юсеф // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2020. — Т. 5. — № 2. — С. 103-125. — EDN WOTVFV.

УДК 374

ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЙ ИНТЕРЕС И ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ

Коханая О. Е., д-р культурологии, доц., ORCID 0000-0001-9277-6890
АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, РФ
kokhanaya@mail.ru

Введение. При необычайной открытости современного информационного пространства информационная гонка заставляет журналистов находить «горячие» новости и факты о публичных личностях, способные привлечь к конкретному средству массовой информации больший интерес аудитории [1, с. 177]. Чем выше конкуренция, тем быстрее стираются морально-нравственные границы как у прессы, так и у аудитории. В процессе таких трансформаций многие начинают искаженно трактовать термин «общественный интерес», который далек от удовлетворения любопытства. Между тем, как отмечает известный исследователь в сфере массовой коммуникации В.В. Тулупов, «сегодня, когда у нашей молодежи утрачивается стержень, гаснет интерес к собственной истории, прививаются чуждые ценности» [2, с. 186-187], особенно важно, какие источники информации формируют и определяют ее картину мира. И нам очевидно, что среди юношества и молодежи новостные Telegram-каналы пользуются наибольшей популярностью. При этом, большинство из таких источников не зарегистрированы как СМИ, но информируют широкую аудиторию о событиях в стране и мире. В большом потоке подобных каналов каждый автор старается привлечь как можно больше реципиентов, подчас распространяя скандальные новости о «звездах» и известных политиках. При этом информация, которая доходит до читателя, не всегда является истинной.

Основная часть. В середине 2024 года на пресс-конференции в ТАСС Всероссийский межведомственный центр компетенций в сфере интернет-коммуникаций и оператор цифрового диалога между властью и обществом «Диалог» анонсировал собственное исследование российского медиапространства [3], результаты которого показали, что больше всего ложной информации наблюдается в мессенджере Telegram: по их данным, фейки появляются на тему политики в 30% случаев, здравоохранения — в 18% и звезд — в 33 % случаев.

В мире единого цифрового пространства, в которое можно попасть в любое время и в любом месте, большинство людей часто проводят свободное время в социальных сетях, администраторы практически беспрерывно вынуждены придумывать контент, чтобы сохранить интерес к своему сообществу, и всё равно собственного контента недостаточно.

Поэтому они публикуют различные новости из других городов, смешные или трогательные видео от подписчиков. Постоянно пополняемый контент такого рода помогает сохранять популярность сообщества среди аудитории.

Профессиональный журналист не может не знать, что за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну без его согласия предусмотрена ответственность, вплоть до уголовной (статья 137 УК РФ), существуют определенные критерии, характеризующие нарушение права на неприкосновенность частной жизни. В случае с нарушением журналистами границ личной сферы общественно значимых личностей есть два основных признака: наличие умысла; причинение вреда правам и интересам граждан. Публикуя незаконно добытые данные, нельзя ссылаться на общественный интерес, ведь его основными признаками являются обнаружение угроз обществу, природе и государству.

Очевидно, что общественный интерес — это не любопытство, проявляемое аудиторией СМИ, а общественно значимый интерес. И нарушают неприкосновенность частной жизни не только пронырливые сотрудники «желтой» прессы, но и журналисты качественных СМИ, занимающиеся расследованиями, хотя в кодексе профессиональной этики российского журналиста сформулировано: «Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека».

Как с помощью ложной интимной информации, так называемые, «звезды» привлекают к себе внимание, можно увидеть на примере Ольги Бузовой. Телеведущая в своих социальных сетях несколько раз намекала на то, что ждет ребенка. Такой случай был и на открытии недели моды в Екатеринбурге 19 августа 2024 года, где во время общения с журналистами, звезда задала вопрос прессе: «мальчик или девочка?» (https://t.me/starhitru/15691). Это в разы увеличило как посещаемость ее страниц в социальных сетях, так и просмотры последних шоу с участием Бузовой.

Помимо того, что ложная информация распространяется в текстовом варианте, современные технологии позволяют подкрепить фейковую новость записью голоса и видеороликом. У таких обманов появилась своя классификация — дипфейк. Изначально дипфейки использовали в развлекательных целях, применяли их в съемке рекламных видеороликов и кинокартинах, однако со временем данную технологию стали использовать для создания скандальных материалов и политических провокаций. Например, в мае 2024 года неизвестный источник начал распространять сфабрикованную аудиозапись с голосом Дмитрия Пескова, пресс-секретаря президента России, где с использованием ненормативной лексики он якобы говорил, что Кремль благодарен предпринимателю Павлу Дурову за то, что тот дал интервью американскому журналисту Такеру Карлсону, а не Юрию Дудю (признан в РФ иностранным агентом).

Также жертвой скандала с дипфейком стала американская певица Тейлор Свифт. В январе 2024 года в социальной сети X (ранее Twitter, заблокирована в РФ), появилось эротическое изображение со звездой, сгенерированное искусственным интеллектом. Один из таких постов собрал более 45 миллионов просмотров. Инцидент мог нанести певице репутационные потери: музыкальное творчество Тейлор Свифт интересно не только взрослой, но и юной аудиторию. По этой причине служба безопасности социальной сети отчиталась о предпринятых мерах, сообщив, что «активно удаляет все идентифицированные изображения» и «принимает соответствующие меры в отношении учетных записей, ответственных за их публикацию» (https://www.rbc.ru/life/news/65ba4a279a79478cb0c4cf9b).

Классифицировать фейки можно по их воздействию на настроения в обществе:

1. Дестабилизация. Основная цель — спровоцировать панику и запутать человека в потоке информации. Например, в 2022 году был создан видеофайл с участием Владимира Путина, в котором содержалось обращение Президента о введении военного положения и мобилизации населения.

2. Вызов эмоций. Эти материалы вызывают чувство тревоги или облегчения. Они могут создать значительный общественный резонанс и усилить информационное напряжение. Например, множество фейков о негативных последствиях вакцинации во время пандемии коронавируса или слухи о чипировании граждан России.

3. Провокация. Стимулирует людей к активным действиям. Например, в период пандемии в мессенджерах распространялись сообщения о потенциальном дефиците различных товаров, что создавало панические настроения и побуждало граждан массово раскупать товары, сметая их с полок магазинов, например, гречневую крупу.

4. Экономическая мотивация. Ориентирована на получение или увеличение дохода. Например, обещание значительного выигрыша в лотерее или приобретение криптовалюты с «высокими перспективами роста цены».

При этом статьи о неприкосновенности частной жизни рассредоточены по разным законодательным актам, большая часть нормативных положений имеют отсылочный либо декларативный характер.

Заключение. Для упрощения процесса правовой осведомленности российских граждан, думается, пришло время создать единый документ, который бы включал в себя все законы, связанные с поиском, хранением и распространением информации, что упростило бы задачу не только конкретному гражданину, но и органам власти для осуществления правосудия.

Список литературы

1. Головин, Ю.А. Новые тренды в эпоху революционных изменений информационных технологий / Ю.А. Головин, О. Е. Коханая // Знание. Понимание. Умение. — «2020. — № 4. — С. 177-189. — DOI: 10.17805/zpu.2020.4.16. — EDN: OKNGCC.

2. Тулупов, В.В. Массовая коммуникация и журналистика: юбилейный сборник / В.В. Тулупов / сост.: Е.М. Бебчук, Д.С. Дьяков, А.А. Кажикин. — Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. — 448 с. — ISBN 978-5-9273-4039-2.
3. Противодействие фейкам в 2024 году. — « Текст : электронный // ТАСС. Пресс-центр. — 2024. — URL: https://tass.ru/press/23957 (дата обращения: 27. 09. 2025).

УДК 808’51

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В СПОРТИВНОМ КОММЕНТАРИИ

Лягунова С. В.[1], ORCID 0009-0001-6305-3287,
Павловская О. Е.[2], д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-3919-4792
[1]ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Турбилина», г. Краснодар, РФ
stefy91@mail.ru, oepa@mail.ru

Введение. Задачей любого спортивного репортажа является освещение спортивного события (хоккейного, футбольного, баскетбольного матчей и других спортивных мероприятий). Отличительной особенностью спортивного репортажа является спортивный комментарий, который проявляется как авторская оценка хода игрового процесса, как желание обратить внимание аудитории на отдельные моменты и т. д. Эту способность текста отражать авторское коммуникативное намерение мы, вслед за лингвистами Н. И. Клушиной [2], Л. Р. Дускаевой и Н. С. Цветовой [1], О.Е. Павловской [4], рассматриваем как интенциональнось, а само намерение — как интенцию.

Основная часть. Интенции спортивного комментатора формируют разные речевые стратегии и выбор различных языковых средств для их репрезентации. В статье рассмотрены средства языковой выразительности для воплощения авторских интенций спортивного комментатора. Анализ данных средств проведен на материале репортажа по хоккею с мячом «Чемпионат России по хоккею с мячом «Мурман» — «Байкал-Энергия». Суперлига 2024/25 от 05.02.2025. Комментатор — Дмитрий Артёменко», объём звучащего текста которого составляет 2 часа.

В процессе анализа комментариев Дмитрия Артеменко было установлено, что авторскими интенциями в процессе спортивного репортажа были: желание отразить динамичность спортивного события; активизировать внимание зрителей / слушателей к ходу хоккейного матча; концентрировать внимание целевой аудитории на определённых деталях

спортивного события и убедить в их необходимости / недопустимости; сохранить интерес аудитории к матчу на всем его протяжении; проявить свою лингвокреативность как спортивного журналиста и другие.

Для реализации вышеперечисленных (и, возможно, не выявленных) интенций спортивный комментатор Дмитрий Артёменко использует богатый арсенал лексико-стилистических средств. Из 177 случаев их употребления нами выявлены стилистические фигуры, тропы, профессионализмы, устойчивые сочетания, просторечная лексика. Так, для приемов диалогизации речи, привлечения внимания и убеждения, используемых спортивными комментаторами [5, с. 423], Д. Артеменко употребляет повторы: *И вот* ***снова, снова*** *Байкал пошёл в атаку; и* ***мимо ворот****, снова* ***мимо ворот****;* ***тяжело, тяжело*** *сегодня, конечно, показывать качественный хоккей.*

Убедительность речи комментатора подчеркивается применением метафор (*но вот друг с другом* ***бодаются*** *потихонечку, где там Волга, Саян и Акбар с Динамо; но* ***смог разобраться с мячом*** *Евгений, и уже это превратилось в атаку команды гостей; что* ***воплотилось*** *в угловой команды гостей;* ***стараются выгрызать*** *сейчас мурманчане* ***мяч***) и эпитетов (*Гаврилов* ***неудачно разыграл*** *этот свободный; такой* ***ветер сумасшедший*** *мешает*).

Тематика спортивного дискурса предполагает обязательность употребления профессионализмов, и речь комментатора изобилует использованием данного лексического средства: *Бихузин хотел в последний момент всё-таки* ***выцепить*** *с лицевой этот* ***мяч****; Если я правильно увидел, на Иващина* ***свалил;*** *Там ещё* ***страховало*** *что-то игроков Мурмана; как хорошо там мог принять мяч один из игроков иркутян в штрафной, но* ***не обработал****.*

Этой же цели служат и используемые спортивным журналистом устойчивые выражения: *Давайте, кстати, вспомним,* ***освежим в памяти****, каковы составы от играющих;* ***Помнят*** *его болельщики тоже* ***хорошим словом;*** *Только* ***стиснув зубы*** *надо надеяться…*

Используемые комментатором просторечия (*Долго Мурман* ***возится*** *с мячом в штрафной уже; Сложно куда-то* ***прорваться***), говорят, на наш взгляд, о его понимании неоднородности зрителей / слушателей.

Свое эмоциональное отношение к происходящему в ходе матча Д. Артеменко выражает использованием индивидуально-авторских эпитетов (*это* ***самый молодой, самый юный гол****, если можно так сказать; тоже очень* ***компактно играют*** *защитники Байкал-Энергии*) и риторических вопросов и восклицаний (***Контратака! Котляренко****! Ну может, сможет обыграть-то один в один, и угловой у мурмана первый в этом матче.* ***Ну неужели, неужели первый?****;* ***Это ли не тот самый хороший момент для гостей?***).

Наряду с перечисленными средствами комментатор употребляет в речи и градацию (***с такой он тяжестью, с силой бежал)***, антитезу

(***Разгромное поражение**, но последняя домашняя игра обернулась **приятной победой)***, олицетворение (***вскочил мяч на клюшку)***, перифраз (***в столице Заполярья)***, что говорит о его достаточно высоком уровне владения языком.

Проведенный анализ используемых спортивным комментатором лексико-стилистических единиц языка позволил представить их в определенном соотношении (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение изобразительно-выразительных средств, употребляемых в спортивном репортаже

Типы средств выразительности	Средства выразительности	% от 177	% от 177
Стилистические фигуры	лексический повтор	60,1	44,6
	инверсия	19,7	
	риторический вопрос	19,7	
	риторическое восклицание	17	
	анафора	10,6	
	градация	7,1	
	антитеза	5,3	
Лексические средства	профессионализм	40,7	36,7
	устойчивое выражение	26,7	
	просторечие	24,8	
	уменьшительно-ласкательная лексика	24,8	
Тропы	метафора	40,7	23,7
	эпитет	21,2	
	перифраз	7,1	
	олицетворение	5,3	

Заключение. Таким образом, средства выразительности, наполняющие спортивный комментарий в ходе спортивного репортажа стилистической окрашенностью, являются репрезентацией авторских интенций, а также дают возможность комментатору проявить особенности своей языковой личности [3].

Список литературы

1. Дускаева, Л.Р. Интенциональная стилистика: объект, предмет и базовые понятия /Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова // Жызнью і словам прысягаючи… Материалы международной научной конференции. Минск, 2012. URL:http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19491/1/DuskajevaCvetova.PDF (дата обращения 03.10.2025).

2. Клушина, Н.И. Интенциональные категории публицистического текста: на материале периодических изданий 2000-2008 гг.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10 / Клушина Наталья Ивановна; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2008. — 57 с.
3. Лягунова, С.В. Языковая личность комментатора-аналитика в жанре спортивного комментария / С.В. Лягунова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 1. — С. 57 –64. — DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-57-64. — EDN IXTBDX.
4. Павловская, О.Е. Полиинтенциональность как основа многожанровости православного дискурса (на материале блогов Instagram) / О.Е. Павловская, М.Ю. Субботин // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей IV Международного симпозиума, в 2 т. Симферополь, 09–11 июня 2020 года. — Том 2. — Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», 2020. — С. 271−276. — EDN VUMCGF.
5. Снятков, К.В. Речевое поведение спортивного телекомментатора в аспекте монологичности/диалогичности (на материале комментариев Алексея Попова) / К.В. Снятков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 73 — 1. — С. 420— 426. — EDN KBDIQV.

УДК 070.32

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ И ИНФОПОВОДЫ В СМИ

Москаленко Н. М., ORCID 0009-0003-1566-7975
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.moskalenko@donnu.ru

Структурирование времени в СМИ играет очень важную роль: помимо интерпретации действительности, это еще и источник множества инфоповодов, на которых строится журналистика.

В языческой древности структурирование времени зависело от сельскохозяйственного годового цикла. Природные явления и перемены воспринимались как важнейшие общественные события и отмечались как праздники, связанные с временами года, с началом и завершением сельскохозяйственных работ, календарем как таковым. Всё это находило отображение в фольклоре — песнях, легендах, поговорках, различных обрядах.

С утверждением христианства такой способ структурирования времени сохранился. Церкви удалось используемые ею циклический и линейный форматы времени адаптировать к тем датам и праздникам, которые уже существовали. В христианской картине мира структурирование времени линейное, оно устремлено в будущее. В этом линейном формате история развивается от Сотворения мира до второго

пришествия и конца света. Такой формат накладывался на заданную природой цикличность. Отсюда и оформление церковью времени в формате годового календаря как циклов — подвижные и неподвижные циклы подстраивались под местные обрядовые календари. Церковный годовой календарь составлялся исходя из важнейших событий в земной жизни Христа, которые христиане отмечают на протяжении всего года.

Верующие обращаются к Богу с ежедневными молитвами — это один цикл. А есть еще еженедельный и ежегодный циклы. Прихожанин, который хотя бы раз в неделю посещает церковь, имеет возможность чувствовать себя через это включенным в жизнь общества и понимать мир так, как принято в обществе, которому он принадлежит.

Здесь можно провести аналогию с потреблением новостей, которое тоже бывает циклическим, — кто-то смотрит телевидение ежедневно, кто-то несколько раз в неделю, а кто-то и раз в год, например, чтобы послушать поздравление президента в новогоднюю ночь, как и некоторые прихожане, которые посещают храм исключительно на Рождество и на Пасху.

Жизнь каждого прихожанина превращалась в цикл, определенный значимыми жизненными событиями: рождение, совершеннолетие, создание семьи и смерть. Каждому такому событию соответствовал определенный обряд: рождение — крещение, свадьба — венчание, смерть — отпевание.

В дни христианских праздников люди посещали церковь, и то, что в их сознании сосуществовало несколько миров — сакральный, православный и языческий, — не создавало им неудобств. При этом доминировавшая сила подавляла чуждое для нее мировосприятие, например, языческую обрядность. Для этого ее частично приспосабливали к церковным праздникам или вовсе не замечали. Точно так же, как в советское время власть и официальная идеология поступали с нежелательными, прежде всего церковными, календарными датами, которые продолжала отмечать значительная часть населения страны, на что сверху благоразумно предпочитали закрывать глаза.

Современная журналистика напоминает нам о тех праздниках и датах, которые характерны для нашего времени. Теперь осень — это не окончание сельскохозяйственных работ, а начало нового учебного года, не время свадеб, а возвращение людей из отпусков, открытие новых театральных и концертных сезонов. Наши символические даты отображают ценности сегодняшнего дня и недавнего прошлого — 12 Июня, 9 Мая, 1 Мая, 8 Марта. Они символизируют главные вехи и достижения современного российского общества — День Конституции, День народного единства.

И в то же время эти даты — источник инфоповодов, тех событий, которые журналисты отбирают из огромного количества фактов, чтобы создать новости и донести их до своих аудиторий. Современная журналистика, которая во все времена работала с событийно-новостным контентом, использует двойной принцип структурирования времени —

циклический и линейный. А новости — это прежде всего устремление в будущее, освещение того, как сегодняшний факт трансформируется завтра и к чему он приведет. Не будет особым преувеличением сказать, что общественные настроения в основном пребывают в будущем, они представляют собой ожидания разной дистанцированности от настоящего момента, впечатлениями от которого провоцируются. Общество живет в постоянном ожидании перемен, тех или иных важных событий — выборов, окончания (или, напротив, начала) кризисов и конфликтов.

Вместе с тем есть события, образующие годовой цикл. Это праздники и различные памятные даты. Такой цикл также подвержен изменениям, но не таким стремительным, как новости. Праздник, который официально перестает отмечаться, еще какое-то время живет в обществе, а затем он может приобрести качественно новое смысловое наполнение. Так произошло с датой 7 ноября. В советское время в этот день отмечалась годовщина Октябрьской революции. А несколько лет назад эта дата стала Днем воинской славы в честь военного парада на Красной площади в 1941 г.

Подобные ежегодно отмечаемые даты — это и инфоповод, и напоминание аудитории о достижениях, ценностях, идеях, перспективах, которые объединяют общество. Знание и понимание значения и важности этих дат поддерживают чувство сопричастности к одному обществу (даже тогда, когда не все воспринимают те или иные даты в качестве праздников — как, например, отмечаемый 4 ноября День народного единства). Задача журналистов — раскрывать эти инфоповоды в правильном ключе, доносить важную и актуальную для людей информацию.

Журналистика и церковь выполняют ряд схожих функций, одна из которых — хранить и оформлять символы, создавать контент, который будет потреблять аудитория. И журналисты, и церковь создают канонический список праздников и выступают его хранителями, обеспечивая их ежегодное отмечание. При этом журналистика дает представление о норме, о том, что правильно, а что неправильно, разъясняет понятия добра и зла, участвует в выстраивании и поддержании социальной и политической иерархии, повествует об историях успехов и неудач. То есть формирует нормативные представления об окружающей жизни.

Поэтому и создание новостей происходит в формате циклов. Большой ежегодный цикл состоит из всего набора праздников и памятных дат, которые помнит преимущественная часть общества. Есть общенациональные даты — это инфоповоды федерального уровня, есть местные события, отмечаемые на региональном уровне. Не следует также забывать и о датах, памятных для отдельных общностей. О различных значимых юбилеях и годовщинах людям также напоминает журналистика. СМИ информируют о празднованиях и во многом организуют их, приобщают к таким событиям свои целевые аудитории или какие-то их

сегменты. Каждое СМИ при этом может иметь набор собственных дат, о которые напоминает потребителям своего контента. В этом также состоит социализаторская функция СМИ. Информируя общество и побуждая отмечать те или иные даты, журналисты способствуют организации и сохранению социальной памяти, учат аудиторию понимать мир и свое место в нем.

Важна роль журналистики и в работе с новыми праздниками, что заключается в формировании ценностей, смыслов, символов. В данном случае журналистка выполняет еще и значимую фильтрующую функцию, фиксируя каноны, отбирая то или иное событие как инфоповод, достойный внимания общества.

Список литературы

1. Алтунян А.Г. От «глобальной деревни» к «информационным хуторам». Журналистика в эпоху перемен / А.Г. Алтунян. — Москва: Университетская книга, 2019. — 308 с. — ISBN 978-5-98699-312-6.
2. Вартанова Е.Л. Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции /Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2023. — № 2 (115). — 8–19. ─ DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.819. — EDN: DTZVDH.
3. Гуреева А.Н. Социальные медиа и политика: к вопросу о переосмыслении природы политического участия молодежи /А.Н. Гуреева, Д.В. Дунас, О.В. Муронец // Медиаскоп. — 2020. — Вып. 3. — Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2638. — DOI: 10.30547/mediascope.3.2020.1.

УДК 070:316.77

ЖУРНАЛИСТИКА И НОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Москаленко Н. М., ORCID 0009-0003-1566-7975
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.moskalenko@donnu.ru

С развитием новых технологий и появлением новых платформ коммуникации традиционные СМИ — телевидение, радио, печать — столкнулись с сокращением аудитории, что создало для них проблемы, в том числе экономические. Руководителям и владельцам СМИ приходится решать сегодня две важнейшие задачи: находить новые пути для выживания и способы оставаться социально-политическим институтом в демократическом обществе.

В то же время приходится наблюдать такое явление, как исчезновение традиционной журналистики, обусловленное появлением новых платформ и все возрастающими возможностями Сети.

Американский журналист, главный редактор The New York Times (2003–2011 гг.) Билл Келлер определил журналистику как сложный механизм по созданию новостей. Этот механизм предполагает сбор, обработку и презентацию информации, в чем, по сути, и заключается смысл журналистики. Важнейшим институтом современного демократического общества и «четвертой властью» журналистику сделал именно этот механизм создания новостей. Сегодня мы столкнулись с тем, что появилась новая информационная среда, с новыми правилами работы с информацией, что, в свою очередь, повлияло и на социальную, и на политическую сферы общественной жизни.

То, что аудитория уходит от традиционной журналистики, удовлетворяя свой информационный запрос в Интернете, означает не только потерю зрителей и читателей для СМИ, это еще и серьезный удар по демократическим принципам функционирования общества. Аудитория находит интересные для себя сайты и перестает интересоваться политикой. Это говорит о том, что сохранение демократии зависит от журналистики в том виде, в каком мы ее знали до появления новых платформ.

Профессор социологии Принстонского университета Пол Старр отмечает, что в конце XX века были сильная демократия и экономически процветавшая журналистика. А в начале XXI века цифровая революция подорвала экономику медиаиндустрии, и это может спровоцировать и ослабление свободы прессы.

Однако российский ученый Александр Алтунян утверждает, что если из сферы информационной коммуникации уйдет пресса или даже журналистика как институт в целом, это не приведет к деградации демократии. А функцию информационной коммуникации на другом уровне, с новыми стандартами будут выполнять просто иные институты [1].

Следует также обратить внимание и на тот факт, что, по утверждению соредактора Journal of Democracy и содиректора международного Форума изучения демократии Марка Платтнера, дробление аудитории приводит к разрушению гражданского пространства. Он отмечает, что традиционная журналистика в XX веке отличалась надежностью в подаче информации, была ареной для дискуссий, которые помогали гражданам формировать то или иное мнение. Новые медиа — соцсети, блоги, каналы — уже разделены и отличаются предвзятостью, а также составляют группы по интересам, что раскалывает аудиторию. Но и фрагментация публики не единственный процесс, который запустили новые медиа, также можно констатировать гомогенизацию общества, создание крупных групп не только в информационном пространстве, но и в пространстве социально-политическом.

Многие эксперты считают, что объективная журналистика помогает продвижению демократии. Об этом говорится и в Тартусской декларации 2006 года: призвание журналистов — служить обществу, обеспечивать

понимание политики, экономики, социально-культурной сферы, способствовать развитию и укреплению демократии [2].

Журналистика, безусловно, институт демократический, она дает доступ к информации всем, кто к этому стремится. Однако, поддерживая демократию, журналистика отнюдь не гарантирует ее.

На современном этапе уже уходят из употребления такие термины, как «пресса» и «традиционная журналистика». Но актуальны темы «журналистика и общество», «журналистика и будущее информационной сферы», «журналистика и демократия».

Появление и распространение Интернета привело к тому, что информация доходит до аудитории и без журналистов. А это значит, что журналистика перестала быть важным общественным институтом, позиции которого она удерживала с эпохи Нового времени. Сегодня журналисты утратили монополию в определении того, что будет знать общество о происходящем.

Можно говорить и о том, что журналистика потеряла свою прежнюю роль «четвертой власти», а также констатировать девальвацию нормативных функций журналистики — давать правдивую информацию, быть лояльной к аудитории, не зависеть от тех, о ком пишется. Наблюдается все большее влияние пиара на журналистику.

В последнее время журналистика все больше подвергается критике, тогда как социальные сети и платформы набирают популярность.

Заместитель главного редактора журнала The Economist Том Стэндидж утверждает, что соцсети — коммуникационная основа человека как вида. Он считает, что подобные сети, по сути, более значимая коммуникационная среда, чем система передачи важной информации. Он даже приводит несколько исторических примеров таких сетей: от системы общения между первыми христианскими общинами до тезисов и памфлетов Лютера и первых газет, которые, по мнению Стэндиджа, были блогами и дискуссионными клубами. Стэндидж утверждает, что в последние полтора века СМИ отошли от естественных для человека систем коммуникации, под которыми он подразумевает социальные сети. Традиционная журналистика (журналистика второй половины XIX века и XX века) имела иные подходы к публике, чем те, какими прежде пользовались эти сети.

«Блоги — это современные памфлеты. Посты и онлайновые социальные сети — это современные кофейни. В них (блогах, сетях, кофейнях) делятся информацией, копируют ее; это социальные платформы, которые позволяют идеям путешествовать от одного человека к другому, перетекая через людей, соединенных социальными связями. Возрождение социальных медиа в эпоху Интернета — это возвращение к тому, что было раньше» [3].

Что касается социальных сетей, то следует учитывать тот факт, что их существование напрямую связано с интересом к ним их пользователей. Соцсеть существует до тех пор, пока на нее обращают внимание.

Естественно, привлечение внимания требует средств, поэтому многое зависит от тех, кто платит за создание и поддержку сети, причем поддержка может выражаться как в финансировании, так и просто в уделении времени и внимания.

Соцсети бывают как открытые, так и доступные для ограниченного круга людей. Изначально открытых соцсетей было меньше, и они подвергались разного рода ограничениям. В то же время журналистика с самого начала своего существования ставила перед собой цель преодолевать социальную замкнутость, и передаваемая ею информация была открытой для всех.

Обучение журналистов в высшей школе должно осуществляться исходя из этих особенностей и традиционной журналистики, и новых медиа, чтобы готовить кадры, способные ориентироваться в современных проблемах и грамотно отвечать на вызовы цифровизации, сохраняя при этом лучшее наследие отечественной журналистики. На новый уровень с развитием новых медиа выходят и проблемы, связанные с медиапотреблением, медиаграмотностью и медиаобразованием.

Список литературы

1. Алтунян А.Г. От «глобальной деревни» к «информационным хуторам». Журналистика в эпоху перемен / А.Г. Алтунян. — Москва: Университетская книга, 2019. — 308 с.
2. Тартусская декларация Европейской ассоциации подготовки журналистов. Тарту, Эстония, 10 июня 2006 года // URL: http://refdb.ru/look/2183915-pall.html (дата обращения: 19.09.2025).
3. Standage T. Writing on the Wall: Social Media — The First 2000 Years / Tom Standage. — London: Bloomsbury, 2013. — 288 p.

УДК 070:156

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕКАНАЛЕ «ОПЛОТ ТВ»: АНАЛИЗ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5072-568X,
Ковешникова В. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
y.nalivayko_dongu@mail.ru, *vikastefanova20@gmail.com*

Введение. В современном информационном пространстве средства массовой информации занимают центральное место в формировании общественного мнения, акцентируя внимание общества на проблемах

региона, а также оказывая существенное воздействие на формирование общественной дискуссии и политической повестки. Особенно важную роль в этом процессе играют региональные телеканалы, которые выступают не только как источник новостей, но и как мощный инструмент межличностной коммуникации, способный объединять различные социальные группы, формировать их ценностные ориентиры и стимулировать участие граждан в обсуждении актуальных вопросов.

Региональные медиаресурсы выступают в роли связующего звена между властью, обществом и территориальными сообществами, транслируя населению информацию о деятельности государственных структур, социальных инициативах, проблемах и достижениях региона. В условиях продолжающегося конфликта, политической нестабильности и социально-экономических вызовов, характерных для территории Донецкой Народной Республики, освещение социальной проблематики приобретает особую актуальность и значимость. В такой ситуации правильное, объективное и своевременное освещение актуальных вопросов становится не только инструментом информирования населения, но и важнейшим фактором формирования общественного мнения, поддержки или критики существующих решений, а также стимулом к поиску путей преодоления трудностей.

Таким образом, роль средств массовой информации в условиях нестабильности выходит за рамки простого информирования, способствует формированию гражданского общества и укреплению доверия между населением и властью, трансформируясь в важнейший элемент социально-политического влияния на развитие региона.

Целью работы является анализ особенностей отражения социальной проблематики на региональном телеканале ГУП ДНР «Республиканский медиахолдинг» «Оплот ТВ», выявление основных тем и подходов к освещению социальных вопросов, а также определение влияния медийного пространства на формирование общественного восприятия социальных вызовов в регионе.

Основная часть. Для анализа выбрана еженедельная информационно-аналитическая программа «Главное за неделю», которая выходит в эфир по субботам в 18:30. Хронометраж программы составляет 50-60 минут.

В сюжете от 13 января 2024 года рассмотрена тема работы маршрутного такси в г. Донецк. В чат-бот телеканала поступили жалобы граждан на работу нескольких маршрутов — 11, 46 и 77. Корреспондент телеканала Анна Трибушкова проверила работу водителей городского маршрута. В сюжете показано, что водители автобусов не останавливаются на остановках, переполненных людьми. Комментарии дали пассажиры и водители автобусов. Также ситуацию прокомментировал начальник службы перевозок МУП «Донэлектроавтотранс» г. Донецка Александр

Полевщиков, обозначив, что водители транспорта обязаны останавливаться в специально отведенных местах, а также, что до руководства предприятия доведена обязательность проведения с водительским составом инструктажей о выполнении договора на оказание услуг диспетчеризации. Также в сюжете задействованы аматорские видео зрителей с кадрами переполненных остановок.

В сюжете от 20 января 2024 года поднимается актуальная для Республики тема — проблемы водоснабжения. Съемочная группа телеканала опросила жителей микрорайона Текстильщик и выяснила, что коммунальные службы не выполняют требования подачи воды в жилые дома. Председатель ГУП ДНР «Вода Донбасса» Земфира Аракелова пояснила, что основная проблема перебоев в водоснабжении — ограниченный объем поступающей воды. Председатель комитета Народного Совета ДНР по ЖКХ Анна Кондрыкинская заявила, что микрорайон не останется без воды, для решения проблемы будет направлен депутатский запрос в соответствующие органы.

В выпуске от 17 февраля 2024 года рассмотрена тема бродячих собак. Для решения проблемы в администрации г. Макеевка собираются заявки и передаются на рассмотрение и выполнение. Ситуацию прокомментировала начальник участка по работе с бездомными животными г. Макеевка Марина Млычко, пояснив, что животные после отлова помещаются на карантин, после чего для них ищут новых хозяев. Также уточнила, что регулярно проводится вакцинация и стерилизация животных.

В сюжете от 30 марта 2024 года рассмотрели тему мониторинга цен на отдельные виды товаров. Сотрудники администрации, представители промышленности, торговли и народного контроля посетили магазины Ждановки, Енакиева и Нижней Крынки. В ходе проверок магазинов нарушений не выявлено, цены зафиксированы ниже или на уровне Ростовской области.

Информационно-аналитическая программа «Главное за неделю» на телеканале «Оплот ТВ» включает в себя основные события прошедшей недели. Большая часть эфирного времени посвящена внешней и внутренней политике России, СВО, и один сюжет отводится социальной проблематике. Темы выбираются актуальные, исходя из многочисленных обращений зрителей. Часто решение проблемы зависит от оперативности телеканала.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что телеканал «Оплот ТВ» в рамках информационно-аналитической программы «Главное за неделю» стремится освещать актуальные социальные проблемы региона, балансируя между тематикой внутренней жизни общества и вопросами внешней политики. В сюжетах социальной направленности отражены ключевые вызовы — от работы общественного транспорта и водоснабжения до проблем бездомных животных и мониторинга цен. Это свидетельствует о том, что телеканал акцентирует

внимание общественности на текущих проблемах региона, которые тревожат людей, предпринимаются попытки их решения путём обращения корреспондентов к соответствующим органам власти и коммунальным службам. Однако преобладание тем, связанных с внешнеполитической ситуацией, говорит о важности актуальных политических приоритетов в освещении новостей.

Информационный фон, создаваемый телеканалом, способствует улучшению социальной ситуации, стимулирует деятельностную реакцию (в том числе пролонгированную), направленную на решение проблем.

Список литературы

1. Демина, И.Н. Ценности в жизни общества: характеристика социальной роли / И.Н. Демина // Массмедиа и ценностные отношения общества: сб. науч. ст. — Москва: МедиаМир, 2013. — EDN TWZBNJ.
2. Зарубина, Ю.Н. Социальные проблемы современного общества: учебно-методическое пособие /Ю.Н. Зарубина, Е.А. Серова. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — 36 с.
3. Севортьян, А. Социальная журналистика: профессия и позиция /А. Севортьян. — Москва: Агентство социальной информации, 2005. — 100 с. — ISBN 5-901737-17-2.
4. Сурганова, Е. Светлана Рейтер о задачах социальной журналистики / Е. Сурганова. — URL: https://lenta.ru/articles/2012/07/27/reyter/ (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 070.1. (575.172)

ФОРМИРОВАНИЕ АРТ-ЖУРНАЛИСТИКИ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Палуанова Г. А.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, г. Нукус, Узбекистан

janga-tv@mail.ru

Введение. Формирование арт-журналистики в социально-культурной жизни Каракалпакстана рассматривается как неотъемлемая часть истории национальной прессы. Потому что журналистика выражает не только политические или экономические проблемы общества, но и его культурно-эстетический облик. Процесс освещения, анализа и популяризации искусства заложил основу для развития отдельной отрасли журналистики — арт-журналистики. В этом отношении арт-журналистика в Каракалпакстане служила важным фактором, определяющим роль культуры и искусства в общественном сознании [5].

Основная часть. Если мы посмотрим на историю каракалпакской прессы, то увидим, что первые журналистские материалы об искусстве начались в начале XX века. В период с 1920 по 1930 годы в местных газетах и журналах стали регулярно публиковаться статьи о литературе, театре,

музыке и народном устном творчестве. В этот период пресса стремилась представить искусство не только как культурно-просветительскую ценность, но и как средство социального воспитания общества.

Арт-журналистика Каракалпакстана также опирается на свои национальные корни. Традиции бахши, дастана и народного пения широко освещались в печати, их анализ привел к появлению новых научных направлений на стыке искусствоведения и журналистики. Например, в первых газетных статьях публиковались обзоры национальных театральных спектаклей, аналитические выступления по творчеству поэтов и писателей, статьи, посвященные образцам устного народного творчества. Это имело большое значение в формировании эстетического вкуса в сознании народа, поднятии искусства на уровень общественной ценности.

Также формирование арт-журналистики непосредственно связано с научной и творческой деятельностью интеллигенции Каракалпакстана. Литературоведы, театроведы и журналисты того времени создали новую культурную среду, публикуя статьи об искусстве в прессе [1–4]. Этот процесс, по сути, совпал с этапами модернизации и национального самосознания общества Каракалпакстана.

Первая четверть XX века стала важным историческим этапом в становлении арт-журналистики в Каракалпакстане. Этот период характеризуется коренными изменениями в общественно-политической жизни региона, появлением новых форм печати и постепенным распространением национальной культуры. Прежде всего, появление в печати материалов об искусстве тесно связано с идеями джадидизма и деятельностью просвещенной интеллигенции. Джадиды, как известно, стремились пробудить народ через науку, культуру и искусство. Поэтому в первых газетах и журналах, которые они основали, публиковались различные комментарии об искусстве, литературе, народном устном творчестве, театре и музыке.

1920-1930-е годы стали периодом становления каракалпакской прессы, в эти годы в газетах «Совет Каракалпакстаны» («Советская Каракалпакия»), «Амударья», «Кызыл Каракалпак» (Красный Каракалпак) стали регулярно публиковаться статьи на темы искусства и культуры. На их страницах публиковались анализы театральных представлений, рецензии на сборники стихов, статьи, освещающие образцы устного народного творчества. Этот процесс служил не только продвижению искусства, но и формированию эстетического вкуса общества. Например, театральные обзоры, опубликованные в журнале «Амударья», были направлены на анализ содержательной сущности произведений, оценку игры актеров и раскрытие воспитательного значения спектакля. Благодаря этому театр интерпретировался не только как средство художественного развлечения, но и как источник социального и нравственного воспитания общества.

Первые шаги арт-журналистики невозможно представить без влияния джадидского движения. Джадидская интеллигенция рассматривала

искусство как силу, пробуждающую общественное сознание и укрепляющую национальную идентичность. В их статьях были представлены ценные размышления о народных эпосах, творчестве бахши и искусстве пения. Таким образом, освещение тем искусства стало отдельным направлением журналистики.

Джадидская пресса трактовала искусство не только как эстетическую ценность, но и как социально-просветительское средство. Тем самым они призывали народ к грамотности, национальному пробуждению и принятию современной культуры. В Каракалпакстане такой подход сыграл важную роль в формировании первых теоретических основ искусствоведения.

В то же время на первые шаги арт-журналистики оказала сильное влияние и культурная политика, проводившаяся в советское время. Искусство и литература интерпретировались в печати как «воспитательное оружие для народа». Поэтому в статьях о театре, музыке и изобразительном искусстве особо подчеркивалось идеологическое содержание произведений, их соответствие принципам социалистического реализма.

Тем не менее, в этот период начало формироваться профессиональное направление арт-журналистики. В газетах и журналах анализировалось творчество артистов, публиковались рецензии на спектакли и концерты. Это открыло путь к освещению искусства не только как идеологического средства, но и как эстетической ценности.

В статьях, опубликованных в газете «Советская Каракалпакия», высказывались мнения о процессах становления национального театра, содержании сценических произведений, мастерстве актеров. В газете «Амударья» в основном освещалась литература и устное народное творчество, анализировались новые стихи поэтов, давались научные комментарии о народных эпосах.

Такие комментарии показали особую роль журналистики в популяризации искусства, объяснении его эстетической и социальной сущности, развитии культуры. В то же время они сыграли важную роль в формировании национального самосознания и эстетического вкуса.

В материалах ранней арт-журналистики особое место занимало устное народное творчество. Регулярно публиковались статьи о творчестве бахши, дастанном искусстве, искусстве пения, широко освещалось их социально-воспитательное значение. Этот процесс заложил основу для возвращения народа к своим историко-культурным корням и ценности национального наследия.

Путем освещения устного народного творчества журналисты также выполнили задачу укрепления национального самосознания, эстетического воспитания молодого поколения. Таким образом, арт-журналистика стала важным средством популяризации культуры и национальных ценностей в Каракалпакстане.

Заключение. В заключение можно сказать, что первые шаги арт-журналистики в Каракалпакстане можно обобщить следующими этапами:

1920-1930-е годы — появление художественных тем в местных газетах и журналах;

эпоха джадидизма — интерпретация искусства как средства национального пробуждения и просвещения;

влияние советского периода — развитие арт-журналистики как идеологического инструмента, но формирование профессионального комментирования и критического анализа;

возрождение национальных ценностей — популяризация устного народного творчества, формирование эстетического вкуса, сохранение культурного наследия.

Список литературы

1. Марзияев Ж.К. Обзор передач каракалпакского телевидения: исторический подход /Ж.К. Марзияев //Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. — 411 с. — С. 357–360.
2. Марзияев Ж.К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати /Ж.К. Марзияев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 6 (260). — С.88-92.
3. Камалова Д.Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги = Жанровые особенности новеллы в прессе = Genre features of the novel in the press /Д.Э.Камалова // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус: Наука, 2019. — С.18-21.
4. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies. The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. — С. 93-111.
5. Paluanova G.A. Karakalpak theater journalism /G.A. Paluanova // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. — 414 с. — С. 374-376.

УДК 070.1. (575.172)

ДИЗАЙН ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Пердебаева К. Р.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, г. Нукус, Узбекистан

janga-tv@mail.ru

Введение. В условиях цифровой трансформации и роста глобального информационного потока, происходящих в мировом медиапространстве в последние годы, наряду с содержанием в деятельности средств массовой

информации все большее значение приобретает их форма, то есть визуальный облик [1]. Общество действует в пространстве для более широкого просмотра, восприятия, быстрого анализа и избирательного восприятия информации. Поэтому современный, функциональный и впечатляющий дизайн печатных средств массовой информации, в частности, ежедневных газет, становится одним из решающих факторов обеспечения их выживания и конкурентоспособности.

Основная часть. Научное изучение тенденций дизайна современной каракалпакской прессы и ежедневных изданий считается весьма актуальным [2–5]. В газетах много направлений дизайна. Например, изучение постоянных или переменных элементов газеты, методы выделения материалов композиции, газетная верстка, подготовка оригиналов к публикации и так далее. Мы хотим выделить три основных типа этого дизайна: 1) дизайн шрифтов; 2) дизайн иллюстраций; 3) дизайн специальной страницы и номеров. В связи с этим наша диссертация состоит из трёх глав.

На какие вопросы отвечает текстовый дизайн?

Прежде всего, мы должны ответить на вопрос, что такое шрифт. Шрифт — это текст, набираемый в газете. Шрифты измеряются в пунктах, 1 пункт равен 0,3 мм.

Основные шрифты, используемые в газетах, делятся на текстовые и заголовковые. От 3 до 12 пунктов это текстовые шрифты, а выше 12 пунктов (обычно до 20 и 24) — заголовочные шрифты. Имеются названия шрифтов до 20 пунктов. Выше десяти называется цифрой: 22, 24, 26 и т. д.

Итак, прежде всего, следует отметить, что шрифты различаются по размеру и внешнему виду. В обоих случаях шрифты имеют свои названия.

Что касается оформления шрифтом, следует отметить, что существует ряд правил. Обычно в одной газете используется 2 или 3 типа шрифтов, иногда до 4. Большего количества шрифтов в одной газете будет слишком много, потому что это увеличит разнообразие. В использовании шрифтов могут быть различия между общественно-политическими, общественными и отраслевыми газетами. Например, газета «Эркин Каракалпакстан» (Свободный Каракалпакстан) использует разные шрифты, а газеты «Каракалпакстан адабиёти» (Каракалпакская литература) или «Жеткиншек» (Подросток) — другие.

В опыте Узбекистана стало общепринятым публиковать в основных газетах материалы, требующие значительного места. Из-за красочного оформления страниц «Янги Ўзбекистон» (Нового Узбекистана) и наличия множества иллюстраций «плотность» не очень заметна, но в газете «Эркин Каракалпакстан» она сразу бросается в глаза. Из-за большого количества государственных решений и материалов о Президенте аудитория не хочет читать газету, что приводит к отсутствию интереса у аудитории.

Верстки с 6 или 8 колонками Это распространённая практика в газете. Однако в газете «Янги Узбекистон,» несмотря на большие размеры текстов,

их представление в виде блоков не очень заметно, поскольку верстка газеты довольно оживлённая. Конечно, журналисты это сразу замечают, но читатель, не являющийся журналистом, не обращает на это особого внимания. Потому что эта газета украшена большими шрифтами, многочисленными иллюстрациями, большими темами и цветными украшениями.

Иногда на первой странице газеты «Янги Узбекистон» текст занимает всего 15-20 процентов места, остальное — иллюстрации, заголовки страниц и подзаголовки. Такая практика побуждает издавать газету интересно. Однако этот метод ограничивает его способность предоставлять информацию и новости. Эта тенденция — закон, традиция этой газеты. Это относится не только к первой странице, но и повторяется на других страницах газеты.

Однако страницы газеты «Эркин Каракалпакстан» в основном заняты шрифтами. Здесь больших заголовков и иллюстраций мало, но текст занимает много места. Эти тексты печатаются, в основном, шрифтом 9. Тексты в форме диалогов часто появляются. Тогда вопросы даны в насыщенной курсивной форме, а ответы — простым шрифтом.

В результате газета «Эркин Каракалпакстан» в основном ограничилась шрифтовым дизайном. С точки зрения дизайна, эта газета не очень оправдывает название ведущей газеты в нашей республике. По нашему мнению, редакция не занимается исследованиями по этим вопросам. Вместо этого газета «Qoraqalpog'iston tongi» (Рассвет Каракалпакстана) получается гораздо лучше. В этой газете отображение и размещение тем, шрифтовый дизайн несколько оживлены, а также чаще используются иллюстрации.

По нашему мнению, газета «Эркин Каракалпакстан», по правде сказать, похожа на спящую газету. Газета «Qoraqalpog'iston tongi» также публикует множество материалов в плотной форме с точки зрения шрифтового дизайна. Однако разнообразное оформление страниц и более продуктивное использование иллюстраций придают газете более живой вид.

С точки зрения текста газету «Жеткиншек» можно считать одной из лучших газет в Каракалпакстане. В этой газете чаще используются нетрадиционные методы верстки текста. Например, на одной странице газеты вы редко найдёте печать с 6, 7 или 8 колонками. Конечно, этот метод приводит к большим размерам колонки.

Например, в газетах формата А3 печать текста в 3 или 4 колонках приводит к расширению этих колонк. Однако, несмотря на большую ширину колонки в этой газете, читабельность текста повышается. Конечно, это также определяется концепцией газеты, её характером, языком и аудиторией.

Заключение. В заключение можно сказать, что дизайн газеты, её красивая верстка — это мерило её красоты. Поэтому функция дизайна также

определяет характер газеты. Форма газеты — один из элементов, определяющих её выразительность, объём газеты — элемент, определяющий её важность, а её первая страница, то есть обложка, — её эстетика. Таким образом, именно эти три элемента определяют ценность газеты, то есть сочетание этих трёх элементов обеспечивает привлекательность газеты и способствует расширению её читательской аудитории.

Список литературы

1. Atajanov X.A., Marziyaev J.K. Mediada dizayn hám vizualizaciya = Дизайн и визуализация в медиа /X.A. Atajanov, J.K. Marziyaev // oqıw qollanba. — Nokis. ILIM NUR. 2024. — P. 96.
2. Marziyaev J.K. Current problems of the press of Karakalpakstan / J.K. Marziyaev // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. — 414 с. — С. 355–357.
3. Камалова Д.Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги = Жанровые особенности новеллы в прессе = Genre features of the novel in the press /Д.Э.Камалова // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус: Наука, 2019. — С.18-21.
4. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies. The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. — С. 93-111.
5. Марзияев Ж.К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати /Ж.К. Марзияев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 6 (260). — С.88-92.

УДК 615.849

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Роенко Н. А.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ

n.roenko@mgumariupol.ru

Введение. В условиях современного информационного общества медиаграмотность становится ключевым фактором успешной социализации, гражданской активности и устойчивости к деструктивным влияниям. Особенно остро вопрос формирования медиаграмотности стоит на исторических территориях, где население сталкивается с необходимостью интеграции в новое социокультурное пространство и

одновременно сохранения собственной культурной идентичности. Медиа в данном контексте выполняют двойную функцию: с одной стороны, они выступают проводником интеграционных процессов, с другой — становятся важным инструментом укрепления культурных традиций и локальной идентичности.

Цель статьи — проанализировать роль медиаграмотности как фактора интеграции населения и сохранения культурной идентичности на исторических территориях, а также рассмотреть практические примеры (в частности, опыт Мариуполя и Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи) в формировании медиакомпетенций.

Основная часть. Под медиаграмотностью в современной научной традиции понимается совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих человеку критически воспринимать, анализировать и создавать медиатексты, а также осознанно взаимодействовать с информационной средой [1–2]. Согласно концепции ЮНЕСКО, медиаграмотность рассматривается как основа демократического общества, обеспечивающая доступ к информации, критическое мышление и развитие межкультурного диалога [3].

Формирование медиаграмотности предполагает развитие нескольких компетенций: способности к критической оценке информации, умения определять источники сообщений, понимания медиапроцессов и медиавлияний, а также навыков самостоятельного создания контента. В контексте исторических территорий эти компетенции приобретают дополнительное значение, так как позволяют населению осознанно воспринимать медиакартину, избегать манипуляций и одновременно формировать позитивный образ собственной культуры в медиапространстве.

Исторические территории характеризуются особой социальной и культурной спецификой. Здесь информационная среда часто отражает процессы политической трансформации, культурной адаптации и интеграции в общенациональное пространство. При этом местное население сталкивается с двойным вызовом: необходимо, с одной стороны, интегрироваться в новые общественные и государственные структуры, а с другой — сохранить уникальные культурные и исторические традиции.

Ярким примером является Мариуполь, где значительная часть населения пережила острые информационные и культурные трансформации. Для города важно не только восстановление инфраструктуры, но и формирование устойчивой медиасреды, способной способствовать интеграции и укреплению культурной идентичности.

Здесь особая роль принадлежит Мариупольскому государственному университету имени А.И. Куинджи, который стал центром научного, образовательного и культурного взаимодействия. Университет не только готовит специалистов в сфере журналистики и медиакоммуникаций, но и

активно развивает проекты, направленные на повышение медиаграмотности населения. В учебные программы включены дисциплины, формирующие критическое мышление и медиакомпетенции студентов. Кроме того, проводятся научные конференции, круглые столы, студенческие инициативы по созданию медиапродуктов, отражающих культурное наследие региона.

Таким образом, на примере Мариуполя можно проследить, как медиаграмотность становится инструментом восстановления, социальной интеграции и сохранения культурной памяти.

Значительную роль в формировании медиаграмотности играют образовательные и журналистские практики. В системе образования целесообразно включать элементы медиаобразования в школьные и университетские программы, уделяя особое внимание критическому мышлению, анализу медиаисточников и навыкам создания контента.

В Мариупольском государственном университете имени А.И. Куинджи данное направление реализуется через:

− программы подготовки журналистов и специалистов по медиакоммуникациям;

− проведение просветительских мероприятий, мастер-классов и тренингов для студентов и школьников;

− студенческие медиацентры и инициативы, позволяющие молодежи осваивать практические навыки медиапроизводства;

− участие в научных конференциях и публикацию исследований по вопросам медиаграмотности.

Журналистика также способствует укреплению медиаграмотности через формирование локальной повестки, отражающей реальные интересы жителей Мариуполя и региона. Это способствует не только интеграции населения, но и укреплению культурной идентичности, основанной на историческом и культурном наследии города.

Заключение. Медиаграмотность в условиях исторических территорий выступает важным фактором интеграции населения и сохранения культурной идентичности. На примере Мариуполя и деятельности Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи можно увидеть, что медиаграмотность помогает обществу противостоять дезинформации, формировать устойчивость к манипулятивным воздействиям и одновременно способствует развитию локальной культурной самобытности.

Формирование медиаграмотности должно носить комплексный характер, объединяя усилия образовательных учреждений, журналистского сообщества и институтов гражданского общества. Только в этом случае медиапространство сможет стать ресурсом не только для интеграции, но и для сохранения культурного многообразия страны.

Список литературы

1. Федоров А.В. Медиаобразование и медиакомпетентность /А.В. Федоров. — Таганрог: Изд-во Таганрогского института управления и экономики, 2007. — 136 с.
2. Шариков А.В. В поисках общего методологического базиса теорий медиаобразования и информационной грамотности / А. В. Шариков // Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / М-во культуры Российской Федерации, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Комис. Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. — Москва: МЦБС, 2013. — С. 122-129.
3. UNESCO. Media and Information Literacy Curriculum for Teachers. Paris: UNESCO, 2011. — 192 p. — ISBN: 978-92-3-104198-3. — URL: https://www.unesco.org/en/articles/media-and-information-literacy-curriculum-teachers (дата обращения: 12.09.2025).

УДК 378

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТНАЯ УСТАНОВКА ЖУРНАЛИСТА

Тулупов В. В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vlvtul@mail.ru

Средства массовой информации могут отличаться по видам, по типам, но в одном они должны сходиться — в патриотизме как скрепе, объединяющей их в систему. Будучи основой идеологии каждой отечественной газеты, ТВ, РВ-канала, интернет-СМИ, патриотизм проявляется в их содержании, т.е. в тематике и проблематике диктуемыми чувством любви и преданности Отечеству, своему народу, готовностью служить интересам своей Родины. Что вовсе не означает лакировки действительности. Здесь уместно будет вспомнить строки А. С. Пушкина из его письма к П. Я. Чаадаеву19 октября 1836 года: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [1]**.** Вот откуда — чувство гордости за достижения и культуру своей родины, желание сохранять её культурные особенности и идентификацию себя с другими представителями своего народа, стремление защитить интересы родины и своего народа. При этом истинный патриотизм включает в себя также уважение к другим странам и народам, их культуре и истории. То есть подлинный патриотизм неразрывно связан с интернационализмом, чужд национализму, сепаратизму и космополитизму.

Когда же, как и где возникает патриотизм, когда, как и где он формируется? Всё начинается с детства. С семьи, с улицы, с детского сада, продолжается в школе, в вузе, на производстве. То есть эта тема должна постоянно звучать — в прессе, в литературе, в песнях, на ТВ, в кино, в

театре. Но ненавязчиво, а подспудно и талантливо. И да, всё начинается с «картинки в моём букваре». В фильме «Ликвидация» есть эпизод, в котором директор интерната говорит ребятам: «Главное, чтобы Родина была счастлива... А остальное потом».

Далее о прессе. Профессиограмма журналиста включает содержание деятельности, требования к знаниям, к индивидуальным особенностям журналиста, эффективность деятельности, и все эти аспекты должны иметь основой патриотические ценности, быть пронизаны ими. Особенно важны в этом смысле требования к индивидуальным особенностям журналиста.

Эффективность также оценивается с позиций ценностей: насколько журналистский материал актуален, достоверен, точен, убедителен, насколько высоки его эстетико-художественные особенности, наконец, на какую реакцию аудитории он рассчитан.

Кто же учитывает всё вышеперечисленное? Прежде всего медиаменеджеры, редакторы СМИ. Да, журналист — свободная профессия, но руководители СМИ должны проходить сертификацию. Ведь даже в спорте ты не сможешь тренировать команду низшей лиги, не говоря уж о высшей лиге или сборной, если у тебя не будет соответствующего сертификата, а в журналистике — важнейшем социальном институте — почему-то можно работать без соответствующего диплома. В советское время партийные органы назначали редакторами тех, которые заканчивали двухлетние ВКШ или ВПШ.

Важно духовное единство нации, о которой говорит Президент РФ в своих посланиях. Но наше общество, к сожалению, до сих пор разъединено... «Консерваторы» и «либералы», «славянофилы» и «западники», «красные» и «белые»... Да, плюрализм важен, в любом обществе, в любой стране существует разномыслие, но в одном необходимо объединяться — в отношении к своей стране, к её истории. Все периоды были важны, каждое поколение внесло свой вклад в строительство нашего государства. И вовсе не случайно Россию называют особой цивилизацией. А у нас подспудно более тридцати лет происходит, например, отрицание советского периода. У нас до сих пор Запад остаётся мерилом совершенства. Например, члены жюри популярных музыкальных ТВ-конкурсов вполне серьёзно заявляют, что песни на английском языке лучше поются и слушаются, нежели песни на русском. В спортивной журналистике красной нитью проходит мысль, что настоящими спортсменами можно стать лишь в НХЛ, в футбольных лигах Англии, Германии, Испании. Матчи РПЛ загоняют на платный канал «Матч-премьер», а по общенациональному каналу транслируются заморские игры. Известный комментатор болельщиков, считающих, что без гимна, государственного флага нельзя выступать на Олимпиаде, скабрёзно оскорбляет их. Мог ли себе такое позволить Н. Н. Озеров?.. Вот где начинается патриотизм. И речь не о цензуре, а об этике и морали, о том, «с чего начинается родина...» Речь в том числе о русском языке, который нуждается в защите.

За информационную политику отвечают власти, которые должны создавать условия для функционирования качественных СМИ и пресекать действия тех псевдоСМИ, которые нарушают профессиональные и этические стандарты, которые призывают раскачивать лодку на местах и в стране в целом.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Собр. Соч.: в 10 томах. — М.: ГИХЛ, 1962. — Т. 1. Письма 1831 — 1837. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_П._Я._Чаадаеву_19_октября_1836_г._(Пушкин) (дата обращения 21.10.25).

УДК 070:004.738.5

ЛОНГРИДЫ КАК ЖАНР ЦИФРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ДИЗАЙНА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ «НЕБО СВЕРНЕТСЯ КАК СВИТОК» И «32 INNOVATIONS THAT WILL CHANGE YOU TOMORROW»)

Турбанова М. В.,
Чишевич А. И., ORCID 0009-0004-7995-1497
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
margarita.turbanova.mgu@yandex.ru, a.cishevich@mgumariupol.ru

Введение. Лонгрид — сравнительно новый жанр в журналистике. И об этом в большей степени говорит не столько его возраст в 13 лет, сколько то, что он до сих пор видоизменяется, еще ни разу за это время не приняв единую форму.

Когда одни исследователи говорят, что лонгридом можно считать длинный текст от 2000 до 10000 слов, The New York Times выпускает проект на более, чем 10000 знаков и тогда появляется закономерный вопрос можно ли считать этот текст книгой электронного формата или нет. Но в таком случае делается акцент на мультимедийность лонгрида и его нарративность, документальность.

Тогда, когда клиповое мышление и информационный шум стали проблемой большинства, лонгриды как представители аналитической журналистики, отличаются от остальных работ своей интерактивностью, повествовательностью и уникальным дизайном, который зависит от творческих и физических ресурсов команды. Их смысловая часть обстоятельно проработана и переработана для рядового читателя, поэтому можно сказать, что лонгриды в некоем смысле — научпоп в среде профессиональных СМИ.

Цель. Для определения критериев, позволяющих классифицировать специальные проекты как лонгриды мы отобрали два претендента больше всего подходящих под ключевые параметры лонгрида: от 2000 слов, присутствует нарративность, мультимедийность, интерактивность.

Основная часть. В качестве объектов исследования была выбрана одна отечественная («Небо свернется как свиток») и одна зарубежная («32 innovations that will change you tomorrow») работа, в которых мы разобрали тему, структуру и оформление материала.

Спец.проект «Небо свернется как свиток» (медиа «Такие дела» и АНО «Поле») — история о священнике, построившем первый в России христианский планетарий. «Такие дела» фокусируются на социальных проблемах, а «Поле» — на глубоких антропологических историях.

Объем текста и команда: 2528 слов, 12 фотографий, 4 анимации. Над проектом работала команда из 5 человек (журналист, фотограф, редактор и др.).

Говоря о композиции, стоит отметить, что материал состоит из шести глав, раскрывающих разные аспекты жизни героя и философские вопросы. В то время как повествование нелинейное и построено на размышлениях и цитатах священника. Стиль текста повествовательный, несколько интимный, отлично сохраняется нарративность за счет цитат, личных наблюдений, диалогов и информационных справок.

В то же время дизайн создает камерность, уют за счет минималистичной цветовой гаммы (черный и белый), а также приглушенного цвета фотографий. Анимированное звездное небо на заставке добавляет вовлеченности за счет движения, зависящего от прокрутки страницы.

Лонгрид The New York Times «32 innovations that will change you tomorrow» (01.06.2012) представляет собой прогноз ключевых инноваций ближайшего будущего.

Объем текста и команда: 4207 слов, 17 иллюстраций, 40 инфографик. Над проектом работала большая команда из 19 авторов, 2 редакторов, 2 иллюстраторов и 4 дизайнеров/верстальщиков.

Композиция в данном случае сложная: лонгрид делится на шесть глав (утро, транспорт, работа и др., и каждая глава разделена на подпункты). Каждый пункт содержит описание существующей технологии, прогноз ее развития и развернутое пояснение. Главы дополнены блоками «Вопрос-ответ» с экспертами. В данном случае лонгрид представляет собой жанр подборки, обозрения смешанного с прогнозом: каждое утверждение подкрепляется ссылками на исследования или цитаты приглашенных экспертов.

В дизайне же — буйство красок, достигающееся лишь за счет интерактивного фона: при прокрутке градиентный фон плавно меняет свой цвет. Весь лонгрид построен на векторных иллюстрациях-инфографиках.

Заключение. Несмотря на то, что оба проекта имеют все знаковые признаки лонгрида (большой объем, нарративность, мультимедийность и интерактивность), они имеют ряд существенных различий. Таким образом, можно сделать вывод, что лонгрид еще не устоялся ни как жанр, ни как формат.

В дальнейшей перспективе можно сделать прогноз, что лонгрид продолжит вбирать себя инновационные техники донесения информации и укрепит свою позицию в рамках творческого инструмента на страницах онлайн-СМИ.

Список литературы

1. Дунас, Д.В. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей / Д.В. Дунас, С.А. Вартанов / Вопросы теории и практики журналистики, 2020. — № 1. — С. 106-122. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-segment-auditorii-smi-teoreticheskie-podhody-otechestvennyh-mediaissledovateley (дата обращения: 27.09.2025).
2. Небо свернется как свиток [Электронный ресурс] / «Небо свернется как свиток»: сайт, 2022. — URL: https:/planetarium.takiedela.ru/ (дата обращения: 27.09.2025).
3. 32 innovations that will change you tomorrow / «32 innovations that will change you tomorrow»: статья, 2012. — URL: https:/ archive.nytimes.com/www.nytimes.com/interactive/2012/06/03/magazine/innovations-issue.html (дата обращения: 27.09.2025).

УДК 070.422

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ Z В РАБОТУ РЕДАКЦИИ ДЕЛОВОГО СМИ

Фарахшина О. М., ORCID 0000-0002-1332-0877,
Андреева А. В., ORCID 0009-0009-6184-5000
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
farakhshina@inbox.ru, alinaandreeva87@inbox.ru

Введение. Вопросы подготовки медиаспециалистов и кадрового голода в СМИ оказываются в центре научно-практических дискуссий уже который год на различных профильных площадках, пленумах, конференциях, форумах [1]. В контексте дискуссий, в которых принимают активное участие представители деловых и отраслевых СМИ Донского региона, а также изучения проблем профессиональных стандартов и проблем медиаотрасли [2, 3] постараемся систематизировать опыт работы деловым СМИ Ростовской области по работе с поколением Z для пополнения кадрового резерва.

Цель исследования — анализ опыта деловых СМИ Ростовской области интеграции в рабочий процесс новых сотрудников — представителей поколения Z, цифрового поколения, который может быть использован другими редакциями.

Основная часть. Деловые СМИ Донского региона активно начали решать проблему кадрового голода через организацию серии различных мероприятий образовательного характера.

Некоторые деловые СМИ, например, издания юга России, в октябре 2023 года объединились и запустили в Ростове-на-Дону «Лабораторию PROМедиа — практико-ориентированную медиашколу, созданную для решения проблемы дефицита кадров в современной деловой журналистике. После этого проекта некоторые студенты закрепились за деловыми СМИ в качестве сотрудников.

А в апреле 2024 года был запущен проект Школа атомных коммуникаций Mediaskills. Он был организован Электроэнергетическим дивизионом Государственной корпорации «Росатом» (концерн «Росэнергоатом») при участии сети Информационных центров по атомной энергии и Медиа Группы «Бизнес и точка». Его целью являлось дать атомной отрасли профессиональных коммуникаторов и новые идеи для решения коммуникационных задач, которые будут способствовать решению проблемы кадрового дефицита, являющегося одним из сдерживающих экономику факторов.

Подобные программы предоставили студентам отделений журналистики возможность общаться с экспертами, изучать специфику деловых изданий и освещать различные направления, такие как строительство, финансы, сельское хозяйство.

Таким образом, одним из способов решения проблемы кадрового вопроса — обновления кадрового резерва редакций деловых СМИ юга России — можно назвать организацию практико-образовательных мероприятий, инициаторами которых выступают сами редакции деловых изданий региона. Привлекая факультеты, кафедры и отделения журналистики и медиакоммуникаций к такого рода мероприятиям, работодатели могут формировать потенциальный кадровый резерв из студентов профильных специальностей. Тем более что опыт таких мероприятий показал хорошую результативность.

Важным инструментом, способствующим фокусированию внимания студентов на рабочих задачах, является работа начинающих журналистов с наставниками в рамках редакции СМИ. Журналисты-профессионалы помогают начинающим свой путь в медиандустрии ребятам освоиться в новой для них профессии, обучают ключевым аспектам работы в конкретной редакции. Институт наставничества на рабочем месте продолжает оправдывать свою жизнеспособность.

Таким образом, наставничество — еще один эффективный инструмент интеграции представителей цифрового поколения в рабочие редакционные процессы.

Кроме того, участие студентов в специальных проектах СМИ позволяют начинающим специалистам почувствовать истинный «вкус» работы журналиста. Успешным примером здесь можно назвать спецпроект «Вектор ректора» делового издания «РБК Юг», контент которого создается с участием студентов. Подобные практики позволяют студентам развивать креативные навыки и работать над реальными проектами с поддержкой старших специалистов, что стимулирует интерес начинающих журналистов к работе в профессии.

Разумеется, не все работодатели готовы принять представителей цифрового поколения на работу. Некоторые из них считают, что работа с молодежью требует больших ресурсных затрат, когда опытный специалист не нуждается в дополнительном обучении на рабочем месте. Но существуют и такие деловые СМИ, которые видят в молодежи потенциал и креативность. По словам главного редактора издания «Ведомости Юг» Юлии Смоляновой, поколение зумеров показывает себя как гибкое и целеустремленное, это люди с широким кругозором. При этом поколение Z, по ее мнению, важно уметь заинтересовать и поддерживать интерес к профессии [4]. Для этого многие руководители используют различные методы мотивации и бонусы: повышение заработной платы, гибкие условия работы, разнообразные рабочие задачи, возможности развития и повышения своей квалификации как специалиста.

При нахождении места работы поколение Z сталкивается с некоторыми сложностями, невозможными решить без практики и ошибок. Молодые кадры учатся составлять запросы, генерировать подходящие темы, а также писать различные материалы.

Отметим, что не все стажеры остаются на рабочем месте после окончания стажировки: некоторые студенты уходят из-за сложности работы, низкой зарплаты или нехватки интереса. Однако, на наш взгляд, это тоже можно отнести к издержкам — ведь профессия журналиста отличается сложностью, высокой интенсивностью труда в современных условиях.

Заключение. Таким образом, интеграция представителей цифрового поколения в работу современных редакций становится непростым процессом и сопровождается рядом сложностей: предвзятое отношение работодателей, нехватка специализированных навыков у начинающих специалистов, завышенные ожидания некоторых стажеров. Однако образовательные инициативы работодателей, институт наставничества в редакциях, активная практика участия стажеров в процессе реализации медиапродуктов СМИ становятся важными инструментами успешной интеграции молодых сотрудников в работу современного СМИ. На наш взгляд, открытость, последовательность действий и настойчивость как

стажеров, так и работодателей позволяют редакциям изданий решать проблему нехватки кадров, а молодым журналистам — представителям поколения Z находить свое место в профессии.

Список литературы

1. Журналистика в современном мире : Сборник материалов VI международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых / Под ред. Е.Н. Клеменовой, О. М. Фарахшиной, А. В. Мухи [и др.]. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2024. — 300 с.
2. Корконосенко С.Г. Текучая идентичность профессионалов в современной журналистике /С.Г. Корконосенко // Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию факультета журналистики Белорусского государственного университета, Минск, 25 апреля 2024 года. — Минск : Белорусский государственный университет, 2024. — С. 212–215. — EDN BNNNIR.
3. Фарахшина О.М. Смыслы современной журналистики /О.М. Фарахшина // Язык и коммуникация в контексте культуры : Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 20 апреля 2022 года. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2022. — С. 402–408. — EDN GNFHSP.
4. Удаленка и наставничество: руководители СМИ Юга — о работе с зумерами // РБК Ростов. URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/opinions/13/01/2025/67850bd89a79476abc765f0d (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИНОРУБРИКИ В СТУДЕНЧЕСКОМ СМИ: ОПЫТ ЖУРНАЛА «РИНХБУРГ»

Фарахшина О. М., ORCID 0000-0002-1332-0877,
Самойлова К. В., ORCID 0009-0002-6164-614X
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
farakhshina@inbox.ru, kseniasam005@gmail.com

Введение. Вопросы молодежных СМИ и журналистики по-прежнему остаются в фокусе внимания медиаисследователей [1]. Кроме того, большое количество различных конкурсов, фестивалей форумов, посвященных молодежным медиа и индустрии в целом, которые проходят в разных регионах Российской Федерации, активное привлечение студентов даже непрофильных специальностей к работе студенческих медиацентров и СМИ свидетельствуют об интерес к данному направлению медиасистемы. Все это позволяет нам обратиться к исследованию опыта работы студенческого журнала Ростовского государственного экономического университета

(РИНХ), который работает в медиаполе региона на протяжении уже 15 лет. На наш взгляд, изучение отдельных аспектов работы молодежных СМИ и медиа позволяют актуализировать научную картину по вопросам функционирования современных молодежных студенческих СМИ России.

Цель работы, таким образом, заключается в исследовании особенностей функционирования кинорубрики студенческого журнала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) «РИНХбург» в его цифровой версии на площадке социальной сети «ВКонтакте». На основе произведенного анализа можно будет сделать ряд аналитических заключений, позволяющих оценить эффективность работы данной рубрики, определить перспективные направления развития. Также, на наш взгляд, представленный систематизированный опыт данного студенческого СМИ будет полезен другим молодежным медиапроектам, которые развивают работу своих специальных рубрик.

Основная часть. Студенческий журнал Ростовского государственного университета (РИНХ) «РИНХбург» существует с мая 2010 года и неоднократно его медиапрактика попадала в фокус исследовательского внимания [2]. В данной работе мы хотим систематизировать работу его специальной рубрики о кино. С момента своего появления в 2014 году кинорубрика студенческого СМИ «РИНХбург», включающая в себя подрубрики «Р_Рецензия», «Киносуббота» и «Киноафиша РИНХбург», стала платформой для студентов, желающих поделиться своим мнением о новейших кинопроизведениях. Кинокритика основывалась на всестороннем анализе всех составляющих фильма: сюжета, актерской игры, музыкального сопровождения и монтажа. Но главным отличительным элементом стало активное участие аудитории: читатели голосовали за фильмы, которые хотели бы видеть в центре внимания рецензентов.

Однако вскоре формат рубрики начал меняться. К 2015 году корреспонденты перешли от простых рецензий к участию в масштабных мероприятиях — посещению премьер, встречам с известными актерами и тщательной подготовке репортажей. Например, встреча с Гошей Куценко на премьере фильма «Оверлорд» стала ярким примером нового подхода. Материалы теперь выходили не в виде коротких заметок, а в формате полноценных статей, что повысило качество и восприятие контента. В последующие годы команда редакции продолжала экспериментировать с форматом. Начиная с 2016 года, рубрика перестала ограничиваться исключительно киноиндустрией, дополнившись рецензиями на музыкальные альбомы к кинофильмам и сериалам. Это решение отразило стремление авторов охватить весь спектр актуальных культурных явлений. Одним из ключевых этапов трансформации стало решение отказаться от традиционных опросов среди зрителей. Вместо одного фильма, выбранного большинством голосов, редакторы начали предлагать сразу два варианта рецензий, оставляя выбор за читателями.

Не менее значимой частью кинорубрики стала подрубрика «Киноафиша@rinhburg», где публиковались анонсы будущих кинопремьер и тематические подборки фильмов. Если первоначально эта информация подавалась в виде обычных постов, то начиная с 2024 года концепция изменилась: рубрика приобрела стильный дизайн с использованием ярких карточек, содержащих подробную информацию о каждой картине. Такие карточки включали не только названия и имена режиссеров, но и детали сюжета, продолжительность сеансов и даже кадры из фильмов, что значительно упростило навигацию и облегчило восприятие информации [3].

Первый выпуск «Киносубботы» вышел в конце 2014 года, представляя краткий обзор ожидаемых фильмов 2015 года. Обзор содержал информацию о сюжете, датах премьер, актерах и режиссерах, дополненную интересными фактами о производстве. Постеры делали материал визуально привлекательным. Целью было создание предвкушения к премьерам, удовлетворяя запросы молодежи, следящей за новостями кино. Развитие цифровых медиа и соцсетей стимулировало спрос на такую информацию. В 2015 году формат изменился: вместо простого списка ожидаемых фильмов редакция перешла к глубокому анализу отдельных проектов, особенно франшиз, например, «Звездных войн». Оценивались сценарий, актерская игра и общее впечатление. Такой подход отражал стремление к более зрелым размышлениям о кино, отвечающим интересам требовательной аудитории. Интерес к многосерийным проектам и привлечение опытных кинолюбителей также сыграли роль в этой трансформации. После перерыва из-за пандемии в 2022 году рубрика вернулась с новым форматам — статьями вместо постов. Авторы использовали медиаматериалы, такие как кадры из фильмов и цитаты, делая статьи глубже и интереснее. Эти изменения соответствовали потребностям аудитории, привыкшей к мультимедийному контенту. Новые особенности подачи информации способствовали трансформации рубрики в полноценный мультимедийный проект.

Заключение. Итак, можно сделать вывод о том, что кинорубрика студенческого журналам «РИНХбург» стала достаточно эффективной благодаря следующим аспектам: 1) интерактивность — вовлечение аудитории через голосования; 2) переход к аналитическим статьям и репортажам с кинопремьер повысил статус рубрики как авторитетного источника информации о кино; 3) расширение тематики помогло привлечь новых подписчиков. Однако есть направление для улучшения: 1) уменьшение активной обратной связи может снизить вовлеченность читателей; 2) избыточный контент сложный контент может хуже восприниматься аудиторий; 3) сама платформа (VK) имеет ряд ограничений, а также необходимо внимательно тестировать упаковку медиаконтента рубрики, чтобы он корректно отражался на различных устройствах.

Для дальнейшего развития рубрики необходимо вернуть интерактивность, пересмотреть содержание для оптимального сочетания глубины анализа и доступности подачи контента, а также сосредоточиться на локальных культурных событиях. Ключевыми задачами станут модернизация дизайна и функциональности, стабильность работы всех направлений рубрики и налаживание обратной связи с читателями.

Список литературы

1. Тулупов В.В. Молодежная пресса: казнить нельзя помиловать /В.В. Тулупов // Массовая коммуникация и журналистика : юбилейный сборник. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2025. — С. 183–187.
2. Фарахшина О.М. Студенческий журнал как платформа (опыт журнала «РИНХбург») /О.М. Фарахшина // Актуальные проблемы региональной журналистики : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 18 октября 2024 года. — Ростов-на-Дону, 2024. — С. 310–326. — EDN BAUNBQ.
3. Фарахшина О.М. Особенности медиапотребления цифрового поколения /О.М. Фарахшина // Филологический аспект. — 2020. — № 7 (63). — С. 147–152. — EDN FRPNHR.

УДК 615.849

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ СМИ)

Якель А. О., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-7088-7899,
Грязева А. И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ayakel@yandex.ru, anas.gryazeva@mail.ru

Введение. В современном медиапространстве использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится одним из ключевых факторов, определяющих развитие журналистики. Автоматизация процессов сбора, обработки и анализа информации открывает новые возможности для редакций и отдельных журналистов. Искусственный интеллект позволяет повышать оперативность и точность подачи новостей, расширять каналы коммуникации с аудиторией и снижать издержки производства медиаконтента. При этом важным остаётся вопрос соотношения инновационных технологий и требований профессиональной этики, достоверности и объективности информации.

Цель исследования — определение роли и особенностей применения искусственного интеллекта в журналистской практике российских СМИ,

выявление его преимуществ, рисков и перспектив для развития региональных медиа.

Основная часть. Искусственный интеллект представляет собой область компьютерных наук, занимающуюся созданием систем, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, такие как восприятие, обучение, принятие решений и обработка естественного языка [2]. В журналистике ИИ используется для автоматизации рутинных процессов, анализа больших объемов данных и создания контента.

Журналисты могут применять ИИ для различных целей. Например, алгоритмы могут автоматически генерировать новости на основе структурированных данных, таких как финансовые отчеты или спортивные результаты [2]. Кроме того, ИИ может использоваться для анализа общественного мнения, выявления трендов и мониторинга социальных сетей, что помогает в создании более актуального и востребованного контента.

В Российской Федерации использование ИИ в журналистике находится на начальной стадии, однако уже можно отметить некоторые примеры его применения. В первую очередь, нейронные сети используются для работы с информацией: ее поиска и редактирования. Так, журналисты российского интернет-издания «Газета.Ru» используют нейросетевую модель «GigaChat» для поиска видеоматериалов для новостных заметок в собственной библиотеке редакции [1]. За один день 30 редакторов «Газета.Ru» могут создать около 500 единиц контента.

Одно из самых крупных российских изданий «Lenta.ru» внедрило в свою деятельность технологию искусственного интеллекта, который самостоятельно анализирует информационные поводы, выбирает актуальные и важные сведения и в дальнейшем предлагает их журналисту [3].

Многие медиакомпании используют технологии искусственного интеллекта для автоматического перевода материалов на разные иностранные языки. Издатель газеты «PressReader» предоставляет своим подписчикам цифровые версии популярных газет и журналов.

С 2017 года платформа внедрила в свою систему технологию машинного перевода от компании «Яндекс» под названием «Yandex Translate». Каждый день нейросеть «Yandex Translate» обрабатывает свыше семи тысяч изданий, выходящих в 120+ странах и на более чем 60 языках [4]. Искусственный интеллект занимается переводом материалов таких изданий, как: «The Washington Post», «USA Today», «The New York Times» «International Edition», «Daily Mail» и «The Herald».

Искусственный интеллект может применяться для анализа работы средств массовой информации, ее аудитории и качества материалов. Например, таким функционалом обладают нейронные сети «SemanticForce», «ПрессИндекс» и «Integrum». Эти технологии могут выполнить полный анализ любой редакции, контента и определить

результаты ее деятельности, сформировать образ компании в интернет-пространстве и сгенерировать образ целевого посетителя сайта.

Инструмент-ИИ «IQBuzz» необходим для определения репутации медиакомпании на просторах интернета и отношения аудитории к ней. Сервис автоматически сканирует тексты, выявляет ключевые слова и фразы, связанные с медиакомпанией, и оценивает их эмоциональную окраску.

Некоторые медиакомпании стремятся ввести систему персональных рекомендаций в новостные приложения. В России IT-инженеры разработали мобильное приложение «LifeLines» для автоматизированного поиска событий. Это специальный новостной агрегатор, функционал которого полностью построен на системе искусственного интеллекта. Нейронные сети, анализируя обширную информационную базу всех российских интернет-СМИ и телеграм-каналов, собирают самые важные и актуальные сведения со всего мира [5]. В дальнейшем вся полученная информация обрабатывается, редактируется для более комфортного чтения и публикуется в приложении.

Однако использование ИИ в журналистике вызывает определенные опасения. Существует риск распространения недостоверной информации, если алгоритмы не настроены должным образом или используются с недобросовестными намерениями [3]. Кроме того, автоматизация процессов может привести к снижению качества контента, если журналисты будут полагаться исключительно на технологии и не учитывать контекст и нюансы ситуации.

В связи с этим важно развивать этические стандарты и нормативные акты, регулирующие использование ИИ в журналистике. Необходимо обеспечить прозрачность алгоритмов, их подотчетность и возможность проверки их решений [3]. Также важно обучать журналистов использованию ИИ, чтобы они могли эффективно интегрировать эти технологии в свою работу, опираясь при этом на профессиональные стандарты и этические нормы.

Заключение. Внедрение технологий искусственного интеллекта в журналистику открывает новые возможности для медиапространства. ИИ способен повысить скорость обработки информации, улучшить качество контента за счет автоматизации рутинных задач, а также расширить аналитический потенциал редакций. Вместе с тем важно учитывать риски, связанные с этичностью применения технологий, необходимостью контроля и возможностью искажения фактов.

Использование искусственного интеллекта в журналистике должно опираться на баланс между инновациями и профессиональными стандартами. При грамотной интеграции ИИ станет инструментом, который не заменит журналиста, а поможет ему выполнять свою работу эффективнее, сохраняя ключевые принципы — объективность, достоверность и ответственность перед аудиторией.

Список литературы

1. «Газета.Ru» первой среди российских СМИ интегрировала в работу искусственный интеллект от «Сбера». Об этом сообщает «Рамблер». — URL: https://news.rambler.ru/tech/51665773-gazeta-ru-pervoy-sredi-rossiyskih-smi-integrirovala-v-rabotu-iskusstvennyy-intellekt-ot-sbera/ (дата обращения: 26.09.2025).
2. Загидуллина, М. В. Будущее журналистики и журналист будущего: обзор исследовательских мнений / М. В. Загидуллина. // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2011. — № 7. — С. 34 38. — EDN: PENWRX.
3. Залова, С.М. Журналистика, основанная на технологиях искусственного интеллекта / С.М. Залова. // Известия южного федерального университета. Филологические науки. — 2022. — № 3. — С. 184-195. — EDN: RYCFZT.
4. Как облачный сервис «Yandex Translate» делает более 7 тысяч изданий доступными на многих языках. — URL: https://yandex.cloud/ru/cases/pressreader (дата обращения: 26.09.2025).
5. Как создавался умный агрегатор новостей «LifeLines». — URL: https://habr.com/ru/articles/739870/ (дата обращения: 26.09.2025).

Подсекция 2

УДК 070

ВЛИЯНИЕ МЕССЕНДЖЕРОВ НА КОММУНИКАЦИЮ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ГРАЖДАНАМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА ГЛАВЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ДЕНИСА ПУШИЛИНА)

Асташенко И. А., ORCID 0009-0007-5174-034X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.astashenko@internet.ru

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий и социальных медиа мессенджеры стали важным инструментом политической коммуникации, который предоставляет политикам возможность напрямую общаться с населением. Прямое взаимодействие способствует укреплению доверия между политиками и избирателями, а также создает более личный контакт, позволяет оперативно информировать граждан и реагировать на запросы и проблемы, что является критически важным в кризисных и конфликтных ситуациях [2, 3].

Основная часть. Согласно исследованию MediascopeCrossWeb, одним из самых популярных мессенджеров на территории Российской Федерации является Telegram, его общая аудитория в России в 2025 году превысила 90 миллионов пользователей, с ежегодным приростом 12%. Основным инструментом взаимодействия с широкой аудиторией для органов власти является телеграм-канал, отличительная особенность от группового чата заключается в том, что только автор канала может публиковать посты.

Глава Донецкой Народной Республики Денис Пушилин активно использует свой телеграм-канал для информирования граждан о деятельности органов власти, обсуждения актуальных тем и вовлечения аудитории в диалог через чат-бот.

Ключевыми направлениями телеграм-канала Дениса Пушилина выступают:

1) информирование о социальных инициативах. Публикации о новых социальных программах и мерах поддержки граждан помогают создать у населения ощущение вовлеченности в процесс принятия решений.

2) обсуждение актуальных проблем. Канал служит площадкой для обсуждения острых социально-экономических вопросов, таких как уровень жизни, безопасность, водоснабжение и другие насущные темы [1].

Контент телеграм-канала включает в себя текстовые сообщения с оперативной информацией о важнейших событиях и планах развития региона. Визуальное сопровождение представлено фотографиями с рабочих встреч, значимых мероприятий, объектов развития, а также видеоматериалами, в том числе в виде коротких видеозаписей, в которых Глава Республики Денис Пушилин как в формальной, так и в неформальной обстановке освещает события, отвечая на вопросы жителей.

Изучение телеграм-канала Главы Донецкой Народной Республики Дениса Пушилина как средства взаимодействия с населением позволяет выявить особенности и эффективность данного подхода в современных политических и социальных реалиях.

Основными аспектами влияния данного канала на коммуникацию власти с гражданами являются:

1) мгновенное получение актуальной информации населением напрямую от представителя власти, что снижает вероятность распространения дезинформации и слухов;

2) обратная связь через опросы, реакции к постам, комментарии и вопросы, которые можно оставить в чат-боте;

3) телеграм-канал поддерживают различные форматы контента (тексты, изображения, видео, аудио), что позволяет делать сообщения более привлекательными и доступными для широкой аудитории;

4) использование канала для формирования позитивного имиджа власти и мобилизации поддержки среди населения [4].

Комплексный подход к ведению официального телеграм-канала Главы Республики позволяет сформировать доверительные отношения с населением, обеспечить прозрачность принимаемых решений и создать условия оперативного и эффективного реагирования на запросы граждан. Регулярные публикации в различных форматах способствуют созданию открытого информационного пространства, делая телеграм-канал важным источником информации о жизни Донецкой Народной Республики.

Заключение. Мессенджеры играют важную роль в коммуникации между политическими персоналиями и населением, обеспечивая прямой контакт, быструю реакцию на события и возможность персонализированного общения. Пример телеграм-канала Главы Донецкой Народной Республики Дениса Пушилина демонстрирует, как органы власти могут эффективно использовать новые технологии для улучшения коммуникации с населением.

Список литературы

1. Бобров, Д.В. Мессенджер Telegram как средство политической коммуникации / Д.В. Бобров, В.В. Буга // Филологический аспект. — 2023. — N 8 (100). — С.101–114. — EDN: OYWFEX.

2. Каика, Н.Е. Телеграм-каналы руководителей органов государственного управления как востребованный медиаресурс в условиях военного времени /Н.Е. Каика // Журналистика в 2024 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. — Москва: Фак. журн. МГУ, 2025. — 792 с. — С. 331–333. — EDN: NAWSWC.
3. Лытнева, А.А. Telegram как новая площадка в средствах массовой коммуникации / А.А. Лытнева, А.Э. Дубинина // Материалы Афанасьевских чтений. — 2020. — №2 (31). — С. 52–57. ─ EDN: RUWLGF.
4. Ляховенко, О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России / О.И. Ляховенко // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4. — № 1. — С. 114-144. — EDN: HSTPMV. — DOI: 10.46539/gmd.v4i1.230.

УДК 070

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО КОНТЕНТА НА ВИДЕОХОСТИНГЕ RUTUBE

Быстрова А. А., ORCID 0009-0008-3510-4674
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
1nastyabystrova1@mail.ru

Введение. В условиях роста популярности разноформатного аудиовизуального сектора новых медиа и его интеграции в различные сферы жизни общества [1, с.1007], а также в постоянном потоке модернизации современного информационного пространства становится особенно важным исследовать интернет-платформы, на которых распространяется журналистский контент. Одним из ярких примеров площадки такого рода является видеохостинг Rutube. В свете растущего интереса к этой платформе со стороны русскоязычной аудитории важным и интересным представляется анализ типологических особенностей контента из сферы просвещения на данном видеохостинге, его специфики, а также роли в современном медиапространстве.

Цель — проанализировать типологию просветительского журналистского контента на видеохостинге Rutube.

Основная часть. Видеохостинг Rutube представляет собой уникальную российскую цифровую платформу, которая сочетает в себе развлекательные и культурно-просветительские функции. С момента своего основания (2006 год) платформа прошла значительный путь развития, особенно усилившийся в 2022 году «… когда произошла активная трансформация медиасектора, вызванная глобальными изменениями многих сфер нашей жизни, которая привела к значительной перестройке

информационных привычек аудитории» [2, с.136]. Именно этот феномен заставил сменить ракурс российской аудитории в сторону отечественных медиаплатформ и видеохостингов.

Стоит отметить, что современный медиаландшафт Rutube очень разнообразен как в жанровом аспекте, так и в вопросах типологических характеристик. Просветительский контент на Rutube можно условно разделить на несколько ключевых типов. Рассмотрим и проанализируем основные из них.

Первый тип контента — это лекции и научно-популярные шоу. Данный формат переносит академические знания в цифровое пространство. Такой контент играет ключевую роль в демократизации знаний, «ломая» географические и финансовые барьеры, которые раньше традиционно ограничивали доступ аудитории к качественному образованию.

В качестве примера приведем канал «МИНАЕВ LIVE», автором которого выступает писатель, журналист, телеведущий и сценарист Сергей Минаев. Канал организован в формате тематических лекций, каждая из которых посвящена определенной области знаний. Это позволяет зрителю системно погружаться в интересующие его темы.

Например, на канале можно встретить следующие рубрики: «Истории кумиров», «Серийный номер», «Уроки истории», «Точка отсчета» и др. В качестве примера приведем онлайн-лекцию от 30.07.2025, посвященную жизни и творческому пути Владимира Высоцкого. Структура контента продумана очень четко и логично: сначала подробности о детстве, становлении его как личности, потом о профессиональном пути, на котором часто встречались трудности и многое другое. К тому же лекцию интересно не только слушать, как подкаст, но в том числе и смотреть, т. к. она сопровождается интересными фото и картинками, которые создают особую атмосферу видео.

Следующим, не менее популярным, является такой тип контента как образовательный эдьютейнмент. Главный принцип данного медиапродукта строится на основе формулы — «обучать, развлекая», т. е. преподносить аудитории контент через игру, юмор и нестандартные форматы. Сюда относятся образовательные викторины, вебинары в прямом эфире и пр. Их ключевое преимущество — диалог. Зритель превращается из пассивного потребителя в активного участника процесса.

Такой подход позволяет привлечь самую молодую и широкую аудиторию, которая чаще всего не готова к длинной просветительской лекции. Эффективность эдьютейнмента строится на эмоциональном вовлечении, что способствует лучшему запоминанию информации.

В качестве примера приведем научно-популярный канал «ЧТО, ЕСЛИ», авторы которого ставят различные гипотетические задачи и пытаются найти ответы на них, причем это не просто лекция или подкаст, а анимационный ролик с интересной озвучкой. Например, наше внимание

привлек ролик от 25.02.2025 «ЧТО, ЕСЛИ высыпать тонны СУХОГО ЛЬДА в океан», сначала авторы канала погрузили аудиторию в контекст вопроса, а затем уже стали гипотетически предполагать, что же все-таки случится, если высыпать сухой лед в океан. Смотреть данный ролик — одно удовольствие, а красочная и яркая анимация позволяет зрителям полноценно вникнуть в тему и узнать для себя много интересного.

Еще одним типом просветительского контента на Rutube являются экспертные видеоблоги. Специалисты из разных сфер — историки, лингвисты, физики, врачи, экономисты — ведут личные каналы или выступают приглашенными в качестве экспертов и делятся знаниями из своей профессиональной области. Это создает уникальную атмосферу доверия и подлинности, которую сложно воспроизвести в крупных медийных проектах.

Эксперт говорит на языке своей дисциплины, но при этом адаптирует его для широкой аудитории, оставаясь в рамках научной достоверности. При этом зритель видит увлеченного профессионала, который делится личными идеями и историями из практики, а также собственным мнением. Это формирует более глубокую эмоциональную связь и показывает сферу просвещения как живой, развивающийся процесс, а не набор догм. В качестве примера приведем канал «НаукаPRO» — научно-просветительский проект, который публикует просветительский контент от ученых и специалистов из различных областей. Например, лекция от 22.08.2025, в качестве спикера выступил доктор физико-математических наук Леонид Зотов. Он рассказал интересные факты о четвертой планете солнечной системы — Марсе. Несмотря на то, что материал подается с использованием тематической терминологии, слушать спикера легко и интересно.

Следующим типом контента из анализируемой нами сферы является документалистика и научные расследования. Данный формат копирует подход традиционных документальных фильмов, но адаптирует его под интернет-аудиторию: более динамичный монтаж, провокационные темы и глубокий анализ. К примеру, канал «Лекторий Достоевский», где часто в рубрике «Исторический детектив» публикуется контент в виде документальных фильмов и расследований. Например, расследование от 11.09.2025 «Смерть Юрия Гагарина», где авторы канала, совместно с экспертами пытаются разобраться в обстоятельствах трагической гибели Юрия Гагарина.

Заключение. Таким образом, просветительский контент на Rutube формирует уникальную экосистему, основанную на принципах глубины, достоверности и коммуникации. Типологически он опирается на форматы, предполагающие диалог с экспертом и комплексное освещение тем, касающихся образования. Устойчивый интерес зрителей к сложным темам и диалогу с экспертами подтверждает, что Rutube удается не просто

транслировать знания, но и формировать вокруг них интеллектуальное сообщество, предлагая содержательную альтернативу клиповой культуре.

Список литературы

1. Стерликов Д.А. Особенности образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России / Д.А. Стерликов // Неофилология. — 2024. — №4 (40). — С. 1007-1016. — DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-4-1007-1016.
2. Шестерина А.М. Особенности культурно-просветительского и научно-популярного контента видеохостинга RUTUBE / А.М. Шестерина // Челябинский гуманитарий. — 2022. — №1 (58). — С. 135-142. — DOI 10.47475/1999-5407-2022-10114.

УДК 80

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОЦИУМА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Вольская Н. Н., канд. филол. наук, доц., 0000-0003-0163-3662
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
navolskaya@yandex.ru

Современные медиа, обладающие такими характеристиками, как, гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность [1, с. 204], позволяют не только интегрировать различные форматы при представлении контента и активно вовлекать в коммуникацию аудиторию, но и предоставляют возможность воспринимать информацию всеобъемлюще.

Концепция единого информационного пространства способствует более глубокому, комплексному изучению закономерностей информационных потоков и построению на этой основе целостной информационной картины мира в ее динамичном развитии [2, с. 6] и культурном разнообразии. Основополагающим элементом этого пространства является лингвокультурная составляющая, т. к. любая вербально представленная информация отражает особенности конкретного языка и культуры [3, с. 90].

Медиадискурс представляет собой организованную систему медиатекстов, а бесконечное множество медиадискурсов, в свою очередь, образуют медиапространство [4, с. 53]. Таким образом, дискурс — сложное и неоднородное единство текстов, реализуемых как в письменной, так и в устной форме и существующих в социально ориентированной пространственно-временной информационной среде.

Медиадискурс несет информацию об историческом периоде, индивидуальных особенностях коммуникантов, социальной специфике коммуникативной ситуации, а также отражает менталитет, культуру социума как мирового, национального уровней, так и персонифицированные их

вариации [5, с. 47]. Поэтому медиадискурс называют носителем глобальной медиакультуры [6, с.167], что подтверждается наличием в медиатекстах культурных, исторических маркеров, узнавание и интерпретация которых требует наличия у реципиентов соответствующих фоновых знаний [7, с. 305].

Современный медиатекст объединяет в себе элементы разных жанров, в том числе интенциональных признаков, т. е. он подвержен конвергенции жанров [8]. Такой медиатекст подразумевает сочетание нескольких коммуникативных намерений в рамках одного медиатекста. При анализе медиатекста жанр играет важную роль, поскольку, с одной стороны, предоставляет автору необходимые структурные и содержательные ресурсы для полноценной реализации замысла, а с другой — формирует у аудитории определенные ожидания и стандарты восприятия, способствуя тем самым более эффективному и адекватному восприятию речевого произведения адресатом [9, с.13].

Для сохранения и передачи культурно-исторического опыта необходимы особые когнитивные механизмы, обеспечивающие преемственность и устойчивость коллективного опыта. Поэтому на первый план выходит понятие культурной памяти, под которым понимается семиотическая система, обеспечивающая трансляцию и актуализацию культурных значений, выходящих за рамки индивидуального и группового опыта конкретного субъекта. Эта система поддерживается с помощью устойчивых традиций и ритуалов, а также реализуется в различных знаковых формах, выполняющих функцию сохранения и воспроизводства культурного наследия. Трансляция элементов культурной памяти позволяет заново обретать, а иногда и восстанавливать утраченные смыслы [10, с. 38]. Важно помнить, что культурная память существует и сохраняется исключительно в процессах коммуникации между людьми. Если коммуникация прекращается или изменяются ее референциальные рамки — то есть те смыслы, на которые ориентируются участники коммуникации, — культурная память утрачивается. Культурная память — основа культурной идентификации [11, с. 73].

Будучи символической, устойчивой и динамичной системой передачи и актуализации культурных значений, культурная память реализуется в настоящее время главным образом в медиа, которые вовлекают в коммуникацию широкую аудиторию.

Культурная память реализуется в медиатекстах на вербальном и невербальном уровнях.

На вербальном уровне используются такие языковые средства, как устойчивые фразеологические обороты, заимствования, прецедентные феномены, метафоры, метонимии, риторические фигуры.

На невербальном уровне используются визуальные тропы, жестовые стигматы, мимика, позы, интонация, дресс-код коммуникантов.

Вербальный и невербальные уровни одного медиатекста представляют собой смысловое единство, позволяющее автору в полном

объеме реализовать интенцию, а аудитории воспринять информацию должным образом.

Список литературы

1. Deuze M. The Web and Its Journalism Considering the Consequences of Different Types of Newsmedia Online. New Media and Society, 5. — P. 203–230.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. — Москва: Флинта, 2008. — 263 с. — ISBN 978-5-9765-0273-4.
3. Crystal D. English as a Global Language. Second edition. Cambridge: CUP. — 212 p.
4. Уварова Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий /Е.А. Уварова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». — 2015. — № 5. — С. 47–54.
5. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. — Л.: Сэйджпабликэйшнс, 1998. — 384 с.
6. Соломина А.В. Отражение национально-культурной специфики в аналитическом дискурсе : на материале СМИ : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Соломина Александра Валерьевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2010. — 173 с.
7. Анненкова И.В. Риторическая модель современного медиадискурса. Русский язык и литература во времени и пространстве. XII Конгресс Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (8–12 мая 2011 г. Шанхай). Под ред. Л. А. Вербицкой, Л. Лиминя, Е. Е. Юркова: в 2 т. — Т. 2. — С. 305.
8. Jenkins H. Convergence Culture. Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press. 2006
9. Майданова Л. М., Калганова С. О. Практическая стилистика жанров СМИ : учеб. пособие. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2006. — 334 с.
10. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Яз. слав. культуры, 2004. — 363 с. — ISBN 5-94457-176-4.
11. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации. Вестник ЦМО МГУ. Центр междунар. образования. — 2012. — № 3. — С. 67–73.

УДК 070.1

МЕДИАОБРАЗ «НЕПАРАДНОЙ АМЕРИКИ» В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «АМЕРИКА ГЛАЗАМИ НЕЛЕГАЛОВ»)

Грицай Л. А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3156-4074
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ
usan82@gmail.com

Введение. Современное российское медиапространство в последние годы активно обращается к теме репрезентации образа США, изучение которого стало предметом настоящего исследования. Цель статьи заключается

в изучении формирования медиаобраза «непарадной Америки» в современном российском информационном пространстве на примере цикла «Америка глазами нелегалов», созданного в рамках проекта «Лекторий Достоевский», анализируя ключевые темы, поднимаемые в шести выпусках, авторы ставят перед собой задачу не только показать противоречия американской социальной модели и выявить скрытые стороны жизни в США, но и соотнести этот опыт с российскими культурными и ценностными ориентирами, фиксируя различия в менталитете и общественных установках двух стран.

Основная часть. В советское время в информационном пространстве СССР велась целенаправленная идеологическая работа, направленная на утверждение преимуществ социалистического строя перед капиталистическим, охватывающая практически все сферы жизни общества, начиная от школьного образования и заканчивая массовой культурой, однако в силу постоянного повторения одних и тех же тезисов и очевидного несоответствия идеологем реальным практикам, значительная часть граждан постепенно перестала воспринимать подобные нарративы как достоверные, напротив, формируя представление о США как о пространстве всеобщего изобилия, свободы и социальной защищенности, что особенно ярко проявлялось в феномене массовых мечтаний советских девушек о замужестве за иностранцами как о возможности вырваться из ограниченной действительности позднесоветского быта.

Проиграв холодную войну и утратив статус мирового центра силы, СССР был разрушен, а Россия в 1990-е годы оказалась в положении фактически сырьевой полуколонии США, о чем прямо говорит сегодня разведчик А.О. Безруков, отмечая: «слом режима советского на капиталистический, олигархический и, более того, колониальный, не мог не подействовать на нашу систему» [1]. Таким образом, формировалось восприятие России как зависимого государства, не обладающего подлинным суверенитетом и включенного в мировую систему в подчиненной роли.

Тем не менее в последние годы можно наблюдать последовательные усилия российской стороны по выходу из навязанной модели и попытки достижения не только политического и экономического, но и культурно-информационного суверенитета, значимым примером здесь выступает созданный в 2020 году масштабный медиапроект «Лекторий Достоевский», учредителями которого стали Российское военно-историческое общество (РВИО), Российский фонд культуры, Государственная Третьяковская галерея и Российская государственная библиотека; проект ставит своей задачей создание альтернативного информационного поля, рассказывающего о России, ее истории и культуре, в том числе через популярные видеолекции.

Определенное значение в рамках лектория приобретает цикл «Америка глазами нелегалов», представляющий собой несколько бесед разведчиков Елены Вавиловой и Андрея Безрукова, которые, обладая уникальным опытом более чем двадцатипятилетнего пребывания в США, рассказывают о реальной

американской жизни, лишенной глянцевого ореола голливудских мифов, при этом формат этих выступлений принципиально отличается от пропагандистского — речь идет не о прямом противопоставлении и осуждении, а о вдумчивом, аналитическом пересказе опыта людей, оказавшихся внутри американского общества и способных показать, что за фасадом благополучия скрываются иные, не столь привлекательные стороны американской реальности.

Так, в первом выпуске — «В погоне за мечтой» — подробно анализируется феномен американской мечты, понимаемой как стремление к материальному успеху и к социальной мобильности, однако в представленном дискурсе подчеркивается, что подобное стремление приводит к гипертрофированной прагматичности, когда любые формы духовного саморазвития отступают на второй план, а ценность человека измеряется не его культурным или научным вкладом, а степенью умения капитализировать собственные способности, что особенно очевидно в примере с Т. Эдисоном, выступавшем не столько как ученый, сколько как предприниматель. В этом контексте материальное благополучие становится результатом жесткой конкуренции, при которой часть общества неизбежно оказывается за пределами «успешного большинства».

Второй выпуск — «Богатые и бедные» — поднимает проблему социальной стратификации, показывая, что, несмотря на декларацию принципа равных возможностей, американское общество характеризуется чрезвычайной поляризацией, в рамках которой небольшая группа мультимиллионеров фактически контролирует глобальные финансовые потоки, тогда как около 10% населения живет на пособия, формируя нижние социальные слои, средний класс, традиционно считавшийся основой американского социума, оказывается подвержен внутренней дифференциации, что подрывает идею универсального доступа к «американской мечте» и демонстрирует системные противоречия в самой модели общества потребления.

Третий выпуск — «Человек с пистолетом» — посвящен феномену легализации оружия и его влиянию на уровень насилия; подчеркивается, что, будучи частью исторической традиции, культ оружия в современном американском обществе оборачивается множеством трагедий, включая массовые расстрелы в школах; по мнению А. Безрукова, подобные проявления агрессии коренятся в индивидуалистическом характере американской культуры, порождающем отчужденность и социальную изоляцию индивида, что в кризисных ситуациях приводит к разрушительным последствиям.

В четвертом выпуске — «Мужчины и женщины» — внимание сосредоточено на трансформации гендерных ролей в американском обществе: от патриархальной модели начала XX века до современного состояния, в котором женщины могут претендовать на высшие государственные посты, включая президентский, однако наряду с этим демонстрируются и особенности социальной этики: отсутствие привычных для российского общества

проявлений галантности, более поздний возраст вступления в брак по причине необходимости достижения материальной стабильности, а также легитимизация ЛГБТ-сообщества, публичная критика которого становится социально неприемлемой.

Пятый выпуск — «Страна победившего потребления» — раскрывает механизмы доминирования потребительской культуры в США, когда сама логика социальной жизни подчиняется процессу бесконечного потребления, начиная от массового распространения фастфуда и заканчивая превращением покупательской активности в главный источник идентичности индивида.

Наконец, шестой выпуск — «Человек и государство» — демонстрирует особенности американской модели взаимоотношения между индивидом и властью: государство трактуется скорее как сервис, выполняющий ограниченные функции в зависимости от уплаченных налогов, что формирует прагматичное и инструментальное отношение к политике, в рамках которого граждан больше интересует деятельность местных властей, чем чиновников федерального уровня, при этом налоговая дисциплина и жесткие санкции за ее нарушение подчеркивают, что индивидуальная свобода сопряжена с высокой ответственностью перед государственными институтами.

Таким образом, анализ шести выпусков цикла «Америка глазами нелегалов» позволяет констатировать, что формируемый авторами медиаобраз США выявляет не только социальные противоречия и кризисные тенденции американского общества, но и фиксирует принципиальную инаковость ментальных установок, в силу чего американский образ жизни, основанный на индивидуализме, потреблении и инструментальном отношении к государству, оказывается несовместимым с российскими культурными традициями, ориентированными на коллективизм, духовные ценности и сильное государственное начало.

Заключение. Проект «Америка глазами нелегалов» выполняет важную функцию в переосмыслении стереотипного образа США, закрепленного в массовом сознании как символа изобилия и социальной справедливости; рассматривая такие аспекты, как «американская мечта», социальное расслоение, культ оружия, гендерные отношения, культура потребления и модель взаимодействия человека и государства, авторы цикла демонстрируют противоречивость американской системы. В то же время сопоставление выявленных характеристик с российскими традиционными ценностями позволяет сделать вывод о принципиальной различности двух культурных кодов, что объясняет трудности взаимного понимания и ограниченные перспективы ментальной совместимости между российским и американским обществами.

Список литературы

1. Безруков А. О. Выступление на XXXIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 24 мая 2025 года. — Режим доступа: https://vk.com/wall-190345665_281262 (дата обращения: 26.09.2025).

УДК 070+316.77

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПРОСТРАНСТВО КОНКУРЕНЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ И ЦИФРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Давшан И. И., ORCID 0009-0005-3164-8963, ***Ющук М. И.***,
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
i.davshan@mgumariupol.ru m.yushchuk@inbox.ru

Введение. Современное медиапространство переживает сложную трансформацию, связанную с интеграцией социальных медиа в повседневную жизнь аудитории. Появление платформ, где пользователи создают, распространяют и потребляют информацию самостоятельно, создало новый уровень конкуренции как для традиционной журналистики — газет, радио, телевидения, так и для цифровых медиа, включая онлайн-новостные порталы и интернет-издания [1–2].

Цель исследования — показать влияние социальных медиа на журналистику и общество в целом, а также проанализировать изменения, которые произошли в профессии журналиста с приходом цифровых технологий.

Основная часть. Конкуренция между традиционной и цифровой журналистикой проявляется в нескольких измерениях: скорости подачи информации, форматах контента, экономической модели медиапроизводства и критериях доверия аудитории. Первый и самый очевидный аспект конкуренции — это скорость распространения информации. Социальные медиа позволяют мгновенно публиковать новости, делиться наблюдениями и визуальными свидетельствами событий в режиме реального времени. Традиционные СМИ, даже при наличии онлайн-версий, вынуждены адаптировать собственные процессы: ускорять подготовку новостей, создавать оперативные ленты и интегрировать пользовательский контент. Цифровые издания, которые изначально ориентированы на интернет-аудиторию, также сталкиваются с конкуренцией за мгновенное внимание пользователей и вынуждены применять алгоритмические инструменты продвижения. Таким образом, возникает своеобразная «гонка за скорость», где социальные медиа задают темп, а традиционная и цифровая журналистика стремятся к сохранению качества и достоверности информации.

Второй аспект связан с форматом и вовлечённостью контента. Социальные платформы стимулируют визуальные и короткие форматы: сторис, короткие видеоролики, инфографику, мемы. Эти форматы обеспечивают высокую вовлечённость и активное распространение материала. Традиционные СМИ и цифровые издания адаптируются под эти тенденции, сокращая тексты, создавая мультимедийные материалы,

интегрируя интерактивные элементы и сторителлинг. Редакции вынуждены обучать журналистов новым навыкам, чтобы они могли работать с аудиторией в условиях высокой конкуренции за внимание, что влечёт за собой качественные изменения в журналистских жанрах и профессиональных компетенциях.

Третий аспект конкуренции — экономический. Социальные медиа привлекают рекламные бюджеты благодаря возможности точного таргетинга и высокой вовлечённости аудитории. Традиционная и цифровая журналистика сталкиваются с необходимостью поиска альтернативных источников дохода: платные подписки, нативная реклама, спонсорские проекты, проведение онлайн- и офлайн-мероприятий. В то же время социальные платформы создают новые экономические возможности: микро-монетизацию контента, партнерство с медиа и инфлюенсерами. Эта экономическая динамика влияет на редакционную политику и выбор тем, заставляя медиа учитывать коммерческую привлекательность материалов наряду с информационной ценностью.

Четвёртый аспект — вопросы доверия и авторитета. Традиционные СМИ исторически опирались на редакционные стандарты, проверку источников и профессиональные этические нормы. Цифровые издания также выстраивают систему верификации, но нередко ориентируются на скорость и привлечение трафика. Социальные медиа предлагают децентрализованную модель доверия, основанную на репутации автора, рейтингах сообщества и алгоритмическом продвижении. Пользователи по-разному оценивают достоверность информации в зависимости от формата и платформы, что формирует уникальные поведенческие модели потребления новостей. В результате традиционная и цифровая журналистика вынуждены не только ускорять публикации, но и усиливать прозрачность редакционных процедур, внедрять проверки фактов и открыто демонстрировать источники информации, чтобы сохранить доверие аудитории.

Наконец, стоит отметить, что конкуренция социальными медиа носит не только соперический, но и кооперативный характер. Многие СМИ используют платформы как канал дистрибуции контента, расширяя охват и вовлекая аудиторию. Редакции создают внутренние подразделения для работы с пользовательским контентом, проверяют информацию, организуют совместные проекты с платформами. Такая симбиозная модель позволяет традиционной и цифровой журналистике сохранять свои профессиональные стандарты, одновременно используя возможности новых технологий и тенденций поведения аудитории.

Кроме того, конкуренция социальных медиа стимулирует развитие интерактивных форм взаимодействия с аудиторией. Традиционные и цифровые СМИ активно используют комментарии, опросы, голосования и прямые эфиры, чтобы лучше понимать интересы читателей и зрителей. Такой подход позволяет не только удерживать внимание, но и создавать

более персонализированный контент, учитывающий запросы конкретных групп пользователей. В результате журналистика становится более гибкой и адаптивной к меняющимся условиям медиапотребления.

Также важным становится постоянное отслеживание реакции аудитории на различные типы контента. Анализ лайков, репостов, просмотров и комментариев позволяет редакциям корректировать стиль подачи новостей и выбирать более эффективные форматы. Такая обратная связь делает работу журналистов более точной и целенаправленной, усиливая конкуренцию за внимание пользователей в медиапространстве. При этом журналистика получает новые возможности для экспериментов с подачей материалов и внедрения мультимедийных элементов. Интеграция видео, аудио, графики и интерактивных элементов позволяет создавать более насыщенный и привлекательный контент, способный удерживать внимание читателей и зрителей. Такие инновации усиливают роль журналистов как медиапрофессионалов, способных адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому окружению. На основе приведенных выше данных, нами был проведен опрос-анкетирование среди студентов кафедры медиакоммуникаций МГУ им. А. И. Куинджи о пользовании социальными медиа. В опросе приняли участие 55 респондента (возраст 17-20 лет), которые только подтвердили тот факт, что социальные сети и мессенджеры плотно вошли в нашу жизнь. 100 % участников пользуются хотя бы одной социальной сетью и проводят в них время практически ежедневно. Согласно опросу, обучающиеся гораздо чаще используют платформы для взаимодействия и развлечений, чем занимаются такими повседневными практиками, как просмотр телепередач, чтение литературы или занятие спортом. Более того, участники исследования отметили, что социальные медиа позволили снизить определённые барьеры для входа в профессию, т. к. любой человек может создавать и распространять контент.

Заключение. Таким образом, социальные медиа выступают как фактор трансформации медиапространства, влияя на скорость, формат, экономику и авторитет журналистики. Конкуренция стимулирует традиционные и цифровые СМИ к адаптации, модернизации контента и расширению профессиональных компетенций журналистов. Взаимодействие и соперничество с социальными медиа формируют новые правила игры, которые определяют будущее медиасреды и способы восприятия информации аудиторией.

Список литературы

1. Васильев, Н.А. Изменения в медиапотреблении в современной России / Н.А. Васильев, В.Л. Дубровин //Знание. Понимание. Умение. — 2023. — № 3. — С. 107–129. DOI: 10.17805/zpu.2023.3.8.
2. Васильев, Н.А. Социальные сети в современной России: состояние, тенденции, перспективы развития /Н.А. Васильев. — Москва: Вече, 2025. — 240 с.

УДК 347.781.52; 316.48

СОЦИОКОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПОЛЕ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ

Дорощук Е. С., д-р пед. наук, проф., ORCID 0000-0001-8380-9304,
Мурат А. М., ORCID 0009-0001-3948-9953
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
leona31@yandex.ru, aminaaminamuratova@gmail.com

Введение. В контексте современного развития медиа, одним из центральных тематических направлений российских изданий является освещение социальных конфликтов как способа разрешения определенных социальных противоречий в условиях развития общественных практик. В связи с тем, что конфликт — многоаспектное и междисциплинарное понятие, важно выделить в понимании социального конфликта на страницах изданий его составляющие как особо острого способа развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия. К ним относятся: эмоциональный фон конфликта, описываемый в СМИ, и создаваемый на его основе образ конфликта, специфика противодействия субъектов конфликта, отражающая особенные отношения между ними и являющаяся основой для информационных поводов (например, в журналистских расследованиях), конфликтная ситуация и ее содержание.

Цель: определение характерных подходов и методик репрезентации социальных конфликтов в медиа в контексте их функциональной направленности.

Основная часть. Теоретические основы конфликта разрабатывались в контексте теории социального взаимодействия Р.Э. Парка, который вписал конфликт в совокупность видов взаимодействия наряду с конкуренцией, аккомодацией и ассимиляцией, представив его как неотъемлемую сторону социальных изменений [1; 2]. В современных условиях существования социального конфликта важной становится его многофакторность как причина усложнения структуры и расширение социального спектра проявления социальных конфликтов [3]. Исследователи определяют социальный конфликт как объективно существующее явление, отличающееся универсальным характером, в основе которого лежит процесс развития и разрешения острых противоречий в обществе [4]. Н.В. Омелаенко подчеркивает, что в основе социального конфликта лежит «борьба за свои идеи и интересы, результатом которой является решение противоречий мирным или насильственным путем» [5, с. 87]. Таким образом, социальный конфликт в силу своей распространенности и универсальности является одной из

постоянно действующих проблемно-тематических линий современных медиа, обеспечивающих устойчивое отражение противоречий и споров, появляющихся в социуме, формирующих запрос на освещение и информирование общества.

Для исследования функциональных и структурных особенностей репрезентации социальных конфликтов был использован качественный анализ текстов (композиция, ключевые структурные элементы повествования, приемы передачи информации) двух изданий — партийной газеты «Правда» и делового издания «Коммерсантъ» (2024-2025 гг.). Были выделены конструктивные, манипулятивные и гибридные методики, позволяющие создать объемный образ социального конфликта. Конструктивные методики репрезентируют социальные конфликты за счет фактологической подачи (предоставление достоверных данных о происходящих событиях и явлениях); разнообразия точек зрения (публичного обсуждения) и диалога; каузально-аналитической подачи (определение причинно-следственных связей и закономерностей развития для конструирования общей картины социального конфликта) и контекстуализации (для избежания одностороннего освещения фактов и их отрыва от других явлений и событий, связанных с информационным поводом). Манипулятивные методики базируются на демонстративной поляризации позиций участников конфликта *(*создание двух основных точек зрения, вокруг которых концентрируется особое внимание); формировании фрейминга (дискурсивная концепция освещения); эмоциональной драматургии (прием сенсации); фактоидности и фрагментарности данных (доминирование определенного вида информации); дезинформации и формировании фейковых нарративов (представление ложной информации); драматизации «личной истории» (для вызова эмоционального сопереживания и идентификации с раскрываемым сюжетом). Гибридные методики построены на взаимопроникновении разных приемов репрезентации социального конфликта в соответствии с задачами, которые решает журналист.

При сравнении текстов партийной газеты «Правда» и делового издания «Коммерсантъ» были определены особенности реализации социоконфликтного дискурса. В специализированном партийном издании движущей силой является мотив реализации информационной политики на основе ключевой проблемы, вокруг которой строится материал (представленность в постоянной рубрике), конфликтный дискурс раскрывается не как ситуативная, а как постоянная форма, задающая общую структуру композиции текста. «Правда» ориентирована в большей степени на социальные конфликты, имеющие политические формы выражения. Отсюда и их функции: партийная аналитика, развитие политической теории, публицистики. Репрезентируемые конфликты представляются как социальные процессы, вписанные в логику исторического развития.

В деловом издании «Коммерсантъ» социоконфликтный дискурс проявляет себя как ситуативная форма освещения тем, связанных с противоречиями в социальной сфере, с привлечением экспертов, выступая как инструмент, не встроенный в процесс формирования исходных принципов редакционной политики. Для делового издания характерен нейтральный формат, связь с общей публичной сферой, представленность оценочности и систематичности событий как непосредственной части социальных действий. Активными являются методы цитирования, контрастирования сторон, эмоциональной репрезентации участников конфликта, акцентуация предмета конфликта и действий противоборства. Превалируют гибридные средства освещения, где нейтральность соприкасается с общей эмоциональной драматургией текста.

Заключение. Таким образом, механизм репрезентации социального конфликта в медиа представляет собой двухуровневую модель, в которой сочетаются создание системного (авторского) текста и организация коммуникативного акта (связь с аудиторией). В результате формируется медийное поле социоконфликтности. Обобщенная модель репрезентации социального конфликта базируется на приемах эмоциональной драматургии, ярких заголовках, избирательном цитировании, внешне нейтральной подаче, обратном соотношении между объемом материала и присутствием манипулятивных приемов. Основные различия в концепции освещения социальных конфликтов связаны с репрезентацией сторон конфликта, значимостью и ролью мировоззренческих и идеологических позиций журналиста, направленностью воздействия на аудиторию, смещением моментов акцентирования, различием конечных выводов, подчеркиванием связей с другими событиями или единичным освещением конфликта.

Список литературы

1. Парк, Р.Э. Избранные очерки: сборник переводов / Р.Э. Парк; ред. Д.В. Ефременко; пер. В.Г. Николаев. — М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2011. — 321 с.
2. Park R.E. Personality and Cultural Conflict // Park R.E. Rase and Culture. — Glencoe, 111.: The Free Press, 1950. — P. 357-371.
3. Фоменков, А.И. Социальный конфликт: генезис понятия, эволюция идей, типология // Гуманитарный научный вестник. — 2018. — № 6. — С. 8-22. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv1806Fomenkov.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
4. Кильмашкина, Т.Н. Конфликтология. Социальные конфликты. — М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. — 297 с .
5. Омелаенко, Н.В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2019. — № 4. — С. 85-96.

УДК 070:004

ПОТЕНЦИАЛ ИИ-ГРАМОТНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗНООБРАЗИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Жеребненко А. В., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-7778-3558
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, РФ
zherebnenko.a@yandex.ru

Введение. Очевидно, что возрастающий потенциал возможностей ИИ-технологий оказывает прямое влияние на медиапространство. ИИ-модели, интегрированные в медиа, не просто фильтруют контент, но активно формируют медиапредпочтения аудитории, целенаправленно рекомендуя пользователям релевантные с точки зрения ИИ-системы медиапродукты [4]. «Появляется небывалая ранее уникальная возможность предлагать целевой аудитории персонифицированные подборки контента, удовлетворяющего ее ценностным ориентациям, информационным и культурным запросам. На основании многомерного анализа удается не только оценить и стимулировать готовность читателя подписаться на издание, но и, что очень важно, прогнозировать коммуникативное поведение аудитории» [2]. Таким образом, технологии искусственного интеллекта неизбежно влияют на распространение ценностей, взглядов и культуры и формируют определенное сознание потребителя.

Основная часть. *Деструктивный потенциал ИИ-технологий.* Подобное трансформирующее влияние алгоритмических ИИ-систем порождает ряд социокультурных рисков. Один из них — системное снижение информационного разнообразия, которое проявляется в виде «эффекта Матфея». Его суть заключается в том, что популярный контент постоянно получает дополнительное преимущество: алгоритмы продвигают его, выводя в топ выдачи. В результате новые или менее известные источники информации остаются незамеченными для большинства медиапотребителей. Так алгоритмы, определяющие, какой контент наиболее релевантен для потребителей, фактически формируют «информационный пузырь». «Мы погружаемся в созданное алгоритмами фрагментированное гипермедийное пространство, состоящее из текстов и образов, новостей и мнений. При поверхностном взгляде на череду сообщений на экране складывается впечатление, что это и есть совокупность представлений о мире наших современников. Их множественность и многообразие придает гипермедийному продукту иллюзию объективности» [1]. Дж. Меллер и Н. Хелбергер называют этот феномен «фильтрующий пузырь» — создание пользователем личной медиасреды с помощью этого набора персонализирующих фильтров.

«Пользователь попадает в своего рода ловушку и не может получить ту информацию, которую фильтры, применяемые информационным сервисом, сочли неподходящей или нерелевантной для данного пользователя» [6]. Исследователи объясняют, что усиление механизмов фильтрации повышает вероятность того, что потребители будут получать информацию только по темам, которые им интересны, и с точки зрения, с которой они себя идентифицируют [8].

Медиасреда, в которой отсутствует плюрализм взглядов, концептуализируется как эхо-камера, в которой вся новая информация перекликается с тем, что мы уже думаем. Как отмечает К. Санстейн, ключевым механизмом функционирования эхо-камертакого феномена является добровольная консолидация медиапотребителей в сообщества с идентичными интересами и коммуникация внутри них. В результате формируется устойчивая аксиологическая и мировоззренческая консервация. При этом отмечается, что существующие в информационном пространстве «эхо-камеры» и «пузыри фильтров» усиливают эффект друг друга [7]. Это может привести к поляризации, фрагментации или ангажированности информации.

В случае поляризации медиапользователи продолжают все больше укрепляться в своих убеждениях благодаря контенту, который они получают. В масштабе это влияет на разделение общества, поскольку медиапотребители двигаются к противоположным идеологическим полюсам. Поляризация создает предпосылки для дальнейшей дезинтеграции медиапространства. Одним из ключевых проявлений феномена является фрагментация — ситуация, в которой общая публичная сфера становится все более дезинтегративной и распадается на мелкие публикаций. В этом случае медиапотребители лишаются возможности получать представление о том, что волнует большинство. Логическим следствием фрагментации является ангажированность информации — угроза сужения доступа аудитории медиа к различным точкам зрения, укрепляя определенный, выгодный третьим лицам взгляд на события в обществе.

ИИ-грамотности как инструмент нивелирования рисков. Вместе с тем, ряд исследователей коммуникационных процессов не разделяет данный подход и указывает на неспособность «информационных пузырей» к усилению социальных групп и влиянию на разнообразие получаемой информации в медиасреде. По их мнению, «собственный выбор пользователя имеет существенно большее влияние на то, насколько разнообразный контент человек потребляет» [7]. В этом контексте ключевым инструментом нивелирования описанных алгоритмических рисков выступает развитие ИИ-грамотности, а именно развитие двух ключевых компонентов: когнитивных и критико-рефлексивных. Первый заключается в базовом понимании принципов работы ИИ-алгоритмов. Речь идет о том, чтобы воспринимать персонализированную ленту новостей или

рекомендации не как объективную картину мира, а как результат работы ИИ-системы, настроенной на удержание внимания. Второй подразумевает «критическое осмысление технологий и продуктов ИИ» [3], что позволяет медиапотребителю анализировать логику формирования контента в персональной ленте. Данный компонент включает понимание принципов формирования картины мира и образа интересов пользователя, осознание тем и точек зрения, остающихся за пределами индивидуального «информационного пузыря», а также установление причинно-следственных связей между цифровыми следами и предлагаемыми ИИ-алгоритмом медиапродуктом.

Заключение. Интеграция ИИ-решений в сферу медиа и коммуникаций носит амбивалентный характер. С одной стороны, позволяет максимально персонализировать медиапродукт для пользователей, с другой — создает серьезные проблемы. В этой ситуации главным решением становится развитие ИИ-грамотности, которая способствует осознанному медиапотреблению и сохранению контроля над информационным пространством.

Список литературы

1. Грушевская, В.Ю. Модель фильтрации информации в социальных медиа / В.Ю. Грушевская // Журнал исследований социальной политики. — 2022. — Т. 20, № 3. — С. 393–406. — DOI 10.17323/727-0634-2022-20-3-393-406. — EDN BMZVCI.
2. Дугин, Е.Я. Трансформация медиакоммуникации под воздействием цифровых технологий: теоретико-методологический аспект / Е.Я. Дугин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2024. — № 5. — С. 140–151. — DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.140151. — EDN VSUIIB.
3. Жеребненко, А.В. ИИ-грамотность как необходимая медиакомпетенция специалиста сферы медиа и коммуникаций / А.В. Жеребненко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 3 (57). — С. 41–49. — DOI 10.47475/2070-0695-2025-57-3-41-49.
4. Ним, Е.Г. Поп-культура, фэндомы и нейросети: фанаты встречаются с ИИ / Е.Г. Ним // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 5 (183). — С. 183–202. — DOI 10.14515/monitoring.2024.5.2602. — EDN EPMCMI.
5. Россиянам рассказали, как не позволить ИИ обмануть себя в интернете // РИА Новости. — 2025. — 11 февраля. — URL: https://ria.ru/20250211/internet-1998525617.html (дата обращения: 15.03.2025).
6. Смирнова, А.И. Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты / А.И. Смирнова // Философия и общество. — 2023. — № 3 (108). — С. 118–126. — DOI 10.30884/jfio/2023.03.07. — EDN VNZKTC.
7. Тихонюк, А.А. Искусственный интеллект и масс-медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента / А. А. Тихонюк // Коммуникология. — 2024. — Т. 12, № 3. — С. 43–60. — DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60. — EDN FWCAEV.
8. Moeller, J. Beyond the filter bubble: Concepts, myths, evidence and issues for future debates / J. Moeller, N. Helberger // University of Amsterdam. — 2018. — January. — 28 p.

УДК 659

КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ ГОРОДА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283,
Опарина А. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n-kaika@mail.ru, angelorina64@gmail.com

Введение. Город как локус, исторически и культурно освоенное пространство, постоянно продуцирует и транслирует культурную информацию. Существование города во времени обязательно сопровождается знаковой репрезентацией. Город беспрерывно формирует уникальное символическое поле со своей структурой и семантикой [1, с. 34]. Символическая природа имиджа обусловливает высокую значимость канала коммуникации для трансляции имиджеформирующей информации. В данном контексте исследование коммуникационного инструментария формирования культурного имиджа города в интернет-пространстве, изучение процессов его формирования в условиях общественно-политических трансформаций, особенно под влиянием военно-политического конфликта, вызывает научный интерес.

Цель работы — проанализировать ресурсы и практики формирования культурного имиджа Донецка на цифровых платформах, выявить ключевые тенденции и проблемы, а также предложить рекомендации по повышению эффективности презентации имиджеформирующего культурного контента.

Основная часть. Культурный имидж города в современном цифровом пространстве формируется с помощью разнообразных платформ: местных СМИ, официальных сайтов учреждений культуры, социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов. Различные институции Донецка активно используют эти инструменты для продвижения культурных инициатив и укрепления региональной идентичности. В текущих реалиях определенных ограничений офлайн-мероприятий особое значение приобретают интерактивные проекты, онлайн-экскурсии и цифровые каналы коммуникации с внутренней и внешней аудиторией.

Министерство культуры Донецкой Народной Республики представляет культурные инициативы через официальный сайт и социальные сети. В 2025 году на цифровых ресурсах было опубликовано более пятидесяти анонсов культурных мероприятий, включая выставки, концерты и театральные постановки [6]. Такая практика свидетельствует о стремлении органов власти привлекать внимание широкой аудитории к культурной жизни города. В цифровом пространстве сайт выполняет роль

координационного центра, где аккумулируется и транслируется культурная повестка, что позволяет сформировать целостное представление о культурной политике региона.

Информация, размещенная на сайтах донецких театров, музеев, библиотек и других учреждений культуры, дает представление об активной культурной жизни города, актуализирует культурное наследие, демонстрирует культурный имидж Донецка.

Так, в творческом и социально значимом виртуальном проекте музея «Арт-Донбасс» «Город роз и терриконов» представлены работы донецких художников как художественное осмысление прошлого и настоящего Донецка. Музей одержал заслуженную победу в «Республиканском смотре-конкурсе мультимедийных работ», посвящённом увековечению подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны «Дорогами поколений» с использованием дистанционных технологий, на котором был представлен слайд-фильм «Михаил Джарты. Жить и творить» [5, с.346].

Донецкий республиканский краеведческий музей активно использует цифровые технологии для популяризации культурного наследия. В 2024 году музей организовал двенадцать виртуальных выставок, которые посетили более десяти тысяч человек [4]. Подобные инициативы обеспечивают доступ к экспозициям даже в условиях ограничений офлайн-мероприятий, способствуют привлечению молодого поколения и делают культурное наследие города более доступным для внешней аудитории. Использование мультимедийного контента и онлайн-экскурсий укрепляет статус Донецка как города с богатыми историко-культурными традициями и современными подходами к их репрезентации.

В условиях сложной военно-политической обстановки активное внедрение интерактивных форматов стало одной из ключевых тенденций коммуникации учреждений культуры с общественностью. Онлайн-конкурсы, мастер-классы и лекции способствуют вовлечению широкой аудитории и формированию у неё чувства сопричастности культурному пространству. Примером может служить проект «Виртуальный Донецк», предлагающий экскурсии по историческим местам города. За первые шесть месяцев 2025 года более трёх тысяч человек посетили мероприятия, что подтверждает востребованность подобных инициатив. Интерактивность помогает укреплять связь между горожанами и культурными учреждениями, а также формировать положительный имидж города во внешнем цифровом пространстве.

Важным звеном в формировании культурного имиджа остаются региональные СМИ. Так, например, газета «Донецкое время» еженедельно публикует материалы, посвящённые событиям в культурной сфере. В 2024 году было представлено более ста анонсов [3]. Это не только информирует население, но и формирует устойчивый образ Донецка как города, реализующего многочисленные культурные инициативы. Электронные

версии материалов позволяют расширить аудиторию, включить в культурную повестку жителей других регионов, а публикации о культурных событиях способствуют позиционированию города как культурного центра, открытого и динамичного.

Сетевые порталы, в том числе «Донбасс Сегодня», выполняют функции информационных агрегаторов и аналитических площадок, размещая репортажи, интервью с деятелями культуры и афиши мероприятий [7]. Их деятельность особенно важна, так как она соответствует привычкам цифровой аудитории и формирует более современное восприятие культурной жизни города.

На страницах газеты «Донецк вечерний» «ВКонтакте» регулярно освещаются вопросы развития культуры и искусства, широко представлена деятельность творческой элиты Донбасса. Так, например, в материале о вкладе в развитие культуры Донбасса директора Донецкого республиканского художественного музея Екатерины Калиниченко, подчеркивается, что Екатерина Николаевна является Послом культуры Донецкого регионального отделения Союза женщин России [2].

Совместные проекты музеев, театров и образовательных учреждений позволяют объединять ресурсы и создавать единый культурный нарратив. Такие коллаборации не только способствуют формированию позитивного имиджа города, но и создают визуальную узнаваемость бренда «Донецк», что особенно эффективно в условиях распространения контента через несколько платформ одновременно.

Тем не менее существует ряд проблем, ограничивающих эффективность процессов формирования имиджа города на цифровых платформах. К их числу можно отнести недостаточную техническую оснащённость отдельных учреждений, нехватку специалистов по созданию мультимедийного контента, а также слабую координацию между организациями. В результате часть инициатив остаётся малозаметной, и культурный имидж города в интернет-пространстве формируется не всегда системно. Решение этих проблем возможно при разработке единой стратегии цифрового продвижения, которая будет учитывать визуальное оформление, координацию между площадками и активное использование современных технологий.

Для повышения эффективности представления культурного контента необходимо осуществить ряд мероприятий: прежде всего, разработать единую стратегию цифрового продвижения, которая сможет увязать все культурные инициативы и мероприятия в рамках единого потока. Также стоит значительно расширить использование мультимедийных технологий, которые будут делать контент более привлекательным и доступным. Кроме того, важно активнее развивать сотрудничество между различными учреждениями, чтобы объединить усилия и ресурсы. Необходимо внедрять интерактивные проекты, ориентированные на молодёжь, поскольку именно

эта аудитория наиболее активно использует цифровые технологии. Интерактивные форматы (вебинары, онлайн-выставки, виртуальные туры и др.) обладают уникальной способностью вовлекать в культурную жизнь города не только жителей, знакомых с его историей и традициями, но также и внешнюю аудиторию, которая может стать заинтересованной в культурных активностях Донецка, даже находясь на большом расстоянии.

Предложенные меры позволят не только повысить узнаваемость культурного бренда Донецка, но и значительно укрепить его положительный имидж, а также расширить вовлечённость аудитории в культурное пространство города, что, несомненно, благотворно скажется на его будущем. Попутно отметим, что сегодня Донецк занимает III место во Всероссийском конкурсе «Культурная столица 2027»». Полагаем, что эффективный имиджбилдинг в цифровом пространстве позволит городу занять лидирующее место в конкурсе, а следовательно, укрепить свои имиджевые позиции.

Заключение. Активное использование коммуникационного инструментария цифровых платформ способствует формированию и продвижению культурного имиджа Донецка, его позиционированию как культурной столицы, объективации ментальных смыслов предыдущих культурно-исторических периодов, текущих реалий военного времени, трансляции весомого имиджевого культурного потенциала города.

Список литературы

1. Анисимов Н.О. Город в дискурсе семиотики /Н.О. Анисимов // Juvenis Scientia. 2018. № 12. С. 33-35.
2. Газета «Донецк вечерний». — URL: https://vk.com/wall-190725946_7684?ysclid=mg2ep3gr6e853358688.
3. Газета «Донецкое время»: официальный сайт. — URL: https://dontimes.ru/?ysclid=mg0owa278i329620709 (дата обращения: 25.09.2025).
4. Донецкий республиканский краеведческий музей: официальный сайт. — URL: http://drkm-dnr.ru/ (дата обращения: 24.09.2025).
5. Каика Н.Е. PR-инструментарий продвижения музея в условиях военного времени /Н.Е. Каика // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. — 429 с. — С.344-347. — EDN: FXZHKR.
6. Министерство культуры ДНР: официальный сайт. — URL: https://mincult-dnr.ru/?ysclid=mfzjy78vny659669440 (дата обращения: 23.09.2025).
7. Сетевое издание «Донбасс Сегодня»: официальный сайт. — URL: https://donbasstoday.ru/?ysclid=mg0oxmd2du275699212 (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 070:778 028.22.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КОМИКС КАК МЕДИАФОРМАТ: ЛИНГВОВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕНТА В РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЯХ (2020–2024 ГГ.)

Кузьмина М. А., ORCID 0009-0003-6856-4726
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, РФ
the.marina.kuzmina@gmail.com

Введение. Проект посвящён изучению документального комикса как гибридного медиаформата, репрезентирующего исторические и социальные события в визуально-текстовой форме.

Цель исследования — выявить и описать устойчивые лингвовизуальные практики, используемые в документальных комиксах для репрезентации событий и феноменов российской действительности.

Документальный комикс в системе современной визуальной журналистики. Семантическая ёмкость комикса, его лаконичность и способность конденсировать сложные смыслы в знаковых кадрах делают этот медиажанр эффективным инструментом репрезентации событий, переживаний и социальных конфликтов. Такое пространственно-визуальное восприятие времени позволяет реконструировать события не линейно, а многослойно, эмоционально насыщенно, что особенно важно при обращении к темам исторической памяти или социальной травмы. В этом смысле он выполняет как информативную, так и критическую функцию, формируя медиатексты, в которых частное переживание становится способом говорить о коллективном.

Анализ лингвовизуальных стратегий документального комикса требует учёта как художественных, так и коммуникативных механизмов. По определению Т.С. Фетисовой, визуальная журналистика, в том числе в формате графических романов, использует «гибридный визуально-вербальный инструментарий, включающий документализацию нарратива, визуальную метафору, хронотопическую фиксацию и стилистическую аутентификацию» [7].

Комикс и визуализация культурной памяти. Особый интерес вызывает способность комикса работать с травматическими или спорными эпизодами коллективного опыта. Визуально-нарративная природа документального комикса позволяет включать в сферу общественного обсуждения темы, которые в других форматах могут быть либо вытеснены, либо искажены. По наблюдению М. А. Курановой, комикс «репрезентирует память не в форме фактографической хроники, а как пространство личного переживания, соучастия и эмпатийного понимания» [6].

Речь идёт не только о фактах, но и об эмоциональной реконструкции — о том, как история становится прожитой благодаря сочетанию изображения, интонации, монтажной логики и личного голоса. В этом смысле документальный комикс оказывается медиумом постпамяти — той формы культурного воспоминания, которая строится не изнутри события, а после него, на основе визуальных следов, текстуальных фрагментов и культурных маркеров.

Эмпирический анализ российских документальных комиксов (2020–2024 гг.). Для эмпирического анализа были отобраны четыре графических произведения, вышедших в России в 2020–2024 годах и соответствующих критериям документального комикса. Это: «Булгаков. Путь мастера» (2024) — биографический графический роман об истории М.А. Булгакова и становлении его художественного мира; «Истории 2017–2022» Алексея Хромогина — независимый авторский альбом, репрезентирующий хронику событий в российском обществе через личные зарисовки; «СВО: непридуманные истории» (2024) — проект, адаптирующий нарративы о специальной военной операции для подростковой аудитории; «Война vs Детство» — графический роман о войне глазами детей. Данные произведения демонстрируют широкий спектр визуально-дискурсивных стратегий — от архивной реконструкции до экспрессивной графической стилизации, от хроникального документализма до эмоционального свидетельства.

Заключение. Анализ изученных материалов позволяет говорить о важной функции документального комикса как инструмента соучастия и социальной рефлексии. Он не просто визуализирует события, но способствует формированию общественного диалога, развёрнутого за пределами академического и журналистского поля.

Список литературы

1. Mediascope. Что россияне делают в интернете — выступление Mediascope. — 2024. — URL: https://mediascope.net/news/2125766/ (дата обращения: 15.05.2025).
2. Бейненсон В.Г. Комикс как форма визуальной журналистики /В.Г. Бейненсон // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2020. — Серия 9. — № 1. — С. 37–52.
3. Визель Е.А. Когнитивная поэтика визуального нарратива: на материале комикса / Е.А. Визель // Филологические науки. — 2022. — № 5. — С. 82–95.
4. ВЦИОМ. Цифровой детокс — 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. — 2023. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 15.05.2025).
5. Гудков Д.Б. Теория дискурса и современная медиалингвистика /Д.Б. Гудков // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (87). — С. 21–31.
6. Куранова М.А. Медиарепрезентация исторической памяти в графической журналистике /М.А. Куранова // Медиаобразование. — 2023. — № 1. — С. 54–65.
7. Фетисова Т.С. Комикс в современном медиадискурсе: от креолизованных текстов к графическим романам /Т.С. Фетисова // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. — 2022. — № 5. — С. 31–45.

УДК 070

МЕДИАИНЖЕНЕРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ КОНТЕНТА ПО ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Кухаренко Е. А., ORCID 0000-0002-4747-1569
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kukharenko-89-89@mail.ru

Введение. Изменение ценностей — слишком большой шаг, который кажется почти невозможным в краткосрочной перспективе: история показывает, что ценностные ориентиры меняются только через несколько поколений. Тем не менее медиатизация реальности демонстрирует, что за короткие сроки они могут не только претерпевать изменения, но даже смещаться в противоположную сторону. В начале 2000-х люди надеялась на трансформацию ценностных установок в сторону глобализации мира: границы между странами сотрутся, в глобальном цифровом инфополе будет господствовать свобода слова, но происходит обратный процесс. Ныне государства принимают меры по охране своих ценностных ориентаций, культурной самобытности и ментального кода, сильнее становится желание определить себя через различные способы идентификации, вроде этнических, конфессиональных, государственных и прочих. Народный артист РСФСР, режиссер Андрей Кончаловский в своем видеообращении к участникам круглого стола, посвященного созданию общественного движения «Культурный фронт России», заявил: «Я думаю, что Россия призвана сохранить и не дать погибнуть европейской культуре. Россия — не только наследник великой европейской культуры, но, может быть, сегодня является единственным и главным ее защитником» [2]. Неоднократно Андрей Сергеевич констатировал, что в настоящий момент Российская Федерация остается единственной страной в Европе, приверженной подлинным европейским идеалам. При этом он отмечал, что наша страна выходит за рамки европейского пространства, являясь евразийским государством, самобытной цивилизацией, обладающей собственным уникальным наследием.

Основная часть. Как же добиться того, чтобы аудитория считывала заложенные в медиа символы цивилизационного кода России, ведь именно через СМК осуществляется глубокое изменение системы взглядов, активная трансформация ценностных парадигм, считывание культурной матрицы, ментального кода?! Главное условие — исключение принуждения, воздействия и обмана. Любая попытка навязать общепринятые нормы вызывает сопротивление. Под влиянием западной идеологии произошла эрозия нравственных принципов и жизненных идеалов, однако

традиционные ценности остаются глубинными установками каждого жителя великой России — ответственного гражданина и преданного патриота. Их значимость обусловлена не просто принятием 809 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а тем, что они изначально присущи каждому россиянину, заложены на бессознательном уровне [1].

Средствам массовой коммуникации важно чувствовать свою аудиторию, четко осознавать, в какой стране и в какое время живем, что своевременно, что неуместно. Медиадеятельность должна строиться на четком осознании своего цивилизационного кода, своей истории. Культурный код — это совокупность разных традиций, символов, образов, смыслов, которые формируют культуру и идентичность. И передается он через бытование, то что окружает человека с детства и до самой старости. Сегодня же неотъемлемая часть бытования — это медиарелаьность, в которой живет современное общество. Поэтому важнейшим аспектом для СМК является понимание того, что влияет на пользователя в принятии решений о прочтении медиаконтента. Изучая биографические детали о времени появления на свет и жизни человека, можно выявить его типичные черты и трудности, понять принципы мышления, предпочтения в потреблении информации, а также то, как он делает выбор в пользу того или иного контента. Каждый индивидуум отражает дух своего времени, следовательно, средства массовой коммуникации, принимая во внимание психологический портрет аудитории, должны учитывать концепцию поколений: анализировать восприятие мира каждым из них и исследовать их характерные признаки [3].

Поколения и особенности контент-потребления

1. Поколение «Беби-бумеров» (1946–1964 г.р.) — люди, появившиеся на свет в период всплеска рождаемости после Второй мировой войны. Им важны традиционные ценности, семейные устои. Отличаются решительностью, патриотизмом. Данное поколение является амбассадором 809 Закона РФ: много знают о ценностях, принимают и хранят их. С данным поколением медиа необходимо говорить на языке традиционных ценностей.

2. Поколение «Х» (1965–1980 г.р.) — люди, которые стали свидетелями и участниками преобразующих социально-политических изменений. Загадочны и противоречивы, как число Х в уравнении, поэтому очень ценят точность и гарантию. С ними нельзя «заигрывать» через контент. Им необходимы четкие, понятные объяснения — готовые инструкции, алгоритмы. Такой подход позволит медиа наладить с ними эффективную коммуникацию. Поколение Х — аудитория, ценящая свое время, и не склонная к длительному изучению информации, в связи с чем форматы медиаконтента должны быть адаптированы.

3. Поколение «Y» или «Миллениалы» (1981–1996г.р.) — сознательные поклонники цифровизации, первыми приспособились к новым технологиям

(смартфонам, социальным сетям и стриминговым платформам). Особо стоит обратить внимание на то, что для них существенны две вещи: ценят уникальный контент и отзывы лиц, которым они доверяют (люди их возраста либо лидеры общественного мнения).

4. Поколение «Z» (1997–2010 г.р.) — люди близки друг с другом благодаря цифровым гаджетам. Легко принимают разницу взглядов, заботятся о планете, мобильные, искренние, креативные. Ценят свободу выбора, например, в каком формате потреблять информацию. Именно для них на одну тему может быть создано порядка 5-6 видов контента и размещенного на абсолютно разных медиаканалах. Им важно дать возможность контактировать с информацией так, как им будет удобно и где им будет комфортно. Для данного поколения сверхзначим качественный контент, поскольку им характерны высокая «насмотренность» и «наслушенность» (обращают внимание даже на мелочи, связанные с недостатками в качестве изображения или звука). Для зумеров важно создавать «артефакты» через медиа, которыми они будут делиться, с которыми будут себя ассоциировать.

5. Поколение «А» (с 2011 года — ныне) — этим людям пришлось пережить социальную дистанцию. Отличаются повышенным чувством собственного достоинства, с раннего возраста общаются со взрослыми на равных. Не знают, какой была жизнь без социальных сетей. Их техническая подкованность вызывает восхищение и надежду на то, что эти люди изменят будущее человечества. Их цифровое «я» не просто потребляет информацию, а погружается в нее. Особенно ценят эмпатичный контент, раскрывающий эко- и социальную ответственность.

Заключение. Данные поколения определяют настоящее и будущее мира. Потому так важно понимание, как и при помощи чего доносить смыслы через медиа различным аудиториям. Речь идет о том, чтобы наладить доверительный язык со своим читателем, учитывая, что каждое поколение имеет собственное восприятие действительности, медиа должны опираться на три основных принципа: аутентичность, эмпатия, адаптивность медиаконтента.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873 (дата обращения: 01.09.2025).
2. Россия может остаться единственной защитницей европейской культуры в мире // ТАСС. — URL: https://tass.ru/kultura/16386681 (дата обращения: 08.09.2025).
3. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи / В.Е. Семенов // Социологические исследования. — 2007. — № 4. — С. 37-43. ISSN 0132-1625.

УДК 316.472.4

СВОЕОБРАЗИЕ TELEGRAM-АККАУНТОВ ЖУРНАЛОВ «ВОКРУГ СВЕТА» И TECHINSIDER

Лаврухина А. С., ORCID 0009-0004-3886-0345,
Газизов Р. Р., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1153-6623
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
annalawruchina@gmail.com, gazizov-da@yandex.ru

Введение. Исследование telegram-каналов является значимым и перспективным направлением современных медиаисследований. Рассматриваются возможности структур данного типа в вопросах продвижения медиаструктур. Для анализа нами были выбраны telegram-каналы известного издания TechInsider, а также авторитетного русскоязычного издания «Вокруг Света».

Цель — выявить специфику функционирования медиааккаунтов журналов «Вокруг Света» и TechInsider в мессенджере Telegram — популярных массовых журналов.

Основная часть. Рассмотрим содержательную и структурную специфику канала TechInsider. Установлено, что он имеет преимущественно развлекательную, техническую и научную тематику. Согласно описанию канала, в нём освещаются «важные и интересные новости из мира науки и технологий» [1]. На него подписаны более 17 тыс. человек. Присутствуют различные рубрики: факты дня, дайджесты новостей, цифры дня, «совет дня» («пятничный чекап»), а также новостные заметки и анонимные вопросы по их темам для аудитории. Также публикуются короткие видео с животными, видео, созданные нейросетями, длинные видео и карточки (карусели) на различные темы. Источники видео отдельно не указываются. Сообщения характеризуются сенсационностью и стремлением вызывать эмоции у аудитории. Приоритетом является инфотейнмент, образовательная функция зачастую отходит на второй план. Частота публикаций составляет несколько сообщений в день. Возможности комментирования аудитории не предоставлено, но у пользователей есть возможность поставить одну из пятнадцати доступных на канале реакций.

К примеру, 16 июня 2025 года в канале был опубликован пост, содержащий три горизонтальных видео, сгенерированных нейросетью Veo 3, каждое из которых длится меньше минуты [2]. Под видео находится краткое описание, содержащее заголовок «Нейронки создают ASMR», выделенный жирным шрифтом. Стоит отметить, что в заголовке используется слэнг («нейронки»). Далее идёт описание, содержащее оценочные суждения: утверждается, что нейросеть «превзошла саму себя», видео названы «превосходными», а звуковое сопровождение — «приятным». Также в конце добавлен небольшой комментарий, выделенный

курсивом, называющий текстуры получившегося в видео камня «невероятными» и содержащий эмодзи «лицо со слезами радости».

Изображения-карточки из рубрик «факт дня», «цифра дня» и «совет дня» выполнены в схожем стиле. В одном из опубликованных «советов дня» утверждается, что пицца является наиболее полезным вариантом фастфуда, но «диетологи отмечают, что она должна быть без копчёной колбасы, содержать сыр, грибы и томаты» [3]. Ссылки на научные источники или комментарии конкретных диетологов отсутствуют, что способно подорвать доверие аудитории к публикуемой информации.

Издание «Вокруг Света» позиционирует себя как «ведущий российский научно-популярный проект с полуторавековой историей» [4]. Затрагиваются темы экологии и стиля жизни. На данный момент в канале более 34 000 подписчиков, представленная тематика — культура, наука и природа. Среди рубрик представлены новостные дайджесты, «вопрос-ответ», новости, фотографии. Частота публикаций составляет несколько публикаций в день. Пользователи могут выбрать одну из предоставленных 35 реакций. В конце сообщений, как правило, содержится гиперссылка на канал.

В целом тон сообщений умеренный и нейтральный, однако встречаются и более сенсационные заголовки: в пример можно привести сообщение, озаглавленное «Индийский миллиардер проглотил пчелу и умер» [5]. Примечательно, что перед заголовком, выделенным жирным шрифтом, находится эмодзи пчелы. Публикуются отдельные фотографии финалистов и победителей фотоконкурсов с указанием авторства. В рубрике вопрос-ответ ответы скрыты за «спойлером», предоставляя аудитории возможность размышления. Карточки с вопросами выполнены в общей стилистике издания. Аудитории доступны комментарии. Как правило, частота комментирования составляет менее 10 комментариев к посту, однако в некоторых случаях значительно возрастает. Например, новость «Турист сломал скульптуру «Стул Ван Гога», сев на неё ради фотографии [6]», прокомментировали 15 раз. Стоит отметить, что новость представляет собой расширенную заметку и состоит из трёх абзацев и заголовка.

Помимо этого, публикуются и анонсы материалов, опубликованных на официальном сайте издания. Например, сообщение с заголовком «Как живописцы Возрождения помогали ученым получать новые знания» [7] содержит изображения и часть текста из материала для завлечения аудитории, а также гиперссылку «читать», выделенную прописными буквами (caps lock), жирным шрифтом и эмодзи-стрелкой. Также ссылки на сайт издания предоставлены в новостных дайджестах.

Кроме того, канал публикует короткие видео: например, одно из сообщений содержит шестисекундное видео с двумя собаками, наблюдающими за машиной для попкорна, и подпись: «попкорн под надёжной охраной» [8].

Некоторые новости сопровождаются короткими видео. Например, новость «Швейцарец побил мировой рекорд по лежанию в сугробе» [9]

сопровождается коротким видео, снятым в скоростном режиме и показывающим установление рекорда.

Заключение. Таким образом, оба издания используют разнообразные виды и типы контента для привлечения и удержания внимания своей аудитории. Рубрикация позволяет структурировать и упростить восприятие контента, а мультимедийность способствует его разноплановости и многотипности. Каналы используют шрифты и эмодзи, возможность включения в сообщения видео, изображений и гиперссылок.

На наш взгляд, в канале TechInsider наиболее успешной характеристикой контента является сильная мультимедийная составляющая. В целом канал «Вокруг Света» успешно использует мультимедийный и визуальный контент для наполнения проанализированной платформы.

Список литературы

1. Информация // TechInsider. URL: https://t.me/techinsiderru (Дата обращения: 16.06.2025).
2. Нейронки создают ASMR // TechInsider. URL: https://t.me/techinsiderru/34057 (дата обращения: 16.06.2025).
3. Пицца — наиболее полезный вариант фастфуда // TechInsider. URL: https://t.me/techinsiderru/33963 (дата обращения: 16.06.2025).
4. Информация // Вокруг Света. URL: https://t.me/vokrugsveta1861 (дата обращения: 17.06.2025).
5. Индийский миллиардер проглотил пчелу и умер // Вокруг Света https://t.me/vokrugsveta1861/16587 (дата обращения: 17.06.2025).
6. Турист сломал скульптуру «Стул Ван Гога», сев на неё ради фотографии // Вокруг Света. URL: https://t.me/vokrugsveta1861/16604 (дата обращения: 17.06.2025).
7. Как живописцы Возрождения помогали ученым получать новые знания // Вокруг Света. URL: https://t.me/vokrugsveta1861/16580 (дата обращения: 17.06.2025).
8. Попкорн под надёжной охраной // Вокруг Света. URL: https://t.me/vokrugsveta1861/16615 (дата обращения: 17.06.2025).
9. Швейцарец побил мировой рекорд по лежанию в сугробе // Вокруг Света. URL: https://t.me/vokrugsveta1861/16544 (дата обращения: 17.06.2025).

УДК 070

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ФЕЙКОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В СЕТИ

Левкович В. А., ORCID 0009-0003-9746-816X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
levkovich_v@internet.ru

Введение. В статье предпринята попытка рассмотреть медиаобразование в качестве инструмента борьбы с ложной информацией. Исследование посвящено анализу роли медиаобразования в формировании критического мышления, навыков анализа и оценки медиаконтента

у различных аудиторий. Рассматриваются основные подходы и методы медиаобразования, направленные на повышение медиаграмотности и развитие способности распознавать и противостоять дезинформации.

Цель — выделить в специфике медиаобразования методы, направленные на борьбу с фейковой информацией в сети, предложить варианты распространения данного процесса среди населения.

Основная часть. Современное общество получило название информационного не случайно, ведь в XXI веке именно сообщения и потоки новостей становятся настоящим товаром, за который аудитория готова платить. Каналы передачи информации продолжают удерживать и приобретать новую аудиторию путем внедрения появляющихся методов или совершенствования старых. К примеру, на страницах газет можем найти QR-коды. Если навести смартфон на код, то увидим на устройстве видео, что позволяет среднестатистическому пользователю получить больше наглядной информации.

В социальных сетях публикации распространяются с не всегда подтвержденными данными, что вызывает вопросы у аудитории и даже может привести к панике среди населения. Из-за бесконтрольного характера фейковая направленность становится настоящей проблемой информационного общества. На законодательном уровне видим, что внесены изменения по усовершенствованию безопасности в социальных сетях и в целом в интернете, однако вопрос реализации и контроля остается открытым.

На практическом опыте выделяют два основных метода по борьбе с ложной информацией в сети: фактчекинг и модерация контента. Однако эти способы на данном этапе развития технологического прогресса недостаточны для искоренения проблемы фейковости.

«Возникла острая потребность в формировании умений и навыков, позволяющих правильно оценивать поступающую непрерывным потоком информацию. Важно обучить граждан умению понимать природу медиа, критически оценивать полученную информацию и овладевать навыками по ее верификации» [1].

В связи с обозначенным выше роль медиаобразования и проработки медиаграмотности с каждым годом возрастает [3]. Прежде всего, программы должны быть направлены на формирование критического мышления и содержать упражнения на выстраивание адекватной оценки потребляемой информации, то есть понимать качество предоставляемых сведений на предмет дезинформации [4].

«Проблема дезинформации представляет собой одну из наиболее актуальных и сложных вызовов современного общества. Она затрагивает различные сферы жизни, включая политику, экономику, науку и социальные отношения, создавая значительные риски для стабильности и безопасности. Наше исследование показало, что борьба с дезинформацией требует комплексного подхода, который должен учитывать множество

аспектов — от повышения медиаграмотности населения до внедрения технологических решений и создания законодательных механизмов» [2].

К основным целям медиаобразовательной деятельности относят:

− развитие медиаграмотности через регулярное обращение внимания аудитории на важность формирования знаний и навыков для успешного взаимодействия с медиа, с особенностями движения информации в современном информационном пространстве;

− развитие коммуникативных навыков. Общение — признак социальной принадлежности человека. Поэтому особенно необходимо понимать принцип функционирования сетевого взаимодействия;

− развитие критического мышления у аудитории. Этот пункт повторяется в каждом исследовании по медиаобразованию, потому что без критического мышления потребляемая информация будет воспринята аудиторией на веру. К сожалению, регулярно так и происходит. Фейковые новости вызывают у населения вопросы и даже могут привести к панике. А если бы уровень проработанности критического мышления был высокий у аудитории, то каждый пользователь бы проверял источники информации прежде, чем принять информацию;

− понимание этического подхода и ответственности в медиасфере. В XXI веке каждый может стать участником медиасферы, так как доступ к публикованию контента для всеобщего обозрения есть в всех пользователей социальных сетей и мессенджеров. И здесь следует понимать, что пользователь, распространяющий информацию, несет ответственность перед своей аудиторией.

«Сегодня назрела необходимость в повышении уровня медиаграмотности читателя / зрителя / слушателя / посетителя интернет-сайта в силу огромного количества обрушивающейся на него разнородной информации, верификация которой практически невозможна. В этих условиях, во избежание манипулятивного воздействия со стороны СМИ и СМК необходимо формировать компетенции, связанные с аналитичностью и критичностью восприятия медиаинформации, с формированием гражданской позиции медиапотребителя. Совокупность этих компетенций в самых общих чертах получила название «медиакомпетентности» и представляет собой сложное, многокомпонентное явление» [5].

Так как медиаобразование берет своё начало еще в 60-ые годы прошлого века, то методов и подходов по изучению и совершенствованию навыков было выделено достаточно. Однако в современном мире реализация части форматов и способов устарела, так как информационный прогресс внес изменения. Основной тезис медиаграмотности сегодня заключается в предоставлении информации всем желающим и удобным для каждого способом, поэтому внедряется как формальная подача в общеобразовательных школах, так и неформальный вариант для узких групп в медиацентрах.

К популярным методам обучения в области медиаобразования сейчас относят анализ медиатекстов и создание медиаконтента. При анализе

происходит чтение или просмотр существующего контента, а затем осуществляется его разбор на предмет целей, аудитории, манипулятивных составляющих. При создании контента отрабатывается навык по принципам понимания функционирования медиапроизводства.

Заключение. Глобальная цифровизация и геометрическое увеличение информации провоцируют в медиасреде развитие фейковости, что делает данную проблему актуальной в медиасистеме всего мира. В контексте исследований и научных дискуссий было обнаружено, что медиоабразование можно считать эффективным инструментом для увеличения уровня грамотности в области медиа среди населения. Формирование критического мышления и осознанного восприятия информации по каналам СМК аудитории в дальнейшем приведут к сформированным навыкам осознанного потребления медиаконтента.

Внедрение медиаобразовательных программ будет эффективным при условии комплексного подхода, то есть при охвате формального и неформального образования. Также для качественного взаимодействия необходимо использовать привлечение экспертов-практиков, которые на собственном опыте будут демонстрировать неотъемлемость в информационном пространстве фактчекинга и постоянного размножения ложных и манипулятивных сведений. Разработка методик должна базироваться на современных тенденциях, данную сферу невозможно «законсервировать» даже на несколько лет, так как происходит постоянная трансформация.

Список литературы

1. Володченко О.Н. Медиаграомтность как фактор информационной безопасности общества /О.Н.Володченко, В.А. Еремочкин // МедиаVектор. — 2022. — №6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-kak-faktor-informatsionnoy-bezopasnosti-obschestva (дата обращения: 10.09.2025).
2. Диреев И.Д. Дезинформация в средствах массовой информации: проблемы, вызовы и пути решения /И.Д. Диреев // Litera. — 2025. — №1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dezinformatsiya-v-sredstvah-massovoy-informatsii-problemy-vyzovy-i-puti-resheniya (дата обращения: 10.09.2025).
3. Левкович В.А. Грамотность в медийно-информационном сегменте как неотъемлемая составляющая образованного человека XXI века /В.А. Левкович // Культура в фокусе научных парадигм / научн. ред. Муза Д.Е., Каика Н.Е. — Донецк: ДонНУ, 2023. — Вып. 16. — 388 с. — С.326-332.
4. Левкович В.А.Фейковость в современных медиатекстах /В.А. Левкович // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. — 411 с. С. 349-351.
5. Симакова С.И. Роль средств массовой информации в воспитании медиакомпетентной аудитории /С.И. Симакова, И.В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2017. — №4 (26). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sredstv-massovoy-informatsii-v-vospitanii-mediakompetentnoy-auditorii (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 070:004.740.2

МЕДИАТОПИКИ В TELEGRAM КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5072-568X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
y.nalivayko_dongu@mail.ru

Введение. С возникновением и развитием информационных технологий и возрастающей ролью искусственного интеллекта в сфере продуцирования текстов массовой коммуникации формируется уникальный вид журналистского текста, синтезирующий вербализированную информацию с графическим оформлением, звуковым сопровождением, видеорядом, гиперссылками и т. д. Особый интерес представляют тексты мессенджера Telegram. Используя данную площадку для поиска новой информации, аудитория изначально настроена на краткое изложение сути произошедшего события и неофициальный стиль сообщения с элементами субъективной авторской оценки, которая может проявляться демонстративно или скрыто.

Основная часть. Медиатопики (тексты одной тематической доминанты) набирают популярность среди реципиентов, которые регулярно читают определённые тематические каналы: новостные, аналитические, экономические, отраслевые и т. п. Объем публикуемых текстов, в сравнении с официальными сайтами традиционных СМИ, регламентируемый и не демонстрирует жанрообразующих признаков, что компенсируется ссылками на сторонние источники для расширения или дополнения текста публикации: это может быть и ссылка на материал, размещённый на официальном веб-сайте СМИ, и дополнительные публикации по теме.

Следует определить, чем журналистские публикации в медиатопике мессенджера должны принципиально отличаться от подачи информации в официальных СМИ:

1. Отказ от больших по объёму новостных материалов (более тысячи знаков) и дайджестов (это прерогатива других сообществ / платформ). Аудитория медиатопика настроена на краткое изложение информации. В современных реалиях экономии главного ресурса — времени — это удобная форма текста, которая даёт возможность быть в курсе происходящего и одновременно ознакомиться с материалом автора, мнению которого доверяет.

2. Опираясь на исследования психолингвистов, можно утверждать, что вся суть новости должна располагаться в начале сообщения, если автор хочет, чтобы новость запомнилась, а читатель не перешёл на другие ресурсы. Если официальный сайт ассоциируется у аудитории с подробными

материалами для долгого чтения, то СМИ в Telegram — это информативность, чёткость и понятность.

3. Отсутствие сенсационных заголовков для привлечения внимания. Чтобы вовлечь интернет-пользователя в чтение материала, интернет-СМИ используют так называемые кликбейтные заголовки с шокирующими фактами или интригой. Задача журналиста, ведущего тематический медиатопик в мессенджере, совершенно иная — он не привлекает читателя, а подаёт актуальную и важную информацию. Реципиенты на это нацелены и не доверяют сенсационным заголовкам, которые, как правило, оказываются лишь приёмом удержания внимания. Другими словами, ценна не форма, а содержание. Это, прежде всего, обусловлено тем, что пользователь читает сообщение вертикально сверху вниз и сразу видит всю структуру публикации: заголовок (который отличается от остальных элементов только выделением полужирным), лид (если есть в нём необходимость), основной текст. Подписчик медиатопика не вычленяет из этого комплекса что-то одно, а знакомится с новостью линейно, последовательно.

Анализируя формальные проявления специфики современного медиатекста, нельзя не остановиться на таких экстралингвистических аспектах, влияющих на формирование общей стратегии канала, как: 1) личность автора, его позиция, сфера интересов (если канал персонифицирован); 2) политика издания (тематическая, внутренняя, внешняя, скрытая / декларируемая); 3) ориентирование на определенную категорию читателей. Названные факторы взаимосвязаны, иногда «просачиваются» в формальный план, но для большинства читателей остаются за кадром.

В качестве эталонного для анализа специфики медиатекста выбран канал в Telegram «RT на русском» международной телевизионной сети RT. Ресурс включён в перечень Роскомнадзора (https://t.me/rt_russian). Включает в себя восемь новостных и документальных каналов-топиков. На канал «RT на русском» на момент анализа подписано более миллиона пользователей, что свидетельствует о его популярности. Администраторы канала владеют разнообразным инструментарием для редактирования текста с целью улучшения его читаемости, включая изменение начертания (используется жирный шрифт) и внедрение гиперссылок в содержание постов. Активное использование разделительных и тематических эмодзи также применяется для дополнительного выделения и структуризации контента. Эти методы в совокупности призваны сделать текст более доступным для восприятия и способствуют быстрому ознакомлению с новостными событиями. Такой подход стимулирует увеличение числа реакций, комментариев и репостов в канале, обеспечивая более активное взаимодействие с аудиторией.

Публикуются преимущественно текстовые посты, иногда — в сопровождении галереи фотографий и видеосюжетов. Структура текста типологизирована: заголовок (чаще — лид) выделен жирным шрифтом,

между заголовком и текстом, а также между абзацами текста последовательны интервалы, цитаты подсвечены цветом (чаще — зелёным). Шрифт в них уменьшен. Причём цитируется не только первоисточник, но и часто приводятся цитаты из видео, иллюстрирующих новость. В последнем случае цитата выносится перед лидом, чтобы заакцентировать внимание на эмоциональной текстообразующей компоненте текста.

Сближение с реципиентом реализуется языковыми средствами на уровне лексики и синтаксиса, поскольку все они, ориентированные на психологию участника дистантного коммуникативного акта, преследуют общую цель — адекватное восприятие замысла автора через связь с информативностью дискурса и его направленностью.

В текстах медиатопиков RT четко прослеживается взаимосвязь между коммуникативной целью автора и структурой синтаксической конструкции. Тексты построены таким образом, чтобы привлечь внимание реципиента и удержать его, заставив ознакомиться с материалом полностью: превалируют простые неосложнённые предложения; логическая цепочка связей прямая; часто используются вводные конструкции (*напомним, по словам...).* Одним из основных экспрессивных синтаксических средств, которое часто используется, является парцелляция, роль которой в эмоционально-экспрессивном влиянии на читателя нельзя переоценить.

Заключение. Грамотное использование возможностей алгоритмов и инструментов медиаплатформ, а также регулярное обновление контента (созданного именно для медиатопика) создают основу для долгосрочной и успешной стратегии присутствия в цифровых медиа. Такой подход не только соответствует современным требованиям к виртуальным медиа, но и позволяет ресурсу эффективно формировать свой имидж, расширять аудиторию и стабилизировать воздействие в информационном пространстве.

Список литературы

1. Кожанова, В.Ю. Проблема рецепции медиатекста как фактор взаимодействия автора и читателя // Гуманитарные исследования: Материалы Международной интернет-конференции «Актуальные проблемы журналистиковедения, литературоведения, книговедения и смежных областей знания». — Краснодар: КСЭИ, Парабеллум, 2010. — С. 64-73. — ISBN 978-5-912760-15-0, 978-5-904423-20-9
2. Негрышев, А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ. — Владимир: ВГГУ, 2009. — ISBN 978-5-87846-678-5/
3. Панова, Е.Ю. Речевое воздействие в процессе медиатизации общества // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4. — С. 33-42. — EDN: WWKSKH/
4. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 180-181. — ISBN 5-89349-653-1.
5. Солдаткина, Я.В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2018. — № 3. — С. 323-330.

УДК 070:317.772.5

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКИХ МЕДИА

Тамерьян М. А., ORCID 0009-0003-1996-5099,
Бабочиева М. Л., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0005-9910-4604
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ, РФ
martu2005@mail.ru, baboch09@mail.ru

Введение. В условиях глобализации, цифровизации, медиации и медиативизации современного мира в сфере интернет-коммуникации постоянно происходят значительные изменения, обусловленные не только технологическими прогрессами, интеграцией и трансформацией традиционных форм средств массовой информации, но и изменениями ментальности общества, которые требуют прогрессивных и развивающихся подходов для осуществления социального взаимодействия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что конвергенция новых и традиционных медиаформатов привела к появлению нового типа контента — иммерсивного, повышающего вовлеченность аудитории в информационный процесс.

Целью работы является выявление инновационных форм развития иммерсивной коммуникации в общероссийском и региональном медиаландшафтах.

При рассмотрении новых тенденций развития медиа в цифровом пространстве коммуникации мы исходили из теории новых медиа, в рамках которой была обоснована необходимость формирования новых парадигм коммуникации — интерактивных и виртуальных [1; 2].

Медиа представляет собой многоаспектный феномен, имеющий сложное содержание, социально, культурно постоянно расширяющийся и варьирующийся технологически. В качестве важнейших характеристик новых медиатехнологий признаются: коммуникация, сотрудничество, сообщество, креативность, конвергенция как процесс функционирования медиасистемы на основе слияния традиционных и новых СМИ посредством Интернета в единое цифровое пространство [3].

Современные технологии, основанные на виртуальной коммуникации, используют три вида технологий: виртуальную реальность, смешанную реальность и дополненную реальность. Одной и наиболее значимых характеристик измененных реальностей признается эффект иммерсивности, то есть погружения. Появление иммерсивной коммуникации в начале XXI века обусловлено возникновением теории богатства медиавозможностей и концепции «присутствия» в виртуальном пространстве [4].

Иммерсивная коммуникация представляет собой способ общения, предполагающий погружение в искусственно созданную коммуникационную среду при помощи эффекта полного присутствия и максимального вовлечения, интерактивности и мультисенсорности. Новый иммерсивный формат при создании эмоционально насыщенного контента позволяет больше резонировать с аудиторией [5].

Под форматами новых медиа понимают разнообразные формы и способы цифрового представления, распространения и хранения информации, базирующиеся на возможностях сетевых технологий и цифровых устройств.

Новые медиа, в отличие от традиционных средств коммуникации, интерактивны, многоканальны, предлагают множество платформ, что обеспечивает больше возможностей для персонального и группового взаимодействия, а также большей заинтересованности аудитории.

Основными функциями новых медиа считаются: информационная, коммуникативная, идеологическая, развлекательная, креативная, интеграционная, посредническая, организаторская, просветительская, справочная.

Информационное общество не только соединило людей в единую информационную сетевую систему, но и во многом изменило сущность их общения, коммуникации, связи. Прежде всего это выразилось в виртуализации межличностного общения, связанного с открытием технологической возможности осуществления удаленного доступа, дистанционного общения субъектов. Однако последствия этого технологического прорыва оказались столь значительны, что привели к изменению сложившейся системы отношений между людьми, породили особую электронную форму культуры [1].

В контексте новой медиапарадигмы и повышения доступности большего количества медиаэффектов отдельный акцент в исследованиях ставится на изучение онлайн-аудитории и активизации роли пользователей Интернета, в первую очередь, социальных сетей, как потребителей, производителей и интерпретаторов контента. При этом подчеркивается, что даже в условиях глобализации медиа сочетают сохраняют свою национальную специфику и универсальные характеристики [6, с.170].

С начала XX века активно формируется цифровое поля науки, образования, искусства и развлечения, потребления, которые конвергировались с современными информационными технологиями, и приобрели электронные формы выражения. Виртуальная культура не только выполняет функцию медиации, но становится новой реальностью, основывающейся на трех видах технологий — виртуальной (VR — англ. virtual reality), смешанной (MR — англ. mixed reality) и дополненной реальности (AR — англ. augmented reality). Недавней инновацией стала расширенная реальность (XR — англ. extended reality), более широкое

понятие, которое включает в себя VR, AR и MR, охватывая все технологии, расширяющие объективную реальность на основе цифрового контента, стирая грани между физическим и цифровым миром.

Иммерсивные технологии находят применение применение в различных сферах — науке, образовании, развлечениях и путешествмях. Такой формат медиапроектов, таких как выставки, художественные и театральные перформансы, образовательные проекты и игры, начал активно продвигаться в России. «РИА Новости», «ИА ТАСС», «Russia Today/Россия сегодня», телеканал «Россия 24» являются на сегодняшний день создателями наиболее крупный иммерсивных проектов. Среди наиболее значимых проекты: «Страницы Победы», «Неизвестный знаменосец», «Нюрнберг: *VRдикт* народов», «Окоп VR», «Пропавшие в кинохронике».

В Северной Осетии — Алании последние годы технологии виртуальной реальности начали активно внедряться в коммуникативный пейзаж республики. Среди значимых иммерсивных событий отметим выставку «Голос Блокады», «Дух города В», «Театральный урок», «Заповедная Осетия-Алания».

Заключение. Таким образом, в основе медиативизации социума лежит конвергенция как многоаспектный процесс функционирования медиасистемы посредством слияния традиционных и новых СМИ на базе Интернета в единое цифровое пространство, результатом которого становится появление новых медийных продуктов.

С точки зрения дальнейших перспектив применения иммерсивных медиа предполагается, что виртуальная, дополненная и смешанная реальности и другие иммерсивные технологии будут интегрироваться в повседневную практику общения, создавать новые форматы контента и улучшать взаимодействие с аудиторией.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. Технологии коммуникаций в контексте развития общества: «перекосы» или «связность»? /Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2025. — № 1 (126). — С. 8-17.
2. Holman, L. & Perreault, G.P. Diffusion of innovations in digital journalism: technology, roles, and gender in modern newsrooms /. // Journalism. — 2023. — № 24(5). — P. 938–957.
3. Никонович Д.О. Теория конвергентной журналистики: основные понятия /Д.О. Никонович // Труды БГТУ. — 2022. — Сер. 4. — № 1. — С. 61–72.
4. Гаврилова А., Яковлева М. Опыт иммерсивной журналистики в российских СМИ / А. Гаврилова, М. Яковлева // Российские социогуманитарные исследования. — 2023. — № 15(2). — С. 313-341.
5. Hernández-Rodríguez, J.-C., & García-Perdomo, V. Immersive journalism research dominated by media effects: A call for expanded frameworks, methodologies, and narrative designs for news stories // Communication & Society. — 2024. — № 37(2). — С. 1–18.
6. Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е.Л. Вартановой. — Москва: Фак. журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та. — 2019. — 246 с.

УДК 070.1:004.738.5

ЭВОЛЮЦИЯ И БУДУЩЕЕ СТУДИЙ ПОДКАСТОВ: ТЕХНОЛОГИИ, ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ КОНТЕНТОМ

Телепина К. А., Чишевич А. И., ORCID 0009-0004-7995-1497
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
k.telepina@yandex.ru, a.cishevich@mgumariupol.ru

Введение. Подкасты как новый цифровой аудиоформат приобрели широкую популярность в последнее десятилетие, став важной частью медиапространства. Растущий интерес к аудиоконтенту обусловлен удобством восприятия, возможностью слушать в любое время и в различных условиях, что выделяет подкасты среди форматов коммуникации. Студии подкастов, обеспечивающие производство и распространение аудиоконтента, продолжают активно развиваться под влиянием технологических инноваций, экономических факторов и новых подходов к управлению контентом [3].

Целью работы является анализ эволюции студий подкастов с акцентом на технологические изменения, экономику производства и специфику управления контентом, а также выявление трендов и перспектив развития индустрии с учетом текущего состояния медиапространства.

Основная часть. Некоторые эксперты полагают, что с появлением Интернета привычные форматы средств массовой информации изживут себя, особенно неблагоприятные перспективы прочили печати и радио. Однако интернет — это не только технология, но и техническое средство, организационная форма, распределяющая информационные возможности, генерацию знаний и способность организации сетей по всем областям деятельности. При этих условиях и наступил этап возрождения радио. Ранние подкасты создавались в основном с минимальным оборудованием, что ограничивало качество аудиозаписей. Современные студии используют высококлассные микрофоны, аудиомонтажные программы, облачные сервисы для записи и обработки звука, что позволяет создавать профессиональный контент с разнообразными звуковыми эффектами и музыкальным сопровождением. Технологии удаленной записи и совместного монтажа становятся стандартом, что увеличивает гибкость и возможности сотрудничества участников подкастов [1].

Подкасты стали важной частью маркетинговых стратегий для современных кино- и телепроектов, предлагая зрителям новый способ взаимодействия с контентом. Согласно данным Edison Research, 42% слушателей обсуждают услышанное в подкастах в соцсетях, а 31% ищут дополнительную информацию по теме. Такой формат не просто расширяет

вселенную проекта — он превращает зрителей в соучастников нарратива, поддерживая их интерес даже после завершения сезона [2].

Подкаст-студии становятся полноценным бизнесом с различными источниками дохода. Наиболее распространены модели: услуги записи и постпродакшна для независимых авторов, создание контента на заказ для компаний и брендов, реклама в подкастах, а также подписочные сервисы и платный эксклюзивный контент. Вложения включают аренду помещений, закупку оборудования, зарплаты ведущих и монтажеров, маркетинговые расходы для продвижения.

Искусственный интеллект все активнее внедряется в процесс создания подкастов. Если раньше для производства качественного эпизода требовалась команда звукорежиссеров, редакторов и сценаристов, то сегодня многие этапы можно автоматизировать — от разработки сценария до финального аудиомонтажа. Такой подход не только снижает барьеры для входа, но и сокращает затраты на производство, что дает независимым авторам возможность составлять конкуренцию крупным студиям.

Одним из главных направлений является автоматическая генерация сценариев с помощью ИИ-моделей, таких как ChatGPT, которые помогают создавать структуры интервью, сегменты с проверкой фактов и остроумные переходы между блоками. Кроме того, быстро развивается технология синтеза речи, позволяющая озвучивать подкасты без участия живых дикторов. В некоторых продуктах уже используются виртуальные ведущие с реалистичным интонационным звучанием, как, например, AI Podcast от NVIDIA, где искусственный интеллект синтезирует интервью, опираясь на письменные ответы экспертов.

Этот комплекс новых возможностей значительно упрощает и удешевляет производство аудио, не только расширяет творческие горизонты и делает подкастинг более доступным для широкой аудитории, но и удешевляет себестоимость производства для профессиональных студий звукозаписи.

Согласно исследованию, проведенному Ассоциацией коммуникационных агентств России, объем рекламного рынка России в первом квартале 2025 года, конкретно сегмент «Аудио» (радио+подкасты) составляет 4.6-4.8 млрд рублей, что практически сравнимо с сегментом «Издательский бизнес» (принт+digital) — порядка 5.1-5.3 млрд рублей.

Заключение. Технологические достижения позволяют создавать качественный и разнообразный контент, экономические модели делают этот формат устойчивым и прибыльным, а грамотное управление контентом обеспечивает устойчивый рост и развитие. В будущем ожидается дальнейшая интеграция с цифровыми экосистемами, рост аудиторий и появление новых форм потребления аудиоматериалов, укрепляя позиции подкастов как значимого медиаформата.

Список литературы

1. Круглова Л.А. Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития / Л.А. Круглова // Меди@льманах. — 2018. — №1 (84). — С. 89−101. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2018.89101
2. Тренды подкастов: что ждет аудиоформаты в ближайший год // rbc.ru. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6842b1ac9a79478e09233558?from=copy (дата обращения: 25.09.2025).
3. Каштальянова, А. В. Подкасты как новый вид цифровых медиа / А. В. Каштальянова // Социальные и культурные практики в современном российском обществе: инициатива, партнерство, стратегии развития : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19–20 апреля 2023 года. Том Часть 2. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. — С. 128-132. — EDN XHHRNM.
4. Российский рекламный рынок 2025 АЦ РИР / Москва. Июнь 2025 / Индустриальный отчет. — URL: https://akarussia.ru/wp-content/uploads/2025/06/industrialnyj-otchet-rrr-akar.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 70

ТЕАТР В ЗЕРКАЛЕ СЕТЕВОГО ВИДЕОКОНТЕНТА

Шестерина А.М., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0001-7270-2376
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
shesterina8@gmail.com

Современный этап развития социума, характеризующийся визуализацией медиапотребления [3], располагает исследователей ко все более скрупулезному анализу особенностей отражения фактов реальности в видеоконтенте. Склонность же аудитории к просмотру видео в сети позволяет говорить о том, что именно сетевой видеоконтент формирует отношение зрителей к важнейшим сферам жизни общества [2]. В этом аспекте представляется важным исследовать особенности репрезентации театральной тематики в системе видеоблогинга [1]. Подобный ракурс исследования представляется важным еще и потому, что видео часто реализует рекламную функцию по отношению к спектаклю, театру или актеру. Мы в нашем исследовании предпринимаем попытку конкретизировать особенности репрезентации театральной тематики в современном сетевом видеоконтенте. Материал исследования — видео, выдаваемое по запросу «театр» тремя платформами — видеохостингами YouTube, Rutube и социальной сетью ВКонтакте. В наше исследование мы включили первые десять видеороликов, рекомендованных платформами по запросу «театр» в приоритетной последовательности. Предметом

исследования стали проблемно-тематические, жанровые и форматные особенности сетевого видеоконтента о театре.

Прежде всего отметим что все три платформы первым по нашему запросу предложили к просмотру художественный фильм «Театр» (режиссер — Янис Стрейч) по одноименному произведению Сомерсета Моэма. Фильм был снят в 1978 году, однако, несмотря на это, он по-прежнему популярен у аудитории. К сожалению, ни один другой художественный фильм не вошел в выборку. Последнее заставило нас выдвинуть гипотезу о том, что сегодня снимается мало фильмов о театре, имеющих успех у аудитории. Для проверки этой гипотезы мы углубили первоначальную выборку до 50 роликов на каждой платформе. Но и в этот расширенный эмпирический материал другие художественные фильмы не попали. Подобный результат можно считать важным для анализируемой сферы. Думается, сегодня было бы полезно создать художественные фильмы о театре высокого уровня с целью популяризации этой сферы культуры.

Далее необходимо подчеркнуть, что тема театра активно развивается в двух ключевых форматах — вертикальном и горизонтальном. И относительно жанров и проблематики между ними обнаруживается существенная разница.

Так, вертикальный формат предназначен, прежде всего, для анонсов театральных событий (видеореклама конкретного спектакля, видеоафиша на определенный период, как правило — на месяц). Подобный ролики составили 64% анализируемого контента и 100% профессионально снятого контента. Сегодня можно утверждать, что динамические вертикальные видеоафиши, рекламирующие спектакли, вытеснили и продолжают вытеснять статичные афиши. Однако реакция аудитории на них неоднозначна. Нередко под такого рода постами (особенно в социальной сети ВК) можно прочитать реакции следующего содержания: «Ничего не понял», «А можно вернуть как раньше?». Аудитория пока привыкает к этому формату, однако авторы не планируют от него отказываться. Значительную роль в его создании играют технологии искусственного интеллекта. Большая часть видеоафиш вертикального типа сгенерирована нейросетями. Сегодня это кажется уместным, но формирует ряд проблем (деэстетизация контента, унификация контента и т. д.).

Еще одна группа видео вертикального формата — это любительская съемка фрагментов спектаклей (чаще — поклонов) или репетиций, прогонов. Такая группа составляет 36% проанализированного контента. Видео не отличается профессионализмом и качеством, выкладывается без монтажа. Редко встречаются видеоклипы, смонтированные прямой склейкой фрагментов отснятого материала. В этом секторе наблюдается хроникальность. Популярность роликов такого типа обеспечивается популярностью отражаемого материала.

В сфере горизонтальных форматов мы наблюдаем большее разнообразие. Значительную часть такого контента составляют более или

менее профессиональные записи спектаклей (52% проанализированных видеороликов). Здесь важно отметить, что качество записи имеет решающее значение. В топ рекомендаций алгоритмов попали только профессионально подготовленные видеоролики, которые характеризуются многокамерной съемкой. Уместным чередованием крупности планов и хорошим качеством звука. Безусловно, снять подобный контент очень сложно. Спектакль — живое действие, где многокамерность чаще всего не предусмотрена, а для хорошего воспроизведения звука необходимо, как правило, брать его с пульта организатора мероприятия. Поэтому, думается, в этом секторе видеоконтента мы не можем ожидать большого числа любительских видеосъемок.

Вероятно, с этим же связана и тематическая особенность такого рода контента. Он представляет спектакли двух типов — значимые, масштабные премьеры (например, балетные постановки Большого театра, прямые трансляции концертов из Кремлевского дворца), снятые, как правило, федеральными телеканалами, или культовые спектакли камерных театров, снятые продакшн-студиями по заказу самих театров или по предложению поклонников творчества какого-либо режиссера или актера.

Еще один тип горизонтального контента — видео в жанре интервью с известными актерами и режиссерами (28%). Качество этого контента может быть очень разнообразным. Это может быть видео в структуре популярного канала культурно-просветительской направленности (например, 2Солодников»), и тогда оно отличается высоким уровнем профессионализма как по форме, так и по содержанию. И это может быть интервью с любимым артистом, снятое на невысоком профессиональном уровне и примитивное по содержанию.

Незначительную группу проанализированного горизонтального контента представляю видеолекции о театре (история, современность), об организации процесса подготовки спектакля, мастер-классы, направленные на формирование отдельных навыков, необходимых актеру.

Особняком стоят документальные фильмы, повествующие о конкретном театре или актере, рассказывающие о каком-то эпизоде театральной жизни. Однако это, как правило, телевизионный контент, размещенный в сети.

Подводя итог нашего исследования, хочется заметить, что видеоконтент о театре куда однообразнее отражаемой им сферы. Чаще всего, он неспособен сформировать интерес к театральному искусству. Возможно, альтернативный контент существует, однако он не попадает в топы рекомендательных алгоритмов. Вышесказанное позволяет говорить о том, что необходимо обратить внимание на подготовку профессионалов, способных создавать качественный видеоконтент о театре для сети. Простой перенос сформированных телевизионных практик в сеть в этой сфере не даст необходимого результата.

Список литературы

1. Гун Г.Е. Театральный контент и его роль в формировании аудитории современного театра / Г.Е. Гун// Челябинский гуманитарий. — 2022. — № 2 (59). — С. 11–15.
2. Поздеева А.А. Видеоблог как метод воспитания культуры в обществе /А.А. Поздеева // World Science: Problems and Innovations. — Саратов: Изд-во СГУ, 2019. — С. 114-116.
3. Шестерина А.М., Зверева Е.А., Сапунов В.И., Пинчук О.В. Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. — Воронеж: Кварта, 2018. — 256 с.

УДК 316.77

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: МЕДИАОБРАЗ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Щукина А. В., ORCID 0009-0001-1058-9328,
Ерохина Т. И., д-р культурологии, проф., ORCID 0000-0002-8328-2546
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ
Alexandra2103Shchukina@yandex.com, t.yerokhina@yandex.ru

В условиях постмодернистской культурной парадигмы, описанной Ж. Бодрийяром как «царство симулякров», политика перестаёт быть сферой, где господствует исключительно стремление к рационализму и объективности, она функционирует в логике массового зрелища, где граница между образом и реальностью размыта. Культура отмены, таким образом, выступает не только как форма общественного осуждения или санкций, но и как механизм медиа, создающий новые смыслы и нарративы вокруг политического имиджа конкретной личности [4]. Для 45-го президента Соединенных Штатов Дональда Трампа этот процесс оказался двойственным: с одной стороны, цифровые платформы и СМИ стремились обличить и унизить его образ в глазах общественности, с другой — эта же публичность и постоянное обсуждение усилили влияние имиджа политика, сделали его символом оппозиции «мейнстримному» политическому дискурсу.

Современная западная политическая наука всё активнее обращается к изучению культуры отмены как социокультурному феномену [7]. В российской научной среде этот вопрос изучен только фрагментарно, преимущественно в контексте цифровой социологии и медиаэтики западной медикультуры [3]. Это объясняется отсутствием развитой гражданской культуры публичных протестов и коллективных реакций в социальных медиа, где данное явление обычно проявляется, а также, более жёстким государственным контролем над СМИ и цифровыми платформами, что

ограничивает открытое обсуждение и общественное давление на «отменаемые» фигуры; отсутствием институциональных механизмов отмены через официальные структуры, распространённых в западных странах. Кроме того, среди российских исследователей существуют разные мнения: одни считают, что культура отмены находится в зачаточном состоянии и проявляется эпизодически, другие полагают, что данный феномен в российской социальной среде фактически не функционирует. Как отмечает А.В. Иванова, «в российском обществе пока не сформировался полноценный феномен культуры отмены, что связано с особенностями политической системы, контролем над СМИ и отсутствием развитой практики гражданских протестов в цифровой среде» [3].

Культура отмены (англ. “cancel culture”) как феномен возникла в англоязычном медиапространстве в конце 2010-х годов, однако её корни уходят в более ранние формы общественного бойкота и «символического изгнания» [7]. В классическом определении она представляет собой совокупность практик, направленных на публичную критику и исключение индивида или организации из определённого культурного и социального поля в ответ на их действия или высказывания, признанные неприемлемыми [5]. В политической сфере она превращается в инструмент не только морального давления на личность и даже на ее приверженцев, но и медийной переработки образа, когда публичная фигура начинает существовать в пространстве «интерпретированных версий» своего поведения, лишенных какой-либо объективности.

Теоретической основой исследования является постмодернистская концепция Ж. Бодрийяра, в которой современное общество описывается как пространство господства симулякров — знаков и образов, утративших прямую связь с реальностью и существующих в самостоятельной системе значений [1]. В этой логике политический имидж не является отражением личности, а представляет собой конструкт, созданный средствами массовой коммуникации. Дональд Трамп, будучи медиаперсоной задолго до прихода в политику, воплощает собой тип «гиперреального» лидера, чей образ существует в медиапространстве как самостоятельная реальность, независимая от биографической и политической действительности. Идеи Бодрийяра о «смерти реальности» и подмене её знаковыми системами позволяют рассматривать культуру отмены скорее как механизм переработки, а не уничтожения образа. В постмодерне запрет и изгнание лидера из медиа могут, напротив, конвертироваться в новый символический капитал — феномен, который Л. Хатчинсон называет «цифровым мученичеством» [6]. В основе исследования также лежит представление о политическом имидже как о динамическом медиаконструкте. Бурдьё дополняет этот подход понятием «символического капитала», который политик накапливает через признание своей легитимности и авторитета [2]. В случае с Трампом особенность заключается в том, что значительная часть

его символического капитала сформирована в медиасреде до политической карьеры — в телевизионных реалити-шоу, интервью и социальных сетях. Этот медийный багаж стал фундаментом для восприятия его политического образа и одновременно причиной уязвимости в условиях функционирования культуры отмены.

Особое место в формировании образа Трампа занимают социальные сети, прежде всего Twitter*[1]. Трамп превратил личный аккаунт в канал прямой коммуникации с избирателями, минуя традиционные медиафильтры в форме теле-, радиовещания, официальных и неофициальных СМИ, где требуется обсуждать транслируемый контент [5]. Через Twitter* Трамп создавал потоковую политическую реальность — фрагменты заявлений, мемы, хэштеги, которые мгновенно становились предметом обсуждения в новостных циклах. Кульминацией медийной поляризации стал январь 2021 года, когда Twitter*, Facebook* и ряд других платформ заблокировали аккаунты Трампа. С точки зрения теории Бодрийяра, это событие не уничтожило его образ, а трансформировало его в «симулякр изгнания», за которым последовал симулякр возвращения — усиливший мифологию «преследуемого лидера» [1]. То есть образ Дональда Трампа в глаза аудитории получил статус изгнанника, которого преследуют оппоненты и противники, наделенный властью, однако, он сумел вернуться и восстановить аккаунты (каналы связи), чтобы снова напрямую поддерживать связь с аудиторией. Все это вкупе с масштабными медикампаниями, усилило образ политика и расширило круг его приверженцев. Л. Энджи в своём исследовании культуры отмены так же подчёркивает, что цифровое изгнание часто усиливает харизму лидера в глазах его сторонников, превращая его в символ сопротивления системе [7]. В случае с Трампом это стало инструментом консолидации электората и переформатирования публичного образа — от президента-«администратора» к президенту-«оппозиционеру».

Для будущей политической коммуникации феномен «культуры отмены» имеет двоякое значение. С одной стороны, он выполняет функцию общественного контроля, обеспечивая возможность мгновенного «морального» реагирования на высказывания и действия политиков. С другой — он представляет собой инструмент нарративного конструирования, который может быть обращён в пользу «отменённого» политика, усиливая его харизму и закрепляя за ним образ «антисистемного» лидера. Таким образом, исследование феномена культуры отмены требует интеграции политической философии, социологии символов и медиакультурного анализа. Культура отмены в постмодернистской политике оказывается не концом публичного пути, а одним из этапов его переосмысления, в ходе которого изменяется не только восприятие

[1] все упомянутые под «*» платформы признаны экстремистскими и запрещены в РФ

конкретного лидера, но и сама структура политической коммуникации в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. — М.: Постум, 2016. — 240 с.
2. Бурдьё П. Язык и символическая власть / пер. с фр. — М.: Socio-Logos, 2001. — 448 с.
3. Иванова А.В. Современные практики публичной дискредитации в цифровом пространстве России // Журнал социальных исследований. — 2023. — № 4. — С. 40–52.
4. Castells M. Communication Power. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 571 p.
5. Enli G. Mediated Authenticity: How the Media Constructs Reality. — New York: Peter Lang, 2015. — 213 p.
6. Hutchinson L. Social Media and Contemporary Communication. — London: Palgrave Macmillan, 2021. — 240 p.
7. Ng E. No Grand Pronouncements Here...: Reflections on Cancel Culture // Television & New Media. — 2020. — Vol. 21, no. 6. — P. 621–627.

Военная журналистика в России: опыт с передовой и передовой опыт

УДК 070:177

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО КАК ЭФФЕКТИВНОЕ ЖАНРОВОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ОСВЕЩЕНИЯ СВО: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И ПРИЁМОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ RTД)

Артамонова И. М., д-р наук по соц. комм., доц.,
ORCID 0000-0002-6936-0974, ***Ткаченко М. Р.***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, masha.tkachenko.2016@bk.ru

Введение. Россия четвёртый год существует в условиях всеобъемлющей ведущейся против неё информационной войны. В арсенале информационно-психологического воздействия СМИ мы особенно выделяем документалистику как многоплановый жанр, изображающий жизнь в её объективной реальности: зритель знает, что события не искажены фантазией режиссёра, а поданы достоверно, но даже не замечает, как через эмоциональное восприятие и при помощи авторских приёмов формируются его ценности, мировоззрение и определённые концепты.

Основная часть. Журналисты, освещающие СВО, активно обращаются к жанру документального фильма с первого года её проведения. Особенной популярностью пользуется документалистика телеканала RT Documentary. Его авторы-документалисты отточили мастерство и выработали устойчивый арсенал приёмов, помогающих донести смыслы и расставить верные акценты. Среди них, помимо композиционных и монтажных особенностей, мы можем обозначить: создание «образа врага»; определение ведущихся боевых действий как «борьбы добра и зла»; противопоставление образов русского «солдата-спасителя» и «противника-агрессора», мира «русских» и «западных» ценностей; параллели с Великой Отечественной войной. Кроме того, определяющее значение в новых реалиях жизни России приобрело формирование концепта «патриотизм» как универсальной ценности средствами документалистики: для проектов RTД характерно, что данный концепт обрастает более пространными характеристиками и, задевая как конкретного зрителя, так и весь народ России, выходит на уровень национальной идеи, выступающей в условиях информационного противоборства надёжной защитой населения от дезинформации, фейков и вражеской пропаганды.

Но оформившийся арсенал перечисленных приёмов не означает, что подача материала, идейно-содержательные аспекты и авторские техники

конструирования смыслов не трансформируются с течением времени. Рассмотрим их эволюцию на примере проектов RTД и ответим на вопрос: «Что сегодня необходимо документальному фильму, чтобы называться эффективным жанровым решением для освещения СВО?»

В документалистике 2022–2023 годов ярко выражены приёмы конструирования «образа врага», антитезы и параллелизма, когда боевые действия на фронтах СВО сравниваются с Великой Отечественной войной. Так, фильм «Донбасс. Дети» строится на воспоминаниях детей о том, что им пришлось пережить за месяцы, проведённые в подвалах из-за обстрелов ВСУ, а также на рассказах, как российские военные помогают им, это антитеза. Реплики маленьких героев фильма дают зрителю уверенное представление о том, кто есть «агрессор»: дети чётко объясняют, как и откуда летели снаряды, какие ранения были получены, как украинские военные расстреливали машины при попытке покинуть город. Также отчетливо они создают и образ «спасителя» — российского солдата: например, рассказывают, как раздавали гуманитарную помощь. В контексте фильма ВСУ не просто сравниваются с солдатами нацистской Германии, а изображаются превосходящими их в жестокости (негативная коннотация).

В фильме «Донбасс. Память поколений» идея исторической преемственности — ведущий сюжетообразующий приём. Проект делает видимый упор на историю ВОВ: кадры кинохроники и комментарии экспертов повествуют о том, как на территории Донбасса шли жестокие бои за «житницу СССР», как появились дерзкие отряды сопротивления, включая знаменитую «Молодую гвардию», как совершали подвиги в тылу и на фронте. Но вместе с тем историки проводят параллели между действиями немцев во время ВОВ и действиями украинских военных в нынешнем конфликте. ВСУ так же, как и гитлеровцы, прикрываются мирным населением и используют жилые дома в качестве огневых точек. Самой яркой исторической параллелью в фильме становятся освобождение Мариуполя и битва за «Азовсталь» в 1943 и в 2022 годах. Существенное место отводится теме исторической памяти не лишь в контексте повторения событий и смыслов ВОВ, но и в контексте культурного наследия. Так, ценность этого аспекта для русских людей и ничтожность для ВСУ представлена на примере разрушенного краеведческого музея Мариуполя.

В документалистике 2025 года акценты смещаются: глобальные исторические параллели уступают место частным историям; большее внимание уделяется работающим в тылу, а также волонтёрам; в каждом втором фильме немало экранного времени отводится одному из самых сильных «триггеров» русского человека — теме веры, религии, Бога, молитвы. Например, фильм «Донбасс. Бригада „Невский“» рассказывает о бойцах из разных регионов России, без раздумий оставивших карьеру и бизнес и ушедших на фронт. «Они не могут оставаться в стороне», — эта фраза звучит авторским комментарием и, по нашему мнению, становится

общей идеей создаваемых сегодня документальных проектов как о военнослужащих, так и о тружениках тыла. Один из героев фильма — позывной «Досифей» — инок монастыря Оптиной пустыни и боец медицинской роты. Показ такого героя акцентирует внимание, что на передовой современной войны особенно важна духовная опора. Так, бригада находит её в заветах своего небесного покровителя — Александра Невского. Через всю композицию фильма проходят цитаты князя, и через века адресованные всем русским людям: «Надо крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке», «Не в силе Бог, но в правде!»

Отдельный фильм RTД посвятили деятельности сестёр милосердия в Донбассе и в Курской области. Он так и называется — «Сёстры милосердия», — но вместо исторической справки об их неоценимой помощи (что в Первую мировую войну, что в Крымскую кампанию) знакомит с реальными женщинами-героинями наших дней и объясняет их выбор не жить в тесном кругу своих забот, а отдавать свободное время на облегчение участи раненых и немощных ради скорейшего мира на русской земле. Важность такого взгляда на документальные сюжеты можно аргументировать словами председателя совета директоров ООО «Дом прессы» Александра Лапина: «Количество информации — огромное, читатель и зритель перестают её воспринимать. Чтобы рассказать о войне, необходимо искать истории конкретных людей, тогда сюжеты будут не проходными, а принесут пользу» [1].

Заключение. Обобщая впечатления от проанализированных проектов, можем сделать выводы: фильмы текущего года выбрали «живых» героев, вокруг которых построили сюжет через личные истории к судьбе целой страны: помощь тыла фронту, личный вклад в приближение общей победы, единство и вера в Бога (а не только в оружие, как у противника) — ключевые акценты документалистики 2025 года. В приверженности этим принципам находим и эффективность данного жанра: зрителю важны не черты «голливудских блокбастеров», снимаемых украинской пропагандой при поддержке Запада, а достоверность, естественность и искренность переживаний.

Список литературы

1. «Вся Россия-2025». Уроки освещения СВО в СМИ. — Текст : электронный // Союз журналистов России: сайт. — 2025. — URL: https://ruj.ru/news/vsya-rossiya-2025-uroki-osveshcheniya-svo-v-smi-23376 (дата обращения: 20.09.2025).
2. РТД Фильмы: сайт. — 2025. — URL: https://doc.rt.com/filmy/filmi-o-donbasse/ (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 070.44

МИЛИТАРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА

Байбатырова Н. М., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5044-3876
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»,
г. Астрахань, РФ
aulova83@mail.ru

Введение. Глобальные и локальные военные конфликты вляют на современные общественные отношения, даже в мирной жизни меняются психологические установки граждан. Язык СМИ является индикатором социально-политических процессов, происходящих в обществе. Милитаризованные лексемы в настоящее время активно входят в широкий медиадискурс. В последнее десятилетие лингвисты отмечают рост внедрения в СМИ лексических единиц семантического поля «война». Проблемы милитаризации языка многократно и подробно изучены в работах зарубежных и отечественных лингвистов, в том числе специалистов по исследованию языка массмедиа [1, 5].

Цель настоящего исследования — изучение трансформации современного российского медиадискурса, связанное с увеличением доли военной лексики в массмедиа. Анализируются дискурсивные особенности медиатекстов на международную и военную тематику, размещаемых в лентах новостных медиаресурсов и в телеграм-каналах. Милитаризованный медиадискурс рассматривается в контексте современной политической ситуации и внешней политики России.

Основная часть. Военная лексика является наиболее доступным инструментом информационного противостояния. Отталкиваясь от определения А.В. Манойло, который называет информационную войну «особым видом вооруженного конфликта, где столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия», рассмотрим лингвистические элементы милитаризованного дискурса современных массмедиа [2, с. 102]. Милитаризованные концепты, закрепляясь в сознании аудитории, выступают как оружие информационно-психологической войны. Многократно используя лексемы семантического поля «война», традиционные и новые медиа управляют информационными потоками в современных международных политических условиях.

Исследователи Н.И. Пушина, О.М. Пушин утверждают, что «военные метафоры могут быть эффективны вследствие того, что концепт войны является общедоступным, активируя в сознании фрейм противостояния двух сторон, но также и вызывая чувство опасности и чувство страха,

способствуя привлечению внимания к проблеме, что подтверждается исследованиями поведенческих реакций в зависимости от того, каким образом она преподносится, а также определяя конкретные временные рамки для её решения, поскольку война, как известно, рано или поздно заканчивается поражением одной из сторон» [3, с. 821].

Военная терминология и околовоенная лексика выступают особой лексической группой концептов, которые закрепляются в языке посредством медиатекстов. В российской науке до сих пор нет однозначно принятого определения военной журналистики как специализированной отрасли деятельности медиаспециалистов. Сборник материалов о работе корреспондентов, работающих в зонах вооруженных конфликтов, под редакцией М. Погорелого, И. Сафранчук вышел в 2002 году [4]. В нём систематизированы знания о специфике жанров и стиля военной журналистики.

Лингвистическими единицами милитаризованного дискурса СМИ являются лексемы «нападение», «атака», «спецоперация». В качестве примера приведем отрывок медиатекста под заголовком «Бойцы ВС РФ рассказали, как они применяют беспилотникив ходе штурмовых действий в зоне СВО» из телеграм-канала «Известия. IZ.RU»: *«В разговоре с корреспондентом «Известий» Егором Кильдебековым они сообщили, что* ***наступательные действия*** *российских* ***штурмовиков*** *во время освобождения населённых пунктов сопровождают операторы* ***дроно****в. Военнослужащие используют несколько видов* ***беспилотников****. Среди них как* ***разведывательные****, так и* ***FPV-дроны****. Сначала оператор должен обнаружить* ***вражеские позиции****, потом* ***нанести удары*** *по намеченным целям. После этого* ***штурмовики наступают*** *двойками, также получая поддержку с воздуха. Они* ***производят зачистку*** *на* ***укреплениях противника»*** [Телеграм-канал «Известия. IZ.RU», 2025. Электронный ресурс: t.me/izvestia]. Здесь максимально сконцентрирована военная лексика, в том числе терминология («FPV-дроны»), разговорные, слэнговые варианты военной семантической группы («беспилотники», «штурмовики»,), а также устойчивые словосочетания («нанести удары», «производят зачистку», «укрепления противника»).

Следует отметить, что милитаризованные лексические единицы представлены не только именами существительными. Глагольные формы семантического поля «война» наиболее динамично выражают противостояние и агрессию. Заголовки телеграм-канала «Россия в глобальной политике» изобилуют глаголами военной терминологической категории: *«Развал Сирии дал возможность Израилю беспрепятственно* ***атаковать*** *Иран», «США вступили в войну против Ирана и* ***ударили по ядерным объектам*** *страны», «Трамп разрешил уничтожить ХАМАС, не глядя на издержки»* [Телеграм-канал «Россия в глобальной политике». Электронный ресурс: t.me/ru-global].

Зачастую СМИ и медиаресурсы используют лексемы, связанные с военно-политической терминологией и одновременно являющиеся инструментами информационно-психологической войны, создающими оппозицию по принципу «свои — чужие»: *«украинские нацбаты», «укрофашисты», «украинские дезертиры», «наёмники»*. Однако милитаризованная лексика используется не только с отрицательной коннотацией. Зачатую особые лексические единицы употребляются для подчёркивания героизма военнослужащих своей армии: *«Минобороны России рассказало о* ***подвигах военнослужащих*** *ВС РФ в зоне спецоперации», «В июле* ***российская армия освободила*** *девять населенных пунктов», «****Мотострелков*** *группировки войск «Центр»* ***наградили государственными наградами****»* [Известия. Электронный ресурс https://iz.ru/story/situatciia-na-iugo-vostoke-ukrainy].

Заключение. Таким образом, преобладание специальной военной терминологии в журналистских материалах в настоящее время свидетельствует о стремительной милитаризации языка СМИ. Дискурсивные трансформации действуют как оружие дестабилизации психологического состояния аудитории. Вербальные средства проявления манипуляций связаны с формированием агрессивно-поляризованного социально-политического дискурса. Вследствие увеличения доли милитаризованной лексики в материалах, освещающих международные политические события и ситуацию специальной военной операции России на Украине, нивелируются границы между стилистическими пластами речи.

Список литературы

1. Бидеркесен, Д. Военная лексика как особый элемент системы языка / Д. Бидеркесен // Казанский лингвистический журнал. — 2020. — Т.3, №1. — С. 5–16. — DOI:10.26907/2658-3321.2020.3.1.5-16.
2. Манойло, А.В. Информационная война и новая политическая реальность / А.В. Манойло // Вестник МГОУ. 2021. №1. — С.100– 132. — EDN: REJJBP. — DOI: 10.18384/2224-0209-2021-1-1054.
3. Пушина, Н.И. Язык войны и язык мира / Н.И. Пушина, О.М. Пушин // Вестник Удмуртского университета. — 2020. Т.30, вып. 5. — С. 820–827.
4. Современная военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / Ред.-сост. М. Погорелый, И. Сафранчук. — Москва: Гендальф, 2002. — 253 с.; ISBN 5 -88044-148-2.
5. Якунин, С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны / С.А. Якунин // Политическая лингвистика. — 2019. — №3 (75). — С. 77–82.

УДК 615.849

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Безродный В. П., канд. хим. наук, ***Федотов К. В.***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.bezrodnyi@mail.ru, gunsch.ot@yandex.com

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена переходом противостояния России и коллективного Запада в качественно новую, открытую фазу, которая стала системообразующим элементом современной гибридной войны. Из инструмента, дополнявшего традиционные формы геополитической конкуренции, информационное противоборство превратилось в самостоятельный театр военных действий, непосредственно влияющий на ход реальных конфликтов, формирование международной повестки дня и внутриполитическую стабильность государств. Информационная война нередко направлена на подрыв суверенитета, деморализацию населения, дискредитацию противника, а также легитимацию собственных действий [1].

Цель исследования — комплексный анализ специфики, основных инструментов и стратегических целей информационной войны между Россией и Западом с началом СВО.

Основная часть. Информационная война представляет собой борьбу за контроль над общественным мнением путём преднамеренного манипулирования с целью получения фактической власти над политическими, экономическими, общественными и военными ресурсами противника, а также путём использования информационно-коммуникационных технологий для получения стратегического преимущества над противником. Манипулирование осуществляется распространением фальсифицированных и дезинформационных материалов с использованием различных традиционных каналов, а также социальных сетей и мессенджеров [3]. Основной задачей является навязывание угодного мнения по тому или иному вопросу, которое не отвечает действительности, что способно привести к недоверию власти, усилению противоречий, разжиганию волнений и, как результат, разрушению общества изнутри [2].

В настоящее время информационная война стала не только инструментом для навязывания угодного мнения, но и способом запугивания населения, причём не только противника, но и собственного.

Рассмотрим некоторые проявления, опираясь на сообщения Telegram-каналов и СМИ.

В самом начале СВО в апреле 2022 года произошла трагедия в Буче — небольшом городе в Киевской области после ее оставления войсками

России. Тогда российские военные были обвинены в массовых убийствах мирных жителей, что стало предметом острой информационно-политической конфронтации. Однако детальный анализ визуальных материалов о трагедии в Буче выявил ряд противоречий. Расположение тел, состояние одежды и наличие опознавательных знаков не были характерны для гражданских лиц. Утверждения западных лидеров, например, президента Франции Эмманюэля Макрона о виновности Российской Федерации были сделаны до завершения независимого международного расследования, что позволяет рассматривать данный инцидент в контексте инструментализации информации для формирования негативного восприятия по отношению к Российской Федерации. Объявленное Западом намерение провести расследование данного инцидента так и не завершилось обнародованием каких-либо внятных заключений специалистов. Распространение версии о виновности России без предоставления верифицированных доказательств соответствует механизмам создания медийного фрейма в условиях гибридного конфликта. Это является примером манипулирования общественным мнением путём подмены фактов в угоду формирования необходимой повестки дня.

В сентябре текущего года над странами Европейского союза стали массово появляться российские дроны. Первый из зафиксированных случаев появления БПЛА был в Польше 10 сентября 2025 года, когда 19 дронов, не имеющих зарядов, пересекли воздушное пространство в результате чего, пострадал один из домов [4]. Это сразу же было истолковано как намеренная провокация со стороны РФ, и польское правительство потребовало применить статью 4 устава НАТО, что и было сделано. Европейские СМИ принялись раскручивать этот инцидент, напоминая своему населению об опасности вторжения в ЕС со стороны России и необходимости привлечь большее количество средств для усиления армий стран ЕС. Однако в социальных сетях граждане Польши высмеивали собственное правительство за подобные заявления и не поверили в то, что Россия сделала это намеренно, ведь Польшу заранее об этом предупредила Белоруссия. Следующий эпизод произошёл 15 сентября 2025 года, когда очередной беспилотник был нейтрализован над правительственным зданием в Варшаве, что стало очередным поводом для СМИ напомнить о русской угрозе. Но оказалось, что данный беспилотник был гражданским и по информации правительства Польши был запущен двумя гражданами Белоруссии.

С 22 по 28 сентября неизвестные дроны были зафиксированы над территориями Дании, Норвегии, Швеции, Литвы, Германии, Финляндии и Нидерландов [5]. В каждом случае был обнаружен «российский след». В связи с этим председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен призвала создать «стену дронов» и в очередной раз увеличить военный бюджет Европейского союза. Реакцию западных СМИ можно проследить

по заголовкам их публикаций: «Стена против дронов». Лидеры ЕС обсуждают на саммите в Дании, как защититься от России»; «ФРГ, Франция и Швеция помогут охранять саммит ЕС от дронов»; «Зеленский: РФ может запускать дроны в небо над ЕС с танкеров». Это можно назвать не иначе, как спланированной кампанией по запугиванию собственного населения, чтобы использовать вышеописанные инциденты для легитимации увеличения военных расходов и налоговой нагрузки, а также для переключения внимания гражданского общества с актуальных внутренних социально-экономических проблем на внешнюю угрозу.

Заключение. Проведённое исследование позволяет констатировать системное использование манипуляций в рамках современного информационного противоборства. Анализ материалов западных медиа выявил устойчивую практику применения таких приёмов, как селекция фактов и генерация панических настроений. Совокупность данных методов формирует искажённую картину реальности. Это свидетельствуют о том, что доминирующий информационный поток функционирует как инструмент конструирования реальности, а не её объективного отражения.

Список литературы

1. Безродный, В.П. Манипулятивные технологии украинских СМИ, направленные на дискредитацию жителей Донбасса /В.П. Безродный //Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культураи вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). — Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. — 410 с. — С.229 –231. — EDN: KDBVWQ.
2. Грешневиков, А.Н. Информационная война. Книга I. Внешний фронт. Зомбирование, мифы, цветные революции /А.Н. Грешевников. — Москва: Книжный мир, 2016. — 512 с.
3. Грешневиков, А.Н. Информационная война. Книга II. Внутренний фронт. Технологии, манипуляции, фальсификации / А.Н. Грешневиков. — Москва: Книжный мир. — 2016. — 480 с.
4. «Это выгодно Украине» Что известно об инциденте с дронами в Польше и как он повлияет на противостояние России и НАТО? [Электронный ресурс] — URL: https://lenta.ru/brief/2025/09/10/polska-drones/?ysclid=mg8nfjxhb891676764 (дата обращения 01.10.2025).
5. «Неизвестные» дроны над Европой: В небе каких стран фиксировали БПЛА в сентябре [Электронный ресурс] — URL: https://borgexpert.com/ru/news/neyzvestnye-drony-nad-evropoj-v-nebe-kakykh-stran-fyksyrovaly-bpla-v-sentiabre (дата обращения 01.10.2025).

УДК 070.422:355.01

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Давшан И. И., ORCID 0009-0005-3164-8963, ***Курган Л. О.***
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
i.davshan@mgumariupol.ru

Введение. Военная журналистика является специфическим направлением журналистики, которое требует особого подхода к сбору и передаче информации. Средства массовой информации выступают в роли информатора общества о том, что происходит в зоне вооруженного конфликта. Военные журналисты выполняют важную социальную роль свидетеля и посредника между происходящим и читателем (зрителем и т. п.) Существует ряд рисков, угроз и опасностей, с которыми сталкиваются военные журналисты.

Цель исследования — рассмотреть и проанализировать специфику военной журналистики в современных реалиях, а также особенности работы военного журналиста в горячих точках.

Основная часть. Журналисты, работающие в зоне вооруженных конфликтов, должны предоставлять оперативную и достоверную информацию о военных событиях, формировать объективное представление для общества, информировать о мотивах действий сторон конфликта и анализировать влияние военных событий на общество и политику.

Если посмотреть на военную журналистику в общем, то вырисовывается тенденция, когда военные журналисты, работающие в условиях повышенной опасности, любой ценой стремятся запечатлеть то, что видят и этим подвергают себя колоссальному риску. Поскольку телезритель привык к зрелищности, можно сказать, даже к картинке, напоминающей блокбастер, относительная безопасность тех, кто создаёт новость, становится всё более шаткой в современном мире военной журналистики. Если раньше аккредитованный фотожурналист/видеооператор мог рассчитывать на признание своего права (а значит и безопасности) вести репортажи с линии фронта всеми воюющими сторонами, то в современных зонах конфликтов это предполагаемое соглашение теряет свою силу.

Журналисты, которые являются прямыми свидетели событий, должны понимать, что их работа по сбору «горячих» новостей будет всегда сопряжена с опасной неопределенностью. В парадигме сегодняшних событий от них требуется стойкость к выполнению своих обязанностей, обязательная собственная вовлеченность, ум и самопожертвование. На кону удачного репортажа может стоять угроза насилия, тюремного заключения,

жестокого обращения и что еще пострашнее, поскольку на поле боя СВО российские журналисты стали «законными» целями для поражения второй воюющей стороной (убийство Владлена Татарского, Ростислава Журавлева, Бориса Максуда, Семена Еремина, Валерия Кожина, Никиты, Цигаги, Юлии Кузнецовой, Александра Мартемьянова Андрея Панова, Дарьи Дугиной, Алексея Журавко…).

Важна и сама подача информации, которая видоизменяется по причине глобальной цифровизации. Так называемая конвергентная журналистика как результат слияния информационных и коммуникативных технологий приводит к появлению «новых» форм подачи информации. Возникновение интернет-медиа предполагает гипермедийность и мобильный доступ к разноплановому контенту. Так, на онлайн-сайтах существует потенциальная возможность драйверов алгоритмов искусственного интеллекта дестабилизировать или вовсе подорвать этические принципы и стандарты. Особенно это важно, если новость в редакцию поступает от неофициального журналиста. Существует тенденция и превращения военной журналистики в повседневную. Избалованный телезритель (читатель) повышает запрос на сенсационность новости. Это выражается в грандиозности визуального ряда. В последствии новостные ценности как бы размываются, переходя в разряд информационно-развлекательного жанра.

Старые традиции военной журналистики (до времен цифровизации и ИИ) транслировали нормы и ценности профессионализма, непосредственного присутствия корреспондента на месте событий. То есть, он должен выступать в роли военного осведомителя. Сейчас границы норм становятся все более размытыми, пути поступления новостей различны.

Корреспонденты, занимающиеся военными репортажами, ранее рассчитывали на защиту в силу своего гражданского статуса. Эти же права распространяются и на медиков с волонтерами. Такие специалисты должны быть неприкасаемыми (Женевская конвенция и др.). Важным является вопрос личной безопасности, которая обычно зависит от логистической поддержки, включающей сетевое взаимодействие, транспорт, оборудование, питание, жилье и медицинскую помощь. Но сегодня они часто становились преднамеренными мишенями для тех, кто хочет «закрыть глаза миру».

Важно подчеркнуть значимость исследования того, как и почему репортаж может приводить к определенной «слепоте» фактов, которые часто ускользают от последовательного анализа и критики читателей/зрителей. Видеть — значит присутствовать, фокусироваться и кадрировать, но есть и то, что находится за пределами линии обзора (случайно упущенное, специально игнорируемое или отрицаемое самим журналистом или СМИ, на которое он работает).

Для журналистов, которые нацелены в основном на визуальную картинку (видеооператоры, стримеры, документалисты, операторы дронов,

фотожурналисты и т. п.), близость к происходящему — это обязательное условие работы, поскольку их «пойманное» в объектив изображение имеет самое важное значение. В их роли вступают люди, проживающие на территории конфликта. К сожалению, многие из них являются неопытными в этой сфере специалистами. Несмотря на свой непрофессионализм такие наемные работники обладают языковыми навыками, знанием местности и доступом к происходящему, которых обычно не хватает профессиональным приезжим фотожурналистам. Конечно, непрофессионалы допускают компрометирующие пробелы, упущения и ошибки, возможны и искажения информации и даже выдумывания события. Очень важно обращать внимание, что при подаче информации зритель воспринимает только то, что видит. Но собранная такими журналистами информация, должна подвергаться критике и требует более тщательной перепроверки. При этом на редакцию давит груз оперативности и эксклюзивности. Чем дольше простаивает новость, тем менее она становится актуальной.

Заключение. Военные журналисты фиксируют исторические моменты и документируют события, которые могут быть важными для будущих поколений. Их работа помогает сохранять историческую память и разбираться в прошлых военных конфликтах. Военная журналистика способствует поддержанию национальной идентичности и единства, укрепляет привязанность людей к своей стране. Работа военных журналистов имеет свои уникальные особенности и требования. По сравнению с обычными журналистами, они сталкиваются с непрерывным риском, повышенной эмоциональной нагрузкой и потребностью оперативно доносить достоверные сведения. События, происходящие в современном мире, диктуют новые подходы к работе военных корреспондентов.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Российская журналистика вооруженных конфликтов : современные практики и тенденции развития: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Амиров Валерий Михайлович; ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». — Екатеринбург, 2020. — 311 с.
2. Новичихина М. Е. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики / М.Е. Новичихина, Н.С. Самойленко // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — №. 2. — С. 92-99.
3. Свенцицкая, Л.П. Профессиональная подготовка военных корреспондентов на факультетах журналистики: обучение технологиям освещения вооруженных конфликтов // Материалы Международной научно- практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 г.). — СПб.: Медиапапир, 2023. — С. 128–131.

УДК 070.1:004.032.6

ГЕЙМИФИКАЦИЯ СМИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гамалий Е. О., Чишевич А. И., ORCID 0009-0004-7995-1497
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
elizaveta.gamaliy@yandex.ru, a.cishevich@mgumariupol.ru

Введение. В современном медиапространстве, перенасыщенном информацией и жесткой конкуренцией за внимание аудитории, перед интернет-платформами стоит задача не просто удержать пользователя, но и эффективно донести до него общественно значимый контент. Одним из инновационных подходов, позволяющих адаптировать сложные и важные темы, является геймификация.

Такой метод особенно актуален для материалов с историческим содержанием, которое, как показывают исследования, представляет большую ценность для россиян. Например, согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, историческая память (33%) и гордость за Отечество (30%) — одни из ключевых традиционных ценностей для респондентов всех возрастных групп [6].

Целью данной работы является изучение механизмов адаптации исторического контента в современных медиа. Особое внимание сфокусировано на анализе инструментария геймификации и иммерсивной журналистики как средств повышения вовлеченности аудитории к информации о событиях Великой Отечественной войны и их историческом значении.

Основная часть. Понятие геймификации определяется как интеграция «игровых элементов в неигровой контекст», целью которого является достижение определённых результатов и получение вознаграждения [4, с. 53].

В.Н. Титова выделяет три ключевых признака геймификации: стимулирование мотивации пользователя к рутинному процессу через интеграцию различных форм удовольствия, организация процесса в виде последовательного развития и предоставление пользователю возможности отслеживать свой прогресс [5, с. 171–172].

Примерами применения геймификации в контексте сохранения памяти о Великой Отечественной войне являются специальные проекты, разработанные интернет-порталом газеты «Известия».

Один из материалов — «По следам героя» — посвящён жизни танкиста Василия Коваленко и его пути к Победе [3]. Этот медиапродукт представляет собой интерактивное повествование, разделённое на четыре эпизода, каждый из которых отражает важные этапы биографии героя:

знакомство, окружение под Харьковом, первый бой и Курскую дугу, а также ранение и путь к Берлину.

Текстовый нарратив представляет собой 28 заметок, которые включают как факты из жизни Василия, так и его прямые цитаты, доступные для аудиопрослушивания. Этот элемент соответствует критерию «разных видов удовольствия», предлагая пользователю не только возможность читать, но и слышать эмоции актера озвучки.

Графическое сопровождение состоит из статичных и анимированных изображений, которые объединяются в видеоролики в конце каждого эпизода. Например, фигура советских войск трансформируется в анимацию, где эта сцена видится глазами подростка из окна медицинской школы. Это смешение перспектив — от субъективного взгляда до панорамного обзора — создает эффект погружения. Аналогичный приём используется в финальном эпизоде, где взгляд раненого танкиста, обращенный к зрителю, в видеоролике оказывается взглядом на его собственное отражение в зеркале.

Возможность наблюдения за прогрессией пользователя проявляется не только в его движении по сюжету, но и через художественный символизм. Изначально нейтральный образ пшеницы, олицетворяющий мирную жизнь героя-колхозника, к концу повествования превращается во враждебный знак, когда в пейзаже поля происходит танковый выстрел. Ещё одним примером является изменение роли животных: если во втором эпизоде встреча с мулом спасает солдат от голода, то в финале сбежавшие из зоопарка животные становятся жертвами войны, наравне с людьми.

Другим примером геймификации является проект «Бессмертный город», приуроченный к 80-летию прорыва блокады Ленинграда [2]. Навигация по проекту осуществляется через семь интерактивных «бумажных голубей», каждый из которых посвящен разным аспектам жизни осажденного города: от военно-автомобильной дороги № 101 до Ленинградской филармонии.

Данный материал также использует элементы иммерсивной журналистики, которая подразумевает «когнитивное погружение индивида в полномерное пространство первичной медиареальности» [1, с. 146].

Ключевым инструментом этого подхода является панорама 360°, по которой пользователь должен перемещаться, чтобы обнаружить от 7 до 13 подсказок. Сюжет дополняется интершумом, который включает звуки дыхания солдат, тиканье часов и кашель, что усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Проект также содержит видеоматериалы в двух главах: в первой — история блокадного Эрмитажа с имитацией его интерьера, а во второй — Симфония №5 Людвига ван Бетховена, исполнявшаяся в Ленинградской филармонии.

Последний раздел, «Блокада в документах», требует от пользователя открыть письма, что является последним элементом взаимодействия и

эмоциональным акцентом, подчёркивающим важность семейных ценностей в условиях трагедии.

Заключение. Таким образом, рассматриваемые примеры демонстрируют, как геймификация позволяет превратить историческое повествование из пассивного потребления информации в активный, личный опыт.

Такой подход, с помощью интерактивного повествования, которое позволяет пользователю следить за сюжетом, а также с помощью элементов иммерсивной журналистики (аудио, 360° панорамы, анимация) и разнообразия форматов помогает глубже осмыслить события прошлого. Это способствует сохранению исторической памяти, делая её более доступной и понятной для современной аудитории.

Список литературы

1. Благов, Ю.В. Иммерсивная журналистика в медиареальности / Ю.В. Благов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2017. — Т. 2, № 3. — С. 146-154. — EDN ZJSESP.
2. «Известия»/ Бессмертный город : [сайт] — 2024. — URL: https://leningrad.iz.ru (дата обращения: 22.09.2025).
3. «Известия»/ По следам героя : [сайт] — 2025. — 10 Мая. — URL: https://sledgeroya.iz.ru (дата обращения: 22.09.2025).
4. Иванько, А.Ф. Геймификация СМИ: новостные игры / АФ. Иванько, Л. В. Козлова // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. — 2016. — № 1. — С. 53-55. — EDN WBWGXP.
5. Титова, В Н. Геймификация в медиа: признаки геймифицированного продукта / В.Н. Титова // Журналистский ежегодник. — 2015. — № 4. — С. 170-173. — DOI 10.17223/23062096/4/42. — EDN VPIOKV.
6. Традиционные ценности: ожидание и реальность. — Текст : электронный // ВЦИОМ. Новости : [сайт]. — 2025. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 22.09.2025).

УДК 070; 77.04

ФЕНОМЕН МОБИЛОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ БЛОГОВ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Дорощук Е. С., д-р пед. наук, проф., ORCID 0000-0001-8380-9304
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
leona31@yandex.ru

Введение. Фотографию справедливо называют особой визуально-пикториальной формой коммуникации, в основе которой лежит акцентировка на демонстрации зрительного невербального компонента,

запечатленного в специальном формате фотографического снимка. Этот процесс широко известен как эффект «остановись мгновенье». Распространение и развитие современных технологий цифровизации привело к появлению такого вида фотографии, которая создается при помощи непрофессиональных устройств — смартфонов, мобильных телефонов, навигаторов и пр. со встроенными фотокамерами. Это мобильная фотография, или мобилография, обладающая свойством быть мгновенно распространенной в сетевом пространстве, что делает ее подвижным форматом коммуникации. Мобилографию отличает неформальный характер, как следствие разнонаправленности фотоснимков, полученных и распространенных при помощи мобильных устройств, что привлекает широкий спектр пользователей социальных сетей, делая данный формат популярным; цифровой уровень существования как вид виртуальной реальности, замещающий традиционные форматы общения (техника отражения мира); уникальность создаваемых снимков, отражающаяся в неповторимости запечатленного момента действительности на снимках, невозможности пересъемки и пересмотра концепции снимка; удобство, скорость и доступность способа съёмки для широкого круга пользователей, что расширяет возможности для коммуникации; постоянность включенности в визуальный диалог с символической аудиторией; моментальное распространение визуального сиюминутного образа любого события — придание ему огласки.

Мобилография определяется как продукт неофициального неавторизованного информационного потока с задачами межличностной коммуникации и неофициальных отношений в профессиональной среде [1]. Все это делает мобилографию одним из наиболее распространенных видов пользовательского контента в социальных сетях и мессенджерах, оказывающего влияние на характер всего дискурса, создаваемого в медиаполе разной направленности. Этот феномен широко применяется и при формировании и трансляции повестки дня на военную тематику. В российском медиапространстве существует многонаправленная и поликультурная сеть подобных материалов, представляющих интерес как со стороны функциональной их особенности, так и со стороны включенности аудитории в процесс создания военной хроникальной повестки дня.

Цель: обозначить функциональные особенности мобилографии в процессе создания военной хроникальной повестки дня на каналах, представленных в российских социальных сетях и мессенджерах.

Основная часть. Термин «мобилография» принадлежит Д. Резвану, российскому художнику и фотографу, который в 2004 году основал Всемирное общество мобилографов с амбициозными задачами создания мобилограммы мира как среза всего, что происходит на планете. Мобилографическая картина мира теперь — это неотъемлемая часть контента, распространяемого разными медиаканалами. И как справедливо

подчеркивают исследователи, в этом случае традиционные формы коммуникации «расширяются и замещаются продуктами развития высоких технологий», возникает «современная форма культурной репрезентации и общения посредством фотографий» [2, с. 130]. Р. Барт рассматривал фотопроцесс как объединенные действия трех лиц: фотографа (operator), объекта отображения (spektrum) и потребителя/зрителя (spektator) [3]. В мобилографии фотограф (мобилограф), фотографируемый и зритель представлены одним лицом, что усиливает эмоциональность и трансакциональность, включенность в контекст восприятия снимка внутреннего состояния мобилографа и аудитории. Ю.М. Лотман описал механизм актуализации текстов в пространстве культуры как пространстве некоторой общей памяти, в пределах которой сохраняются и актуализируются некоторые тексты, получившие название общих [4]. Чтобы актуализировать эти тексты, современные коммуникаторы визуализируют их, тем самым определяя их значимость в современной повестке дня. И наиболее распространенным цифровым продуктом в этом процессе является мобилография как продукт визуализации медиатекста. При помощи этого формата конструируется определенная идентичность, актуализируя отражаемое событие уже самим способом его отражения, что является наиболее эффективным по воздействию способом передачи информации [5, с. 63]. Данные принципы работают и в случае с военной мобилографией, которая может быть определена как способ фиксации будней войны на мобильные устройства с мгновенной передачей кадров в разного рода каналы (мессенджеры, социальные сети и пр.). Функциональный анализ наиболее популярных блогов о войне (Поддубный |Z|O|V| edition https://t.me/epoddubny; https://max.ru/epoddubny; Канал Kotsnews — корреспондент А.Коц https://t.me/sashakots; Канал военкор Котенок Z https://t.me/voenkorKotenok; Операция Z: военкоры Русской весны https://t.me/RVvoenkor; Архангел Спецназа https://t.me/s/rusich_army) позволил выделить виды мобилографии в создании военного дискурса в блогосфере России: 1) видеостримы, отражающие культурную принадлежность автора; 2) военные селфи, отражающие включенность автора в народные сводки с фронта; 3) косплей-фотографии для создания и демонстрации образов войны, а также базы документов (например, съемки на освобожденных территориях); 4) батальные репортажи для медиатизации военных действий (видео и фото); 5) символические фотографии (изображение объектов, имеющих высокую значимость в передаче событий о войне — символы (военные, герои, награды, национальные символы, национальные и религиозные обряды и пр.); 6) графика как отражение и визуализация определенного действия (карты военных действий, включая и анимацию). Мобилография при создании и распространении продуктов отражает интерес к подобному виду отображения военных событий — участники этих событий являются и их летописцами, а определяющим

фактором здесь становятся сами предметы изображения, а не качество передаваемого изображения. Этот феномен технической воспроизводимости (В. Беньямин) [6] делает мобилографию уникальным средством и формой создания картины военных действий.

Заключение. Мобилография — легко повторяемый и распространяемый элемент и средство коммуникации, в силу чего продукты военной мобилографии сами по себе обладают информационной ценностью, а она сама становится формой социальной активности, участвующей в процессе производства визуальной культуры, усиливая медиасвойства изображения, делая его мгновенно распространяемым и доступным. Функционально мобилография решает задачи ведения военной фото и видеохроники, рефлексии, моделирования театра военных действий, визуализации повседневности войны и т. д.

Список литературы

1. Коньков, В.И. Неофициальный информационный поток в медийной среде // Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. — СПб.: Медиапапир, 2023. — 232 с.
2. Паниотова, Т.С. Мобильные фотографии как «письма в будущее» / Т.С. Паниотова, М. В. Митрохина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2021. — № 1 (99). — С. 129-142.
3. Барт, Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. — М.: Ад Маргинем, 2013. — 192 с.
4. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 200-202.
5. Артеменко, А.П. От репрезентации пространства к пространству репрезентации: современные визуальные исследования / А.П. Артеменко, Я.И. Артеменко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 44. — С. 61-69.
6. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. С. Ромашко. — М.: Ад Маргинем, 2025. — 112 с.

УДК 070:659

СМЫСЛОВЫЕ ВЕКТОРЫ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n-kaika@mail.ru

Введение. Геополитические, стратегические, социально-экономические, социально-политические, военно-политические, социокультурные вызовы, процессы цифровизации, глобализации и деглобализации обусловливают развитие всех сфер жизнедеятельности

российского общества, в том числе и медиасферы, претерпевающей воздействие всех этих процессов и одновременно влияющей на их развитие.

В настоящее время «общественный интерес к медиа как влиятельному социальному институту, мощной отрасли современной экономики, культурному пространству общества, производящего смыслы, ценности, формирующего групповые и индивидуальные идентичности», безусловно, растет [1, с.187]. Особую значимость приобретает смыслоформирующая функция медиа в условиях военно-политического конфликта.

Цель исследования — охарактеризовать смысловые векторы медиакоммуникаций в условиях военно-политического конфликта.

Основная часть. Анализируя развитие в последнее десятилетие отечественных медиа, в частности, телевидения, Е.Я. Дугин акцентирует внимание на том, что на фоне сложной социально-политической ситуации, военных действий на территории Донбасса объем развлекательного телевещания значительно превышал время, отводимое информационным, познавательным передачам телевидения и радиовещания. Подвергая критике коммуникативную стратегию инфотейнмента на федеральных каналах, ученый отмечает, что медиаиндустрия развлечений превратилась в «„индустрию отвлечения" населения от кризисных проблем в социально-экономической и политической жизни» [2, с.21]. Подчеркивая роль медиакоммуникаций в формировании массового сознания и воспитании граждан, Е.Я. Дугин настаивает на том, что «нужна не оборонительная, а наступательная позитивная, ориентированная на созидание культурно-просветительская медиаплатформа в целях пропаганды отечественных ценностей <…> Новые, наступательные, коммуникативные стратегии должны вытеснить коммерческую модель работы медиасистемы, переориентироваться на создание сакральных смыслов отстаивания интересов Отечества» [2, с.25].

Анализ смысловой направленности медиакоммуникаций в текущих реалиях специальной военной операции демонстрирует позитивную динамику презентации ценностно ориентированного контента.

В период социально-политической напряженности, военно-политического конфликта актуализируются медиарепрезентации гуманитарной, социальной проблематики, патриотической повестки, акцентируется присутствие человека в массовых информационных потоках.

Так, российское телевидение демонстрирует активизацию медиарепрезентаций гуманитарной повестки. Анализ новостных программ телеканала «Россия 1» «Вести» и «Вести недели» показывает, что в них отражается широкий спектр гуманитарных вопросов. В новостных программах представлена обширная информация о гуманитарных событиях и инициативах как на региональном, так и на мировом уровне. Значительное внимание уделяется мерам социальной поддержки военнослужащих, участвующих в специальной военной операции. Гуманитарная

проблематика широко представлена в сюжетах филиала ВГТРК — ГТРК «Донецк» «Вести. Донецк» (https://vk.com/vestidonetsk?ysclid=lrgmfblpea537487167), освещается благотворительная, волонтерская деятельность граждан в условиях СВО. Реалии сложного времени социально-политических, социально-экономических вызовов, геополитической турбулентности, проведения специальной военной операции требует новых форматов освещения событий, новых проектов. На телеканале «Россия 1» создана и успешно функционирует программа «Наши. Военкоры» с Ольгой Армяковой, посвященная героям СВО, военнослужащим и военкорам, находящимся в горячих точках, чьи поступки на фронте и в тылу стали подвигами, чья жизнь демонстрирует силу духа многонационального народа России. Сюжеты и интервью показывают консолидацию общества перед лицом стоящих вызовов и угроз, играют важную роль в формировании мировоззренческих ориентаций, ценностных установок, патриотического сознания [3, с.58].

На федеральном «1 канале» функционирует уникальный проект «Мы живы!» Марьяны Наумовой, российской телеведущей, журналиста, военного корреспондента, четырехкратной чемпионки мира по пауэрлифтингу, большого друга Донецкой Народной Республики, которая не только освещает события военного времени, но и лично бывает в зоне боевых действий, прифронтовых районах, активно занимается гуманитарной помощью пострадавшим (https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/my-zhivy).

Идеи гражданской активности и вовлеченности развивает «Общественное телевидение России». Так, документальный сериал «Друзья человечества» рассказывает о выдающихся людях, меценатах, благотворителях, внесших серьезный вклад в развитие и процветание России, программа «Отчий дом» − о тех, кто не забывает о своей малой родине, способствует ее развитию. Проект «За дело» стимулирует гражданскую активность, показывая, что великие дела начинаются с маленького первого шага.

Важную роль в формировании общественного сознания, ценностных ориентаций и социальных установок играет телеканал «Спас» Мировоззренческая миссия телеканала «Спас» заключается в пропаганде христианских ценностей, духовном просвещении и обогащении личности и общества, формировании социальной ответственности. Глубокие ценностные посылы транслируют программы «День патриарха», «Прямая линия. Ответ священника». На канале представлены авторская программа Никиты Михалкова «Бесогон», проекты, посвященные русской истории и культуре, многочисленные документальные и художественные фильмы, наполненные глубоким смыслом (https://spastv.ru/efir/?ysclid=mc7yvy5ur6835442365).

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне медиахолдинг «Цифровое телевидение» запустил новый телеканал «Патриот», представляющий художественные фильмы и сериалы киноконцерна «Мосфильм», архива Гостелерадиофонда, ВГТРК, российских и советских киностудий, направленные на формирование и укрепление семейных ценностей, сохранение культуры и традиций народов России, исторической памяти о Великой Победе (https://tvsamara.ru/news/samarcy-mogut-posmotret-novyi-telekanal-patriot/).

Патриотический журнал для армии и народа «Витязь» (https://xn--80aekgeqmxxd1i8a.xn--p1ai/page-2737902-html/) видит свою миссию в содействии всестороннему развитию и процветанию России, в созидании во славу настоящего и будущего Отечества

В 2024 году в России заработала радиостанция «Гордость» (https://xn--80agcbs0bbbkgnm4k.xn--p1ai/?ysclid=m8ok52hgz9427125219). Ценностная составляющая программной концепции заложена в названии радиостанции, слогане «Позывные великой страны» и контенте — песнях о любви в Родине, родной земле и своему народу.

Российская документалистика отражает преемственность исторической памяти народа («Донбасс. Память поколений», «Молодая гвардия 2.0» Екатерины Китайцевой и Дмитрия Хрусталева), прославляет многонациональный русский народ, вставший на защиту Родины («Братья» Айгуль Ербуловой), мужество героических защитников Донбасса («Пацаны батальона “Восток”» Ольги Карий, Олега Никишаева, Михаила Бурова), силу духа современного Маресьева («Один шаг» Екатерины Зайцевой) и др. Образ человека-труженика, выполняющего свой профессиональный долг в условиях военного времени, представлен в проекте «Гордая профессия Донбасса» на телеканале «Соловьев live» (https://rutube.ru/live/video/c9b87c0b00cfff9b37f95b9c8e4eed42/?ysclid=mg524o1rbk456588139).

Наблюдаются трансформации гражданского общества современной России в период специальной военной операции, и действенными инструментами в этих процессах являются средства массовой коммуникации. Так, например, в настоящее время именно мессенджер «Телеграм» «служит связующим звеном между тылом и фронтом, обеспечивая результативность патриотических инициатив граждан» [5, с. 117]. Релевантными ресурсами создания и потребления контента в зоне боевых действий и на прифронтовых территориях, становятся региональные телеграм-каналы, имеющие не только коммуникативно-прагматическое, но и экзистенциальное значение [4].

Анализ контента телеграм-каналов ведущих российских журналистов, представителей официальных СМИ (телеграм-каналов О. Скабеевой, М. Симоньян), телеграм-каналов военкоров официальных СМИ (А. Сладкова, Е.Поддубного, А.Коца) и телеграм-канала WarGonzo

как проекта независимого военкора Семена Пегова, работающих непосредственно в зоне боевых действий, показывает, что они дополняют друг друга, создавая всестороннюю и системную информационную картину хода специальной военной операции, демонстрируют единый идеологический вектор, направленный на достижение целей СВО, защиту национальных интересов, формирование патриотического сознания общества.

Заключение. Как видим, в условиях вызовов современности, общественно-политических трансформаций, военно-политического конфликта, информационных войн роль СМК в формировании массового сознания многократно усиливается. Актуализируется ценностно ориентированная медиаповестка, сопряженная с процессами самосохранения общества.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы /Е.Л. Вартанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. — Т. 15. Вып. 2. — С. 186–196. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.203.
2. Дугин Е.Я. Трансформации коммуникативных стратегий медиа к мобилизационно-наступательной модели /Е.Я. Дугин //Вестник Академии медиаиндустрии. — 2022. — № 2(30). — С.13-34.
3. Каика Н.Е. Гуманитарная повестка российского телевидения в условиях военно-политического конфликта /Н.Е.Каика, Р.Н.Бараненко // Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Луганск, 7 ноября 2024 года) / отв. ред. Е. А. Куянцева ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». — Луганск : Издательство ЛГПУ; ИП Орехов Д.А., 2024. — 436 с. — С.55-64. — EDN: GDAYNH.
4. Каика Н.Е. Телеграм-канал как релевантный ресурс медиапотребления в условиях военного времени /Н.Е. Каика //Коммуникация в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. Под ред. В.В.Тулупова. — Ч. II. — Воронеж, 2024. — 184 с. — С. 15–17. — EDN: GWBJLD.
5. Цыбаков Д. Л. Трансформации гражданского общества современной России в период Специальной военной операции /Д.Д. Цыбаков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2023. — Т. 13, № 5. — С. 113–123. — https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-113-123.

УДК 341.321.7(470)

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ РОССИИ: ТРАДИЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ОПЫТ

Мартыненко Е. В., д-р полит. наук, проф., ORCID 0000-0002-3089-9892,
Кургузов Д. А.
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
г. Москва, РФ
martynenko_ev @pfur.ru, 1142240002@pfur.ru

Введение. Интерес к теме «военные корреспонденты и военная журналистика» среди российских историков и лингвистов возник сравнительно недавно. Активная разработка данного вопроса началась лишь в XXI веке, в то время как зарубежные исследователи занялись изучением этой проблемы еще пятьдесят лет назад. За рубежом фундаментальным трудом является работа австралийского журналиста Ф. Найтли, получившая знаковое название «Первая жертва. От Крыма до Вьетнама: военный корреспондент как герой, пропагандист и создатель мифов», которая впоследствии многократно переиздавалась. Крымская кампания, по мнению автора, стала переломным моментом в истории журналистики, поскольку именно тогда сформировался общественный институт «специального корреспондента», появившийся благодаря организационным усилиям периодических изданий, отправлявших гражданских репортеров на место военных действий для освещения ситуации на передовой [1].

Цель — аргументировать, что в российской военной журналистике существуют исторически сложившиеся универсальные принципы, которыми руководствуются все корреспонденты, освещающие военные действия. Это, в свою очередь, указывает на то, что в данной области сложились определенные традиции, обеспечивается передача опыта от поколения к поколению.

Основная часть. Западные исследователи утверждают, что британские журналисты второй половины XIX в. заложили основу для «авантюрной и дерзкой журналистики, привлекающей внимание публики, и *иногда* правдиво отражающей действительность, представляя собой «образец героического и непредвзятого освещения событий» [2].

Подобные методы обработки данных и трансляции новостей сохранялись вплоть до начала Первой мировой войны. С введением цензуры условия работы военных репортеров претерпели значительные перемены.

Вклад российских исследователей в XXI веке позволил вернуть из забвения имена отечественных представителей военной журналистики — литераторов, живописцев, фотографов, живших на рубеже XIX и XX

столетий, которые посвятили себя рискованной профессии репортера, очевидца военных событий.

Формирование корпуса военных корреспондентов в России фактически началось в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Тем не менее, анализ статьи в энциклопедии И.Д. Сытина позволяет утверждать о наличии так называемого предварительного этапа, тесно связанным с именем А. С. Пушкина. В данном случае речь идет о его произведении, выделяющемся своей документальной точностью и отличающемся от привычного формата путевых заметок. Это произведение «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Интересно отметить, что в начале 2000-х годов благодаря инициативе писателя В.А. Мясникова первым русским военным корреспондентом был признан Л. Н. Толстой из-за публикации в журнале «Современник» в период с 1855 по 1856 гг. трех произведений, объединенных под заголовком «Севастопольские рассказы» [3]. Государственный музей Л. Н. Толстого солидарен с этой позицией. В 2023 в нем была организована экспозиция, освещавшая период службы писателя в Крыму как офицера артиллерии.

После Крымской кампании в русской литературе и публицистике сформировались два подхода к описанию военных действий: оперативное информирование в формате репортажей и детальных сводок, и глубокая, художественно осмысленная документальная проза о войне. Эти два направления ярко проявились в творчестве Н.В. Берга и Л. Н. Толстого, которые, подобно А. С. Пушкину, продемонстрировали высочайший уровень культуры слова. Со временем в военном корреспонденте все чаще стали сочетаться навыки журналиста и писателя-беллетриста.

В.И. Немирович-Данченко считал, что русских военкоров отличала честность и правдивость, что контрастировало с западноевропейскими репортерами, погрязшими в «эпидемическом вранье». Созданное писателем в XIX веке яркое выражение оказалось на удивление стойким и вновь обрело значимость в наши дни. Подробное описание принципиальной разницы в освещении фронтовых событий русскими и зарубежными журналистами В.И. Немирович-Данченко отразил в главе «Военные корреспонденты в первое время» [4], где ярко выделил фундаментальные различия в подходах к освещению военных действий между российскими и иностранными представителями прессы. Во время Русско-японской войны, изучая ситуацию с генералом А.Н. Куропаткиным, он вновь признал, что искажение фактов и заведомая ложь стали обычным явлением в работе корреспондентов иностранных изданий [5].

В первые десятилетия XX века военные репортеры получили значительно больше возможностей для освещения событий. Этому способствовало распространение нового формата визуальной информации, основанного на технологиях воспроизведения изображений. С середины XIX в России началось активное становление фотографии как вида

журналистики, в котором сформировались собственные направления и стили. В стране появились талантливые фотографы, чье мастерство получило признание далеко за пределами Родины. Одним из таких примеров является Максим Петрович Дмитриев, которого считают основоположником фотожурналистики в России. Другой выдающийся деятель — Сергей Михайлович Прокудин-Горский, русский ученый, фотограф и изобретатель, пионер цветной фотографии в России. Он отмечал, что «фотография, по сути, является искусством документального характера». Важно отметить, что в годы Первой мировой войны С. Прокудин-Горский обучал русских военных летчиков основам аэрофотосъемки [6].

В начале двадцатого века, когда Россия вынужденно принимала участие в военных конфликтах, возникла плеяда выдающихся военкоров, оказавших значительное влияние на российскую военную журналистику. Среди них были талантливые фотографы, иллюстраторы, эссеисты и писатели, такие как В.К. Булла, И.А. Владимиров, М. В. Доманский, С.Ф. Колесников, С.А. Корсаков, Н.С. Самокиш, К.М. Соломонов (Шумский), В.А. Табурин и другие.

Наивысшего расцвета российская военная журналистика достигла в годы Великой Отечественной войны. Всем известны имена И. Эренбурга, К. Симонова, С. Михалкова, Б. Полевого, А. Бека, Д. Бальтерманца, О. Берггольц, Е. Халдея и многих других. Сегодня нет оснований сомневаться, что работа российских военных корреспондентов в зоне проведения специальной военной операции станет важным поворотным этапом в летописи отечественных средств массовой информации.

В «лихие 90-е всем будущим журналистам втирали лживые постулаты, что «журналист должен быть над схваткой». В вузах тогда работали западные учебные программы, по удивительному совпадению написанные именно в тех странах, где свою сторону пресса знает четко и если колеблется, то только с генеральной линией. А туземцам — можно и нужно внушить ложные установки» [7]. В инфопотоке о первой чеченской войне наблюдался информационный перекос: «позже подсчитали, что во время боевых действий 80% интервью и сюжетов на российском ТВ были сделаны со стороны противника […] слово «военкор» было благополучно забыто после Великой Отечественной. Саму профессию нужно было лечить» [7].

Сегодняшние военные корреспонденты, работающие в зоне СВО, демонстрируют неразрывную связь с историческим опытом, унаследовав лучшие практики военных журналистов второй половины XIX — начала XX веков, фактически создавших эту профессию. Их работа характеризуется преемственностью в подходах к освещению событий, аналитическом мышлении и стремлении к объективности, а также умении обобщать факты, а не просто констатировать их. Именно эти качества В.И. Немирович-Данченко определял как «правдивость и добросовестность», а В.А. Табурин

считал «умением наблюдать и видеть». Современные военкоры стремятся не только фиксировать происходящее, но и глубоко осмысливать увиденное и услышанное, чтобы на основе собранного материала создавать целостные и содержательные произведения.

Не менее значима и глубокая духовная связь с нашим историческим прошлым. В период Первой Августовской операции 1914 года, проходившей на Северо-Западном фронте, произошло знаковое событие — чудесное явление Богородицы русским солдатам, впоследствии получившее широкое освещение в прессе. Один из ранних вариантов иконы, написанный художником И.С. Ижакевичем на основе исторических свидетельств, был напечатан в журнале «Нива».

В феврале 2008 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II установил дату празднования Августовской иконы Божией Матери. В 2022 году Патриарх Кирилл передал этот образ главному храму Росгвардии, освященному в честь равноапостольного князя Владимира. Поэтому неудивительно, что именно эта икона оказалась в окопах участников специальной военной операции, о чем свидетельствуют репортажи военных корреспондентов.

Заключение. На основе проведенного сравнительного исторического анализа авторы приходят к выводу, что в России выработаны общие для всех военных корреспондентов принципы работы, что указывает на формирование устойчивых традиций, преемственности, передачи опыта в данной профессиональной области.

Список литературы

1. Knightley, Phillip. The first casualty: The war correspondent as hero, propagandist, a. myth maker from the crimea to Vietnam / Phillip Knightley. — London: Deutsch, 1975. — 465 c., л. ил., портр.; ISBN 0-233-96372-3.
2. Luckhurst, Tim: War Correspondents, in: 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War, ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin 2014-10-08. DOI: http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.
3. Бородкина И. Лев Толстой — первый русский фронтовой корреспондент // Тульская журналистика. Ежегодный научно-информационный вестник. — Тула: Кафедра журналистики ТулГУ, 2013. — С.3-21. — ISBN: 978-5-7679-2089-1.
4. Немирович-Данченко В. И. Год войны (дневник русского корреспондента). 1877-1878. — В 3-х т. — Т. 3. — СПб.: изд. книжн. маг. «Нового времени», 1879. — 188 с.
5. Немирович-Данченко В.И. На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги. — М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1904. — 167 с.
6. Российская империя в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского 1906-1916. — М.: Красивая книга, 2015. — 321 с. — ISBN 978-5-904039-03-5.
7. Военкорство — укол адреналина в сердце: Традиции военных корреспондентов Великой Отечественной журналисты «Комсомолки» продолжают и сегодня. — URL: https://www.kp.ru/daily/27702/5091532/ (дата обращения: 17.09.2025).

УДК 070

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В МАТЕРИАЛАХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «ДОН»

Муха А. В., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-4477-4046,
Петренко Е. В.
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
angelaaaaaa95@gmail.ru, epetrenko.elizaweta2018@yandex.ru

Введение. Выполняя в первую очередь просветительскую функцию, литературные журналы на сегодняшний день транслируют культурные и патриотические духовные ценности российского общества. «Толстые» журналы представляют своего рода летопись, призванную сохранить историческую память о языке, быте и достижениях этого времени [1]. В рамках исследования военной тематики в материалах журнала «Дон» будут проанализированы литературные и публицистические жанры в десяти выпусках за 2023-2025 годы. Всего было рассмотрено 100 материалов.

Актуальность данного исследования обусловлена значительным вкладом литературно-художественного журнала «Дон» в освещение событий Великой Отечественной войны и формирование общественного мнения в военные годы. Анализ военной тематики позволяет выявить особенности восприятия войны, отражение героизма, страдания и надежды советских людей; исследование военной тематики также способствует более глубокому пониманию роли печатных средств массовой информации в формировании национальной памяти и идентичности, особенно в период проведения специальной военной операции и празднования 80-летия Великой Победы [1]. По статистике книжных издательств «Эксмо», «Азбука-Аттикус» и «АСТ», с 2023 года виден рост продаж военно-патриотической литературы, следовательно, аудитория заинтересована в качественном чтении материалов на актуальные историко-патриотические и военные темы. «Толстые» журналы, при очевидном росте у населения страны интереса к военной литературе, публикуют современные произведения новых авторов о последних исторических событиях нашего государства [4].

Целью работы является анализ военной тематики в литературно-художественном журнале «Дон».

Основная часть. Рассмотрению военной тематики в материалах СМИ посвящено большое количество научных исследований. Среди них: В.Б. Волкова [1], Ван Чжэньюй [2], А.В. Сысоева [3] и другие. Указанные научные труды посвящены изучению принципов транслирования духовно-нравственных ценностей в материалах СМИ и литературы военно-патриотической направленности.

Основная часть. В период с 2023 по 2025 год в журнале «Дон» представлены рассказы, поэмы, стихотворения, критические статьи и эссе, посвященные современным военным событиям и памятным датам в истории.

Исследование материалов литературного журнала «Дон» позволило проследить жанровое своеобразие в работах военной тематики (см. таблицу 1). Так, стихотворения в журнале «Дон» занимают первое место по числу публикаций (62 %). Отметим, что, начиная с выпуска № 1-3 2025 года, раздел «Поэзия» был переименован в «ПоэZию», и с этого года все стихотворения каждого выпуска данного раздела освещают подвиги, отвагу, храбрость воинов специальной военной операции. Второе место отведено военной повести (15%). Рассказы также встречаются на страницах журнала «Дон», в выпуске № 4-6 2024 года появляется новый раздел «Рубеж», где авторы-фронтовики регулярно публикуют рассказы с передовой (10%). Романы и романы-хроники (4%) представляют особый интерес у читателя ввиду актуальности и глобальности мыслей авторов. Например, в романе-хронике «Версия» Виктора Кустова скрываются темы добра и зла, патриотизма, жизни и смерти в контексте исторически значимых событий: Великая Отечественная война, Чеченская война, специальная военная операция, присоединение новых территорий. Автор отмечает различие духовных ценностей поколений, указывая при этом на важность родительского воспитания и влияния государства на становление личности.

Также военная тематика представлена в разделе «Журнальный срез» в жанре критической статьи (4%). Например, в выпуске № 7-9 опубликована статья «Нацики по Гуцко» в «Знамени», в которой авторы обсуждают материл военной тематики из журнала «Знамя». Кроме того, в выпуске № 10-12 2024 года была введена рубрика «Писатели Дона за своих!», в которой представлены публицистические статьи о мероприятиях в поддержку российских воинов на СВО. Также в выпусках 2025 года все чаще можно встретить публицистические произведения в жанре записок (например, записки русского офицера «Война умов и нравов» в выпуске № 1-3 2025 года). Публицистические жанры составляют 3% от общего числа произведений с военной тематикой в исследуемых выпусках.

Таблица 1

Корреляция жанров и тематики материалов журнала «Дон»

Жанры/ тематика	Трагизм	Мужество и патриотизм	Разрушительные последствия войны	Влияние войны на человека и общество	Историческая память
Поэзия	71%	50%	24%	35,5%	58%
Рассказы	40%	80%	10%	10%	10%
Критические статьи	18%	0%	45%	9%	18%
Повести	87%	53%	60%	27%	40%
Романы	100%	100%	75%	100%	75%

Итак, патриотическая тематика занимает лидирующую позицию в материалах журнала «Дон». При этом следует заметить, что в материалах журнала освещаются такие военные исторические события, как Великая Отечественная война (например, С. Шумский «Свояки», С. Крупин «Полет

журавлей»), специальная военная операция (А. Ревякина «Скоро ль кончится война?», С. Тютюнник «Война умов и нравов», С. Пегов «Донецк на связи», Л. Марава «Женское лицо Донецка»), а также военные походы казаков в годы Первой мировой и Афганской войн. Так, например, в выпуске № 4-6 2024 года Ильяс Дауди опубликовал цикл повестей «Братья по Афгану», в которых проиллюстрировал события Афганской войны 1979-1989 годов. В выпуске № 4-6 2025 года в журнале также были опубликованы «Атаманские рассказы», в которых описаны духовно-нравственные искания казаков Дона, «жизнь которых — война».

В рубрике «Новые имена» представлены произведения новых авторов, посвященные СВО. Здесь авторы «с передовой» публикуют произведения о реальных историях (например, в выпуске № 7-9 2024 года рассказ «Позывной «Вадя» Алексея Фунта).

Интересной представляется подтема военной памяти, которая проявляется в воспоминаниях главного героя рассказа «Позывной «Вадя» Алексея Фунта о годах Великой Отечественной войны и сражениях его деда, походах Суворова: «Здесь Суворов шел на Измаил, здесь он побеждал, здесь воевал мой дед в 1943-м и гнал коричневую чуму до конца».

Для освещения военной тематики и трансляции духовно-нравственных ценностей авторы используют большое количество языковых средств: метафоры («сердце, полное огня и света»), эпитеты («непоколебимая вера», «светлая память»), повторы и риторические вопросы, усиливающие эмоциональное воздействие. Также широко применяются символы, такие как крест, звезда, огонь, что подчеркивает духовную составляющую произведений [3]. И в публикациях, посвященных СВО, в словах заменяется согласная на букву «Z», ставшую символом поддержки российских военных.

Заключение. Преобладание военной тематики в материалах литературно-художественного журнала «Дон» обусловлено высокой степенью необходимости сохранения культурной и исторической идентичности, возможностью повлиять на развитие журнальной периодики в процессе создания новых «памятников литературы».

Список литературы

1. Волкова, В.Б. Концептосфера современной военной прозы : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Волкова Виктория Борисовна; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург, 2014. — 43 с.
2. Ван Чжэньюй. Освещение военной тематики в СМИ /Чжэньюй Ван // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — №3-2. — С. 184–187.
3. Сысоева А.В. Журнал «Залп» как инструмент поддержания и формирования оборонной литературы /А.В. Сысоева // Studia Litterarum. — 2022. — Т. 7. — № 3. — С. 258–279. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279.
4. Муха, А.В. Журнал «Дон» : история, типологическая модель, перспективы развития : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.9. / Муха Анжела Викторовна; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет ; Диссовет Д 212.038.XX (24.2.288.08). — Ростов-на-Дону, 2023. — 265 с.

УДК 070.4:004

ИНФОГРАФИКА О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Онуприенко К. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-6535-035X
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск, РФ
simbushka94@mail.ru

Введение. В условиях информационной войны и доминирования визуальных средств коммуникации инфографика становится важным инструментом для передачи информации и формирования общественного мнения [1, 3, 4, 7]. Специальная военная операция (СВО) России на Украине как одна из самых обсуждаемых тем современности визуализируется с помощью карт, диаграмм, графиков, схем, которые нередко становятся самостоятельными материалами.

Цель данного исследования — анализ основных видов инфографики, используемой в освещении СВО, и их влияния на восприятие информации аудиторией центральных и региональных СМИ.

Основная часть. Инфографика о специальной военной операции охватывает широкий спектр данных: хронология конфликта, политическая информация, географические изменения, статистические отчёты, экономические последствия и гуманитарные аспекты военных действий. Контент бывает статичным и динамичным, в онлайн-среде — интерактивным (позволяющим «нажимать на элементы, изменять параметры и получать дополнительную информацию» [5]).

Нередко инфографика создаётся для ответов на вопросы людей об СВО: «Кому положена отсрочка от частичной мобилизации» (m24.ru, 29.09.2022), «Туристам из России будут рады не везде. Объясняем, куда сейчас можно безопасно улететь в отпуск» (Е1.РУ Екатеринбург Онлайн, 21.03.2022), «Какие льготы положены семьям участников СВО из Башкортостана» (Бакалинские зори, 26.09.2024), «Что делать при виде дрона? Инструкция» (АиФ, 18.07.2025), «Что делать при ракетной опасности — карточки» (Победа 26 — новости Ставропольского края, 12.08.2025). В зависимости от того, на какой вопрос инфографика даёт ответ, Д. Роэм, делит её «на 6 категорий: “портрет” (кто/что?), “график, диаграмма” (сколько?), “карта” (где?), “линия времени” (когда?), “схема” (зачем?) и “графическое уравнение” (почему?)» [2].

Чаще всего для освещения темы СВО используются карты (например, ежедневно обновляемая «Карта боевых действий в зоне СВО», АиФ.ru) и интерактивные карты («Актуальная карта СВО сегодня», издание «Донбасс Сегодня»).

Проанализируем контент центральных и региональных СМИ на примере сайтов газет «Аргументы и факты» и «Республика Татарстан», на которых есть

разделы инфографики. Материал aif.ru от 18.11.2024 «Максимальная дальность полёта ракет НАТО. Инфографика» (рис. 1) визуализирует данные на карте с помощью различных цветов, пунктирных линий и подписей, обозначающих расстояния, названия ракет, городов и стран. Текст преимущественно чёрный, используется несколько кеглей: самый большой — для заголовка, который дополнительно выделен прописными буквами и полужирным начертанием, затем идут обозначения стран (причём слово «Россия» в отличие от «Украины» также набрано большими буквами), российских городов от Смоленска и Севастополя до Элисты и Москвы, наконец внизу представлена информация об авторе и ссылки на интернет-площадки издания, сопровождаемые пиктограммами (логотипом «АиФ» и иконками социальных медиа). Используется эффект увеличения изображения по клику.

Рис. 1. Инфографика aif.ru

На rt-online.ru опубликован лишь один материал, представляющий интерес для нашего исследования, — чёрно-белая инфографика смешанного типа «Сбережения и вклады на фоне СВО» от 7.11.2022 (рис. 2). Данные взяты с сайта ВЦИОМ, полностью заимствован заголовок и лид. Основная часть разделена на четыре фрагмента, каждый из которых отражает ответы респондентов на конкретный вопрос. Первый блок можно отнести к круговой диаграмме, второй и третий — к интеллект-карте, четвёртый — к

столбиковой диаграмме [6]. Присутствуют различные пиктограммы, изображение рубля и фотография девушки с копилкой. Используется два шрифта разных размеров. Заголовок, вопросы и проценты выделены полужирным. Инфографика снабжена функцией увеличения.

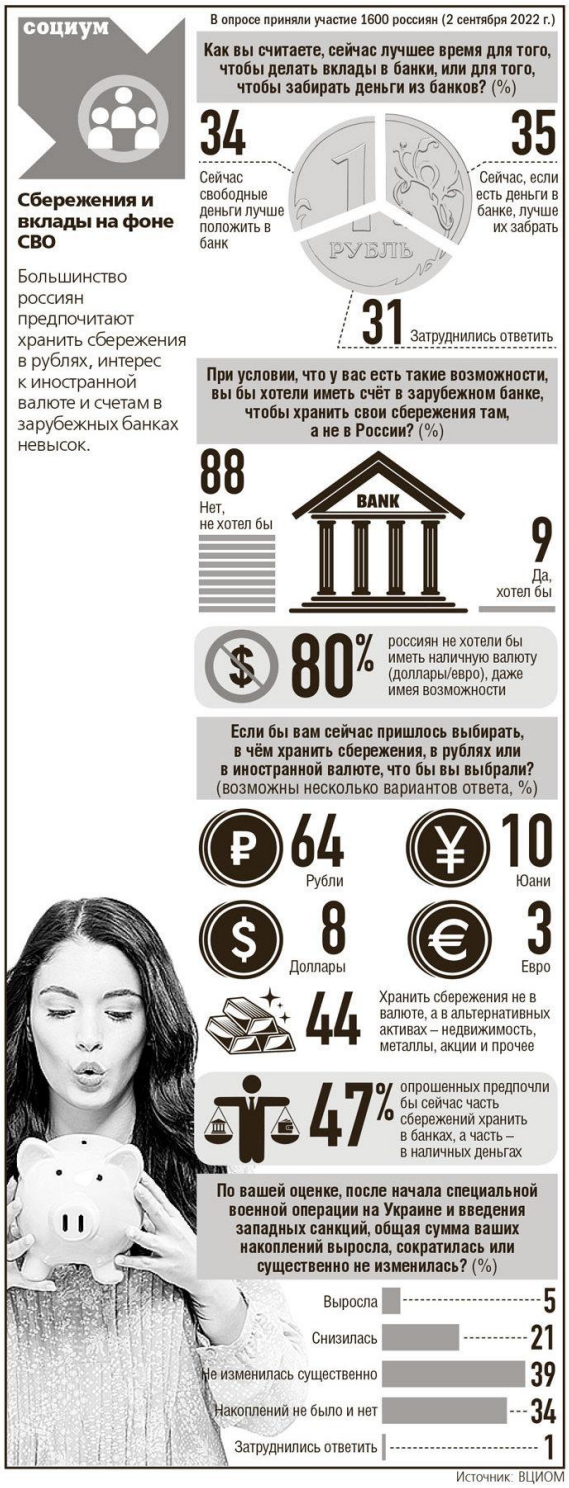

Рис. 2. Инфографика rt-online.ru

Заключение. Будучи доступным и эффективным инструментом визуализации, инфографика достаточно активно используется российскими

СМИ в контексте специальной военной операции. В региональных изданиях подобные материалы встречаются реже и ограничиваются преимущественно тематикой помощи военнослужащим и их семьям, поскольку освещение хода ведения СВО в полной мере обеспечивается центральными медиа. Методы визуализации варьируются в зависимости от типа данных и назначения инфографики, однако наблюдается общая тенденция к использованию ярких цветов, простых форм и минималистичного дизайна.

Список литературы

1. Баранова Е.А. Мультимедийные технологии в средствах массовой информации как новый инструмент ведения информационной войны / Е.А. Баранова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — № 4. — С. 618–626. — DOI 10.17150/2308-6203.2016.5(4).618-628.
2. Буянов Е., Демин А. Виды инфографики / Е. Буянов, А. Демин // 4brain. — 2020. — URL: https://4brain.ru/blog/vidy-infografiki/ (дата обращения: 26.09.2025).
3. Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т. Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере / А.В. Зайцев, Ф.Т. Ахунзянова // Коммуникология. — 2023. — Том 11, № 4. — С. 100-111. — DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-100-111.
4. Ильченко С.Н. Визуализация «военного» контента: принцип эстетической приблизительности / С.Н. Ильченко // Гуманитарный вектор. — 2023. — Т. 18, № 4. — С. 155-163. — DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-155-163.
5. Мясина Д. Инфографика — что это такое и как её применять? / Д. Мясина // WOWBlogger. — 2024. — URL: https://wowblogger.ru/blog/infografika?ysclid=mf87o5zyqo890037179 (дата обращения: 26.09.2025).
6. Силантьева О. 105 Мультимедиа / О. Силантьева // Силамедиа. — 2023. — URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.multimedia105 (дата обращения: 26.09.2025).
7. Цветкова Г.А. Россияне в условиях информационной войны / Г.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2024. — № 3. — С. 155-166. — DOI: 10.28995/2073-6401-20243-155-166.

УДК 070:32.001

МЕДИАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ

Павлова О. А., д-р филол. наук, доц., ORCID 009-0008-4154-0296
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар, РФ
lexfati72@mail.ru

Введение. Медиатизация, получившая развитие благодаря новым информационно-коммуникативных и коммуникационным технологиям, представляет собой процесс, отражающий всеобъемлющее воздействие массмедиа на социокультурные институты современного общества. Не

подлежит сомнению, что на механизмы и содержание медиатизации оказывает воздействие как постмодернистская картина мира, так и ценности общества потребления. На примере того, как западные СМИ занимаются эскалацией гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против Российской Федерации, можно отчетливо увидеть и осознать мифологическую и манипулятивную природу медиатизации.

Цель статьи — атрибуция медиатизации через ее манипулятивно-мифологическую природу и выявление роли медиатизации западного политического дискурса в эскалации гибридной войны против России.

Основная часть. Термин «медиатизация», вошедший в научный обиход на излете XX века благодаря трудам английского ученого Дж.Б. Томсона, акцентировавшего роль массмедиа в формировании современной культуры, стал чрезвычайно востребованным в начале XXI века, когда были запущены процессы цифровизации культуры и получили развитие новые информационные технологии. Данные процессы были исследованы в трудах Т.В. Андриановой, А.И. Ракитова, Я.Н. Засурского, Е.Л. Вартановой, Е.М. Ним, В.П. Коломийца, Е.П. Прохорова, Т.В. Шмелёвой, С.Г. Корконосенко, В.В. Анохиной др.

Термин «медиатизация» не только свидетельствует о колоссальном воздействии массмедиа на все социокультурные институты современного общества, но и подчеркивает парадигмальные трансформации, происходящие в СМИ в период цифровизации и развития интернета. Эти парадигмальные сдвиги, безусловно, касаются как превращения СМИ в медиаиндустрию, существующую в информационном обществе потребления по законам бизнеса, так и сегментации мультимедийного интернет-пространства посредством блогинга, стриминговых сервисов, массовых коммуникаций в социальных сетях и мессенджерах, приводящей, в конечном счете, к «медиатизация медиа» [1]. Медиатизация медиа обусловливает и запускает процессы девальвации значимости и глубинных ценностей профессии журналиста, назначение которой — давать обществу достоверную информацию о фактах и событиях, выступая в роли посредника между событиями и аудиторией. Медиатизация вытесняет аналитику и достоверность массмедиа мифологической репрезентацией информации.

Оказывая всеобъемлющее воздействие на жизнедеятельность современного человека, медиатизация сосредоточивает в себе все качества постмодернистского миропонимания, основанного на симуляциях и симулякрах как тотальной игре со смыслами и реальностями. Усилению манипулятивно-мифологизирующего эффекта медиатизации способствует то, что современной человек воспринимает информацию преимущественно в таблоидно-визуальном формате, что закономерно влечет за собой угасание аналитического отношения к миру. В связи с этим В.А. Соловьёв и А.Н. Морева справедливо отмечают, что медиатизация в современном мире — это «еще один фактор влияния на свободу журналиста, уровень

выполнения его профессиональных обязанностей», так как современные СМИ дают обществу «интерпретацию факта, который состоит из эмпирического опыта медиаменеджера и заданного политического аспекта» [2, с. 90]. Это способствует тому, что реципиент воспринимает и интерпретирует информацию уже в заданном ключе, в итоге массмедиа начинают манипулировать массовым сознанием, «информируя исключительно об определенных явлениях, осуществляя негласный информационный диктат зрителям и читателям» [2, с. 90].

Медиатизация, в современных реалиях осуществляемая благодаря новым коммуникационным технологиям, реализующим интерактивное взаимодействие пользователя с семиосферой интернета, порождает сетевое общество, основанное на представлениях об изменчивой, моделируемой в зависимости от среды социокультурной идентичности субъекта, выступает движущей силой так называемых «цветных революций». В ходе таких революций, сконструированных при пособничестве/ вовлеченности массмедиа, используются, кроме сетевых технологий, фейки, технологии «умной толпы», «мягкой силы» и др.

В связи с этим, солидаризуясь с позицией А.А. Алаудинова, подчеркнем, что с 24 февраля 2022 года, момента начала СВО, «противостояние России и Запада приобрело форму гибридной войны нового типа, развязанной странами коллективного Запада против России с целью нанести ей стратегическое поражение» [3]. Инструментами этой гибридной войны, нацеленной на подрыв национальной безопасности России, выступают, наряду с военными действиями, беспрецедентные в истории мирового сообщества торгово-экономические и политические санкции, а также информационная война, в ходе которой всячески поддерживается / идеализируется / обеляется киевский режим и дискредитируется Россия и ее правительство. Мощным фактором эскалации этой гибридной войны против Российской Федерации являются западные массмедиа, ведущие информационную войну против России, активно используя сетевые технологии и медиапространство интернета.

Одним из наиболее «старых» приемов этой информационной войны являются информационные фейки, представленные в различных формах, таких как фотомонтаж, искаженная статистика / интерпретация фактов, подмена видео. Другим приемом эскалации гибридной войны Запада против РФ, который используют западные СМИ, является пропагандистская репрезентация их участия в рядах ВСУ в социальных сетях, мессенджерах и даже на ТВ. К числу приемов эскалации противостояния коллективного Запада и РФ средствами западных СМИ следует также отнести использование интервью с известными / медийными личностями для антироссийской пропаганды как на ТВ, так и на мультимедийных площадках интернета. Примеры русофобской риторики, исходящей от представителей западного истеблишмента, освещаемые западными СМИ,

опубликованы Министерством иностранных дел РФ. Эти высказывания свидетельствуют о «беспрецедентном уровне русофобии, по сути, объявлена тотальная война всему, что связано с Россией» [4].

Заключение. Таким образом, медиатизация западного политического дискурса выступает мощным фактором эскалации гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России.

Список литературы

1. Коломиец, В.П. Медиатизация медиа / В.П. Коломиец. — М.: Изд-во МГУ, 2020. — 255 с. — ISBN: 978-5-19-011552-9/
2. Соловьёв, В.А., Морева, А.Н. Медиатизация как фактор политического воздействия на массовую аудиторию / В.А. Соловьёв, А.Н. Морева // Вестник МГЛУ. Общественные науки. — 2018. — Вып. 1 (794). — С. 89–102.
3. Алаудинов, А.А. Запад против России: особенности СВО как гибридной войны нового типа / А.А. Алаудинов // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — № 2. — URL: clck.ru/3PQbjb (дата обращения: 25.09.2025).
4. Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного истеблишмента и международных организаций (за 2022–2023 гг.). — Текст: электронный. — URL: clck.ru/3PQbrK (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 070

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ОПЫТ ЖЕНЩИН-КОРРЕСПОНДЕНТОВ В РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Прутцков Г. В., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0006-8259-3031
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, РФ
gpruttskov@hse.ru

Введение. В данной работе рассматривается роль женщин-корреспондентов в военной журналистике России, с акцентом на их вклад в освещение конфликтов с передовой, а также анализируются вызовы, с которыми они сталкиваются. Для сравнения приводятся международные параллели из опыта журналисток в Ираке и Афганистане, где женщины-репортеры преодолевали гендерные барьеры, риски и стереотипы. Исследование подчеркивает, как гендерные аспекты влияют на «передовой опыт» — от уникальных перспектив в репортажах до вклада в изменение нарратива войны.

Основная часть. Для исследования были использованы методы анализа дискурса и контент-анализа. Мы проанализировали интервью с 20 женщинами-корреспондентами (10 из России и 10 из международного контекста Ирака/Афганистана), опубликованные в период 2010–2025 годов, а также 100 статей и репортажей из источников, таких как российские СМИ

(RT, «Комсомольская правда») и международные (CNN, NPR). Анализ фокусировался на выявлении ключевых тем: вызовы (сексизм, безопасность), вклад (человеческие истории, эмоциональная глубина) и сравнительные параллели.

Результаты:

− *Историческая перспектива.*

Уже во время чеченских кампаний женщины-военкоры работали наравне с мужчинами, показывая высокий уровень профессионализма и готовность рисковать жизнью ради достоверного репортажа.

− *Работа в горячих точках.*

Современные российские журналистки освещали операции в Сирии, на Донбассе и в зоне СВО, создавая материалы непосредственно «с передовой». Это укрепляет доверие аудитории и формирует образ военкора как очевидца событий.

− *Гендерные барьеры.*

Женщинам приходилось преодолевать скепсис коллег и военных, так как долгое время военная журналистика считалась «мужской профессией». Однако успешные репортажи закрепили за ними репутацию равноправных профессионалов.

− *Формирование «женского стиля».*

Женщины чаще уделяют внимание бытовым деталям, судьбам мирных жителей, атмосфере разрушенных городов, что дополняет военную аналитику и делает картину конфликта более объёмной.

− *Эмпатийность и внимание к людям.*

Российские военкоры-женщины чаще военкоров-мужчин поднимают темы эвакуации детей, работы полевых госпиталей, помощи мирным жителям — это формирует гуманитарный аспект военной журналистики. Так, Анна Долгарева из RT рассказывает о повседневной жизни российских городов, расположенных возле передовой, показывает повседневный быт и рассказывает об ужасах, которые пришлось пережить жителям от ВСУ.

− *Работа в мужской среде.*

В репортажах из Сирии, сектора Газа и Донбасса женщины-журналисты показывали способность действовать в армейской обстановке, выдерживать физические и психологические нагрузки, что разрушает стереотип о «слабости» женской профессии. Так, американская военкор Кларисса Уорд нередко появляется в эфире из мест, где видны и слышны обстрелы армии Израиля, в прямом эфире комментируя их.

− *Патриотический акцент.*

Для российских женщин-военкоров характерна ориентация на патриотическую миссию: показать мужество военнослужащих, объяснить аудитории значение происходящих событий, сохранить память о героях.

− *Риски и безопасность.*

Женщины подвержены тем же рискам, что и мужчины: обстрелы, работа на передовой, сложные бытовые условия. При этом дополнительный

вызов — необходимость постоянно доказывать профессиональную состоятельность.

− *Влияние на образ профессии.*

Женщины-журналисты стали важной частью современного военного медиаполя. Их репортажи популярны на телевидении и в новых медиа, формируя у аудитории представление о военном корреспонденте как о мужественной, но одновременно эмпатийной фигуре.

− *Международные параллели.*

Подобные тенденции наблюдаются и у зарубежных журналисток (Ирак, Афганистан): им также приходится преодолевать барьеры, но именно они получают доступ к тем темам, которые недоступны мужчинам — например, общение с женщинами и детьми в традиционных обществах.

− *Развитие профессии.*

Опыт российских женщин военкоров показывает, что гендерное разнообразие в профессии расширяет диапазон военной журналистики — от анализа боевых действий до гуманитарных и социальных сюжетов.

− *«Передовой опыт».*

Женщины внесли вклад в выработку новых стандартов: сочетание документальной точности с эмоциональной вовлечённостью, внимание к «маленькому человеку» в условиях войны, стремление показать не только военную, но и человеческую сторону конфликта. Так, Джейн Арраф делает акцент на эмоциональной составляющей в своих репортажах, выстраивая их вокруг частных человеческих историй, которые не могут оставить зрителя равнодушным.

Выводы. Женщины в российской военной журналистике доказали, что гендер не является барьером для работы в экстремальных условиях. Их репортажи усиливают доверие к профессии, расширяют рамки военного дискурса и формируют более многослойное восприятие войны. Международные параллели показывают, что это универсальное явление: женский взгляд делает военную журналистику глубже и человечнее.

УДК 321.022

ТЕМАТИКА ПАТРИОТИЗМА И СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Распутная Л. И., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0005-0836-0291
ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, РФ
rasputnaya.li@dvfu.ru

Введение. Вопросы патриотизма, его проявления в широком спектре медийных тематик сегодня во все большей степени пересекаются с проблематикой служения Отечеству. Активная антироссийская пропаганда

за рубежом, попытки фальсификации многих важнейших событий в истории и принижение роли СССР и Российской Федерации по многих значимых событиях существенно усиливают запрос на патриотическое воспитание населения и продвижение соответствующих идей с помощью медиакоммуникаций [4]. Актуальность проблемы показывают и масштабные исследования общественного мнения. Так, в сентябре 2025 года «Коммерсант» обнародовал результаты исследования ВЦИОМ, согласно которым сегодня большинство россиян считают важным «возрождение культуры, патриотизма и духовности», при этом большинство респондентов отметило, что «не надо следовать чьим-то образцам, а необходимо глубже изучать исторический опыт России и следовать ее традициям и особенностям». Это ставит на повестку дня вопрос об активизации работы медиа в данном направлении, а также о корректировке соответствующих учебных программ по профильным специальностям в высших учебных заведениях.

Такие актуальные темы как сохранение исторической памяти во все большей степени начинают формировать и тематики региональных средств массовой информации [7]. При этом для медиа важно не просто активное освещение подобных тем, но и проявление инициативы в поиске аспектов, связанных именно с региональной проблематикой.

Учитывая ситуацию в мире, а также повсеместно активно формирующееся общество потребления, ориентированное в большей степени не на высокие идеи, а на получение сиюминутных удовольствий и развлечений, можно говорить о том, что в ближайшей перспективе актуальность проблематики патриотизма и служения Отечеству будет возрастать, причем в особенности для молодого поколения [2].

Основная часть. Специфика региональной прессы связана с тем, что она более глубоко ориентирована на население — читательскую и зрительскую аудиторию —соответствующего Субъекта Федерации, может и должна связывать актуальные проблемы текущего развития соответствующей территории с исторической памятью и значимыми событиями из прошлого страны и региона [5]. К примеру, для многих регионов российского Дальнего Востока такими тематиками будут не только Великая Отечественная война, но и война против милитаристской Японии на Тихом океане в 1945 году, Корейская война 1950-1953 годов, война во Вьетнаме и так далее. При этом проблематика патриотизма будет выходить далеко за пределы собственно материалов о конкретном событии, а затронет широкий спектр сопредельных тем и аспектов — к примеру, в освещении военного конфликта уделяется внимание работе тыла, судьбам конкретных семей и людей, и так далее. Также важно учитывать и то, что медиа создают и «информационный лифт» для инициатив читателей и зрителей, публикуя их мнения по различным вопросам, в том числе касающимся и проблематики патриотизма и исторической памяти.

К основным задачам региональной журналистики — от крупных региональных холдингов до районных газет и местных пабликов — сегодня можно отнести следующие:

− формирование постоянного дискурса по вопросам патриотизма — от исторических событий до современности, с акцентом на важности для каждого читателя и зрителя;

− вовлечение населения в обсуждение в медиа важности вопросов патриотизма, формирование устойчивого внимания к данной проблематике со стороны всех категорий населения;

− активное развитие актуальных для сегодняшнего дня жанровых тематик, к примеру, таких как военная журналистика;

− формирование в коллективах редакций журналистов или даже творческих групп и отделов, которые на постоянной основе курируют данную тематику и проявляют активность в освещении подобных тем;

− привлечение к работе интересных спикеров и экспертов, которые способны не просто активно и продуктивно формировать фактуру для соответствующих материалов, но и способны формировать принципиально новые смыслы или прочтения для материалов и событий патриотического характера;

− важнейшее значение приобретает разъяснение важности идеи Служения Отечеству для широкой читательской и зрительской аудитории, демонстрация гражданам того факта, что от каждого жителя страны и региона сегодня зависит успех национального развития.

Безусловно, решение таких задач во многом зависит и от профессионального «поколенческого» аспекта. К примеру, журналисты старой школы традиционно с высоким пиететом относятся к вопросам пропаганды патриотизма, в то время как для некоторых молодых коллег такая проблематика может и не представляться сверхактуальной. Поэтому на повестку дня во все большей степени выходит вопрос о формировании профессиональной преемственности в редакционных коллективах, активном заимствовании опыта у старшего поколения журналистов. Безусловно, свою роль в этом отношении должны играть и профессиональные объединения — прежде всего Союз журналистов России (СЖР).

Говоря о перспективах развития патриотического дискурса в региональных медиа на постоянной основе, следует акцентировать внимание на следующих важнейших аспектах:

− формирование устойчивого интереса аудитории к материалам патриотического характера, создание постоянных тематик, связанных с данным направлением;

− минимизация вероятности появления фейков и иного вида деструктивной информации по указанным проблемам за счет усиления и стабилизации объема верифицированной информации достоверного характера, распространяемой ведущими региональными медиа;

− побуждение интереса самого журналистского сообщества к подобным материалам, активизация отраслевой журналистики, связанной с подобными темами;

− формирование за счет массовой информации черт бренда территории региона, связанных с патриотизмом и патриотической проблематикой;

− содействие появлению и активизации запросов населения на патриотические материалы и тематику, что будет в целом положительно влиять на градус патриотизма в обществе.

Заключение. Рассуждая о такой важной теме, нельзя не сказать и о роли профессионального журналистского образования в данном процессе [1]. Безусловно, ответственность лежит на профильных региональных вузах, которые ведут подготовку студентов по коммуникативным направлениям подготовки, прежде всего по специальности «Журналистика» [3]. От того, в какой мере проблемы патриотизма и служения Отечеству будут затрагиваться в программах обучения, будет зависеть и качество молодых специалистов и кадров для отрасли [6]. Огромное значение в этом отношении имеет не только деятельность профессорско-преподавательского состава, но и взаимодействие с практиками медиаотрасли, которые должны принимать деятельное участие в обучении студентов и предоставлять базы для прохождения ими практики в процессе обучения.

Список литературы

1. Аргылов Н.А. Высшее журналистское образование на Дальнем Востоке: история ДВГУ — ДВФУ /Н.А. Аргылов // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы. – Владивосток, 2021. – С. 7-16.
2. Вартанова Е.Л. Медиапотребление на современном этапе нуждается в исследованиях /Е.Л. Вартанова // Медиатренды. – 2020. – № 1. – 16 марта. – Режим доступа: https://www.journ.msu.ru/downloads/2020/MediaTrendi_73.pdf (дата обращения 20.09.2023).
3. Кто вы? Акулы пера или дятлы клавиатуры? // Учебное пособие / В.Л. Агапов, К.В. Баринова, Л.А. Васильева, П.Ю. Самойленко, И.С. Гладкова, Л.Ю. Григорьева, Р.А. Захаркин, Л.Е. Кириллова, Т. Д. Лыкова, Е.Ю, Олейникова, Т.В. Прудкогляд, Л.И. Распутная., Е.В. Федорова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2020. – 134 с.
4. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме / А.В. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Том 8. – №2. – С. 47-66.
5. Самойленко П.Ю. Роль медиа Дальнего Востока России в процессах формирования идентичности и патриотизма населения: актуальные задачи, возможности и перспективы /П.Ю. Самойленко // Дальневосточные пропилеи : материалы международной научной конференции, ДВФУ, 16– 18 апреля 2024 г. / ред. кол.: Г. В. Алексеева (отв. ред.), Г. У. Лукина, В. С. Никифорова, Н. А. Федоровская, А.В. Чернова, И. И. Крыловская. —Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2024. —ISBN 978-5-7444-5694-8. С. 341-347.

6. Тулупов В.В. Подготовка медиаспециалистов в вузах современной России: проблемы и перспективы / В.В. Тулупов // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 1. – С. 4–9.
7. Якова Т.С., Янгляева М.М. Лидерство в гуманитарной сфере: интерес к журналистике в регионах мира в условиях «академического капитализма» / Т.С. Якова, М.М. Янгляева // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 278–295.

УДК 371

ЛОГИКА ПРОТИВ ДЕЗИНФОРМАЦИИ: МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ ВЫЯВЛЕНИЮ FAKE-NEWS В СМИ

Струговец В. М., канд. полит наук, ORCID 0009-0009-2399-0493
ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского», г. Москва, РФ
strugvec@rambler.ru

Введение. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий сформировало новые феномены. «Информационные войны», «кибервойны», «когнитивные войны», «ментальные войны», «информационно-психологическое воздействие» — эти понятия прочно вошли в лексикон не только специалистов. Дезинформация стала обязательной составляющей войн нового поколения, «новым оружием массового поражения, эффективной защиты от которого человечество пока не придумало» [4]. Феномен дезинформации как совокупность методов и приемов влияния и как технология войн нового уровня достаточно широко исследован такими российскими учеными, как Г.В. Вирен [1], О.Е. Воронова [2], И.Н. Панарин [5] и др. Проблема дезинформации (fake-news) настолько обострилась после начала специальной военной операции (СВО) на Украине, что Президент России В.В. Путин вынужден был назвать западное сообщество «империей лжи» [6].

Цель. В последнее время особое внимание в выявлении дезинформации уделено использованию технологий искусственного интеллекта: созданию и развитию программ на основе алгоритмов первичной автоматической фильтрации и распознавания дипфейков, обработке естественного языка в целях выявления лингвистических признаков эмоций и др. Но при всем развитии технологий не менее значимым остается способ повышения медиаграмотности, формирования «особого медиаиммунитета» [4] к информационно-психологическому воздействию у общества в целом и медиаспециалистов/журналистов, в частности.

Основная часть. К настоящему времени сформировалось несколько основных подходов к выявлению дезинформации: лексический,

тематический, знаниевый. К.В. Злоказов, М.Б. Ворошилова и Ю.В. Злоказова в своем коллективном исследовании «Информация или дезинформация? Читатель и fake-news» дают им подробные пояснения [3].

Автор в целом согласен с подходом названных ученых, но, исходя из собственного опыта работы военно-политическим обозревателем, редактором отдела международной жизни федеральных СМИ, ранее проведенных исследований в сфере информационно-психологического противоборства [7, 8], предлагает дополнить вышеприведенный перечь методикой выявления дезинформации на основе логики.

Какие нарушения законов формальной логики присущи дезинформации?

- Подмена и смешение понятий, двусмысленность, логические софизмы, то есть кажущиеся правильными, но ложные по существу умозаключения, основанные на преднамеренно неправильном подборе исходных положений.
- Противоречия в намерениях, фактах, доказательствах, выводах.
- Неопределенность утверждений, логические парадоксы, наличие третьего и других вариантов развития событий.
- Нарушение причинно-следственных связей путем подбора ложных причин, неполных объяснений и формулирования противоречивых оснований.

Перечисленные признаки дезинформации говорят о нарушении сразу нескольких законов логики: закона тождества, закона непротиворечия, закона исключения третьего и закона достаточного основания.

Методика выявления дезинформации, по мнению автора, состоит из следующих этапов: предварительная обработка сведений; вскрытие фактов подмены понятий и тезисов; выявление противоречий и противоположностей в суждениях; составление доказательной базы; применение общедоступного программного обеспечения; подведение итогов и принятие решения.

Рассмотрим каждый из этапов подробнее.

Этап 1. Предварительная обработка сведений: найти и выделить все понятия, суждения и утверждения, содержащиеся в тексте; определить логические структуры понятий, суждений и утверждений.

Этап 2. Вскрытие фактов подмены понятий и тезисов с использованием первого закона формальной логики — закона тождества. Нарушение закона тождества — в частности, использование многозначных слов или словосочетаний, замена частных суждений общими — приводит к подмене понятий и созданию двусмысленности в информации.

Этап 3. Выявление противоречий и противоположностей в суждениях: используя второй и третий законы логики, выявляем и фиксируем противоречия в информации.

Этап 4. Составление доказательной базы: в соответствии с четвертым законом логики доказательства формулируем так, чтобы они были не только

подкреплены определенными аргументами, но и имели достаточное их (аргументов) количество и сами логично вытекали из этих аргументов.

Этап 5. Применение информационно-технологического и программного обеспечения.

Этап 6. Подведение итогов и принятие решения: обобщение полученных данных, формулирование логического вывода.

Заключение. Применение предложенной методики выявления дезинформации на основе законов логики, и это подтверждено в ходе практических и семинарских занятий с обучающимися, позволяет будущим журналистам выявить дезинформацию, определить ее вид, проверить достоверность источников, фактов. Методика апробирована в двух вузах, где готовятся военные и гражданские медиаспециалисты: с курсантами и студентами, обучающимися на кафедре «Информационное обеспечение» Военного университета им. князя Александра Невского Минобороны обороны РФ и на кафедре «Медиакоммуникации» Российского государственного гуманитарного университета.

Список литературы

1. Вирен Г.В. Современные медиа: Приемы информационных войн / Г. Вирен. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 126 с.
2. Воронова О. Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань, 2018. — 188 с.
3. Злоказов К.В. Информация или дезинформация? Читатель и fake-news / К.В. Злоказов, М.Б. Ворошилова, Ю.В. Злоказова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 6 (90). — С. 168–175.
4. Макашова В.В. Дезинформация как оружие массового поражения: проблема диагностики / В.В. Макашова // Сб. науч. работ по итогам Междунар. науч.-практ. конф. «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12–13 октября 2023 г.). — Н.Новгород: Изд-во «Союзкнига», 2023. — С. 190–203.
5. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны /И.Н. Панарин. — Москва: Litres, 2017. — 531 с.
6. Путин назвал западные страны «империей лжи» после введения новых санкций. URL: https://www.rbc.ru/politics/28/02/2022/621cbe6b9a794770558ada7f (дата обращения: 16.08.2025).
7. Струговец В.М. Развитие компетенций по информационному противоборству у курсантов, обучающихся по специальности «военная журналистика» / В.М. Струговец // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2025. — № 1 (76). — С. 201–210.
8. Струговец В.М. Формирование навыков информационного противоборства у будущих офицеров / В.М. Струговец // Цифровые практики и медиатренды в инфокоммуникационном пространстве. Секция № 25 «Цифровые практики и медиатренды в инфокоммуникационном пространстве» XXXV Междунар. науч.-практ. конф. (Химки, 26 февраля 2025 г.). — Химки, 2025. — С. 242–246.

УДК 615.849

ЖУРНАЛИСТЫ, РАБОТАЮЩИЕ В ЗОНЕ СВО: ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ НАДЕЛЕНИЯ СТАТУСОМ УЧАСТНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (УБД)

Фомин А. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8396-3624
ФГАОУ «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, РФ
akstudent_rudn@rambler.ru

Введение. Журналисты, работающие на освобожденных территориях (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), согласно действующему законодательству, не могут претендовать на получение статуса участника боевых действий (УБД). При этом информационная война, согласно теории и практике, является одним из компонентов любого противостояния. Деятельность представителей медиа осуществляется в условиях, приближенных к боевым, а также непосредственно в зоне боевых действий. Тем не менее, соответствующие нормы законодательства на них не распространяются.

Цель. Доказать на конкретных примерах, что деятельность журналистов в зоне проведения специальной военной операции (СВО) также де-факто имеет отношение к боевым действиям, а её исполнители в ряде случаев несут сопоставимые риски с военными. Данная деятельность журналисткого сообщества из плоскости де-факто должна быть закреплена в законодательстве (де-юре).

Основная часть. В теоретическом аспекте информационные войны как компонента классической войны на поле боя не нова, и её определённые проявления можно выявить как во времена Крымской войны (1853-1856 гг.), так и во времена Первой мировой войны (1914-1918 гг.) или Второй мировой войны (1939-1945 гг.). Отметим также, что холодная война (1946-1992 гг.) всецело лежала в плоскости информационного противостояния коллективного Запада и СССР.

Во всех вышеуказанных примерах — основных участников, по нашему мнению, можно разделить на две основные категории: работающие в тылу или непосредственно в зоне боевых действий (претендующие на статус Участника боевых действий (УБД)). Например, во времена Второй мировой войны: диктор Всесоюзного радио Ю. Левитан работал из Москвы и Куйбышева, а военнослужащие Седьмого отдела Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУРККА) — на передовой. Последние, рискуя жизнь, разбрасывали агитационные материалы с низколетящих самолётов над оккупированными территориями СССР и в тылу врага. Уже в 1943 г. советские оружейники специально для нужд ГлавПУРККА разработали и изготовили т.н. агитационную авиабомбу АГБ-100-30. Она

помимо того, что могла вмещать в себя до 2000 агитационных листовок, ещё обеспечивала и психологический эффект, доставляя необходимые информационные материалы на большое расстояние от линии фронта [4].

Проводя параллели с СВО (2022 г. — н.в.) мы можем прийти к выводу, что содержание работы в информационном противостоянии не изменилось, а претерпели некоторые изменения формы работы:

Во-первых, сегодня, как десятки лет назад, акцент в содержательном аспекте делается на психологический и информационный эффект. Например, после битвы под Москвой (1942 г.) активизировал свою работу ГлавПУРККА, т. к. количество противников войны в войсках врага выросло до 77%. Это позволило советским специалистам активизировать свою работу по морально-волевому разложению противника.

В 2022-2025 гг. на фоне негативного отношения в тылу противоборствующей стороны к принудительной мобилизации (более 50% респондентов) активизируется работа наших специалистов по распространению аудиовизуального контента с кадрами последствий разгрома украинских войск.

Во-вторых, в отношении формы противостояния здесь как остались аналоги того же ГлавПУРККА в виде Центра информационно-психологических операций ВСУ (ЦИПсО), но также и появились новые акторы: государственные и частные СМИ, военные корреспонденты, блогеры и другие [2].

Так, если во времена Второй мировой войны отработка основных информационные задач находилась в зоне ведения военных, а журналисты были всего лишь ретрансляторами, то начиная с 90-х гг. XX ст. журналисты, блогеры стали одними из акторов как социально-политических процессов, так и различных воин, противостояния на земле. По нашему мнению, этому способствовали:

− развитие сети Интернет в 90-х гг., а также социальных сетей и видеохостингов в 2000-х гг.;

− глобализация и рост доступа населения к образованию (онлайн-обучение, повышение квалификации) и современной технике для передачи информации;

− соответствующее появление альтернативных медиа и прочее.

В этих новых информационных реалиях монополия военных на информацию в условиях военных конфликтов сократилась. В свою очередь, с их стороны приняты соответствующие нормативно-правовые акты для регулирования «хаотической» деятельности медиа. Одним из последних в данном контексте является «Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 04.11.2022 № 547 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации». Он, в свою очередь, регламентирует порядок публичного освещения множества аспектов СВО [1].

Факт, что отрицать фактор журналистов и блогеров в информационном противостоянии уже нельзя. На освобождённых территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей только официально работают десятки корреспондентов федеральных изданий (РИА Новости, ТАСС, Известия и прочее), а также начали свою работу новые региональные СМИ: телеканал «Таврия» (Херсонская обл.), «ЗаТВ» (Запорожская обл.), редакции интернет-издания «Блокнот» (во всех новых субъектах) и многие другие.

С учетом выстроенной нормативно-правовой архитектуры журналисты официальных СМИ в рамках выполнения своих редакционных заданий на линиях боевого соприкосновения (ЛБС) не только рискуют жизнью и здоровьем, но и обеспечивают выполнение информационных задач в рамках СВО. В свою очередь, это может быть как прямое выполнение задачи по линии военной или правоохранительной системы, так и непрямое (неосознанное как задача) [3].

Заключение. Учитывая вышесказанное, считаем рациональным предусмотреть в отечественном законодательстве право для журналистов, работающих в зоне СВО, на получение статуса Участника боевых действий. Данный статус может быть предусмотрен исключительно для тех, кто согласно редакционным заданиям осуществлял свою деятельность в зоне линии боевого соприкосновения или определенных опасных зонах (например, в Херсонской области таковой являет «красная» 15 км. зона от левого берега р. Днепр) на протяжении определённого срока. Например, по аналогии с военными-контрактниками (от 1 года).

По нашему мнению, помимо общегуманитарной идеи справедливости в российском обществе, это станет одним из инструментов мотивации ответственных лиц при исполнении журналистского долга во время конфликта. Также может стать дополнительной мерой социальной поддержки. Отметим, что при условии отсутствии средств в федеральном бюджете данный статус может быть присвоен с минимальными льготами.

Список литературы

1. Журавлева, Л.А. Современная информационная война / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина // Образование и право. — 2022. — 9 (12). — С.18–26. — EDN MWPLDU.
2. Курепин, Е.И. Информационный терроризм на примере ЦИПСО/ Е.И. Курепин, Д.А. Сайгидов // Постсоветские исследования. — 2024. — 7 (№3). — С. 29–300. — EDN FPKCIK.
3. Клинцова М.Н. Тактика ведения информационной войны во время СВО / М.Н. Клинцова // Российская школа связей с общественностью. — 2023. — №29. — С.56–69. — EDN RVGCIX. —DOI 10.24412/2949-2513-2023-29-56-69.
4. Ларионов, А.Э. ГлавПУРККА и духовная сторона фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны / А.Э. Ларионов // Учёные записки Российского государственного социального университета. — 2012. — №8 (108). — С. 51–55. — EDN QBHFAP.

УДК 070

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КОГНИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Христенко К. М., ORCID 0009-0001-1411-9745
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.khristenko.dongu@mail.ru

Введение. Социальные медиа обеспечивают мгновенное распространение информации, создают условия для горизонтальной коммуникации и формируют глобальную повестку в политических конфликтах. Украинский кризис с 2014-го и резко обострившийся в 2022-м году, показал, что цифровые платформы могут быть использованы как мощный инструмент мобилизации общества и информационного противостояния [4, с. 143–144].

Цель исследования — охарактеризовать роль социальных медиа как инструмента когнитивного воздействия в украинском конфликте, представить типологию информационно-психологического инструментария.

Основная часть. Социальные медиа позволили вызывать сильный эмоциональный отклик для сплочения общества, поддержки фронта и привлечению международного внимания. В современном мире горизонтальные связи через цифровые каналы становятся столь значимыми, как и традиционные вертикальные структуры власти [3, с. 52]. Происходит медиатизация войны, где восприятие вооружённых конфликтов определяется тем как они представлены в медиапространстве.

В данном исследовании рассмотрены методы информационно-психологического воздействия, практикуемые представителями украинских специальных служб, неонацистскими и иными деструктивными формированиями с использованием интернет-пространства. С позиций анализа социально-психологической динамики такие практики рассматриваются как средство манипуляции коллективными представлениями и эмоциональными реакциями населения с целью дестабилизации устойчивости социальных институтов и подрыва стабильного функционирования общественных связей [2, с. 53].

Исходя из вышесказанного мы можем представить следующую типологию информационно-психологического инструментария для когнитивного воздействия в украинском конфликте:

1) размещение на популярных интернет-платформах, видеохостингах и иных сервисах рекламных материалов в текстовом, фото или видеоформате, содержащих сведения о потерях личного состава и военной техники РФ, сопровождаемых демонстрацией погибших военнослужащих;

2) телефонные операции психологического давления с массовой рассылкой угроз и недостоверной информации, целевые телефонные уведомления с ложными сообщениями о гибели близких в зоне боевых действий с целью морально-психологического давления;

3) публичное распространение или угрозы распространения персональных данных как военнослужащих, так и гражданских лиц, активно демонстрирующих патриотическую позицию. Цель таких действий заключается в устрашении, принуждении к сотрудничеству или вовлечении в незаконную деятельность;

4) разработка и продвижение различных информационных ресурсов, маскируемых под гуманитарные программы, с целью формирования доверия и легитимизации деятельности противника;

5) создание и популяризация экстремистских организаций псевдопатриотического характера в сети Интернет посредством рекламных кампаний, рассылки сообщений и производства медиа-контента;

6) распространение сообщений в интернет-пространстве о деятельности т.н. «украинского подполья» на территориях, подконтрольных Российской Федерации, включая публикации листовок проукраинского содержания, граффити с проукраинской или экстремистской символикой на стенах зданий и аналогичного контента. Часто такие материалы являются подложными, с использованием фотомонтажа, видеомонтажа или подмены локаций;

7) продвижение информационных ресурсов и блогерских аккаунтов, позиционируемых как представительные площадки местного населения. Данная практика предполагает симуляцию локального происхождения авторов контента с целью повышения доверия и легитимизации распространяемых нарративов;

8) разработка веб-сайтов и телеграм-ботов, ориентированных на сбор сведений о военнослужащих РФ и действующих от имени предполагаемых спецслужб противника с обращением к проукраински настроенным сегментам аудитории. Возможна стратегическая маскировка под официальные российские или общественные ресурсы (например, сайты-мемориалы ветеранов СВО, поддельные телеграм-боты, относящиеся к вооружённым формированиям), что обеспечивает повышенную убедительность и расширяет возможности по сбору целевой информации;

9) распространение ложных материалов о совершении военных преступлений и противозаконных действий со стороны военнослужащих, сопровождающееся методиками дискредитации и активной дегуманизации целевых групп. Применяется «язык вражды» — целенаправленное внедрение в медиапространство дегуманизирующих эпитетов в адрес граждан РФ и лиц русской национальности (ярлыки и оскорбительные прозвища, такие как «орки», «русня», «ватники»). Это инструмент формирования негативных стереотипов, усиления межгрупповой враждебности и легитимации последующих актов агрессии [4, с. 151–152];

10) распространение сфабрикованных сообщений, исходящих от ложных очевидцев о совершённых обстрелах населённых пунктов со стороны ВСРФ;

11) публикации новостных материалов о регулярных визитах западных политических деятелей на территорию Украины и ответные поездки украинских политиков в страны Запада. Такие сообщения являются элементом информационного воздействия с целью формирования у аудитории определенных оценочных представлений о международной поддержке.

Заключение. Целевые воздействия направлены на манипуляцию индивидуальными психологическими структурами с целью их деконструкции и последующего формирования новой поведенческой и когнитивной модели необходимой для инструментализации в интересах противника [2, с. 54]. Информационная война при этом выполняет системообразующую функцию дестабилизации, её основная задача — нарушение устойчивости и функционирования социальных систем (государственных институтов, общественных структур, вооружённых формирований и прочих групп), вне зависимости от их масштабов [1, с. 165].

Список литературы

1. Байша, О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана / Ольга Байша. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 184 с. — ISBN 978-5-7598-2371-1.
2. Горина, Е.В. Когнитивное взаимодействие и когнитивное столкновение в Интернете / Е.В. Горина, Э.А. Лазарева // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 48–56.
3. Горина, Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: [учеб.-метод. пособие] / Е.В. Горина ; [науч. ред. Э.В. Чепкина] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 67 с.
4. Лестев, А.Е. Использование манипуляционных технологий в процессе украинского государственного переворота и информационной войны против России / А.Е. Лестев // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 3. — С. 139–154.
5. Шейнов, В.П. Манипулирование сознанием / В.П. Шейнов. — Минск : Харвест, 2010. — 768 с.

УДК 070: 791.43

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ВОЕННОГО КИНО О ДОНБАССЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чайка О. С., ORCID 0009-0000-5289-3347
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
oschaika@mail.ru

Введение. Коллективная или национальная идентичность тесно связана с такими терминами, как «патриотизм», «национальная идея» и «гражданское самосознание», но синонимичным для них не является [3]. Однако их взаимосвязь позволяет предположить, что в рамках информационной войны данный термин также играет важную роль в конструировании медиареальности. К тому же коллективная идентичность ныне упоминается и в контексте обеспечения национальной безопасности. Так, выступая на Валдайском форуме ещё в 2018 году Владимир Путин отметил, что «нам надо укреплять свою идентичность. Наша национальная идентичность, культура, история — это то, что делает нас такими, какие мы есть. Иначе мы просто будем размыты, перестанем существовать» [1]. Документальное кино о Донбассе, транслируя духовно-нравственные ценности, прививает аудитории чувство сопричастности к событиям, определяющим дальнейшее развитие государства. Фиксируя реальность, такое кино помогает понять и сохранить историю настоящего и сформировать образ страны для будущих поколений.

Цель исследования состоит в изучении ключевых аксиологических механизмов формирования коллективной идентичности в документальном военном кино о Донбассе.

Основная часть. Коллективная идентичность представляет собой концепт, в основе которого лежат классические конструкты социально-философского знания, в частности, такие, как «коллективное сознание» Э. Дюркгейма и «классовое сознание» К. Маркса. Общее у этих концептов то, что ими охватывается некое «мы» сообщества и общие признаки, присущие его членам. Социологи первыми начали говорить о коллективной идентичности. В их работах мы находим понимание того факта, что формирование идентичности предполагает такую степень интернализации традиций, обычаев и норм, когда действующий индивид уже не отделяет себя в определенном плане от группы, воспринимая нечто происходящее как имеющее отношение не к нему отдельному, а к определенному «мы» [2, с. 163].

В условиях информационного противостояния способность документального кино влиять на ценностное восприятие зрителем текущей

действительности позволяет активно использовать его в качестве инструмента формирования коллективной идентичности.

Документальные фильмы о событиях на Донбассе позволяют аудитории идентифицировать себя с представленными на экране героями из разных категорий: от добровольца на фронте, до волонтёра в тылу, от мирного жителя населенного пункта, находящегося на линии боевого соприкосновения, до музыканта, дающего концерт для бойцов в сотне метров от противника. Многогранный процесс создания образа героя в такого рода документалистике позволяет зрителю пропустить через себя ценности демонстрируемых в кадре личностей, а также воспринять и приобщить к себе их мировоззренческий опыт. Ярким примером такого воздействия может служить документальный цикл «Лики Донбасса» Александры Франк, который состоит из серии интервью с жителями Донбасса разных возрастных и социальных групп, например, мальчик — сын погибшего военнослужащего, ветеран Великой Отечественной войны, девушка-волонтёр, директор городской школы, донецкая поэтесса и так далее. Через систему образов героев зрителям показывается картина сложной борьбы Донбасса, его непростого пути в Россию. Эмоциональные реакции героев на вопросы интервьюера позволяют коротко, но всеобъемлюще продемонстрировать ценности, за которые сражаются люди Донбасса. Они выступают в роли морально-нравственных ориентиров для аудитории, поддерживая в ней чувство патриотизма, народного сплочения и верности своим идеалам в любых обстоятельствах.

В фильмах о Донбассе также создается конфронтация «мы» — «они», что является важным аспектом в формировании коллективной идентичности. Демонстрируя в кадре последствия действий противника и подкрепляя это в противовес действиями и размышлениями героев фильма, документалисты усиливают влияние на зрителя нравственного образа героя, а также формируют образ врага — идеологического оппонента. В результате документальное кино способствует консолидации общественности вокруг единых ценностей и целей. В качестве примера фильма, где чувствуется конфронтация «мы» — «они» можно привести цикл Максима Фадеева «Донбасс на линии огня». Данные фильмы подготовлены с помощью метода наблюдения, не содержат закадрового текста, чем повышают свою значимость с позиции фиксации реальности, которая является важным аспектом доверительного отношения аудитории к документальному кинопродукту. Честные кадры о событиях 2014- 2015 годов позволяют создать эффект присутствия и соучастия. Герои фильма, простые люди, живущие почти на передовой, ополченцы, ведущие сражение с врагом практически у стен своих домов, делятся фрагментами жизни и своими размышлениями о родной земле, о долге, о справедливости и сплочении перед лицом общего врага. Проекты подобного рода постепенно, но глубоко погружают аудиторию в военные реалии, вызывают

отрицательное отношение к стороне противника, творящего бесчинства на донбасской земле, повышают чувство коллективной ответственности, а также формируют гражданскую позицию.

При этом важно отметить, что документирование текущих военно-политических событий необходимо и для использования будущими поколениями. Чтобы избежать в дальнейшем искажения исторических фактов, уже сейчас необходимо структурировать и применять на регулярной основе в образовательных и просветительских проектах труды режиссёров-документалистов и военных корреспондентов, снятых на материале донбасских событий. К примеру, в фильме «Молодая гвардия 2.0» нам рассказывается история о героизме разных поколений. Лейтмотив фильма звучит в цитате одного из добровольцев: «Если не я, то кто тогда?» и подчеркивает историческую преемственность. Переживания и уроки данного фильма могут создать прочную коллективную идентичность и заложить фундамент для будущих общественных трансформаций.

Заключение. На протяжении многих лет документальное кино является действенным инструментом идеологической пропаганды, способно влиять на общественное мнение и изменять систему ценностей. В контексте нынешней военно-политической ситуации неигровое кино о событиях на Донбассе, а с 2022 года — о событиях в зоне проведения специальной военной операции в целом, способствует формированию коллективной идентичности нового порядка. Борьба за нарратив, продолжающая уже долгое время и с каждым годом набирающая обороты, требует от журналистов и документалистов готовности создавать документальные проекты, которые формируют в обществе устойчивое отношение к реальности. Понимание потенциала неигрового кино о Донбассе позволит сделать его эффективным инструментом воздействия на общественное мнение и в дальнейшем будет способствовать сохранению коллективной идентичности, вопреки информационным атакам идеологических противников.

Список литературы

1. Россияне должны укреплять свою национальную идентичность, считает Путин // Информационное агентство РИА. 2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20181018/1530980284.html (дата обращения: 23.09.2025).
2. Смолина, Е.О. Феномен «культурной травмы» в современной российской кинематографии / Е.О. Смолина // Политическое управление (электронный журнал). — 2014. — № 2(8). — С. 151–157.
3. Шкодинский, С.В., Значение киноиндустрии в формировании национальной идентичности / С.В. Шкодинский, П. Кремер, А.И. Туманов // Ценности и смыслы. — 2019. — №. 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kinoindustrii-v-formirovanii-natsionalnoi-identichnosti (дата обращения: 23.09.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык. Грамматика и словообразование

Агаркова М. Д., Теркулов В. И. Атрибутивные аббревиатуры: модели эквивалентности 5

Алтухова А. А., Теркулов В. И. Вариативность в области инициальной аббревиации 8

Борозенец Д. И. Словообразовательное гнездо с вершиной *гадать* в семантическом поле когниции (динамика развития семантики в XI–XIX вв.) 11

Емельянова К. Ю. Принципы составления словарных статей для словаря аббревиатурных конструктов 14

Замальдинов В. Е., Замальдинова В. В. Суффиксальные новообразования в заголовках электронных СМИ 17

Рязанова В. А. Опыт прескриптивного описания инициальных апеллятивов в «Словаре аббревиатур государственного языка Российской Федерации» 20

Смирнова И. Р. Инициальные онимы как формально-ономасиологическая разновидность аббревиатур 23

Станкус Е. Н. Типология реляционных дешифровальных стимулов сложносокращённых апеллятивов 26

Сытник А. К., Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности как семантическое поле .. 29

Теркулов В. И. Словарь сложносокращённых слов как основа проекта «Большой толковый словарь аббревиатур русского языка» 32

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

Барышева А. И. Искажение смысла текста как результат нарушения грамматической нормы 35

Белых А. В. Паремии-трансформы как отражение динамики духовно-нравственных ценностей в русской лингвокультуре: лингвокультурологический анализ 38

Бойко В. Н., Романько В. В. Различные аспекты изучения речевой агрессии 41

Бурляй А. С. Маркеры субъективности и объективности речевой деятельности языковой личности российского военного корреспондента 44

Гладкая Н. В. Категория «свой-чужой» через призму политических мемов 47

Глибина А. А. Особенности терминологического аппарата псевдонаучного дискурса 50

Дмитриева А. А., Пономаренко С. Д. Лингвистические компетенции в юридическом образовании: вызовы и возможности 53

Евсеева М. Г. Семантическая парадигматика лексических единиц как объект исследования 56

Кайдаш М. А. Мифологемы дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры в украиноязычном тексте 60

Калмыкова Д. А. Лексика со значением домашнего обихода и бытовой утвари в произведениях Н. В. Гоголя 63
Карпенко А. В. Лингвокультурный аспект карточных номинаций 66
Куксина О. И., Соколова Н. В. Средства выражения речевой агрессии на лингвистическом уровне 67
Малышева М. С. Рок-поэзия как междисциплинарный комплексный феномен: лингвистический аспект 73
Мельник Е. В., Хомчак Е. Г. Стиль книги А. Лисьева «Не прощаемся!» 76
Панчехина М. Н. «Словарь донецкой речи» в работе со студентами 79
Скороходова А. В., Гладкая Н. В. Особенности использования оценочной лексики в политическом дискурсе 82
Соснина Л. В. Этнофолизмы как способ проявления языковой агрессии 85
Торопыно Д. И., Атаманова Н. В. Лексико-грамматические средства выражения цветовых образов в поэзии Ф. И. Тютчева 88
Фирсова Я. В. Речевой жанр в лингвистике: методы и подходы к изучению 91
Хомчак Е. Г., Волкова И. В. Особенности идиостиля Ю. М. Лощица 93

Подсекция 2

Бессарабов О. В., Бессарабова Ю. В. О русском языке в современном мире 97
Ельцова О. В. Проблемы изучения русского языка в Монголии: история и современность 100
Леуцкая Н. В. Актуальные проблемы постановки ударения в современном русском языке 103
Миргородская А. Ю. Динамика изменений орфоэпической нормы в современном русском языке 106
Ярошевская А. В. Актуальные проблемы лингворусистики 109

Актуальные проблемы регионалистики

Епифанова Т. В. Специальная лексика как структурный компонент милитарного дискурса 112
Жулева М. И. Номинации аптечных организаций в городском ономастическом пространстве Оренбурга 115
Зарицкая И. Н., Московская Т. В. Структурно-семантические модели эргонимов в сфере услуг 118
Курмакаева Н. П. Устойчивые словосочетания региональной обусловленности в донецком тексте 121
Марченко А. С. Региональный поэтизм как лингвокультурное явление 124
Прищепа М. М. Культурные коды в урбанонимиконе Витебского региона 127
Стебунова А. Н., Халабузарь А. О. Моделирование концепта «родина» в сознании студенческой молодежи Донбасса 130
Тарасенко Т. В., Насалевич Т. В. Проявления фразеологической интерференции в новых регионах Российской Федерации 133

Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

Боговая О. Ф. Освещение необходимости проведения специальной военной операции в российском политическом дискурсе (на материалах публичных выступлений С. В. Лаврова) 136

Быстрова Е. Н., Милько Н. Е., Юрченко Т. Г. Лексические и речестилистические особенности проявлений интерференции (на материале устной речи жителей новых регионов) 139

Дворцевая А. В., Скиба И. Г. «Язык вражды» как маркер конфликтогенного дискурса Донбасса 142

Золотарева Е. В. Специфика использования военной лексики в информационных и публицистических жанрах студенческой журналистики Донецкой Народной Республики 145

Общее, славянское и прикладное языкознание

Башлыкова О. В. Языковая личность как психолингвистический феномен 148

Борисова Л. П., Чебоксарова Ю. А. Из истории русского правописания XVIII века: В. Е. Адодуров и В. П. Светов 151

Войлошникова В. Э. Зарицкая И. Н. Психологическая стимуляция активного усвоения орфоэпической системы неродного языка 154

Гранина Д. И., Касьяненко Н. Е. Антропонимы как средство характеристики персонажей в произведениях жанра фэнтези В.А. Русанова 157

Емельяненко А. В. Лингвистический анализ текста: функции курсива 159

Касьяненко Н. Е. Вербализация концепта «Донбасс» в произведениях современных донецких поэтов о войне 162

Миняева П. Д. Языковая специфика паремий в контексте развития функциональной грамотности школьников 165

Приходько С. А. Обособленное определение в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»: прагматический потенциал полемического средства 167

Титаренко Э. А. Особенности аргументации в рекламе образовательных услуг .. 170

Янышевская В. В. Исторический комментарий в процессе изучения местоимений на уроках русского языка в школе 173

Ярошенко Н. А., Менякина А. А. Метафорическое осмысление феномена «русский код» в публицистическом дискурсе А. А. Проханова 176

История русской литературы и теория словесности

Бедулева О. А. Особенности риторической стратегии в «Исповеди» М. А. Бакунина 181

Белоконь С. А. Ирония и гротеск в интеллектуальной романистике Константина Вагинова 184

Борода Е. В., Талалаева О. Г. Принятие утраты и процесс взросления в литературе для подростков 186

Бочацкая А. А. Анализ социально-политического контекста в романе Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» 188

Вдовина В. О., *Шабалина Н. Н.* Отображение внутреннего мира персонажей-подростков посредством внешнего вида в повести Д. Доцук «Мандариновая пора» 191

Вольвач А. В. Принципы воплощения авторской позиции в повести «Живи и помни» В. Г. Распутина 194

Вусик А. Л. Лингвистический феномен фанфиков 197

Губарева М. А. Сходство созидательных моделей геопоэтики с творческим методом художников-импрессионистов 201

Даренский В. Ю. Архетип «инициации» в книге Б. Л. Пастернака «Второе рождение» 204

Дяченко С. А. Алгоритмический анализ стиля Пушкина: возможности и ограничения искусственного интеллекта 207

Жаравина Л. В. Синергия любви в произведениях позднего Л. Н. Толстого 210

Иванов К. Г. Анималистический образ (конь) в лирике Н. Н. Туроверова 213

Ильина С. А., Стрыгина П. А., Сусаков Н. Ю. Амбиутопизм творчества Кира Булычева 216

*Квашина Л. П. «*Возврат Чацкого в Москву…» Е. П. Ростопчиной: опыт литературного продолжения 219

Квашина Л. П., Остахова П. А. «Естество» и «общежитие» в повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и драматической поэме «Пугачев» С. А. Есенина 223

Куприянова А. А. Героическая концепция в мемуарах «На грани веков» П. Проскурина 226

Лардыгина О. А., *Юдина Е. В.* Симбиоз как основа формирования художественного образа Антохи Волкова — героя романа-сказки «Гимназия № 13» А. Жвалевского, Е. Пастернак 229

Логвинова И. В. Тема патриотического воспитания в мемуарной литературе о войне (на примере книги А. Савельева «Война в 16. Из кадетов в «диверсанты») 232

Майборода Н. В. Возрастная типология читателей фэнтези (творчество Натальи Щербы) 235

Миннуллин О. Р. Две войны в стихотворении А. Т. Твардовского «Две строчки» 238

Несмачная Ю. Н. Мотив света и тьмы в пьесе А.И. Солженицина «Свет, который в тебе» 241

Ошейко С.П. Феноменология воли в рассказе Ф. К. Сологуба «Смерть по объявлению» 244

Першина К. В. Демонстрация как инструмент реализма в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» 247

Полякова И. С. Анализ сборников рассказов А. Петренко (Ралота) «Институт благородства» и «Записки старого чиновника» 250

Сенчина Л. Т., Ярема А. В. Эволюция элегического жанра в творчестве А. П. Сумарокова 253

Талалаева О. Г., Бородa Е. В. Россия в слове: творческий диалог эмигрантской прозы с утраченной Родиной 256

Томашевская Н. В. Роль второстепенных персонажей в раскрытии конфликта пьесы А. Салынского «Ложь для узкого круга» 259

Третьякова К. С. Проблема творческой рефлексии И. И. Ликстанова (на материале писем и воспоминаний) 261

Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О. Повесть «Войди в наш светлый мир» Н. Д. Шумакова как гоголевский тип петербургской повести 264

Ярошевич И. А. Семенова И. Г. Вертепное представление как часть рождественского обряда 267

Ярошевич И. А., Шевченко С. С. Былинная традиция в творчестве Н. А. Некрасова 270

Журналистика и медиакоммуникации: вызовы и тренды

Подсекция 1

Антонова В. И., Резяпкина Л. Н. Агитационно-пропагандистские векторы и типологические параметры региональной прессы в моноидеологический период хрущевской «оттепели» 274

Артамонова И. М., Тимофеева К. М. Развлекательный контент как ниша в региональном телевидении Донецкой Народной Республики 277

Артамонова И. М., Якубовская А. Р. Трансляция новой ментальной модели современными СМИ Донбасса 280

Аль-Тури М. С., Безродный В. П. Трансформации мирового информационного пространства 283

Болдырев С. М. Соотношение внешне- и внутриполитической повестки в итоговых выпусках новостей федеральных российских телеканалов 286

Гудова Т. В. Консолидирующий вектор развития радиовещания Донецкой Народной Республики 288

Давшан И. И., Некрасова М. Е. Современные вызовы и тренды в журналистике, бренд-журналистике и медиакоммуникациях 290

Жолдасбаева Б. А., Марзияев Ж. К. Подкаст как новый формат журналистики (на примере анализа журналистики Каракалпакстана) 294

Каика Н. Е., Михеенко В. С. Региональная специфика социальной повестки на телевидении 297

Канхуш Джалал Трансформация сирийских СМИ в условиях политических и социальных кризисов 301

Коханая О. Е. Общественно значимый интерес и фейковые новости 304

Лягунова С. В., Павловская О. Е. Средства репрезентации авторских интенций в спортивном комментарии 307

Москаленко Н. М. Структурирование времени и инфоповоды в СМИ 310

Москаленко Н. М. Журналистика и новые платформы в эпоху цифровизации 313

Наливайко Ю. Ю., Ковешникова В. А. Отражение социальной проблематики на региональном телеканале «Оплот ТВ»: анализ медийного пространства и общественного восприятия 316

Палуанова Г. А. Формирование арт-журналистики в Каракалпакстане 319

Пердебаева К. Р. Дизайн периодической печати в Каракалпакстане 322

Роенко Н. А. Медиаграмотность как инструмент интеграции и культурной идентичности на исторических территориях 325

Тулупов В. В. Патриотизм как ценностная установка журналиста 328

Турбанова М. В., Чишевич А. И. Лонгриды как жанр цифровой журналистики: анализ структуры и дизайна (на примере проектов «Небо свернется как свиток» и «32 innovations that will change you tomorrow») 330

Фарахшина О. М., Андреева А. В. Особенности интеграции поколения Z в работу редакции делового СМИ 332

Фарахшина О. М., Самойлова К. В. Трансформация кинорубрики в студенческом СМИ: опыт журнала «РИНХбург» 335

Якель А. О., Грязева А. И. Технологии искусственного интеллекта и трансформация журналистских процессов (на примере российских СМИ) 338

Подсекция 2

Асташенко И. А. Влияние мессенджеров на коммуникацию между властью и гражданами в условиях современных политических и социальных реалий (на примере телеграм-канала Главы Донецкой Народной Республики Дениса Пушилина) 342

Быстрова А. А. Типологические особенности просветительского контента на видеохостинге Rutube 344

Вольская Н. Н. Реализация культурной памяти социума в медиадискурсе 347

Грицай Л. А. Медиаобраз «непарадной Америки» в современном информационном пространстве России (на примере цикла «Америка глазами нелегалов 349

Давшан И. И., Ющук М. И. Социальные медиа как пространство конкуренции традиционной и цифровой журналистики 353

Дорощук Е. С., Мурат А. М. Социоконфликтный дискурс в современном медиаполе: особенности создания 356

Жеребненко А. В. Потенциал ИИ-грамотности в преодолении ограничений информационного разнообразия и социальной поляризации 359

Каика Н. Е., Опарина А. А. Культурный имидж города в цифровом пространстве: актуальные ресурсы и практики формирования 362

Кузьмина М. А. Документальный комикс как медиаформат: лингвовизуальные стратегии репрезентации исторического и социального контента в российских изданиях (2020–2024 гг.) 366

Кухаренко Е. А. Медиаинженерия цивилизационного кода России: особенности потребления контента по теории поколений 368

Лаврухина А. С., Газизов Р. Р. Своеобразие telegram-аккаунтов журналов «Вокруг света» и Techinsider 371

Левкович В. А. Медиаобразование как инструмент борьбы с фейковой информацией в сети 373

Наливайко Ю. Ю. Медиатопики в Telegram как репрезентаторы современного медиатекста 377

Тамерьян М. А., Бабочиева М. Л. Инновационные форматы коммуникации в российских медиа 380

Телепина К. А., Чишевич А. И. Эволюция и будущее студий подкастов: технологии, экономика и управление контентом 383

Шестерина А. М. Театр в зеркале сетевого видеоконтента 385

Щукина А. В., Ерохина Т. И. Культура отмены в политико-философском дискурсе: медиаобраз Дональда Трампа 388

Военная журналистика в России: опыт с передовой и передовой опыт

Артамонова И. М., Ткаченко М. Р. Документальное кино как эффективное жанровое решение для освещения СВО: эволюция подходов и приёмов (на примере проектов RTД) 392

Байбатырова Н. М. Милитаризация современного российского медиадискурса как коммуникативная тактика 395

Безродный В. П., Федотов К. В. Информационная война между Россией и Западом на современном этапе 398

Давшан И. И., Курган Л. О. Специфика современной военной журналистики 401

Гамалий Е. О., Чишевич А. И. Геймификация СМИ в контексте сохранения наследия Великой Отечественной войны 403

Дорощук Е. С. Феномен мобилографии в современном военном дискурсе (на примере военных блогов российских социальных сетей) 406

Каика Н. Е. Смысловые векторы медиакоммуникаций в условиях военно-политического конфликта 409

Мартыненко Е. В., Кургузов Д. А. Военные корреспонденты России: традиции, преемственность, опыт 414

Муха А. В., Петренко Е. В. Военная тематика в материалах литературно-художественного журнала «Дон» 418

Онуприенко К. А. Инфографика о специальной военной операции в современных российских СМИ 421

Павлова О. А. Медиатизация современного западного политического дискурса как фактор эскалации гибридной войны против России 424

Прутцков Г. В. Гендерные аспекты в военной журналистике: опыт женщин-корреспондентов в России и международные параллели 427

Распутная Л. И. Тематика патриотизма и служения Отечеству в современной региональной журналистике: задачи и перспективы 429

Струговец В. М. Логика против дезинформации: методика обучения журналистов выявлению fake-news в СМИ 433

Фомин А. А. Журналисты, работающие в зоне СВО: обоснование необходимости наделения статусом участника боевых действий (УБД) 436

Христенко К. М. Информационно-психологический инструментарий когнитивного воздействия в украинском конфликте 439

Чайка О. С. Аксиологический потенциал документального военного кино о Донбассе как инструмент формирования коллективной идентичности 442

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
X Международной научной конференции,
посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра,
5–7 ноября 2025 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки *А. Ю. Гурина*
Технический редактор *М. В. Фоменко*
Компьютерная верстка *А. С. Бурляй*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2025 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 26,3.
Тираж 50 экз. Заказ № 25окт121/4а.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru